

Евразийский юридический журнал

№ 1 (80) 2015

Редакционный совет

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камиль Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья Верховного Суда Российской Федерации в отставке

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

БЫСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева – РГАУ-МСХА)

ВАПЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГАРЕЕВ Эдуард Сагидуллович, к.ф.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской Ассоциации международного права

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАПЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Евразийское Экономическое сообщество, г. Санкт-Петербург)

МУХАМЕТШИН Фим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова – РЭА)

ТОЛСТОПЯТЕНКО Геннадий Петрович, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),
Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья. Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы сновные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

© Евразийский юридический журнал, 2015

Подписано в печать 14.02.2015
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Гарева А. Р.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
e-mail: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
http://www.eurasialaw.ru,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Eurasian law journal

№ 1 (80) 2015

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH IGOR MIKHAILOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV KAMIL ABDULOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE ASLAN HUSEYNOVICH, Dr of Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

BATKHIEV RASHID HUSEJNOVICH, Dr of Law (candidate), judge of the Supreme Court of the Russian Federation in retirement

BIRYUKOV PAVEL NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO VICTOR NIKOLAEVICH, Dr of Philosophical Sciences, Professor (Bashkir State Pedagogical University of M. Akmulla, Ufa)

BURENINA IRINA VALERYEVNA, Dr of Economical Sciences, Professor (Ufa State Petroleum Technical University)

BYSTROV GRIGORY EFIMOVICH, Dr of Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH, Dr of Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV ZUFAR MAKSUMOVICH, Dr of Law, Professor (University of Administration «TISBI», Kazan)

GAREYEV EDUARD SAGIDULLOVICH, Dr of Philosophical Sciences (candidate), Professor (Ufa State Petroleum Technical University)

GRACHEVA ELENA JUREVNA, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

ISMAILOV SHAUKAT MAKHMUDOVICH, Dr of Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHAYKIN MARK MIKHAYLOVICH, Dr of Economical Sciences (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KRIVENKY ALEXANDER IVANOVICH, Dr of Historical Sciences, Professor (Moscow City Pedagogical University)

KOCHARYAN VIGEN VLADIMIROVICH, Dr of Law (candidate), Associate professor (Yerevan State University)

KORBUT LEUDMILA VASILIEVNA, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law

KOCHARYAN VIGEN VLADIMIROVICH, Dr of Law (candidate), Associate professor (Yerevan State University)

LUKOV VALERY ANDREEVICH, Dr of Philosophical Sciences, Professor (Moscow University for the Humanities)

MALEEV YURY NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

MAULENOV KASIM SYRBAEVICH, Dr of Law, Professor (International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan)

MISHALCHENKO YURY VLADIMIROVICH, Dr of Law, Dr of Economical Sciences, Professor (Eurasian Economic Community, Saint-Petersburg)

MUKHAMETSHIN FAIM BAYAZITOVICH, Dr of Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF)

NECHEVIN DMITRIY KONSTANTINOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN RISHAT VAKHIDOVICH, Dr of Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF)

ROMANOVSKAYA VERA BORISOVNA, Dr of Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SHUVANOV STANISLAV ALEKSANDROVICH, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINYUKOV VLADIMIR NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV ASYLBEK YARYMOWICH, Dr of Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

TITOV VADIM ALEKSANDROVICH, Dr of Philosophical Sciences, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

TOLSTOPJATENKO GENNADY PETROVICH, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

VALEEV REVOL MIRGALIMOVICH, Dr of Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV OLEG ALEKSANDROVICH, Dr of Law, Dr of Economical Sciences, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published.

Published since October 2007. Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

© Eurasian law journal, 2015

Signed for printing 14.02.2015
Format 62x84 1/8. Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –
Farkhutdinov D.I.

Desktop publishing –
Gareyev A.R.

Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

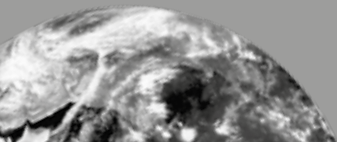
e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<http://www.eurasialaw.ru>,

www.eurasialegal.info

www.eurasia-allnews.ru

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.

научный редактор:

ДЗЮБА Ирина Валерьевна

литературный редактор:

ВИНОГРАДОВА Юнис Александровна

технический редактор:

ГАРЕЕВ Артур Рустемович

ВЫСТОРОБЕЦ Евгений Анатольевич, к.ю.н., доцент

ГУСЕЙНОВ Октай Рамазанович, к.ю.н., доцент

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИЗМАЙЛОВА Евгения Николаевна, к.п.н., доцент

КОННОВА Елена Владимировна, к.ю.н., с.н.с.

КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.

ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна, к.ю.н., доцент,

представитель ЕврАзЮж в г. Тирасполе

МУРЗАГИЛЬДИН Наиль Таштимерович

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, к.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, к.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ТРАПЕЗНИКОВ Валерий Анатольевич, к.ю.н.

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельсламович, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат *Фархутдинову И. З.*

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович

(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH, Dr of Law

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV ALEXANDER MIKHAYLOVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

deputy Editor-in-Chief

BONDARENKO ALEXANDR VIKTOROVICH, Dr of Philosophical sciences (candidate), Associate Professor

executive editor:

LUKIYANOV MIKHAIL YUREVICH, Dr of Political Sciences (candidate)

scientific editor:

DZYUBA IRINA VALERIEVNA

literary editor:

VINOGRADOVA IUNIS ALEKSANDROVNA

technical editor:

GAREYEV ARTHUR RUSTEMOVICH

WYSTOROBETS EUGENE ANATOLIEVICH, Dr of Law (candidate),

HUSEYNOV OKTAY RAMAZANOVICH, Dr of Law (candidate)

ZHURAVLENKO NIKOLAY IVANOVICH, Dr of Law (candidate)

IZMAILOVA EVGENIYA NIKOLAEVNA, Dr of Pedagogical sciences (candidate),

Associate Professor

KONNOVA ELENA VLADIMIROVNA, Dr of Law (candidate), Senior Researcher

KOPYLOV STANISLAV MIKHAILOVICH, Dr of Law (candidate)

LYSENKO VLADLENA VLADIMIROVNA, Dr of Law (candidate), Associate Professor,

representative of ELJ in Tiraspol

MURZAGILDIN NAIL TASHTIMIROVICH

OSTAPOVICH IGOR YURYEVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

PANCHENKO VLADISLAV YURYEVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

SAFRONOV KONSTANTIN YURYEVICH

TAKMAKOVA ELENA VALERJEVNA, Dr (Candidate) of Economical Sciences,

Associate Professor

TRAPEZNIKOV VALERY ANATOLIEVICH, Dr of Law (candidate)

FAIZULLIN GAIJAZ GABDELISLAMOVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV DINAR INSUROVICH

The project and its implementation are the work of *Farkhutdinov I. Z.*

Founder:

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH

(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

<i>Юридическому образованию в РУДН – 55 лет!</i> <i>Интервью с директором Юридического</i> <i>института Российского университета дружбы</i> <i>народов О. А. Ястребовым.....</i>	8
---	----------

СОБЫТИЕ

БРИКС – 2015 в Уфе. <i>Российская служба мира на приеме Посла</i> <i>Бразилии Антонио Жозе Валлим Герейро.....</i>	16
2015 – ЕврАзЮЖ объявляет годом Арктики <i>Предисловие редакции.....</i>	18
Жудро И. С. <i>Сравнительный анализ актуальных подходов к решению</i> <i>проблемы международно-правового закрепления границ</i> <i>континентального шельфа России в Арктике.....</i>	19

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Боклан Д. С. <i>Охрана окружающей среды в контексте</i> <i>евразийской экономической интеграции</i> <i>(международно-правовой аспект).....</i>	25
--	-----------

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Иванов Э. А. <i>Правовое регулирование антикоррупционного</i> <i>комплаенс-контроля в странах БРИКС.....</i>	29
Гусейнов О. Р. <i>Международная экономическая интеграция</i> <i>в сфере международного права.....</i>	34
Биарджоманди Х. <i>Применение принципов международного космического</i> <i>права Исламской Республикой Иран.....</i>	38
Гиляева Д. Р. <i>Взаимодействие норм международного и национального</i> <i>права в сфере охраны экологических прав коренных</i> <i>малочисленных народов Российской Федерации.....</i>	41
Хусаинова М. В. <i>Судебное толкование и элементы</i> <i>правотворчества в деятельности</i> <i>конституционных судов в России и Германии.....</i>	47
Шакиров И. Я. <i>Турция и США в политико-правовом пространстве</i> <i>Центральной Азии: международно-правовой аспект.....</i>	52

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Бисултанов А. К. <i>Национальная гвардия Украины через призму</i> <i>международного гуманитарного права.....</i>	61
Мартыненко Е. В. <i>Лица и объекты, пользующиеся особой</i> <i>защитой в соответствии с международным</i> <i>гуманитарным правом.....</i>	65

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Клёмин А. В. <i>Европейский декор или имиджевая лексика ЕС.....</i>	68
---	-----------

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Лукьяненко В. Е. <i>Российское законодательство в сфере</i> <i>экспортно-импортных операций с сельскохозяйственными</i> <i>товарами в условиях действия западных санкций.....</i>	75
Бикмаметова Р. Р. <i>Практика применения общих исключений ГАТТ</i> <i>к обязательствам, предусмотренным протоколом</i> <i>о присоединении к соглашению о создании ВТО.....</i>	79

Кадышева О. В.

<i>Применение положений соглашений</i> <i>Всемирной Торговой Организации российскими</i> <i>судами: обзор арбитражной практики.....</i>	85
---	-----------

ПРАВО СТРАН СНГ

Манин С. Н. <i>Концепция демократического государства</i> <i>в трудах академика Г. С. Сапаргалиева.....</i>	91
Рахматулаев А. А. <i>Уголовная ответственность</i> <i>за злоупотребление полномочиями</i> <i>по законодательству Республики Казахстан.....</i>	95
Нематов А. Р., Гоибова М. А. <i>Роль профсоюзов Республики Таджикистан в развитии</i> <i>и осуществлении социального законодательства.....</i>	100

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Мажд Хаддад <i>Ответственность акционерного общества</i> <i>(на примере банка) в сирийском законодательстве.....</i>	103
---	------------

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Софронова Т. В. <i>Государственно-правовое регулирование отношений</i> <i>в сфере инвалидности по указам Петра Великого.....</i>	108
Габдрахманов Ф. В. <i>Последствия судимости в законодательных</i> <i>актах дореволюционной России (по материалам</i> <i>амнистии временного правительства).....</i>	111
Азнагулова Г. М. <i>Развитие идеи гражданского общества в западной</i> <i>политико-правовой мысли XVI–XX вв.....</i>	113
Остроумов С. В., Остроумов Н. В., Романовская В. Б. <i>Идейно-политические и правовые</i> <i>течения в Англии XIX века.....</i>	116
Курзенин Э. Б. <i>Роль профессоров права в развитии политико-</i> <i>правовой мысли в Европе Нового Времени.....</i>	119
Нагиев Г. Г. <i>О некоторых аспектах политико-правовых</i> <i>воззрений Аль-Фараби.....</i>	121
Безносова Я. В. <i>Источники нормативного регулирования</i> <i>общественных отношений в Древней Индии.....</i>	125

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Айвазян В. Н. <i>Конституционализм и базовый системный</i> <i>конфликт структурной целостности</i> <i>конституционно-правового регулирования.....</i>	128
Кича М. В. <i>Обычай в правовых системах латиноамериканской,</i> <i>африканской и дальневосточной подгрупп</i> <i>романо-германской правовой семьи.....</i>	133
Деменишин А. В. <i>Роль обязательности в обеспечении права.....</i>	136
Клячин В. М. <i>Теоретические подходы к классификации объектов</i> <i>атомной энергетики как объектов правоохранительной</i> <i>деятельности в условиях катастроф.....</i>	138

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Кротов А. В. <i>Право на нетрадиционные сексуальные отношения как</i> <i>составная часть института права на частную жизнь.</i> <i>Правовое регулирование в России и за рубежом.....</i>	143
---	------------

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Посулихина Н. С.

Виды административных процедур лицензирования медицинской деятельности.....	148
Давыдова И. А., Коробова И. Н.	
Правоотношения при осуществлении контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания: отдельные аспекты.....	154

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Иксанов Т. А., Руднева Ю. Р.

Правовое сопровождение в системе внутрикорпоративного финансового контроля.....	157
---	-----

СТРАХОВОЕ ПРАВО

Казачковская Н. А., Гареева З. А.

Становление государственного контроля страховой деятельности в России.....	159
--	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Бабичев А. Г.

Наказание в отечественном уголовном праве за убийство, совершенное в состоянии аффекта.....	161
Лядов Э. В.	

Особенности применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, к несовершеннолетним.....	163
Мамакина В. М.	

Сравнительный анализ ответственности за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава по уголовному законодательству РФ и зарубежных стран сквозь призму законодательной техники и дифференциации ответственности.....	167
Третьяков К. В.	

Некоторые вопросы разграничения мошенничества и отношений гражданско-правового характера.....	172
---	-----

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Шахбанова Х. М.

Реабилитация как форма возмещения вреда в уголовном процессе.....	176
Зверев А. В.	

Принятие управленческого решения как элемент организационного механизма реализации правового статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы.....	179
Филиппов Р. А.	

Категории норм уголовно-исполнительного права, предусматривающих учет личностных особенностей осужденных при исполнении лишения свободы.....	181
Сенатова Е. В.	

К вопросу о совершенствовании административно-правового регулирования запретов и ограничений для сотрудников уголовно-исполнительной системы.....	183
---	-----

СУДОПРОИЗВОДСТВО

Игбаева Г. Р., Шакирова З. Р.

Досудебные неюрисдикционные процедуры урегулирования споров и медиация.....	185
---	-----

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Винникова И. В.

Современные принципы банковского надзора в Российской Федерации.....	187
--	-----

Волков А. А., Зайцев А. Г.

Институционально-правовое регулирование в системе регионального маркетинга в целях минимизации риска оппортунистического поведения рыночных агентов.....	191
Такмакова Е. В.	

Формирование нормативно – правовой базы государственной социальной стандартизации в России.....	194
Тимофеев Е. А.	

«Law and economics» как перспективное направление мультидисциплинарных исследований.....	196
Фирсова О. Н.	

Экономические закономерности участия домохозяйств в коллективном инвестировании.....	199
Хайруллин В. А., Клявлиня Я. М.	

Экономико-правовое развитие рыночных механизмов в России.....	202
Шакирова Э. В.	

Экономико-правовое регулирование рынка деривативов в Российской Федерации.....	204
--	-----

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Вильданова В. Ф., Заглядина О. Н.

Подготовка бакалавров по направлению «педагогическое образование» в условиях новых образовательных стандартов (на примере БГПУ имени Акмуллы).....	207
Альмухаметов А. А., Исакова Г. И.	

Заочное обучение: реализация права на образование работающих граждан.....	209
Теплякова А. В.	

Роль правового образования студентов «неюрисстов» в охране их прав и свобод.....	211
Хачатрян О. А.	

Основные требования к качеству человеческого капитала персонала сферы образования в современной России.....	214
---	-----

ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО

Бондаренко В. Н.

О взаимодействии философской метафизики и права (статья первая).....	216
Бугера В. Е., Кадырова Г. Ф.	

Индивидуальная и коллективная типология личности: этико-философские и правовые вопросы.....	220
Неганов Ф. М., Хазиев З. А.	

Обоснование права и нравственности в философии Гегеля: онтологический и антропологический аспекты.....	223
--	-----

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Хайруллина Н. Г.

Развитие институтов гражданского общества: оценки и мнения тюменцев.....	226
--	-----

РЕЦЕНЗИЯ

Авхадеев В. Р.

Рецензия на книгу Купряшкина Ю. В., Сивакова Д. О. «Арктика в вопросах и ответах: научно-практическое пособие. - М.: Диэмэйджи принт, 2014. - 316 с.....	229
Салиева Р. Н., Фаткудинов З. М.	

Рецензия на монографию П. Г. Лахно «Энергетическое право Российской Федерации: становление и развитие». М.: Издательство Московского университета, 2014. — 480 с. (серия «энергетика и право»).....	232
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	237
-----------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	238
--------------------------	-----

PERSONA GRATA

- Legal education in the PFUR – 55 years!**
Interview with the Director of Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia O. A. Yastrebov.....8

EVENT

- BRICS – 2015 in Ufa.**
Russian world service at the reception the Ambassador of Brazil Antonio José Vallim Guerreiro..... 16
- 2015 – EurAsLJ announces the year of the Arctic**
The editors foreword..... 18
- Zhudro I. S.**
Comparative analysis of the current approach to the problem of international legal confirmation of Russia's continental shelf boundary in the Arctic..... 19

EURASIAN INTEGRATION

- Boklan D. S.**
Environmental protection in the context of Eurasian economic integration (international legal aspect).....25

INTERNATIONAL LAW

- Ivanov E. A.**
Legal regulation of anti-corruption compliance control in BRICS countries.....29
- Huseynov O. R.**
International economic integration in the area of international law.....34
- Biarjomandi H.**
Application of the principles of international space law of the Islamic Republic of Iran.....38
- Gilyazeva D. R.**
International and domestic law interaction in the field of environmental rights protection of Russian indigenous minority people.....41
- Khusainova M. V.**
Judicial interpretation and elements of law-making in the activities of constitutional courts in Russia and Germany.....47
- Shakirov I. Ya.**
Turkey and the USA in the political and legal space of Central Asia: international legal aspect.....52

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

- Bisultanov A. K.**
The national guard of Ukraine through international humanitarian law.....61
- Martynenko E. V.**
Persons and objects that enjoy special protection in accordance with international humanitarian law.....65

EUROPEAN LAW

- Klemin A. V.**
European decor or EU image vocabulary.....68

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- Lukyanenko V. E.**
The Russian legislation in the field of export-import operations with agricultural goods under western sanctions.....75
- Bikmametova R. R.**
Practice of invoking the general exceptions of the GATT to the obligations arising from a protocol of accession to the WTO agreement.....79

- Kadysheva O. V.**
Application of provisions of WTO agreements by Russian courts: review of arbitration practice.....85

LAW OF THE CIS COUNTRIES

- Manin S. N.**
Concept of a democratic state in works by academician G. S. Sapargaliev.....91
- Rakhmatulayev A. A.**
Criminal liability for abuse of power under the legislation of the Republic of Kazakhstan.....195
- Nematov A. R., Goibova M. A.**
The role of the trade unions of the republic of Tajikistan in the development and implementation of social legislation.....100

LAW OF FOREIGN COUNTRIES

- Majd Haddad**
The responsibility of the company (by the example of a bank) in the Syrian legislation.....103

HISTORY OF STATE AND LAW

- Sofronova T. V.**
State and legal regulation of the relationships in invalidity sphere according to decrees of peter the great.....108
- Gabdrakhmanov F. V.**
Consequences of criminal record in the regulatory acts of pre-revolutionary Russia (adapted from the amnesty declared by provisional government).....111
- Aznagulova G. M.**
Development of the idea of civil society in the western political and legal thought in XVI–XX centuries.....113
- Ostroumov S. V., Ostroumov N. V., Romanovskaya V. B.**
Ideological, political and legal trends in England in the 19th century.....116
- Kurzenin E. B.**
The role of law professors in the development of political and legal thought in modern Europe.....119
- Nagiev G. G.**
On some aspects of legal and political views of Al-Farabi.....121
- Beznosova Ya. V.**
The sources of statutory regulation of social relations in Ancient India.....125

THEORY OF STATE AND LAW

- Ayvazyan V. N.**
Constitutionalism and basic systemic conflict of structural integrity of constitutional-legal regulation.....128
- Kicha M. V.**
Custom in the legal systems of Latin American, African and Far Eastern subgroups of romano-germanic legal family.....133
- Demenishin A. V.**
Role of obligation in law ensuring.....136
- Klyachin V. M.**
Nuclear energy as objects of law enforcement activity in conditions of disaster.....138

CIVIL LAW

- Krotov A. V.**
The right to non-traditional sexual relations as an integral part of the institute of the right to privacy. Legal regulation in Russia and abroad.....143

ADMINISTRATIVE LAW

Posulikhina N. S.

The types of administrative procedures for medical activity licensing..... 148

Davydova I. A., Korobova I. N.

Relations during the implementation of control for institutions and bodies, carrying out the sentence: some aspects..... 154

FINANCIAL LAW

Ixanov T. A., Rudneva Yu. R.

Legal support in the system of internal controls..... 157

INSURANCE LAW

Kazachkovskaya N. A., Gareeva Z. A.

The formation of the state supervision of insurance activities in Russia..... 159

CRIMINAL LAW

Babichev A. G.

Punishment in domestic criminal law for a murder committed in the heat of passion..... 161

Lyadov E. V.

Features of the application of punishments not connected with isolation from society to minors..... 163

Mamakina V. M.

The comparative analysis of responsibility for slander concerning the judge, the juror, the prosecutor, the investigator, the person making inquiry, the bailiff by the criminal legislation of the Russian Federation and foreign countries through a prism of legislative technique and differentiation of responsibility..... 167

Tretyakov K. V.

Some questions of delineation of fraud and civil legal relations..... 172

CRIMINAL PROCESS

Shakhbanova Kh. M.

Rehabilitation as indemnification form in criminal trial..... 176

Zverev A. V.

Management decision-making as an element of organizational mechanism for implementation of legal status of employees of the correctional system..... 179

Filippov R. A.

Categories of norms of criminal executive law envisaging personal features of convicted in execution of imprisonment..... 181

Senatova E. V.

On improvement of administrative and legal regulation of prohibitions and restrictions for penal system employees..... 183

JUDICIARY

Igbaeva G. R., Shakirova Z. R.

Pre-trial non-jurisdictional settlement of the disputes and mediation..... 185

ECONOMICS AND LAW

Vinnikova I. V.

Modern banking supervision principles in the Russian Federation..... 187

Volkov A. A., Zaitsev A. G.

Institutional and legal regulation in the system of regional marketing for the purposes of minimizing the risk of market agents' opportunistic behavior..... 191

Takmakova E. V.

Formation of normative and legal base for state social standardization in Russia..... 194

Timofeev E. A.

Law and economics as the perspective multidisciplinary research movement..... 196

Firsova O. N.

Economic patterns of participation of households in collective investment..... 199

Khayrullin V. A., Klyavlina Ya. M.

Economy and legal development of market mechanisms in Russia..... 202

Shakirova E. V.

Economic-legal regulation of the market of derivatives in the Russian Federation..... 204

LAW AND EDUCATION

Vildanova V. F., Zaglyadina O. N.

Bachelors training with major in education based on new educational standards at Bashkir State Pedagogical University named after M. Akhmulla..... 207

Almukhametov A. A., Iskhakova G. I.

Correspondence education: enforcement of the right for education of working citizens..... 209

Teplyakova A. V.

The role of legal education of non-law students in the protection of their rights and freedoms..... 211

Khachatryan O. A.

Basic requirements for the human capital quality of educational staff in modern Russia..... 214

PHILOSOPHY AND LAW

Bondarenko V. N.

On the interaction of philosophical metaphysics and law (article one)..... 216

Bugera V. E., Kadyrova G. F.

Individual and collective typology of personality: ethico-philosophical and legal issues..... 220

Neganov F. V., Haziev Z. A.

Justification of law and morality in Hegel's philosophy: ontological and anthropological aspects..... 223

CIVIL SOCIETY

Khairullina N. G.

Development of civil society: estimates and opinions of Tyumen citizens..... 226

REVIEW

Avkhadeev V. R.

Book review: Kupryashkin Yu. V., Sivakov D. O. Arctic and law in questions and answers: scientific and practical manual. — M.: DMG print, 2014. — 316 p..... 229

Salieva R. N., Fatkitdinov Z. M.

Review of P. G. Lakhno's monograph «Energy law of the Russian Federation: formation and development». M.: Edition of Moscow University, 2014. — 480 p. (series «energy and the right»)..... 232

INFORMATION FOR AUTHORS..... 237

ABOUT THE AUTHORS..... 238

Юридическому образованию в РУДН — 55 лет!

Интервью с директором Юридического института Российского университета дружбы народов О. А. Ястребовым

Legal education in the PFUR — 55 years!

Interview with the Director of Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia O. A. Yastrebov

Ястребов О. А.

Визитная карточка:

Ястребов Олег Александрович — директор Юридического института РУДН, доктор юридических и экономических наук, профессор, эксперт ВАК по юридическим наукам, заведующий кафедрой административного и финансового права, выпускник Российского университета дружбы народов 2004 г.

Олег Александрович родился 24 марта 1981 г. в г. Железногорске, Красноярский край. В 1998 г. окончил Московское Суворовское военное училище. Это помогло ему развить такие важные качества, как честность, принципиальность, твердость характера и силу духа.

Выбирая университет, Олег Александрович остановил свой выбор на Российском университете дружбы народов. Еще в Суворовском военном училище его интересовала зарубежная история и многообразие культур. РУДН стал именно тем местом, в котором можно было получить достойное образование и общение с интернациональным коллективом. Поступив на факультет гуманитарных и социальных наук, Олег Александрович параллельно начал учиться на юридическом факультете. В 2004 г. он успешно закончил оба факультета РУДН.

После завершения учебы Олег Александрович не покинул стены родного университета. С 2004 по 2008 г. он являлся старшим преподавателем кафедры административного права юридического факультета РУДН.

В 2007 г. под руководством доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Александра Борисовича Зеленцова он защитил диссертацию на соискание степени кандидата юридических наук на тему: «Государственное унитарное предприятие как субъект административного права» по специальности 12.00.14 — административное право, финансовое право, информационное право.

В 2010 г. Олег Александрович защитил диссертацию на соискание степени доктора юридических наук на тему: «Юридическое лицо публичного права: сравнительно-правовое исследование» по специальности 12.00.14 — административное право, финансовое право, информационное право. Таким образом, Олег Александрович вошел в число самых молодых докторов юридических наук в России.

С 2011 г. — профессор кафедры административного права юридического факультета РУДН. В начале 2012 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему «Организационно-экономический механизм реализации инвестиционно-строительных проектов на основе государственно-частного партнерства». И с 1 сентября 2012 г. возглавил кафедру административного и финансового права.

С 2013 г. Олег Александрович Ястребов избран членом экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по юридическим наукам.

Автор более 200 научных публикаций, в том числе таких монографий, как: «Государственное унитарное предприятие как субъект публичного права», «Юридическое лицо публичного права. Концептуальные основы общей теории», «Некоммерческие организации как субъекты публичного права» и др.

Кроме серьезных профессиональных успехов, Олег Александрович уделяет должное внимание активному образу жизни. Уже 6 лет он занимается альпинизмом, является членом клуба «Семь вершин». Также Олег Александрович увлекается серфингом, кайтсерфингом, парусным спортом и хоккеем. В конце 2014 г. О. А. Ястребов был избран на должность директора Юридического института РУДН.

Олег Александрович — пример человека, который имеет замечательную семью и любимую работу, еще раз доказывая тот факт, что тот, кто уверенно идет к достижению поставленных целей, добивается большего!

Российский университет дружбы народов — исключительное место, в котором уже 55 лет сохраняется дух добра, уважения, дружбы, взаимопонимания, формируется культ высокого профессионализма. РУДН — лидер среди всех российских вузов как по количеству магистерских программ на английском языке (их более 30), так и по совместным магистерским программам (более 100) с ведущими университетами мира, что позволяет студентам одновременно получать два диплома: РУДН и одного из 106 вузов-партнеров.

В мировом рейтинге вузов Quacquarelli Symonds РУДН входит в ТОП-500 университетов мира, в ТОП-100 университетов стран БРИКС, занимает седьмое место в рейтинге вузов стран России, СНГ и Балтии. А по критерию «интернационализации» РУДН не имеет равных: здесь ежегодно учатся студенты более чем из 140 стран мира. Нам действительно следует гордиться, что в России есть такой, ни на один другой не похожий, интернациональный Университет.

**Ректор РУДН, академик РАО, председатель ВАК В.М. Филиппов
и директор Юридического института РУДН, д.ю.н., д.э.н., профессор, эксперт ВАК О.А. Ястребов**

Начиная с исторической даты — 5 февраля 1960 г. — предстояло осуществить поистине значимые задачи превращения уникального высшего учебного заведения в крупный международный учебный и научный центр, каковым сегодня и является наш РУДН. 1 сентября 1961 г. начались первые занятия на шести основных факультетах: медицинском, физико-математических и естественных наук, инженерном, сельскохозяйственном, историко-филологическом и экономики и права, имевшем два отделения: экономическое и юридическое. На юридическом отделении осуществлялась подготовка специалистов по международному праву. В 1995 г. факультет экономики и права был преобразован в два факультета: юридический и экономический. Главной задачей юридического факультета всегда являлась подготовка высококвалифицированных национальных кадров — юристов, для независимых государств Азии, Африки и Латинской Америки. В 2014 г. юридический факультет был преобразован в Юридический институт. За более чем полвека своего существования юридический факультет, а на сегодня — Институт выпустил около четырех тысяч выпускников. Олег Александрович Ястребов,

директор Юридического института РУДН, рассказал о важных и значимых шагах, повлиявших на успешные результаты Юридического института РУДН.

— Если вернуться на 55 лет назад, то что из себя представлял факультет экономики и права?

— Первым деканом нашего факультета был юрист — доктор юридических наук, профессор А. Ф. Шебанов, который возглавил первую кафедру факультета — кафедру теории и истории государства и права. В течение первого десятилетия в основном сложился научно-педагогический коллектив юридического отделения и его учебная структура. Кадры факультета пополнялись за счет ведущих специалистов по праву из МГУ им. М. В. Ломоносова и других передовых учебных и научно-исследовательских центров Москвы. К началу 70-х годов XX в. на факультете функционировало три кафедры юридического отделения: теории и истории государства и права, гражданского и уголовного права и международного права. Также в 70-е годы стала формироваться оригинальная научно-педагогическая школа, в основу которой было положено международное право и сравнительное правоведение.

На торжественном собрании в Колонном зале Дома союзов, посвященном открытию университета, Никита Хрущев лично продемонстрировал, как должны дружить народы

— А что изменилось после того, как в 1995 г. решением Ученого совета Университета факультет экономики и права был реорганизован путем преобразования на два самостоятельных факультета: юридический и экономический?

— Первым деканом образованного юридического факультета был избран доктор юридических наук, профессор А. Я. Капустин, который возглавлял факультет до 2010 г. Затем юридическим факультетом руководил до 2014 г. доктор юридических наук, профессор В. Ф. Понька. Если говорить о времени самостоятельного развития факультета, то были достигнуты большие успехи. Количество кафедр факультета увеличили до девяти, открылись очно-заочное и заочное отделения. Благодаря этим изменениям, значительно расширились базы проведения практик студентов, было создано студенческое консультативное бюро, которое способствовало выработке практических навыков работы с клиентами у студентов факультета. В учебный процесс внедрились новые информационные технологии, совершенствовалась методическая и научная работа, а также получили развитие международные связи факультета.

— Работа над совершенствованием Юридического института РУДН продолжается и сегодня?

— В настоящее время институт входит в шестерку лучших учебных заведений г. Москвы, реализующих программы высшего юридического образования, и является ведущим юридическим институтом в сфере реализации бакалаврских программ в России. У нас функционирует лаборатория криминалистики, в аудиториях, оснащенных современным мультимедийным оборудованием, проводятся не только лекционные, но и семинарские занятия, включая и изучение иностранных языков.

В связи с повышением интереса у студентов к международному праву на уровне бакалавриата в рамках специальности «юриспруденция» открыт профиль «Международное право». Учебная программа профиля обеспечивается функционированием в Юридическом институте межвузовского ресурсного центра с технической аппара-

турой, позволяющей читать лекции онлайн из любого региона мира, а также уникальной литературой по международному праву, в том числе на английском и других официальных языках ООН. Одной из оценок высокой степени организации учебного процесса в вузах является международная аккредитация образовательных программ. Наш бакалавриат, профиль «Международное право», магистратура «International protection of human rights» аккредитованы FIBAA (Foundation for International Business Administration Accreditation — международное аккредитационное агентство). Это подчеркивает, что образование в Юридическом институте соответствует европейским и международным образовательным стандартам. Главной задачей Юридического института РУДН на сегодняшний день является подготовка высококвалифицированных специалистов-юристов как для Российской Федерации, так и для зарубежных стран. Образование в нашем Юридическом институте соответствует европейским образовательным стандартам. Сочетание сравнительно-правового и международно-правового подходов к изучению права расширяет кругозор студентов, формирует прочную основу высококвалифицированного специалиста, придает выпускникам-юристам уверенность в завтрашнем дне.

— Юридический институт является одним из наиболее динамично развивающихся институтов РУДН. Сколько существует кафедр и какие успехи в настоящее время на кафедрах Юридического института?

— В институте функционируют 11 специализированных кафедр: теории и истории государства и права, административного и финансового права, гражданского и трудового права, земельного и экологического права, конституционного и муниципального права, международного права, судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, уголовного права и процесса, а также две языковые кафедры — иностранных языков и русского языка. Каждая кафедра, безусловно, по-особенному обучает студентов. Авторитет Юридического института доказывается и тем фактом, что кафедры оказывают научные консультации по запросам министерств и ведомств Российской Федерации. Так, кафедра международного права оказывает консультации Совету Федерации Федерального Собрания, МИД России, Минобрнауки России. Кафедра иностранных языков реализует единственные в Российской Федерации магистерские программы на английском языке по направлению «Лингвистика»: «Юридический перевод», «Переводчик в системе госслужб и учреждений» (совместно с Университетом Алкала де Энарес, Испания). Кафедра административного и финансового права в 2015 г. запускает межфа-

Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, научный руководитель Юридического института Андрей Клишас и член Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Оксана Белоконь (выпускница кафедры международного права РУДН) встретились со студентами Юридического института

культуретскую и междисциплинарную магистерскую программу «Организация государственных закупок и их правовое регулирование» по направлению «Юриспруденция», совместно с институтом прикладных технико-экономических исследований и экспертиз. Этой же кафедрой реализуется магистерская программа «Публичное экономическое право», что позволяет развивать преимущественно практические навыки правоприменения и правотворчества в области публично-правового регулирования как права, так и экономики. Это первая в России программа, рассчитанная на подготовку специалистов по юридическому сопровождению работы предпринимательских структур с государственными и муниципальными органами.

– Какой преподавательский состав Юридического института?

– У нас работают 38 докторов наук, 25 профессоров и 104 кандидата наук. Публикации профессорско-преподавательского состава Юридического института стали входить в базы зарубежного цитирования WoS и Scopus. Также увеличилась публикационная активность студентов Института до 230 публикаций за 2014 г. Наши профессора востребованы по всему миру и в рамках программ обменов читают лекции в различных университетах мира, выступают на международных конференциях, на различных форумах ООН. Так, профессор А. Х. Абашидзе выступал на круглом столе «Защита семьи» в рамках 27-й сессии Совета ООН по правам человека, читал лекции в Венецианском консорциуме по правам человека, Институте по правам человека им. Рене Кассена в Страсбурге, Падуанском университете и т.д. В разное время в институте работали такие видные ученые, как О. А. Жидков, И. П. Блищенко, В. К. Пучинский, Б. С. Волков, П. С. Грацианский, А. С. Пиголкин, Г. П. Жуков, В. С. Верещетин, И. Д. Козочкин. Среди работающих сегодня профессоров можно отметить следующих: В. В. Безбах (доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ), В. А. Карташкин (профессор, заслуженный юрист РФ, эксперт ООН, председатель Комиссии по правам человека при Президенте РФ), заведующий кафедрой русского языка юридического института В. В. Воробьев (профессор, доктор филологических наук, член-корреспондент РАЕН, почетный работник высшего профессионального образования, лауреат Премии Президента РФ 2001 г., лауреат Премии Правительства РФ в области образования 2013 г., основатель такого научного

направления, как «лингвокультурология»). Наши сотрудники совмещают преподавательскую деятельность с практической работой. Так, В. В. Безбах и Е. П. Ермакова — арбитры МКАС при ТПП РФ, Е. П. Ермакова и Е. В. Ситкарева — члены Арбитражной комиссии ICC Russia, С. И. Ковалев — партнер адвокатской группы «Егоров, Афанасьев, Пугинский и партнеры», А. С. Иванов — партнер фирмы «Ivanov, Makarov & Partners», С. В. Одинцов — партнер юридической фирмы «Диалог Права», С. В. Соколова — руководитель отдела правового обеспечения корпоративных проектов «Леруа Мерлен» (Франция), А. Б. Зеленцов — заслуженный юрист РФ, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, А. А. Мамедов — адвокат московской коллегии адвокатов, член Международной ассоциации финансового права, член Центра исследований публичных финансов и налогового права стран Центральной и Восточной Европы, действительный член Российской академии адвокатуры, А. Н. Игнатов — заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, И. Д. Козочкин — Заслуженный работник высшей школы РФ, кандидат юридических наук, профессор, Т. Ф. Миняева — доктор юридических наук, профессор, М. Н. Копылов — профессор, основатель школы международного экологического права РУДН.

– Чему стараются уделять больше всего внимания во время обучения?

– В институте, наряду с российским законодательством и правом, делается серьезный акцент на изучении иных правовых систем мира: англосаксонской и континентальной, включая право стран с развивающейся экономикой. Студенты под руководством преподавателей активно участвуют в международных соревнованиях и конкурсах. В 2014 г. команда Юридического института РУДН приняла участие в XXI Международном студенческом конкурсе по международному торговому праву и международному коммерческому арбитражу (г. Минск), заняв I место в номинации «Лучшая позиция истца» и 2 место в номинации «Лучший оратор». Четыре последних года команда Юридического института под руководством Е. В. Ситкаревой и К. П. Чилингаряна успешно выступает в международном конкурсе по международному коммерческому арбитражу имени В. Виса в Вене. Кроме этого, так как с 1960 г. первоначально обучение осуществлялось по специальности «Международное право», то особое внимание в институте занимает

кафедры международного права. У нее отличный исторический фундамент, благодаря учебной и научной мощи. Студенты, обучающиеся в бакалавриате по профилю «Международное право» и на магистерских программах, могут участвовать во всемирно известных конкурсах по международному праву: Конкурсе по международному праву имени Филипа Джессопа; имитации судебных заседаний по международному космическому праву им. Манфреда Ляхса; Конкурсе по международному праву имени Б. М. Телдерса; Конкурсе по международному гуманитарному праву имени Ф. Ф. Мартенса и др. В 2014 г. впервые в СНГ под эгидой кафедры международного права, Регионального представительства Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в г. Москве и Российского Красного Креста прошла учебная сессия «Модель Генеральной Ассамблеи Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (МФОККиКП)». Между прочим, с 18 по 21 февраля команда Юридического института во второй раз принимает участие в «INC — Russia 2015 International Negotiation Competition» на базе Саратовской государственной академии права. Надеемся на повторение прошлогоднего успеха, когда мы заняли 2-е место, или на лучший результат.

— **Каждый год в институт приходят сотни абитуриентов, желающих поступить в бакалавриат или магистратуру. Получают ли студенты возможность проверять теорию на практике?**

— Безусловно, в рамках обучения в бакалавриате и магистратуре по российским и международным программам будущие юристы задействованы в многочисленной практике. Без этого нельзя стать профессионалом. Поэтому студенты Юридического института проходят практику в Государственной Думе РФ, Совете Федерации РФ, Московской Государственной Думе, прокуратуре г. Москвы, в Высшем Арбитражном суде и судах общей юрисдикции. Благодаря активной работе Студенческого консультативного бюро студенты Юридического института получают опыт работы с населением и представителями органов исполнительной и законодательной властей города Москвы. К тому же в рамках магистратур каждая кафедра организует заключение договоров с профильными организациями для проведения практик. Например, кафедра международного права Юридического института обладает крепкими партнерскими отношениями с МИД России, Минюстом России, Минобрнауки России, Международной организацией космической связи «Интерспутник», Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека, Региональ-

ным представительством Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в России, представительствами международных организаций, аккредитованных в России, Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Мы также специально приглашаем ведущих российских и зарубежных юристов для проведения в институте мастер-классов. На таких мероприятиях у ребят появляется возможность лично узнать волнующие вопросы, связанные с юридической отраслью. Наши существующие практические программы нацелены на то, чтобы будущие юристы получили знания, действительно необходимые для их дальнейшего профессионального роста. Чтобы в профессиональной деятельности они смогли с легкостью реализовывать свои полученные знания и умения, отстаивая свою компетенцию на рынке труда.

— **Получается, что неотъемлемой частью жизни студентов становятся стажировки и участие в международных конференциях?**

— Да, многие студенты института выезжают за рубеж для участия в конференциях и иных мероприятиях в разных странах мира. Были стажировки в Чехии, США, Армении, Венгрии, Франции, КНР, Великобритании и в других странах. Также активно развивается международное сотрудничество Юридического института РУДН с зарубежными вузами-партнерами. В настоящее время действует около 18 соглашений с зарубежными университетами по программе обмена студентами.

— **Можно ли сказать, что именно Юридический институт РУДН первым в России начал подготовку магистров в области юриспруденции?**

— Да, мы начали первыми в России готовить магистров в данной области, ежегодно предоставляя студентам института возможность участвовать в международных программах обмена. Отдельно стоит отметить, что мы начали развивать и межвузовские магистерские программы. Так, магистерская программа «Международная защита прав человека» является единственной, уникальной программой в России по подготовке высококвалифицированных кадров по правам человека. Магистерская программа была открыта в 2009 г. при поддержке Управления Верховного комиссара ООН по правам человека и МИД России. Данная программа реализуется на базе консорциума вузов, председателем которого является РУДН. В рамках магистерской программы на базе кафедры международного права был создан Межвузовский ресурсный центр по правам человека. Ресурсный центр является местом проведения занятий для студентов, обучающихся по данной программе, а также рабочим местом и библиотекой, пред-

ставляющей уникальное собрание литературы на разных языках, охватывающей все области прав человека. Ежегодно магистранты программы проходят летнюю стажировку в Венеции в рамках Венецианского консорциума, а также завершают свое обучение в одном из европейских вузов-партнеров. У нас уже прошли две летние школы по правам человека и две зимние академии по правам человека, которые собирают студентов, аспирантов, преподавателей из многих стран мира. Нельзя не отметить, что выпускники Юридического института РУДН занимают должности премьер-министров, министров, уполномоченных по правам человека, послов, председателей высших судебных органов, прокуроров, являются известными государственными и общественными деятелями. Такие результаты еще раз доказывают, что мы идем по правильному выбранному пути. Но каждый год наш Юридический институт старается еще больше совершенствоваться, так как мы не собираемся останавливаться на достигнутом.

— **Существует ли в Юридическом институте аспирантура?**

— В Юридическом институте открыты 10 специальностей аспирантуры. В отличие от других университетов, в нашей аспирантуре действуют три диссертационных совета, правомочных принимать к защите докторские и кандидатские диссертации. Наши аспиранты проходят стажировки в странах Европы в рамках программы двойного руководства. В наших диссоветах проходят защиты и на английском языке. Например, в марте 2015 г. по специальности 12.00.10 «Международное право, европейское право» состоится защита иранского аспиранта на английском языке.

— **Кого бы Вы хотели выделить из самых успешных выпускников?**

— Наш Юридический институт выпустил огромное количество профессионалов. Приятно узнавать о том, что именно наши выпускники занимают почетные места в солидных международных организациях. Некоторые наши выпускники остаются работать в РУДН, обеспечивая преемственность в преподавании и поддерживая научные школы Университета. Хотелось бы отметить таких выдающихся выпускников, как К. А. Масимов — председатель Правительства Республики Казахстан; В. М. Платонов — председатель Мосгордумы; В. В. Гребенников — заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, доктор юридических наук, профессор, член Высшей квалификационной коллегии судей РФ; А. А. Клишас — председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества; А. Х. Абашидзе — эксперт ООН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам; Бартека Сакаджа — посол Уганды в России; Рубен Мбайе — министр юстиции республики Экваториальная Гвинея.

— **Продолжает ли развиваться Научное студенческое общество Юридического института РУДН?**

— С тех пор как в нашем институте появилось Научное студенческое общество, прошло уже около 10 лет. На данный момент в составе НСО института выделено 3 сектора: организация и проведение конференций, взаимодействие с государственными органами и сектор ролевых игр и имитаций. Участие в НСО позволяет студентам Юридического института РУДН участвовать в международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях. За последние годы студенты Юридического института выиграли большое количество международных и всероссийских научных конференций. В рамках Юридического института РУДН ежегодно проводится 12 научных конференций по различным отраслям права, в которых участвует профессорско-преподавательский состав, аспиранты и студенты из различных регионов России и из зарубежных стран. Деятельность НСО и участие в нем

студентов в настоящее время является неотъемлемой частью научной жизни Юридического института РУДН.

— **Какие приоритетные направления научных исследований в институте?**

— В институте сохраняют преемственность предыдущих поколений научных школ РУДН, в частности, значительная часть правовых исследований в институте носит сравнительно-правовой характер. Особое внимание уделяется праву развивающихся стран, влиянию процессов глобализации на национальное право. Поддерживая инициативы РУДН в области развития системы образования, ученые института рассматривают правовые тенденции в сфере регулирования образовательной деятельности как одну из приоритетных областей научных исследований и фактор гармоничного развития науки и прогресса в Российской Федерации. На базе кафедры международного права созданы научные центры для проведения углубленных исследований: «Международно-правовые проблемы Африки» (African studies) и «Космос и международное право». На базе этих центров проводятся конференции и круглые столы, издаются сборники научных трудов. На кафедре создана единственная в России библиотека по космическому праву имени профессора Г. П. Жукова. Безусловно, реализация приоритетных направлений требует существенных денежных средств, которые наши преподаватели получают в том числе через систему грантов РГНФ, грантов РУДН. Так было с African studies, а теперь кафедра пытается получить финансирование для создания центра по международно-правовым проблемам Латинской Америки.

— **Существуют ли в Юридическом институте самостоятельные центры по реализации программ дополнительного профессионального образования?**

— У нас два таких самостоятельных центра. Первый — Центр дополнительного профессионального образования и второй — Центр инновационно-образовательных проектов и правовых исследований. Еще на кафедре иностранных языков института разработаны различные программы ДПО, краткосрочные курсы для студентов и специалистов, программы повышения квалификации для юристов, переводчиков, преподавателей иностранных языков. Кафедра реализует обучение европейским и восточным языкам в бакалавриате, магистратуре, аспирантуре по направлению «Юриспруденция», обеспечивает подготовку студентов к успешной защите дипломов по юриспруденции на иностранных языках. Кафедра реализует единственные в Российской Федерации магистерские программы на английском языке по направлению «Лингвистика»: «Юридический перевод», «Переводчик в системе госслужб и учреждений».

— **Факультеты и институты Российского университета дружбы народов никогда не стоят на месте. Юридический институт не исключение. В чем плюс преобразования факультета в институт?**

— Ученый совет РУДН и Владимир Михайлович Филиппов приняли решение разделить дирекцию института и ученый совет, чтобы были разные руководители, разные полномочия, цели и задачи. Решили реорганизовать юридический факультет и преобразовать в юридический институт. Плюс этого — академическая автономия, академическая мобильность. Мы сами можем создавать свои учебные планы, можем развивать свои магистерские программы, можем по-другому

«У каждого в жизни должны быть спортивные или творческие успехи...»

подходить к принятию знаний, зачетов у студентов. В 2015 г. мы планируем создать две совместные программы. Первая программа с Пекинским государственным университетом, вторая — с университетом Ниццы. Также планируем развивать магистерские программы на английском языке. У нас с 2012 г. на базе кафедры международного права под руководством профессора А. Х. Абашидзе функционирует магистерская программа «International protection of human rights». Магистерская программа показала себя востребованной, в этом году будет второй выпуск.

— У юридического факультета богатая и многолетняя история. С 1961 г. непрерывно осуществляется научно-образовательная деятельность, соответствующая самым высоким отечественным и зарубежным стандартам. Позволит ли этот фундамент стать институту полноценным и авторитетным членом научно-образовательного сообщества?

— Основной целью создания института является возрождение лучших традиций академического юридического образования. Приоритетными задачами института являются развитие научно-образовательной базы вуза, а также укрепление позиций и реализация мощнейшего потенциала отечественной юридической школы. Научным руководителем института является выпускник РУДН, доктор юридических наук, профессор, председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества Андрей Александрович Клишас, который обладает богатым преподавательским, научным и управленческим опытом. А. А. Клишас будет работать на условиях совместительства, оставаясь на основной должности в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Если говорить о профессорско-преподавательском составе факультета, то он в полном составе продолжит работу в Институте, что в комплексе с новой организационной структурой позволит дать импульс развитию новых научных и образовательных направлений, сохранив и преумножив лучшие традиции факультета. А все студенты, проходящие обучение и ведущие научную работу на юридическом факультете РУДН, будут автоматически переведены в Юридический институт Российского университета дружбы народов, где они смогут продолжить свое обучение или научную деятельность по тем же специальностям и направлениям, без потери уровня подготовки и без изменения условий оплаты обучения. Таким образом, каких-то проблем

или особых изменений в организации учебного процесса не возникает. Но при этом появляются огромные возможности для нашего нового прогресса!

— Расскажите, пожалуйста, об успехах в науке у преподавателей и студентов Института.

— Большим достижением Института является проведение так называемых «именных» конференций в честь великих ученых: «Волковские чтения» по уголовному праву памяти профессора Б. С. Волкова, «Жидковские чтения» по истории и теории права памяти профессора О. А. Жидкова, ежегодная конференция по гражданскому праву памяти профессора В. К. Пучинского и «Блищенковские чтения» по международному праву памяти профессора И. П. Блищенко. Так, кафедра международного права в этом году будет проводить уже 13-е «Блищенковские чтения», которые из внутривузовской конференции выросли в международную конференцию, а с 2015 г. получили статус международного конгресса. На них традиционно присутствует более 400 участников, в том числе зарубежные ученые-правоведы, эксперты ООН, заведующие кафедрами международного права ведущих вузов страны, представители международных организаций, аккредитованных в Москве, Министерства иностранных дел РФ, Министерства юстиции РФ, институтов системы РАН. Наши студенты становятся лауреатами премий им. В. Ф. Станиса, им. С. В. Румянцева, им. И. П. Блищенко, им. А. А. Собчака, Правительства РФ, Президента РФ.

— Кроме хороших результатов в учебе и работе, для каждого человека важно разностороннее развитие. Получается ли в Юридическом институте достигать успехов не только на профессиональном поприще?

— Мы всегда пропагандируем здоровый образ жизни совместно с Физкультурно-оздоровительным комплексом в РУДН. Поэтому регулярно принимаем активное участие в спортивной жизни университета. Владимир Михайлович Филиппов постоянно оказывает поддержку развитию спорта в нашем университете, как среди студентов, так и среди профессорско-преподавательского состава. Я сам занимаюсь альпинизмом. Хотя это не самый безопасный вид спорта, но если тянет в горы, то уже не в силах отказаться. В 2012 г. ездил на лыжах на южный и северный полюса. А летом 2013 г. я вместе с товарищем доставил флаг родного университета на высочайшие точки Европы и Африки. Штандарт Российского университета дружбы народов побывал на горах Монблан и Килиманджаро. Безусловно, это приятное

личное достижение. У каждого в жизни должны быть спортивные или творческие успехи, которые помогают саморазвитию.

— **Участвуют ли студенты Юридического института в творческой жизни Университета?**

— Юридический институт с первых же дней своего существования активно занимается творческой деятельностью. Также институт проводит различные экскурсионные поездки. Наши ребята организуют и проводят поздравительные акции и концерты для ветеранов ВОВ и РУДН. Студенты Юридического института с удовольствием участвуют в смотре-конкурсе художественной самодеятельности, «Мисс РУДН» и так далее. Ежегодно организуют традиционные мероприятия Юридического института: «А ну-ка 1-й курс!», межвузовский вечер юридического юмора «Турнир Рыцарей Креста», «Смотрите, кто пришел!». У нас есть Клуб «Парламентские дебаты», студия «Деловые игры», клуб «Что? Где? Когда?», студия самодеятельности «WorldVision». Конечно же, РУДН нельзя представить без КВН. Наш институт на Внутреннем кубке КВН РУДН до-

стойно представляют команды «Менталитет» и «Сборная приежжик». Всегда приятно встречать в родном институте таких талантливых ребят! Все это еще раз доказывает, что должно быть разностороннее развитие. Кроме успешной учебы, наши студенты обязательно демонстрируют прекрасные творческие способности!

— **Молодому поколению не так просто сделать выбор после окончания среднего образования. Что важно знать бывшим школьникам до поступления в РУДН?**

— Хочу сказать абитуриентам, что Российский университет дружбы народов — это большая честь и ответственность. Если вы благополучно сдали ЕГЭ, то приходите к нам. Мы будем очень рады видеть выпускников школ в стенах нашего Юридического института, который является гордостью Российского университета дружбы народов. Это лучшие студенты, лучшие преподаватели, лучшая языковая база и обширные международные связи. Наш Юридический институт рад всем абитуриентам, которые готовы трудиться для получения лучшего профессионального образования.

Беседу вела: **Марина Юрьевна Андреева**, лауреат премии им. А. А. Вознесенского, студентка филологического факультета РУДН по направлению «Журналистика».

БРИКС – 2015 в Уфе Российская служба мира на приеме у Посла Бразилии Антонио Жозе Валлим Геррейро

В №12(79) 2014 в Евразийском юридическом журнале было опубликовано интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Федеративной Республики Бразилии в Российской Федерации Антонио Жозе Валлим Геррейро. Было символично то, что Посол далекой от нас страны Бразилия на суперобложках поздравил наших многочисленных читателей с наступающим Новым 2015 годом: «С Новым годом Евразия Eurasia – Happy New Year».

Особым поводом такого обращения главы дипломатического представительства Бразилии стало то, что очередной саммит БРИКС и саммит ШОС в июле 2015 года пройдут в Уфе – столице Республики Башкортостан, кстати, расположенной на стыке Европы и Азии. Антонио Геррейро выразил уверенность в том, что саммит БРИКС пройдет на высшем уровне и станет новым этапом в выработке новой совместной политики и экономической стратегии стран, входящих в этот альянс. Он подчеркнул, что Россия и, в частности, Башкортостан является преемником Бразилии и бразильских городов Форталеза и Бразилиа, где в июле 2014 года прошел саммит БРИКС.

6 февраля 2015 года Посол Бразилии Антонио Геррейро принял в своей московской резиденции руководителей Международного общественного движения «Российская служба мира» в составе Председателя – С.А. Шуванова, Первого заместителя председателя – Г.В. Кухтина, главного редактора Евразийского юридического журнала И.З. Фархутдинова.

Господин Антонио Жозе Валлим Геррейро любезно согласился дать мини-интервью:

– *Господин Посол, Вы недавно вернулись со своей родины, где 1 января сего года приняли участие в торжественной инаугурации. В октябре прошлого во втором туре президентских выборов за Дилму Руссефф проголосовали почти 55 процентов избирателей. Госпожа Дилма Руссефф, победившая на президентских выборах в Бразилии в конце октября 2010 года, стала первой женщиной-президентом страны. наших читателей интересует с какими чувствами бразильцы восприняли торжественное вступление в должность во второй очередной срок президента Дилмы Руссефф?*

– Как всегда, инаугурация президента прошла в торжественной обстановке. Перед этим госпожу Дилму Руссефф приветствовали почти 70 тысяч бразильцев, выстроившихся вдоль улиц Бразилиа на пути движения ее кортежа. Церемония проходила в присутствии нескольких президентств стран Латинской Америки и примерно 70 делегаций из других стран мира. До здания национального конгресса Руссефф доехала в открытом автомобиле вместе со своей дочерью, приветствуя тысячи собравшихся по пути следования людей.

Сама церемония принятия присяги прошла 1 января в бразильском парламенте. Госпожа Дилма Руссефф, победившая на президентских выборах в Бразилии в конце октября 2010 года, стала первой женщиной-президентом страны. Президент, переизбранный на второй срок еще на 5 лет, произнесла перед парламентариями первую речь. Она пообещала защищать самые уязвимые слои бразильского общества, но при этом «управлять ради всех».

Она также поблагодарила своего предшественника 63-летнего Инасио Дула да Сильву, который, несмотря на популярность, не смог участвовать в президентских выборах, отработав два президентских срока.

Инаугурация вновь избранного президента в первый день нового 2015 года еще раз подтвердила, что народ Бразилии верит своему президенту.

– Какие приоритеты в своей внутренней и внешней политике обозначила госпожа Дилма Руссефф?

– На своей инаугурации наш Президент заявила: «Более конкурентоспособная Бразилия начинается с инвестиций в инфраструктуру». Также Президент пообещала вести непримиримую борьбу с коррупцией, ставшей серьезной проблемой для ее администрации, облегчить налоговое бремя для малых предпринимателей. На международной арене Дилма Руссефф намерена добиваться дальнейшей интеграции БРИКС, Союза южноамериканских наций (Unasur) и Южноамериканского общего рынка (Mercosur).

– В прошлом году мир вступил в новую полосу глобального политического и экономического кризиса. Как Вы предполагаете, каким образом страны и нации могут выбраться из этой мировой экономической трясины?

– Хотелось бы сказать, что действительно, все практически страны, исключением не является и моя Бразилия, переживают непростые времена. Вряд ли можно дать один краткий ответ, как быть дальше.

Я думаю, что каждый из нас должен нести свою долю ответственности и делить эту ответственность со всеми. Только таким образом мы можем преодолеть трудности, стоящие перед нами. Эти трудности, в принципе, одни и те же. В большей или меньшей степени они стоят перед всеми странами. Нам необходимо не только желать преодолеть проблемы, но и иметь достаточно живое воображение для того, чтобы найти путь решения этих проблем.

Я уверен, что всему мировому сообществу удастся выйти из сложившейся ситуации с минимальными потерями, чтобы добиться устойчивого развития всех стран. Уверен также в том, что этому будут способствовать предстоящие в России саммиты БРИКС и ШОС.

Российская служба мира также информирует читателей Евразийского юридического журнала о том, что в ходе беседы в теплой непринужденной обстановке в посольстве Бразилии в Москве 6 февраля сего года было достигнуто взаимопонимание по многим вопросам:

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Бразилии в РФ Антонио Жозе Валлим Геррейро, как представитель страны – председателя БРИКС в 2014 году, был проинформирован о предложениях российских научных кругов и общественности по расширению и углублению сотрудничества в рамках группы БРИКС, подготовленных Оргкомитетом Круглого стола «БРИКС: место и роль в модернизирующемся мире», состоявшегося 19 декабря 2014 года в рамках XV-ой Международной научной конференции по теме «Модернизация России: ключевые проблемы и решения».

Было подчеркнуто, что организаторы Круглого стола – МОД «Российская служба мира», Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН и Институт экономической безопасности и стратегического планирования Финансового университета при Правительстве России, считают, что успешное многогранное взаимодействие стран БРИКС является важнейшим фактором укрепления их политической независимости, экономической конкурентоспособности, социального и культурного развития.

Комплексное рассмотрение проблематики БРИКС позволило продуктивно обсудить ряд заслуживающих внимание конкретных предложений по все трём уровням: глобальному – вклад БРИКС в решение базовых проблем человечества, внутреннему – укрепление и развитие объединения БРИКС, и национальному – использование Россией возможностей БРИКС в целях собственного развития.

С Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Бразилия в Российской Федерации Антонио Геррейро беседовали:

Фархутдинов Инсур Забирович – Главный редактор Евразийского юридического журнала, Заместитель Председателя Международного общественного движения «Российская служба мира».

Шуванов Станислав Александрович – Председатель Международного общественного движения «Российская служба мира», ветеран дипломатической службы.

Кухтин Геннадий Витальевич – Первый заместитель Председателя Международного общественного движения «Российская служба мира», ветеран государственной службы.

Центральное место в предложениях Круглого стола было отведено подготовке и реализации ряда международных программ, нацеленных на обеспечение нового качества социально-экономического развития стран БРИКС, координации систем научного обеспечения стратегического управления стран БРИКС, создание интегрированных научно-исследовательских комплексов нового поколения в научно-технологической и технической сферах.

В практическом плане выдвинуты проекты создания Академии наук БРИКС, Независимого Рейтингового Агентства стран БРИКС, а также реализация интеграционного эко-энергетического проекта на базе прорывной технологии нового типа горения.

В целях динамичного развития БРИКС Российской службой мира предлагается:

1. Провести общероссийскую Международную научно-практическую конференцию с выходом на разработку каталога программ и проектов, технологий и методик, рекомендованных к использованию в качестве основы комплексного сотрудничества в рамках БРИКС (апрель 2015 г.).

2. Провести научно-общественную конференцию по проблемам координации стратегического управления стран БРИКС (июнь 2015 г.).

3. Организовать в дни саммита в Уфе научно-практическую секцию и пилотную выставку с проектами фирм и стран БРИКС (типа БРИКС-ВДНХ).

В посольстве Бразилии учетом важности цивилизационной составляющей, как выигрышного фактора проекта БРИКС были также обсуждены вопросы углубления сотрудничества в области культуры, в первую очередь с опорой на национальные творческие союзы.

2015 – ЕврАзЮЖ объявляет годом Арктики

Международно-правовой режим Арктики уже многие годы является дискуссионной темой в теории и практике международного права. Евразийский юридический журнал решил внести лепту в эту очень актуальную сегодня, с точки зрения национальных интересов России, проблему с учетом и того, что Арктика — это, прежде всего, северные окраины Евразии.

Научная дискуссия, развернувшаяся по поводу современной линии России в отношении арктического шельфа, разделила отечественное научно-экспертное сообщество на два, по сути дела, почти непримиримых лагеря. Сформировался «широкий» («классический») и «ревизионистский» («узкий») научно-практический подход к этой сложнейшей проблематике, как их называет И. С. Жудро, автор первой статьи в нашей новой рубрике.

Чтобы лучше понять формат и глубину представленных научных концепций, практически исключая друг друга, сначала необходимо, считает редакция ЕврАзЮж, хотя бы в общих чертах, ввести читателя в курс дела.

Арктика относится к Северному полярному кругу, включающего материковые части Европы, Азии, Америки (частично захватывая территории России, Канады, США, Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, Исландии) и Северный Ледовитый океан с находящимися в нем островными образованиями, который омывает побережья пяти государств — России, Канады, Дании, Норвегии и США.

Сухопутные территории в пределах образуемых астрономическими линиями секторов, внутренние воды и территориальное море находятся под суверенитетом прибрежных арктических государств. В 1921 г. Канада декларировала, что все земли и острова к северу от континентальной канадской части находятся под ее суверенитетом. В 1926 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР было принято аналогичное решение. При этом, архипелаг Шпицберген остался вне юрисдикции СССР, т.к. согласно Парижскому договору 1920 г. он принадлежит Норвегии. К режиму «полярных секторов» прибегли также Норвегия и Дания.

Между тем, сам термин «арктический (или «полярный») сектор» в официальных международно-правовых документах не используется, а документы, в том числе законодательные акты Канады и СССР, закрепляют суверенитет этих стран не на все пространство таких секторов, а лишь на расположенные в их пределах сухопутные — материковые и островные образования. При этом, полярные государства, использующие в своей практике так называемые «полярные секторы» (прежде всего Канада и Россия), рассматривают их как зону обеспечения собственной безопасности.

Сегодня все известные сухопутные территории в Арктике разграничены и подчинены суверенитету того или иного приарктического государства. Большая часть водной поверхности океанских просторов Арктики является открытым морем. Кроме того, все пять омываемых Северным Ледовитым океаном государств осуществляют юрисдикцию в исключительных экономических зонах, а также суверенные права — над районами континентального шельфа и его недрами.

Международно-правовой режим арктических пространств формировался веками. То есть освоение Арктики происходило постепенно, путем фактического подчинения ее территории власти прибрежных стран, формируя международные обычаи, которые сегодня легли в основу правового режима Северного Ледовитого океана, в т.ч. в методологию разграничения его пространств.

Первой из приарктических стран, предпринявшей шаги к законодательному закреплению своих притязаний на принадлежании к ее основной территории арктические пространства, стала Канада. После распада СССР Российской Федерацией — продолжательницей его полномочий в отношении арктиче-

ских пространств — принят ряд законов, в определенной степени затрагивающих юридический статус различных частей полярных пространств и позволяющих при необходимости уточнять этот статус.

Международно-правовой статус морских пространств Арктики определяется принципами и нормами международного права, правовыми обычаями, относящимися к Мировому океану и получившими закрепление в Женевских конвенциях по морскому праву 1958 года и позднее — в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

И если границы сухопутных и водных арктических пространств в целом получили свое юридическое закрепление, нуждающееся в ряде случаев в уточнении, то разграничение континентального шельфа, богатого природными ресурсами, стало актуальной международной темой. Именно подходы с этой глобально перспективной точки зрения к решению этой проблемы, по большому счету, и разделили отечественных ученых — на «классиков» и «ревизионистов».

Итак, международно-правовой режим Арктики, напоминают «классики», во многом основан на правовых обычаях и сложился задолго до принятия Конвенции 1982 г. Такой «широкий» подход в правооснованиях на континентальный шельф исходит из самого обширного спектра источников международного права, включая правовые обычаи, в основе которых — исторические правооснования и географические преимущества России в Северном Ледовитом океане (самое протяженное арктическое побережье) и предлагает разграничить шельф непосредственно с соседними государствами (Канадой, США и Данией), не прибегая к процедурам Конвенции 1982 года, которые не учитывают уникальность правового режима Арктики.

«Ревизионисты», или сторонники «узкого» подхода, напротив, полагают, что с присоединением России к Конвенции по морскому праву 1982 года методология разграничения арктического шельфа для России свелась к строгому следованию единственной договорной норме — статье 76 этой Конвенции. По их мнению, российский путь к разграничению шельфа с соседними арктическими государствами предельно очерчен и лежит через неизбежное создание в центре Северного Ледовитого океана международного района морского дна, ресурсы которого станут достоянием так называемого «общего наследия человечества». И лишь после определения границ такого Международного района в Северном Ледовитом океане Россия будто бы вправе приступить к делимитации оставшейся части арктического шельфа.

Какие политические и экономические риски для нашей страны вскрывает развернувшаяся, казалось бы, на первый взгляд, сутобо теоретическая полемика — можно узнать из публикуемого ниже материала.

Дорогой читатель, наша новая рубрика «2015 – год Арктики» открывается статьей Ивана Сергеевича Жудро, члена Научно-экспертного совета Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации, Заслуженного юриста Российской Федерации.

Приглашаем не только российских, но и зарубежных ученых, специалистов, просто заинтересованных лиц, к открытой дискуссии.

Так кто же прав, «классики» или «ревизионисты»?

От имени редакции
Инсур Забирович Фархутдинов
 доктор юридических наук
 ведущий научный сотрудник ИГиП РАН
 главный редактор Евразийского юридического журнала

Жудро И. С.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ
К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
ГРАНИЦ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА РОССИИ В АРКТИКЕ**

В статье раскрывается актуальная тема существующих в отечественном экспертном сообществе расхождений во взглядах на проблему разграничения дна Северного Ледовитого океана.

В одном случае — единственный путь разграничения видится посредством создания в центре дна СЛО Района «общего наследия человечества». При этом неучастие США не рассматривается в качестве препятствия для создания Района.

В другом случае — предлагается осуществить разграничение арктического шельфа с соседними государствами, не образуя Район. При этом предполагается, что иной путь создаст конкурентные преимущества для США за счет России.

Логика противоположных подходов прослеживается начиная с исходных теоретических посылок и заканчивая практически выводами. Их аргументация представлена на фоне анализа применимых международно-правовых источников.

Ключевые слова: континентальный шельф, Северный Ледовитый океан, Район «общего наследия человечества».

Жудро И. С.

Zhudro I. S.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CURRENT APPROACH TO THE PROBLEM
OF INTERNATIONAL LEGAL CONFIRMATION OF RUSSIA'S CONTINENTAL SHELF BOUNDARY IN THE ARCTIC**

The article reveals the vital topic of existing divergent views in domestic expert community on the problem of delimitation of the Arctic floor.

In one case the only way of differentiation is seen through the creation of a «common heritage of mankind» Region in the center of the AO floor. In this case, the US non-participation is not considered as an obstacle to the creation of the Area.

In another case, it is proposed to implement a delimitation of the Arctic shelf with neighboring States, without formation of the Area. It is assumed that another path will create a competitive advantage for the United States for account of Russia.

The logic of opposite approaches can be traced starting from the initial theoretical premises and ending practical conclusions. Their argumentation is presented against the background of the analysis of applicable international legal sources.

Keywords: continental shelf, the Arctic Ocean, the Area of «common heritage of mankind».

1. Континентальный шельф, как международно-правовой институт, достаточно молодой (возник в морском праве лишь в прошлом столетии), но к настоящему времени уже успел претерпеть значительные изменения, прежде всего, благодаря активному развитию технологий, делающих морское дно доступным для промышленного освоения.

В процессе выработки унифицированного определения термин «континентальный шельф» получал свое закрепление в международно-правовых документах, актах национального законодательства и прочих правовых источниках.

Сопоставляя определения, содержащиеся в ст. 1 Конвенции о континентальном шельфе (Женева, 29 апреля 1958 г.) и в ст. 76 Конвенции ООН по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.), нетрудно проследить «эволюцию» понятия «континентальный шельф», переживаемую под влиянием технологического прогресса, усложнение содержания новыми элементами, существенно корректирующими его пространственные пределы¹.

По сравнению с Конвенцией 1958 г., определение шельфа в ст. 76 Конвенции 1982 г. приобрело значительно более сложный характер — наряду с уравнивающим все прибрежные государства дистанционным ограничением в 200 морских миль от исходных линий используются также геологические и дистанционные критерии (1-процентная формула толщины осадочных пород, 60-мильное отстояние от подножия континентального склона, возможность юридической квалифика-

ции в качестве шельфа морского дна за пределами 350 морских миль от исходных линий, если наличествуют подводные возвышенности, являющиеся «естественными компонентами материковой окраины», такие как «плато, поднятия, вздутия, банки и отроги», и др.) для расчета большей протяженности шельфа.

Именно в таком сложном сочетании правового и геологического аспектов толкуется понятие «континентальный шельф» по ст. 76 Конвенции 1982 г.

Правовая составляющая понятия «континентальный шельф» выражена, прежде всего, в нормах, посвященных содержанию его правового режима (осуществление прибрежным государством над континентальным шельфом суверенных прав в целях разведки и разработки природных ресурсов) — в ст. 2 Конвенции 1958 г. и ст. 77 Конвенции 1982 г.

Анализ понятия «шельф» превратился сегодня в тему активного обсуждения известных геологов и юристов, которая, к тому же, приобрела ярко выраженный дискуссионный характер, особенно в отечественном экспертном сообществе.

Поводами для развернувшихся научных дискуссий стали постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 717 «О порядке утверждения перечней географических координат точек, определяющих линии внешних границ континентального шельфа Российской Федерации»² и внесенное в 2001 г. в Комиссию по границам континентального шельфа представление — акты, которыми Российская Федерация первой из приполярных государств фактически применила конвенционное (200-мильное) самоограничение

1 См.: Конвенция о континентальном шельфе 1958 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — Вып. XXIII. — М., 1970. — С. 101–105, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Бюллетень международных договоров. — 1998. — № 1. — С. 3–168.

2 Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — 23 июня. — № 25. — Ст. 2939.

доставшегося ей в наследство от СССР и Российской империи самого протяженного арктического шельфа³.

Инициировав рассмотрение положения ст. 76 Конвенции 1982 г. в качестве применимого к арктическому региону⁴, российское Правительство в одночасье изменило прежнюю советскую международно-правовую доктрину в отношении разграничения высокоширотных пространств (по сведениям российских источников, СССР в числе других заинтересованных государств в ходе III Конференции ООН по морскому праву, проходившей в период с 1973 по 1982 г., отводил попытки включить полярные регионы в предмет регулирования ее итоговым документом — Конвенцией ООН по морскому праву)⁵.

Правовой режим Арктики, формировавшийся на протяжении веков, был подвергнут риску достаточно серьезного пересмотра, что подтверждается начинающейся в последнее десятилетие гонкой геологических притязаний на дно Северного Ледовитого океана — внесенными в международную Комиссию по границам континентального шельфа, вслед за Россией, представлением Дании и заявлением Канады с собственной трактовкой строения океанического дна⁶.

Более того, к ресурсам дна Северного Ледовитого океана сегодня проявили интерес географически удаленные от него неарктические страны и их объединения⁷.

Полемика, развернувшаяся по поводу современной линии России в отношении арктического шельфа, поляризовала отечественное научно-экспертное сообщество, сведя его доводы в основном к двум взаимоисключающим позициям.

Концептуальные расхождения во взглядах на дальнейшие шаги по разграничению арктического шельфа и их правовую основу просматриваются уже на этапе исходных теоретических оценок — в толковании понятия «континентальный шельф»⁸.

Взгляды одних видных правоведов акцентируются исключительно на единственной договорной норме Конвенции 1982 г., носящей глобальный универсальный характер, отрицая значимость доконвенционных источников. Подход — безусловно «узкий» и, поскольку он поддерживает свершившийся в 1997 г. пересмотр (ревизию) прежней советской международ-

но-правовой доктрины (выраженной в работах В. Л. Лахтина, В. Н. Кулебякина, В. Н. Дурденевского и др.)⁹, его можно было также определить исключительно в контексте данной статьи как «ревизионистский»¹⁰.

Подход других отечественных юристов базируется на традиционно широком спектре применимых правовых источников — международных договорах и обычаях, учитывающих исторические и региональные особенности правового регулирования в Арктике, на толковании этих обычаев в решениях Международного суда ООН и в международно-правовых доктринах.

Такой подход можно было бы назвать «широким», или «классическим».

«Ревизионисты», как было отмечено, рассматривают в качестве правовой основы установления границ арктического шельфа единственную норму ст. 76 Конвенции 1982 г., с реализацией которой, по их мнению, увязано возникновение прав на шельф¹¹. По их мнению, исходя из содержания нормы ст. 76, понятие шельфа — неоднородно, нецелостно в силу различия правовых и геологических критериев, положенных в основу расчета протяженности шельфа. В связи с этим предлагается соответствующее деление шельфа на т.н. «нормальный» (в пределах 200 морских миль от исходных линий) и «расширенный» (за пределами 200 морских миль от исходных линий)¹².

В пределах 200 морских миль от исходных линий исключительные права на недра морского дна принадлежат каждому прибрежному государству. Именно в этом 200-мильном дистанционном критерии сторонники «узкого» подхода склонны усматривать юридическую природу континентального шельфа. Статья 76 Конвенции, по мнению «ревизионистов», дает возможность прибрежному государству «расширить» свой «нормальный» 200-мильный шельф, прирастив к нему дополнительные площади морского дна путем доказывания соответствия его геологического строения определенным в статье критериям понятия «континентальный шельф». Следует заметить, что термины «расширить», «расширенный» применительно к шельфу не используются ни в Конвенции 1982 г., ни в Конвенции 1958 г. «Приобретение титула» на т.н. «внешний», или «расширенный» шельф, базирующееся целиком и полностью на основе геологических критериев, по мнению сторонников «узкого» подхода, все же имеет правовой аспект, поскольку обусловлено необходимостью признания такого факта всеми государствами, «всем человечеством», от имени которого выступает специально созданная Комиссия по границам континентального шельфа¹³.

Данные о геологическом строении дна за пределами 200 морских миль (толщина осадочных пород, степень максимального изменения уклона в основании континентального склона и пр.) представляются заинтересованным прибрежным государством в Комиссию по границам континентального шельфа

3 Представление Российской Федерации в Комиссию по границам континентального шельфа 2001 г. Официальный Интернет-сайт ООН [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/Depts/los/dcs_new/submissions_files/rus01/RUS_CLCS_01_2001_LOS_2.jpg.

4 На момент российской инициативы — обращение в 2001 г. в Комиссию по границам континентального шельфа согласно ст. 76 Конвенции 1982 г. Канада и Дания не участвовали в Конвенции, Норвегия — не обращалась в Комиссию, США — до сих пор воздерживаются от участия в Конвенции.

5 Вылегжанин А. Н. Правовое положение Арктического региона в документах // Арктический регион. — Хрестоматия в 3 т. — Т. 3. Применимые правовые источники / Гл. ред. И. С. Иванов. — М., 2013. — С. 29.

6 Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с подачей Данией заявки на континентальный шельф в Арктике [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdcmp/sitemap.nsf>.

7 См.: Растущие арктические интересы России, Китая, США и ЕС // «ISN», Швейцария // Юха Капила (Juha Käpylä), Харри Миккола (Harri Mikkola) // ИноСМИ 12.11.2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://inosmi.ru/arctica/20131112/214688101.html#ixzz3OhWez5eg>.

8 Автор намеренно выносит за рамки настоящего теоретического обзора практические аспекты определения границ российского арктического шельфа в Комиссии по границам континентального шельфа (в частности, ставшая поводом для острой дискуссии беспрецедентная инициатива России 2001 г. по обозначению в своем представлении в Комиссию Района «Общего наследия человечества» в центре Северного Ледовитого океана на участке его дна площадью свыше 300 тыс. кв. км. — южнее российского архипелага Земля Франца-Иосифа).

9 См.: Лахтин В. Л. Права на северные полярные пространства. Издание Литиздата Народного Комиссариата по Иностранным Делах. — М., 1928, Кулебякин В. Н. Правовой режим Арктики. Международное морское право / Отв. ред. И. П. Блищенко. — М., 1988. — С. 139., Дурденевский В. Н. Проблема правового режима приполярных областей // Вестник МГУ. — 1950. — № 7., Паламарчук П. Г. Международно-правовой режим морей советского сектора Арктики. Международное право и международный порядок. — М., 1981. — С. 120–121.

10 Ревизионизм — обозначение идейно-политических и научных течений, подвергающих пересмотру принципы и положения какой-либо теории, концепции, учения // Большой энциклопедический словарь (БЭС) / Гл. ред. академик А. М. Прохоров. — Советская энциклопедия (Большая Российская энциклопедия) 1979–2001.

11 Титушкин В. Ю. К вопросу о внешних границах континентального шельфа Российской Федерации в Арктике. Международное морское право. Статьи памяти А. Л. Колодкина. — М.: Статут, 2014. — С. 234.

12 Колодкин А. Л., Шинкаревецкая Г. Г., О континентальном шельфе России в Арктике, Государство и право. — 2009. — № 10. — С. 21–27.

13 Там же. — С. 24.

(г. Нью-Йорк) в целях получения положительных рекомендаций. Рекомендации Комиссии служат основанием для окончательного и обязательного для всех государств установления предела действия национальной юрисдикции, за которым расположен Международный район морского дна, ресурсы которого объявлены общим наследием человечества — ст. 136 Конвенции 1982 г.

Важно отметить, что благодаря Конвенции 1982 г. общее наследие человечества стало новым правовым институтом, что, однако, не сделало его нормой общего международного права, а следовательно, он не приобрел обязательного характера для государств, не присоединившихся к Конвенции 1982 г., например, США.

«Широкий» подход, в отличие от «узкого», предполагает учет в правоснованиях на континентальный шельф самого обширного спектра источников международного права, включающего правовые обычаи, получившие свое отражение в международных договорах, а также в решениях Международного суда ООН¹⁴.

Анализируя понятие «континентального шельфа», сторонники «классического» подхода основываются на толкованиях Международным судом ООН применимого «общего международного права» («general international law»). Еще в 1969 г. Судом сформулирована фундаментальная правовая норма о том, что права прибрежного государства в отношении континентального шельфа, который составляет естественное продолжение его сухопутной территории в море и под ним, существуют *ipso facto* и *ab initio* (в силу факта и изначально) — в силу суверенитета над этой территорией¹⁵.

Иными словами, права в отношении всего континентального шельфа привязаны к суверенитету над сухопутной территорией, продолжением которой он является. Подводные районы можно рассматривать в действительности как часть территории, которой прибрежное государство уже обладает — в том смысле, что эти покрытые водой районы являются продолжением или продлением такой территории, ее ответвлением под морем¹⁶. Основываясь на этом правиле, сторонники «широкого» подхода рассматривают в качестве «естественного продолжения сухопутной территории государства» весь континентальный шельф на всем его протяжении, подчеркивая взаимосвязь (но не идентичность) юридического и естественно-научного понятий «континентальный шельф»¹⁷, в отличие от «узкого» подхода, считающего «воплощением идеи естественного продолжения» не весь шельф, и даже не «нормальный», т.е. 200-мильный, а только «расширенный» (и то при условии его признания шельфом по ст. 76 Конвенции 1982 г.)¹⁸.

«Классическое» толкование исходит из того, что возникновение права на шельф не требует каких-либо процедур, издания актов, что в полной мере соответствует положениям Конвенции 1958 г. (ч. 3 ст. 2) и Конвенции 1982 г. (ч. 3 ст. 77), о том, что права прибрежного государства на континентальный

шельф не зависят от эффективной или фиктивной оккупации им шельфа или от прямого об этом заявления¹⁹.

Это также соответствует исключительному характеру права на шельф — наличие этого права не зависит от того, осуществляется ли оно (ч. 2 ст. 77 Конвенции 1982 г.).

Правовой режим Арктики, напоминая «классики», во многом основан на правовых обычаях и сложился задолго до принятия Конвенции 1982 г.²⁰

Например, США, вследствие неприсоединения к Конвенции 1982 г., не утрачивают прав на свой арктический шельф не только в 200 милях от исходных линий, но и в пределах, определяемых Конвенцией 1958 г., — технологической возможности их освоения.

Аналогично для Российской Федерации, осуществляющей свой многовековой суверенитет над полярными сухопутными пространствами, присоединение к Конвенции 1982 г. и выполнение предусмотренных ею процедур сами по себе не могут ни ограничить, ни «расширить» пространственные пределы суверенных прав на континентальный шельф²¹.

Подобная целостность правовой природы шельфа контрастирует с предлагаемым сторонниками «узкого» подхода делением шельфа на «нормальный» и «расширенный», а также пониманием процедур ст. 76 Конвенции как возможности «расширить» собственный шельф²².

В действительности, «расширить» или «прирастить» что-либо можно за счет того, что изначально не принадлежит или не является чем-либо. Следуя логике «ревизионистов», если «приращение» не происходит из-за невыполнения, в силу тех или иных причин, процедур ст. 76 Конвенции, то на участок дна за пределами 200 миль не только не распространяются права прибрежного государства, но такой участок и вовсе не является континентальным шельфом. Иными словами — сегодня арктические страны вправе разграничивать только «нормальный» шельф, но не участки дна за пределами 200 морских миль. Определить же, где за 200-мильным пределом проходит граница между национальной юрисдикцией и Международным районом морского дна, имеющим статус «общего наследия человечества», можно лишь на основании рекомендаций Комиссии по итогам рассмотрения ею геологических данных, представленных заинтересованным государством.

Сторонники «узкого» подхода предлагают в качестве оптимального для России правового пути сначала обратиться в Комиссию и, получив ее рекомендации, отграничить подводные пространства национальной юрисдикции от района «общего наследия человечества», тем самым по возможности «расширив» российский арктический шельф — исходя из того, что сегодня за 200-мильным пределом Россия не обладает никакими правами на морское дно, пока не докажет обратное в упомянутой Комиссии. «Заинтересованное государство должно сначала доказать, что заявленные им внешние границы континентального шельфа за пределами 200 миль соответствуют критериям, указанным в ст. 76». «Проверка принадлежности призвана удостоверить юридические права прибрежного государства на расширение внешних границ континентального

14 См.: Вылегжанин А. Н., Каламкарян Р. А. Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журнал международного права. — 2012. — № 2.

15 Дело о континентальном шельфе Северного моря (между ФРГ и Данией; между ФРГ и Нидерландами), Решение от 20 февраля 1969 г., *North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany / Denmark; Federal Republic of Germany / Netherlands)*, Judgment // I.C.J. Reports 1969. — P. 22. Цитируется по: Вылегжанин А. Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. — М.: Юридическая литература, 2004. — С. 95.

16 Там же. — С. 98.

17 Дело о континентальном шельфе (между Ливийской Арабской Джамахирией и Тунисом). Решение от 24 февраля 1982 г. *Continental Shelf (Tunisia / Libyan Arab Jamahiriya)*, Judgment // I.C.J. Reports 1982. — P. 46. Цитируется по: Вылегжанин А. Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. — М.: Юридическая литература, 2004. — С. 96.

18 Колодкин А. Л., Шинкаревая Г. Г. Указ. соч. — С. 24.

19 Вылегжанин А. Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. — М.: Юридическая литература, 2004. — С. 96.

20 Вылегжанин А. Н. Становление глобального правового пространства в XXI веке. // Международные процессы. — 2010. — Том 8. — Номер 2 (23). — Май–август 2010. Официальный сайт периодического издания «Международные процессы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-three/003.htm>.

21 Вылегжанин А. Н. Уточнение пределов юрисдикции России в Арктике на основе общего международного права // Международные суды: актуальные проблемы международного права / межвузовский сборник научных трудов, выпуск № 2 (6). — Екатеринбург, 2010. — С. 29.

22 Колодкин А. Л., Шинкаревая Г. Г. Указ. соч. — С. 24.

шельфа на всю протяженность естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка»²³. Таким образом, «узкий» подход основан на безусловном приоритете геологических и дистанционных критериев в понятии «континентальный шельф».

Расхождения между «классическим» и «ревизионистским» подходами к толкованию понятия «континентальный шельф» прибрегают сугубо практическое значение в условиях, когда в числе прибрежных государств, заинтересованных в закреплении собственных прав на арктический шельф, одно государство — США — находится вне правового режима Конвенции 1982 г.

Северный Ледовитый, как ни один другой океан, на своей сравнительно небольшой площади взаимно увязал интересы пяти прибрежных государств. Создать в высоких широтах Международный район морского дна — «общее наследие человечества», самоограничив в его пользу пространства собственной национальной юрисдикции, могут лишь все пять прибрежных арктических стран — в соответствии с едиными правилами. Очевидно, что справедливый результат самоограничения арктического шельфа, замкнутого побережьями пяти государств, достигнут быть не может, пока одно из них не следует единой общей процедуре. Неучастие США в Конвенции 1982 г. делает проблематичным выполнение ст. 76 остальными арктическими прибрежными государствами, а значит и создание района «общего наследия человечества».

«Ревизионисты» утверждают, что делимитация может быть осуществлена там, где нет района «общего наследия человечества». Между тем определить, где пролегают границы этого района, невозможно до тех пор, пока США не примут участия в его образовании на основании ст. 76. Следуя этой логике, до создания района ОНЧ в Арктике (что объективно невозможно без участия США) осуществить делимитацию шельфа между арктическими прибрежными государствами также невозможно.

Однако «ревизионисты» не рассматривают неучастие США в качестве препятствия для начала выполнения Россией процедур самоограничения шельфа, предусмотренных ст. 76. Вместе с тем они не могут гарантировать окончательного и успешного для России результата этих процедур.

И действительно, в силу труднодоступности для изучения геологического строения дна Северного Ледовитого океана, арктические государства с противолежащими побережьями неизбежно столкнутся с необходимостью обосновывать свою геологическую аргументацию научными предположениями (о природе происхождения подводных поднятий и хребтов) и, соответственно, будут вынуждены оспаривать аналогичные доводы своих оппонентов. С учетом оспоримости всяких предположений, такие встречные пространственные притязания наверняка не получат своего окончательного геологического разрешения, тем более что Комиссия не наделена правом рассматривать подобные споры²⁴.

Уже сегодня весьма вероятным становится взаимное пересечение значительной части притязаний России, Канады и Дании на арктический шельф в центральной части Северного Ледовитого океана. Нельзя исключать, что Комиссия сочтет неубедительными представленное Россией геологическое обоснование продолжения собственного шельфа за 200-мильным пределом. Но и при таких условиях вынести окончательное решение — о принадлежности оспариваемого участка не к национальной юрисдикции России, а к Международному району морского дна — Комиссия также не сможет. В результате создается ситуация, при которой начавшиеся процедуры отграничения арктическими странами своего шельфа по ст. 76, тем более при неучастии в них США, замораживаются на неопределенный срок, что, несомненно, на руку последним.

23 Титушкин В. Ю. Указ. соч. — С. 234.

24 См. Приложение II к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. «Комиссия по границам континентального шельфа» // Бюллетень международных договоров. — 1998. — № 1. — С. 3–168.

«Принцип общего наследия человечества пока еще не приобрел силу императивной нормы («*ius cogens*») в международном праве, что предполагает возможность его несоблюдения со стороны тех стран, которые не присоединились к Конвенции 1982 г.»²⁵.

Таким образом, институт договорного права — «общее наследие человечества», не ставший обязательным для США, не ограничивает их в праве использовать шельф в пределах, установленных Конвенцией 1958 г., участниками которой они по-прежнему являются.

«США как участник Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. вправе применять критерий эксплуатабельности, позволяющий им разрабатывать ресурсы своего шельфа вплоть до тех глубин, до которых это позволяют делать существующие у них технологии»²⁶.

«Соединенные Штаты в целой серии национальных законодательных актов нигде не ограничивали протяженность своего континентального шельфа. Это дает им определенные правовые основания распространить свою юрисдикцию и суверенные права на всю протяженность континентальной окраины материка», «США имеют теоретическую возможность в любой момент заявить, что их континентальный шельф, например в Арктике, охватывает значительно большую площадь по сравнению с ограничениями Конвенции»²⁷.

Иными словами, выходит, что предлагаемые «узким» подходом толкование правовой природы понятия «континентальный шельф» и основанная на нем концепция оформления его границ в Арктике допускают ситуацию, при которой США, оставаясь вне правового режима «общего наследия человечества», получают преимущество перед остальными арктическими государствами и, прежде всего, Россией. В отличие от других прибрежных арктических стран, США смогут осуществить бурение в любой части дна Северного Ледовитого океана, за 200-мильным пределом, не будучи признанными нарушителями международно-правовых норм.

В этом же вопросе «классический» подход исходит из следующего.

Согласно ч. 10 ст. 76 Конвенции 1982 г. отграничение шельфа от района «общего наследия человечества» применимо лишь постольку, поскольку «не затрагивает вопроса о делимитации континентального шельфа между государствами с противолежащими или смежными побережьями». Очевидно, что создание в центре Северного Ледовитого океана района «общего наследия человечества», не затрагивающее вопросов делимитации шельфа арктических государств, — невозможно. Невозможно создание такого района и без участия США.

Осуществление же делимитации арктического шельфа между Россией, Канадой, США и Данией — неизбежно. При этом значительная часть границ арктического шельфа России, Канады, США и Дании может получить свое окончательное оформление уже сегодня — на основе взаимных договоренностей сторон, без необходимости создания в центре Северного Ледовитого океана района «общего наследия человечества»²⁸.

25 Носиков А. Н. Современные тенденции развития правового режима Международного района морского дна: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2010. Цит. по: Гудев П. А. Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. Библиотека института мировой экономики и международных отношений. — М.: ИМЭМО РАН 2014. — С. 82.

26 Гудев П. А. Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. Библиотека института мировой экономики и международных отношений. — М.: ИМЭМО РАН 2014. — С. 73.

27 Там же. — С. 117.

28 Вылегжанин А. Н. Уточнение пределов юрисдикции России в Арктике на основе общего международного права // Международные суды: актуальные проблемы международного права / межвузовский сборник научных трудов. — Вып. № 2 (6). — Екатеринбург, 2010. — С. 41.

Дно Северного Ледовитого океана, согласно «классическому» подходу, в совпадающих интересах России и других арктических государств, берега которых его замыкают, следует квалифицировать как континентальный шельф этих государств, подлежащий делимитации между ними в соответствии с международным правом. Основания для такой квалификации — в уникальных географических и природных особенностях Северного Ледовитого океана, в его исторически сложившемся правовом режиме, базирующемся на международных обычаях — многовековом осуществлении арктическими странами своей юрисдикции в полярных секторах²⁹. Причем неучастие США в Конвенции 1982 г. не будет препятствовать такой делимитации, поскольку она может быть осуществлена в разных правовых режимах. Во взаимоотношениях с США не действует положение Конвенции 1982 г. о преимуществе ее норм над нормами Женевских морских конвенций 1958 г. (ч. 1 ст. 311 Конвенции 1982 г.), следовательно, разграничить свой шельф с США Россия и Канада могут, руководствуясь положениями Конвенции 1958 г.

Россия, Канада, Дания, как участницы Конвенции 1982 г., разграничат свой шельф, основываясь на ст. 83 этой Конвенции.

Согласно выводам Международного суда ООН, в случаях, когда делимитация на море необходима, для заинтересованных прибрежных государств возникает обязанность вести переговоры по разработке соглашения о делимитации, такие прибрежные государства «обязаны вести переговоры с целью достигнуть соглашения, причем делать это добросовестно, с подлинным намерением достигнуть позитивного результата»³⁰.

При делимитации арктического шельфа с соседними государствами (когда она осуществляется не по принципу равного отстояния) в числе подлежащих учету особых обстоятельств могут оказаться не только геологическое строение дна Северного Ледовитого океана. Труднодоступность арктического шельфа, экологическая уязвимость природы Арктики, круглогодичный ледовый покров прочно связывают процесс освоения ресурсов арктического шельфа с береговой инфраструктурой прибрежного государства. Многовековую национальную юрисдикцию, осуществляемую арктическими государствами в отношении водных и ледовых пространств Северного Ледовитого океана, также следует рассматривать в качестве особого обстоятельства. «Арктические государства должны и могут принимать соответствующие законодательные акты, касающиеся режима своего арктического сектора без санкций других государств, руководствуясь суверенитетом и другими важнейшими международно-правовыми принципами»³¹.

Классическая правовая доктрина всегда исходила из правовой уникальности Северного Ледовитого океана. Обобщая ее, профессор В. Н. Кулебякин пишет: «По многочисленному признанию юристов-международников, Северный Ледовитый океан и его окраинные моря совершенно отличаются от других океанов и морей и представляют собой специфический случай с уникальными особенностями с точки зрения правового регулирования. Главная особенность, которая отличает Северный Ледовитый океан от других океанов, заключается в том, что его территория, за исключением лишь некоторых районов, постоянно либо большую часть года покрыта льдами. Именно

комплекс исторических, экономических, политических, геологических и других факторов позволяет сделать вывод, что арктические морские пространства не могут рассматриваться под тем же углом зрения, что и морские пространства вообще»³².

Очевидно, что «узкий» подход не дает ответа на вопрос, насколько все эти особые обстоятельства могут быть учтены при установлении границ арктического шельфа по ст. 76 Конвенции 1982 г. Такие аспекты, как природоохранные, военные, определяемые уникальностью Северного Ледовитого океана и составляющие особые обстоятельства, не подлежат учету геологическими критериями, на которых целиком основаны процедуры ст. 76.

Другой ключевой аргумент «узкого» подхода о том, что стороны соглашения о делимитации арктического шельфа ограничены сегодня пространственным пределом в 200 миль — опровергается примерами разграничения дна Северного Ледовитого океана.

Самым свежим примером таких договоренностей стал Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане от 15 сентября 2010 г.³³

Российская Федерация и Норвегия уже осуществили разграничение (делимитацию) арктического шельфа, как на участках морского дна, находящихся под водами их 200-мильных исключительных экономических зон, так и на участке дна под водами так называемого «анклава» Баренцева моря, находящегося за пределами таких 200-мильных зон и замкнутого ими.

Договор 2010 г. приобрел весьма важное значение для сотрудничества при освоении трансграничных месторождений углеводородов, промысле «сидячих» видов биоресурсов, а также использовании трансграничных рыбных запасов в Северном Ледовитом океане и Баренцевом море.

По Соглашению между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств от 1 июня 1990 г. стороны разграничили районы континентального шельфа в морях Северного Ледовитого океана, в том числе за 200-мильным расстоянием от исходных линий³⁴.

СССР и США осуществили такую делимитацию в 1990 г. вне правового режима Конвенции 1982 г. По настоящее время к отношениям с США не применимы положения этой Конвенции, в том числе нормы о районе «общего наследия человечества», которые не стали частью международного обычного права.

Согласно «классическому» подходу, линия разграничения по Соглашению 1990 г. вполне может стать «основой для разграничения арктического шельфа между Россией и США... при том понимании, что эта линия простирается до Северного географического полюса...»³⁵.

Таким образом, «классический» подход, в отличие от «ревизионистского», не видит сегодня препятствий в виде положений ст. 76 Конвенции 1982 г. для осуществления Россией с максимальной выгодой для себя делимитации арктического шельфа с Данией, Канадой и США в полном соответствии с нормами международного права.

При этом сторонники «классического» подхода усматривают риски пространственных уступок и ухудшения правовых условий деятельности Российской Федерации в Арктике в случае реализации противопоставляемого им «ревизионистского» подхода. «Под недопустимыми для России пространственными уступками, по их мнению, следует понимать создание в центральной части Северного Ледовитого океана международного

29 Пещуров И. С. Режим дна Северного Ледовитого океана согласно международному обычному праву // Московский журнал международного права. — 2014. — № 3 (95) июль-сентябрь. — С. 147–151.

30 Дело о делимитации морской границы в заливе Мэн (между Канадой и США). Решение от 12 октября 1984 г. *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Main Area (Canada / United States of America)*, Judgment. I.C.J. Reports 1984. — P. 292. Цит. по: Вылегжанин А. Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. — М.: Юридическая литература, 2004. — С. 100.

31 Эфендеев О. Ф. Арктические воды // Современное международное морское право. Режим вод и дна Мирового океана / Отв. ред. М. И. Лазарев. — М., 1974. — С. 190.

32 Кулебякин В. Н. Правовой режим Арктики. Международное морское право / Отв. ред. И. П. Блищенко. — М., 1988. — С. 139.

33 Бюллетень международных договоров. — 2011. — № 12. — С. 79–85.

34 Бюллетень международных договоров. — 2008. — № 1. — С. 33–37.

35 Вылегжанин А. Н. 20 лет «временного применения» Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — № 1. — С. 113.

района морского дна — „общего наследия человечества“»³⁶. «Ухудшение правовых условий деятельности (что следует избегать) наступило бы для России в случае ...одностороннего самоограничения российского арктического шельфа по критериям статьи 76 Конвенции 1982 г. — в условиях, когда другие арктические государства, прежде всего США, такое самоограничение не осуществляют»³⁷.

Представленные доводы существующих подходов к выстраиванию современной правовой концепции России в отношении границ ее арктического шельфа было бы целесообразным учесть в работе ответственных государственных органов. Учитывая, что в Арктике, по экспертным оценкам, сосредоточены самые большие из имеющихся в Мировом океане углеводородные ресурсы, — цена вопроса чрезвычайно высока³⁸.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция о континентальном шельфе 1958 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — Вып. XXIII. — М., 1970.
2. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. // Бюллетень международных договоров. — 1998. — № 1.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 717 «О порядке утверждения перечней географических координат точек, определяющих линии внешних границ континентального шельфа Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — 23 июня. — № 25. — Ст. 2939.
4. Представление Российской Федерации в Комиссию по границам континентального шельфа 2001 г. [Электронный ресурс] / Официальный Интернет-сайт ООН. — Режим доступа: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01/RUS_CLCS_01_2001_LOS_2.jpg.
5. Вылегжанин А. Н. Правовое положение Арктического региона в документах // Арктический регион. Христианство в 3 томах. — Т. 3. Применимые правовые источники / Гл. ред. И. С. Иванов. — М., 2013.
6. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с подачей Данией заявки на континентальный шельф в Арктике. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf>.
7. Растущие арктические интересы России, Китая, США и ЕС // «ISN», Швейцария // Юха Капила (Juha Käpylä), Харри Миккола (Harri Mikkola) [Электронный ресурс] / Сайт «ИноСМИ». — Режим доступа: <http://inosmi.ru/arctica/20131112/214688101.html#ixzz3OhWez5eg>.
8. Лахтин В. А. Права на северные полярные пространства. Издание Литиздата Народного Комиссариата по Иностранным Делама. — М., 1928.
9. Кулебякин В. Н. Правовой режим Арктики. Международное морское право / Отв. ред. И. П. Блищенко. — М., 1988.
10. Дурденевский В. Н. Проблема правового режима приполярных областей // Вестник МГУ. — 1950. — № 7.
11. Паламарчук П. Г. Международно-правовой режим морей советского сектора Арктики. Международное право и международный правопорядок. — М., 1981.
12. Большой Энциклопедический Словарь (БЭС) / Гл. ред. академик А. М. Прохоров // Советская энциклопедия (Большая Российская энциклопедия) 1979–2001.
13. Тигушкин В. Ю. К вопросу о внешних границах континентального шельфа Российской Федерации в Арктике // Международное морское право. Статьи памяти А. Л. Колодкина. — М.: Статут, 2014.
14. Колодкин А. Л., Шинкаревецкая Г. Г., О континентальном шельфе России в Арктике // Государство и право. — 2009. — № 10.
15. Вылегжанин А. Н., Каламкарян Р. А. Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журнал международного права. — 2012. — № 2.
16. Дело о континентальном шельфе Северного моря (между ФРГ и Данией; между ФРГ и Нидерландами), Решение от 20 февраля 1969 г., North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany / Denmark; Federal Republic of Germany / Netherlands), Judgment // I.C.J. Reports 1969.
17. Дело о континентальном шельфе (между Ливийской Арабской Джамахирией и Тунисом). Решение от 24 февраля 1982 г. Continental Shelf (Tunisia / Libyan Arab Jamahiriya), Judgment. / I.C.J. Reports 1982.
18. Вылегжанин А. Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. — М.: Юридическая литература, 2004.
19. Вылегжанин А. Н. Становление глобального правового пространства в XXI веке. // Международные процессы. — 2010. — Том 8. — № 2 (23). Май–август 2010 [Электронный ресурс] / Официальный сайт периодического издания «Международные процессы». — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-three/003.htm>.
20. Приложение II к Конвенции ООН по морскому праву 1982 года «Комиссия по границам континентального шельфа» // Бюллетень международных договоров. — 1998. — № 1.
21. Носиков А. Н. Современные тенденции развития правового режима Международного района морского дна: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2010.
22. Гудев П. А. Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. Библиотека института мировой экономики и международных отношений. — М.: ИМЭМО РАН, 2014.
23. Вылегжанин А. Н. Уточнение пределов юрисдикции России в Арктике на основе общего международного права // Международные суды: актуальные проблемы международного права // Межвузовский сборник научных трудов. — Вып. № 2 (6). — Екатеринбург, 2010.
24. Пещуров И. С. Режим дна Северного Ледовитого океана согласно международному обычному праву // Московский журнал международного права. — 2014. — № 3 (95) июль — сентябрь.
25. Дело о делимитации морской границы в заливе Мэн (между Канадой и США). Решение от 12 октября 1984 г., Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Main Area (Canada / United States of America), Judgment // I.C.J. Reports 1984.
26. Эфендеев О. Ф. Арктические воды // Современное международное морское право. Режим вод и дна Мирового океана / Отв. ред. М. И. Лазарев. — М., 1974.
27. Бюллетень международных договоров. — 2011. — № 12.
28. Бюллетень международных договоров. — 2008. — № 1.
29. Вылегжанин А. Н. 20 лет «временного применения» Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — № 1.
30. Николаев А. Н., Пещуров И. С. Правовые возможности предотвращения потери Россией высокоширотного участка арктического шельфа. Современные производительные силы. — М.: СОПС. — № 1/2014. — С. 76.
31. Барсегов Ю. Г., Могилевкин И. М. и др. Арктика: интересы России и международные условия их реализации. — М., 2002. — С. 112.

Боклан Д. С.

ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Эффективность природоохранной деятельности и экономического развития в евразийском регионе напрямую зависит от количества государств, задействованных в данных процессах. Поэтому, независимо от политических взглядов государств евразийского региона, их природоохранное и экономическое сотрудничество требует соответствующей международно-правовой основы.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, евразийская экономическая интеграция, Евразийский экономический союз, Суд Евразийского экономического союза.

Boklan D. S.

ENVIRONMENTAL PROTECTION IN THE CONTEXT OF EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION (INTERNATIONAL LEGAL ASPECT)

Efficiency of environmental protection and economic development in Eurasian region directly depends on the number of states involved in this process. Thus, environmental and economic cooperation of Eurasian states should be based on an appropriate international legal ground regardless of their politics.

Keywords: environmental protection, Eurasian economic integration, Eurasian Economic Union, Court of the Eurasian Economic Union.

Боклан Д. С.

29 мая 2014 г. Беларусь, Казахстан и Россия подписали Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). В Договоре о ЕАЭС кодифицировано более 40 международных договоров, направленных на формирование правовой базы Таможенного союза (2007–2009 гг.); более 30 международных договоров 2010 г., касающихся различных аспектов функционирования Таможенного союза (далее — ТС); более 20 международных договоров 2010 г., касающихся формирования и функционирования Единого экономического пространства (далее — ЕЭП); акты, касающиеся Евразийского экономического союза и статуса Евразийской экономической комиссии 2011 г.; значительная часть из почти 130 международных договоров и актов, подписанных ранее в рамках ЕврАзЭС.

Однако состав участников евразийской экономической интеграции не ограничивается только Беларусью, Казахстаном и Россией. В число стран, участвующих в евразийском интеграционном процессе, входят члены и наблюдатели ЕврАзЭС¹, кроме того, Армения, Киргизия и Таджикистан уже заявили о своем желании присоединиться к ЕАЭС.

К сожалению, ни одного многостороннего договора, заключенного в рамках ЕврАзЭС, ЕЭП и ТС, целью которого является охрана окружающей среды и предотвращение негативного воздействия на нее хозяйственно-экономической деятельности, заключено не было. И, таким образом, в Договоре о ЕАЭС нет специального раздела, регулирующего отношения в этой области.

Вместе с тем правовой режим хозяйственно-экономической деятельности на евразийском пространстве не может не учитывать природоохранные интересы государств региона. Очевидно, что такими интересами обладают не только Беларусь, Казахстан и Россия, но и все государства евразийского региона, в том числе потому, что многие важнейшие природные ресурсы являются разделяемыми государствами евразийского региона и их использование одним государством может причинить ущерб другому государству. Таким образом, международно-правовое регулирование хозяйственно-экономической деятельности, оказывающей влияние на разделяемые природные ресурсы евразийского региона, будет достаточно эффективным

только на многостороннем (региональном) уровне государств евразийского региона.

Сегодня в евразийском регионе очевиден недостаток международно-правового регулирования природоохранных отношений на региональном уровне. Действующие в евразийском регионе соглашения условно можно разделить на две категории. К первой категории относятся соглашения о сотрудничестве в области охраны окружающей среды, а ко второй категории — соглашения о совместном использовании и охране водных ресурсов.

Рассмотрим первую категорию соглашений. Первым соглашением такого рода было Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды 1992 г. (далее — Соглашение 1992 г.), заключенное государствами — членами СНГ. Оно в значительной степени не отвечало сегодняшним потребностям государств евразийского региона. Так, в соответствии со ст. 1 Соглашения 1992 г. предусматривалась выработка и проведение «согласованной политики в области экологии и охраны окружающей природной среды (охраны и использования земель, почв, недр, лесов, вод, атмосферного воздуха, растительного и животного мира, естественных ресурсов континентального шельфа, экономической зоны и открытого моря за пределами действия национальной юрисдикции)». Вместе с тем сегодня существует острая необходимость выработки единой, а не только согласованной политики, особенно в сфере использования разделяемых природных ресурсов, под которой в соответствии со ст. 2 Договора о ЕАЭС 2014 г. понимается политика, осуществляемая государствами в определенных ими сферах, предполагающая применение унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий.

В соответствии со ст. 3 Соглашения 1992 г. для обеспечения ведения согласованной политики в области экологии и охраны окружающей природной среды государства признали необходимым «гармонизировать принимаемые ими природоохранные законодательные акты, экологические нормы и стандарты». Как указывает М. А. Пшеничников, «гармонизация законодательства — совокупность мер организационно-правового и политического характера, осуществляемых государством по согласованию законов посредством юридически установленных форм и методов с целью приведения их в органично слаженное, равновесное статико-динамическое состояние, позволяющее рассматривать весь законодательный массив как

1 Членами ЕврАзЭС являются: Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан. Узбекистан приостановил членство. Государствами-наблюдателями являются: Армения, Молдова и Украина.

единое, технико-юридическое стройное, функционально эффективное правовое образование»². Таким образом, очевидно, что указанная норма носила слишком общий характер и требовала существенной конкретизации, в условиях активно идущей экономической интеграции, необходимости предотвращения трансграничного ущерба окружающей среде и обеспечения экологической безопасности государств евразийского региона. В этой связи в основу международно-правового регулирования целесообразно было бы положить концепцию экологического районирования. Экологическое районирование должно строиться при тесном учете государственных границ и суверенитета государств, но, тем не менее, с приоритетной ориентацией на императивные требования к эффективному обеспечению экологической безопасности собственно экологического района, недопущение и ликвидацию угрозы окружающей среде, на уровень приемлемого экологического риска. Следует добиваться принятия законодательными органами разных государств, относящихся к одному экологическому району, единых и общеобязательных в соответствующем экологическом районе законодательных актов по районной экологической безопасности, не требующих договорного оформления между государствами³. В соответствии со ст. 7 Соглашения 1992 г. предусматривалась совместная выработка порядка, правил и процедур, касающихся «ответственности за нарушение положений настоящего Соглашения». Однако конкретных юридических оснований для такой ответственности соглашение не содержало. Кроме того, положения Соглашения не учитывали нормы целого ряда международных экологических соглашений (МЭС), в которых участвуют государства евразийского региона, в том числе направленных на предотвращение глобальных экологических проблем, таких как глобальные климатические изменения, сокращение биоразнообразия, обезлесение и ряд других.

В 2013 г. между государствами — членами СНГ было подписано Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств — участников СНГ (далее — Соглашение 2013 г.). Соглашение 2013 г. является прогрессивным шагом в сфере развития отношений стран СНГ. В преамбуле Соглашения 2013 г. указывается на то, что государства исходят из «понимания целостности и неделимости окружающей среды, единства интересов всех государств в ее сохранении и устойчивом развитии». Кроме того, в Соглашении 2013 г. содержатся предпосылки развития концепции экологического районирования и закрепляется принцип предотвращения трансграничного ущерба окружающей среде за пределами юрисдикции и контроля государства. Так, в преамбуле Соглашения 2013 г. закреплено положение, в соответствии с которым государства отмечают, что границы между ними «могут не совпадать с природно-экологическими и бассейновыми границами, и...хозяйственная и иная деятельность на территории одного государства не должна наносить ущерб окружающей среде, качеству жизни населения и хозяйственной деятельности других государств». В Соглашении 2013 г. заложены международно-правовые основы ограничения хозяйственно-экономической деятельности в природоохранных целях и целях обеспечения экологической безопасности. Так, в числе основных направлений сотрудничества государств указываются всесторонняя оценка экологических последствий хозяйственной и иной деятельности; осуществление действий, направленных

на развитие и совершенствование экологической экспертизы, в том числе планов и программ, а также проведение оценки воздействия на окружающую среду планируемой деятельности в трансграничном контексте; внедрение инновационных проектов, энергоэффективных и ресурсосберегающих технологий, малоотходных, безотходных и экологически безопасных технологических процессов; осуществление формирования системы экономических механизмов природопользования и охраны окружающей среды, стимулирования рынка экологических услуг, продукции, технологий и оборудования (ст. 2 Соглашения 2013 г.). Кроме того, Соглашение 2013 г. предусматривает институциональный механизм реализации его положений. В соответствии со ст. 4 Соглашения 2013 г. создается Межгосударственный экологический совет государств — участников СНГ, положение о котором является приложением к Соглашению 2013 г. В соответствии со ст. 12 Соглашения 2013 г. рассмотренное ранее Соглашение 1992 г. прекращает свое действие. Вместе с тем хотелось бы отметить ряд существующих задач, которые все еще остаются не решенными, несмотря на подписание государствами — членами СНГ Соглашения 2013 г. Практически все нормы Соглашения 2013 г. носят общий характер. Большая часть положений направлена на необходимость разработки в будущем новой международно-правовой базы. Следовательно, для эффективной реализации принципов, заложенных в Соглашении 2013 г., требуется дальнейшая конкретизация его положений. На наш взгляд, существенным упущением является отсутствие даже рамочных норм об ответственности государств за ущерб, причиненный окружающей среде за пределами их юрисдикции и контроля. Более того, как показывает историко-политическое развитие евразийской интеграции, этот процесс идет неравномерно на евразийском пространстве. Ряд государств являются активными участниками интеграционных процессов, а ряд других не готовы к активной фазе евразийской интеграции. Так, например, Украина к рассматриваемому Соглашению 2013 г. сделала оговорку, в соответствии с которой она «будет выполнять Соглашение исходя из национального законодательства», что фактически означает отказ от каких-либо интеграционных процессов.

Кроме того, между государствами — участниками евразийской интеграции действует ряд двусторонних соглашений.

К первой категории можно отнести следующие международные договоры: Соглашение между Кабинетом Министров Республики Беларусь и Правительством Украины о сотрудничестве в области охраны окружающей среды 1994 г., Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины о сотрудничестве в области охраны окружающей среды 1995 г., Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области охраны окружающей среды 2004 г. и Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области охраны окружающей среды 1994 г.; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова о сотрудничестве в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов 2008 г. Все указанные соглашения основаны на концепции устойчивого развития. Соглашения содержат предпосылки для применения мер, ограничивающих хозяйственно-экономическую деятельность с природоохранной целью. В частности, к таким мерам можно отнести следующие: совместная деятельность в области нормирования, стандартизации, метрологии и сертификации; охрана окружающей природной среды от загрязнения пестицидами и минеральными удобрениями при их применении, хранении, транспортировке; сбор, переработка, утилизация, обезвреживание, складирование и захоронение токсичных и радиоактивных отходов и особо опасных веществ и контроль за их трансграничным перемещением; борьба с техногенным шумом и ряд других. Однако указанные соглашения содержат нормы рамочного ха-

2 Пшеничников М. А. Гармонизация российского законодательства (теория, практика, техника): Автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. — Нижний Новгород, 2011 [Электронный ресурс] — Режим доступа: / Сайт Бесплатная электронная библиотека <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-yuridicheskie/a39.php>.

3 См. более подробно: Мохаммад Сарвар Мохаммад Анвар. Международно-правовые вопросы экологического районирования: Дис. ...канд. юрид. наук. — М., 2003 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.disserscat.com/content/mezhdunarodno-pravovye-voprosy-ekologicheskogo-raionirovaniya>

рактера, требующие дальнейшей конкретизации. Конкретных мер, ограничивающих торговлю и иную хозяйственно-экономическую деятельность, данные соглашения не содержат.

Государства — участники евразийской интеграции богаты водными природными ресурсами. Немалая часть этих водных ресурсов является разделяемой⁴. Таким образом, ко второй категории можно отнести Соглашение между Республиками Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» 1992 г. Данное Соглашение предусматривает проведение согласованной политики в интересах развития экономики и повышения уровня жизни населения и совместного использования производственного потенциала водного хозяйства республик. В Соглашении содержатся обязанности государств по комплексному и рациональному использованию водных ресурсов, разработке и утверждению лимитов водопотребления ежегодно для каждой из республик и региона в целом, соответствующих графиков режимов работы водохранилищ, корректировке их по уточненным прогнозам в зависимости от фактической водности и складывающейся водохозяйственной обстановки. В данном Соглашении сочетаются как нормы рамочного характера, так и нормы, предусматривающие конкретные обязательства.

Что касается двусторонних договоров второй категории, то к ним относятся следующие международные договоры: Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о совместном использовании и охране трансграничных вод 2001 г., Соглашение между Правительством Украины и Правительством Российской Федерации о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов 1992 г., Соглашение между правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов 1992 г., Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов 2002 г.

Все указанные соглашения ограничивают хозяйственно-экономическую деятельность государств-участников на трансграничных водных ресурсах экономическими интересами другого государства-участника и природоохранными целями и основываются на концепции устойчивого развития. Более того, в соответствии со ст. 7 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, если осуществление каких-либо мероприятий одной из Сторон причинит убытки или ущерб на территории другой Стороны, ответственность за их возмещение потерпевшей Стороне несет Сторона, осуществившая такие мероприятия. Это редкий случай, когда международный договор возлагает ответственность за трансграничный ущерб непосредственно на государство. Однако в Соглашении не указывается, что понимается под «мероприятиями одной из Сторон», в частности, входят ли в данное понятие мероприятия, осуществляемые частными операторами, т.е. физическими и юридическими лицами.

Таким образом, рассмотренные соглашения предусматривают меры, ограничивающие хозяйственно-экономическую деятельность на разделяемых водных ресурсах. Вместе с тем ряд положений требует дальнейшей конкретизации, а сами соглашения требуют большей унификации. Рассмотренные выше соглашения должны быть основой для кодификации, унификации и прогрессивного развития международного экологического права евразийского региона. В частности, необходимо определить правовой режим деятельности частных операторов, влекущей риск причинения трансграничного ущерба окружающей среде (и разделяемым водным ресурсам в том числе), и основания привлечения к ответственности за такой ущерб.

Еще одним обстоятельством, существенно влияющим на правовой режим хозяйственно-экономической деятельности и охраны окружающей среды стран евразийского региона, является участие этих стран в многосторонних экологических соглашениях (МЭС). Так, около 20 МЭС содержат положения, которые могут оказывать влияние на международные экономические отношения. Среди мер, которые государства вправе применять в соответствии с данными МЭС, большое значение имеют нетарифные меры ограничения торговли, вплоть до запрета экспорта/импорта товаров и осуществления некоторых видов хозяйственно-экономической деятельности. Такие ограничения могут применяться с различными природоохранными целями. Среди таких целей, в частности, можно выделить следующие: рациональное использование природных ресурсов; воспрепятствование опасным для окружающей среды методам производства; формирование экологических стандартов различных видов хозяйственно-экономической деятельности; предотвращение трансграничного перемещения веществ, которые причиняют и/или могут причинить ущерб окружающей среде и другие.

Взаимосвязь экологических и экономических интересов государств подтверждается и практикой международных судебных учреждений. Так, во всех рассмотренных Международным судом ООН, Международным трибуналом по морскому праву, Органом по рассмотрению споров ВТО делах, где затрагивались экологические проблемы, затрагивались также и международные экономические отношения⁵. Такая практика международных судебных учреждений свидетельствует о том, что сегодня мы наблюдаем процесс «экологизации» международных экономических отношений.

4 Так, например, разделяемыми крупнейшими реками России и Казахстана являются Урал, Ишим, Иртыш и Тобол. Разделяемыми реками России и Беларуси являются Уща, Полота и Синяя. Разделяемой рекой России, Беларуси и Украины является Днепр, разделяемой рекой России и Украины является Северский Донец, разделяемой рекой России и Азербайджана является река Самур, разделяемой рекой Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана является Сырдарья, а Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана — Амударья. Кыргызстан и Казахстан разделяют реки Чу и Талас. Кроме того, на территории Украины и России находятся Азовское и Черное моря, на территории России, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана находится Каспийское море.

5 Дела, рассмотренные Международным судом ООН: О юрисдикции над рыбными промыслами (ФРГ против Исландии) 1974 г.; Габчиково-Надьмарош (Венгрия против Чехословакии) 1997 г.; Целлюлозные заводы на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая) 2010 г.; Китобойный промысел в Антарктике (Австралия против Японии) 2014 г. Дела, рассмотренные Международным трибуналом по морскому праву: О южном голубом тунце (Новая Зеландия против Японии, Австралия против Японии) (1999 г.); О заводе Мокс (Ирландия против Великобритании) (2001 г.); О расширении Сингапуром прибрежной полосы в проливе Джохор и вокруг него (Малайзия против Сингапура) (2003 г.); О сохранении и устойчивой эксплуатации запасов меч-рыбы в юго-восточной части Тихого океана (Чили / Европейский союз) (2009 г.); Дела, рассмотренные ОРС ВТО: Стандарты для переработанного и конвенционного бензина (1996 г.) (Бразилия и Венесуэла против Соединенных Штатов Америки); Запрет импорта креветок и продуктов из креветок (1998, 2001) (Индия, Малайзия, Пакистан и Таиланд против Соединенных Штатов Америки); Меры, оказывающие влияние на асбест и продукцию, содержащую асбест (2001) (Канада против Европейских сообществ); О мерах, касающихся импорта, маркировки и продажи тунца и продукции из тунца (2012) (Мексика против США); О мерах, затрагивающих импорт и продажу товаров на внутреннем рынке (Плата за загрязнение окружающей среды) (2011) (Украина против Молдовы); О взимании «утилизационного сбора» в отношении автомобилей (2013) (Евросоюз против России) и др.

Правовой режим экономической деятельности в евразийском регионе не может не учитывать природоохранные интересы государств региона. С одной стороны, природоресурсные секторы государств евразийского региона составляют существенную долю их экономики. С другой стороны, как указывалось ранее, важнейшие природные ресурсы являются ресурсами, разделяемыми государствами евразийского региона, и их использование одним государством может причинить ущерб другому государству.

Договором о Евразийском экономическом союзе предусматривается создание Суда Евразийского экономического союза. В связи с этим возникает вопрос о том, будет ли компетентен Суд ЕАЭС рассматривать споры, затрагивающие одновременно экологические и торгово-экономические интересы государств?

В соответствии с п. 50 (пп. 2) Статута Суд при осуществлении правосудия применяет: Договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках ЕАЭС и иные международные договоры, участниками которых являются государства-стороны спора. К таким «иным» международным договорам, можно было бы отнести упомянутое Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств — участников СНГ 2013 г. и двусторонние соглашения об охране окружающей среды, действующие между государствами евразийского региона.

Однако, возвращаясь к вопросу о компетенции Суда ЕАЭС, необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. В соответствии с п. 39 Статута Суда Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза. То есть спор, возникший между государствами ЕАЭС на основании других международных договоров, Суд рассматривать не компетентен. Единственной статьей в договоре о ЕАЭС, на основании которой может возникнуть спор, связанный с охраной окружающей среды, является ст. 29. В соответствии с этой статьей государства — члены ЕАЭС во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения в случае,

если такие ограничения необходимы для: охраны окружающей среды; охраны животных и растений. Это означает, что Суд ЕАЭС компетентен рассматривать споры, возникающие в результате причинения ущерба окружающей среде торгово-экономической деятельностью, на основании ст. 29 Договора о ЕАЭС. Однако толкование и применение данной статьи договора о ЕАЭС представляется затруднительным по следующим причинам. Во-первых, в рамках ЕАЭС не заключено ни одного договора об охране окружающей среды. Во-вторых, в соответствии с п. 40 Статута Суда государства-члены могут отнести к компетенции Суда иные споры, разрешение которых Судом прямо предусмотрено. Однако международными договорами об охране окружающей среды, действующими между государствами евразийского региона, не предусмотрена передача споров по ним в Суд ЕАЭС.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о необходимости заключения договора об охране окружающей среды в рамках ЕАЭС. Такой договор будет способствовать предотвращению ущерба окружающей среде государств евразийского региона, причиненного торгово-экономической деятельностью; толкованию и применению Договора о ЕАЭС и дальнейшей интеграции в евразийском регионе.

Пристатейный библиографический список

1. Мохаммад Сарвар Мохаммад Анвар. Международно-правовые вопросы экологического районирования: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/mezhdunarodno-pravovye-voprosy-ekologicheskogo-raionirovaniya>.
2. Пшеничников М. А. Гармонизация российского законодательства (теория, практика, техника): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10. Нижний Новгород, 2011. [Электронный ресурс] — Режим доступа: / Сайт Бесплатная электронная библиотека <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-yuridicheskie/a39.php>.

Иванов Э. А.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО
КОМПЛАЕНС-КОНТРОЛЯ В СТРАНАХ БРИКС

В статье дается анализ правового регулирования антикоррупционного комплаенс-контроля в странах БРИКС, рассматриваются кодексы деловой этики и антикоррупционные политики компаний, участие компаний в коллективных инициативах, дается ряд рекомендаций по развитию антикоррупционного комплаенс-контроля.

Ключевые слова: предупреждение коррупции, антикоррупционный комплаенс-контроль, антикоррупционная политика, антикоррупционная оговорка, кодекс деловой этики, БРИКС.

Ivanov E. A.
LEGAL REGULATION OF ANTI-CORRUPTION
COMPLIANCE CONTROL IN BRICS COUNTRIES

The author analyzes regulation of anti-corruption compliance control in BRICS countries and application of these norms in companies. He also gives general overview of main obligations of companies, requirements for the development of the codes of business ethics, anti-corruption policy, main anti-corruption standards and procedures, the system of risk-assessment and identification of suspicious transactions.

Keywords: prevention of corruption, anti-corruption compliance control, anti-corruption policy, anti-corruption clause, code of business ethics, BRICS.

На протяжении столетий государства пытаются найти пути и построить системы борьбы с коррупцией. Коррупция оказывает крайне негативное влияние на развитие государства и общества, снижая эффективность деятельности государственного аппарата и бюджетных расходов, разрушая нормальные условия конкуренции в бизнесе, в конечном итоге подрывая в обществе доверие к существующим институтам власти.

При построении систем борьбы с коррупцией основной упор обычно делался на контроль за деятельностью государственных и муниципальных служащих. В качестве традиционных направлений противодействия коррупции можно выделить: установление уголовной ответственности физических лиц за совершение преступлений коррупционной направленности; установление обязанностей и ограничений для государственных и муниципальных служащих; декларирование доходов и имущества государственных и муниципальных служащих и членов их семей, а также контроль за соотношением доходов и расходов; меры по контролю за использованием бюджетных средств и средств внебюджетных фондов; антикоррупционная экспертиза проектов законодательных и нормативных правовых актов.

Вместе с тем в совершении преступлений коррупционной направленности, как правило, участвуют не только сами государственные и муниципальные служащие, неправомерно использующие свое должностное положение, но и лица, получающие в результате материальную выгоду и необоснованные преимущества. В этой связи в последние годы в целом ряде стран получила развитие идея создания в компаниях барьера на пути совершения преступлений коррупционной направленности в виде антикоррупционного комплаенс-контроля. Антикоррупционный комплаенс-контроль включает создание в компании структурного подразделения или назначение специального сотрудника, отвечающего за противодействие коррупции; принятие кодекса деловой этики и антикоррупционной политики, а также иных необходимых внутренних документов и процедур; сотрудничество с правоохранительными органами. Цель антикоррупционного комплаенс-контроля заключается в предотвращении участия сотрудников компаний в совершении преступлений коррупционной направленности.

В настоящей статье представлен ряд результатов проводимого автором исследования, посвященного правовому регули-

Иванов Э. А.

рованию и развитию антикоррупционного комплаенс-контроля в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка). Выбор стран для анализа, безусловно, не случаен. Страны БРИКС являются стратегическими партнерами России, идет активное развитие сотрудничества в различных отраслях экономики, осуществляются взаимные инвестиции, реализуются широкомасштабные совместные проекты. В последние годы в странах БРИКС идет процесс обновления антикоррупционного законодательства, развиваются новые направления борьбы с коррупцией, к числу которых относится и создание в компаниях системы антикоррупционного комплаенс-контроля.

В целях совершенствования системы борьбы с коррупцией в Российской Федерации, безусловно, представляет интерес изучение опыта государств — партнеров России. Российские компании, выходя на рынки стран БРИКС, привлекая иностранные инвестиции, должны учитывать положения иностранного антикоррупционного законодательства. В этой связи проводимое исследование правового регулирования и практики антикоррупционного комплаенс-контроля в компаниях стран БРИКС может быть полезным для государственных органов Российской Федерации, российских и иностранных компаний, ученых, интересующихся проблемами борьбы с коррупцией.

Положения законодательства стран БРИКС,
направленные на развитие антикоррупционного
комплаенс-контроля.

Страны БРИКС участвуют в основных универсальных международных договорах в сфере борьбы с коррупцией: Конвенции ООН против коррупции 2003 г., Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. Бразилия, Россия и Южная Африка являются участниками Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г.

Во всех странах БРИКС установлена уголовная ответственность за совершение преступлений коррупционной направленности, а также приняты правовые нормы, направленные на предупреждение коррупции.

Новое антикоррупционное законодательство Бразилии и России непосредственно предусматривает принятие организациями антикоррупционных стандартов и процедур и поддержит ряд стимулирующих норм.

Система антикоррупционного комплаенс-контроля в бразильских компаниях стала активно развиваться с вступлением в силу 30 января 2014 г. Закона от 1 августа 2013 г. № 12,846¹. Законом была установлена гражданско-правовая и административная ответственность юридических лиц за действия, направленные против государственного управления внутри страны и за рубежом, а также введен ряд других мер по предотвращению коррупции.

Закон применяется в отношении любых организаций, зарегистрированных в Бразилии, а также иностранных организаций, имеющих офисы, филиалы или представительства на территории Бразилии.

К противоправным деяниям, являющимся основанием ответственности организаций по данному закону, относятся обещание, предложение или предоставление любого неправомерного преимущества публично служащему или связанному с ним третьему лицу; финансирование в любой форме данных преступных действий; деяния при проведении тендеров, нарушающие нормальные конкурентные условия.

Закон устанавливает ответственность в виде штрафа в размере от 1 до 20% валового годового дохода организации, за вычетом налогов, за год, предшествующий административной процедуре. При этом сумма штрафа не может быть ниже суммы дохода, полученного в результате совершения коррупционного преступления, если такой доход возможно определить. При невозможности определить валовый годовой доход организации сумма штрафа может варьироваться от шести тысяч до шестидесяти миллионов бразильских реалов. Рекомендации по расчету суммы штрафа находятся в стадии разработки.

Закон предусматривает, что при определении размера штрафа суды обязаны учитывать наличие в организации механизмов и процедур предотвращения коррупции, проведения аудита и стимулирования сообщений о нарушениях, а также эффективность исполнения норм кодекса этики или поведения. Данная норма стала мощным стимулом, подтолкнув бразильские организации к принятию соответствующих документов и внедрению процедур антикоррупционного комплаенс-контроля.

В России антикоррупционный комплаенс-контроль стал развиваться после принятия Федерального закона от 3 декабря 2012 № 231-ФЗ², вступившего в силу с 1 января 2013 г. Данным законом были внесены изменения в Федеральный закон «О противодействии коррупции», обязывающие организации принимать меры по предупреждению коррупции. В соответствии с ч. 2 ст. 13.3 такие меры могут включать:

- 1) определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений;
- 2) сотрудничество организации с правоохранительными органами;
- 3) разработку и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации;
- 4) принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации;
- 5) предотвращение и урегулирование конфликта интересов;
- 6) недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона „О противодействии коррупции“»³ в целях содействия организациям в разработке

необходимых внутренних документов Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации 8 ноября 2013 г. были выпущены Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции⁴.

В ЮАР вопросы противодействия коррупции регулируются Законом от 27 апреля 2004 г. № 12 «О предупреждении и борьбе с коррупцией»⁵. Закон устанавливает ответственность за широкий круг преступлений коррупционной направленности. Статья 34 Закона устанавливает обязанность целого ряда лиц, в том числе руководителей и менеджеров компаний, сообщать органам полиции о ставших им известными фактах коррупции. Исполнение этой обязанности предполагает создание в компаниях системы антикоррупционного комплаенс-контроля. Необходимо также отметить норму Закона ЮАР «О компаниях» 2008 г., предусматривающую создание в компаниях с государственным участием и публичных компаниях комитетов по этике⁶. В число задач таких комитетов, как правило, входит и профилактика коррупции.

В Индии и Китае национальное законодательство не требует создания в компаниях процедур антикоррупционного комплаенс-контроля. Компании, ведущие деятельность в этих странах, добровольно принимают кодексы деловой этики и антикоррупционные политики в целях предотвращения участия сотрудников в совершении преступлений коррупционной направленности и нанесения ущерба деловой репутации. Значительную роль в развитии антикоррупционного комплаенс-контроля играют национальные союзы и объединения предпринимателей. Компании также учитывают риск применения иностранного антикоррупционного законодательства, имеющего трансграничное действие, в частности Закона Великобритании «О взяточничестве» (UK Bribery Act 2010)⁷, и Закона США «О борьбе с практикой коррупции за рубежом» (FCPA)⁸.

Проводимое автором исследование показывает, что антикоррупционный комплаенс-контроль в компаниях стран БРИКС имеет идентичные организационные и правовые основы. Формирование в компании антикоррупционного комплаенс-контроля предполагает:

- назначение сотрудника либо определение структурного подразделения, отвечающего за противодействие коррупции;
- возложение отдельных функций, связанных с противодействием коррупции, на другие структурные подразделения компании;
- принятие кодекса деловой этики, декларирующего неприятие коррупции компанией, ее владельцами, руководителями и сотрудниками;
- принятие антикоррупционной политики, включающей стандарты и процедуры, регламентирующие работу компании по предупреждению коррупции.

При разработке внутренних документов, направленных на предотвращение коррупции, компании стран БРИКС учитывают положения национального антикоррупционного и иного законодательства; положения применимого иностран-

1 Law No. 12,846, of August 1, 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.latini.com.br

2 Собрание законодательства РФ. — 2012. — 10 декабря. — № 50 (часть 4). — Ст. 6954.

3 Собрание законодательства РФ. — 2013. — 08 апреля. — № 14. — Ст. 1670.

4 Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/employment/26>

5 Prevention and Combating of corrupt activities act 12 of 2004 enacted by the Parliament of South Africa. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.justice.gov.za/legislation/acts/2004-012.pdf

6 Companies act 71 of 2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.justice.gov.za/legislation/acts/2008-071amended.pdf

7 The Bribery Act of 2010 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/contents

8 The Foreign Corrupt Practices Act of 1977, PL 95-213, Title 1; 91 Stat 1494, Dec 19, 1977.

ного антикоррупционного законодательства; рекомендации ОЭСР; стандарты и рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ); рекомендации Международной торговой палаты (МТП); рекомендации национальных союзов и объединений предпринимателей; антикоррупционные оговорки своих деловых партнеров.

Анализируя процесс развития антикоррупционного комплаенс-контроля, можно сделать вывод о постепенном формировании транснациональных стандартов, основанных как на правовых нормах, так и на рекомендациях международных и национальных союзов и объединений предпринимателей, а также практике крупнейших международных компаний.

Развитие антикоррупционного комплаенс-контроля идет, прежде всего, в крупных компаниях, ведущих бизнес в различных юрисдикциях. Средним и мелким компаниям нередко не хватает знаний и ресурсов.

Организационные основы антикоррупционного комплаенс-контроля в компаниях стран БРИКС.

Перед тем как приступить к разработке внутренних документов и созданию организационных основ антикоррупционного комплаенс-контроля компании, как правило, проводят оценку коррупционных рисков по различным направлениям своей деятельности и в различных структурных подразделениях. Оценка рисков может проводиться компанией самостоятельно или с привлечением внешних экспертов.

После проведения оценки рисков принимается решение о назначении сотрудника или создании специального структурного подразделения, отвечающего за предотвращение коррупции, а также возложении отдельных функций на другие структурные подразделения компании.

К функциям ответственного сотрудника обычно относятся разработка внутренних антикоррупционных документов компании; организация в компании антикоррупционного комплаенс-контроля; доведение требований соблюдения антикоррупционных норм до сведения всех сотрудников; регулярное проведение обучения сотрудников; взаимодействие с кадровой службой компании в процессе проверки кандидатов на вакантные должности; рассмотрение деклараций о конфликте интересов; получение и рассмотрение информации, касающейся подозрительных случаев; организация и координация внутренних расследований; взаимодействие с контрольными и правоохранительными органами.

Ответственный сотрудник или подразделение должны иметь возможность выявлять факты коррупции на всех уровнях работы компании, что предполагает высокую степень независимости. Как правило, ответственный сотрудник наделяется правом информировать совет директоров либо комитет совета директоров по аудиту о выявленных фактах коррупции на высшем уровне управления.

Место подразделения по профилактике или предотвращению коррупции в структуре компаний определяется по-разному. Наиболее распространенными вариантами являются: создание отдельных самостоятельных подразделений, возложение данной функции на службу безопасности или юридическое управление (отдел). Организации, обязанные осуществлять внутренний контроль в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, могут совместить функции антикоррупционного комплаенс-контроля и контроля в целях ПОД/ФТ в рамках одного управления (отдела). В некоторых компаниях формируется практика создания единых подразделений комплаенса, отвечающих за предотвращение отмывания денег, финансирования терроризма, коррупции и нарушений антимонопольного законодательства.

Ответственный сотрудник или подразделение по предотвращению коррупции должны взаимодействовать с Советом директоров и правлением компании, службой безопасности, кадровой службой и юридическим управлением компании.

Совет директоров либо общее собрание учредителей регулярно рассматривают отчеты о реализации антикоррупционной политики компании. Взаимодействие с кадровой службой и службой безопасности необходимо при изучении кандидатов при приеме на работу. В процессе идентификации и оценки риска контрагентов и клиентов компании может осуществляться взаимодействие со службой безопасности. Взаимодействие с юридическим управлением необходимо при разработке внутренних документов компании, заключении контрактов, включении в контракты антикоррупционной оговорки.

Кодекс деловой этики и/или служебного поведения в компаниях стран БРИКС.

Кодексы являются важными внутренними документами компаний, определяющими основные этические принципы ведения бизнеса, построения отношений с государственными органами и контрагентами, а также отношений между владельцами, руководителями и сотрудниками компаний. Кодексы являются открытыми публичными документами и размещаются на сайтах компаний.

Изучение кодексов ведущих компаний показывает, что они не ограничиваются вопросами предотвращения коррупции и регулируют достаточно широкий круг вопросов деловой этики.

В целях предотвращения коррупции компании, как правило, декларируют в кодексе ее неприятие в любых формах и проявлениях (принцип «нулевой терпимости») при осуществлении повседневной деятельности и реализации стратегических проектов, в том числе во взаимодействии с собственниками, акционерами, сотрудниками, инвесторами, контрагентами, органами государственной власти и местного самоуправления, политическими партиями. В кодексах закрепляется участие владельцев и высшего менеджмента в организации противодействия коррупции. Кодекс может определять ключевые принципы и требования, направленные на предотвращение коррупции и соблюдение норм применимого антикоррупционного законодательства компанией, ее органами управления, сотрудниками и иными лицами, которые могут действовать от имени компании. Как правило, кодекс содержит общие положения о политике компании в случае возникновения конфликта интересов. Дочерние организации иностранных компаний обычно стремятся обеспечить соответствие основных положений своих кодексов положениям аналогичных документов материнских компаний.

Важно отметить, что кодексы деловой этики являются локальными нормативными актами компаний. При приеме на работу с каждым работником обычно подписывается обязательство о соблюдении кодекса деловой этики. Принципы и иные положения кодекса могут распространяться на контрагентов и представителей компании, а также на иных лиц, в тех случаях, когда соответствующие обязанности закреплены в договорах с ними (антикоррупционная оговорка).

Антикоррупционные политики компаний стран БРИКС.

Проведенное исследование показало, что компании стран БРИКС обычно включают в антикоррупционную политику следующие стандарты и процедуры:

- организация работы компании по предотвращению коррупции;
- взаимодействие с филиалами, дочерними и зависимыми компаниями;
- процедура идентификации и изучения контрагентов, их представителей и бенефициарных владельцев;
- процедура оценки риска и критерии присвоения уровня риска;
- подарки и прием партнеров;
- расходы на промоушен;
- расходы на благотворительность;

- расходы на поддержку политических партий (если компания в принципе поддерживает или планирует поддерживать какие-либо политические партии);
- процедура контроля финансовых операций на предмет возможной связи с коррупцией;
- применение антикоррупционной оговорки в договорах с контрагентами;
- процедура поведения сотрудников и деятельности компании в случае, если она сталкивается с вымогательством или, наоборот, предложением взятки;
- антикоррупционные процедуры при приеме на работу;
- положения по предотвращению конфликта интересов;
- программа обучения сотрудников;
- программа анализа и оценки эффективности антикоррупционной политики.

В некоторых компаниях в антикоррупционную политику включаются разделы, касающиеся участия в конкурсных процедурах при проведении государственных закупок, проведения внутренних расследований, сотрудничества с контролирующими и правоохранительными органами, организации и функционирования горячей линии.

Наибольшей спецификой отличаются критерии оценки риска, процедуры присвоения уровня риска контрагентам и процедуры оценки финансовых операций на предмет возможной связи с коррупцией. Серьезные дискуссии и практические проблемы вызывает процедура идентификации бенефициарных владельцев.

Участие в коллективных инициативах по предотвращению коррупции. Во всех странах БРИКС важную роль в объединении усилий компаний по предотвращению коррупции и оказании им необходимой методологической помощи играют коллективные инициативы союзов и объединений предпринимателей. Их деятельность позволяет во многом восполнить пробелы в правовом регулировании антикоррупционного комплаенс-контроля.

В Бразилии в 2006 г. был принят Пакт бразильского бизнеса за честность и против коррупции⁹. Участвующие в Пакте ведущие союзы и ассоциации предпринимателей Бразилии заявили о неприятии коррупции и согласовали совместные меры по имплементации Пакта, включая разработку кодексов деловой этики и методологическую помощь малому и среднему бизнесу.

В России Торгово-промышленной палатой и общероссийскими общественными организациями «Российский союз промышленников и предпринимателей», «Деловая Россия» и «ОПОРА России» 20 сентября 2012 г. была принята Антикоррупционная хартия российского бизнеса¹⁰. Участники Хартии обязались разрабатывать и принимать необходимые меры по предотвращению коррупции. Российским союзом промышленников и предпринимателей ведется Сводный реестр участников Хартии.

В Индии коллективной инициативой по противодействию коррупции является Альянс за честность¹¹, взаимодействующий с Конфедерацией индийской промышленности.

В Китае большая работа по предотвращению коррупции в бизнесе проводится Китайским форумом деловых лидеров¹². Китайский форум деловых лидеров регулярно публи-

кует материалы по противодействию коррупции в бизнесе, проводит конференции и круглые столы, содействует внедрению антикоррупционных политик в различных отраслях экономики.

Деловым союзом Южной Африки в 2009 г. были приняты Хартия деловой этики, антикоррупционные руководства для иностранных инвесторов и организаций среднего и малого бизнеса¹³.

Изучение практики коллективных действий союзов и объединений предпринимателей по противодействию коррупции позволяет выделить несколько важных направлений их работы: разработка и принятие общих политических документов, декларирующих неприятие коррупции в бизнесе; взаимодействие с органами государственной власти и оказание содействия в выработке и осуществлении государственной антикоррупционной политики; подготовка типовых рекомендательных документов; проведение конференций и круглых столов; подготовка методических материалов и проведение обучения руководителей и сотрудников компаний по вопросам профилактики коррупции; оказание содействия организациям малого и среднего бизнеса во внедрении антикоррупционных политик.

Заключение.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что развитие антикоррупционного комплаенс-контроля в компаниях стран БРИКС происходит под влиянием общих факторов, имеет схожие тенденции и перспективы. Государства могут использовать накопленный опыт своих партнеров для выработки эффективных мер регулирования антикоррупционного комплаенс-контроля, а также стимулирующих мер для компаний, внедряющих антикоррупционные политики и процедуры. Сотрудничество в данной сфере будет способствовать формированию благоприятных условий для ведения бизнеса и инвестиций в странах БРИКС, основанных на неприятии коррупции и прозрачности регулирования предпринимательской деятельности. На наш взгляд, государства либо ведущие национальные объединения предпринимателей могли бы рассмотреть вопрос о выработке общих стандартов антикоррупционного комплаенс-контроля стран БРИКС, а также методических рекомендаций по изучению контрагентов и бенефициарных владельцев, оценке риска и выявлению подозрительных операций, учитывающих специфику стран БРИКС.

Дальнейшему развитию в компаниях стран БРИКС антикоррупционного комплаенс-контроля могло бы способствовать принятие в Индии, Китае и Южной Африке специальных правовых норм, аналогичных существующим в Бразилии и/или России. Такие нормы могут предусматривать обязанности организаций по профилактике коррупции и внедрению антикоррупционных политик, а также различные стимулирующие меры.

Дополнительные стимулирующие меры необходимы и для российских компаний. В качестве одной из мер можно рассмотреть использование опыта Бразилии и Великобритании по признанию наличия в компании эффективной антикоррупционной политики в качестве меры защиты от ответственности. Безусловно, это не столь простое решение, как может показаться на первый взгляд. Необходимо разработать и закрепить в нормативных правовых актах критерии оценки реального практического внедрения антикоррупционных политик компаний. Критерии должны учитывать масштабы бизнеса компаний. Очевидно, что нельзя предъявлять к небольшим компаниям те же требования, что и к крупным компаниям, ведущим бизнес в различных странах.

9 Pacto Empresarial pela Integridade e Contra a Corrupção [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.empresalimpa.org.br/index.php/empresa-limpa/pacto-contra-a-corrupcao/termo-de-adesao/ingles>

10 Антикоррупционная хартия российского бизнеса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.tprrf.ru/common/upload/EB_Antikorrupsionnaya_khartiya_rossijskogo_biznesa.PDF

11 Alliance for Integrity [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.allianceforintegrity.org/india/

12 China Business Leaders Forum [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.cblf.org.cn/about/AboutUs_EN.asp

13 BUSA Annual Review 2009. — P. 10 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://busa.org.za/download/Policy%20Documents%282%29/BUSA%20Annual%20Review%202009.pdf>

Гусейнов О. Р.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Сегодня государства активно включаются в международные экономические отношения, экономическая интеграция государств приобретает все более сложные формы.

Составной частью глобализации мирового хозяйства является международная региональная экономическая интеграция. Автор выделяет несколько организационно-правовых уровней подобного рода интеграции. Евразийский экономический союз выступает полноправным субъектом международного права. Право ЕАЭС является частью международного права.

Ключевые слова: глобализация, экономическая интеграция, международное право, Евразийский экономический союз, зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок.

Huseynov O. R.

INTERNATIONAL ECONOMIC INTEGRATION IN THE AREA OF INTERNATIONAL LAW

Nowadays, the state is actively drawn into the international economic relations, economic integration of states acquires increasingly complex forms. Part of the globalization of the world economy is an international regional economic integration. The author identifies several organizational and legal levels of international economic integration. Eurasian Economic Union is a full subject of international law. Law of the EAEU is a part of international law.

Keywords: globalization, economic integration, international law, the Eurasian economic union, free trade area, customs union, common market.

Гусейнов О. Р.

Развитие интеграционных процессов ведет к усилению конкуренции между странами, входящими в объединение, что приводит к регионализации и созданию общего рынка. Это позволяет в определенном географическом пространстве эффективнее организовать производственные процессы в условиях глобализации, что, в свою очередь, приводит к еще большему нарастанию конкуренции в мировой экономике.

В условиях глобализации государства активно втягиваются в международные экономические отношения, экономическая интеграция государств приобретает новые качественные и количественные параметры, и при этом многие традиционные методы государственного регулирования теряют свою эффективность, тем более если они осуществляются без должного учета международной практики регулирования таких отношений. Экономическая интеграция государств приобретает все более сложные взаимопересекающиеся и взаимопроникающие друг в друга формы. В то же время центр экономической силы в современном мире необязательно формируется посредством регионального объединения государств¹.

Международная экономическая интеграция как процесс хозяйственного и политического объединения стран на основе разделения труда между отдельными национальными хозяйствами и развития глубоких устойчивых взаимосвязей на различных уровнях и в различных сферах их экономик стала предпосылкой и движущей силой глобализации мировой экономики².

Одной из ведущих тенденций развития современной мировой экономики наряду с глобализацией мирового хозяйства является международная региональная экономическая интеграция. Развитие современной мировой экономики определяется двумя ключевыми тенденциями, которые находятся в сложном, неоднозначном, противоречивом взаимодействии. С одной стороны, происходит невиданный до сих пор процесс глобализации мирового хозяйства, а с другой — рост реги-

ональной и субрегиональной интеграции. На современном этапе региональные экономические организации все в большей мере начинают выполнять координирующие функции, что позволяет им выходить вовне в качестве единых структур и отстаивать объединенными усилиями общие региональные интересы, что мы видим, так или иначе, и на примере СНГ, ЕАЭС.

Сущность принципа открытого регионализма не ограничивается углублением сотрудничества только существующих региональных и субрегиональных группировок, данный принцип предполагает также и расширение взаимовыгодного сотрудничества между разными интеграционными союзами. Именно поэтому абсолютно беспочвенны попытки противопоставить процессы глобализации и регионализации.

В настоящее время в рамках международной экономической системы усиливается тенденция к созданию региональных интеграционных объединений, каждое из которых — это концентрация экономической силы, способ сократить издержки и представить мировому рынку товары, услуги и инвестиции конкурентного качества, завоевать своими ресурсами определенную долю на глобальном рынке. Конкуренция государств в глобальной экономике выходит на уровень конкуренции между интеграционными блоками³.

Рассматривая межгосударственную интеграцию с точки зрения доктрины международного права, один из основоположников советской науки международного права Е. Т. Усенко определяет интеграционный процесс как формирование единого для всех существующих государств международного права. Возникновение «общего международного права» он, классик российской науки международного права, называет генеральным интеграционным процессом⁴.

Число региональных экономических интеграционных образований постоянно увеличивается, они набирают свой вес

1 Лабин Д. К. Международно-правовое обеспечение мирового экономического порядка: Дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — С. 239–282.

2 Усенко Е. Т. Интеграция как всемирно-исторический процесс и международное право // Московский журнал международного права. — 1992. — № 1.

3 Шумилов В. М. Международная экономическая система в XXI веке // Евразийский юридический журнал. — 2009. — № 7 (14). — С. 9.

4 Усенко Е. Т. Введение. Глава I. Понятие интеграции и ее исторические уровни // Цит. по: Курс международного права. — В 7 т. — Т. 7. — С. 20.

и силу в мировой экономике⁵. На европейском континенте интеграционные процессы идут в рамках Европейского союза и Содружества Независимых Государств.

Следует выделить несколько организационно-правовых уровней интеграции, в зависимости от степени вовлечения экономик государств-участников между собой, которая постепенно возрастает.

1. Зона свободной торговли. Эта форма характеризуется тем, что государства-участники отменяют таможенные пошлины в торговле между собой, но каждое из этих государств сохраняет свои собственные экспортно-импортные таможенные тарифы в отношении товаров из третьих стран.

2. Таможенный союз. В этом случае государства-участники вводят единый таможенный тариф в отношении товаров из третьих стран.

3. Общий рынок. На данном этапе открываются не только таможенные, но и административные границы: отменяются таможенные и нетаможенные барьеры при перемещении товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, финансов.

4. Экономический союз. Характерным признаком его является проведение единой внешнеэкономической политики, появление и расширение наднационального метода регулирования интеграционных процессов.

5. Единое экономическое пространство. Такая форма предполагает определенно стройную политическую надстройку, характерную для конфедеративного устройства⁶.

Процесс становления свободной торговли между государствами — членами ЕС длился более 20 лет. Отмена таможенных пошлин на границах между государствами — членами завершилась к началу 1993 г.⁷

ЕАЭС имеет международно-правовой статус полноценной и полноформатной международной организации⁸. Являясь международной региональной организацией, Евразийский экономический союз выступает на международной арене ее полноправным субъектом. Право ЕАЭС является частью международного права, поскольку учредительный договор ЕАЭС квалифицируется как международный договор⁹.

После образования Таможенного союза и Единого экономического пространства мы получили возможность предметно подойти к следующему этапу интеграции — созданию Евразийского союза государств, который соответствует политико-экономическим потребностям трех государств. Все эти процессы позволяют говорить о том, что наша интеграция является не только императивом, но и реальностью¹⁰.

В условиях глобализации экономическая интеграция государств приобретает все более сложные формы. Для СНГ

характерна множественность форм интеграции с участием как одних и тех же, так и разных государств-участников. Например, на постсоветском пространстве было создано несколько интеграционных объединений, в том числе само СНГ; Союзное государство России и Белоруссии; Организация Центрально-Азиатского сотрудничества (ОЦАС); Таможенный союз; Евразийское экономическое сообщество, а теперь Единое экономическое пространство (ЕЭП).

Межгосударственная экономическая интеграция осуществляется в определенных организационно-правовых формах:

– зона свободной торговли (например, Зона свободной торговли СНГ, созданная Договором в 2011 г., который предусматривает сведение к минимуму исключений из номенклатуры товаров, к которым применяются импортные пошлины);

– таможенный союз (например, Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана, на основе которого создана общая таможенная территория трех государств);

– общий рынок (форма экономической интеграции стран, предполагающая свободное перемещение товаров, работ и услуг, а также факторов производства — капитала, трудовых ресурсов — через границы стран, являющихся членами общего рынка);

– экономический союз (форма экономической интеграции, отличается от общего рынка единой фискальной и монетарной политикой);

– единое экономическое пространство (форма экономической интеграции, в рамках которой достигается высокая степень единства и согласованности их экономических действий, используется единая валюта, вводятся единые таможенные пошлины, закладываются основы единой экономической политики).

Единую таможенную территорию (ТС) составляют современные границы России, Казахстана и Беларуси. Результатом реального движения в сторону единения стало обустройство Единого экономического пространства. ЕЭП включает общий рынок товаров, услуг, капитала и труда, функционирование единой инфраструктуры, гармонизацию, а затем и унификацию законодательств Сторон¹¹.

Роль международного права в интеграционных процессах определяется как характером объекта интеграции, так и особенностями действующих на момент интеграции условий экономического сотрудничества. При этом речь идет о международном праве как средстве интеграции и, в качестве ее предпосылки, об интеграционных процессах, происходящих в рамках самих правовых систем посредством их гармонизации и унификации.

Глобализация международного права на основе единых принципов требует, прежде всего, формирования идентичной правовой системы в рамках регионов. Создание региональных систем права, возможно, станет эффективным шагом на пути к глобальному правовому пространству¹².

В рамках регионального сотрудничества, например, СНГ, в том числе в сфере иностранных инвестиций, также происходит унификация национальных законодательств. При этом проблема соотношения и взаимодействия международного права и национального права, как двух самостоятельных взаимосогласованных правовых систем, представляет одну

5 См.: Бирюков М. М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право. — М., 2006.

6 Шумилов В. М. Право и международные отношения. Международно-правовое регулирование Беларусь-Казахстан-Россия. Евразийский экономический союз. Информационно-справочные материалы. — Алматы, 2014. — С. 5, 7.

7 Бекашев К. А. ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 11 (78).

8 Юмашев Ю. М. Внешнеэкономические связи ЕЭС. Правовые аспекты: Дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1989. — С. 67.

9 Таможенный союз. Беларусь-Казахстан-Россия // Евразийский экономический союз. Информационно-справочные материалы. — Алматы, 2014. — С. 5, 7.

10 Бекашев К. А. ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 11 (78).

11 Фархутдинов И. З. ЕвразЭС... Да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 9 (76).

11 См. Азанов Б. К. Договор о Евразийском экономическом союзе: комплексный правовой анализ (Раздел I. Общие положения. Раздел II. Основные принципы, цели, компетенция и право союза // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 8 (75). — С. 39–49.

12 Этот процесс пусть медленно, но развивается. В частности, некоторые авторы рассматривают его на примере СНГ. Бляхман Л. С. Россия и Содружество независимых государств: уроки первого десятилетия. — СПб., 2001. — С. 112. См. также: Цивадзе Н. А. Применение норм международного права судами Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — С. 5–8.

из наиболее важных и сложных проблем юриспруденции. Дальнейшая эволюция международного права, углубление его взаимодействия с внутригосударственным правом органично обусловлены всесторонней интернационализацией национальных правовых систем.

В международном экономическом праве создан правовой институт экономической интеграции. Его можно определить как совокупность принципов и норм международного экономического права, регулирующих процесс осуществления межгосударственной экономической интеграции¹³.

Что же собой представляет интеграция с точки зрения международного права?

Интеграцию С. В. Бахин рассматривает как объединение материальных, организационных, финансовых, трудовых, интеллектуальных ресурсов отдельных стран для совместного решения проблем, связанных с их функционированием и развитием¹⁴.

По мнению В. М. Шумилова, интеграция — это процесс объединения суверенных государств с целью установления расширенного экономического пространства, в котором могут свободно циркулировать товары, услуги, финансы, инвестиции, рабочая сила¹⁵.

Отдельно отмечается необходимость институциональной основы интеграции, в качестве которой должны выступить органы с наднациональными функциями и компетенцией субординационного порядка¹⁶.

В рамках интеграционных объединений появляются элементы «права интеграции», обладающего определенной автономией как по отношению к внутреннему праву, так и к международному праву¹⁷. Специалист в области интеграции стран СНГ Н. К. Исингарин определяет интеграцию как форму интернационализации хозяйственной жизни государств, регионов¹⁸.

В результате регионализации экономик государств, расположенных в соседстве друг с другом, их национальные особенности во многих их проявлениях не только сохраняются, но и усиливаются. Устойчивые региональные интеграционные образования, в значительной степени по доброй воле их участников, все более берут на себя выполнение координирующих функций, что позволяет им выходить на глобальный уровень в качестве единых структур для защиты общих региональных интересов.

В связи с этим особо подчеркнем, что развитие современного мирового хозяйства находится в сложном, неоднозначном, противоречивом взаимодействии¹⁹. Особую значимость эта проблема имеет для государств — участников СНГ в связи с их вступлением в ведущие межгосударственные экономические организации, в том числе в ВТО, а также жесткими требованиями, предъявляемыми данными организациями к государствам-членам.

Чтобы национальная экономика оставалась конкурентоспособной на глобальном рынке, она должна быть интегрирована в состав того или иного суперрегиона — достаточно мощной группы стран, обладающих собственным научно-техническим потенциалом и развитыми человеческими ресурсами²⁰. Таковым суперрегионом, на наш взгляд, являются государства СНГ, расположенные в центре евразийского экономического пространства.

Сегодня центром экономической интеграции в СНГ стал именно Евразийский экономический союз. Очевидно, что евразийская интеграция, как правовое явление, означает создание «специального» — внутриинтеграционного правового режима для регулирования перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.

Региональные интеграционные союзы рассматриваются многими развивающимися странами в качестве наиболее эффективного способа улучшения конкурентоспособности и отдельных стран, и всего региона в целом на фоне некоторых негативных последствий, связанных с глобализацией. Во многом обозначившееся стремление к расширению регионального сотрудничества на новом витке стало ответом на глобализационные процессы. Укрепление хозяйственных региональных связей, институтов локальной кооперации, а также сотрудничество в других сферах создают, как показывает мировая практика, лучшие перспективы социально-экономического развития отдельных стран, отдельных регионов, стало быть, в конечном итоге, мирового сообщества в целом.

Мировой опыт показывает, что экономическая интеграция стран реально возможна и эффективна при условии достаточно высокой степени их экономического развития. Аграрно-сырьевые страны практически не заинтересованы во взаимной торговле; они, как правило, выступают не как взаимно дополняющие друг друга экономические системы, а как конкуренты, борющиеся за внешние рынки сбыта и источники финансовой помощи.

Практика региональных интеграционных объединений показывает, что государства-члены большое внимание уделяют формированию организационно-правовой структуры. При этом заметна следующая тенденция: в основу построения организационно-правовой структуры объединения закладывается определенный управляющий механизм регулирования международных экономических отношений между государствами-участниками. Некоторые ученые этот механизм именуют термином «наднациональность», или «надгосударственность», или «наднациональный метод регулирования».

Основные принципы международного права распространяются и на экономическую область взаимоотношений государств. Очевидно, что уже существующие интеграционные блоки имеют свою международно-правовую основу, которая состоит из источников, принимаемых как непосредственно государствами-членами, так и институтами интеграционного объединения. Это относится к принципу суверенного равенства. Ведь «экономический суверенитет — это не суверенитет в экономической области, а суверенитет экономического содержания»²¹.

Итак, международная экономическая интеграция как следствие глобализации способствует созданию общего правового пространства и является предметом исследования международного права.

13 Ремезова Н. А. Международно-правовые проблемы совершенствования экономической интеграции в рамках СНГ И ЕВРАЗЭС: Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — С. 4.

14 Бахин С. В. Понятие и механизмы международно-правового сближения правовых систем // Российский ежегодник международного права. — СПб., 2001. — С. 64.

15 Шумилов В. М. Международное экономическое право. — М., 2003. — С. 53.

16 Ковалев А. А. Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности: Учеб. пособие. — М., 2007. — С. 241.

17 Шумилов В. М. Международное экономическое право. — М., 2003. — С. 46.

18 Исингарин Н. К. Проблемы интеграции в СНГ. — Алматы, 1998. — С. 4.

19 Веляминов Г. М. Политика, право и международные инвестиции // Legal Aspects of Investment Contracts / Ed. by A. Trunk, A. Aliev. — Baku: Eastlaw Press, 2009. — P. 29–43.

20 См.: Cates S. The Changing Global Role of the Human Resource Function. — New York, 1994; McKenney J. L. Waves of Change: Business Evolution through Information Technology. — Boston, 1995; Cates S. The Changing Global Role of the Research and Development Function. — New York, 1995.

21 Блищенко И. П., Дориа Ж. Экономический суверенитет государства. — М., 2001. — С. 26.

Пристатейный библиографический список

1. Азанов Б. К. Договор о Евразийском экономическом союзе: комплексный правовой анализ (Раздел I. Общие положения. Раздел II. Основные принципы, цели, компетенция и право союза // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 8 (75).
2. Бахин С. В. Понятие и механизмы международно-правового сближения правовых систем // Российский ежегодник международного права. — СПб., 2001.
3. Бекашев К. А. ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 11 (78).
4. Бирюков М. М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право. — М., 2006.
5. Блищенко И. П., Дориа Ж. Экономический суверенитет государства. — М., 2001.
6. Бляхман Л. С. Россия и Содружество независимых государств: уроки первого десятилетия. — СПб., 2001.
7. Вельяминов Г. М. Политика, право и международные инвестиции // Legal Aspects of Investment Contracts / Ed. by A. Trunk, A. Aliev. — Baku: Eastlaw Press, 2009.
8. Исингарин Н. К. Проблемы интеграции в СНГ. — Алматы, 1998.
9. Ковалев А. А. Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности: Учеб. пособие. — М., 2007.
10. Лабин Д. К. Международно-правовое обеспечение мирового экономического порядка: Дис. ...д-ра юрид. наук. — М., 2005.
11. Ремезова Н. А. Международно-правовые проблемы совершенствования экономической интеграции в рамках СНГ и ЕВРАЗЭС: Дисс. ...канд. юрид. наук. — М., 2008.
12. Таможенный союз. Беларусь-Казахстан-Россия // Евразийский экономический союз. Информационно-справочные материалы. — Алматы, 2014.
13. Усенко Е. Т. Интеграция как всемирно-исторический процесс и международное право // Московский журнал международного права. — 1992.
14. Усенко Е. Т. Введение. Глава I. Понятие интеграции и ее исторические уровни // Цит. по: Курс международного права. — В 7 т. — Т. 7.
15. Фархутдинов И. З. ЕврАзЭС... Да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 9 (76).
16. Цивадзе Н. А. Применение норм международного права судами Российской Федерации: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. — М., 2005.
17. Шумилов В. М. Международная экономическая система в XXI веке // Евразийский юридический журнал. — 2009. — № 7 (14).
18. Шумилов В. М. Международное экономическое право. — М., 2003.
19. Шумилов В. М. Право и международные отношения. Международно-правовое регулирование Беларусь-Казахстан-Россия. Евразийский экономический союз. Информационно-справочные материалы. — Алматы, 2014.
20. Юмашев Ю. М. Внешнеэкономические связи ЕЭС. Правовые аспекты: Дис. ...д-ра юрид. наук. — М., 1989.
21. Cates S. The Changing Global Role of the Human Resource Function. — New York, 1994.
22. Cates S. The Changing Global Role of the Research and Development Function. — New York, 1995.
23. McKenney J. L. Waves of Change: Business Evolution through Information Technology. — Boston, 1995.

Биарджоманди Х.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ ИРАН

Объектом статьи является статус космической деятельности и применение принципов международного космического права Исламской республикой Иран.

Ключевые слова: Исламская республика Иран, применение принципов, космическая деятельность, международное космическое право.

Biarjomandi H.

APPLICATION OF THE PRINCIPLES OF INTERNATIONAL SPACE LAW OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

The object of the article is the study on the status of outer space activities and the application of the principles of international space law of the Islamic Republic of Iran.

Keywords: the Islamic Republic of Iran, the application of the principles, space activities, international space law.

Биарджоманди Х.

Космическая деятельность Ирана берет свое начало с 1958 г. в рамках международного сотрудничества в качестве одного из членов Специального комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях¹. С принятием Генеральной Ассамблеей ООН резолюции 1472 (XIV) от 12 декабря 1959 г. Комитет приобрел статус постоянного органа, и Иран, став одним из 24 его членов², принял активнейшее участие в этой сфере.

В стране первым шагом в практическом использовании околоземного космического пространства в мирных целях стали работы по дистанционному зондированию Земли из космоса в сотрудничестве с США. В 1972 г. в структуре Организации по планированию и бюджету было создано Бюро по сбору информации. Иран заключил с американской компанией «Дженерал электрик» контракт о приобретении, установке и эксплуатации станции по приему информации со спутников. Данная станция начала свою деятельность в 1974 г. В 1979 г. одновременно с победой исламской революции в стране как минимум трижды эта станция получила полную информацию со спутника «Ландсат»³.

После победы исламской революции и в результате разрыва отношений США с Исламской Республикой Иран, а также навязанной Ираком войны, продолжавшейся восемь лет, наступил довольно длительный перерыв в космической деятельности Ирана. Однако Исламская Республика Иран, используя бесценный опыт в создании ракет, сумела приступить к запуску спутников Земли и исследовательской деятельности в космосе⁴. Окончание войны и осуществление ряда мер позволили положить конец застою в космической сфере. Важным шагом в этом направлении стало принятие Меджлисом исламского совета (парламента ИРИ) закона о создании при Министерстве связи государственной компании — Центра дистанционного зондирования⁵.

Однако использование опыта других стран в области управления космической деятельностью, с одной стороны, и неструктурированная деятельность различных министерств и государственных органов в данной отрасли — с другой, не могли привести к фундаментальным изменениям в этой сфере. Лишь принятие 10 декабря 2003 г. Меджлисом Исламского Совета Закона об обязанностях и полномочиях Министерства по коммуникациям и информационным технологиям устранило эту проблему. Так, в соответствии со ст. 8 данного Закона были созданы Высший совет по космической деятельности, возглавляемый Президентом страны, а согласно ст. 9 при Министерстве по коммуникациям и информационным технологиям — Космическая организация Ирана. Постановлением Совета министров от 13 февраля 2005 г. на основе п. 1 ст. 8 Закона об обязанностях и полномочиях Министерства по коммуникациям и информационным технологиям был принят устав Космической организации Ирана⁶. Однако в процессе развития космической деятельности Высший административный совет Ирана на своем 138-м заседании от 21 июля 2010 г. в целях более интенсивного развития своей деятельности в космическом пространстве и успешного участия в конкурентной борьбе на международной арене, а также концентрирования потенциала, полномочий и кадров специалистов в едином комплексе принял решение о выделении Космической организации Ирана из Министерства по коммуникациям и информационным технологиям и переподчинении ее непосредственно Президенту страны⁷.

Благодаря этим структурным изменениям на национальном уровне и передаче контроля высшему официальному должностному лицу государства — Президенту страны, а также накопленному ранее опыту (проектирование и разработка программы по созданию спутника «Зохран» в дореволюционный период (до победы Исламской революции в 1977 г.), партнерскими отношениями Министерства коммуникаций Ирана с одной итальянской компанией, 25 февраля 1998 г. Космической организацией Ирана, Министерством науки, исследований и технологий и Министерством обороны страны был осуществлен совместный испытательный запуск спутника «Месбах», спроектированного в 1996 г. Организацией научно-производственных исследований при Министерстве науки. В последнее

1 Специальный комитет по использованию космического пространства в мирных целях учрежден резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1348 (XIII) от 13 декабря 1958 г.

2 См.: 856-е пленарное заседание Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1959 г. 1472 (XIV). Международное сотрудничество в области использования космического пространства в мирных целях.

3 См. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.isa.ir/ISA.UI/CommonPages/CommonMaster.php?page=alborz>

4 См. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hamshahrionline.ir/details/36525>

5 Исследовательский центр при Меджлисе Исламского совета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rc.majlis.ir/fa/law/>

show/91955 -

6 См. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rc.majlis.ir/fa/law/show/93987-125047-91955-93987>

7 Tarikhi P. Statutes of Iranian Space Agency (2005 & 2008) // Journal of Space Law. — Winter 2008. — Vol. 34. — No. 2.

десятилетие (2004–2014 гг.) космическая деятельность Ирана расширилась и, по оценке мировых экспертов в данной области, государственные достижения в области космических технологий наиболее высоки в указанный временной период.

Исламская Республика Иран свой первый исследовательский спутник запустила 27 октября 2005 г. Этот спутник был спроектирован и создан российской компанией по заказу Министерства науки, исследований и технологий Ирана. На околоземную орбиту с космодрома в Плесеке его вывела российская ракета «Космос-13 М». Однако самое важное событие произошло в 2006 г., когда Иран достиг успеха в разработке собственной технологии производства ракет, способных выводить спутники в космос. Именно после этого Иран на основе своих проектов и при использовании опыта западных стран и России приступил к созданию и производству отечественных спутников. Новый этап в освоении космического пространства ознаменовался запуском исследовательской ракеты «Сафир» («Посол») 4 февраля 2008 г. Первый спутник, целиком разработанный и созданный отечественной наукой и промышленностью, получил название «Омид» («Надежда»)⁸. Его запуск был осуществлен 2 февраля 2009 г.

3 февраля 2010 г. последовал успешный запуск исследовательской ракеты Explorer-3 с живыми существами на борту, благополучно вернувшимися на Землю. Затем были осуществлены запуски ракет Explorer-4 с биокапсулой 15 марта 2011 г., «Пишгам» («Пионер») с обезьянкой по кличке «Солнышко» 28 января 2013 г. и т.д. Таким образом, Иран в современную эпоху стал семнадцатой страной — пионером в космических технологиях.

Сегодня Исламская Республика Иран, опираясь на этот прочный фундамент, имеет ясные перспективы на последующие годы, четко изложенные в Космической программе на период до 2025 г. Данная программа была утверждена 8 января 2013 г. Она предусматривает активное партнерство на международной арене: в рамках Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях, в качестве члена Азиатско-Тихоокеанской организации по космическому сотрудничеству.

Исламская Республика Иран является участником четырех из пяти договоров ООН по космосу. Так, Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1968 г. (далее — Соглашение о спасании) ратифицировано Меджлисом 22 октября 1970 г., Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. (далее — Конвенция об ответственности) ратифицирована Меджлисом 23 декабря 1973 г. Иран также подписал, но еще не ратифицировал Конвенцию о регистрации объектов, запущенных в космическое пространство и Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (далее — Договор по космосу)⁹.

В Иране нет специального нормативно-правового акта, регулирующего космическую деятельность. Среди общих актов следует отметить «Перспективы развития Исламской Республики Иран до 1404 года» (солнечной хиджры, что соответствует периоду 21.03.2025–20.03.2026 гг. р.х.). Данный документ принят в целях разработки и принятия программ развития и годовых бюджетов страны. Важным моментом в «Перспективах...» является тезис о том, что к указанному периоду Иран, опираясь на конструктивное взаимодействие на международном уровне и интеграцию с исламскими и региональными государствами, должен занять первое место по научным достижениям и новейшим технологиям, в том числе космическим

технологиям, в Юго-Западной Азии, Южном Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке и среди соседних стран.

Опираясь на упомянутые выше «Перспективы», в соответствии со ст. 47 Закона о пятом пятилетнем плане развития Исламской Республики Иран, 19.10.1391 г. солнечной хиджры (08.01.2013 г.), Высший совет по культурной революции на своем 728-м заседании принял Комплексный план развития аэрокосмической отрасли страны. Данный план был принят согласно постановлению Совета штаба о реализации комплексного плана по развитию науки и во исполнение пункта а части 1 главы 5 этого плана в соответствии с постановлением 657-го заседания Высшего совета по культурной революции. Президент страны в своем уведомлении № 315/91/дш от 16.11.1391 г.с.х. (04.02.2013 г.) подтвердил необходимость его выполнения. В «Перспективах» были четко определены политика и конечная цель космической отрасли — стать передовой страной региона в этой сфере 6. По существу, данный Комплексный план представляет собой стратегическую программу развития космической деятельности и подключает к ее реализации все министерства и ведомства, которым предписано участвовать в выявлении и использовании для себя результатов космической деятельности.

В главе 3 документа особо подчеркнуты общечеловеческие ценности, определяющие общие принципы космической деятельности:

1. справедливость в развитии аэрокосмической отрасли и использовании ее результатов (пункт 1);
2. гармоничное взаимодействие на мировом уровне (пункт 5);
3. космические источники (небесные тела, их орбиты) являются достоянием всего человечества. Именно поэтому их использование должно осуществляться на основе справедливой правовой системы (пункт 7).

В главе 4 «Глобальная политика» утверждается необходимость взятия на себя ответственности за охрану окружающей среды (пункт 3). Политика и принимаемые программы в этой сфере не должны вступать в противоречие с Международным космическим правом.

Разумеется, нельзя отрицать, что в иранском законодательстве (Конституции, законах, утверждаемых Меджлисом Исламского Совета, подзаконных актах и постановлениях Кабинета министров относительно правового обеспечения космической деятельности) имеются специфические особенности. Однако нет единого всеобъемлющего закона по этому вопросу. Основной закон страны — Конституция несет черты дуализма и хранит молчание о месте и значении общепринятых принципов международного космического права. На основании ст. 4 Конституции и исходя из принципов и основ ислама относительно международных соглашений можно признать особое место международного права в сравнении с обычными законами. Более того, в обычных условиях не допускается их аннулирование посредством законов.

Иными словами, международные договоры и общепринятые принципы, содержащиеся в них, в соответствии со ст. 9 Гражданского кодекса Исламской Республики Иран, который основан на Конституции, подлежат заключению и ставятся по приоритету на второе место после Конституции¹⁰.

Таким образом, исходя из Соглашения о спасении 1968 г. и Конвенции об ответственности 1972 г., а также в соответствии с Договором о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (также известен как Московский договор) 1963 г., ратифицированным Меджлисом национального совета (парламентом) 12 января 1964 г.¹¹, можно было бы выделить среди прочих следующие

10 См: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Seyyed sadeq Haqiqat Trans-National Responsibilities in foreign policy of Islamic Government Presidency strategic center July 23, 1997. Tehran.pp. 476–478

11 См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bia-judiciary.ir/Default.aspx?tabid=366>

8 NASA — NSSDC — Spacecraft — Details

9 См. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: A/AC.105/C.2/2013/CRP.5, and <http://www.bia-judiciary.ir/Default.aspx?tabid=366>

обязательные к соблюдению Исламской республикой Иран принципы:

1. Принцип оказания помощи экипажу космического корабля в случае аварии, бедствия или вынужденной посадки.

2. Принцип международной ответственности государств за всю национальную космическую деятельность (включая деятельность неправительственных юридических лиц), в том числе и за ущерб, причиненный космическими объектами.

3. Принцип запрещения размещения в космическом пространстве объектов с оружием массового уничтожения. Частичная демилитаризация космического пространства и полная демилитаризация Луны и других небесных тел.

Принимая во внимание содержание текстов упомянутых выше Соглашения и Конвенции, подчеркивая и признавая огромное значение Договора по космосу, в преамбуле двух документов говорится, что Исламская Республика Иран принимает в качестве главенствующих в своей национальной космической деятельности нижеследующие принципы:

– принцип сотрудничества и взаимопомощи государств в мирном исследовании и использовании космического пространства и небесных тел;

– принцип заинтересованности всего человечества в дальнейшем исследовании и использовании космического пространства в мирных целях.

Помимо этого, в других законодательных актах, в частности, в п. А ст. 8 Закона об обязанностях и полномочиях Министерства коммуникаций и информационных технологий от 10 декабря 2003 г., ст. 1 и п. А ст. 2 Устава Высшего космического совета от 16 февраля 2005 г. подчеркнуто, что на основе принципа мирного использования околоземного космического пространства в рамках общей политики осуществляется исполнение законов и подзаконных актов, которые сами включают данные принципы.

Хотя и Закон о создании Организации аэрокосмической промышленности Вооруженных Сил Исламской Республики Иран, и ее Устав не дают разъяснений об упомянутых принципах в космической деятельности Вооруженных Сил, тем не менее в ст. 8 Устава, в которой установлены обязанности и полномочия Организации, упоминается необходимость соблюдения указанных законов и принципов.

Исследовательский центр при Меджлисе Исламского совета в своей работе «О месте Космической организации в правительственной структуре» и таблице 6 о подходах к решению вызовов, которые могут возникнуть перед Космической организацией Ирана (раздел 1–2), опирается на международное право, а именно на то, что «правительства перед лицом мирового сообщества должны нести ответственность за космические военные и гражданские программы, реализуемые по государственной линии, а также в рамках частного сектора». В разделе 4, в котором говорится о «ратификации законов, касающихся деятельности на международной арене», Исследовательский центр предлагает создать комитет по вопросам аэрокосмической деятельности в рамках комиссии Меджлиса Исламского совета по национальной безопасности и внешней политике¹².

Как можно было заметить, четкое исполнение на территории страны основных и специальных принципов, главенствующих в космической деятельности, гарантировано в упомянутых выше законах, документах и программах. Единственное возмещение в правовом поле может вызвать их разбросанность по различным документам и отсутствие одного общего закона, регламентирующего космическую деятельность Исламской Республики Иран.

Пристатейный библиографический список

1. Документ А/АС.105/С.2/2013/СРР.5
2. Исследовательский центр при Меджлисе Исламского совета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rc.majlis.ir/fa/law/show/93987-125047-91955-93987>.
3. Seyyed sadeq Haqiqat. Trans-National Responsibilities in foreign policy of Islamic Government / Presidency strategic center, Tehran, July 23, 1997.
4. Iranian space agency website [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.isa.ir/ISA.UI/CommonPages/CommonMaster.php?page=alborz>
5. The Office of International Affairs Iran's judiciary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bia-judiciary.ir/Default.aspx?tabid=366>
6. Tarikhi P. Statutes of Iranian Space Agency (2005 & 2008) // Journal of Space Law. — winter 2008. — Vol. 34. — No. 2.

12 См.: Офис на связи и новые технологии, No. 13185, сентябрь 2013

Гилязева Д. Р.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В работе подчеркивается актуальность взаимодействия норм международного и национального права в сфере охраны экологических прав коренных малочисленных народов России. Автор приходит к выводу о необходимости имплементации основных положений международных актов в сфере охраны экологических прав коренных народов в национальное законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: международное право, национальное право, взаимодействие, коренные малочисленные народы, экологические права.

Gilyazeva D. R.

INTERNATIONAL AND DOMESTIC LAW INTERACTION IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL RIGHTS PROTECTION OF RUSSIAN INDIGENOUS MINORITY PEOPLE

There is emphasized the urgency of interaction between international and domestic law in the field of Russian indigenous peoples' environmental rights protection in the article. Author comes to conclusion about necessity of the international law main provisions implementation in the sphere of indigenous peoples' environmental rights protection to the Russian Federation domestic law.

Keywords: international law, domestic law, indigenous minority people, environmental rights.

Гилязева Д. Р.

В Конституции Российской Федерации говорится: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» (ст. 69)¹. Для реализации настоящего положения необходимо очертить круг международно-правовых документов, касающихся коренных народов, определить, как они включены в правовую систему России и в каком соотношении находятся с ее Конституцией, федеральными законами и иными нормативно-правовыми актами.

Настоящее положение означает, что Россия несет ответственность перед обществом по обеспечению развития экономики и культуры коренных малочисленных народов и охраны природной среды в местах их проживания. Включение данной нормы в главу Конституции «Федеративное устройство» составляет важный элемент национальной и региональной политики России. Это нашло подтверждение также в Основных положениях региональной политики и в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, в которых формулируются задачи государственной поддержки сохранения самобытной культуры малочисленных народов, их языка, традиций и среды обитания.

Интересную позицию высказывает профессор В. В. Лазарев, который видит в ст. 69 Конституции России перспективное значение. Данная норма ориентирует федерального и регионального законодателя в будущем на правовое регулирование отношений, участниками которых выступают коренные малочисленные народы и их представители, на проведение такой политики, которая предотвратила бы развитие негативных явлений в жизни этих народов и гарантировала бы их права, общепризнанные в мировом сообществе². Хотелось бы выразить свое согласие с Президентом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

РФ С. Н. Харючи, который пишет: «Защита прав коренных малочисленных народов Российской Федерации составляет одну из важнейших конституционных задач нашего государства, как государства демократического и социального»³.

Часть 1 ст. 9 Конституции РФ провозглашает, что: «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории»⁴. Однако попытки увязать это положение непосредственно с коренными малочисленными народами России не увенчались успехом. Согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. по проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай под указанными народами понимаются все народы России, проживающие в пределах ее государственной границы, а естественные богатства имеют всенародное значение: иное означало бы умаление суверенитета Российской Федерации и ее народов, ослабление ее безопасности, государственной целостности и независимости⁵.

Как отмечает профессор В. А. Кряжков: «За последнее десятилетие площади оленьих пастбищ убавились на 11 млн га. В Тюменской области в связи с освоением и обустройством нефтяных и газовых месторождений из хозяйственного оборота выведено 6 млн га земель, что превысило установленную норму в 23 раза»⁶. Специалисты отмечают, что за последнее столетие в России исчезли представители таких народов, как керекы,

1 Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237.

2 Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. В. В. Лазарев // Правовая Система «ГАРАНТ» 2003.

3 Харючи С. Н. Развитие законодательства о защите прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации // Журнал российского права. — 2006. — № 7. — С. 13.

4 Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237. Текст Конституции с учетом всех поправок опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 26 января 2009 г. № 4 ст. 445.

5 Васильева Л. Н. Регулирование прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов: опыт Российской Федерации // Журнал российского права. — 2005. — № 6. — С. 156.

6 Кряжков В. А. Правовые проблемы коренных малочисленных народов России // Государство и право. — 1994. — № 6. — С. 3.

чуванцы, ороки, айны. На грани исчезновения также находятся представители таких народов, как юкагиры, кеты, орочи и другие малочисленные народы Севера⁷. Они вытесняются с земель традиционного проживания и хозяйственной деятельности, не получая справедливой компенсации и ассимилируясь среди другого населения.

Статья 72 Конституции РФ (п. «м» ч. 1) провозглашает защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей. Настоящее положение конкретизируется федеральными законами о животном мире, особо охраняемых территориях, образовании, культуре, языках, об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера и др. Так, например, согласно ст. 30 Лесного кодекса РФ в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и ведущих традиционный образ жизни, эти лица имеют право бесплатно осуществлять заготовку древесины для собственных нужд, исходя из нормативов, устанавливаемых законами субъектов Российской Федерации⁸. Главное требование — это должны быть исключительно собственные нужды⁹.

Статья 9 Федерального закона «О животном мире» закрепляет участие коренных малочисленных народов в охране и использовании объектов животного мира, сохранении и восстановлении среды их обитания. А статьи 48 и 49 настоящего закона закрепляют право коренных малочисленных народов на применение традиционных методов добычи объектов животного мира и продуктов их жизнедеятельности, а также право на приоритетное пользование животным миром¹⁰.

Исходя из основных принципов, закрепленных в ряде статей Конституции РФ, можно прийти к заключению, что право коренных малочисленных народов на традиционное природопользование является частью права человека на благоприятную окружающую среду и одновременно неотъемлемым элементом права на жизнь.

Одним из основных нормативно-правовых источников, регулирующих права коренных малочисленных народов в России, является Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации», который наряду с гарантиями самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов фиксирует правовые основы защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов. В соответствии с вышеупомянутым законом к коренным малочисленным народам Российской Федерации относятся «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями»¹¹.

7 Кряжков В. А. Права коренных малочисленных народов России: методология регулирования // Государство и право. — 1997. — № 1. — С. 19.

8 Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // СЗ РФ. — 2006. — № 50. — Ст. 5278.

9 Пуряева А. Ю. Право коренных малочисленных народов РФ в области землепользования и лесопользования // Актуальные вопросы прав народов в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Р. Ш. Гарипов. — Казань: Издательство Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2009. — С. 71.

10 Федеральный закон Российской Федерации от 24.04.1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // СЗ РФ. — 1995. — № 17. — Ст. 1462.

11 Федеральный закон Российской Федерации от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1999. — № 18. — Ст. 2208.

Законом были введены такие понятия, как экологическая и этнологическая экспертиза, которые, к сожалению, в силу ряда причин не проводятся при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей природной среды в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов. Это связано с тем, что в российском законодательстве нет никаких актов, регулирующих порядок проведения экологической и этнологической экспертиз.

Другим существенным недостатком является то, что в настоящее время экологическая экспертиза не принимает решение о допустимости или недопустимости реализации намечаемой хозяйственной деятельности, а лишь проверяет соответствие экологическим требованиям. Также следует отметить, что существующие методики оценки вреда окружающей среде не соответствуют реальным масштабам причиняемого в ходе промышленного освоения вреда и убыткам, а также затратам на восстановление окружающей среды и исконной среды обитания коренных малочисленных народов¹².

Другим важным нормативно-правовым источником является Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», который фиксирует правовые основы образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока для ведения ими на этих территориях традиционного природопользования и традиционного образа жизни¹³.

Однако, как отмечается в исследованиях о реализации данного документа, настоящий закон фактически не работает¹⁴. До сих пор ни одна федеральная территория традиционного природопользования создана не была. И это притом, что правительственный план Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов на 2009–2011 гг. предусматривал их создание¹⁵. Обращения от коренных народов об образовании федеральных территорий традиционного природопользования отклоняются, в то время как все больше территорий коренных народов изымаются и используются в коммерческих целях (строительство трубопроводов, гидроэлектрических дамб, добыча нефти и газа, добыча и заготовка леса).

На практике общины коренных малочисленных народов не могут закрепить за собой земельные участки с охотничье-промысловыми угодьями, оленьими пастбищами и рыбопромысловыми участками на территориях традиционного природопользования¹⁶. Не имея документов на право пользования землей на указанных территориях, представители и общины коренных малочисленных народов, осуществляющие такое

12 Мониторинг развития территорий традиционного природопользования в Ненецком автономном округе, Северо-Западная Россия. Отчет проекта / Под ред. В. К. Даллманна, В. В. Пескова, О. А. Мурашко, 2010. — С. 170–177. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ry-nenets.npolar.no/main%20pages/frame.html> (дата обращения: 23.01.2015).

13 ФЗ от 7.05.2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2001. — № 20. — Ст. 1972.

14 Харючи С. Н. Развитие законодательства о защите прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации // Журнал российского права. — 2006. — № 7. — С. 21.

15 Распоряжение Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» // СЗ РФ. — 2009. — № 7. — Ст. 876.

16 Кряжков В. А. Территории традиционного природопользования как реализации права коренных малочисленных народов на земли // Государство и право. — 2008. — № 1. — С. 44.

традиционное природопользование, не имеют возможности получить долгосрочные лицензии на право пользования объектами животного мира, разовые лицензии на промысел пушного зверя, а также квоты на вылов рыбы. Все это наносит серьезный удар по жизнеспособности коренных малочисленных народов, поскольку существование этих народов, как самостоятельных этносов без традиционного природопользования, не возможно.

Все дело в том, что через пять месяцев после принятия Федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» по предложению Правительства РФ был принят новый Земельный кодекс РФ, в котором была изъята норма о безвозмездном пользовании землями. Тем самым было отменено право передачи земель коренным малочисленным народам в соответствии с законом о территориях традиционного природопользования. По новому Земельному кодексу РФ земли могут передаваться гражданам и их объединениям только на праве аренды и частной собственности. Эти же нормы земельного права были отражены и в Федеральном законе «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», предложенном Правительством и принятом Государственной Думой в 2002 г.¹⁷ К этому виду земель относится большинство оленьих пастбищ. Таким образом, нормы земельного права свели на нет право коренных малочисленных народов на безвозмездное пользование землями.

В этой связи представляется особенно актуальным предложение повысить эффективность взаимодействия норм международного и национального права в России и заимствовать опыт зарубежных государств в сфере обеспечения права доступа коренных народов к земле и ресурсам. Так, например, наличие собственных территориальных образований (резерваций) коренных народов Америки помогает им в сохранении собственных традиций, культуры, языка и способствует развитию самоопределения этих народов¹⁸. Поэтому необходимо предпринять все возможные шаги, чтобы гарантировать создание территорий традиционного природопользования с федеральным статусом для коренных малочисленных народов России с тем, чтобы обеспечить соответствующий уровень их защиты и устойчивую территориальную и ресурсную базу с участием самих коренных сообществ.

Принципы традиционного природопользования коренных народов и современные принципы бизнеса — основа конфликтных ситуаций¹⁹. В процессе освоения территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока в орбиту неизбежных трансформаций вовлекаются коренные народы. Особенно негативные последствия вызывает наступление промышленных ресурсодобывающих предприятий. Совпадение мест традиционного природопользования и участков залегания полезных ископаемых является трагичным для представителей коренных народов.

К тому же Закон Российской Федерации «О недрах»²⁰, который содержит правовые и экономические основы комплексно-

го и рационального использования и охраны недр, умалчивает о правах коренных малочисленных народов в ходе добычи природных ресурсов на их территориях. Только лишь в ст. 4, где говорится о полномочиях органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере регулирования отношений недропользования на своих территориях, упоминается о защите интересов малочисленных народов. В ст. 20, где содержатся основания для прекращения права пользования недрами, не упоминаются какие-либо основания, связанные с нарушениями прав коренных малочисленных народов. Таким образом, коренные малочисленные народы не могут влиять ни на процесс выдачи, ни на процесс прекращения лицензий на добычу природных ресурсов.

О компенсациях при пользовании недрами в районах проживания малочисленных народов упоминалось в одном из многочисленных дополнений к Закону «О недрах»: «При пользовании недрами в районах проживания малочисленных народов и этнических групп часть платежей, поступающих в бюджеты субъектов Российской Федерации, используется для социально-экономического развития этих народов и групп»²¹. Сегодня ничего подобного в законе нет. Это говорит о том, что права и интересы коренных малочисленных народов сегодня заменяются исключительно интересами бизнеса и уходят на периферию забот органов власти. И это притом, что в соответствии с ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» места традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации подлежат особой охране²².

К сожалению, правовое регулирование поведения субъектов предпринимательской деятельности в сфере рационального использования и охраны данных территорий фрагментарно, декларативно и не отражает складывающихся в мировой практике тенденций правовой охраны окружающей среды и повышения ответственности бизнеса в данной сфере²³. В тоже время следует отметить, что сегодня уже многие нефтяные и газовые компании оказывают поселкам коренных малочисленных народов помощь, оснащают школы-интернаты компьютерной техникой, финансируют строительство домов, выделяют средства на развитие рыбодобывающей отрасли, готовят специалистов-экологов для добывающих компаний из числа коренных народов.

На сессии Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов в 2005 г. были также отмечены проблемные ситуации и негативные тенденции изменений, вносимых в отечественное законодательство, касающихся территорий традиционного природопользования коренных народов²⁴. В частности, подчеркивалось, что изменения направлены: на ликвидацию обязательств государства по защите прав коренных народов на территории традиционного природопользования; ликвидацию всех правовых возможностей передачи земель традиционного природопользования в собственность сообществ коренных народов; ликвидацию государственного

17 ФЗ от 26.06.2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3018.

18 Гарипов Р. Ш. Федеральное индейское право США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2012. — № 1. — С. 68.

19 Транин А. А. Эколого-правовые проблемы традиционного природопользования коренных малочисленных народов России // Государство и право. — 2008. — № 8. — С. 19.

20 Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» // Российская газета. — 1992. — 5 мая. — № 102 (с изменениями от 26 июня, 25 декабря 1992 г., 1 июля 1994 г., 3 марта 1995 г., 10 февраля 1999 г., 2 января 2000 г., 14 мая, 8 августа 2001 г., 29 мая 2002 г., 6 июня 2003 г., 29 июня, 22 августа 2004 г., 15 апреля, 25 октября 2006 г., 26 июня, 1 декабря 2007 г., 29 апреля, 14, 18, 23 июля, 30 декабря

2008 г., 17 июля, 27 декабря 2009 г., 19 мая, 26 июля 2010 г., 5 апреля, 18 июля, 21, 30 ноября, 6, 7 декабря 2011 г.).

21 Статья 42 ФЗ № 27-ФЗ от 3.03.1995 г. «О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации «О недрах» // СЗ РФ. — 1995. — № 10. — Ст. 823. Настоящий закон утратил свою силу.

22 Федеральный закон РФ от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета. — 2002. — 12 января. — № 6. Текст последней редакции закона со всеми изменениями опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6732.

23 Garipov R. Resource Extraction from Territories of Indigenous Minority Peoples in the Russian North: International Legal and Domestic Regulation // Arctic Review on Law and Politics. — 2013. — Vol. 4, 1, (Norway). — P. 18.

24 Документ ООН E/2005/43.E/C.19/2005/9

контроля за экологическим состоянием земель проживания коренных народов, а также планируемой и уже ведущейся на них промышленной деятельности²⁵. То есть Российская Федерация не имплементирует надлежащим образом международно-правовые обязательства в сфере защиты экологических прав коренных народов на стадии внутрисударственного протворчества.

Вообще следует отметить, что право коренных малочисленных народов на земли — одно из важнейших. Его обретение вызывает острую дискуссию и нередко активное противодействие. Можно предположить, что это связано с незнанием специфики этих народов или другими причинами, но главная из них состоит в том, что земли аборигенов, как правило, богаты нефтью, газом и иными природными ископаемыми. Соответственно, признанию права коренных народов на земли их исконного проживания противопоставляется позиция органов государственной власти, которые боятся утратить контроль над этими территориями и природными ресурсами, не желают брать на себя обязанности считаться с мнением названных народов, нести ответственность перед ними и действовать под их контролем.

По мнению Р. Ш. Гарипова, в России есть необходимость законодательно закрепить четко установленные границы проживания коренных малочисленных народов по подобию американских резерваций в целях сохранения среды их обитания и гарантий сохранения территорий будущим поколениям²⁶. Возможно, это будет способствовать реализации международно-признанного права коренных народов на доступ к земле и ресурсам в Российской Федерации. Это повысит эффективность взаимодействия норм международного и национального права в сфере охраны экологических прав коренных народов.

Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации в своих заключительных замечаниях от 2008 г. выразил свою озабоченность относительно положения коренных малочисленных народов в России²⁷. В частности, параграф 24 документа затрагивает проблемы, связанные с соблюдением прав коренных народов на землю и ресурсы. Первостепенная важность права на землю основана на том, что оленеводство, охота, рыболовство и собирательство являются основными источниками пропитания и дохода для коренных малочисленных народов России, и в то же время — неотъемлемым элементом их культуры и социальных институтов. Таким образом, гарантируемый доступ к традиционной земле составляет обязательное условие к удовлетворению прав коренных народов на питание и соответствующий уровень жизни, культурную принадлежность, самоопределение и развитие.

Российская Федерация не предприняла эффективных мер по созданию согласованного и функционирующего режима прав коренных народов на землю, совместимого с обязательствами России в соответствии с международным правом. Поэтому в большинстве регионов у коренных сообществ нет гарантируемого и устойчивого доступа к тем территориям и ресурсам, от которых зависит их выживание. Коренные народы не располагают эффективными средствами защиты от вторжения третьих лиц, у них нет никаких гарантий соответствующей компенсации за убытки, причиненные действиями третьих лиц. В России не нашли своего юридического закрепления меры по включению приоритетного права коренных народов на управление, доступ к биологическим ресурсам

в федеральные Лесной, Земельный и Водный кодексы. И это притом, что данные шаги были определены в качестве цели в Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов на 2009–2011 гг.²⁸ Таким образом, при сопоставлении внутреннего законодательства Российской Федерации с важнейшими универсальными и региональными международно-правовыми документами в сфере охраны экологических прав коренных народов выясняется, что последние слабо отражены в национальном законодательстве.

В январе 2008 г. был изменен Федеральный закон Российской Федерации «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов». В частности, была упразднена ст. 39, предусматривавшая предоставление коренным народам и общинам права использования рыболовных участков без подачи заявок на коммерческие аукционы²⁹. В то время как Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации рекомендовал в 2008 г. России вернуть в законодательство понятие «преимущественного, льготного доступа к природным ресурсам». В результате большинство рыболовных участков, ранее используемых для осуществления традиционного рыболовства и экономической деятельности, были классифицированы как «промышленные» рыбопромысловые участки и по результатам конкурсов были переданы коммерческим структурам, что привело к разрушению экономической базы и упадку коренных общин.

Другая проблема заключается в том, что до сих пор в Российской Федерации нет закона, регулирующего оленеводство; отсутствуют нормы, закрепляющие использование оленеводческих пастбищ на основе бессрочного пользования. Из Земельного, Лесного и Водного кодексов РФ были изъяты нормы о бесплатном пользовании землями различных категорий для коренных малочисленных народов. Из Федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» исчезли нормы о получении рыбопромысловых участков для традиционного рыболовства без проведения конкурса. В результате этого многие общины лишились сегодня права вылавливать рыбу на своих исконных землях, поскольку не могут выиграть конкурсы у коммерческих предприятий. Закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в новой редакции не предусматривает возможности закрепления за общинами участков для осуществления традиционной охоты³⁰.

К сожалению, реальных механизмов приоритетного осуществления традиционного природопользования в Российской Федерации не предусмотрено. Так, например, землю коренные народы вправе получить только в собственность либо на праве аренды. Механизмы приоритетного пользования животным миром, водными, лесными и иными ресурсами отечественным законодателем не выработаны. В результате целые природные комплексы предоставляются коммерческим хозяйствующим субъектам в ущерб правам и интересам коренных народов, для которых традиционное природопользование является основой их жизни и хозяйствования.

Современное положение дел в сфере правового регулирования экологических прав коренных малочисленных народов характеризуется размыванием прав коренных малочисленных народов, полным отсутствием каких-либо новых правовых идей, замалчиванием положений Декларации ООН

25 Транин А. А. Эколого-правовые проблемы традиционного природопользования коренных малочисленных народов России // Государство и право. — 2008. — № 8. — С. 23.

26 Гарипов Р. Ш. Правовой статус территориальных образований коренных народов США // Федерализм. — 2009. — № 2. — С. 103.

27 Документ ООН CERD/C/RUS/CO/19 от 20 августа 2008 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.mid.ru/bdcmp/ns-dgprch.nsf/416a07318ecf41dd432569ea00361456/a55eb94448231f4cc3257568002c1c4e/\\$FILE/G0844180.pdf](http://www.mid.ru/bdcmp/ns-dgprch.nsf/416a07318ecf41dd432569ea00361456/a55eb94448231f4cc3257568002c1c4e/$FILE/G0844180.pdf) (дата обращения: 23 января 2015 г.)

28 Распоряжение Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» // СЗ РФ. — 2009. — № 7. — Ст. 876.

29 ФЗ РФ от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // СЗ РФ. — 2004. — 27 декабря. — № 52 (часть I). — Ст. 5270.

30 В Салехарде прошел VII Съезд коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Российская Газета. — 2013. — 5 апреля.

2007 г., словно ее и не существует, и имитацией государством своих правовых намерений во всякого рода многочисленных концепциях и программах. Как справедливо подчеркивается в научной литературе, в России пока еще не сложилась система правовой поддержки и защиты интересов коренных малочисленных народов³¹.

Правительство Российской Федерации последовательно атакует все законодательные нормы, обеспечивающие права коренных малочисленных народов, включая их экологические права, как особой категории населения³². Правительство РФ действует в направлении жесткой интеграции коренных малочисленных народов в условия рыночной экономики, нарушая тем самым как нормы Конституции РФ, так и международные принципы и нормы, в частности, содержащиеся как в Конвенции МОТ № 169 о правах коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни в независимых странах³³, так и в положениях Декларации ООН о правах коренных народов от 13 сентября 2007 г.³⁴ Как справедливо отметил президент Республики Саха В. Штыров: «К сожалению, за последнее десятилетие жизнь коренных малочисленных народов Севера складывается так, что они начинают терять свою самобытность, свою культуру, свои национальные традиции. Эта проблема нас очень беспокоит»³⁵.

Современное российское законодательство в области правового регулирования традиционного природопользования коренных народов должно основываться и развиваться в соответствии с положениями международного права. Россия, являясь членом различных международных организаций, тем самым возлагает на себя обязанность следовать выработанным международным сообществом требованиям, что является общим принципом для всех государств. В том числе имплементировать и следовать международно-правовым нормам, предусматривающим права коренных народов.

Конституция России (ст. 69) возлагает на российское государство обязанность гарантировать права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами³⁶. В первую очередь к таким гарантиям должно относиться право на безвозмездное использование земель и других ресурсов для осуществления традиционного природопользования. Право коренных малочисленных народов

Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ на традиционное природопользование может рассматриваться как одно из основных экологических прав коренных народов. Особое место должно быть отведено территориям традиционного природопользования коренных малочисленных народов России, как одному из способов реализации права на традиционное природопользование³⁷.

Выводы

В условиях активного освоения природных богатств Севера, Сибири и Дальнего Востока экологические права коренных малочисленных народов России требуют пристального внимания в рамках взаимодействия норм международного и национального права. Сохранение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и защита их экологических прав, включая право на традиционное природопользование, должно стать приоритетным направлением в деятельности федеральных, региональных и местных властей с учетом международных стандартов.

Охрана экологических прав коренных народов невозможна без тесного взаимодействия международного и внутригосударственного права. Международное право, закрепляя единые стандарты в сфере экологических прав коренных народов, подразумевает их реализацию на внутригосударственном уровне. В России необходимо создать условия, которые бы способствовали конструктивному сотрудничеству государственных структур с международными институтами в сфере охраны экологических прав коренных народов. Основопологающие нормы международного права должны быть отражены в национальном законодательстве Российской Федерации. Достичь этого возможно путем ратификации Конвенции МОТ № 169 1989 г., Орхусской конвенции 1998 г. и имплементации положений Декларации ООН 2007 г. во внутригосударственное право России.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 21 февраля 1992 г. № 2395–1 «О недрах» // Российская газета от 5 мая 1992 года. — № 102. (с изменениями от 26 июня, 25 декабря 1992 г., 1 июля 1994 г., 3 марта 1995 г., 10 февраля 1999 г., 2 января 2000 г., 14 мая, 8 августа 2001 г., 29 мая 2002 г., 6 июня 2003 г., 29 июня, 22 августа 2004 г., 15 апреля, 25 октября 2006 г., 26 июня, 1 декабря 2007 г., 29 апреля, 14, 18, 23 июля, 30 декабря 2008 г., 17 июля, 27 декабря 2009 г., 19 мая, 26 июля 2010 г., 5 апреля, 18 июля, 21, 30 ноября, 6, 7 декабря 2011 г.).
  2. Федеральный закон № 27-ФЗ от 3.03.1995 г. «О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации «О недрах»» // СЗ РФ. — 1995. — № 10. — Ст. 823.
  3. Федеральный закон Российской Федерации от 24.04.1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» // СЗ РФ. — 1995. — № 17. — Ст. 1462.
  4. Федеральный закон Российской Федерации от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1999. — № 18. — Ст. 2208.
  5. Федеральный закон от 7.05.2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2001. — № 20. — Ст. 1972.
  6. Федеральный закон РФ от 10.01.2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета. — 2002. — 12 января. — № 6.
- 31 Бакунина Т. С. Правовой статус коренных народов приполярных государств: мировой опыт и положение в России (Материалы международной конференции) // Государство и право. — 1997. — № 9. — С. 48.
- 32 Галимуллина С. К. Правовое регулирование защиты прав коренных малочисленных народов России // Всеобщая Декларация прав человека и актуальные вопросы ее применения в российском и международном праве. Сборник материалов Международной научно-практической конференции 24–25 октября 2008 г., посвященной 60-летию принятия ООН Всеобщей Декларации прав человека. — Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2009. — С. 40.
- 33 Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 года // Международные акты о правах человека. Сборник документов. Издание второе, дополненное / Сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. — М.: НОРМА., 2002. — С. 242.
- 34 Декларация ООН о правах коренных народов // Московский журнал международного права. — 2007. — № 4. — С. 310.
- 35 Харючи С. Н. Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства. — Томск: Издательство Томского университета, 2004. — С. 32.
- 36 Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237. Текст Конституции с учетом всех поправок опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 26 января 2009 г. № 4 ст. 445.
- 37 Жукова Е. В. Право на традиционное природопользование коренных малочисленных народов России в системе их экологических прав: Монография. — М.: Издательство «Юрлитинформ», 2012. — С. 196.

7. Федеральный закон от 26.06.2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3018.
8. Федеральный закон РФ от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // СЗ РФ. — 2004. — 27 декабря. — № 52 (часть I). — Ст. 5270.
9. Документ ООН E/2005/43.E/C.19/2005/9
10. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 года № 200-ФЗ // СЗ РФ. — 2006. — № 50. — Ст. 5278.
11. Документ ООН CERD/C/RUS/CO/19 от 20 августа 2008 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.mid.ru/bdomp/ns-dgpch.nsf/416a07318ecf41dd432569ea00361456/a55eb94448231f4cc3257568002c1c4e/\\$FILE/G0844180.pdf](http://www.mid.ru/bdomp/ns-dgpch.nsf/416a07318ecf41dd432569ea00361456/a55eb94448231f4cc3257568002c1c4e/$FILE/G0844180.pdf) (дата обращения: 23.02.2015).
12. Распоряжение Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» // СЗ РФ. — 2009. — № 7. — Ст. 876.
13. Бакунина Т. С. Правовой статус коренных народов приполярных государств: мировой опыт и положение в России (Материалы международной конференции) // Государство и право. — 1997. — № 9.
14. В Салехарде прошел VII Съезд коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Российская Газета. — 2013. — 5 апреля.
15. Васильева Л. Н. Регулирование прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов: опыт Российской Федерации // Журнал российского права. — 2005. — № 6.
16. Галимуллина С. К. Правовое регулирование защиты прав коренных малочисленных народов России // Всеобщая Декларация прав человека и актуальные вопросы ее применения в российском и международном праве. Сборник материалов Международной научно-практической конференции 24–25 октября 2008 г., посвященной 60-летию принятия ООН Всеобщей Декларации прав человека. — Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2009.
17. Гарипов Р. Ш. Правовой статус территориальных образований коренных народов США // Федерализм. — 2009. — № 2.
18. Гарипов Р. Ш. Федеральное индейское право США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2012. — № 1.
19. Декларация ООН о правах коренных народов // Московский журнал международного права. — 2007. — № 4.
20. Жукова Е. В. Право на традиционное природопользование коренных малочисленных народов России в системе их экологических прав: Монография. — М.: Издательство «Юрлитинформ», 2012.
21. Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 года // Международные акты о правах человека. Сборник документов. Издание второе, дополненное / Сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. — М.: НОРМА, 2002.
22. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237.
23. Кряжков В. А. Права коренных малочисленных народов России: методология регулирования // Государство и право. — 1997. — № 1.
24. Кряжков В. А. Правовые проблемы коренных малочисленных народов России // Государство и право. — 1994. — № 6.
25. Кряжков В. А. Территории традиционного природопользования как реализация права коренных малочисленных народов на земли // Государство и право. — 2008. — № 1.
26. Мониторинг развития территорий традиционного природопользования в Ненецком автономном округе, Северо-Западная Россия. Отчет проекта / Под редакцией В. К. Даллманна, В. В. Пескова, О. А. Мурашко, 2010. — С. 170–177 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ipy-nenets.npolar.no/main%20pages/frame.html> (дата обращения: 23.01.2015).
27. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. В. В. Лазарев // Правовая Система «ГАРАНТ» 2003.
28. Пуряева А. Ю. Право коренных малочисленных народов РФ в области землепользования и лесопользования // Актуальные вопросы прав народов в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Р. Ш. Гарипов. — Казань: Издательство Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2009.
29. Транин А. А. Эколого-правовые проблемы традиционного природопользования коренных малочисленных народов России // Государство и право. — 2008. — № 8.
30. Харючи С. Н. Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства. — Томск: Издательство Томского университета, 2004.
31. Харючи С. Н. Развитие законодательства о защите прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации // Журнал российского права. — 2006. — № 7.
32. Garipov R. Resource Extraction from Territories of Indigenous Minority Peoples in the Russian North: International Legal and Domestic Regulation // Arctic Review on Law and Politics. — 2013. — Vol. 4, 1 (Norway).

Хусаинова М. В.

СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ И ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Несмотря на законодательное закрепление особых юридических свойств, присущих судебным актам ФКС Германии и КС РФ, в обоих государствах отсутствует официальное признание правотворческой функции этих судов. Однако динамичное развитие общественных отношений не позволяет в должной мере законодателю обеспечить их достойное правовое регулирование, вследствие чего КС РФ и ФКС Германии вынуждены отчасти компенсировать этот пробел, используя свои полномочия конституционного контроля и правосудия, а также свой особый статус, воплощающий в себе полномочия государственного и судебного органа.

Ключевые слова: правотворчество, интерпретация, суд, закон, норма права, норма закона, судебный акт, судебная практика, толкование, правовая позиция, разъяснения.

KHUSAINOVA M. V.

JUDICIAL INTERPRETATION AND ELEMENTS OF LAW-MAKING IN THE ACTIVITIES OF CONSTITUTIONAL COURTS IN RUSSIA AND GERMANY

Despite the legislative consolidation of special legal properties inherent in the judicial acts of the Federal Constitutional Court of Germany and the Constitutional Court of the Russian Federation, in both countries there is no official recognition of the law-making function of the courts. However, the rapid development of social relations does not allow the legislator to ensure their worthy legal regulation, whereby the Constitutional Court of the RF and the Constitutional Court of Germany forced to partly compensate this gap, using their powers of constitutional control and justice, as well as their special status, which embodies the authority of the government and the judiciary.

Keywords: law-making, interpretation, court, law, rule of law, the norm of law, judicial act, judicial practice, interpretation, legal position, clarification.

Хусаинова М. В.

Конституционный Суд Российской Федерации был учрежден в 1991 г. Его полномочия определяются Конституцией РФ, ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹. Роль и значение судебного толкования, осуществляемого КС РФ, обусловлены его полномочиями, закрепленными в ст. 125 Конституции РФ — толкование осуществляется в рамках проверки нормативных актов на предмет соответствия Конституции РФ нормативных актов; разрешения споров о компетенции между органами государственной власти; проверки конституционности законов, примененных или подлежащих применению в конкретном деле; по запросам государственных органов и должностных лиц.

Итоговое решение КС РФ по существу перечисленных вопросов именуется постановлением, а все иные решения КС РФ, принимаемые в ходе осуществления конституционного судопроизводства, именуются определениями (ст. 71 ФКЗ о КС РФ).

В системе судебной власти КС РФ является высшим судебным органом. Он находится «над» всеми иными судами РФ. В связи с этим его полномочия несколько отличаются по своему содержанию и направленности от полномочий иных судов.

Во-первых, КС РФ наделен функцией конституционного контроля². Конституционный контроль, осуществляемый судами, — особая функция судебной власти, ограниченная от правосудной деятельности³. Во-вторых, в рамках конституционного контроля только КС РФ наделен полномочием официального толкования Конституции РФ. В третьих, КС РФ не рассматривает конкретные уголовные, гражданские, арбитражные, административные дела, не применяет правовые нормы к конкретным случаям, как иные суды. При осуществлении конституционного контроля Конституционный Суд РФ решает вопросы официального толкования применения существую-

щей системы правовых норм безотносительно к фактическим обстоятельствам.

Сущностные свойства актов толкования Конституции РФ раскрываются в постановлении КС РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126, 127 Конституции Российской Федерации»⁴, в котором указано, что акты КС РФ имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, и такое же, как нормативные правовые акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции. Таким образом, в акте толкования КС РФ закрепляются предписания, связанные с уточнением и конкретизацией действительного смысла толкуемых положений. Данные предписания имеют такое же действие, как и толкуемые положения, их применение не ограничивается рамками конкретного дела.

Поскольку Конституция РФ наделяет КС РФ, помимо права признавать конституционными акты, правом толковать Конституцию РФ, то производным от этого конституционного права является право КС РФ осуществлять конституционно-правовое истолкование норм федеральных законов, законов субъектов РФ. Решения КС РФ, содержащие такое конституционно-правовое истолкование, также обладают свойством окончательности и не подлежат обжалованию.

Таким образом, можно говорить о разных вариантах толкования, осуществляемого КС РФ. Во-первых, это официальное толкование Конституции РФ, при этом КС РФ выступает единственным официальным толкователем Конституции РФ. В большинстве случаев КС РФ всего лишь интерпретирует правовое установление, воплощенное в норме Конституции РФ, но недостаточно определенное, делая его более четким. То есть в толковании КС РФ исходит из смысла нормы и никак не выходит за пределы этого. Роль КС РФ заключается в выборе какого-либо варианта, либо в создании абсолютно нового правила, которое может сочетаться с конституционным правилом, но, тем не менее, выступает самостоятельным правилом. Примером создания такого нового правила может послужить постановление КС РФ

1 СЗ РФ. — 1994. — 25 июля. — № 13. — Ст. 1447.

2 Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. — М.: Городец, 2003. — С. 13.

3 Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: Конституционные основы организации и деятельности. — М., 1998. — С. 108–113, 124.

4 СЗ РФ. — 1998. — № 25. — Ст. 3004.

от 28 ноября 1995 г. № 15-П «По делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации», где КС РФ фактически установил процедуру включения в ст. 65 Конституции РФ нового наименования субъекта РФ⁵.

О совершенно ином варианте толкования можно вести речь, когда КС РФ осуществляет оценку тех или иных нормоустановлений на предмет их соответствия Конституции РФ, а также при рассмотрении споров о компетенции государственных органов КС РФ. В этом случае также из нескольких вариантов нормативной основы общественного отношения КС РФ предпочитает один, либо дает расширительное толкование и тем самым ориентирует на возникновение или существование соответствующих общественных отношений.

Анализируя подобную деятельность КС РФ, С. А. Авакьян называет ее «типичным способом создания новых норм»⁶. Полагаем, что в случае выбора КС РФ какого-то варианта, он все же не вносит какого-то элемента новизны, а лишь констатирует факт наибольшего соответствия Конституции выбранного варианта, в случае же расширительного толкования и формулирования нового правила можно говорить о новизне интерпретационного акта, а значит и возможном наличии отдельных признаков правотворчества у КС РФ, которые, тем не менее, таковыми не являются, поскольку не имеют своего формального законодательного признания.

Полагаем справедливой позицию Т. В. Соколова, предлагающего во главу угла при оценке решений КС РФ ставить степень и характер воздействия КС РФ на буквальное содержание отраслевых норм права, подверженных конституционному контролю⁷. Исходя из этого, автор предлагает большинство выносимых в порядке конституционного судопроизводства решений КС РФ условно разделить на три группы: правоприменительные, нормативно-толковательные и нормативно-корректирующие⁸. При этом правоприменительные решения КС РФ не содержат каких-либо выводов об оспоренной норме права. Такие решения являются актами применения ФКЗ о КС РФ, и поэтому их нельзя назвать нормативными. Нормативно-толковательные решения содержат выводы КС РФ о норме права, не изменяющие ее содержания, такое толкование всегда является изъяснительным. Нормативно-корректирующие решения отличаются тем, что в них норма или часть нормы права корректируется КС РФ, а причиной такого изменения является установление КС РФ ее противоречия Конституции РФ⁹.

Статья 80 ФКЗ о КС указывает на необходимость исполнения решения КС РФ, если оно признает положение акта неконституционным либо требует устранения пробела в правовом регулировании путем указания на необходимость принятия акта по тому или иному вопросу. Тем самым законодатель согласился безусловно принимать правовые позиции КС РФ, обязывающие его принимать законы. Но данная статья не обязывает принимать новый акт, если он признан конституционным лишь в истолковании КС РФ. Если КС РФ в своем решении умолчал о том, что законодателю надлежит принять тот или иной акт, это значит, что он не считает это необходимым, и достаточно конституционного истолкования действующих актов.

В случае если признание акта неконституционным влечет за собой образование пробелов в праве и из решения КС РФ вытекает необходимость устранения такого пробела, обязанность по его устранению ложится на тот государственный орган или должностное лицо, которым и был принят признанный неконституционным нормативный акт. До момента принятия нового

нормативного акта непосредственно применяется Конституция РФ. Однако не во всех отраслях возможно применение ее норм без детальной конкретизации. Поэтому КС РФ вынужден «приспосабливать» нормы Конституции РФ к конкретному случаю¹⁰, и при этом в некоторых решениях КС РФ берет на себя полномочия, близкие к полномочиям «правотворца», указывая в нем не просто применение норм Конституции напрямую, а на их применение в том смысле, который был конкретизирован в его постановлении. Например, в постановлении от 12 июля 2007 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. В. Безменова и Н. В. Калабуна»¹¹ КС РФ указал, что до установления федеральным законодателем соответствующего регулирования судам и другим правоприменительным органам надлежит непосредственно применять Конституцию РФ, а также что до устранения правового вакуума необходимо руководствоваться настоящим постановлением.

Также вследствие судебного толкования КС РФ могут возникнуть такие пробелы в праве, которые сами по себе путем непосредственного применения Конституции РФ восполнены быть не могут, а их наличие способно затруднить функционирование целого правового института. В этом случае, как отмечает Д. К. Туманов¹², КС РФ поступает двумя способами. Следуя первому, он формально констатирует неконституционность нормы, но не лишает ее юридической силы, и при этом обращает внимание законодателя на необходимость срочных мер по изменению закона. Например, как указано в постановлении от 05 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан»¹³ КС РФ воздерживается от признания не соответствующими Конституции РФ ч. 1 ст. 376, п. 3 ч. 2 ст. 377, ч. 2, 3, 6 ст. 381, ч. 2 ст. 382, ч. 2 ст. 383, ст. 387 и ст. 389 ГПК РФ в той мере, в какой ими предопределяется множественность надзорных инстанций, возможность чрезмерно протяженных по времени процедур обжалования и пересмотра судебных постановлений в порядке надзора, другие отступления от принципа правовой определенности.

Второй способ заключается в том, что КС РФ при проверке конституционности какой-либо нормы, с одной стороны, констатировал ее конституционность, но с другой — выявлял ее конституционно-правовой смысл, который нередко изменял первоначальное значение нормы кардинальным образом. Например, в постановлении от 20 февраля 2006 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К. А. Инешина, Н. С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим»»¹⁴ КС РФ изложил позицию, в соответствии с которой конституционно-правовой смысл ст. 336 ГПК РФ не предполагает отказа суда второй инстанции в принятии жалоб лиц, не привлеченных к участию в деле, но права и законные интересы которых нарушены.

5 СЗ РФ. — 1995. — № 49. — Ст. 4868.

6 Авакьян С. А. Нормативное значение решений конституционных судов // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. — 2004. — № 4. — С. 28–34.

7 Соколов Т. В. Формы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства в контексте доктрины судебного права: Дис. ... канд. юрид. наук. — Санкт-Петербург, 2014. — С. 179.

8 Там же.

9 Там же.

10 Туманов Д. К. К вопросу о применении Конституции Российской Федерации в случае пробелов в праве, а также о роли Конституционного Суда Российской Федерации в выявлении таких пробелов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2009. — № 6. — С. 7.

11 СЗ РФ. — 2007. — № 30. — Ст. 3988.

12 Туманов Д. К. К вопросу о применении Конституции Российской Федерации в случае пробелов в праве, а также о роли Конституционного Суда Российской Федерации в выявлении таких пробелов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2009. — № 6. — С. 8.

13 СЗ РФ. — 2007. — № 7. — Ст. 932.

14 СЗ РФ. — 2006. — № 10. — Ст. 1145.

В этом случае, как отмечает З. А. Ашхотов, «не меняя буквального содержания норм закона, КС РФ дает свою интерпретацию и выявляет иной смысл той или иной нормы закона, которая хотя и является выражением мнения авторитетных юристов — судей КС РФ, тем не менее, может не совпадать со смыслом, который в нее вкладывал законодатель при принятии закона, что дает основание полагать о формировании новой нормы права»¹⁵. В данном случае представляется заслуживающей внимания позиция Е. С. Аничкина, называющего определенную (порой кардинальную) переработку содержания нормы, хотя и без формального вторжения в нее, «преобразованием» Конституции РФ¹⁶. Толкование здесь выступает одним из способов «преобразования» в содержательном смысле слова, одним из каналов обновления содержания нормы Конституции РФ. То есть в подобном случае можно говорить о том, что толкование является не буквальным, а неадекватным содержанию толкуемой нормы (ограничительным, распорочительным), вероятным результатом чего становится «преобразование» соответствующих норм Конституции РФ¹⁷.

Также следует упомянуть случаи, когда при образовании пробела в праве в результате признания нормы закона неконституционной КС РФ не указывал на применение норм Конституции РФ, а предлагал правоприменителям обращаться к институту правовой аналогии. Так, в постановлении от 28 ноября 1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края»¹⁸ КС РФ, признав положения ч. 1 ст. 418 неконституционными, указал, что возможные пробелы в уголовно-процессуальном регулировании процедуры досудебной подготовки материалов в протокольной форме, возникающие в связи с настоящим постановлением, могут быть восполнены в правоприменительной практике органов, ведущих судопроизводство, на основе процессуальной аналогии.

Таким образом, близость отдельных решений КС РФ к источникам права выражается в том, что он изменяет уже существующее правовое регулирование посредством признания правовых норм неконституционными. А в случае «заполнения» пробела вызванным подобным решением прямым действием Конституции РФ в истолковании КС РФ, решение суда приобретает свойства акта прямого регулирования общественных отношений.

Но происходит это не в силу правовой возможности, обозначенной в Конституции РФ и ФКЗ о КС РФ, а косвенно, при реализации интерпретационных полномочий. При этом подобное «творчество» зачастую бывает вынужденным, вызванным необходимостью обеспечить правовое регулирование в соответствии с Конституцией РФ.

Полагаем, КС РФ ни в коей мере не подменяет законодателя, однако вырабатывая правовую позицию по какому-либо вопросу в своих решениях, КС РФ подготавливает почву для нового законодательства и, таким образом, имеет отношение к законотворческому процессу. В науке были попытки обозначить этот процесс как «квазиправотворчество», при этом имея в виду, что приставкой «квази» подчеркивается не мнимый, а лишь специфический, не классически-правотворческий статус КС РФ¹⁹.

Вопрос о закреплении за КС РФ правотворческой функции и признании отдельных его решений в качестве источника права имеет серьезное практическое значение. Одним из признаков источника права является его обязательность. В отношении решений КС РФ данный признак присутствует, но не всегда понимается однозначно. В самом общем виде обязательность решений КС РФ и изложенных в них правовых позиций означает их обязательность на всей территории РФ для всех представительных, исполнительных, судебных органов государственной власти. Тем не менее, как указано в информации КС РФ об исполнении решений КС РФ, «большинство решений реализуется надлежащим образом, однако некоторые, вопреки требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» длительное время остаются неисполненными»²⁰, при этом наиболее часто проблемы, связанные с исполнением решений КС РФ, возникают в сфере деятельности правоприменительных органов²¹.

Полагаем, что отсутствие соответствующих норм в отраслевом законодательстве является, во-первых, следствием неоднозначного понимания и оценки решений КС РФ и, соответственно, отсутствия четкого обозначения последствий их неисполнения, а во-вторых, результатом неоднозначного подхода к обязательности всех решений КС РФ в самом ФКЗ о КС РФ.

Конституционное развитие Германии имеет хотя и более длительную, чем в России, но, тем не менее, не особенно давнюю историю.

Правовую основу деятельности ФКС Германии составляют Основной закон Германии (раздел 9 «Правосудие») и Закон о ФКС Германии (BVerfGG). Полномочия ФКС Германии близки в полномочиям КС РФ — он разрешает споры о правах и обязанностях высших федеральных органов; споры о соотношении прав и обязанностей федерации и земель; вопросы о соответствии федерального права и права земель Основному закону; жалобы на нарушения конституционных прав и свобод и др. (ст. 93 Основного закона Германии, § 13 BVerfGG). При этом Основной закон Германии и Закон о ФКС Германии не уполномочивают ФКС Германии на абстрактное толкование Конституции. Законодатель установил, что толкование допустимо только по поводу спора об объеме прав и обязанностей высшего федерального органа или других участников, которые Основным законом Германии или регламентом высшего федерального органа наделяются собственными правами²².

Следует отметить, что в отличие от российского законодательства, Основной закон Германии и Закон о ФКС Германии не наделяют ФКС Германии правом законодательной инициативы. В этих нормативных актах также ничего не говорится о возможности обращения ФКС Германии с посланием к сенаторам о состоянии конституционной законности в стране.

ФКС Германии принимает два вида судебных актов: решения (на основе устного разбирательства) и определения (без устного разбирательства) (§ 25 BVerfGG).

Специфику юридической природы судебных актов ФКС исследователи немецкого конституционного права характеризуют наличием у них следующих юридических свойств: общеобязательность, окончательность, непреодолимость и непосредственное действие²³.

15 Ашхотов З. А. Конституционный Суд Российской Федерации как субъект права законодательной инициативы // Журнал российского права. — 2011. — № 8. — С. 43.

16 Аничкин Е. С. Федеративное устройство России в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: от буквального толкования к «преобразованию» конституционных основ / Изд. высш. учеб. заведений. Правоведение. — 2008. — № 6. — С. 57.

17 Там же.

18 СЗ РФ. — 1996. — № 50. — Ст. 5679.

19 Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. — 2007. — № 4. — С. 77.

20 Информация Конституционного Суда Российской Федерации об исполнении решений Конституционного суда Российской Федерации, утв. Решением КС РФ от 21 апреля 2009 г. // Журнал конституционного правосудия. — 2009. — С. 6.

21 Там же.

22 Свистунова М. А. Судебный конституционный контроль в Федеративной Республике Германии: Конституционно-правовой статус Федерального Конституционного суда: Автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. — М., 2007. — С. 12.

23 Вересова Н. А. Нормотворческая функция органов конституционной юстиции Федеративной Республики Германии и Российской

В немецкой научной литературе неоднократно ставился вопрос о правомерности влияния решений ФКС Германии на деятельность законодательного органа, для которого судебные акты, в первую очередь, являются обязательными²⁴. Но, как отмечает Ф. Осенбюл, легитимность ФКС Германии заключается в сущности конституционного государства, в котором политика должна связываться Основным законом, поэтому должна существовать инстанция, которая может актуализировать эту связь путем юридической процедуры толкования и применения законодательных норм²⁵.

Анализируя правовую основу полномочий ФКС Германии, Н. А. Вересова отмечает, что, следуя незыблемому принципу разделения властей, именно законодательный орган уполномочивается Основным законом Германии дать необходимое правовое регулирование путем принятия соответствующего закона²⁶, но, тем не менее, в соответствии с § 25 BVerfGG ФКС Германии может в своем решении определить, кто должен его исполнить; он может также в конкретном случае урегулировать вид и способ исполнения²⁷. Такие установки ФКС Германии являются не простыми рекомендациями и предложениями для решения вопроса, а «руководящими указаниями в виде конституционных предписаний с конституционным качеством, поэтому эти установки представляют конституционный ранг законодательных актов»²⁸.

В вопросах толкования законов ФКС Германии придерживается общей, свойственной немецким судам гибкой и прагматичной линии, взвешивая важность различных методов толкования с учетом того, какой из них представляется наиболее адекватным в конкретном споре²⁹.

Так, в качестве примера можно привести решение ФКС Германии в отношении шпионажа. В деле по преследованию бывших сотрудников и агентов государственных органов безопасности бывшей Германской Демократической Республики ФКС Германии, основываясь на принципе соответствия, указал на препятствие к уголовному преследованию за связанные со шпионажем преступления, установив, таким образом, руководящее правило, ставшее на место закона об амнистии, которое в политическом аспекте не получило бы большинства³⁰.

Вообще, ФКС Германии в целом ряде своих решений активно поддерживает объективно-телеологический метод толкования закона. Он делает акцент на то, что «решающей для толкования нормы закона является выраженная объективная

воля законодателя, такая, которая исходит из дословного содержания и контекста. Напротив, не является решающим субъективное представление о значении или цели закона участвующих в процессе законотворчества органов или отдельных его членов. История создания правового документа имеет свое значение для толкования лишь в случае, когда это подтверждает правильность одного соответствующего установленным правилам вида толкования или снимает сомнения, которые не могут быть устранены иным путем»³¹. То есть суд предписывает «при толковании законов исходить не из воли законодателя, а... из объективной цели самого закона»³².

В процессе официального толкования ФКС Германии может осуществлять так называемое «конституционно-конформное» толкование, согласно которому ФКС Германии исходит из презумпции конституционности всех законов и действий государства (толкование в пользу конституционности). При осуществлении такого толкования ФКС Германии не объявляет закон неконституционным, а устанавливает, что он может применяться только в соответствии с одним из возможных толкований, а именно тем вариантом толкования, который не противоречит Основному закону Германии.

Так, осуществляя толкование § 261 Уголовного уложения Германии (Strafgesetzbuch, StGB, далее — УУ Германии)³³, ФКС Германии указал: «§ 261 абз. 2 п. 1 УУ Германии соответствует Основному закону, и защитник по уголовным делам может быть привлечен к уголовной ответственности, если в момент принятия гонорара он точно знал о происхождении этого гонорара... норма может быть так конституционно-конформно истолкована, что принятие защитником по уголовным делам гонорара квалифицируется как уголовно-наказуемое отмытие денег только при позитивном знании происхождения гонорара»³⁴.

Придание правовой норме иного смысла, нежели предписанный ФКС Германии при конституционно-конформном толковании, является недопустимым³⁵.

По мнению К. Хессе, основы конституционно-конформного толкования имеют свои корни «в принципе целостности правопорядка: ради этой целостности законы, которые действуют при имеющейся конституции, должны быть интерпретированы в соответствии с конституцией, а ранее существовавшее право должно быть приспособлено к новой Конституции»³⁶.

В отличие от России, в законодательстве Германии закреплена особая юридическая сила судебных актов ФКС Германии, приравненная к силе закона (по делам абстрактного нормоконтроля, конкретного нормоконтроля, по вопросам федерального права Германии, а также по делам при наличии разногласий, продолжает ли действовать право в качестве федерального) (§ 31 BVerfGG). Однако приращение силы закона конституционным судебным актам, по мнению немецких теоретиков, не означает официального признания судебных актов ФКС Германии в качестве источника права, тем более приравненного к закону, а сводится только к официальному за-

Федерации с позиции теории и практики // Право и экономика. — 2006. — № 12. — С. 91–92.

24 Klein H. H. Verfassungsgerichtsbarkeit und Gesetzgebung // Verfassungsgerichtsbarkeit und Gesetzgebung: Symposium aus Anlap des 70. Geburtstages von Peter Lerche / hrsg. Von P. Badura. — München: Beck, 1998. — S. 49–61.

25 Ossenbühl F. Bundesverfassungsgericht und Gesetzgebung // Festschrift 50 Jahre Bundesverfassungsgericht / hrsg. Von P. Badura und H. Dreier. — Tübingen: Mohr Siebeck, 2001. — Band I. — S. 34.

26 Вересова Н. А. Нормотворческая функция Конституционного Суда Федеративной Республики Германии и Конституционного Суда Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ): Дисс. канд. юрид. наук. — СПб, 2008. — С. 53.

27 Там же.

28 См., например: Bockenforde E. — W. Zur Lage der Grundrechtsdogmatik nach 40 Jahren Grundgesetz: erweiterte Fassung eines Vortrages, gehalten in der Carl Friedrich von Siemens Stiftung am 19. Oktober 1989. — München, 1990. — S. 20; Ossenbühl F. Bundesverfassungsgericht und Gesetzgebung // Festschrift 50 Jahre Bundesverfassungsgericht / hrsg. Von P. Badura und H. Dreier. — Tübingen: Mohr Siebeck, 2001. — Band I. — S. 44.

29 Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и амери-канском праве. — М.: Статут, 2011. — С. 166–167.

30 Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts. Studienauswahl: in II Bände / hrsg. von D. Grimm, P. Kirchhof, und M. Eichberger. — Tübingen: Mohr Siebeck, 2007. — Band II. — S. 214–254.

31 BVerfGE 1, 299.

32 Alexy R., Dreier R. Statutory Interpretation in the Federal Republic of Germany // Interpreting Statutes: A Comparative Study / Ed. by D. N. MacCormick and R. S. Summers, 1991. P.–. 94.

33 Reichsgesetzblatt vom 15 Mai 1871 (RGBl. S. 127), vom 13 November 1998 Bundesverfassungsgerichtsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung (BGBl. I S. 3322), vom 23 April 2014 Bundesverfassungsgerichtsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung (BGBl. I S. 410).

34 BVerfGE 110, 226.

35 Вересова Н. А. Нормотворческая функция органов конституционной юстиции Федеративной Республики Германии и Российской Федерации с позиции теории и практики // Право и экономика. — 2006. — № 12. — С. 56.

36 Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. — М.: Юридическая литература, 1981. — С. 55.

креплению их общеобязательного характера³⁷. Это обстоятельство позволяет констатировать, что проблема юридической силы судебных актов ФКС Германии в контексте источников права является актуальной и до настоящего времени имеет дискуссионный характер.

В целом, следует отметить, что, несмотря на законодательное закрепление особых юридических свойств, присущих судебным актам ФКС Германии и КС РФ, в обоих государствах отсутствует официальное признание правотворческой функции этих судов. Однако динамичное развитие общественных отношений не позволяет в должной мере законодателю обеспечить их достойное правовое регулирование, вследствие чего КС РФ и ФКС Германии вынуждены отчасти компенсировать этот пробел, используя свои полномочия конституционного контроля и правосудия, а также свой особый статус, воплощающий в себе полномочия государственного и судебного органа.

При этом, анализируя зарубежный опыт конституционного правосудия за рубежом, А. А. Клишас отмечает, что для ряда европейских стран, в том числе и Германии, наиболее мобильным и часто применяемым способом изменения Конституции последних десятилетий является ее толкование специализированными судебными органами конституционного контроля, однако, фактически монополизировав функции конституционного контроля и конституционного правосудия, они по существу становятся своего рода контрзаконодателем. Все это, учитывая, что, процесс создания органом конституционного контроля общеобязательного юридического предписания довольно непродолжителен, актуализирует вопрос о качестве подобной формы толкования³⁸.

Поэтому полагаем, следует очень осторожно подходить к законодательному расширению полномочий КС РФ в части признания за ним правотворческой функции. Однако такой подход не должен мешать развитию института конституционного контроля и правосудия в нашей стране, его способности отвечать потребностям времени. Следовательно, тщательное изучение, заимствование и рациональное применение положительного опыта зарубежных государств является весьма своевременным. В частности, например, придание отдельным актам КС РФ силы закона, не придавая им статуса нормативно-правового акта, как это предусмотрено в Законе о ФКС Германии, помогло бы снизить напряженность в вопросах исполнимости решений КС РФ на всех уровнях, и, следовательно, способствовало бы формированию единообразной судебной практики.

Пристатейный библиографический список

1. СЗ РФ. — 1995. — № 49.
2. СЗ РФ. — 1996. — № 50.
3. СЗ РФ. — 1998. — № 25.
4. СЗ РФ. — 2006. — № 10.
5. СЗ РФ. — 2007. — № 30.
6. СЗ РФ. — 2007. — № 7.
7. СЗ РФ. — 1994. — № 13.
8. Авакьян С. А. Нормативное значение решений конституционных судов // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. — 2004. — № 4.
9. Аничкин Е. С. Федеративное устройство России в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: от буквального толкования к «преобразованию» конституционных основ // Изд. высш. учеб. заведений. Правоведение. — 2008. — № 6.
10. Ашхотов З. А. Конституционный Суд Российской Федерации как субъект права законодательной инициативы // Журнал российского права. — 2011. — № 8.
11. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. — 2007. — № 4.
12. Вересова Н. А. Нормотворческая функция Конституционного Суда Федеративной Республики Германии и Конституционного Суда Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ): Дисс. ... канд. юрид. наук. — СПб, 2008.
13. Вересова Н. А. Нормотворческая функция органов конституционной юстиции Федеративной Республики Германии и Российской Федерации с позиции теории и практики // Право и экономика. — 2006. — № 12.
14. Информация Конституционного Суда Российской Федерации об исполнении решений Конституционного суда Российской Федерации, утв. Решением КС РФ от 21 апреля 2009 г. // Журнал Конституционного правосудия. — 2009.
15. Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. — М.: Статут, 2011.
16. Клишас А. А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2007.
17. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. — М.: Городец, 2003.
18. Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: Конституционные основы организации и деятельности. — М., 1998.
19. Свистунова М. А. Судебный конституционный контроль в Федеративной Республике Германии: конституционно-правовой статус Федерального Конституционного суда: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2007.
20. Соколов Т. В. Формы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства в контексте доктрины судебного права: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Санкт-Петербург, 2014.
21. Туманов Д. К. К вопросу о применении Конституции Российской Федерации в случае пробелов в праве, а также о роли Конституционного Суда Российской Федерации в выявлении таких пробелов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2009. — № 6.
22. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. — М.: Юридическая литература, 1981.
23. Alexy R., Dreier R. Statutory Interpretation in the Federal Republic of Germany // Interpreting Statutes: A Comparative Study / Ed. by D. N. MacCormick and R. S. Summers, 1991.
24. Bockenforde E. — W. Zur Lage der Grundrechtsdogmatik nach 40 Jahren Grundgesetz: erweiterte Fassung eines Vortrages, gehalten in der Carl Friedrich von Siemens Stiftung am 19. Oktober 1989. — Munchen, 1990.
25. BVerfGE 1, 299.
26. BVerfGE 110, 226.
27. Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts. Studienauswahl: in II Bande / hrsg. von D. Grimm, P. Kirchhof, und M. Eichberger. — Tubingen: Mohr Siebeck, 2007.
28. Klein H. H. Verfassungsgerichtsbarkeit und Gesetzgebung // Verfassungsgerichtsbarkeit und Gesetzgebung.
29. Ossenbühl F. Bundesverfassungsgericht und Gesetzgebung // Festschrift 50 Jahre Bundesverfassungsgericht / hrsg. Von P. Badura und H. Dreier. — Tubingen: Mohr Siebeck, 2001.
30. Reichsgesetzblatt vom 15 Mai 1871 (RGBl. S. 127), vom 13 November 1998 Bundesverfassungsgerichtsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung (BGBl. I S. 3322), vom 23 April 2014 Bundesverfassungsgerichtsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung (BGBl. I S. 410).
31. Sachs M. Die Bindung des Bundesverfassungsgerichts an seine Entscheidungen. — Munchen: Vahlen, 1977.

37 Sachs M. Die Bindung des Bundesverfassungsgerichts an seine Entscheidungen. — Munchen: Vahlen, 1977. — S. 288–298, 306.

38 Клишас А. А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах: Автореф. ... дисс. д-ра юрид. наук. — М., 2007. — С. 11.

Шакиров И. Я.

ТУРЦИЯ И США В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В данной статье рассмотрены основные правовые вопросы, возникшие с распадом Советского Союза и требующие незамедлительного решения государствами Центральной Азии. В целях проведения углубленного анализа ситуации в регионе автором исследованы интеграционные процессы. Дана характеристика стратегической роли региона во внешнеполитических курсах третьих стран (США и Турции). Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке международного права и истории.

Ключевые слова: Центральная Азия, делимитация границ, водные ресурсы, интеграционные процессы, Соединенные Штаты Америки, Турецкая Республика.

Shakirov I. Ya.

TURKEY AND THE USA IN THE POLITICAL AND LEGAL SPACE OF CENTRAL ASIA: INTERNATIONAL LEGAL ASPECT

This article describes the most urgent legal issues for the Central Asia states arising from the collapse of the Soviet Union. In order to carry out full analysis of the situation in the region the author investigated the integration processes. The evaluation of the region's strategic role in the foreign policy of third countries (USA and Turkey) must be considered as an integral part of this article. Paper has an interdisciplinary character, written at the crossroads of international law and history.

Keywords: Central Asia, delimitation of frontiers, water resources, integration processes, United States of America, Republic of Turkey.

Шакиров И. Я.

С целью понимания термина «Евразия» в геополитическом плане и ценности Центрально-Азиатского региона как неотъемлемой части Евразийского пространства для Турецкой Республики и Соединенных Штатов Америки обратимся к классикам геополитической мысли.

Русский геополитик П. Н. Савицкий писал, что: «Евразия в старом смысле подразделяется уже не на Европу и Азию, а на срединный континент (Heartland), или собственно Евразию, и два периферических мира (Rimland): Азиатский (Китай, Индия, Иран) и Европейский, граничащий с Евразией примерно по линии: реки Неман — Западный Буш — Сан — Устье Дуная. Эта последняя граница является и водоразделом двух колонизационных волн, идущих одна на Восток, а другая на Запад и сталкивающихся на берегах Берингова моря»¹.

Согласно концепции Хэлфорда Джона Маккиндера, одного из основоположников геополитики и автора таких терминов, как «хартленд» (Heartland), «осевой регион» (Pivot Area), «страны внешнего полумесяца» (Outer Crescent) или зоны «внутреннего океана» (Midland Ocean Area), определяющим моментом в судьбе народов и государств является их географическое положение. Позже его мысли найдут отражение в книге профессора Стамбульского университета Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина: международные позиции Турции». Маккиндер разделял гигантское пространство Евразии на «хартленд» (Россия-Евразия), «страны внутреннего полумесяца» или «римленд», а также страны «внешнего полумесяца» (Англия, Южная Африка, Австралия, Соединенные Штаты, Канада и Япония). В своих работах Маккиндер подчеркивает ведущую роль внутреннего пространства Евразии и утверждает, что для государства самым выгодным географическим положением было бы центральное положение и что господство над этим пространством может явиться основой для мирового господства².

Один из идеологов американской внешней политики XX в. Н. Спайкмен в своих работах «Стратегия Америки в мировой политике» (1942 г.) и «География мира» (1944 г.) считал, что евразийская земная масса и северные побережья Африки и Австралии образуют три концентрические зоны: хартленд северного Евразийского континента, окружающая его буферная зона и маргинальные моря (римленд), удаленные от центра Африканский и Австралийский континенты. В отличие от Маккиндера, ключевой зоной мировой геополитики Спайкмен считал римленд. Контроль же береговых территорий Евразии, по Спайкмену, — залог победы в дуэли Суши и Моря и контроля над миром³.

В завершение анализа работ классиков геополитической мысли стоит упомянуть книгу Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска», в которой автор размышляет о стратегиях, благодаря которым Соединенные Штаты обеспечили бы себе геополитическое могущество. В своих выводах З. Бжезинский согласен с высказываниями своего предшественника Н. Спайкмена, считая, что главенство на Евразийском континенте фактически является главенством во всем мире. В краткосрочной перспективе Америка заинтересована укрепить и сохранить существующий геополитический плюрализм на карте Евразии. Стратегическая же цель США по З. Бжезинскому — распространение влияния в регионе Центральной Азии и Постсоветском пространстве⁴.

Как видим, Евразия — термин в географическом и геополитическом представлении довольно широкий, мы же рассмотрим подробнее, как нам кажется, наиболее значимый регион — Центральную Азию.

В конце XX в. в мировой политике произошли события, которые очертили в хронологические рамки целую эпоху международных отношений, начавшуюся после Второй мировой войны и просуществовавшую до начала 90-х годов. С крушением социалистического лагеря биполярная система между-

1 Савицкий П. Н. Континент Евразия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bookmate.com/r#d=Sa660h9D> (дата обращения: 10.12.2013).

2 Маккиндер Х. Д. Географическая ось истории // Полис. — 1995. — № 4. — С. 162–169; Маккиндер Х. Д. Географическая ось истории // Дугин А. Г. Основы Геополитики. — М., 1997. — С. 504.

3 Фрэнсис Семпа. Мир Спайкмена. — Ч. 2 / Пер. Пхакадзе Натия, кафедра социологии международных отношений МГУ для Геополитика.Ру.

4 Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / Пер. О. Ю. Уральской. — М.: Междунар. отношения, 1998. — С. 52.

народных отношений, некогда обеспечивавшая баланс сил, перестала существовать, что резко изменило конфигурацию мировой системы. Распад Советского Союза позволил новообразовавшимся государствам приобрести политико-правовую независимость. Таким образом, на международной арене появились новые субъекты международного права.

Распад СССР породил целый ряд международно-правовых вопросов: разгул вооруженного сепаратизма в новообразовавшихся государствах, существование непризнанных государственных образований, вопросы размежевания границ и использования водных ресурсов трансграничных рек (страны Центральной Азии).

В данной статье хотелось бы подробно рассмотреть международно-правовые вопросы, с которыми столкнулись государства Центральной Азии на начальном этапе своей независимости, интеграционные процессы в регионе, а также проанализировать роль и место стран региона во внешнеполитических и геополитических парадигмах США и Турции в период после распада СССР.

В начале XX в. границы центральноазиатских советских республик были оформлены условно и не учитывали исторических и культурных особенностей. И когда в 1991 г. эти республики получили независимость, оказалось, что буквально миллионы жителей Центральной Азии живут вне своих национальных государств⁵. Будучи неотъемлемым атрибутом государственного суверенитета, вопрос делимитации центральноазиатских границ приобрел свою актуальность после распада Советского Союза. С момента распада СССР до 2001 г. имелось большое количество взаимных претензий на казахско-узбекской, таджикско-киргизской, узбекско-туркменской и других границах. Хотя к настоящему времени многие из них были решены, однако имеются также все еще не решенные участки.

В 2004 г. вопрос спорных границ между Узбекистаном и Казахстаном был закрыт. В рамках мероприятий по делимитации приграничных территорий, организованных в два этапа, были подписаны два межгосударственных соглашения⁶.

Актуальной по сей день является ситуация на узбекско-киргизской (ситуация осложнена тем, что граница проходит по Ферганской долине, которая в свою очередь разделена между Таджикистаном, Узбекистаном и Кыргызстаном, а также наличием анклавов), узбекско-таджикской (граница проходит по сложному горному участку) и узбекско-туркменской границах⁷. Стоит также заметить, что нерешенность территориальных вопросов порождала в бывших советских республиках усиление националистических настроений и межэтнических конфликтов.

Одной из проблем, требующих совершенствования правовой базы в многостороннем порядке, является вопрос использования водных ресурсов трансграничных рек региона. Исторически так сложилось, что вода в данном регионе — что-то большее, чем просто источник жизни. Учитывая лимитированность водных ресурсов и темпы демографического роста

в странах Центральной Азии, можно сделать вывод, что вопрос требует скорейшего урегулирования.

После 1991 г. система водных отношений, успешно функционировавшая в рамках единого государства, дала сбой. Если в период существования Советского Союза спорные ситуации между республиками решались благодаря договорным обязательствам между субъектами и союзным центром, то после распада СССР осталось много неурегулированных противоречий⁸.

Противоречия между странами региона заключаются в вопросах распределения воды, введения платы за поступление трансграничных вод и эксплуатации гидротехнических сооружений, а также в вопросах экологии региона. Камнем преткновения в данной проблематике являются планы отдельных государств по строительству новых объектов гидроэнергетики (Таджикистан и Кыргызстан).

Правовое поле использования трансграничных водных ресурсов было оформлено Хельсинкской конвенцией ООН в 1992 г., в которой на многосторонней основе были согласованы обязательства каждого государства осуществлять эксплуатацию водных ресурсов с учетом необходимости предотвращения негативных трансграничных последствий⁹.

В ст. 5 Протокола по проблемам воды и здоровья, принятого в Лондоне в 1999 г. и явившегося дополнением к ранее подписанной конвенции, рассматриваются принципы и подходы реализации настоящего протокола. В частности, указывается суверенное право государств разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды и развития, а также их ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции¹⁰.

Учитывая приверженность нормам международного права конституционных и законодательных актов стран Центрально-Азиатского региона, принятые документы должны были способствовать разрешению правовых вопросов в сфере межгосударственных водных отношений. Однако действия государств региона в сфере водообеспечения в одностороннем порядке поставили под сомнения правомочность принятых ранее деклараций. В целом стоит констатировать, что в решении проблем водных ресурсов государств Центральной Азии международно-правовой подход остается слабым.

В этой связи стоит рассмотреть попытки лидеров центральноазиатских стран по урегулированию проблем водопользования в регионе. В 1992 г. в Алма-Ате пять министров водного хозяйства Центральной Азии подписали Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраны водных ресурсов межгосударственных источников. Был создан единый орган — Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК), подтвержденный в 1993 г. Решением глав государств в городе Кызыл-Орде и их Соглашением о совместных действиях по решению проблемы Аральского моря и Приаралья, экологическому оздоровлению

5 Олкотт М. Б. Второй шанс Центральной Азии / Марта Брилл Олкотт; Моск. Центр Карнеги; Фонд Карнеги за междунар. мир. — М.; Вашингтон, 2005. — XVIII. — С. 31.

6 Договор между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан о казахстанско-узбекской государственной границе, 16 ноября 2001 г.; Договор между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан об отдельных участках казахстанско-узбекской государственной границы, 9 сентября 2002 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000453_ (дата обращения: 15.01.2014).

7 Рахимов М. Межгосударственные границы и проблемы безопасности в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Лаборатория общественно-политического развития стран ближнего зарубежья. — Режим доступа: <http://ia-centr.ru/expert/3934/> (дата обращения: 15.01.2014).

8 Валентини К. Л., Оролбаев Э. Э., Абылгазиева А. К. Водные проблемы Центральной Азии /Международный институт стратегических исследований при президенте Кыргызской Республики; Фонд им. Фридриха Эберта. — Бишкек, 2004. — С. 41.

9 Конвенция ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (дата обращения: 16.01.2014).

10 Протокол по проблемам воды и здоровья к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (дата обращения: 16.01.2014).

и обеспечению социально-экономического развития Аральского региона¹¹.

В 1995 г. пять лидеров стран региона согласовали в г. Нукусе (Узбекистан) совместное решение «подготовить общую стратегию водораспределения, рационального водопользования и защиты водных ресурсов»¹². В принятой в г. Нукусе Декларации президенты пяти государств региона подтвердили свои «обязательства по полному сотрудничеству на региональном уровне на основе взаимного уважения, добрососедства и решимости в дальнейшем работать во имя преодоления последствий экологического кризиса в зоне бассейна Аральского моря и его воздействия на природу и человека». Стоит также отметить присутствие в документе призыва, обращенного к международному сообществу, о помощи в усилиях государств региона в разрешении водно-энергетической проблемы Центральной Азии¹³.

При содействии USAID (Агентство США по международному сотрудничеству) и Всемирного банка в 1998 г. было разработано и подписано Соглашение о совместном использовании водно-энергетических ресурсов реки Сырдарья¹⁴. В соглашении стороны признали необходимым ежегодно координировать и принимать решения по попуску воды, выработке и передаче электроэнергии, а также по компенсациям потерь энергоресурсов на эквивалентной основе, в отношении которых стороны согласились не применять таможенные пошлины¹⁵. В документе роль исполнительного органа, обеспечивающего режим попусков воды из водохранилищ и перетоков электрической энергии, возлагается на Международный водно-энергетический консорциум (МВЭК, к моменту подписания соглашения не создан).

Работа в рамках Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС) по созданию управляющей структуры ведется и по сей день, основная же причина столь вялотекущего характера переговорного процесса заключается в кардинально противоположных взглядах стран региона на присутствие на своих территориях консорциумов. Так, Кыргызстан и Таджикистан рассматривают консорциумы лишь как способ привлечения внешних инвестиций для возобновления работ на приостановленных гидрообъектах. Для Казахстана и Узбекистана создание консорциума может обеспечить доступ к управлению ключевыми сооружениями на трансграничных водотоках. Необходимо понимать, что создание консорциума само по себе не решит всех проблем в водно-энергетической сфере региона.

Высоко оценивая роль многосторонних политических деклараций, рамочных соглашений, попыток создания управляющих структур в предотвращении эскалации водного конфликта, следует признать, что они не оказали существенного содействия решению проблем, связанных с управлением водными ресурсами региона. Выходом из стагнации видится сужение круга участников переговорного процесса — решение противоречий тет-а-тет, тем самым сокращая число противоречий. Другим эффективным методом является решение накопившихся проблем в рамках международных организаций (ЕврАзЭС, ШОС), что способствовало бы выработке коллективных решений на основе общепризнанных норм международного права.

Как было отмечено выше, при оценке положения дел в регионе Центральной Азии недопустимо нивелирование роли международных организаций и интеграционных процессов. Содружество Независимых Государств (далее — СНГ), возникшее на месте СССР, не рассматривалась в качестве интеграционного института и создавалось как механизм бесконфликтной дезинтеграции¹⁶. Сегодня основной функцией данного объединения является обеспечение отраслевого сотрудничества стран участниц, в особенности в антитеррористической и антикриминальной сферах.

Государства Центральной Азии с распадом СССР столкнулись с необходимостью формирования новых межгосударственных политических и экономических связей. Благо, на тот момент существовали предпосылки к формированию в регионе интеграционных объединений. В первую очередь, государства Центральной Азии имеют общие интересы, схожие характеристики и налаженные связи. Помимо этого, странам региона в наследство от советского прошлого досталась единая транспортная инфраструктура, энергетическая инфраструктура, системы телекоммуникаций, науки и образования. Рассмотренные выше вопросы использования водных ресурсов и делимитации границ также можно отнести к предпосылкам внутрирегионального взаимодействия.

Первой попыткой институционального сотрудничества в регионе стало Соглашение, подписанное в 1993 г. между Узбекистаном и Казахстаном, о мерах по углублению экономической интеграции на период 1994–2000 годов. Годом позже президенты двух республик заключили Договор о создании единого экономического пространства между Республикой Узбекистан и Республикой Казахстан, в соответствии с которым была создана Межправительственная комиссия по углублению экономической интеграции¹⁷.

30 апреля 1994 г. между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном подписан Договор о создании Единого экономического пространства. Он заложил правовой фундамент экономического сотрудничества центральноазиатских государств¹⁸. К 2002 г. объединение четырех из пяти стран региона расширило свои функции и стало играть универсальную роль, не ограничившись только вопросами экономики. В рамках Организации Центрально-Азиатского сотрудничества (далее — ОЦАС) рассматривались политические, гуманитарные, а так-

11 Соглашение о совместных действиях по решению проблемы Аральского моря и Приаралья, экологическому оздоровлению и обеспечению социально-экономического развития Аральского региона [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.icwcaral.uz/statute13_ru.htm (дата обращения: 16.01.2014).

12 Валентини К. Л., Оролбаев Э. Э., Абылгазиева А. К Водные проблемы Центральной Азии / Международный институт стратегических исследований при президенте Кыргызской Республики; Фонд им. Фридриха Эберта. — Бишкек, 2004. — С. 46.

13 Нукуская декларация государств Центральной Азии и международных организаций по проблемам устойчивого развития бассейна Аральского моря [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.tabiat.narod.ru/DB/wr/SNG/5.doc (дата обращения: 16.01.2014).

14 Интервью для Информационного агентства «Фергана» заместителя директора Научно-информационного центра Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии (НИЦ МКВК) Вадима Соколова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/5782> (дата обращения: 17.01.2014).

15 Соглашение об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.tabiat.narod.ru/DB/wr/SNG/58.doc (дата обращения: 16.01.2014).

16 Парамонов В., Строков А. Этапы внешней политики России в Центральной Азии. Defense Academy of the United Kingdom, июнь 2008 г.

17 Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан 10 января 1994 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: adilet.zan.kz/rus/docs/O9400000003 (дата обращения: 10.01.2014).

18 Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан, 30 апреля 1994 г. Внесены изменения Решением Межгосударственного совета Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан от 17 июля 1998 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U990000090_ (дата обращения: 10.01.2014).

же вопросы экологической безопасности. В 2004 г. к ОЦАС примкнула Россия, что послужило окончательной интеграции данной структуры с ЕвразЭС в 2005 г.

Наиболее активным участником интеграционных процессов в регионе был Казахстан в лице президента Н. Назарбаева. Именно он стал автором идеи формирования Евразийского союза. Практическим воплощением его идей стал Договор об учреждении ЕвразЭС, подписанный лидерами Казахстана, России, Беларуси, Кыргызстана и Таджикистана 10 октября 2000 г. в Астане¹⁹. Этот договор стал наследником соглашения о создании Таможенного союза всех пяти участников ЕвразЭС, инициированного в 1995 г.²⁰

В соответствии со ст. 2 Договора об учреждении ЕвразЭС организация создана для эффективного продвижения процесса формирования Договаривающимися Сторонами Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также реализации других целей и задач, определенных в вышеуказанных соглашениях о Таможенном союзе, Договоре об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях и Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве.

На первый взгляд, вышеуказанный договор не вносит никаких концептуальных изменений в перечень целей и задач, и новообразовавшееся интеграционное объединение отличается лишь организационно-правовой формой. Однако именно сокращение спектра интеграционных задач предопределило право ЕвразЭС считаться самой успешной организацией в регионе. Кроме того, характеризуя ЕвразЭС, стоит упомянуть успешно примененную концепцию многоскоростной интеграции, что подтверждается реальным стремлением Кыргызстана и Таджикистана присоединиться к Таможенному союзу России, Беларуси и Казахстана²¹.

После роспуска Варшавского договора и с распадом СССР на политической карте мира произошли серьезные изменения: появились новые суверенные государства. Сложившиеся геополитические реалии оказали сильное влияние на внешнюю политику как Соединенных Штатов, так и Турецкой Республики, способствовал их активизации.

С момента распада в 1991 г. бывшего СССР в Центральной Азии происходят процессы трансформации социально-политического, идеологического и экономического устройства. Новообразовавшиеся независимые государства данного региона, в связи с отходом от прежней ориентации на центр (Москва), находятся в поисках своего места в системе международных отношений, возможных направлений экономического, политического развития, и взаимовыгодных межгосударственных связей, в том числе с Западным миром. Дерусификация информационно-культурной среды стран данного региона в начале 90-х годов становится поводом к переориентации элит, академических кругов и молодежи на Запад.

Окончание холодной войны и распад Советского Союза ознаменовали превращение Соединенных Штатов в единственную сверхдержаву и открытие новых возможностей для сотрудничества с бывшими советскими республиками в целях распространения американского влияния, этим и объясняется активный внешнеполитический курс администрации Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего в данном регионе. Следует заметить, что отход от постулатов реализма периода холодной войны и доктрины сдерживания коммунизма позволил Соединенным Штатам переформатировать свою внешнюю

политику в либеральное русло, что вылилось в экономическую интервенцию в страны Каспийского региона, Центральной Азии, Ближнего Востока.

В целом внешнюю политику США в период после распада Советского Союза можно охарактеризовать как «либеральный интервенционизм». На Западе постулат о том, что демократии не вступают друг с другом в вооруженную конфронтацию и разрешают имеющиеся противоречия мирным путем прочно утвердился в среде либерального истеблишмента²². В конце концов, теория демократического мира стала одним из важнейших постулатов доктрины либерального интервенционизма Соединенных Штатов. В 1994 г. президент У. Клинтон даже использовал ее положения в ежегодном послании Конгрессу США для официального обоснования политики распространения демократии²³.

Первый этап целенаправленной политики США в отношении стран Центрально-Азиатского региона можно охарактеризовать рядом факторов. Во-первых, основной проблемой на начальном этапе, интересовавшей США, была судьба советского ядерного потенциала. В числе важнейших американских интересов в сфере безопасности была ликвидация арсеналов ядерного оружия, оставшегося после распада СССР. Во-вторых, Соединенные Штаты проявляли обеспокоенность с связи с возможным усилением в регионе идей радикального исламизма. В целом это было обусловлено близостью стран региона к Ирану и Афганистану. Таким образом, можно сделать вывод, что на первом этапе основными целями внешнеполитической линии США относительно стран Центральной Азии была стабилизация региона и недопущение вовлечения стран региона в орбиту интересов Ирана.

Инструментом реализации целей на первом этапе стал принятый Конгрессом в 1992 г. Закон «О поддержке свободы» (Freedom Support Act)²⁴. Целью данного закона стало предоставления экономической, технической, гуманитарной помощи странам бывшего Советского Союза. Программы финансовой и технической поддержки были нацелены на уменьшение и смягчение эффекта от конфликтов, усиление рыночной экономики, борьбу против инфекционных болезней, борьбу с распространением оружия массового поражения, наркоторговлей и т.д. Для администрации США программа финансовой поддержки постсоветских республик первоначально является альтернативной формой продвижения американской внешней политики в этом регионе. Все это вылилось в многочисленные финансовые влияния с целью переформатирования экономик стран Центрально-Азиатского региона. Данный курс внешней политики США стал основой концепции «расширения и вовлечения», целью которой стало оказание поддержки демократическим преобразованиям в новых независимых государствах постсоветского пространства. Поддержка США была нацелена на организацию и проведение честных выборов, создание политического плюрализма, развитие местного самоуправления и регулирование взаимоотношений между гражданским и военным секторами общества.

К первому этапу стоит также отнести сотрудничество стран Центральной Азии с НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира», созданной в 1994 г. В 1994 г. четыре из пяти стран

19 Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.evrazes.com/docs/view/3> (дата обращения: 10.01.2014).

20 Коробов И. От региональной интеграции Центральной Азии к Евразийскому интеграционному пространству? Меняющаяся динамика постсоветского регионализма // Евразийская экономическая интеграция. — 2010. — № 3.

21 Там же.

22 Цыганков А., Цыганков П. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. — Сентябрь-декабрь 2005. — Т. 3. — № 3 (9).

23 Transcripts of Clinton's Address // New York Times. — 1994. — 26 January [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nytimes.com/1994/01/26/us/state-union-excerpts-president-clinton-s-message-state-union.html?pagewanted=all&src=pm> (дата обращения: 20.12.2013).

24 S. 2532 — Freedom Support Act (Enrolled Bill [Final as Passed Both House and Senate]) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/D?c102:5:./temp/-c102WQSZmo:> (дата обращения: 20.12.2013).

Центральной Азии (кроме Таджикистана) стали участницами данной программы, согласно которой страны-участницы совместно с Североатлантическим альянсом консультируются по широкому спектру вопросов, проводят совместные учения, противостоят распространению оружия и терроризму и т. д.

Второй этап ознаменовался формированием новых приоритетов в стратегии США. В частности, причиной тому может служить открытие в середине 90-х годов богатейших запасов энергоресурсов в Прикаспийском регионе. Проект трубопровода, позднее получивший название Баку — Тбилиси — Джейхан, в обход России и Ирана не заставил себя ждать. В октябре 1998 г. на совещании в Анкаре представители Турции, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана и США подписали Анкарскую декларацию в поддержку проекта нефтепровода Баку — Джейхан. Данный проект позволил США еще более укрепить свои позиции в Евразии, благодаря чему могла бы быть реализована долгосрочная стратегия в данном регионе. К тому же снизилась зависимость стран данного региона от России и произошла изоляция Ирана.

Трагические события 11 сентября 2001 г. можно обозначить началом третьего этапа внешнеполитической деятельности США в регионе. США развернули широкомасштабную войну против международного терроризма, а страны Центральной Азии стали частью объединенного фронта в борьбе с терроризмом. Центральная Азия приобрела ключевую роль в американской антитеррористической стратегии и в обеспечении международной безопасности. Несмотря на то, что вклад государств Центральной Азии в борьбе с угрозой терроризма был разновесным и различался по стратегическому значению, каждый региональный лидер полагал, что его усилия должны трансформироваться в новый импульс развития отношений с США.

Дж. Буш младший, пришедший к власти без какой-либо четкой внешнеполитической стратегии, после событий сентября 2001 г. в одночасье стал «президентом с миссией». Сентябрьские террористические акты стали стимулятором идейной работы для политиков и специалистов по международным отношениям. В американской печати борьба США с терроризмом сразу же получила определение «крестового похода»²⁵.

В сентябре 2002 г. была принята новая «Стратегия национальной безопасности», предусматривающая борьбу за сохранение мирового лидерства США, возможность нанесения превентивных военных ударов, глобальную борьбу с терроризмом, с распространением оружия массового уничтожения²⁶.

В том же году администрацией Буша был принят Акт в поддержку свободы в Афганистане, который подразумевал поддержку демократических реформ и становление гражданского общества не только в Афганистане, но и в странах Центрально-Азиатского региона²⁷.

В 2001 г. первым из государств региона согласился предоставить американцам свою военную инфраструктуру Узбекистан. На авиабазе в Ханабаде разместились 1,5 тыс. американских военнослужащих. Авиация США и союзников получила право использования воздушного пространства Таджикистана. В ответ Соединенные Штаты сняли ограничения на поставку в Таджикистан военного оборудования и снаряжения. В декабре 2001 г. Кыргызстан предоставил союзникам авиабазу в аэро-

порту Манас сроком на один год, впоследствии договор аренды был пролонгирован.

Содействие центральноазиатских стран заключалось не только в предоставлении своих баз силам союзников, но и в снабжении союзных войск, открытии коридоров для масштабных поставок в Афганистан гуманитарной помощи и политическом содействии созданию нового афганского правительства²⁸.

В рамках обеспечения безопасности на Каспии и ведения борьбы против международного терроризма Соединенные Штаты в заданный период активизировали взаимодействие с Казахстаном. В сентябре в 2003 г. был подписан пятилетний План совместных действий Казахстана и США по обеспечению безопасности на Каспии. Согласно плану Вашингтон поставил в Казахстан вертолеты «Хьюи», самолеты С-130 «Геркулес», автомобили «Хаммер» и несколько кораблей водоизмещением до 1 тыс. тонн. Казахская сторона дала также согласие на установку радиолокационного наблюдения за национальным сектором Каспийского моря. Вашингтон и Астана договорились также и о создании на казахстанской территории центра антитеррористической подготовки²⁹.

В 2005 г. на Слушаниях подкомитета по делам Ближнего Востока и Центральной Азии помощник Государственного секретаря США по вопросам Евразии Даниэл Фрид отметил стратегически важную роль Казахстана в обеспечении безопасности в регионе³⁰.

В этот же период активные шаги по ослаблению американского присутствия в Центральной Азии предпринимают Россия и в определенной степени Китай. Одним из таких шагов стала инициатива превращения тогда «шанхайской пятерки» в региональную и международную организацию. Помимо этого, Россия разместила на авиабазе в городе Кант свои самолеты и военнослужащих. Начало XX в. ознаменовалось решением о преобразовании Договора о коллективной безопасности (ДКБ) в полноценную международную организацию — Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), членами которой на начальном этапе стали три из пяти центральноазиатских стран (Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан). В 2005 г. Узбекистан потребовал вывести военный контингент США со своей территории. В совокупности все вышеперечисленные события способствовали росту влияния России и, наоборот, спаду в отношениях США и стран региона.

В марте 2005 г. США выдвинули доктрину «Большой Центральной Азии», главным идеологом которой стал известный американский аналитик Ф. Старр³¹. Основной концепцией доктрины стало формирование нового интегрированного пространства, включавшего в себя: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Пакистан и Афганистан. Американцы попытались убедить политические элиты первых пяти стран в предоставлении систематической помощи. Однако можно утверждать, что центральноазиатские республики

25 Шаклеина Т. Новый «Крестовый поход» республиканцев как появилась доктрина Буша // Вудвард Б. Война Буша. — Нью-Йорк: Саймон и Шустер, 2002.

26 The National Security Strategy of the United States of America September 17, 2002 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.informationclearinghouse.info/article2320.htm> (дата обращения: 25.12.2013).

27 Гаджиев К. С. Политология: Учебник для высших учебных заведений. — М.: Логос, 2001.

28 Троицкий Е. Ф. Политика США в Центральной Азии в сфере безопасности: влияние на международные отношения в регионе (2001–2007 гг.) // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 322.

29 Уразов А. Перспективы размещения военных баз в Казахстане [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. — Режим доступа: <http://www.ia-centr.ru/archive/commentsb89b.html?id=399> (дата обращения: 21.12.2013).

30 Hearing before the subcommittee on the Middle East and Central Asia, 101st Congress, Serial № 109–132, Oct. 27, 2005. — P. 7 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://commdocs.house.gov/committees/intrel/hfa24201.000/hfa24201_of.htm (дата обращения: 20.12.2013).

31 Starr F. S. «A Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and its Neighbors // Silk Road Paper. Washington D. C.; Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. A Joint Transatlantic Research and Policy Center. — Johns Hopkins University, March 2005.

бывшего СССР являются лишь стратегически удобным коридором в Афганистан и рассматриваются США как зоны добычи и транзита энергоносителей.

Доктрина включила в себя «ведение наступательной войны против терроризма, создание замкнутых на США инфраструктур по безопасности, защиту Афганистана от его соседей, от радикального исламизма и наркоторговцев, укрепление экономики и наиболее значимых государственных структур, с целью в перспективе служить мостом между Ближним Востоком и Южной и Восточной Азией, укрепление торговых связей, транспортной инфраструктуры и стимулирование демократических политических систем»³².

Суть доктрины сводилась к постепенному выводу из Центральной и Южной Азии Китая и России. Однако следует констатировать неудачу данной концепции ввиду ухудшения обстановки в Афганистане и охлаждения отношений США и Узбекистана³³. В целом в этот период из-за недостаточной финансовой поддержки и инвестиций, постоянного давления США по гуманитарным вопросам и демократизации в отношениях государств Центральной Азии к Соединенным Штатам начинается период спада.

Для Турции период после коллапса Советского Союза следует обозначить как новый этап во внешней политике и новую роль на международной политической арене. С образованием новых независимых государств в турецкой внешней политике появилось важнейшее направление — активное развитие отношений с новыми независимыми государствами Центральной Азии. Турция, питавшая надежду стать мостом между Западом и тюркским миром, рассчитывала сыграть важную роль в политической и экономической интеграции стран данного региона с Западным миром. Воодушевленная религиозным, культурным и историческим единством, Турция представляла себя «старшим братом», моделью развития для новообразованных государств. Среди маргинальных политиков начали набирать обороты так называемые идеи «пантюркизма». Однако дальше риторики данные мысли не пошли и во внешней политике никак не нашли своего отражения.

Директор международного центра стратегического анализа (Анкара) Седат Лачинер в своей статье «Центральная Азия и Турция» отмечает, что наличие тюркского мира у себя за спиной повысило бы уверенность Турецкой Республики в отношениях с западными странами и повысило бы геополитическое значение государства³⁴.

Ярым сторонником развития партнерских отношений с новыми независимыми тюркоязычными государствами Центральной Азии был Тургут Озал, президент Турции в 1989–1993 гг., который несколько раз собирал их лидеров вместе, надеясь, что это приведет к созданию некой формальной организации. Первая такая встреча состоялась в Анкаре в 1992 г., а в 1993 г. Озал сам совершил широко разрекламированную поездку в регион³⁵.

На первых этапах данная активность внешнеполитической линии приносила свои плоды — было подписано сотни договоров о сотрудничестве, Турецкой Республикой была обещана экономическая поддержка. Однако первоначальный замысел

о «турецкой модели» начал терять свою значимость. С 1995 г. Турция начала вести более реальную, сбалансированную политику³⁶.

Анализируя турецкую внешнюю политику после окончания холодной войны, невольно наталкиваешься на противоречия между деятельностью Турции в Евразийском регионе и стараниями стать полноправным членом ЕС.

Как уже было сказано выше, на первых этапах своей центральноазиатской стратегии Соединенные Штаты ставили целью блокирование какой бы то ни было активности в рассматриваемом регионе. Турция при моральной и политической поддержке США, Великобритании и НАТО начала налаживать тесные связи с новообразованными странами региона, тем самым невольно становясь решением данной стратегически важной задачи.

Весной 1992 г. странам Центральной Азии были выделены турецкие кредиты и гуманитарная помощь. Анкара заключила с тюркоязычными государствами соглашения о сотрудничестве в подготовке военных кадров. Между Стамбулом и Алма-Атой, Ташкентом и, позднее, Ашхабадом было открыто регулярное воздушное сообщение. В Центральную Азию устремились турецкие компании, работающие в сферах строительства, пищевой и легкой промышленности, гостиничного и туристического бизнеса. В июле 1992 г. турецкая компания БМБ подписала с Казахстаном крупный контракт на разработку шести нефтяных месторождений³⁷.

Значительное место в стратегии Турецкой Республики в отношении стран Центральной Азии конца XX в. занимает культурная и образовательная интервенция. В данном процессе помимо правительства Турции важную роль сыграли негосударственные, а порой и частные структуры. Если на государственном уровне интервенция ограничилась проведением летних школ для студентов, изучающих турецкий язык (на базе правительственной организации ТИКА), и выделением стипендий на обучение в высших учебных заведениях, то на негосударственном уровне экспансия, финансируемая религиозными обществами и фондами, добилась многого. В данном контексте стоит упомянуть противоречивую фигуру Фетхуллага Гюлена. Внедрению образовательных проектов Ф. Гюлена способствовали несколько обстоятельств. Во-первых, политический контекст. Все, что было связано с Турцией, все, что прибывало из Турции, пользовалось в Центральной Азии успехом, а в Турции власти того времени и сам Тургут Озал (в то время — президент Турции) поддержали образовательные программы предпринимателей и преподавателей в своем стремлении создавать школы в Центральной Азии. И, наконец, в каждой из центральноазиатских республик после распада СССР и кризиса всей образовательной системы люди остро нуждались в образовательных проектах.

С 1992 по 2000 г. по всей Центральной Азии, северокавказским республикам, в субъектах РФ (Татарстан, Башкортостан, Чувашия) открылось более сотни образовательных учреждений, но в 2000 г. школы начали закрываться, в частности, в России, Узбекистане³⁸.

32 Саидмуратов А., Пусева Е. Концепция Большой Центральной Азии во внешней политике США в Центрально-Азиатском регионе // Центральная Азия и Кавказ. — 2010. — Т. 13. — Вып. 3.

33 В 2005 г. авиабаза Ханнабад в Узбекистане была закрыта. Военнослужащие были выведены. Отказ Каримова проводить настоящие экономические и политические реформы серьезно ухудшил перспективы сближения Узбекистана и США.

34 Sedat Laçiner «Orta Asya ve Türkiye» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.usakgundem.com/yazar/43/orta-asya-ve-t%C3%BCrkiye.html> (дата обращения: 20.12.2013).

35 Олкотт М. Б. Второй шанс Центральной Азии / Марта Брилл Олкотт; Моск. Центр Карнеги; Фонд Карнеги за междунар. мир. — Москва; Вашингтон, 2005. — XVIII. — С. 94.

36 Колобов О. А., Корнилов А. А., Озбай Ф. Современные турецко-российские отношения: проблемы сотрудничества и перспективы развития: Монография. — Нижний Новгород — Стамбул: ИСИ ННГУ, 2004. — С. 88–104.

37 Winrow M. G. Turkey's Changing Regional Role and its Implications. Istanbul Bilgi University. Paper presented at the conference titled «Europeanization and Transformation: Turkey in the Post-Helsinki Era» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://eu.bilgi.edu.tr/docs/Kocwinrow2005.pdf> (дата обращения: 25.12.2013).

38 Из интервью с Байрамом Балджи (Bayram Balci) — ученым из парижского Центра международных исследований, а также приглашенным профессором в вашингтонском офисе Фонда Карнеги за международный мир. Вашингтон, 6 января 2013 [Электронный

В экономической сфере сближение Турецкой Республики со странами Центральной Азии обусловлено следующими причинами: во-первых, стратегической целью Анкары закрепить в данном регионе; во-вторых, переходом турецкой экономики от импортозависимой модели к экспортнозависимой; в-третьих, привлекательностью центральноазиатского рынка для государственных и частных инвестиций; в-четвертых, неконкурентоспособностью турецких товаров на европейских рынках.

Конец XX в. характеризуется активностью Турецкой Республики в Центрально-Азиатском и Прикаспийском регионах по вопросу диверсификации транспортировки энергоресурсов, которая в свою очередь поощрялась Соединенными Штатами.

Как уже было сказано выше, в октябре 1998 г. Турция, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан и Грузия подписали Декларацию о поддержке проекта Баку — Тбилиси — Джейхан. Параллельно с данным проектом Турецкая Республика была заинтересована в исполнении роли транзитного коридора для туркменского газа. Несмотря на то, что строительство трубопровода из Туркменистана в Турцию было предусмотрено меморандумом еще 1992 г., Ашхабад не спешил начинать прокладку, отдавая предпочтение более дешевому маршруту через Иран. В данной ситуации свое негласное «нет» высказывали как США, так и Турция. С приходом к власти коалиционного правительства во главе с лидером исламской Партии благоденствия Н. Эрбаканом, который был настроен за развитие отношений с мусульманскими странами, процесс сдвинулся с места. В конце 1996 г. Турция, Иран и Туркменистан подписали меморандум о взаимопонимании, предусматривающий, что газопровод из Туркменистана в Турцию пройдет через территорию Ирана. Однако вскоре после подписания меморандума под давлением военного руководства, недовольного политикой существующего правительства, кабинет Эрбакана был вынужден уйти в отставку, а работы на турецком участке газопровода были приостановлены³⁹.

Важным аспектом сотрудничества Турецкой Республики со странами Центральной Азии стало военное сотрудничество, которое было реализовано в обучении военных кадров стран региона в Турции. Помимо этого, в рамках развития программы «Партнерство ради мира» в июне 1998 г. в Анкаре был создан специальный учебный центр, в котором проводились курсы и семинары с целью обеспечения стратегической и тактической подготовки и обучения военного и гражданского персонала стран — партнеров НАТО в соответствии с принципами и задачами этой программы⁴⁰.

В целом в период после распада Советского Союза турецкие претензии на лидерство в регионе на основе этно-идеологических лозунгов не получили должного отклика в государствах региона. При этом Турции не удалось принять на себя и посредническую миссию в проведении американского влияния в регионе, а лидеры Центральной Азии оказались в большей мере склонны к независимости, чем это виделось первоначально.

В 2001 г. профессор Стамбульского университета Ахмет Давутоглу, впоследствии ставший министром иностранных дел Турции, выпустил книгу по названию «Стратегическая

глубина: международные позиции Турции»⁴¹, в которой автор изложил новую концепцию внешней политики Турции. После прихода к власти Партии справедливости и развития во главе с Т. Эрдоганом в 2002 г. Ахмет Давутоглу был назначен главным советником по иностранным делам. Очевидно, что данное событие стало новым этапом внешней политики Турции, а теоретические положения, сформулированные А. Давутоглу, заложили фундамент внешней политики Турции не только в целом, но и в Центрально-Азиатском регионе в частности.

Новый курс внешней политики Турции в начале XXI в. основан на прагматизме (часто употребляется термин экономический прагматизм), активном блокировании с крупными игроками. Главной же целью стратегии является поддержание баланса сил в регионе, который становится основой строительства отношений со странами Центральной Азии.

Таким образом, резюмируя все вышеперечисленное, следует отметить, что с падением железного занавеса у государств Центральной Азии появились возможности расширения международных связей и обеспечения уникальной роли на международной арене, в то же время возникла необходимость решения новых внутрорегиональных вызовов.

В регионе и по сей день продолжается работа по делимитации границ. Границы Узбекистана с Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменией пока до конца не определены. Проблема таджикско-узбекской границы остается актуальной и по сей день. Известны случаи обстрела и подрыва людей на заминированных участках приграничных узбекских территорий.

Самой серьезной проблемой, стоящей перед руководством центральноазиатских государств, является вопрос распределения водных ресурсов трансграничных рек. Данная проблема приобретает особый статус ввиду своего конфликтного потенциала, однако долгосрочный план урегулирования не разработан, а международному сообществу страны Центральной Азии отводят во всем этом незначительную роль. Ситуация обостряется односторонними решениями государств региона в области распределения воды. Так, Туркменистан в 2000 г. приступил к созданию огромного водоема «Золотой век» в Центральных Каракумах, а Кыргызстан и Таджикистан на пути к реализации проектов по возведению крупных гидроэлектростанций, которые могли бы обеспечить энергетическую независимость данных стран.

Значительный интерес представляют интеграционные процессы в Центрально-Азиатском регионе в период после распада Советского Союза. К тому же нельзя не отметить ярко выраженную динамику данных процессов в целом и эволюцию отдельно взятых структур. За два десятилетия межгосударственные объединения обросли солидной правовой оболочкой, расширили сферы своей деятельности. Во многом благодаря России и активизации центральноазиатского вектора во внешней политике страны после избрания В. В. Путина на пост президента интеграционные процессы в регионе сдвинулись с «мертвой точки». В контексте данного утверждения стоит отметить Евразийское экономическое сообщество, которое имеет ясную и профильную цель построения общих таможенных границ, а впоследствии и общего рынка, и на этом треке за прошедшие годы были достигнуты значительные успехи.

Исследуя интеграцию в регионе, стоит обратить внимание на спектр объективных и субъективных факторов, препятствующих процессам объединения государств региона. В первую очередь следует отметить амбиции лидеров стран Центральной Азии на ведущую роль в регионе и неразрешенные противоречия в территориальных, водных и энергетических вопросах. Кроме того, к факторам, замедляющим темпы интеграции, относятся внутривнутриполитическая и социально-экономическая

ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/7598> (дата обращения: 25.12.2013).

39 Троицкий Е. Ф. Политика США в Центральной Азии в сфере безопасности: влияние на международные отношения в регионе (2001–2007 гг.) // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 322.

40 Взаимодействие Турции и НАТО. Информационно-аналитический портал НАТО. рф [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://xn--80azep.xn--p1ai/ru/turkey.html> (дата обращения: 26.12.2013).

41 Davutoglu A. Strategik Derinlik, Turkiye'nin Uluslararası Konumu (Strategic Depth, Turkey's International Position). — Istanbul: Kure Yayinlari, 2001.

обстановка в странах, различия в подходах трансформации экономик и степени интеграции.

С обретением независимости бывшие советские республики стали объектом геополитического интереса многих государств, в частности США и Турции. Для США данные государства представляют интерес в первую очередь как инструмент обеспечения безопасности на Ближнем Востоке и борьбы с терроризмом, что выразилось в деятельности Вашингтона после трагических событий 11 сентября. Также высоко оценивается роль региона в попытках диверсификации путей доставки энергоносителей и обеспечении энергетической безопасности западных стран. Попытки демократизации и создания политических институтов, гражданского общества не принесли ожидаемых плодов.

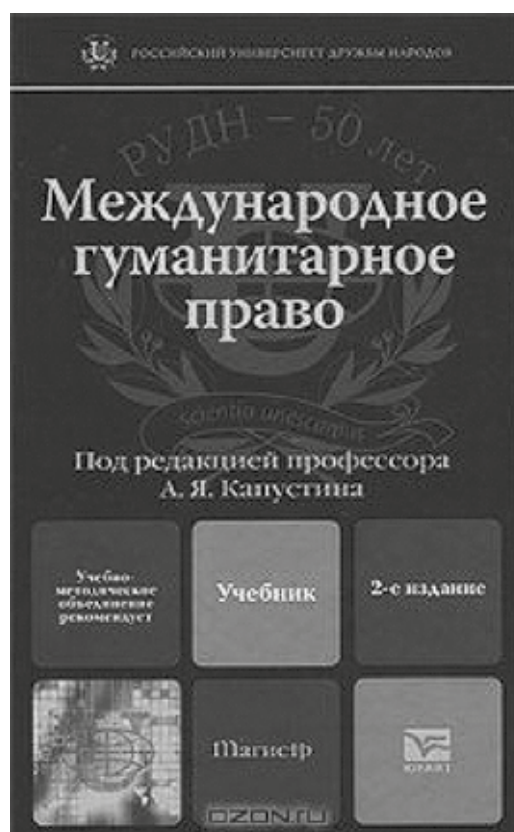
Турция последствия распада СССР оценила как возможность развития тесных отношений с новообразовавшимися государствами, тем самым претендуя на роль регионального лидера и посредника между США и центральноазиатскими странами. Культурная, религиозная и историческая схожесть только придала уверенности Анкаре. Однако внешняя политика Турецкой Республики оказалась неготовой к вызовам новой геополитической обстановки в регионе, причин этому несколько: во-первых, Турция до распада Советского Союза не рассматривала этот регион как приоритетный, во-вторых, отсутствовали какие-либо теоретические, стратегические исследования о Центральной Азии, что не могло не сказаться на качестве региональной политики Турции.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (дата обращения: 16.01.2014).
2. Протокол по проблемам воды и здоровья к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (дата обращения: 16.01.2014).
3. Договор между Республикой Казахстан и Республикой Из интервью с Байрамом Балджи (Bayram Balci) — ученым из парижского Центра международных исследований, а также приглашенным профессором в вашингтонском офисе Фонда Карнеги за международный мир. Вашингтон, 6 января 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/7598> (дата обращения: 25.12.2013).
4. Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан 10 января 1994 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: adilet.zan.kz/rus/docs/O9400000003 (дата обращения: 10.01.2014).
5. Договор о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан, 30 апреля 1994 г. Внесены изменения Решением Межгосударственного совета Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан от 17 июля 1998 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U9900000090_ (дата обращения: 10.01.2014).
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / Пер. О. Ю. Уральской. — М.: Междунар. отношения, 1998.
7. Валентини К. Л., Оролбаев Э. Э., Абылгазиева А. К. Водные проблемы Центральной Азии / Международный институт стратегических исследований при президенте Кыргызской Республики; Фонд им. Фридриха Эберта. — Бишкек, 2004.
8. Валентини К. Л., Оролбаев Э. Э., Абылгазиева А. К. Водные проблемы Центральной Азии / Международный институт стратегических исследований при президенте Кыргызской Республики; Фонд им. Фридриха Эберта. — Бишкек, 2004.
9. Узбекистан о казахстанско-узбекской государственной границе, 16 ноября 2001 г.; Договор между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан об отдельных участках казахстанско-узбекской государственной границы, 9 сентября 2002 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000453_ (дата обращения: 15.01.2014).
10. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.evrzases.com/docs/view/3> (дата обращения: 10.01.2014).
11. Нукуская декларация государств Центральной Азии и международных организаций по проблемам устойчивого развития бассейна Аральского моря [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.tabiat.narod.ru/DB/wr/SNG/5.doc (дата обращения: 16.01.2014).
12. Соглашение о совместных действиях по решению проблемы Аральского моря и Приаралья, экологическому оздоровлению и обеспечению социально-экономического развития Аральского региона [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.icwc-aral.uz/statute13_ru.htm (дата обращения: 16.01.2014).
13. Соглашение об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.tabiat.narod.ru/DB/wr/SNG/58.doc (дата обращения: 16.01.2014).
14. Взаимодействие Турции и НАТО. Информационно-аналитический портал НАТО.рф [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://xn--80azer.xn--p1ai/turkey.html> (дата обращения: 26.12.2013).
15. Гаджиев К. С. Политология: Учеб. для высших учебных заведений. — М.: Логос, 2001.
16. Интервью для Информационного агентства «Фергана» заместителя директора Научно-информационного центра Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии (НИЦ МКВК) Вадима Соколова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/5782> (дата обращения: 17.01.2014).
17. Колобов О. А., Корнилов А. А., Озбай Ф. Современные турецко-российские отношения: проблемы сотрудничества и перспективы развития: Монография. — Нижний Новгород — Стамбул: ИСИ ННГУ, 2004.
18. Корабоев И. От региональной интеграции Центральной Азии к Евразийскому интеграционному пространству? Меняющаяся динамика постсоветского регионализма // Евразийская экономическая интеграция. — 2010. — № 3.
19. Маккиндер Х. Д. Географическая ось истории // Дугин А. Г. Основы Геополитики. — М., 1997.
20. Маккиндер Х. Д. Географическая ось истории // Полис. — 1995. — № 4.
21. Олкотт М. Б. Второй шанс Центральной Азии / Марта Брилл Олкотт; Моск. Центр Карнеги; Фонд Карнеги за междунар. мир. — М.; Вашингтон, 2005. — XVIII.
22. Парамонов В., Строков А. Этапы внешней политики России в Центральной Азии. Defense Academy of the United Kingdom, июнь 2008 г.
23. Рахимов М. Межгосударственные границы и проблемы безопасности в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Лаборатория общественно-политического развития стран ближнего зарубежья. — Режим до-

- ступа: <http://ia-centr.ru/expert/3934/> (дата обращения: 15.01.2014).
24. Савицкий П. Н. Континент Евразия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bookmate.com/r#d=5a660h9D> (дата обращения: 10.12.2013).
  25. Саидмурадов А., Пусева Е. Концепция Большой Центральной Азии во внешней политике США в Центрально-Азиатском регионе // Центральная Азия и Кавказ. — 2010. — Т. 13. — Вып. 3.
  26. Троицкий Е. Ф. Политика США в Центральной Азии в сфере безопасности: влияние на международные отношения в регионе (2001–2007 гг.) // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 322.
  27. Троицкий Е. Ф. Политика США в Центральной Азии в сфере безопасности: влияние на международные отношения в регионе (2001–2007 гг.) // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 322.
  28. Уразов А. Перспективы размещения военных баз в Казахстане [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. — Режим доступа: <http://www.ia-centr.ru/archive/commentsb89b.html?id=399> (дата обращения: 21.12.2013).
  29. Фрэнсис Семпа. Мир Спайкмена. — Ч. 2 / Пер. Пхакадзе Натия, кафедра социологии международных отношений МГУ для Геополитика.Ру.
  30. Цыганков А., Цыганков П. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. — Сентябрь-декабрь 2005. — Т. 3. — № 3 (9).
  31. Шаклеина Т. Новый «Крестовый поход» республиканцев как появилась доктрина Буша // Вудвард Б. Война Буша. — Нью-Йорк: Саймон и Шустер, 2002.
  32. Davutoglu A. *Strategik Derinlik, Turkiye'nin Uluslararası Konumu* (Strategic Depth, Turkey's International Position). — Istanbul: Kure Yayinlari, 2001.
  33. Freedom Support Act (Enrolled Bill [Final as Passed Both House and Senate]) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/D?c102:5:/temp/~c102WQSZmo::> (дата обращения: 20.12.2013).
  34. Hearing before the subcommittee on the Middle East and Central Asia, 101th Congress, Serial № 109–132, Oct. 27, 2005. — P. 7 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://commdocs.house.gov/committees/intlrel/hfa24201.000/hfa24201_0f.htm (дата обращения: 20.12.2013).
  35. Sedat Laçiner «Orta Asya ve Türkiye» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.usakgundem.com/yazar/43/orta-asya-ve-t%C3%BCrkiye.html> (дата обращения: 20.12.2013).
  36. Starr F. S. «A Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and its Neighbors // Silk Road Paper. Washington D. C.; Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. A Joint Transatlantic Research and Policy Center. — Johns Hopkins University, March 2005.
  37. The National Security Strategy of the United States of America September 17, 2002 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.informationclearinghouse.info/article2320.htm> (дата обращения: 25.12.2013).
  38. Transcripts of Clinton's Address // New York Times. — 1994. — 26 January [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nytimes.com/1994/01/26/us/state-union-excerpts-president-clinton-s-message-state-union.html?pagewanted=all&src=pm> (дата обращения: 20.12.2013).
  39. Winrow M. G. Turkey's Changing Regional Role and its Implications. Istanbul Bilgi University. Paper presented at the conference titled «Europeanization and Transformation: Turkey in the Post-Helsinki Era» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://eu.bilgi.edu.tr/docs/Kocwinrow2005.pdf> (дата обращения: 25.12.2013).

Бисултанов А. К. НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ УКРАИНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

В статье анализируются вопросы правового основания формирования национальной гвардии, определения ее правового статуса, полномочий, условий и практики применения национальной гвардии в условиях вооруженных конфликтов. Автором раскрывается наиболее актуальная в современных реалиях тема — формирование национальной гвардии и батальонов территориальной обороны Украины.

Ключевые слова: национальная гвардия, национальная гвардия Украины, территориальная оборона Украины, внутренние войска, международное гуманитарное право, комбатанты.

Bisultanov A. K. THE NATIONAL GUARD OF UKRAINE THROUGH INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

The article analyses the following questions: the national guard formation, its legal status, authorities, terms and practice of use of the national guard in armed conflicts. The author studies the most urgent subject for nowadays — the formation of the national guard and battalions of the territorial defense of Ukraine.

Keywords: the national guard, national guard of Ukraine, territorial defense of Ukraine, internal troops, international humanitarian law, combatants.

Бисултанов А. К.

Армия, как неотъемлемая часть общества, является важным элементом обеспечения безопасности государства от внешних угроз военного характера.

Угрозы и вызовы, с которыми приходится сталкиваться современным государствам, влияют на решение вопросов военной организации в государствах. В состав вооруженных сил стали включаться новые военизированные образования в виде так называемых национальных гвардий, которые традиционно представляли собой вооруженные образования из гражданских лиц, и ныне могут использоваться в нестабильных государствах для подавления выступлений вооруженной оппозиции, преследующей различные политические цели. В связи с этим представляется актуальным определение статуса такого рода вооруженных формирований и квалификация их применения во внутренних вооруженных конфликтах через призму международного гуманитарного права.

Впервые отряды так называемой Национальной гвардии были созданы в 1789 г. во время Великой французской революции. Они представляли собой вооруженное гражданское ополчение, созданное для защиты революционных преобразований и поддержания правопорядка. Национальная гвардия строилась по территориальному признаку (по кварталам и округам), в первое время ее командный состав был выборным, лишь главнокомандующий назначался правительством. Первым командующим Национальной гвардии был Жильбер Лафайет. Отряды Национальной гвардии из бедных кварталов Парижа участвовали в восстании 10 августа 1792 г., в подавлении контрреволюционных восстаний. При Наполеоне I Национальная гвардия использовалась в качестве вспомогательной военной силы¹.

Постепенно «гвардия» как вспомогательная часть войск стала появляться в различных армиях мира. Национальная гвардия часто становилась регулярной частью сухопутных войск.

Самой знаменитой можно назвать Национальную гвардию США, являющуюся прямым потомком народных ополчений отдельных штатов. Национальная гвардия — территориальные воинские формирования в США.

Ее существование основано на конституционной норме разделения полномочий властей штата и федеральных властей. То есть штаты набирают на воинскую службу солдат и офицеров, а федеральное правительство берет на себя расходы по их содержанию и распоряжается войсками. В мирное время гвардейцы находятся в подчинении губернаторов тех штатов, где они расквартированы. Но как только объявляется мобилизация или чрезвычайное положение, гвардейцы включаются в состав регулярных войск. Это позволяет Национальной гвардии США считаться полноценным резервом Сухопутных войск и ВВС США.

В современной форме Национальная гвардия создана по закону Дика (Акт о милиции 1903 г.). По закону о национальной обороне (1916 г.) Национальная гвардия стала самостоятельной частью Сухопутных войск. В 1947 г. была создана Национальная гвардия ВВС (Air National Guard). Зачисление в Национальную гвардию производится на добровольной основе, гвардейцы должны пройти курс подготовки продолжительностью не менее шести месяцев. Подразделения Национальной гвардии созданы в каждом штате, в некоторых из них губернатор является главнокомандующим Национальной гвардии штата, может созывать ее при возникновении чрезвычайных обстоятельств: при наводнениях, пожарах, в случае беспорядков. Национальные гвардейцы могут быть призваны на службу сроком до двух лет президентом США в случае объявления чрезвычайного положения на национальном уровне. Мобилизация национальных гвардейцев проводилась во время различных войн, в период Берлинского кризиса (1961 г.), расовых и студенческих волнений в 1960–1970-х годах. Во время войны в Персидском заливе на действительную службу были призваны 72 тыс. резервистов Национальной гвардии — рекордное количество со времени Корейской войны².

Важно отметить, что части Национальной гвардии принимали активное участие во многих крупных военных операциях Соединенных Штатов Америки, кроме Вьетнамской войны. Примером могут служить: Первая и Вторая мировые войны, война в Корее (1950–1953 г.), война в Персидском Заливе

1 Национальная гвардия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/38943/%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F> (дата обращения: 28 января 2015 г.).

2 Национальная гвардия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/38943/%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F> (дата обращения: 28 января 2015 г.).

(1991 г.), миротворческие операции на территории бывшей Югославии.

Силы национальной гвардии также существуют во многих странах мира, таких как: Пакистан, Шри-Ланка, Саудовская Аравия и т. д. Как правило, они применяются в следующих случаях:

1. Осуществление силовых операций мирного времени: борьба с международным терроризмом, политическим экстремизмом и сепаратизмом, предотвращение и пресечение диверсий и терактов; обеспечение режима военного (чрезвычайного) положения в соответствии с решениями высших органов государственной власти.

2. Применение военной силы для обеспечения безопасности государства в вооруженном конфликте, который понимается как одна из форм разрешения политических, национально-этнических, религиозных, территориальных и других противоречий с применением средств вооруженной борьбы, при которой одно и более государств, участвующих в военных действиях, не переходят в особое состояние, называемое войной, как правило, преследуют частные военно-политические цели, и который может стать следствием разрастания приграничного конфликта, вооруженных инцидента или акции и других вооруженных столкновений ограниченного масштаба, носить международный (с участием двух и более государств) или внутренний характер (с вооруженным противоборством в пределах одного государства).

После распада СССР национальные гвардии стали образовываться на территории республик бывшего Советского Союза, например: Азербайджан, Грузия, Кыргызстан, Узбекистан.

Весной 2014 г. в Республике Казахстан³ и Украине было объявлено о формировании национальной гвардии. Но если для Казахстана — это новый опыт, то Украина создает этот орган во второй раз в своей истории.

В отличие от других бывших советских республик, исследование проблемы формирования и применения данной структуры в Украине вызывает повышенный интерес в связи с внутривнутриполитическими процессами, сопровождающимися, в том числе, применением вооруженной силы.

Во время распада Советского Союза руководство Украины приняло решение о создании армии независимого государства на базе внутренних войск. Указ Президиума Верховной Рады Украины № 1465-ХІІ «О подчинении Украине внутренних войск, которые дислоцируются на ее территории» от 30 августа 1991 г., по сути, дал толчок к созданию так называемой республиканской гвардии на основе внутренних войск МВД УССР.

Национальная гвардия Украины (далее — НГУ) была «рождена» Законом Украины «О Национальной гвардии Украины», принятом Постановлением Верховной Рады Украины № 1774-ХІІ от 4 ноября 1991 г. В преамбуле Закона закреплялось, что Национальная гвардия является «государственным вооруженным органом, созданным на базе внутренних войск, призванным защищать суверенитет Украины, ее территориальную целостность, а также жизнь и личное достоинство граждан, их конституционные права и свободы от преступных посягательств и других антиобщественных действий»⁴.

Постепенно собираясь из отдельных частей, как мотострелковых, так и авиационных (в 1992 г. было создано Управление авиации НГУ, в состав которой входили 2 вертолетные брига-

ды), к 1995 г. Национальная гвардия Украины представляла собой достаточно боеспособную единицу.

6 октября 1995 г. Национальная гвардия Украины была передана в оперативное управление Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами Украины, то есть президента. Гвардия хорошо зарекомендовала себя во время операций по усилению границы с Молдавией (по причине конфликта в Приднестровье), действий во время массовых беспорядков татарского населения в Крыму в марте 1998 г. К 1999 г. почти все полки гвардии были переименованы в бригады специального назначения.

Постепенно украинское руководство начало процесс передачи полномочий Национальной гвардии Украины различным силовым структурам. 17 декабря 1999 г. Указом Президента Украины «О передаче подразделений Национальной гвардии Украины в состав иных воинских формирований» войсковые части НГУ были переданы в состав Министерства обороны Украины и Внутренних войск МВД Украины⁵. 11 января 2000 г. принимается Закон Украины «О расформировании Национальной гвардии Украины»⁶. Национальная гвардия, как полноценное войсковое формирование, исчезает на определенное время.

В ноябре 2013 г. на территории Украины, в городе Киеве, начинается многомесячная акция протеста, вызванная приостановлением процесса подготовки к подписанию Соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом. В связи с попытками действующей на тот момент власти разогнать протестующих, а также принятием законов, ужесточающих ответственность за участие в подобных мероприятиях, ситуация вышла из-под контроля. Акция, названная мирной, постепенно переросла в массовые беспорядки. Действующая власть в Украине стала терять контроль над ситуацией. В феврале 2014 г. в Украине происходит смена власти, что вызвало негативную реакцию как на юго-востоке Украины, так и на территории Крымского полуострова.

Приказом № 144 от 25 февраля 2014 г. временно исполняющий обязанности министра внутренних дел А. Б. Аваков, «с целью оптимизации структуры и усовершенствования деятельности органов и подразделений МВД», как это указано в приказе, расформирует спецподразделение МВД «Беркут»⁷, принимавшее активное участие в подавлении протестных акций.

Слабая боеспособность частей украинской армии, отсутствие четких решений со стороны командования во время событий в Крыму весной 2014 г. приводят руководство Украины к идее воссоздания Национальной гвардии Украины, как боеспособной и мобильной единицы. 12 марта 2014 г. Верховная Рада Украины проголосовал за воссоздание Национальной гвардии Украины. Что касается существовавшего на тот момент аналога такого формирования, то есть внутренних войск — части внутренних войск МВД Украины должны были быть реорганизованы, а по факту — слиться в единое целое с новой гвардией. Был принят закон Украины № 877-VII от 13.03.2014 г. «О внесении изменений в некоторые законодательные акты

3 Указ Президента Республики Казахстан от 21 апреля 2014 г. № 807. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U140000807> (дата обращения: 28 января 2015 г.).

4 Закон Украины «О Национальной гвардии Украины» от 04.11.1991 г. № 1774-ХІІ. [Электронный ресурс] / Официальный веб-портал Верховной рады Украины. — Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1774-12> (дата обращения: 28 января 2015 г.).

5 Указ Президента Украины «О передаче подразделений Национальной гвардии Украины в состав других воинских формирований» от 17.12.1999 г. № 1586/99. Главный правовой портал Украины [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/U1586_99.html (дата обращения: 28 января 2015 г.).

6 Закон Украины «О расформировании Национальной гвардии Украины» от 11.01.2000 г. № 1363-XIV. Официальный веб-портал Верховной рады Украины [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1363-14> (дата обращения: 28 января 2015 г.).

7 Приказ Министра внутренних дел Украины № 144 от 25.02.2014 г. Сайт МВД Украины [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/988912> (дата обращения: 28 января 2015 г.).

Украины»⁸. 13 марта 2014 г. был принят Закон № 876-VII «О Национальной гвардии Украины»⁹.

Основная идея поправок и принятия нового закона — преобразовать внутренние войска Министерства внутренних дел в Национальную гвардию Украины, то есть воинское формирование с правоохранительными функциями, которое войдет в систему Министерства внутренних дел Украины. Закон также определяет функции Национальной гвардии Украины, вытекающие из ее предназначения и задач, общую структуру и численность; упорядочивает руководство Национальной гвардией Украины, прохождение военной службы и трудовые отношения; определяет обязанности, права и ответственность военнослужащих; устанавливает порядок принятия мер физического влияния, специальных средств, огнестрельного оружия, вооружения и боевой техники военнослужащими¹⁰.

В соответствии со ст. 1 Закона «О Национальной гвардии Украины», назначение и задачи ныне существующей гвардии следующие: «Национальная гвардия Украины является военным формированием с правоохранительными функциями, которое входит в систему Министерства внутренних дел Украины и предназначено для выполнения задач по защите и охране жизни, прав, свобод и законных интересов граждан, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а также во взаимодействии с правоохранительными органами — по обеспечению государственной безопасности и защите государственной границы, пресечению террористической деятельности, деятельности незаконных военизированных или вооруженных формирований (групп), террористических организаций, организованных групп и преступных организаций»¹¹.

Если подробнее рассмотреть положения закона, то можно увидеть, что, прежде всего, речь идет о широчайших полномочиях данного формирования, закрепленных в ст. 2 Закона Украины «О Национальной гвардии Украины». Национальная гвардия выполняет функции: от выполнения задач территориальной обороны до участия в поддержании или восстановлении правопорядка в районах возникновения особо тяжелых чрезвычайных ситуаций техногенного или природного характера. Круг обязанностей, закрепленных законом за национальной гвардией, позволяет ей не только контролировать всю правоохранительную деятельность в стране, но и активно влиять на действия как вооруженных сил и погранслужбы, так и МВД в целом. В соответствии со ст. 9 Закона «О Национальной гвардии Украины» комплектация гвардии осуществляется за счет военнослужащих, проходящих службу по контракту и по призыву.

В п. 2 ст. 9 указанного выше Закона говорится, что военнослужащие могут быть добровольно зачислены в состав резерва национальной гвардии. Речь идет о создании солдат-граждан,

постоянно тренирующихся и готовых принять меры по разрешению тех или иных кризисных ситуаций на территории своей страны. Мобильность за счет деления на оперативно-территориальные объединения, а также разнообразие опыта, возраста, умений — могут сделать такое формирование эффективным в боевом плане, а также гибким и легко адаптируемым к любой чрезвычайной ситуации.

Международное гуманитарное право разделяет участников вооруженных конфликтов на комбатантов (воюющих) и некомбатантов (невоюющих)¹². В соответствии с Дополнительным протоколом I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. «лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала), являются комбатантами, т.е. они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях» (п. 2 ст. 43). Это означает, что комбатанты имеют право воевать и «обязаны соблюдать нормы международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов» (п. 2 ст. 44)¹³.

Таким образом, лиц, входящих в состав Национальной гвардии Украины, можно отнести к категории комбатантов. Стоит отметить, что Национальная гвардия Украины участвует, на основании Закона Украины «О Национальной гвардии Украины» от 13 марта 2014 г., «во взаимодействии с Вооруженными Силами Украины в отпоре вооруженной агрессии против Украины и ликвидации вооруженного конфликта посредством ведения военных (боевых) действий, а также для выполнения задач территориальной обороны» (п. 2 ст. 1)¹⁴. В современных реалиях Национальная гвардия играет ведущую роль в боевых действиях на юго-востоке Украины.

По состоянию на июнь 2014 г., по словам министра внутренних дел Украины А. Б. Авакова, по стране было создано 30 спецподразделений МВД. В том числе по областям:

- Винницкая — батальон «Вінниця»;
- Волынская — рота «Світязь»;
- Днепропетровская — батальон «Дніпро-1», батальон «Артемівськ», батальон «Січеслав», батальон «Шахтарськ»;
- Луганская — батальон «Луганськ-1»;
- Запорожская — батальон «Скіф»;
- Ивано-Франковская — батальон «Івано-Франківськ»;
- Киевская — батальон «Київщина», батальон «Миротворець», батальон «Азов»;
- г. Киев — батальон «Київ-1», батальон «Золоті ворота», батальон «Січ», рота «Київ-2»;
- Кировоградская — батальон «Кіровоград»;
- Львовская — батальон «Львів»;
- Николаевская — батальон «Миколаїв»;
- Одесская — батальон «Шторм»;
- Полтавская — батальон «Полтава», рота «Кременчуг»;
- Сумская — батальон «Суми»;
- Тернопольская — батальон «Тернопіль»;
- Харьковская — батальон «Слобожанщина», батальон «Харків-1», рота «Харків-2»;
- Херсонская — батальон «Херсон»;
- Хмельницкая — рота «Богдан»;
- Черниговская — батальон «Чернігів»¹⁵.

8 Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины» от 13.03.2014 № 877-VII. Официальный веб-портал Верховной рады Украины [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/877-18> (дата обращения: 28 января 2015 г.).

9 Закон Украины «О Национальной гвардии Украины» от 13.03.2014 г. № 876-VII. Официальный веб-портал Верховной рады Украины [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/876-18> (дата обращения: 28 января 2015 г.).

10 Верховная Рада Украины приняла Закон «О Национальной гвардии Украины». Сообщение Официального веб-портала Верховной Рады Украины [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://portal.rada.gov.ua/ru/news/Novosty/Soobshchenuya/page/ru/news/Novosty/Soobshchenuya/89438.html> (дата обращения: 28 января 2015 г.).

11 Закон Украины «О Национальной гвардии Украины» от 13.03.2014 г. № 876-VII. Официальный веб-портал Верховной рады Украины [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/876-18> (дата обращения: 28 января 2015 г.).

12 Международное право: Особенная часть / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. М. Абайдельдинов. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. — С. 132–186.

13 Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. — 5-е изд., доп. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. — С. 232.

14 Закон Украины «О Национальной гвардии Украины» от 13.03.2014 г. № 876-VII. [Электронный ресурс] / Официальный веб-портал Верховной рады Украины. — Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/876-18> (дата обращения: 28 января 2015 г.).

15 На Украине создано тридцать спецподразделений особого назначения. Сообщение Сайта МВД Украины. [Электронный ресурс]. —

В соответствии со ст. 43 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. к категории комбатантов стоит также причислить лиц, входящих в состав батальонов территориальной обороны Украины. Указанные формирования были созданы в соответствии с рядом законов Украины («Об обороне Украины» от 6 декабря 1991 г. № 1932-ХП¹⁶; «Об утверждении Указа Президента Украины „О частичной мобилизации“» от 17 марта 2014 г. № 1126-VII¹⁷), Указом Президента «Об утверждении Положения о территориальной обороне Украины» от 2 сентября 2013 г. № 471/2013¹⁸ и во исполнение соответствующего решения Совета национальной безопасности и обороны Украины от 19 марта 2014 г. в качестве отдельных батальонов, которые входят в состав Вооруженных Сил Украины, находятся в подчинении Министерства обороны Украины (например, известный 24-й отдельный штурмовой батальон «Айдар» сухопутных войск ВС Украины), а их формирование осуществляется по территориальному принципу. Вместе с тем батальоны находятся в подчинении глав областных госадминистраций, на территории которых они непосредственно создаются. Финансовое обеспечение и комплектация батальонов осуществляются за счет областных бюджетов и благотворителей¹⁹.

Таким образом, сравнение практик создания национальных гвардий и опыта их применения показывает следующее:

1. Включение национальной гвардии в состав регулярных вооруженных сил не является общим правилом. Как пока-

зывает практика, национальная гвардия может входить в состав регулярных вооруженных сил в условиях вооруженного конфликта как международного, так и немеждународного характера;

2. Национальная гвардия может наделяться полномочиями, связанными не только с решением традиционных для нее задач: обеспечение безопасности главы государства и высших органов власти, участие в церемониальных ритуалах, несение почетного караула у эталонов государственных флагов и гербов, охрана особо важных государственных объектов; подавление мятежей и стихийных волнений, разгон или охрана демонстраций; борьба с терроризмом; участие в ликвидации последствий стихийных бедствий, в том числе путем восстановления и обеспечения общественного порядка в местах стихийных бедствий; но и задач, свойственных воинским формированиям, входящим в состав регулярных вооруженных сил — это отражение агрессии, направленной против государства; вооруженная защита целостности и неприкосновенности территории государства и другие задачи аналогичного характера.

Изучение национальных законодательств показывает, что национальные гвардии, независимо от того, входят они в состав регулярных вооруженных сил или нет, при наличии условий, определяемых национальным законодательством, могут принимать участие в вооруженном конфликте как международного, так и немеждународного характера. В этом случае служащие подразделений национальной гвардии приобретают статус комбатанта со всеми вытекающими отсюда последствиями, основанными на международных обязательствах государства национальной гвардии.

Режим доступа: <http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/1079861> (дата обращения: 28 января 2015 г.).

- 16 Закон Украины «Об обороне Украины» от 6 декабря 1991 г. № 1932-ХП [Электронный ресурс] / Официальный веб-портал Верховной рады Украины. — Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1932-12> (дата обращения: 28 января 2015 г.).
- 17 Закон Украины «Об утверждении Указа Президента Украины «О частичной мобилизации»» от 17 марта 2014 г. № 1126-VII. База данных «Законодательство Стран СНГ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=66103 (дата обращения: 28 января 2015 г.).
- 18 Указ Президента Украины «Об утверждении Положения о территориальной обороне Украины» от 2 сентября 2013 г. № 471/2013. Главный правовой портал Украины [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/U471_13.html (дата обращения: 28 января 2015 г.).
- 19 Минобороны: в областях создаются батальоны территориальной обороны. Сообщение Сайта Правительства Украины [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=247260349&cat_id=244277212 (дата обращения: 28 января 2015 г.).

Пристатейный библиографический список

1. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. 5-е изд., доп. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011.
2. Международное право: Особенная часть / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. М. Абайдельдинов. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013.
3. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000.
4. Сассоли М., Бувье А. Правовая защита во время войны: В 4-х т. — Т. I. — М.: Международный Комитет Красного Креста, 2008.
5. Henckaerts J. — M., Doswald-Beck L. Customary International Humanitarian Law. — Vol. I: Rules. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Мартыненко Е. В.

ЛИЦА И ОБЪЕКТЫ, ПОЛЬЗУЮЩИЕСЯ ОСОБОЙ ЗАЩИТОЙ В СООТВЕТСТВИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ГУМАНИТАРНЫМ ПРАВОМ

В статье рассматриваются вопросы особой защиты в соответствии с международным гуманитарным правом отдельных лиц и объектов, обладающих признаками, свойствами и характеристиками, позволяющими им находиться под такой защитой в специфических условиях вооруженных конфликтов как международного, так и немеждународного характера.

Ключевые слова: особая защита, медицинский персонал, медицинские объекты, духовный персонал, установки и сооружения, содержащие опасные силы, окружающая среда, культурные ценности.

Martynenko E. V.

PERSONS AND OBJECTS THAT ENJOY SPECIAL PROTECTION IN ACCORDANCE WITH INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

The article is devoted to the problems of special protection according to international humanitarian law of individuals and objects having attributes and characteristics that allow them to be under such protection in specific situations of armed conflict, both international and non-international.

Keywords: special protection, medical staff, health facilities, religious personnel, works and installations containing dangerous forces, the environment, cultural values.

Мартыненко Е. В.

Насилие и угрозы — суровая реальность современных вооруженных конфликтов. Нападениям конфликтующих сторон подвергаются раненые, больные и потерпевшие кораблекрушение, не принимающие участия в военных действиях, военнопленные и другие лица, содержащиеся под стражей, а также гражданские лица и гражданские объекты. Эти лица относятся к «покровительствуемым», то есть всем тем, кто во время военных действий находится под защитой договорного или обычного гуманитарного права.

Современное международное гуманитарное право выделяет лиц и объекты, пользующиеся особой защитой. К ним относятся: медицинский персонал и медицинские объекты; духовный персонал и журналисты; установки и сооружения, содержащие опасные силы; культурные ценности. Предметом особой безопасности международного гуманитарного права является практика применения конфликтующими сторонами средств и методов ведения военных действий, причиняющих обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде¹.

Под термином «медицинский персонал» современное международное гуманитарное право понимает медицинский персонал стороны, находящейся в конфликте, как военный, так и гражданский; медицинский персонал национальных обществ Красного Креста или Красного Полумесяца и других добровольных обществ помощи, должным образом признанных и уполномоченных правительством стороны, находящейся в конфликте, в том числе Международного Комитета Креста; медицинский персонал, предоставленный стороне, находящейся в конфликте, в гуманитарных целях нейтральным государством или другим государством, не участвующим в конфликте. Он, при любых обстоятельствах, должен пользоваться уважением и защитой.

В соответствии со ст. 15 Первого Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. защита, предоставляемая военному медицинскому персоналу, распространяется на гражданский медицинский персонал. Он также должен при любых обстоятельствах пользоваться уважением и защитой. В случае нарушения работы гражданских медицинских служб в районе ведения военных действий им должна оказываться всяческая возможная помощь

для выполнения гуманитарных функций наилучшим образом, и они не могут принуждаться к выполнению задач, несовместимых с их гуманитарной миссией.

В вооруженных конфликтах немеждународного характера защита медицинского персонала является дополнительной формой защиты раненых и больных, которая обеспечивает им получение медицинской помощи. Кроме того, согласно Статуту Международного уголовного суда, «умышленное нанесение ударов по...персоналу, использующему в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, предусмотренные Женевскими конвенциями», является военным преступлением во время немеждународных вооруженных конфликтов².

Защита медицинского персонала — это не личная привилегия его членов. Она вытекает исключительно из обязанности защищать больных и раненых, с которыми, при любых обстоятельствах, конфликтующие стороны должны обращаться гуманно.

Нормы международного гуманитарного права закрепляют защиту медицинских формирований, как постоянных и стационарных, так и временных и подвижных, предназначенных исключительно для медицинских целей. Они должны пользоваться уважением и защитой и ни при каких обстоятельствах не подвергаться нападению. Действие ст. 19 Первой Женевской конвенции 1949 г. и ст. 18 Четвертой Женевской конвенции 1949 г., регламентирующих защиту медицинских формирований, было расширено в Первом Дополнительном протоколе 1977 г. за счет распространения защиты на гражданские медицинские формирования в дополнение к военным медицинским формированиям.

Защита медицинских формирований в вооруженных конфликтах немеждународного характера основывается на требованиях ст. 3, общей для Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. Норма, касающаяся того, что медицинские формирования всегда должны пользоваться уважением и защитой и не должны становиться объектом нападений, содержится во Втором Дополнительном протоколе 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Защита, на которую имеют право медицинские формирования, прекращается лишь в том случае,

1 См.: Солнцев А. М. Современное международное право об окружающей среде и экологических правах человека. — М.: УРСС, 2013. — С. 96–121.

2 Римский Статут Международного уголовного суда 1998 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf), 22.01.2015 г.

если они совершают действия, наносящие ущерб неприятелю. Нормы международного гуманитарного права не дают определения понятия «действия, наносящие ущерб неприятелю», но к таким действиям может относиться использование медицинских формирований: для укрытия здоровых комбатантов; для хранения оружия или боеприпасов; в качестве военного наблюдательного пункта или прикрытия для военной операции³.

Понятие «духовный персонал» определяется в ст. 8 (d) Первого Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. о защите жертв войны и «означает лиц, как военных, так и гражданских, как, например, священников, которые заняты исключительно выполнением своих духовных функций и приданы: вооруженным силам стороны, находящейся в конфликте; медицинским формированиям или санитарно-транспортным средствам стороны, находящейся в конфликте; медицинским формированиям или санитарно-транспортным средствам; организациям гражданской обороны стороны, находящейся в конфликте».

Духовный персонал может быть придан вооруженным силам постоянно или временно. Он пользуется теми же привилегиями, что и постоянный медицинский персонал.

Духовный персонал утрачивает право на защиту на тех же основаниях, что и медицинский персонал, то есть в том случае, если принимает участие в действиях, направленных против противника. Защита предоставляется лишь духовному персоналу, выполняющему духовные функции. Однако, как и в случае с медицинским персоналом, наличие у духовного персонала легкого личного оружия не лишает его права на защиту, если это оружие используется исключительно для самообороны или находящихся на его попечении раненых, больных и потерпевших кораблекрушение.

Международное гуманитарное право не содержит положений, касающихся законности деятельности журналистов во время войны. Задача, которую призвано решить международное гуманитарное право, имеет более ограниченный характер — смягчить последствия войны для людей. Иначе говоря, международное гуманитарное право защищает не деятельность журналистов, а людей, занимающихся этой деятельностью.

В зоне вооруженного конфликта могут работать две категории журналистов:

военные корреспонденты (ст. 4.А (4) III Женевской конвенции 1949 г.) и журналисты, находящиеся в опасных профессиональных командировках в районах вооруженных конфликтов (ст. 79 I Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 г.).

Согласно ст. 4 III Женевской конвенции 1949 г. военные корреспонденты обязаны удовлетворять следующим условиям:

- являться представителями СМИ;
- иметь аккредитацию в вооруженных силах;
- сопровождать военные формирования;
- не являться членами военных формирований.

В этой же статье указывается, что военные корреспонденты при попадании в плен пользуются такой же защитой, что и военнопленные.

Журналисты, находящиеся в опасных профессиональных командировках в районах вооруженного конфликта, не получают аккредитации в вооруженных силах, хотя могут сопровождать военные формирования, — по крайней мере, прямого запрета на подобное сопровождение нет. Такие журналисты обладают статусом гражданского лица и, как следствие, пользуются защитой от нападения, если только они не совершают никаких действий, несовместимых с их статусом гражданского лица. Следует заметить, что норма ст. 79 Первого Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 г. о защите

жертв войны отсылочная и раскрывается в статьях, в которых говорится о защите гражданского населения.

Защита журналистов подразумевает не только необходимость предпринимать те или иные действия, но и обязательство не прибегать к определенному рода действиям по отношению к ним. Так, гражданские лица в соответствии со ст. 51 (2) Первого Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (в том числе журналисты) не должны являться объектом нападения, в соответствии со ст. 52 Протокола гражданские лица имеют право на то, чтобы к их собственности относились с уважением, если она не имеет военного характера.

Безопасность журналистов в районе ведения военных действий — предмет особой озабоченности ООН. Генеральная Ассамблея ООН постоянно призывает конфликтующие стороны принимать меры для обеспечения безопасности представителей средств массовой информации и осуждает насилие со стороны полиции; угрозы судебного преследования и физического насилия; угрозы обращения с журналистами как с врагами, служащими иностранным государствам; покушения на свободу печати; неоправданное лишение свободы и запугивание.

Журналисты, как и другие гражданские лица, утрачивают право на защиту от нападения в том случае, когда они начинают принимать непосредственно участие в военных действиях⁴.

Опыт современных вооруженных конфликтов свидетельствует, что вооруженные силы государств в конфликте во все возрастающей степени создают угрозы объектам, содержащим опасные силы, повреждение или разрушение которых может создавать угрозу массового уничтожения гражданского населения и гражданских объектов. Защита установок и сооружений, содержащих опасные силы, квалифицируется как особая защита от нападения и подробно регламентируется в ст. 56 Первого Дополнительного протокола и в ст. 15 Второго Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. В соответствии с данными нормами до тех пор, пока эти установки являются гражданскими объектами, они не могут быть подвергнуты нападению. Круг объектов, содержащих опасные силы и представляющих угрозу гражданскому населению в случае нападения, ограничен. К ним относятся: плотины; дамбы; атомные электростанции; военные объекты, нападение на которые может вызвать высвобождение опасных сил и последующие тяжелые потери среди гражданского населения. Национальное законодательство ряда государств квалифицирует нападение на такие установки и сооружения как преступление.

Решение о нападении на установки и сооружения, содержащие опасные силы, должно приниматься либо на высоком военном уровне, либо на достаточно высоком политическом уровне.

Запрет на нападения на установки и сооружения, содержащие опасные силы, должен соблюдаться не только наступающей, но и обороняющейся стороной, которая обязана поддерживать или усилить защиту таких установок и сооружений. Это означает, что эти установки и сооружения не должны использоваться для непосредственной поддержки военных действий; военные объекты не должны быть расположены в таких установках и сооружениях или вблизи от них; такие установки и сооружения, никогда не должны использоваться для прикрытия военных операций⁵.

Мы уже отмечали особую озабоченность международного гуманитарного права в связи с угрозами окружающей сре-

3 См.: Jean S. Pictet (ed.) *Commentary on the First Geneva Convention*, ICRC — Geneva, 1952. — P. 200–201.

4 Международное право: Особенная часть / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. М. Абайдельдинов. — Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. — С. 152.

5 См.: Хенкертс Ж. — М., Досвальд-Бека Л. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Международным комитет Красного Креста. — Женева, 2006. — С. 182.

де от ущерба в связи с вооруженным конфликтом. Средства и методы, применяемые конфликтующими сторонами при ведении военных действий, не должны иметь своей целью причинение обширного, долговременного и серьезного ущерба природной среде. Нормы международного гуманитарного права запрещают уничтожение любой части окружающей среды, если этого не требует настоятельная военная необходимость, и нападения на военные объекты в том случае, если такое нападение может повлечь за собой такой ущерб окружающей среде, который может нанести ущерб здоровью или выживанию населения⁶. Аналогичного содержания норма закреплена в Протоколе III к Конвенции о конкретных видах обычного оружия 1980 г.

В случае вооруженного конфликта немеждународного характера для защиты окружающей среды от причинения ущерба в результате военного воздействия должны применяться те же нормы, что и в случае вооруженного конфликта международного характера. Государства должны обеспечить их применение путем имплементации своих международных обязательств в национальное законодательство путем включения таких норм в военные уставы и инструкции о законах войны таким образом, чтобы не проводилось различие на основании квалификации конфликта⁷.

Защита культурных ценностей во время вооруженных конфликтов основана на принципе, гласящем, что ущерб, наносимый культурным ценностям любого народа, является, по формулировке Гаагской конвенции 1954 г., «ущербом для культурного наследия всего человечества».

Определение культурных ценностей дается в ст. 1 Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г., которая гласит: «...культурными ценностями считаются независимо от их происхождения и владельца:

а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие, как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше;

б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культур-

ных ценностей, указанных в пункте „а“, такие как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в пункте „а“;

в) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в пунктах „а“ и „б“, так называемые „центры сосредоточения культурных ценностей“».

Содержание общей защиты культурных ценностей в условиях вооруженного конфликта имеет два основных элемента: охрана культурных ценностей; уважение культурных ценностей.

Охрана культурных ценностей определяется как обязанность государств еще в мирное время предпринять необходимые меры для охраны культурных ценностей, расположенных на их собственной территории, от возможных последствий вооруженного конфликта.

Уважение культурных ценностей надо понимать как обязанность конфликтующих сторон запрещать использование культурных ценностей, расположенных на их собственной территории, а также на территории других Высоких Договаривающихся Сторон, сооружений для их защиты и непосредственно прилегающих к ним участков в целях, которые могут привести к разрушению или повреждению этих ценностей в случае вооруженного конфликта, и воздерживаться от какого-либо враждебного акта, направленного против этих ценностей.

Большинство современных вооруженных конфликтов происходит в пределах государственных границ. В этой связи можно отметить опасную тенденцию недостаточного уважения международного гуманитарного права в условиях вооруженных конфликтов немеждународного характера. Для усиления защиты покровительствуемых лиц, а также лиц и объектов, подпадающих под условие особой защиты, необходимо способствовать тому, чтобы вооруженные группировки в одностороннем порядке делали заявления, в которых бы ясно выражалась их решимость соблюдать нормы международного гуманитарного права.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Васильев Ю. Г., Солнцев А. М. Международное экологическое право: Документы и комментарии. Выпуск II. Защита окружающей среды во время вооруженных конфликтов. — М.: РУДН, 2009.
2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося жертв международных вооруженных конфликтов 1977 г. (статьи 35 (3), 55). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf
3. Хенкертс Ж. — М., Досвальд-Бека Л. Обычное международное гуманитарное право. Нормы. Международный комитет Красного Креста. — Женева, 2006.
4. Римский Статут Международного уголовного суда 1998 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf)
5. Jean S. Pictet (ed.) Commentary on the First Geneva Convention, ICRC. — Geneva, 1952.

6 См.: Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся жертв международных вооруженных конфликтов 1977 г. (статьи 35 (3), 55) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf

7 Абашидзе А. Х., Васильев Ю. Г., Солнцев А. М. Международное экологическое право: Документы и комментарии. Выпуск II. Защита окружающей среды во время вооруженных конфликтов. — М.: РУДН, 2009.

Клемин А. В. ЕВРОПЕЙСКИЙ ДЕКОР ИЛИ ИМИДЖЕВАЯ ЛЕКСИКА ЕС

В статье речь идет о проблеме несоответствия неконвенционных слов, образов и представлений о ЕС понятиям учредительных конвенций ЕС — их негативном влиянии на имидж евроинтеграции.

Ключевые слова: европейское право, Евросоюз, юридические термины, наднациональность, интеграция, еврофедерация, евроскептицизм, Соединенные Штаты Европы.

Klemin A. V. EUROPEAN DECOR OR EU IMAGE VOCABULARY

In the article it is referred to the problem of disparity between nonconventional words, images and visions of the EU and terms of constituent treaties of the EU as well as their negative influence on the image of European integration.

Keywords: European law, European Union, legal terms, supranationality, integration, eurofederation, euroscepticism, United Nations of the Europe.

Клемин А. В.

В последние годы евроинтеграция переживает трудные времена. Причин этому несколько. Одной из них, на наш взгляд, является имиджевая лексика. Она нетипична для международного права. Тем не менее интеграционные институты и процессы уже 60 лет облакаются в словарный декор, далекий от понятий и терминов международного права. Складывается впечатление, что межгосударственное происхождение ЕС как будто игнорируется. Какую бы публикацию о Европе мы ни взяли, Евросоюз и его статус преподносятся, как правило, в далеких от истины государствовподобных образах. Всюду имеет хождение масса слов и словосочетаний, характеризующих евроальянс не только в завышенно комплиментарных красках, но и как «сверхдержаву», полугосударство, как нечто «на пути к государству» или того хуже — как какое-то «наднациональное» объединение. Неюристы, наверное, не придадут этому значения. Однако вопрос понятий и терминов — ключевой, можно сказать, критериальный. Поэтому, когда встречаются столь разительные отклонения расхожих образов от истинных понятий, как это происходит с ЕС, то понимаешь, что это проблема не только юридическая, но и идеологическая. Задача статьи в том, чтобы доступно показать эту «сладкую» подмену статусных понятий и терминов художественными образами. Они пущены в оборот в большом количестве. Показать суррогатность художественного имиджа ЕС, его неадекватность. Вместе с этим опровергнуть саму возможность огосударствления ЕС. Причем с оговоркой на наиболее одиозных и общепринятых псевдотерминах.

Действительно, Евросоюзу, т.е. типичной межправительственной организации, почему-то присваиваются черты государства. И делают это все, кому не лень. Публикации пестрят щедрыми красками «перерождения». То назовут этот альянс сверхдержавой, то надгосударством, то наднациональным союзом. Но вот международной организацией, которой ЕС в действительности и является, называть его как будто не принято — по умолчанию. С этим, наверное, согласятся все, кто знаком с литературой о ЕС. Вместо конвенционных терминов за 60 лет в литературном обороте накопилось так много выдумок и художественностей о статусе ЕС, что даже юристы стали широко пользоваться ими. Их нет в конвенциях, но к ним так привыкли... «Евроэпитеты» всегда хвалебны. Это настоящие оды. Они формируют имидж европроекта как исключительно «уникального» и «прогрессивного». Если Евросоюз, то никак не международный, а обязательно «надгосударственный». Если европейское регулирование или акты, то никак не международные, а обязательно «наднациональные». Вместо межгосударственного сотрудничества — «интеграция». Вместо

Евросоюза — «Европа». Вместо принципа суверенного равенства государств — «еврофедерация» или «еврофедерализм». Внедрено и такое словосочетание, как «многоуровневое управление». Вместо «международного договора» — «регламенты» («постановления»), «директивы», «решения» или «европейские законы». Вместо Межгосударственной ассамблеи — «Европарламент». Никак не меньше. Такое параллельное [с конвенциями] творчество порождает завышенные ожидания. Кажется, вот-вот — и ЕС станет «государством» или чем-то новым, уникальным, чему еще и названия не придумано. Наступит золотой век Европы. Понятно, что перекрашивание ЕС в революционные эйфорические тона — задача идеологическая. Но и разрушительность этого, если можно так сказать, «обнадеживания» очевидна. Заметим, что в других международных организациях подобных комплиментов и статусных метаморфоз не встречается, тем более в таком количестве. Никто не пытается обратить, скажем, СНГ, ЕВРАЗЭС, АСЕАН или НАФТА в государство. Их не награждают в изобилии эпитетами «уникальный», «особый», «нетипичный», «*sui generis*». Не преследуют их и кризисы «сотрудничества», подобно кризисам «интеграции». Евросоюз же посещает одно масштабное потрясение за другим. Не последнюю роль в этом играют всевозможные государствовподобные наименования, присваиваемые альянсу. Ведь ожидания «золотого века» все никак не сбываются.

В самом деле, невзирая на то, что Евросоюз изначально является межправительственной организацией, принято считать его чем-то «нетипичным», «особым», похожим на государство. О постепенном «накоплении суверенитета» в руках международных структур всерьез вести речь, конечно, нельзя. Актов, узаконивших государственный статус ЕС тоже не наблюдается. Евроблок не превратился ни в «Соединенные штаты Европы», ни в «Еврофедерацию». Как и полвека назад, он остается межправительственной организацией со всеми ее признаками: учредительной конвенцией, специальной компетенцией, суверенитетом государств-членов. Добавим, что кризисы, преследующие Евросоюз, только подтверждают межгосударственную природу группировки. Они же заставляют задуматься о ее слабых местах. Как ни странно, одно из слабых мест европроекта — это сверхкомплиментарная и государствовподобная лексика, в которую облачается реальный статус альянса. С ее помощью создается иллюзия трансформации политического статуса ЕС из международно-правового в государственный. Псевдотермины оседают в сознании, закрепляются в доктрине. Вот только в учредительных конвенциях их нет. Понятно, что мотивы «перестатуирования» идеологические, рекламно-про-

пагандистские. Вместо международной организации Евросоюз «рисует» как полугосударство или, как недавно сказали, «не-что такое, чему пока и названия не придумано». Чем это опасно? Тем, что в общественном сознании сформирован имидж ЕС как многообещающего, уникального шедевра. Как проект передовой Европы, приведший Евросоюз на смену государствам с их «устаревшим» суверенитетом. Сами государства при этом подаются в духе «десуверенизирующихся» и постепенно отмирающих. Суверенитет, естественно, объявляется «несоответствующим» времени и устаревшим. Евроальянс при этом подается как плод лучшего в мире — европейского ума, надежда и воплощение золотого века. Все в рекламно-мажорных красках. При этом образ будущего у ЕС почему-то размыт и аморфен. Загадка.

Однако если открыть учредительные конвенции ЕС, то в них четко сформулированы и цели, и задачи, и статус союза. Они типичны, как и для любой другой межправительственной организации. Но большинством пишущих скромность целей и типичность сотрудничества в ЕС как будто не замечается. А вот «уникальность» и «государствоподобие» изображается широко и в красках. И, конечно, десуверенизация — «утрата» суверенитета, «передача» суверенитета, «жертвы» суверенитета и т.п. Заметим, не «полномочий», а именно суверенитета. Такая вот «рабочая» подмена. Все эти картины настраивают на «разгосударствление» стран и «огосударствление» евроблока. 60-летняя агиткампания дала свои плоды. Теперь даже от юристов-международников доводится слышать, что конвенции конвенциями, а статус ЕС, дескать, изменился. Вы, мол, отстали от жизни — альянс, якобы, уже не тот, что при закладке. У него будто бы появилось столько всего, что теперь это уже что-то другое. Правда расшифровать это «что-то другое» никто даже не пытается. Однако, как бы ни игнорировались международные договоры, невозможно не признать, что учредительные конвенции ЕС — это и есть выражение истинной воли государств-учредителей. Конечно, на сухих конвенциях эйфорический имидж ЕС не создать. На юридических скудных понятиях не выпестовать ни «особой», ни «уникальной», ни «сверхдержавы». Ведь в них есть лишь традиционное «международное сотрудничество». Но почему-то нет никакой «интеграции». Вот незадача! Тем не менее, какими бы «устаревшими» не были сочтены конвенции, истинные цели и статус ЕС именно в них, а не в интервью политиков, доктринах ученых, домыслах политологов, художественностях журналистов. Каких только «интеграционных метафор» они не наизобретали! Ниже мы их подробно перечислим. Любопытно узнать, что и учебники по праву ЕС пестрят уже не терминами международных договоров, а теми же образами и «наднациональными» стереотипами. Вместо понятий международного права и учредительных договоров — приукрашивание имиджа ЕС, возвеличивание его достижений, романтические эскизы федералистского будущего Европы. Будь то СМИ, научные исследования или учебная литература, картины еврогруппировки разукрашиваются неизменно в государствоподобные тона. В итоге образы, в которых бытует ЕС, стали настолько виртуальны, что пора уже вести речь о двух Евросоюзах: реальном и виртуальном. Три поколения воспитаны на суррогатных понятиях и «звездных» образах. Теперь не всякий доктор юридических наук ответит вам, чем на самом деле является Евросоюз. Будто подтверждая это наблюдение, два докладчика на Калининградской конференции Ассоциации европейских исследований (19 апреля 2013 г.) назвали альянс «полугосударством» и «сверхдержавой». Суррогат стал оригиналом.

Но вернемся к конвенциям. В них нет романтических грез, не пишется о статусных метаморфозах, нет поэтизации европроекта. Лишь беспристрастный язык правового акта, оперирующий сухими понятиями: «государство», «суверенитет», «международная организация», «международное сотрудничество», «унификация», «юрисдикция». Действительно, юридические понятия и обозначающие их термины неизвестны

широкой публике и употребляются разве что специалистами. Вместо них в ходу броские метафоры, экстравагантные лексические образы, многообещающие комплиментарные штампы, трафаретные эпитеты и, конечно, фантазии. В них преподаются коммуитарные процессы. К сожалению, даже в праве. Вместо конвенционных терминов на голову обывателя обрушивается масса неадекватных оценок, виртуальных превращений, иллюзорных характеристик и мистических прогнозов. Правда, в последние 20–30 лет градус комплиментарности в адрес ЕС все-таки пошел на убыль. Эйфорический пыл в западной литературе заметно поутих. Хотя все еще фантастически завышен. Политические заявления, выступления специалистов, статьи журналистов и монографии ученых — все они формируют сверхкрасочный и звездно-уникальный образ еврогруппировки. Тиражируются расхожие штампы и трафаретные представления о его статусе. Десятилетиями надувается имиджевый европузырь. «А пузыри всегда лопаются. Рано или поздно»¹. Вспомним, например, обещания золотого века в СССР (коммунизм, демократия, социализм, высокая сознательность, социалистическая законность, ум, честь и совесть, строитель коммунизма, новый советский человек). Спустя 30–40 лет эксплуатации ценность слов девальвировалась. В ЕС та же тенденция, и вероятны те же последствия. Оптимизм первых десятилетий интеграции угас до нынешнего скепсиса и разочарования. От иллюзий и эйфории — к трезвости кризиса интеграции. Видимо — это жесткие законы развития. ЕС наступает на те же грабли — иллюзии образца 1950–60-х гг. и сегодня подпитываются теми же романтическими образами и государствоподобными псевдотерминами.

Напомним образцы «интеграционной» лексики. Например, вместо «сотрудничества» в ходу «партнерство». Вместо международной межправительственной организации фантазируем о «Соединенных Штатах Европы», мечтаем о «Еврофедерации». А уж о «наднациональности» ЕС вздохнет всяк и каждый. Вместо классических терминов, принятых в международном праве — «сотрудничество», «международная торговля», «взаимодействие» — мыслим в масштабах туманного и неконвенционного псевдопонятия «интеграция». Хотелось бы узнать, наконец, что оно значит. Где критерии? Конвенции игнорируют его. Вместо суверенитета вещаем о «жертвах суверенитета», о «лишении государств части суверенитета», передаче суверенитета. Вместо ЕС как межгосударственного форума читаем о «мультиуровневом правительстве». Вместо экспертно-исполнительного органа — Еврокомиссии — нам преподносят «европейское правительство». Превозносим «Европейский парламент», а на практике получаем лишь дорогостоящую декорацию и дефицит полномочий. Разрекламирован и другой декоративный орган — Комитет регионов. Звучит многообещающе, но, как и европарламенту, ему тоже не дали никаких прав на международное правотворчество. Дошло до того, что вместо «международного договора» заговорили уже о «Евроконституции». Введен и новый эксцентричный образ — «acquis communautaire». И опять не ясно, идет ли речь о правовых актах, либо обо всех, включая политические. А всевозможные «пространства» [свободы, безопасности, юстиции] — как их юридически определить. Это один закон, два или двадцать? Не идет ли речь просто о сферах целевого сотрудничества и банальных международных соглашениях в избранных секторах?² Не профессиональнее ли оперировать терминами

1 Марк Энтин, главный редактор, профессор МГИМО (У) МИД России. Вышел 75-й номер журнала «Вся Европа» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.alleuropa.ru/vishel-75-y-nomer-zhurnala-vsya-evropa>

2 Евроконституция в ст. I-42 ч.1 дает расшифровку понятия «пространств» — Area of Freedom, Security and Justice. Но то, что там понимается, едва ли возможно в отношении с РФ. Например, «сближение национальных законодательств» (ч. 1 пол. 1) или «взаимное признание юридических и экстраюрисдикционных решений»

конвенций — унификация, гармонизация, сближение, юрисдикция? На слуху и другой туманный образ — «европейская идентичность». Слишком многообещающие надежды дарят эти квазитермины. Рисуют картины «золотого века». Казалось бы, безобидная игра слов, что тут страшного. Но все же, что такое «партнерство» в юридическом смысле. Еще туманнее — «стратегическое партнерство».

Замечено, что юристам приходится труднее, чем другим специалистам. Они привязаны в оценках к закону и конвенции. Другим позволена цветистая метафора, эпитет, художественный образ, эмоции, любая прочая пристрастность. Юристам нет. Как-то пришлось задать вопрос известному экономисту — что такое «партнерство»? Он с ходу ответил — «Ну как же, «партнерство», значит больше металлов, больше нефти, больше товарооборот...». В политическом смысле тоже понятно — больше объятий, заявлений, улыбок, похлопываний по плечу. А в юридическом? Слово есть, а конвенционного понятия нет. Соответственно нет и термина. Подобных «слов» в «Европе» пруд пруди. Чего стоят только «три опоры». А ведь они вводили в ступор не только нас — критиков, но и самих западноевропейцев. Как понимать эти «столбы» (Pillars, Saule)? Их конвенционной расшифровки ведь так и не появилось. «Опоры», «столбы» — художественно-строительный образ, придуманный, чтобы хоть как-то склеить фантазии и реальность. Они не переключались в юридический оборот. Государства отказались от их юридизации. Именно желание подчинить учредительный договор от накопившейся несурзацы [«опоры»] двигало разработчиками Евроконституции (2005 г.), а впоследствии и заменившего ее Лиссабонского договора. Конвенционных терминов ни из «столбов», ни из «евроконституции» не получилось. Если и встречается исключение, то конвенции избегают расшифровки его содержания. Вспомним и такой квазитермин, как «наднациональность». Она была однажды узаконена. На волне евроэйфории слово включили в Договор о ЕОУС 1952 г. Но почему-то не последовало никакой расшифровки. Со «смертью» ЕОУС в последующие договоры оно уже не включалось. Думается, что юристы подсказали политикам, что произносить устно это слово можно, а вписывать фантазии в серьезный межгосударственный договор уже неприлично. Ведь если включить в конвенцию, то надо наполнить и содержанием. А его нет. Поэтому, чтобы не загонять самих себя в понятийный тупик, евроюристы дальновидно оставили интеграционистские словеса на закуску литераторам — пусть те грызут сей имиджевый гранит. И литераторы «грызут». Между тем из конвенционных понятий «наднациональность» была тихо изъята. Видимо, навсегда. Аналогично «секвестированы» и «столбы-опоры». Пожив виртуальной жизнью на страницах статей и монографий, «три опоры» канули в лету. Юристы не смогли «переварить» их и наделить хоть каким-то содержанием. Не привлекая внимания, фантастические «опоры» «похоронили».

Юристы знают, что в отличие от литературных эссе и политических заявлений, конвенции, как и законы, не оперируют «интеграционными» образами и романтически возвышенными интонациями. Учредительные договоры о ЕС, как и полвека назад, знают только «сотрудничество», «гармонизацию», «унификацию», юрисдикцию. Но не знают «наднациональности», «интеграции», «партнерства» и т.п. Их можно произносить как мантру, но в числе юридических понятий и терминов их не значится. Даже ключевое слово «интеграция», и то требует конвенционной расшифровки. Это вдвойне удивительно, ибо даже оно не юридизировано и до сих пор бессодержательно. Государства ни в одной евроконвенции не расшифровывают «интеграцию». Сам процесс идет уже 60 лет, а узаконить его юристы

не в силах. Их можно понять, ведь если понятие международного сотрудничества имеет богатое конвенционное содержание в тысячах соглашений, включая Устав ООН, то чем наполнить суррогатную «интеграцию» или суррогатное «партнерство»? А ведь это, как представляется, — некая более высокая ступень «сотрудничества». Но уложить «партнерство» и «интеграцию» на эту — более высокую — полочку не выходит. Не стыкуется, не гармонируется, не объясняется. Нонсенс. Язык закона строг и консервативен. Он не терпит конкурирующих и перекрестных понятий. Но, главное, не терпит дублирования содержания. Поэтому конвенция, состоящая из понятий и терминов самого высшего уровня обобщения, не терпит простого арифметического приплюсовывания к классическим вековым терминам узкосмысловых и сиюминутных слов и метафор. Тем не менее, параллельных псевдотерминов в ЕС накопилось так много, что легко составить из них словарь. Они широко употребляются, но не юридизируются в законные понятия и термины. Вот и пребывает ЕС лишь в аморфных образах мастеров пера и слова.

Технически втиснуть в текст закона или конвенции новое дублирующее слово конечно можно. Например, ту же интеграцию или партнерство. Но содержательно — смысловые потери от такого поверхностно-арифметического решения будут несоизмеримы с приобретением. Задачи, стоящие перед каждым истинным понятием и настоящим термином ими решены не будут. Видимо гармоничность законодательства и есть тот императив, пренебречь которым не в силах даже самый ангажированный законодатель. По этой причине западноевропейские юристы не позволяют себе таких «арифметических» ляпов и «по старинке» продолжают оперировать «устаревшим» «сотрудничеством», «суверенитетом», «юрисдикцией», «унификацией», «нормой», «отраслью», «статьей» и прочими устоявшимися в праве терминами. А вот «опоры», «стандарты», «автономное европейское право», «интеграция», «многоуровневое правительство» или «наднациональные» [органы, правительство, инструменты, структуры, акты] — все это псевдотермины. Если первые обитают в конвенциях и нормах права, то вторые бытуют лишь в околоконвенционных публикациях и вольных выступлениях. Например, «сотрудничество» и «интеграция» — два перекрывающие друг друга понятия. Широкое и узкое. Истинное и суррогатное. Более узкое и сиюминутное — интеграция — претендует на то, чтобы встать рядом с обобщением высшего порядка, т.е. «сотрудничеством», а то и задвинуть его. Однако собственного содержания, отличающего суррогат от понятия у него, как видно, не появилось. Юристы не отважились на легализацию заведомых понятийных и терминологических подтасовок. Все-таки, межгосударственная конвенция. Два понятия с тождественным содержанием в одной конвенции — это недопустимый брак законодателя. Поэтому он избегает легализации дублирующего термина и не хочет ударить в грязь лицом. В самом деле, кто разъяснит критериально, где заканчивается «сотрудничество» и начинается «партнерство» и «интеграция». Каковы критерии? Пока это лишь красивые слова, декорирующие типичное межгосударственное сотрудничество. Уровнять литературное слово с юридическим термином, суррогат с оригиналом, не берутся даже в идеологизированном Евросоюзе. В самом деле, ни одна конвенция ЕС не разъясняет, в чем суть этого словесного дописка [интеграция] к классическому международно-правовому понятию [сотрудничество]. Все они остаются за бортом правовой легитимности. Вероятно, дискусионность там и возникает, где понятия нет, а иметь хочется.

Не сомневаемся в том, что педантичные немецкие и французские юристы не единожды размышляли над возможностью легализации декоративного понятия «интеграция». Не сомневаемся и в том, что Конвент, несколько лет работавший [2000–2004 гг.] над проектом евроконституции, тем и занимался, чтобы юридически сформулировать и цель европроекта, и сам процесс. То есть легализовать «интеграцию». Но, судя

(ч. 1 пол. 2); Кстати, «европейское пространство» — термин, который любил употреблять еще гитлеровские идеологи. См.: Левин И. Д. Суверенитет. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. — С. 254–255.

по провалившейся «Евроконституции» 2005 г. и по ее поздней копии — Лиссабонскому договору, — легализация не удалась. «Европа» ждала, но текст «Евроконституции» не выдал на-гора ни новых идей, ни новых «интеграционных» понятий, ни их содержания, ни ясной цели европроекта. Суррогат не занял место оригинала. Почитав договор, в этом легко убедиться. Договор, как это случалось и раньше, опять получился декларативным и пустотелым. Он отвечает на вопрос «как» работать, но не отвечает на вопрос «что» строить. Договор о процедурах — процедуры и процедуры... Если понимать внутреннюю логику «евроинтеграции», удивляться столь фундаментальным «недоработкам» не приходится. Не удивляемся и мы, что в столь пустотелом виде «Евроконституция» образца 2005 г. перекечевала в Лиссабонский договор 2007 г. Вероятно, и следующая конвенция ЕС окажется продолжением этой «пустотелой» традиции, а сам договор как будто недоработанным, обтекаемым и с «упущениями». Секрет появления на свет «еврометафор» и всяких имиджевых художественностей прост — право не терпит искусственности. Узаконить объективно несуществующие явления еще можно, а объяснить уже не получается, не клеится. Декоративный характер интеграционной лексики служит идеологической задаче — придать союзу образ государства и как можно гуще затушевать его межгосударственную природу. Кто там станет вдаваться в тонкости терминов и каких-то несоответствий...

Не будем затевать разговор о кампании девальвации понятия суверенитет и принципа суверенного равенства государств. Это идеология. Была попытка даже ООН объявить «наднациональной». В 1949 г. Гаагский трибунал юридически отказал ей в «наднациональности». Тем не менее, ЕС — это один из проектов по десуверенизации государств. Недаром его адептами «интеграционный метод» противопоставляется международному. А интеграция обязательно противопоставляется суверенитету. Наднациональность — все тому же суверенитету. Так называемые интеграционные характеристики — международно-правовым. Суррогатные измышления — истинным, конвенционным понятиям. Это тема более серьезного исследования. Здесь же речь лишь об имиджевой лексике. Тем не менее, уже понятно, какая задача решается государствоподобными псевдотерминами. Юристы ЕС так и не нашли подходящего юридического понятия и термина для обозначения европроекта. Не смогли юридизировать его и ввести в конвенции. Консервативные юристы избегают неполных и суррогатных понятий. Вместо мистической «интеграции» в дело [в конвенции] вступают, как можно видеть, совсем другие понятия — четкие и работающие — гармонизация, унификация, правовое сотрудничество, сближение. Если это и есть содержание понятия интеграции, то почему об этом ни слова не сказано в преамбулах и нормах конвенций. 60 лет интеграции, а вопросы все те же. Однако не забудем главного — истинная воля государств — в конвенциях.

Перед нами другой образец государствоподобных метаморфоз и суррогатных подмен — «европейское гражданство». Очередной жупел. Но с годами стало ясно, что и этот проект мертворожден и искусственен. Гражданство международной организации — юридический нонсенс. Но авторы об этом почему-то не знают и смело вписывают еврогражданство в летопись Европы, т.е. в Договор о Евросоюзе 1992 г. А как известно, все его 53 статьи — это перечень фантазий и пожеланий. Идеологическая завкаса таких «европроектов» понятна. Плюс комплиментарность. Всегда на тон выше, будто подчинены императиву приукрашивать действительность. Имиджевая интонационная нагрузка. От многократного употребления метаморфические стереотипы как будто легитимируются. Какие ожидания формируются ими у немцев, испанцев, бельгийцев, кажется, ясно. Какой имидж складывается у европроекта — тоже. Имидж союза государств, который шаг за шагом «превращается», «перерождается» в европейское государство (полугосударство), в нечто наднациональное, в нечто особого рода (*sui generis*).

В том же [декоративном] ряду и такое евроизобретение, как квалифицированное большинство голосов. Оно принято на волне эйфории в 1950-х гг. вместо международно-правового принципа «одно государство — один голос». Но удар по суверенитету оказался настолько чувствительным, что уже через несколько лет (к 1966 г.) сами учредители (устно) вернулись к привычному единогласию. Т.е. и этот государствоуподобляющий проект [квалифицированного большинства] не состоялся. Наверное, всем попадались на глаза и такие подсчеты — «в Евросоюзе проживает 470 млн граждан». Называется и общая площадь альянса. Казалось бы, безобидные цифры. Что здесь-то плохого? Арифметика не более. Но в ЕС и тут — желаемое за действительное. Арифметическое суммирование населений и территорий — по сути та же декорация. Создается видимость единого населения, единой территории. Малозаметная имиджевая метаморфоза. «Безобидный» имиджевый довесок, ибо ни о какой «европейской» «территории», «населении» или «евроидентичности» говорить все еще не приходится.

«Шенгенское право» — такого термина тоже [еще] нет. Государства отказались от юридизации словосочетания «Schengen acquis». Ответственный и взвешенный подход. Тем не менее, именно эта подмена — «шенгенское право» вошло в обиход и заняло место в преподавании и публикациях. А сколько огосударствляющих превращений и суррогатных переименований органов, актов и должностей мы получаем с каждой новой евроконвенцией! Мифы? Выходит, что так. Чем, как не мифом, стал принцип верховенства европрава? Его никогда не было в учредительных соглашениях и удивительно, что нет до сих пор. Правда, в 2007 г. о нем, хотя и в самом декларативном виде, все-таки появилось упоминание в протоколе. Остается лишь догадываться, насколько сильное давление оказано на государство. Но он опять не расшифрован. А ведь это важнейший для работы принцип. И как результат — конституции государств по-прежнему выше европрава. У юристов и тут без изменений. Другая рекламная метаморфоза — всем известно, сколь громко принято воспевать «прямой эффект» брюссельских регламентов, директив и решений. Но при близком рассмотрении проясняется, что и это нарочитое уподобление государству — не более чем пиар-кампания. Ратификации регламентов, директив и решений никто не отменял. Парламенты членов ЕС загружены работой по имплементации евроактов. Все-таки, надо помнить, что право ЕС остается для государств правом международным, т.е. внешним, и требует парламентской ратификации на местах. А в федеративной Германии над ратификацией регламентов и директив трудятся еще и парламенты земель, и палата регионов (Бундесрат). Вид акта ЕС придается им уже после ратификации. Но это не меняет его сути — международного договора³. Решения в Совете также принимаются единогласием. Выходит, что «прямого эффекта» нет? С какой же целью муслируется этот рекламный слоган...

Очередной стереотип: Суд ЕС — правотворец. Но у решений Суда ЕС нет прецедентной силы. Международные суды лишь применяют право, а не создают. Его решения — индивидуальны, а не нормативны. Это просто и ясно. Но даже в учебниках по европраву почему-то пишется, что это некое «третичное» право ЕС. А Суд ЕС — эдакий новый европейский [наднациональный] законодатель. Вот уж чего нет, того нет. Однако из литературы и учебников вы вынесете именно это. Если и случаются поползновения международных судов на юрисдикцию государств, то они ими же и пресекаются. Вспомните на этот счет хотя бы статью председателя Конституционного Суда РФ В. Зорькина от 17 мая 2012 г. о превышении Страсбургским судом по правам человека своих полномочий и вторжении во внутреннюю юрисдикцию РФ⁴. Кстати, об-

3 См. к вопросу: Клемин А. В. Европейское право и Германия. Баланс национального и наднационального. — Казань: Темпус, 2004.

4 См.: Зорькин В. Д., Председатель Конституционного Суда Российской Федерации. Взаимодействие национального и наднацио-

ратим внимание на название статьи В. Зорькина — даже он вслед за расхожим штампом именуется международное правосудие «наднациональным». Что тут сказать — вьелось. Кому есть дело размышлять на темы конвенционности терминов и смысла слов? А взять «европейский закон», «европейское рамочное решение» или «европейское постановление» — это уже новые государствоподобные мимикрии. По всем признакам «европейские законы и постановления» остаются международными договорами. Их стороны — государства, т.е., как учит международное право — основные и первичные субъекты международного права. Однако наименования самые фантастические. И подобных мифов и эксцентричных декораций гуляет по страницам и википедиям предостаточно. Международно-правовая природа союза настойчиво замишуривается — лишь бы уподобить его государству. Драпировка межгосударственного содержания любыми средствами. Задачи старые — делимитировать и демаркировать Европу не по Уралу, а по границе с РФ. И все бы так и шло — «евроидентичность» формировалась бы без европейской России. Но, опять беда, опять кризис, евроскепсис.

Вот что писал о значении терминов, правда не в ЕС, а в СССР, например, И. Чубайс⁵ — «понять проблемы в терминах, которые у нас приняты, бывает очень сложно». Например, понятие «революционный порядок... бессмысленно, революционным может быть только беспорядок». Или «демократия» — по его мнению, «гораздо точнее, правильное отражает нынешнюю ситуацию термин „олигархия“». Неверен и другой термин — «социализм», который, по его мнению, больше был в России, а в Швеции и Австрии. А какие надежды порождают рекламные слоганы «европейская идея» или «строительство новой Европы»? Чистой воды декорация. Не забудем, что кроме ЕС на территории Европы есть немало других «европейских» организаций — Совет Европы, ОЭСР, ЕАСТ, ОБСЕ. Они сравнимы с ЕС по численности и масштабности задач, а ОБСЕ даже превосходит его. Тогда почему в ЕС можно строить «новую Европу», а в ОЭСР или ОБСЕ нельзя? Почему «европейская идея» ассоциируется лишь с единственной организацией? Почему Парламентская Ассамблея Совета Европы [ПАСЕ] с 47 государствами не является «европейским парламентом», а Ассамблея ЕС (как она именовалась до 1979 г.), членов которой лишь 28, — это парламент «Европейский»? Почему именно он претендует на всеевропейский масштаб?

Европейская идея и строительство новой Европы — в этих «космических» координатах западноевропейцы пребывают десятки лет. Но, как видим, приходится расплачиваться за выданные авансы. Имиджевые эпитеты терминами не являются. Они остаются словами и словосочетаниями. Они не юридизированы, неконвенционны и, видимо, никогда не будут занесены в число правовых терминов. Они подобны рекламным роликам — эмоциональны и необъективны. К тому же они выражают лишь часть содержания, часть идеи, часть понятия, на которое претендуют. Претендовать на самый высокий уровень обобщения, который только возможен при современном миропонимании, «интеграционные термины» не в силах. Суррогат — всегда худшего качества. Они призваны для государствоподобного декорирования межгосударственной сути внутренних отношений и узкоограниченной правосубъектности Брюсселя. Напомним, что юрисдикция Брюсселя подконтрольна государствам, а не наоборот.

Таким образом, нельзя не видеть, что эмансипация «европеистов» от учредительных конвенций уводит их самих

в область иллюзий, домыслов и красочных видений о светлом будущем ЕС и золотом веке Соединенных Штатов Европы. Добавим, что мистичность евродекораций — это не только слова, но и мажорные интонации. В них не остается места беспристрастности стиля. А это требование любого закона или конвенции. Экспрессивная нейтральность, свойственная терминам учредительных конвенций, даже в юридических публикациях вытесняется пышными метафорами и романтической приподнятостью. Историки, экономисты, политологи, а нередко и юристы — их публикации, фразы, речевые обороты, оценки ЕС часто весьма художественны. Порой без оглядки на конвенции они приписывают Евросоюзу облик полугосударства, смакуют «еврогражданство», «европравительство», «европарламент», «еврозаконы», «европостановления», «прямой эффект», «апелляционность суда ЕС», «европейскую полицию», «евроюст», «европейский ордер» на арест, «автономное» европейское право, «евроидентичность» и пр. С «Евроконституцией» был бы полный набор государствоподобного оформления. Разумеется, лишь внешнего и показного. Как можно видеть, имиджевая интонационная нагрузка лежит на всех интеграционных проектах. Пышный, романтический, метафорический и художественно экспрессивный стиль описания евроальянса стал нормой и для правоведов. Юристы уже не отстают от политологов по красочности, иносказательности выражений и суррогатности оценок. Кому не хочется «обогащать» бедность юридического слога цветистым эпитетом — наградить международную организацию званием «государства», полугосударства или сверхдержавы!

Даже юридические диссертации по европраву грешат политологичностью. Впрочем, иначе было бы просто нечего «защищать». Звучит странно, но без политологии уже нет диссертации по европраву. Почему? Потому, что ЕС не предложил ничего нового ни теории международного права, ни доктрине международной правосубъектности, ни теории международных организаций, ни праву международных договоров. Не обогатил он и концепции федерализма. Однако масса суррогатных характеристик все еще поддерживает за Евросоюзом иллюзию теоретической новизны. Даже такие новые на первый взгляд формы актов, как «постановления» (регламенты), «директивы» и «решения» — и те на поверку оказываются международными договорами. А ведь именно из-за них у юристов сыр-бор. Многие прямодушно приняли новые наименования за новое содержание. Международные договоры — за неведомые «наднациональные законы». Но сегодня за плечами реальный опыт, практика. Она показала, что скрестить бульдога с носорогом не удалось. Прививка государственных черт к межправительственному союзу провалилась. Евроэксперимент не удался.

Понятно, что столь помпезная идея XX в., как «евроинтеграция», не может обойтись без своей «имиджевой» лексики. Так бывало, наверное, со всеми революциями. Французская (1789 г.) и русская (1917 г.) революции даже ввели революционный календарь. И Евросоюзу тоже можно простить помпезность, романтизм и атрибутику. Ведь европроект, пожалуй, не менее революционен. Но в том-то и проблема, что обещания скорого «золотого века» — ненадежный фундамент для реформ. Силы революционных обещаний хватает лет на 30–40 лет. Чем, как не обещаниями и займом доверия, являются перечисленные выше эпитеты и метафоры? Они, вероятно, полезны, поскольку несут пропагандистский, идеологический и имиджевый заряд. Поднимают, так сказать, «боевой дух» интеграции. Но 60 лет эксплуатации исчерпали их потенциал. В результате один за другим несбывшиеся европроекты списываются. Так, если в 1950-х идея «Соединенных Штатов Европы» захватила дух послевоенного континента, То уже через 30 лет над «штатами», как и над «коммунизмом» стали иронизировать. А еще через двадцать подсмеиваться, либо не упоминать. Списали. Девальвация целей пришла и в Евросоюз. Можно продержаться некоторое время на вражде к РФ, на общих санкциях, общей страшилке. Но нынешний кризис вновь обнажил проблему

нального правосудия: новые вызовы и перспективы (Доклад на II Международном юридическом форуме. Санкт-Петербург, 17 мая 2012 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

<http://www.krsf.ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=49>

5 Чубайс И. Неадекватность политической терминологии // Центр и регионы: российский и немецкий опыт федерализма. Материалы симпозиума. — М., 2000. — С. 32.

целей. Кто в странах ЕС сегодня верит в такие революционно-идеологические штампы, как еврофедерация и ее скорое построение? Кто верит в модель «Соединенных Штатов Европы»? Кто верит в «Евроконституцию»(?) или «европейское гражданство»? Являются ли они для кого-то политическим ориентиром? Вопрос риторический. А ведь еще три-четыре десятилетия назад этим идеям рукоплескали. Сегодня о них предпочитают помалкивать. А завтра могут и обрутать. В то же время эксцентричная атрибутика, как бы она ни была оторвана от реалий, свидетельствует не только об агонии западной Европы, но и об энергичности, высоком духе, если хотите, богатырском периоде «тягловых» стран ЕС. Их всего пять. О 22 иждивенцах говорить не приходится.

Все они настраивают на мечтательно радужный лад. Пробуждают в душах завышенно-иллюзорные ожидания. Но, как доказывает кризис и угасание проектов интеграции, они обращаются для союза беспощадными имиджевыми потерями. Не секрет, что затягивающиеся ожидания деморализуют, а несбывшиеся деморализуют вдвойне. Справедливости ради заметим, что кризис интеграции 2012–2013 гг. далеко не первый. И каждый подобный сбой наносит Евросоюзу имиджевый урон. Это заметно даже по научной литературе. Например, сравнивая лексику и тон научных публикаций 1960-х, 70-х и 80-х, 90-х с 2000-ми, можем резюмировать постепенное угасание надежд мыслящей части Европы на «золотой век», обрисованный в известных нам квазитерминах. Например, тема «наднациональности» и ее аспектов была в 1960–70-е гг. едва ли не ведущей темой европейско-правовых исследований в Германии. Но уже где-то к середине 1990-х гг. тема пошла и явно пошла на убыль. К основной массе населения европатия и евроскептицизм пришли позже. Думается, что их поступь в странах ЕС не остановится и далее. Если мы возьмем в руки западные публикации времен 1960-х и начала 1970-х гг., то авторы сплошь и рядом всерьез и воодушевленно рассуждают о Еврофедерации или Соединенных Штатах Европы и конечно о надгосударственности, наднациональности или супранациональности (кому как нравится). Но после нефтяного кризиса 1973–74 гг., который больно ударил по евросодружеству, о наднациональности и еврофедерализме говорить не перестали, но голоса стали глуше. Авторы стали как будто менее убежденными в перспективе «золотого века» — в той же еврофедерации, евроединстве, «евроидентичности», евросплочении, евровыравнивании и т.п. Адептов этих еврофантазий заметно поубавилось. Пришла «трезвость». Появился налет иронии при упоминании этих еврообразов.

А к 1980 гг. стал оформляться евроскептицизм. В 1990-е он выразился уже в конкретных контринтеграционных акциях. Например, в отрицательных референдумах по Маастрихтскому договору (Дания, Ирландия 1991 г.), по вопросу о вступлении в ЕС (Норвегия 1995 г.). В оговорках (Дании и Великобритании) к новым договорам. Последняя фронтальная попытка «взлететь» в фантастическую государствоподобную высь провалилась в 2005 г. на референдумах по Евроконституции во Франции и Голландии (май — июнь 2005 г.). То есть против интеграции выступило само сердце интеграции. Но в годы, предшествовавшие разочаровавшему «приземлению», мы увидели второе дыхание — взлет надежд и романтических мечтаний на темы интеграции, наднациональности, еврофедерализма, Соединенных Штатов Европы, Евроконституции, верховенства евроактов и т.п. Он ярко выразился в кампании по подготовке Евроконституции, в новой волне ожиданий и надежд, пришедших с ней. Ждали, что Евроконституция, наконец, укажет цель евроинтеграции, обозначит хотя бы контуры того, что строим. Но, увы, оторваться от международно-правовой основы Евросоюзу не удалось и на этот раз. В 2005 г. статус союза остался тем же — международная организация в духе ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров. А европроект под названием «Евроконституция» списали. Но в число евроскептиков включились и французы, и голланд-

цы — сердце евроидей, душа интеграции. Деморализации добавил «английский чек» и отказ Британии от поставок газа на континент. И уже новые страны, такие как Чехия, Венгрия и Греция, встали на путь евроскептицизма. В январе 2013 г. уже и британский премьер высказался о возможности выхода из ЕС. Несбывшиеся надежды, завышенные ожидания — вот, как говорят, причина политических переворотов и свержений. Не сбываются — вот зло от декоративных терминов и иллюзий. Даже эйфория кампании по «регионализации» ЕС, и та с конца 1990-х гг. утихла (списали). Регионалистская тема отошла на третий план, если она нынче вообще кому-то интересна. Юристы тоже мало-помалу охладели к проектам «мультиуровневого правительства», «наднациональности», «еврофедерализма», «евроидентичности», «еврогражданства». Эти псевдопонятия можно принимать только условно. Не будучи юридизированы, они никак не выражают действительный статус ЕС. Несбывающиеся ожидания деморализуют. Несомненно, что эти эпитеты и «обещалки» сыграли в репутационных потерях ЕС негативную роль. Ведь с их помощью 60 лет Западная Европа препарируется к вступлению в «золотой век». Казалось, вот-вот и грядет еврофедерация. Еще чуть-чуть — и наступит райский сад свершившейся интеграции. Поднажали — и вот вам единая «европейская нация». Поработали с отстающими — и получим «Соединенные Штаты Европы». Чуть переименовали межправительственное соглашение — и добудем «Евроконституцию». Вписали в договор — и вот вам единое «европейское гражданство». Запустили проект мультиуровневого правительства — и регионы уравнием с государствами. Пovyкриваем руки правительствам, и от государств останутся «территории» и «еврорегионы». И так далее, и тому подобное — «европейское правительство», «европейский парламент», «европейский суд», «суд справедливости»...

Эти эпитеты, комплиментарности, псевдотермины и псевдоцели сыграли не последнюю роль в культивировании прогосударственных иллюзий. Именно ими суррогатно, но очень даже успешно формировался образ уникального европейского замысла. Изобретаются и новые «термины». Например, «европейский закон», «европейский рамочный закон»... Можно и дальше оставлять в плену комплиментарных идей и навязанных стереотипов. Но тогда придется столкнуться с очередными потерями престижа и новым витком евроскептицизма. Не забудем, что у европроекта есть конструкционный дефект — у него нет цели. Это его слабое место. У СССР был коммунизм, а у ЕС? Туманные контуры будущего ЕС, пропагандировавшиеся по иллюзорным моделям еврофедерации и Соединенных Штатов Европы, оказались лишь плодом вольных домыслов и в жизни неосуществимы. Хозяева Евросоюза не захотели даже формулировать их. Казалось бы, бумага все стерпит, но... ни в одном договоре о ЕС нет ни одного ориентира — что строится на месте государств — какой союз предвидится — как он будет выглядеть. Европа ждет определения конечной цели реформ, ясных этапов строительства. Вместо этого — несбыточные иллюзии о еврофедерации, особом пути, автономности, уникальности и, как некое туманное будущее — о повышении статуса. Имиджевые потери, о которых справедливо высказываются российские ученые, вызваны завышенными ожиданиями от европроекта. А ожидания питаются эйфорическими эпитетами, комплиментами, романтической возвышенностью оценок, умозрительными метаморфозами, иллюзорно превращающими союз государств в союз народов. Сегодня «государствоподобности» прочно задвинули конвенционные понятия и термины на задний план. Но у нас в запасе всегда лежит сильный аргумент — «интеграций» и «наднациональностей» нет в конвенциях. Не легализованы мифы об автономии, верховенстве, прецедентной силе решений суда, передаче суверенитета.

Главный крен статусных метаморфоз — это уподобление ЕС государству (федерации). Какой трафаретный образ ни возьми — обязательно перекарска в полугосударство. И,

во-вторых, — отождествление с континентом. Евросоюз = «Европа». Оно началось, когда на карте ЕС числилось лишь 12 членов. «Комьюнити» переименовали в «Европу». Да, на словах, но как прочно этот штамп занял место в сознании. Идеологический заказ на «неевропейскость» России очевиден. С этой целью в оборот пущен даже специальный слоган — «возврат в Европу». То есть вступление Чехии, Словакии и пр. восточно-европейцев в Евросоюз. Вступил в ЕС — «вернулся» в Европу. Не вступил, значит вне «Европы», вне европейской территории счастья. Вот какова сила «просто слова». Европа перестала быть географическим понятием. Сегодня это понятие идеологическое. Она заканчивается там, где проходят внешние границы ЕС⁶. «Европеизация» всего, что в ЕС, и «деевропеизация» всего, что за рамками. Так, например, «европеизирована» Ассамблея в Европарламент. Тут вам и государствоподобие, и всеевропейскость. Теперь на карте Европы два «европарламента» — один от ЕС, второй от СЕ. А сколько всяких «советов»: Совет ЕС, Европейский совет, Совет Европы. У студентов эта многопарламентскость и многосоветность не укладывается в головы. Конвенции ЕС переименованы в «европейские законы», «постановления», «решения». Евросообщество разверстано в «Европу». Вступил в Евросоюз — стал «европейским». Международный договор — «Евроконституцией». Право ЕС тоже — «европейское». Орган ЕС по борьбе с преступностью — Европол. Аналогично — Евроюст. Всюду уподобление государству и «Европе». Международную организацию в Еврофедерацию. Самоисполнимые международные договоры в ЕС вдут становятся «уникальными» нормами прямого действия (т.н. «прямой эффект»). Пущены в ход: Европейская идентичность, европейское гражданство, европейские пространства свободы безопасности и юстиции, многоуровневое правительство. Тиражируются мифы о передаче суверенитета, верховенстве европрава, нормативности решений суда ЕС, автономности права ЕС. А то, что не поддавалось юридическому и разумному объяснению, назвали просто — «опорами» [«три опоры»].

Все эти мифы способны сбить с толку даже маститых юристов. Без них не обходится ни научная, ни учебная литература. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть российские учебники по международному праву. Там вы увидите и «наднациональные» организации, и «новые интеграционные», и просто интеграционные⁷. О монографиях говорить тем более не при-

ходится — даже у юристов они полны рекламно-трафаретной [а не конвенционной] лексики. Неюридические публикации полнятся штампами и художественными экспрессиями еще больше. Некоторые слова перекочевали даже в официальный оборот. Например, в лексике Президента РФ, главы правительства и, как мы заметили, Председателя Конституционного Суда РФ, вместо слова «международный» фигурирует «наднациональный». Причем не только применительно к ЕС, но и к СНГ и Таможенному союзу.

Таким образом, между реальным [международно-правовым] статусом ЕС и его виртуальным [государствоподобным] образом — пропасть. «Скрещивание» в лице ЕС международной и внутрисубстанционной субстанций оказалось невозможным. В 1950–70-е гг. отцам-основателям еще чудилось, что естественные социальные законы поддаются перекройке — достаточно лишь проработать технические вопросы. Увы, заложенная международно-правовая природа ЕС в кризисах и «волатильностях» европроекта не только не выхолостилась, а лишь утвердилась. Именно конвенции закрепляют результат согласования воли государств. Их статьи и нормы и есть та точно выраженная политическая воля, из которой следует исходить в оценках ЕС.

Пристатейный библиографический список

1. Зорькин В. Д., Председатель Конституционного Суда Российской Федерации. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы (Доклад на II Международном юридическом форуме. Санкт-Петербург, 17 мая 2012 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=49>
2. Клемин А. В. Европейское право и Германия. Баланс национального и наднационального. — Казань: Темпус, 2004.
3. Левин И. Д. Суверенитет. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.
4. Марк Энтин. Вышел 75-й номер журнала «Вся Европа». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.alleurora.ru/vishel-75-y-nomer-zhurnala-vsya-evropa>
5. Чубайс И. Неадекватность политической терминологии // Центр и регионы: российский и немецкий опыт федерализма. Материалы симпозиума. — М., 2000.

6. Вспомним в этом контексте канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, проведшего границу между Европой и Азией по Эльбе. Цитируем по памяти. Он сказал примерно следующее — для нас азиатские степи начинаются сразу за Эльбой.

7. Многие российские и зарубежные авторы (например, Т. Н. Нешатаева, О. А. Сафина, А. Н. Талалаев, А. С. Фещенко, Е. А. Шибаева,

В. М. Шумилов, П. Хей, П. Пескатор, Д. Боуэт, Г. Хэкворт, И. Кунц и др.) считают, что ряд межправительственных организаций, например, ЕС, международные кредитно-финансовые организации (МБРР, МВФ и др.), обладают наднациональной компетенцией.

Лукьяненко В. Е.

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНЫХ ОПЕРАЦИЙ С СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ТОВАРАМИ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ЗАПАДНЫХ САНКЦИЙ

В статье рассматриваются основные меры, предусмотренные Указом Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации», предусматривающие ответные экономические санкции для ряда иностранных государств на недружественные меры в отношении отдельных юридических и физических лиц, принятые в последние месяцы по инициативе США, анализируются специальные административные ограничения экспортно-импортных операций в отношении сельскохозяйственных товаров в современных условиях; анализируется практика заключения внешнеэкономических контрактов и их основные условия.

Ключевые слова: запреты и ограничения ввоза на территорию Российской Федерации отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия; лицензирование отдельных видов сельскохозяйственных операций; другие специальные административные ограничения экспорта импорта; существенные и иные условия внешнеэкономических контрактов в отношении сельскохозяйственных культур.

Лукьяненко В. Е.

Lukyanenko V. E.

THE RUSSIAN LEGISLATION IN THE FIELD OF EXPORT-IMPORT OPERATIONS WITH AGRICULTURAL GOODS UNDER WESTERN SANCTIONS

The article examines the main measures envisaged by the decree of the President of the Russian Federation of August 6, 2014 No. 560 «On application of special economic measures in order to ensure security of the Russian Federation», introducing the retaliatory economic sanctions for a number of foreign countries for hostile action against individual legal entities and physical persons, adopted in the last few months at the initiative of the USA; special administrative restrictions of export-import operations in respect of agricultural commodities in modern conditions and the practice of conclusion of international contracts and their key terms are analyzed.

Keywords: the prohibitions and restrictions of importation into the territory of the Russian Federation of certain types of agricultural products, raw materials and food; the licensing of certain types of agricultural operations; other special administrative restrictions of export and import; significant and other terms of contracts in respect of agricultural crops.

Наращивание производства, модернизация сельского хозяйства, развитие пищевой отрасли — так эксперты оценивают будущее России с момента введения санкций против стран ЕС, США, Канады, Австралии и Норвегии. Для России от этого запрета на ввоз сельскохозяйственной продукции выделяют только плюсы, минус может быть только один — повышение цен на продукцию. Но эксперты уверяют, что этого можно избежать. Таким образом, страна ничего не теряет, запретив товар из недружественных государств.

В правовом аспекте последствия санкций таковы, что прежде чем заключить импортный или экспортный контракт, его стороны должны выяснить, действуют ли в отношении данного сельскохозяйственного товара специальные административно-правовые ограничения, такие как прямые запреты на ввоз или вывоз, лицензирование, квотирование, особые меры подготовки товаров к отгрузке, стандартные и другие требования.

Прямые административные запреты

В настоящее время соответствующие запреты предусмотрены Указом Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации», предусматривающий ответные экономические санкции, и постановлением Правительства РФ с перечнем запрещенных импортных продовольственных товаров.

В качестве ответных мер Указ предписывает органам государственной власти Российской Федерации, федеральным государственным органам, органам местного самоуправления, юридическим лицам, образованным в соответствии с законодательством Российской Федерации, организациям и физическим лицам, находящимся под юрисдикцией Российской Федерации, в своей деятельности исходить из того, что в течение одного года со дня вступления в силу Указа запрещается либо

ограничивается осуществление внешнеэкономических операций, предусматривающих ввоз на территорию Российской Федерации отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых является государство, принявшее решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц или присоединившееся к такому решению.

Указ допускает ограничивать ввоз указанных товаров не только для государств, которые сами непосредственно применили негативные или ограничивающие санкции в отношении российских юридических и (или) физических лиц, но и присоединились к таким санкциям. Конкретный перечень товаров и «подсанкционных государств» и их поставщиков определяет Правительство России (ст. 2)¹.

Постановлением Правительства РФ «О дополнительных мерах по регулированию импорта мяса крупного рогатого скота и мяса домашней птицы» от 21 августа 2014 года № 835 определен конкретный перечень государств и мероприятий, применяемых для защиты безопасности России.

Под запретом на импорт находится, в частности, говядина, свинина, колбасы и аналогичные продукты из мяса, мясо птицы, рыба, ракообразные, моллюски, молоко и молочная продукция, сыры, плодоовощная продукция, орехи. Ограничительные меры не касаются детского питания и не распространяются на товары, которые физические лица сами покупают за границей в указанных странах с соблюдением правил ввоза, предусмотренных российским таможенным законодательством. Согласно пункту 2 Постановления Правительства РФ, Федеральная таможенная служба обеспечивает контроль над

1 Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/70711352/#ixzz3Bg3eHFGq>.

выполнением запрета на ввоз в Россию товаров, указанных в Постановлении Правительства РФ.

Список товаров, импорт которых ограничен, опубликован на сайте правительства. В постановлении правительства подробно расписываются типы продукции с указанием кодов ТНВЭД — товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности, введенной с 1 января 2010 года.

Стоит добавить, что в список не попала ни Япония, ни Швейцария, которые ввели санкции в отношении России. В то же время на отечественных полках больше не будет норвежской рыбы, хотя эта страна к санкциям ЕС против России не присоединялась.

В Федеральном законе от 13 октября 1995 года «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» дается определение внешнеторговой деятельности — это предпринимательская деятельность в области международного обмена товарами, работами, услугами, информацией, результатами интеллектуальной деятельности, в том числе исключительными правами на них (интеллектуальная собственность)². Следовательно, все внешнеэкономические сделки по обмену товарами совершаются предпринимателями на началах инициативы, самостоятельности и риска.

Для любой внешнеэкономической договора требуется наличие двух обязательных признаков: в нем участвуют лица различной национальной (государственной) принадлежности; содержанием сделки являются операции по экспорту-импорту товаров, услуг³.

При совершении внешнеэкономических сделок следует иметь в виду, что в п. 1 ст. 15 Конституции РФ прямо указано, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются составной частью правовой системы РФ. Правда, по смыслу Конституции РФ признается приоритет только тех международных правовых соглашений и иных актов, которые не противоречат Конституции РФ, предварительно изучены Госдумой РФ с соблюдением сложной процедуры (п. 1 ст. 15 Конституции РФ).

В любом случае при составлении конкретного внешнеторгового договора и согласовании его условий с зарубежным партнером необходимо изучить, как нормы и запреты национального законодательства, так и международные договоры, которые влияют на режим реализации сельскохозяйственных товаров.

Помимо прямых запретов на ввоз сельскохозяйственных товаров из определенных стран, международными обязательствами предусматривается, в частности, возможность оформления лицензий.

Лицензирование — введение специальных разрешений на импорт и экспорт, которые выдаются соответствующими органами власти, в порядке, установленном законодательством. В настоящее время, кроме названных постановлений Правительства, действует общий закон Российской Федерации от 04.05.2011 № 99 «О лицензировании отдельных видов деятельности». Законом существенно сокращен перечень лицензируемых видов деятельности⁴. Федеральный закон № 99 — ФЗ определяет не все сферы предпринимательства, на которые необходимо специальное разрешение.

Например, его действие не распространяется на деятельность в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Такая деятельность подлежит лицензированию в соответствии со статьей

18 специального Федерального закона от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

В качестве примера специального лицензирования можно привести также Постановление Правительства от 21 августа 2014 года № 835. Данное постановление регулирует выполнение обязательств России перед государствами — членами ВТО в части оформления лицензий на ввоз мяса крупного рогатого скота и мяса птицы. Постановление было подготовлено Минэкономразвития России в целях выполнения обязательств России в рамках Всемирной торговой организации (далее — ВТО), утвержденных Протоколом о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО от 15 апреля 1994 года. Указанные лицензии оформляются в случае, если по состоянию на 1 сентября текущего календарного года на выданные участникам внешнеторговой деятельности лицензии на ввоз мяса крупного рогатого скота и мяса птицы в пределах годовой тарифной квоты соответствующего государства-поставщика (союза государств) приходится 70% или менее годового объема тарифной квоты такого государства-поставщика (союза государств). Постановлением утверждён порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти по вопросам оформления участникам внешнеторговой деятельности лицензий на ввоз в Россию мяса крупного рогатого скота и (или) мяса птицы в пределах неиспользованной части страновой тарифной квоты на мясо крупного рогатого скота и (или) мясо птицы из других государств-поставщиков (союза государств). Минэкономразвития поручено в соответствии с обязательствами России в рамках ВТО проводить ежегодно, с 1 по 10 сентября, консультации по вопросу использования тарифной квоты с государствами-поставщиками (союзами государств) — членами ВТО с участием представителей Минсельхоза и Минпромторга. Минпромторгу поручено не позднее трёх дней после завершения указанных консультаций на основании заявлений участников внешнеэкономической деятельности оформлять лицензии на ввоз в Россию мяса крупного рогатого скота и мяса птицы из любого государства-поставщика (союза государств) в пределах общего объема, распределённого участнику внешнеторговой деятельности. Принятые решения позволяют обеспечить выполнение обязательств России перед государствами — членами ВТО в части оформления лицензий на ввоз мяса крупного рогатого скота и мяса птицы.

Государственный карантинный, санитарный и ветеринарный контроль над импортом и экспортом сельскохозяйственных товаров.

Согласно Федеральному закону от 15 июля 2000 г. № 99-ФЗ «О карантине растений» ввоз на территорию Российской Федерации под карантинной продукции, подкарантинного материала и груза разрешается только в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации, в которых имеются оборудованные в соответствии с требованиями правил и норм пограничные пункты карантина растений.

Ветеринарный надзор за ввозом в РФ сельскохозяйственных товаров осуществляется в соответствии с Законом РФ от 14 мая 1993 № 4979-1 «О ветеринарии»⁵. В Российскую Федерацию допускаются для ввоза здоровые животные, а также продукты животноводства, полученные от здоровых животных из благополучных по заразным болезням животных иностранных государств, с соблюдением требований ветеринарного законодательства Российской Федерации и условий, предусмотренных международными договорами с участием Российской Федерации. Все субъекты предпринимательской деятельности до ввоза в Российскую Федерацию животных, продуктов животноводства и кормов обязаны получить разрешение глав-

2 Российская газета от 14 августа 1993 г. № 156.

3 См.: Дмитриева Г. К. Международный коммерческий арбитраж. Москва: Проспект, 1997. С. 19.

4 О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ (ред. от 01.09.2013) // справочные правовые системы Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

5 Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. N 24. Ст. 857.

ного государственного ветеринарного инспектора Российской Федерации (ст. 14).

Сертификация и стандартизация сельскохозяйственных товаров

В целях обеспечения безопасности товаров федеральный орган по стандартизации, метрологии и сертификации, федеральный орган санитарно-эпидемиологического надзора и другие федеральные органы исполнительной власти в пределах своей компетенции устанавливают обязательные требования к безопасности товаров и осуществляют контроль над соблюдением этих требований. Согласно Закону РФ от 10 июня 1993 г. № 5151-1 «О сертификации продукции и услуг»⁶ координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих контроль над качеством и безопасностью товаров, а также организация и проведение работ по обязательной сертификации товаров возлагаются на федеральный орган по стандартизации, метрологии и сертификации (ст. ст. 8, 10)

До 2004 г. порядок ввоза, вывоза, а также осуществления государственного контроля за качеством и рациональным использованием зерна и продуктов его переработки, регулировался Федеральным законом от 5 декабря 1998 № 183-ФЗ «О государственном контроле за качеством и рациональным использованием зерна и продуктов его переработки»⁷ В Законе предусмотрено, что ввоз в Российскую Федерацию зерна и продуктов его переработки осуществляются в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, при наличии сертификатов качества зерна и продуктов его переработки (ст. 7). Сертификат качества, выдавался органами Ростосхлебинспекции РФ, подтверждал соответствие ввозимого зерна и продуктов его переработки требованиям государственных стандартов, технических условий, санитарных и ветеринарно-санитарных правил и норм, гигиенических нормативов и иных нормативных документов. Подразделения федеральной лаборатории Ростосхлебинспекции РФ, были расположены в морских и речных портах, на железнодорожных пограничных станциях, производили проверку качества ввозимого в Российскую Федерацию зерна и продуктов его переработки. Постановлением правительства РФ от 17 декабря 2004 г. № 708 «Об упразднении Государственной хлебной инспекции при правительстве РФ»⁸ данная Инспекция была упразднена (вступило в силу 24 декабря 2004 г.). В результате упразднения Госхлебинспекции возросло количество претензий к качеству поставляемого зерна и муки для хлебопечения.

С 21 октября 2011 г. утратил силу Федеральный закон от 5 декабря 1998 г. № 183-ФЗ «О государственном надзоре и контроле за качеством и безопасностью зерна и продуктов его переработки», который устанавливал обязательную проверку соответствия качества и безопасности зерна и продуктов его переработки требованиям нормативных документов. Отмена обязательной сертификации зерна и продуктов его переработки при внешнеэкономических операциях создает угрозу для наложения эмбарго на закупку российского зерна странами-импортерами. В настоящее время сертификат качества с показателями безопасности на зерновую продукцию выдается на добровольной основе, по желанию заявителя.

В рамках Таможенного Союза осуществляется более строгий контроль за качеством и безопасностью зерна. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности зерна» (вступил в силу с 1 июля 2013 года) устанавливает единые обязательные для применения и исполнения требования государств-членов Таможенного союза к зерну. Оценка соответствия поставляемого зерна требованиям этого регламента

проводится в форме подтверждения (декларирования) соответствия зерна.

Следует отметить, что при подтверждении соответствия в форме декларирования, пробы для подтверждения соответствия зерна и продуктов его переработки заинтересованным заявителем-поставщиком отбираются самостоятельно и представляются им в испытательную лабораторию — (центр). При самостоятельном отборе возможен субъективный подход заявителя при отборе проб. В целом такой порядок свидетельствует об отсутствии общей объективности при отборе пробы и достоверности полученных результатов. Проведение работ по подтверждению соответствия зерна и продуктов его переработки по показателям качества и безопасности осуществляется аккредитованными Россельхознадзором испытательными лабораториями (центрами). По мнению С. Данкверта, для предотвращения указанных негативных последствий для отечественного зернового хозяйства представляется необходимым формирование новой системы государственного контроля и надзора за качеством в сфере оборота зерна и продуктов его переработки. Новая система должна включать не только независимый внешний контроль показателей качества зерна, но и более полный учет движения зерна при производстве, закупке, хранении, переработке, транспортировке, реализации и утилизации. Это обеспечит формирование достоверной информации о зерновых ресурсах страны и возможности их использования. Учитывая международную практику, считаем целесообразным возложить функции государственного контроля и надзора в сфере оборота зерна и продуктов его переработки на Россельхознадзор, а функции по нормативно-правовому регулированию в этой сфере — на Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Необходимо предусмотреть осуществление государственного контроля (надзора) посредством сертификации:

при осуществлении закупок зерна и продуктов его переработки для государственных нужд, в том числе в федеральный интервенционный фонд сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, при их хранении, а также при транспортировке зерна федерального интервенционного фонда сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия;

при поставке (закладке) зерна и продуктов его переработки в государственный резерв, при их хранении в составе государственного резерва и транспортировке;

при ввозе (вывозе) зерна и продуктов его переработки на территорию Российской Федерации⁹.

Все указанные требования и ограничения можно в целом признавать в качестве административных и организационно-правовых предпосылок внешнеэкономических контрактов, опосредствующих отношения в сфере реализации сельскохозяйственных товаров.

Таможенный кодекс РФ устанавливает ряд правил, облегчающих перемещение через границу и таможенное оформление сельскохозяйственных товаров. Так, для живых животных, растений, скоропортящихся товаров предельный срок временного хранения, установленный в размере 2 месяцев, сокращен до трех дней (ст. ст. 133, 155). Государственный таможенный комитет РФ и Комитет РФ по стандартизации, метрологии и сертификации в 1995 году издали совместное «Указание об особенностях ввоза на территорию Российской Федерации скоропортящихся товаров, подлежащих обязательной сертификации»¹⁰, в котором установили, что скоропортящиеся товары подлежат таможенному оформлению и сертификации во внеочередном порядке.

В соответствии с п. 3 ст. 162 Гражданского кодекса Российской Федерации внешне-экономические сделки заключаются в простой письменной форме. Следовательно, к отношениям

6 Российская газета от 25 июня 1993 г. № 120.

7 Российская газета от 9 декабря 1998. № 234.

8 Российская газета от 17 декабря 2004 г. № 3657.

9 См.: Сертификация качества и безопасности зерна упразднена // Электронный журнал ИДК. Эксперт. 12 марта 2012. 20:12.

10 Российские вести. 1995. № 164.

применима Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года (Венская конвенция), вступившая в силу для России с 1.09.1991. Конвенция содержит норму императивного характера о форме сделки (ст. 12). В указанной статье оговаривается обязательность письменной формы сделки. Это правило распространяется как на договор международной купли-продажи, так и на его изменение (ст. 29). Ст. 12 Конвенции применяется, когда хотя бы одна из сторон в договоре имеет коммерческое предприятие в государстве — участнике Конвенции, законодательство которого требует, чтобы договоры купли-продажи заключались в письменной форме, о чем это государство сделало заявление на основании ст. 96 Конвенции.

До перемещения сельскохозяйственных товаров через таможенную границу импортеры и экспортеры должны знать действующее таможенное законодательство и иные специальные правила, требования и ограничения.

Так, импортеры или таможенный брокер обязаны представить соответствующей таможене целый ряд документов: грузовую таможенную декларацию, лицензию (для лицензируемых товаров), разрешения различных контролирующих органов, платежные документы, подтверждающие уплату таможенных платежей и сборов за таможенное оформление или необходимые гарантии уплаты таможенных платежей и др.

Таким образом, экспортно-импортные контракты в отношении сельскохозяйственных товаров производятся в соответствии со специальными законами и иными нормативно-правовыми актами, вводящими целый комплекс различных ограничений, требований, предписаний и указаний. На формирование содержания конкретных договорных обязательств в сельском хозяйстве оказывают влияние не только основные нормы о типичных гражданско-правовых договорах, но и правила специальных актов административного законодательства, а также требования юридико-технических норм (стандартов, ТУ, технических регламентов), локальных и корпоративных актов. Для обозначения всех правовых и иных средств, участвующих в формировании договоров сельскохозяйственных товаропроизводителей введено специальное понятие — нормативно-договорный режим формирования содержания договорных обязательств¹¹.

11 См.: Лукьяненко В. Е. Проблемы договоров в сельском хозяйстве России. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2000. С. 74–76, С. 134–178; Быстров Г. Е., Лукьяненко В. Е. Заключение договоров в сфере экспортно-импортных операций с сельскохозяйственными товарами (законодательство и практика) // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2002. № 3; Лукьяненко В. Е. Проблемы гражданско-правовых и иных договоров в предпринимательской деятельности // Законодательство и экономика. 2002. № 5; Лукьяненко В. Е. Договоры в сфере предпринимательской деятельности. Теория и практика (на примере сельского хозяйства). Ульяновск: Изд-во УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2003. С. 94–96, С. 236–243; Лукьяненко В. Е. Теоретические проблемы совершенствования правового регулирования договоров сельскохозяйственных

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/70711352/#ixzz3R31OxnIj>; <http://base.garant.ru/70711352/#ixzz3Bg3eHFGq>.
2. Федеральный закон от 5 декабря 1998 г. № 183-ФЗ «О государственном контроле за качеством и рациональным использованием зерна и продуктов его переработки» // Российская газета. — 1998. — 9 декабря. — № 234.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 01.09.2013) // СПС Консультант Плюс.
4. Федеральный закон от 13 октября 1995 г. № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» // Российская газета. — 1993. — 14 августа. — № 156.
5. Закон РФ от 10 июня 1993 г. № 5151-1 «О сертификации продукции и услуг» // Российская газета. — 1993. — 25 июня. — № 120.
6. Закон РФ от 14 мая 1993 г. № 4979-1 «О ветеринарии» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 24. — Ст. 857.
7. Быстров Г. Е., Лукьяненко В. Е. Заключение договоров в сфере экспортно-импортных операций с сельскохозяйственными товарами (законодательство и практика) // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2002. — № 3.
8. Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2004 г. № 708 «Об упразднении Государственной хлебной инспекции при правительстве РФ» // Российская газета. — 2004. — 17 декабря. — № 3657.
9. Дмитриева Г. К. Международный коммерческий арбитраж. — М.: Проспект, 1997. — С. 19.
10. Лукьяненко В. Е., Лукьяненко А. В. Договорные отношения сельскохозяйственных товаропроизводителей и других организаций аграрно-промышленного комплекса (АПК) // Аграрное и земельное право. — 2011. — № 8. Лукьяненко В. Е. Правовые проблемы закупок и поставок продукции для федерального фонда, пополнения госрезерва и собственных нужд // Аграрное и земельное право. — 2013. — № 5.

зяйственными товаропроизводителями в современных условиях. Автореф. ... дис. доктора юрид. наук. Москва, 2004. С. 3–40; Лукьяненко В. Е., Лукьяненко А. В. Договорные отношения сельскохозяйственных товаропроизводителей и других организаций аграрно-промышленного комплекса (АПК) // Аграрное и земельное право. 2011. № 8. С. 88–93; Лукьяненко В. Е. Правовые проблемы закупок и поставок продукции для федерального фонда, пополнения госрезерва и собственных нужд // Аграрное и земельное право. 2013. № 5. С. 66–75 и др.

Бикмаметова Р. Р.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ОБЩИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ ГАТТ К ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ ПРОТОКОЛОМ О ПРИСОЕДИНЕНИИ К СОГЛАШЕНИЮ О СОЗДАНИИ ВТО

В статье автор, анализируя практику ОРС ВТО по разрешению споров с участием Китая, делает попытку дать оценку правовой природы обязательств, предусмотренных Протоколом о присоединении к Соглашению о создании ВТО, в контексте возможного применения общих исключений (ст. XX ГАТТ).

Ключевые слова: ВТО, «ВТО-плюс», ОРС ВТО, статья XX ГАТТ, общие исключения, Протокол о присоединении к Соглашению о создании ВТО, Доклад Рабочей группы.

Bikmametova R. R.

PRACTICE OF INVOKING THE GENERAL EXCEPTIONS OF THE GATT TO THE OBLIGATIONS ARISING FROM A PROTOCOL OF ACCESSION TO THE WTO AGREEMENT

This article deals with the following issues: overview of China's practice in the framework of Dispute settlement body of the WTO, legal nature of a Protocol of Accession to the WTO, application of General Exception (art. XX GATT) to «WTO-plus» obligations.

Keywords: WTO, «WTO-plus», Dispute settlement body of the World Trade Organization (DSB of the WTO), article XX GATT, general exceptions, Protocol of Accession, Working party report.

Бикмаметова Р. Р.

Все чаще Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации (далее — ОРС ВТО) при рассмотрении споров между государствами — членами ВТО обращается к общим вопросам соотношения положений соглашений «пакета ВТО» и протоколов о присоединении государств к Марракешскому соглашению о создании ВТО (далее — Протокол о присоединении и Марракешское соглашение, Соглашение о создании ВТО, соответственно), докладов рабочих групп о вступлении государства в ВТО¹ (далее — Доклад Рабочей группы) как документов, оформляющих членство в ВТО.

Применительно к общим исключениям из правового режима, установленного Генеральным соглашением по тарифам и торговле (далее — ГАТТ) в ст. XX², содержание протоколов о присоединении и докладов рабочих групп играет далеко не последнюю роль. Именно содержание протоколов о присоединении позволяет установить объем обязательств нового государства, которое вступает в ВТО, и определить для него соответствующие его статусу «обязательства ВТО-плюс» и «обязательства ВТО-минус», которые, как будет показано ниже, вовсе не означают автоматического применения к присоединяющемуся государству всех положений ГАТТ, включая положений об общих исключениях.

Под обязательствами «ВТО-плюс» принято считать дополнительные обязательства, которые новый участник принимает на себя в соответствии с Протоколом о присоединении к Соглашению о создании ВТО и Докладом Рабочей группы о вступлении государства в ВТО. Такие обязательства прямо не охватываются соглашениями ВТО и разрабатываются непосредственно для конкретного участника, который изъявил желание вступить в ВТО. Обязательства «ВТО-минус» обозначают своего рода ограничения, которые предусмотрены ох-

ваченными соглашениями³. Характерная черта обязательств «ВТО-плюс» и «ВТО-минус» в общности их правового основания — они должны содержаться в Протоколе о присоединении и Докладе Рабочей группы, их набор индивидуален для каждого присоединяющегося участника, и для присоединившихся стран они являются императивными, а их нарушение может быть предметом рассмотрения ОРС ВТО⁴.

Соглашение о создании ВТО предусматривает два вида членства в ВТО — первоначальное и приобретаемое в порядке присоединения. Если первоначальные государства-члены автоматически становятся стороны охватенных соглашений, то другие государства должны предварительно согласовать условия своего вступления в ВТО. Государство, изъявившее желание присоединиться к Соглашению о создании ВТО, должно известить о своем намерении Генерального директора ВТО и подготовить для ВТО Меморандум о внешнеторговом режиме в отношении товаров и услуг. Генеральным советом ВТО создается Рабочая группа, в задачи которой входит изучение внешнеторгового режима присоединяющегося государства, его национального законодательства и практики его применения. В результате такой работы составляется Доклад с выводами Рабочей группы и рекомендации Генеральному совету, который должен одобрить решение о присоединении соответствующего государства. Кроме того, в качестве приложения к нему Рабочей группой может разрабатываться проект Протокола о присоединении.

1 Статья 12 Марракешского соглашения предусматривает возможность вступления в ВТО путем присоединения к Марракешскому соглашению. В результате присоединения разрабатывается два документа: протокол о присоединении государства к соглашению о создании ВТО и доклад рабочей группы о вступлении в ВТО.

2 Статья XX содержит перечень оснований, по которым государства — члены ВТО могут принять меры, идущие в разрез с правилами ГАТТ. Среди этих оснований защита общественной морали, человеческого здоровья, сохранение невозобновляемых природных ресурсов и пр.

3 Подробнее об обязательствах ВТО-плюс и ВТО-минус см.: Nguyen N, WTO Accession at Any Cost? Examining the Use of WTO-Plus and WTO-Minus Obligations for Least-Developed Country Applicants // 22 Temp Intl&Comp. L.J. 243, 257 (2008) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.temple.edu/law/ticlj/ticlj22-1Nguyen.pdf> (дата обращения: 28.01.2015); Simon J. Evenett & Carlos A. Primo Braga, WTO Accession: Lessons from Experience, TRADE NOTE 22 (The World Bank Group, Washington, D.C.), June 6, 2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://siteresources.worldbank.org/INTRANETTRADE/Resources/Pubs/TradeNote22.pdf> (дата обращения: 28.01.2015).

4 См.: WTO Secretariat, Technical Note on the Accession Process, WT/ACC/10/Rev. 3 (Nov. 28, 2005) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docsonline.wto.org>

Протокол о присоединении к Соглашению о создании ВТО или Доклад Рабочей группы о вступлении в ВТО не могут рассматриваться независимо от всей системы соглашений ВТО. Очевидно, что, например, обязательства «ВТО-плюс» в сфере антидемпинговых пошлин на товары невозможно использовать вне учета положений ст. VI ГАТТ и Соглашений о применении ст. VI ГАТТ (Антидемпинговый кодекс).

Протокол о присоединении по своей правовой природе является международным договором, причем международным договором, заключенным между государством, с одной стороны, и международной организацией, с другой.

Правовая природа Доклада Рабочей группы не столь очевидна. В соответствии с положениями Венских конвенций 1969 и 1986 гг. международный договор определяется как международное соглашение, заключенное между субъектами международного права в письменной форме и регулируемое международным правом. Доклад Рабочей группы не является соглашением между субъектами международного права (государством, изъявившим желание вступить в ВТО, с одной стороны, и ВТО, с другой). Доклад Рабочей группы разрабатывается представителями государств, выразивших желание участвовать в его разработке и имеющих определенный экономический интерес в отношении нового государства-члена, и не подлежит какому-либо принятию или одобрению со стороны нового участника, однако именно в нем, помимо прочего, содержатся обязательства присоединяющегося государства в самых различных областях внешнеэкономической деятельности. С другой стороны, указанный документ не является и актом самой международной организации.

Протокол о присоединении в преамбуле содержит общее указание о том, что Доклад Рабочей группы принимается во внимание и учитывается при его заключении. В то же время в тексте Протокола о присоединении содержатся отсылочные нормы к Докладу Рабочей группы либо его отдельным положениям. В некоторых случаях отдельные положения Доклада становятся неотъемлемой частью Соглашения об учреждении ВТО. Так, например, вступление Российской Федерации в ВТО оформлено Протоколом о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации⁵, который был подписан 16 декабря 2011 г. между Российской Федерацией и Всемирной торговой организацией, согласно которому Россия присоединяется к Марракешскому соглашению и становится членом Всемирной торговой организации (п. 1), а данный Протокол является неотъемлемой частью Марракешского соглашения, включая обязательства, указанные в параграфе 1450 Доклада Рабочей группы (п. 2)⁶.

По нашему мнению, проблема определения правовой природы положений докладов рабочих групп незаслуженно оставлена учеными-международниками без внимания и требует соответствующей разработки.

Практика ОРС ВТО сложилась таким образом, что самые знаковые и показательные дела о соотношении положений ГАТТ (ст. XX) и обязательств, предусмотренных в протоколах о присоединении, возникли в связи со спорами, ответчиком в которых выступал Китай⁷. Во всех нижеприведенных делах при рассмотрении дел источником выступал Протокол о присоединении Китая к Соглашению о создании ВТО.

Протокол о присоединении Китая к Соглашению о создании ВТО⁸ и Доклад Рабочей группы о вступлении Ки-

тая в ВТО⁹ не обладают какими-либо особенными чертами по сравнению с документами, оформляющими членство других государств в ВТО¹⁰, имеющимися в распоряжении других «непервоначальных» членов ВТО. Ничего необычного с точки зрения юридической техники нет ни в Протоколе о присоединении, ни в Докладе Рабочей группы. Однако оба документа уникальны с точки зрения сформулированных в них обязательств «ВТО-плюс» и «ВТО-минус».

Протокол о присоединении Китая интегрирует Доклад Рабочей группы в систему соглашений ВТО, используя «схемы перекрестных ссылок»¹¹. Это можно проследить по преамбуле Протокола о присоединении, которая содержит основную ссылку на Доклад Рабочей группы путем указания на то, что положения Доклада Рабочей группы принимаются во внимание. Также ссылку на Доклад Рабочей группы содержит п. 1.2. Протокола о присоединении, в соответствии с которым обязательства п. 342 Доклада Рабочей группы должны являться частью Соглашений ВТО. При этом п. 342 Доклада Рабочей группы содержит ответную ссылку на проект Протокола о присоединении. Такая схема перекрестных ссылок указывает на то, что оба документа входят в систему многосторонних торговых соглашений.

Исследователи выделяют, что каждый из этих документов содержит следующие компоненты: во-первых, обязательства, которые содержатся непосредственно в тексте документа; во-вторых, те же обязательства, но которые рассматриваются в контексте функционирования совместно с Соглашениями ВТО¹². Необходимо отметить, что такая схема перекрестных ссылок в целом свойственна и практике присоединения других участников. Принципиальными в данном случае являются тонкости и отчасти полнота в формулировании подобных ссылок, поскольку ОРС ВТО использует буквальное толкование содержащихся в данных документах положений.

Одним из первых дел, в котором был затронут вопрос о соотношении положений соглашений ВТО, обязательств Китая, вытекающих из ГАТТ, ст. XX (d) ГАТТ с Докладом Рабочей группы о присоединении Китая к Соглашению ВТО явилось дело China — Auto Parts¹³. В рамках данного дела США, ЕС и Канада просили ОРС ВТО признать вводимые Китаем меры по осуществляемому субсидированию производства запчастей для автомобилей необоснованными. Возможность субсидирования предусматривалась Протоколом о присоединении и Докладом Рабочей группы. ОРС ВТО признал оспариваемые меры необоснованными. Третьей группой и Апелляционный орган посчитали, что в данном случае имело место нарушение ст. III ГАТТ.

Рассуждая о характере обязательств, содержащихся в Докладе Рабочей группы, третья группа указала на следующее: «Не вызывает сомнения тот факт, что обязательства из Доклада Рабочей группы подлежат исполнению»¹⁴, но при этом Китаю вменяется нарушение положений ст. III ГАТТ.

acc_e/completeacc_e.htm (дата обращения: 28.01.2015).

9 China's Working party report WT/ACC/CHN/49, Corr.1 WT/MIN (01)/3, 1.10.2001, размещен на официальном сайте ВТО. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/completeacc_e.htm (дата обращения: 28.01.2015).

10 См.: Christopher Duncan. Out of Conformity. China's Capacity to Implement World Trade Organization Dispute Settlement Body Decisions After Accession. 18 AM. U Int'l L. Rev. 399, 403, n.6 (2002).

11 См.: Thomas H. Au/Kenyon College (2008): J.D., Case Western Reserve University School of Law (expected 2013). P.108.

12 См.: там же Thomas H. Au. P. 109 – 110.

13 Appellate Body Report, China — Measures Affecting of Automobile Parts. WT/DS339/AB/R. WT/DS340/AB/R. WT/DS 342/AB/R (Dec/15/2008).

14 Panel Report. China — Measures Affecting of Automobile Parts. 7.736. WT/DS339/R. WT/DS340/R. WT/DS 342/R (Juli 18 2008).

5 Собрание законодательства Российской Федерации — 2012. — 10 сентября. — № 37. — Ст. 4986.

6 А в нем идет речь о 150 обязательствах.

7 На сегодняшний день статистика дел в ОРС ВТО с участием Китая впечатляет — 32 дела, в которых Китай является ответчиком, 12 дел, где Китай выступает заявителем, и 113 дел, где Китай выступает как третья сторона.

8 China's Protocol of Accession WT/L/432, размещен [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/thewto_e/

Апелляционный орган в данном деле подчеркнул неправильность такого подхода¹⁵ со стороны третьей группы и отметил, что в данной ситуации необходимо исходить прежде всего из положений Протокола о присоединении и Доклада Рабочей группы. По мнению Апелляционного органа, в данном случае в первую очередь нарушаются положения Протокола о присоединении и Доклада Рабочей группы, а не положения соглашений ВТО. Таким образом, Апелляционный орган смоделировал определенную иерархию данных норм, поставив на первое место нормы Протокола о присоединении и Доклада Рабочей группы и только затем положения соглашений ВТО.

Так впервые была обозначена возможность перенесения вопроса из плоскости, где правовой основой для обязательств являются нормы соглашений ВТО, в плоскость, где правовой основой будут являться положения протоколов о присоединении и докладов рабочих групп, содержащих договоренности государств по «ВТО-плюс» и «ВТО-минус».

Закономерным следствием нового подхода стало смещение акцентов в пользу возможности установления соответствующих приоритетов обязательств «ВТО-плюс» и «ВТО-минус» над обязательствами, вытекающими из пакета соглашений, в частности ГАТТ. В этой связи обязательства «ВТО-плюс» и «ВТО-минус» могут рассматриваться в некотором обособленном виде и быть в некотором роде вне системы, построенной пакетом соглашений ВТО. В таком случае подобный подход требует особого отношения к обязательствам, предусмотренными протоколами о присоединении и докладами рабочих групп.

Дело China — Auto Parts примечательно еще и тем, что в его рамках был рассмотрен вопрос о возможности применения в рассматриваемой ситуации ст. XX (d) в контексте Протокола о присоединении Китая к ВТО. Важно, что ни третья группа, ни Апелляционный орган не делают вывода о том, что ст. XX ГАТТ не может быть использована к обязательствам «ВТО-плюс» и «ВТО-минус». Применение ст. XX ГАТТ в данном случае, по мнению ОРС ВТО, не было обосновано по причинам, не связанным с правовой природой обязательств и самих соглашений, содержащих такие обязательства.

Другое дело ОРС ВТО — China — Audiovisual Products¹⁶ — было инициировано США. Заявитель предположил, что ограничительные меры, введенные Китаем на импорт аудиовизуальной продукции, являются необоснованными. ОРС ВТО пришел к выводу, что обязательства по предоставлению права на торговлю недискриминационным способом, предусмотренные п. 1.2 Протокола о присоединении Китая и п. 84 (б) Доклада Рабочей группы о присоединении Китая, были нарушены.

Таким образом, ОРС ВТО последовательно проводит в жизнь утверждение о том, что Протокол о присоединении является неотъемлемой частью Соглашения ВТО. С особым вниманием ОРС ВТО относится к статьям, связывающим Протокол о присоединении к ВТО с Докладом Рабочей группы, отмечая их важность и обязательность для исполнения предусмотренных в них обязательств.

Следующий шаг ОРС ВТО сделал в деле China — Raw materials¹⁷. Согласно фактическим обстоятельствам дела China — Raw materials США, Мексика и Европейский союз просили ОРС ВТО признать незаконными введенные Китаем ограничения на экспорт сырья, а именно: экспортные пошли-

ны, экспортные квоты, лицензирование экспорта, требования к минимальным экспортным ценам. Речь шла о материалах, которые используются в различных продуктах, включая лекарственные средства, электронику, аккумуляторы, хладагенты (кокс, магний, флюорит, марганец и др.).

Заявители утверждали, что Китаем нарушены положения ГАТТ, Протокола о присоединении Китая к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО и Доклада Рабочей группы по присоединению Китая к ВТО. По мнению заявителей, Китай не может извлекать выгоду из положений ст. XX ГАТТ и, более того, Китай не имеет права ссылаться на ст. XX (g) ГАТТ, чтобы обосновать экспортные пошлины, противоречащие его Протоколу о вступлении в ВТО. Кроме того, введенные Китаем меры носят дискриминационный характер и не соответствуют требованиям, предусмотренным п. (g) ст. XX ГАТТ.

Китай пытался обосновать некоторые из введенных мер (в частности, экспортные пошлины и квоты в отношении огнеупорного боксита и флюорита) ссылкой на п. (g) ст. XX ГАТТ как на меры, необходимые для целей сохранения истощаемых природных ресурсов, к числу которых относятся флюорит и огнеупорный боксит. Кроме того, Китай ссылался на п. (b) ст. XX ГАТТ и утверждал, что введенные меры необходимы для защиты жизни или здоровья человека, животных и растений.

Как следует из пояснений Китая, устойчивое развитие требует, чтобы экономическое развитие и сохранение природных ресурсов были уравновешены за счет эффективного управления недостающими ресурсами. Введенные им экспортные ограничения имеют отношение к сохранению природных ресурсов, так как представляют собой административное управление ограниченным запасом огнеупорного боксита и флюорита, в связи с чем могут быть оправданы ссылкой на п. (g) ст. XX.

Третья группа в своем докладе по делу China — Raw Materials дала оценку введенным Китаем мерам и признала необоснованным отказ в свободном экспорте сырья, добытом на его территории, и противоречащим обязательствам Китая по Протоколу о присоединении. Апелляционный орган в своем докладе, с одной стороны, согласился не со всеми доводами третьей группы, однако, с другой стороны, не изменил ее решения по существу и в силу тех же соображений также пришел к выводу о наличии нарушения обязательств, предусмотренных Протоколом о присоединении Китая к Соглашению об учреждении ВТО.

Не оспаривая в целом позицию Апелляционного органа о необоснованности введенных Китаем мер, нельзя согласиться с отдельными аргументами, приведенными третьей группой и Апелляционным органом.

По нашему мнению, меры должны были быть признаны необоснованными не по причине того, что защита ст. XX ГАТТ не распространяется на положения п. 11.3. Протокола о присоединении Китая, а в силу того, что введенные меры не соответствовали требованиям, предъявляемым ст. XX ГАТТ.

Напомним, что п. 11.3. Протокола о присоединении Китая¹⁸ предусматривает, что Китай должен устранить все налоги и сборы, применяемые к экспорту, если иное специально не предусмотрено в Приложении 6 Протокола о присоединении или не применяется в соответствии с положениями ст. VIII ГАТТ. Таким образом, только в двух случаях возможно применение экспортных пошлин: это применение экспортных пошлин к продуктам, перечисленным в приложении 6 к Протоколу, и применение ст. VIII ГАТТ. Рассмотрим основания более подробно.

Во-первых, экспортные пошлины применяются к продуктам, перечисленным в Приложении 6 к Протоколу о присоединении Китая. Приложение имеет вид таблицы, в которую включено 84 вида продуктов с указанием описания и количе-

15 Appellate Body Report, China — Automobile Parts. Par.245.

16 Panel Report, China — Measures Affecting Trading Rights and Distribution Services for Certain Publications and Audiovisual Entertainment Products. WT/DS/363/R (Aug.12,2009); Appellate Body Report, China—Measures Affecting Trading Rights and Distribution Services for Certain Publications and Audiovisual Entertainment Products. WT/DS/363/AB/R (Dec.21, 2009).

17 Appellate Body report. China — Raw Materials, WT/DS394/AB/R, WT/DS395/AB/R, WT/DS398/AB/R; Panel report WT/DS431/R WT/DS432/R WT/DS433/R China Measures Relating to the Exportation of Various Raw Materials.

18 China's accession protocol. WT/L/432 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/completeacc_e.htm (дата обращения: 28.01.2015).

ства продукта, а также возможной применимой максимальной ставки экспортной пошлины. После указанной таблицы в приложении следует текст, в соответствии с которым Китай берет на себя обязательство, что представленный уровень тарифов является максимальным и не будет превышен. Более того, существующий на момент подписания указанного Протокола о присоединении уровень экспортных пошлин на перечисленные продукты не будет превышен, за исключением «особых обстоятельств», при наступлении которых Китай должен провести консультации, прежде чем пошлины будут повышены. Целью таких консультаций будет являться нахождение взаимоприемлемого решения.

Совершенно обоснованно возникает вопрос о том, что подразумевается под «особыми обстоятельствами», о которых говорится в Приложении 6, и будут ли в таком случае «особые обстоятельства» являться «общими исключениями» по смыслу ст. XX ГАТТ?

Третьей группой и Апелляционный орган указывают, что такая оговорка в Приложении 6 говорит лишь о возможности превышения экспортных пошлин от уровня уже существующих в момент подписания Протокола о присоединении до максимальных пределов, предусмотренных в Приложении 6¹⁹. В свою очередь, обязанность по проведению консультаций относится к повышению пошлин применительно к тем продуктам, которые в нем указаны. В подтверждение этого довода Апелляционный орган отменил вывод третейской группы в той части, где действия Китая по непроведению переговоров при повышении экспортных тарифов по отношению к отдельным формам бокситов, кокса, плавикового шпата, магния, марганца, металла кремния, цинка были признаны несоответствующими обязательствам «ВТО-плюс». Так, Апелляционный орган пояснил, что проведение переговоров по материалам, не входящим в перечень Приложения 6, не является обязательством Китая, ввиду чего нарушения в отсутствие переговоров не усматриваются²⁰.

По нашему мнению, в данном случае следует согласиться с Апелляционным органом. Никаких правовых оснований для заявления о том, что «особые обстоятельства» являются «общими исключениями», нет. Различная терминология и отсутствие прямого указания с точки зрения юридической техники не позволяют нам сделать заключение об обратном.

Напомним, что применительно к рассматриваемому делу этот аспект вопроса не был детально исследован, поскольку из всех материалов, в отношении которых были введены оспариваемые меры, только желтый фосфор входил в перечень Приложения 6. В свою очередь, не вызывает сомнений, что приведенное обязательство с оговоркой на «особые обстоятельства» именно в рамках Приложения 6 относится исключительно к продуктам, в нем перечисленным. Так, применительно к желтому фосфору Третьей группой факта превышения экспортных пошлин установлено не было²¹.

Помимо рассмотренного основания возможности применения экспортных пошлин, п. 11.3 протокола содержит ссылку на ст. VIII ГАТТ, которая указывает главным образом на то, что все сборы и платежи любого характера (кроме импортных и экспортных пошлин в смысле ст. III) на ввоз и вывоз товара по своей величине ограничиваются приблизительной стоимостью оказанных услуг и не могут являться косвенной защитой отечественного товара или средством обложения импорта или экспорта в фискальных целях.

Рассматривая данное дело, Апелляционный орган пришел к выводу о том, что так как п. 11.3. Протокола о присоединении Китая не включает в себя какого-либо упоминания о ст. XX ГАТТ, также как и не включает в себя каких-либо более общих ссылок на положения ГАТТ, в данном случае стороны

согласовали, что ст. XX ГАТТ к рассматриваемым отношениям не применяется.

Что касается формулировки п. 5.1 Протокола о присоединении о праве Китая регулировать торговлю «без ущерба для права Китая в соответствии с Соглашением ВТО», согласно которой в ранее рассмотренном деле *China — Publications and Audiovisual Products* позволил себе сделать вывод о возможности применения ст. XX (а) ГАТТ к положениям п.5.1. Протокола о присоединении Китая, в данном случае Апелляционный орган видит в этом пример того, что при желании распространения договаривающимися сторонами на п. 11.3. Протокола о присоединении Китая положений ст. XX ГАТТ, стороны могли сделать ссылку в п. 11.3 Протокола, аналогичную ссылке в п. 5.1, и тогда было бы очевидно намерение сторон распространить на отношения, регулируемые п. 11.3., положения об общих исключениях ГАТТ.

Более того, Апелляционный орган поясняет, что содержащийся в п. 11.3 Протокола о присоединении исчерпывающий перечень исключений, а именно: те, что содержатся в Приложении 6, и те, которые охватываются ст. VIII ГАТТ²², делают очевидным то, что положения ст. XX ГАТТ в данном случае не применимы. По мнению Апелляционного органа, им использовано буквальное толкование положений п. 11.3 Протокола, при котором он пришел к выводу, что государства — члены ВТО не намеревались включить действие ст. XX в пункт Протокола 11.3²³.

Апелляционный орган приходит к выводу, что нет никакого понятия «общих исключений» применительно ко всем соглашениям ВТО вообще. Каждое соглашение само должно устанавливать свой «набор исключений или уступок», которые будут применяться к каждому частному обязательству отдельного соглашения²⁴. Так, ссылка в ст. XX на «настоящее соглашение» предполагает только ГАТТ. Для действия ст. XX ГАТТ необходимо, чтобы на это было прямое указание в тексте соглашения, либо содержалась перекрестная ссылка на ст. XX.

В определенной степени интересна позиция Европейского союза, из которой следует, что если в отдельном соглашении будет содержаться положение, в соответствии с которым ст. XX будет иметь свое действие в рамках такого соглашения, то правовым обоснованием отступления от обязательств будет даже не ст. XX ГАТТ, а именно то положение соглашения, которое позволяет такое применение²⁵.

Китай в обоснование своей позиции исходил из того, что у него, как и у других государств — членов ВТО, есть неотъемлемое право регулировать торговлю. Третьей группой и Апелляционный орган, не оспаривая существование данного права, однако, пояснили, что указанное право было Китаем реализовано при проведении переговоров по условиям присоединения к ВТО, а также при ратификации Соглашения о создании ВТО²⁶.

Достаточно сложно оспорить приведенную аргументацию Апелляционного органа, однако, на наш взгляд, положения ст. XX ГАТТ не могут и не должны иметь столь ограниченную сферу применения, так как положения ст. XX имеют значение для всех государств — членов ВТО вне зависимости от конкретного правового режима, установленного тем или иным соглашением ВТО. Положения данной статьи предоставляют государствам определенные дополнительные права, включая право нарушить предусмотренные ГАТТ обязательства в области защиты общепризнанных человечеством ценностей и обществен-

22 Panel report. *China — Raw Materials*. Par.7.126.

23 Appellate Body report. *China — Raw Materials* par. 271.

24 Appellate Body report. *China-Raw Materials* par. 272; Panel report. *China-Raw Materials*. Par.7.150.

25 Appellate Body report. *China-Raw Materials* par. 276.

26 Appellate Body report. *China-Raw Materials* par. 272; Panel report. *China-Raw Materials*. Par.7.156

19 Appellate Body report. *China — Raw Materials* par. 285.

20 Appellate Body report. *China — Raw Materials* par.287.

21 Panel report. *China — Raw Materials*. Par.7.71.

но значимых сфер государства²⁷ при условии, что реализация данных прав не будет служить поводом для неоправданной и произвольной дискриминации при осуществлении международной торговли, а также ее скрытым ограничением.

На наш взгляд, «ценностная» составляющая положений ст. XX ГАТТ настолько велика, что применение института общих исключений не только не должно требовать отдельного упоминания о возможности его распространения на положение нового заключаемого соглашения, но и сама возможность исключения его применения в отношениях между государствами должна быть запрещена. Такое предложение не будет нарушать стабильность торговых отношений, поскольку институт общих исключений имеет собственный механизм его применения, который является самостоятельным способом защиты от скрытого протекционизма (что можно увидеть даже в деле *China — Raw materials*, где защитный механизм сработал, и меры были признаны неоправданными по ст. XX ГАТТ) и гарантией для государств — членов ВТО.

Следует отметить, что приведенные доводы ОРС ВТО о возможности применения к обязательствам, предусмотренным п. 11.3 Протокола о присоединении Китая, ст. XX ГАТТ, не повлияли на результат рассматриваемого спора. Третейская группа и Апелляционный орган одинаково пришли к выводу, что введенные Китаем меры не соответствовали требованиям, содержащимся в самой ст. XX (g) ГАТТ, в результате чего введение мер было признано необоснованным.

Вместе с тем возникает вопрос, насколько оправдано, что новые участники Соглашения о создании ВТО в каком-то смысле ущемляются в правах по сравнению с первоначальными членами ВТО? Не будет ли подобное толкование протоколов о присоединении, применяемое ОРС ВТО, нарушением прав государств, ставших участниками соглашений ВТО в порядке процедуры присоединения?

Напомним, что согласно абзацу 7 Решения о принятии Соглашения об учреждении ВТО и присоединении к нему²⁸ «...Соглашение о ВТО ни в коей мере не проводит разграничения между членами ВТО, которые приняли указанное Соглашение в соответствии со статьями XI и XIV, и членами ВТО, которые присоединились к нему в соответствии со статьями XII, и, исходя из желания обеспечить такое положение, при котором процедуры присоединения государств и отдельных таможенных территорий, которые не стали договаривающимися сторонами ГАТТ 1947 на дату вступления в силу Соглашения об учреждении ВТО, были такими, чтобы не ставить их в невыгодные условия и избежать неоправданных задержек для этих государств и отдельных таможенных территорий». Очевидно, что позиция ОРС ВТО в деле *China — Raw materials* не соответствует положениям абзаца 7 Решения о принятии соглашения об учреждении ВТО и присоединении.

Совершенно непредсказуемыми являются последствия таких выводов ОРС ВТО для Российской Федерации, ведь аналогично Протоколу о присоединении Китая к Соглашению об учреждении ВТО Протокол о присоединении РФ не содержит никаких упоминаний о возможности применения ст. XX ГАТТ. Выводы, к которым приходит ОРС ВТО в деле *China — Raw materials*, свидетельствуют о возможной негативной перспективе рассмотрения споров для Российской Федерации в аналогичной категории дел.

Кроме того, небесспорным является довод Апелляционного органа о том, что стороны, намеренно не упоминая о возмож-

ности применения ст. XX ГАТТ, имели целью исключить для себя возможность ее действия. Разумеется, ни Китай, ни Россия не имели такой цели и намерений. Более того, следуя логике ОРС ВТО, для обеспечения интересов новых участников будет необходимо дублирование всех норм соглашений ВТО в Протокол о присоединении какого-либо нового участника. Так как согласно применяемому ОРС ВТО подходу, если этого не сделать, то ввиду отсутствия прямого указания, что между странами — участниками ВТО и новым участником действует какое-либо конкретное положение, уже содержащееся в соглашениях ВТО, действие таких положений станет невозможным. Совершенно очевидно, что ни один участник ВТО, присоединившийся к нему в порядке ст. XII Марракешского соглашения, не мог предвидеть для себя таких последствий.

В 2014 г. ОРС ВТО вернулся к вопросу о возможности применения к обязательствам, предусмотренным в п. 11.3 Протокола о присоединении Китая, ст. XX в деле *China — Measures Related to the Exportation of Rare Earths, Tungsten and Molybdenum* (далее — *China — Rare Earths*)²⁹.

Обстоятельства дела сводились к тому, что в 2009 г. Китай ввел экспортные пошлины и экспортное квотирование в отношении редкоземельных металлов, вольфрама и молибдена. Нарушающими положения п. 11.3 Протокола о присоединении такие меры посчитали ряд участников — США, ЕС и Япония, в связи с чем и последовало обращение к механизму разрешения споров ВТО.

Выводы о невозможности применения ст. XX ГАТТ были вновь подтверждены со стороны Апелляционного органа, и, что не менее интересно, Апелляционный орган достаточно часто ссылался аргументы первого в этом вопросе доклада по делу *China — Raw Materials*. Однако Китай при второй попытке попытался усилить свою позицию и привел дополнительный аргумент, которому не была дана оценка в деле *China — Raw materials*, в силу чего Апелляционный орган фактически повторно рассмотрел вопрос по существу³⁰.

Китай заявил, что Протокол о присоединении Китая к Соглашению об учреждении ВТО и соглашения ВТО являются частью одной системы в силу того, что, во-первых, «умолчание» в п. 11.3 Протокола (имеется ввиду отсутствие ссылки или прямого указания на возможность применения ст. XX ГАТТ) нельзя воспринимать, как намерение ограничить сферу действия ст. XX ГАТТ. Во-вторых, п. 11.3 Протокола о присоединении должен рассматриваться как составная часть ГАТТ 1994. В-третьих, положение о том, что «ничто в настоящем соглашении не препятствует принятию или применению любой договаривающейся стороной мер...», содержащееся во вводной части ст. XX ГАТТ, не исключает возможности применения ст. XX ГАТТ в обоснование нарушений п. 11.3 Протокола о присоединении. Наконец, в-четвертых, в данном случае необходима комплексная интерпретация и толкование рассматриваемых положений с учетом объекта и цели Соглашения об учреждении ВТО. По мнению Китая, такая интерпретация позволит прийти к выводу о возможности применения ст. XX ГАТТ³¹.

Конечно, если бы Апелляционный орган признал новый аргумент убедительным, он мог бы изменить ранее высказанную позицию по уже рассмотренному спору. Однако довод о системном взаимодействии Протокола о присоединении и ГАТТ таковым признан не был, в силу чего выводы и позиция ОРС ВТО не поменялась, что, безусловно, скажется и на последующих делах.

27 Напомним, что основания, предусмотренные ст. XX, несут крайне высокую ценностную нагрузку. Так, участникам ВТО разрешено отступать от обязательств по причине охраны жизни и здоровья человека, животных, растений, охраны исчерпаемых природных ресурсов, охраны общественно морали и т.д.

28 Решение о принятии соглашения об учреждении ВТО [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/marakesh.doc> (дата обращения: 28.01.2015).

29 Appellate Body report. *China — Measures Related to the Exportation of Rare Earths, Tungsten and Molybdenum*. WT/DS431/AB/R, WT/DS432/AB/R, WT/DS433/AB/R; Reports of the panel. *China — Measures Related to the Exportation of Rare Earths, Tungsten and Molybdenum*. WT/DS431/R, WT/DS432/R, WT/DS433/R.

30 Appellate Body report. *China — Rare Earths*, par. 5.4.

31 Appellate Body report. *China — Rare Earths*, par. 5.5.

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на негативную практику ОРС ВТО применения положений ст. XX ГАТТ к обязательствам, вытекающим из Протокола о присоединении и Доклада Рабочей группы, необходимо отдавать себе отчет в том, что прямого запрета на применение ст. XX ГАТТ к обязательствам «ВТО-плюс» или «ВТО-минус» Органом по разрешению споров ВТО в рассмотренных делах не содержится. Выводы о необоснованности применения ст. XX ГАТТ к обязательствам, предусмотренным Протоколом о присоединении Китая к Марракешскому Соглашению о создании ВТО и Докладом Рабочей группы о вступлении в ВТО, были сделаны в связи с конкретными фактическими обстоятельствами.

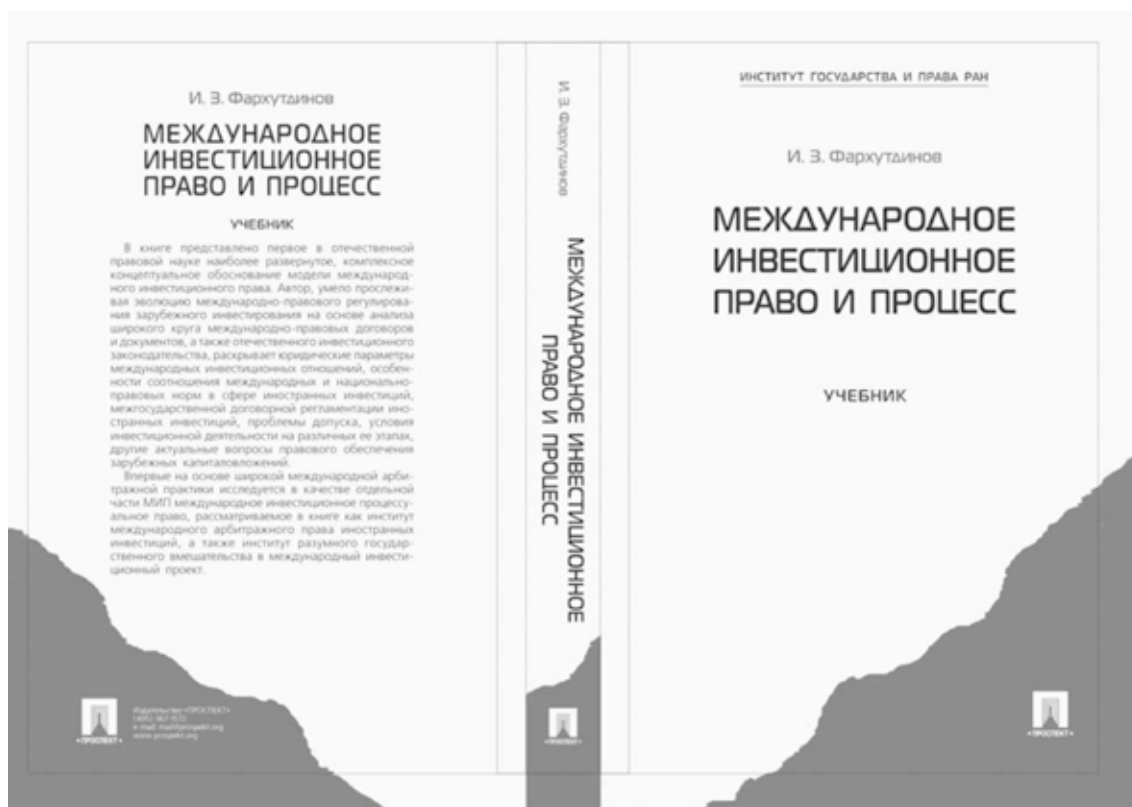
В рассмотренных делах неприменение положений ст. XX ГАТТ во многом было и обусловлено тем, что ни одна из вводимых Китаем мер не соответствовала требованиям, предъявляемым самой ст. XX ГАТТ. Каким будет решение ОРС ВТО, когда предусмотренные ст. XX ГАТТ требования будут соблюдены, может показать только время.

Для определения возможности применения к обязательствам «ВТО-плюс» или «ВТО-минус» ст. XX ГАТТ, ОРС ВТО обращается к буквальному толкованию положений, содержащихся в Протоколе о присоединении и Докладе Рабочей группы. Положение о применении ст. XX ГАТТ, закрепленное в Протоколе о присоединении к Соглашению об учреждении ВТО, полностью устраняет правовую неопределенность в данном вопросе. Однако и ссылка на возможность применения прав,

предусмотренных Соглашением ВТО, на наш взгляд, не исключает применения ст. XX ГАТТ. Позиция ОРС ВТО, при которой отсутствие прямого указания на возможность применения ст. XX ГАТТ толкуется как намеренный отказ государства от такого права, представляется нам неверной и существенным образом нарушающей права «непервоначальных» членов ВТО.

Пристатейный библиографический список

1. Thomas H. Au/ Kenyon College (2008): J.D., Case Western Reserve University School of Law (expected 2013).
2. Duncan Ch. Out of Conformity. China's Capacity to Implement World Trade Organization Dispute Settlement Body Decisions After Accession // 18 AM. U Int'l L. Rev. 399, 403, n.6 (2002).
3. Nguyen N. WTO Accession at Any Cost? Examining the Use of WTO-Plus and WTO-Minus Obligations for Least-Developed Country Applicants // 22 Temp Intl&Comp. L.J. 243, 257 (2008) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.temple.edu/law/ticlj/ticlj22-1Nguyen.pdf>
4. Simon J. Evenett & Carlos A. Primo Braga, WTO Accession: Lessons from Experience, TRADE NOTE 22 (The World Bank Group, Washington, D.C.), June 6, 2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://siteresources.worldbank.org/INTRANETTRADE/Resources/Pubs/TradeNote22.pdf>

Кадышева О. В.

ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СОГЛАШЕНИЙ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКИМИ СУДАМИ: ОБЗОР АРБИТРАЖНОЙ ПРАКТИКИ

В статье автор анализирует практику применения российскими арбитражными судами положений соглашений Всемирной торговой организации. По мнению автора, российские арбитражные суды оказались в очень непростой и неопределенной с правовой точки зрения ситуации, когда они были вынуждены самостоятельно определять, подлежат ли применению положения соглашений ВТО при рассмотрении судебных дел. Суды, за редким исключением, восприняли концепцию «самоисполнимых» договоров и исключили соглашения ВТО из источников, подлежащих применению при разрешении дел. Сложность и объемность норм, подлежащих применению, а также отсутствие у судей опыта в области применения международного права только осложняют ситуацию. Правовая неопределенность в данном вопросе может быть устранена путем принятия Верховным Судом РФ соответствующих разъяснений по вопросам применения соглашений пакета ВТО.

Ключевые слова: арбитражные суды, ВТО, Протокол о присоединении, Доклад Рабочей группы, самоисполнимые договоры.

Кадышева О. В.

Kadyшева O. V.

APPLICATION OF PROVISIONS OF WTO AGREEMENTS BY RUSSIAN COURTS: REVIEW OF ARBITRATION PRACTICE

The author in the article analyzes the application practice of provisions of the World Trade Organization agreements by the Russian commercial courts. According to the author, the Russian commercial courts have found themselves in very non-simple and uncertain, from the legal point of view, situation, when they have been forced to determine themselves whether provisions of the WTO agreements are applicable for judgment making. Courts, with rare exception, have perceived the concept of «self-executing» treaties and have excluded the WTO agreements from the sources, which are applicable for judgment making. Complexity and massiveness of the legal norms, which shall be applied, and also absence of judges' experience in the sphere of international law only complicate the situation. Legal uncertainty in this issue can be eliminated per passing by the Supreme Court of the Russian Federation the corresponding explanations concerning the application of the WTO agreements packet.

Keywords: commercial courts, WTO, Protocol on the accession, Report of the Working Party, self-executing treaties.

В конце минувшего года Конституционный Суд Российской Федерации вынес судебный акт¹, в котором в очередной раз поставил перед занимающимися проблемами Всемирной торговой организации (ВТО) специалистами вопрос о действии соглашений, функционирующих в системе ВТО, в российской правовой системе, особенно, в части их прямого применения российскими арбитражными судами².

Конституционный Суд РФ не усмотрел своей компетенции в решении вопроса о проверке нормы Гражданского кодекса РФ о защите авторских прав на соответствие договору Российской Федерации о присоединении России к Соглашению об учреждении Всемирной торговой организации. Такой вывод Суд сделал в связи с обращением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда, который, рассматривая апелляционную жалобу, обратил внимание на неопределенность в вопросе соответствия Конституции Российской Федерации, а именно ч. 4 ст. 15, подлежащего применению в данном деле п. 3 ст. 1244 ГК РФ, в связи с чем приостановил производство по делу и обратился с запросом в Конституционный Суд РФ.

Конституционный Суд РФ был весьма осторожен в формулировках и по большому счету несколько не отклонился

от преобладающего среди ученых и практиков мнения относительно места международных договоров РФ в правовой системе РФ.

Со ссылкой на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и принцип *pauci sunt servanda* в его понимании в соответствии со ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.³, Конституционный Суд РФ констатировал наличие единого подхода, которым необходимо руководствоваться при применении правил международного договора Российской Федерации в случае их расхождения с правилами, установленными национальным законом: если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законом, применяются правила международного договора.

Интересно, что Конституционный Суд РФ не забыл упомянуть правовую позицию Пленума Верховного Суда РФ по этому вопросу (п. 5 постановления от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», п. 8 постановления от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации») и п. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»⁴, согласно которым положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие для применения издания внутригосударственных актов, действуют в Российской Федерации непосредственно, а для осуществления иных

1 Определение от 06.11.2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDDecision179872.pdf>.

2 В рамках данной статьи не будут анализироваться различия между дефинициями «прямое действие», «прямой эффект международных договоров» либо «косвенное применение международных договоров». Рассуждая о применении российскими арбитражными судами норм соглашений ВТО, мы будем исходить из того, что в судебных актах суды для обоснования своей правовой позиции при рассмотрении спора используют не нормы национального права, а нормы международного договора (в данном случае, положения соглашений ВТО).

3 Сборник международных договоров СССР, выпуск XLII, 1988.

4 Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1996. — № 1; 2003. — № 12; Собрание законодательства РФ. — 1995. — 17 июля. — № 29. — Ст. 2757, соответственно.

положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты. И далее Конституционным Судом воспроизводится позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой при рассмотрении судом гражданских, уголовных или административных дел непосредственно применяется такой международный договор Российской Федерации, который вступил в силу и стал обязательным для Российской Федерации и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права; к признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств⁵.

Давая оценку природе Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации, суд указал, что в соответствии с этим актом Российская Федерация, присоединяясь к Соглашению ВТО, становится членом Всемирной торговой организации (п. 1), а сам Протокол, ратифицированный Федеральным законом от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ и содержащий обязательства, указанные в параграфе 1450 Доклада Рабочей группы о присоединении Российской Федерации к Соглашению ВТО, является неотъемлемой частью Соглашения ВТО.

Таким образом, что логично и практически никем не оспаривается, Конституционный Суд заключает, что Протокол о присоединении Российской Федерации к Соглашению ВТО, как ратифицированный международный договор Российской Федерации, в силу ст. 15 (ч. 4) Конституции Российской Федерации является составной частью ее правовой системы и в то же время служит правовым основанием включения самого Соглашения ВТО в правовую систему России.

Далее суд переходит к анализу обязательств Российской Федерации, содержащихся в параграфе 1450 Доклада Рабочей группы о присоединении Российской Федерации к Соглашению ВТО, и указывает, что к числу обязательств Российской Федерации, включенных в п. 2 Протокола, относится обязательство, предусмотренное параграфом 1218 Доклада, в котором указано, что «признавая сохраняющуюся озабоченность членом ВТО относительно управления правами без заключения соглашения с владельцем прав или его (ее) уполномоченным лицом», представитель России заявил, что Российская Федерация пересмотрит свою систему коллективного управления правами, чтобы отменить недоговорное управление правами, в течение пяти лет после вступления в силу части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, а Рабочая группа приняла данное обязательство к сведению.

По мнению Конституционного Суда РФ, изложенному в принятом судебном акте, определение возможных способов исполнения указанного обязательства, в том числе решение вопроса о внесении необходимых изменений во внутреннее законодательство, осуществляется Российской Федерацией самостоятельно.

Решение же вопроса о возможности непосредственного применения параграфа 1218 Доклада Рабочей группы о присоединении Российской Федерации к Соглашению ВТО, как связанного с толкованием соответствующего положения международного договора, заключает Конституционный Суд, не входит в полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, определенные ст. 125 Конституции Российской Федерации и ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

5 Пункт 3 постановления от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

И наконец, не усматривая неопределенности в рассматриваемой ситуации, Конституционный Суд увидел в запросе апелляционного суда по существу вопрос «о действии содержащихся в нем законоположений в контексте исполнения предусмотренного параграфом 1218 Доклада Рабочей группы о присоединении Российской Федерации к Соглашению ВТО обязательства Российской Федерации о пересмотре национальной системы коллективного управления правами», что не относится к его компетенции.

Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации не счел для себя возможным установить собственную правовую позицию относительно действия норм соглашений Всемирной торговой организации в российской правовой системе и, в частности, их применения российскими арбитражными судами, ограничившись общими замечаниями по данному вопросу. Попробуем в рамках данного небольшого исследования еще раз вернуться⁶ к теме действия норм соглашений ВТО в российской правовой системе, сделав акцент на их применении российскими арбитражными судами.

Постановка проблемы

22 августа 2012 г. Российская Федерация стала полноправным членом Всемирной торговой организации. Членство в этой авторитетной международной торговой организации универсального характера предполагало не только приведение внутреннего российского законодательства в соответствие с договоренностями, достигнутыми в результате переговорного процесса при вступлении в ВТО, но и выполнение обязательств, принятых на себя в связи с присоединением к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО от 15 апреля 1994 г. (далее — Марракешское соглашение, Соглашение об учреждении ВТО), включая требования самого соглашения, а также требования соглашений и связанных с ними правовых документов, включенных в Приложения 1, 2 и 3 к Соглашению об учреждении ВТО, именуемых «Многосторонние торговые соглашения», которые в силу ст. II:2 Марракешского соглашения являются неотъемлемыми его частями и обязательными для всех членом⁷.

Вступление Российской Федерации в ВТО оформлено Протоколом о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации (далее — Протокол о присоединении)⁸, который был подписан 16 декабря 2011 г. между Российской Федерацией и Всемирной торговой организацией, согласно которому Россия присоединяется к Марракешскому соглашению и становится членом Всемирной торговой организации (п. 1); данный Протокол является неотъемлемой частью Марракешского соглашения, включая обязательства, указанные в параграфе 1450 Доклада Рабочей группы (п. 2); Российской Федерацией должны быть выполнены обязательства по многосторонним торговым соглашениям, являющимся приложением к Марракешскому соглашению (п. 3); данный Протокол открыт для принятия Российской Федерацией в течение 220 дней со дня одобрения (п. 7); подписание данного Протокола совершено в единственном экземпляре на английском, французском и испанском языках, причем каждый текст имеет одинаковую силу, за исключением прилагаемых перечней, в которых может быть указано, что аутентичным является текст только на одном из указанных языков.

Примечательно, что именно Протокол о присоединении, еще до своего вступления в силу, был предметом рассмотре-

6 Одним из первых российских ученых вопрос о прямом действии норм соглашений ВТО исследовал А. С. Исполинов. См. Исполинов А. Вопросы прямого применения права ВТО в правопорядке Российской Федерации // Законодательство. — 2014. — № 2. — С. 68–79.

7 Иначе все соглашения ВТО называются «пакет соглашений ВТО».

8 Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — 10 сентября. — № 37. — Ст. 4986.

ния Конституционного Суда Российской Федерации⁹, который в вынесенном по результатам рассмотрения заявления постановлении сделал ряд очень важных выводов применительно к рассматриваемому вопросу.

Во-первых, Конституционный Суд РФ указал на особый статус РФ как государства, правовой статус которого определяется тем, является ли оно первоначальным членом ВТО либо присоединяется к нему, причем на условиях, подлежащих дополнительному согласованию между соответствующим государством и ВТО.

Во-вторых, Конституционный Суд еще раз подчеркнул, что присоединение к Марракешскому соглашению означает одновременное присоединение и ко всем прилагаемым к нему многосторонним торговым соглашениям.

В-третьих, Конституционный Суд РФ отметил, что согласие Российской Федерации, не являющейся первоначальным членом ВТО, на обязательность для нее Марракешского соглашения и тем самым на имплементацию данного Соглашения и права ВТО в целом в правовую систему России может быть выражено исключительно путем присоединения к Марракешскому соглашению на условиях, согласованных с ВТО и подлежащих юридическому закреплению в отдельном международном договоре, каковым и является Протокол о присоединении.

В-четвертых, само Марракешское соглашение и являющиеся приложением к нему многосторонние торговые соглашения — в силу закрепленного в нем условия вступления государства в члены ВТО — не относятся к международным многосторонним соглашениям (договорам) Российской Федерации, которые непосредственно подлежат подписанию, одобрению Правительством Российской Федерации и ратификации Государственной Думой или утверждению иным федеральным органом государственной власти.

И, наконец, Конституционный Суд РФ еще раз подтвердил, что Протокол о присоединении в случае его ратификации на основании ст. 15 (ч. 4) Конституции Российской Федерации войдет в правовую систему Российской Федерации как международный договор Российской Федерации. При этом он становится неотъемлемой частью Марракешского соглашения и через систему норм, имеющих отсылочный (бланкетный) характер, — легальным основанием применения на территории Российской Федерации положений Марракешского соглашения и права ВТО в целом¹⁰. Конституционный Суд Российской Федерации определил Протокол о присоединении как «нормативное правовое основание» включения Марракешского соглашения в правовую систему России и его применения на ее территории в результате завершения всего процесса его принятия (заключения).

По нашему глубокому убеждению, использование формул «легальное основание применения» либо «нормативно право-

вое основание» включения в правовую систему не дает полного и развернутого ответа на вопрос о возможности непосредственного применения положений Протокола о присоединении и Соглашения об учреждении ВТО в рамках российского правового порядка, в частности, при разрешении судами конкретных споров между участниками международной торговли.

Предпосылки применения положений соглашений ВТО в российской правовой системе

Предпосылками применения соглашений «пакета ВТО» в российской внутригосударственной системе в целом и российскими арбитражными судами в частности являются общие условия и основания применения норм международных договоров в правовой системе РФ.

Это, прежде всего, положения п. 4 ст. 15 Конституции РФ, предусматривающей, что международные договоры РФ являются частью правовой системы РФ; нормы Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», согласно которым положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты (ч. 3 ст. 5). Это положения Арбитражно-процессуального кодекса 1995 г., ч. 1 ст. 13 которого устанавливает, что арбитражные суды рассматривают дела, в частности, на основании международных договоров Российской Федерации.

По вопросам применения положений международных договоров в правовой системе России имеется ряд разъяснений вышестоящих судов. К их числу относятся постановление Пленума Верховного Суда от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса»¹¹, а также Письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 августа 1995 г. № ОМ-230 «О перечне международных договоров, в исполнении которых участвуют арбитражные суды России»¹².

Следуя логике Верховного Суда РФ, международный договор для того, чтобы быть применимым российскими судами, должен выдержать определенную проверку, своего рода тест — это должен быть договор, участником которого является РФ, он должен быть опубликован, порождать права и обязанности для субъектов национального права и не содержать требования об издании внутригосударственного акта. Приоритет же над национальными российскими законами имеет лишь тот отвечающий вышеназванным признакам международный договор, согласие на обязательность которого выражено в форме федерального закона, то есть тот международный договора, который прошел ратификацию.

Таким образом, для того, чтобы ответить на вопрос о возможности применения положений соглашений ВТО российскими судами, недостаточно лишь определить их как «нормативно правовое основание» включения в правовую систему. Прежде всего, следует дать оценку этим соглашениям, которая не может не учитывать существенных особенностей этих соглашений, главная из которых, забегая немного вперед, состоит именно в том, что они не могут автоматически стать частью внутригосударственной правовой системы, а выполнение государствами-членами требований соглашений осуществляется путем изменения национального правового регулирования.

9 См. Постановление Конституционного Суда РФ от 09 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации — Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации».

10 Конституционный Суд РФ постарался уйти от необходимости давать оценку всем соглашениям пакета ВТО с точки зрения Конституции РФ, указав только, что «...хотя непосредственно предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации в настоящем деле является именно Протокол как не вступивший в силу международный договор Российской Федерации, такая проверка по содержанию норм с точки зрения соответствия Конституции Российской Федерации предполагает оценку Протокола в неразрывном нормативном единстве с приложениями к нему, а также с Марракешским соглашением и приложениями к нему, но только в той степени, в какой соответствующие требования заявителей не расходятся с предписаниями Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»».

11 Вестник ВАС РФ. — 1999. — № 8.

12 Вестник ВАС РФ. — 1995. — № 11..

Согласно п. 4 ст. XVI Марракешского соглашения каждый член ВТО должен обеспечить соответствие своих законов, правил и административных процедур своим обязательствам, как предусмотрено прилагаемыми Соглашениями¹³.

Кроме того, по общему правилу соглашения «пакета ВТО» прямо не регулируют права, обязанности и законные интересы частных лиц, а только создают права и обязательства для государств — членов ВТО в отношении друг друга в отношении обязанности предоставления соответствующего правового режима в международной торговле.

Что касается ратификации и опубликования, то Протокол о присоединении был ратифицирован в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» и официально опубликован¹⁴.

Говоря о правовых основаниях применения норм «пакета ВТО» в российской правовой системе, нельзя не принимать во внимание положения п. 151 Доклада Рабочей группы по вступлению в ВТО (далее — Доклад Рабочей группы)¹⁵, согласно которому «с даты ратификации Российской Федерацией Протокола о присоединении, включающего Соглашение ВТО и другие обязательства, принятые Российской Федерацией как часть условий присоединения к ВТО, он становится неотъемлемой частью правовой системы Российской Федерации. Органы судебной власти Российской Федерации будут толковать и применять его положения»¹⁶.

Что примечательно, органы судебной власти не заставили себя долго ждать и дали соответствующую оценку не только Протоколу о присоединении, но и положениям самого Доклада рабочей группы, указав, что положения Доклада рабочей группы не могут рассматриваться «как норма материального права прямого действия, обладающая приоритетом (как норма международного права) перед нормами национального законодательства»¹⁷.

В рамках настоящей статьи мы не будем останавливаться на анализе правовой природы Доклада рабочей группы, от-

метим только, что данный документ не может быть отнесен к международным договорам, поэтому положения п. 4 ст. 15 Конституции не могут быть к нему применимы. Вместе с тем нельзя и недооценивать положения Доклада рабочей группы. Многие содержащиеся в нем положения можно квалифицировать как односторонние обязательства Российской Федерации, данные при вступлении в ВТО, и в целом повлиявшие на решение об одобрении Доклада рабочей группы и Протокола о присоединении. Согласно Протоколу о присоединении (п. 2) «Соглашение ВТО, к которому Российская Федерация присоединяется, является Соглашением ВТО, включая Пояснительные примечания к указанному Соглашению, с любыми его исправлениями, поправками или иными изменениями, внесенными любыми правовыми документами, которые могли вступить в силу до даты вступления в силу настоящего Протокола. Настоящий Протокол, содержащий обязательства, указанные в параграфе 1450 Доклада Рабочей группы, является неотъемлемой частью Соглашения ВТО». Таким образом, можно допустить, что положения параграфа 1450 (а в нем идет речь о 150 обязательствах), с одной стороны, являются неотъемлемой частью Соглашения об учреждении ВТО, что предопределяет их юридическую природу и силу, с другой же стороны, они не могут не предполагать дополнительных действий со стороны Российской Федерации по их реализации во внутригосударственном правовом порядке путем издания соответствующих внутренних правовых актов.

Соглашения ВТО в практике российских арбитражных судов

В правоприменительной практике государств вопрос взаимодействия положений соглашений ВТО и внутригосударственных правовых порядков решается разными способами, на что уже неоднократно обращали внимание исследователи данной проблематики¹⁸, вместе с тем изучение российской правоприменительной практики, особенно практики арбитражных судов, незаслуженно оставлено специалистами без внимания.

Попробуем рассмотреть практику российских арбитражных судов, которая в настоящее время настолько разнообразна, что позволяет выделить определенную классификацию дел, при рассмотрении которых упоминаются соглашения ВТО.

Арбитражные суды применяли (отказывали в применении) соглашения ВТО при рассмотрении споров в связи с исками в отношении интеллектуальной собственности (здесь явное преобладание по количеству рассмотренных дел), исками, связанными с определением таможенной стоимости товаров и ставок ввозных таможенных пошлин, исками в связи с применением санитарных и фитосанитарных мер, а также по искам, связанным с ценообразованием в контексте правил ВТО.

В спорах по искам в отношении интеллектуальной собственности российские арбитражные суды продемонстрировали различные подходы к проблеме применения соглашений ВТО. Например, в октябре 2012 г. при рассмотрении дела ВАС РФ¹⁹ ссылается на один из основополагающих принципов ВТО — принцип недискриминации и на положения ТРИПС (Приложения к Марракешскому соглашению), а уже в 2013 г. при рассмотрении большого количества дел в связи с рассмотрением исков организаций, которые осуществляют коллектив-

13 Здесь мы не можем не упомянуть п. 3 названного Постановления Пленума ВС РФ № 5, согласно которому «к признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-членов по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств».

14 Текст Протокола о присоединении опубликован на английском языке с официальным переводом на русский язык. Приложения (на английском языке с переводом на русский) к Протоколу о присоединении и Марракешское соглашение с приложениями (на английском языке с переводом на русский) помещены в Приложении к бюллетеню «Собрание законодательства Российской Федерации» № 37.

15 Напомним, что обязательным условием подготовительного этапа вступления в ВТО является подготовка рабочей группой, куда входят представители различных государств — членов ВТО, доклада, в котором отражаются основные политико-экономические показатели вступающего в ВТО государства, а также содержится ряд согласованных с другими членами обязательств, которые принимает на себя государство в связи со вступлением в ВТО.

16 Доклад рабочей группы по вступлению РФ к ВТО аутентичен только на английском языке. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/wto/doc20120201_0017.

17 См. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.10.2013 г. по делу А53-30388/2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/99e4cedd-1bba-4bbe-bc65-3a451e19740a/A53-30388-2012_20131018_Postanovlenie%20apelljacji.pdf

18 Исполинов А. Вопросы прямого применения права ВТО в правовом порядке Российской Федерации // Законодательство. — 2014. — № 2. — С. 68–79; Исполинов А. Применение норм ВТО национальными судами: теория и практика // Государство и право. — 2014. — № 9. — С. 75–85; Щеголев С. И. Применение права Всемирной Торговой Организации судами участников ВТО: международный и зарубежный опыт // Закон. — 2013. — № 5. — С. 152–166.

19 Решение ВАС РФ от 1 октября 2012 г. № ВАС-6474/12 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/6da08b77-1a83-40e2-88f0-dff3c51aa562/VAS-6474_2012_20121001_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf

ное управление авторскими правами, суды отказывают в применении положений Доклада рабочей группы, юридическая сила которых следует из Протокола о присоединении.

В настоящий момент коллективное управление авторскими правами без заключения договоров с правообладателями могут осуществлять организации, получившие государственную аккредитацию (п. 3 ст. 1244 Гражданского кодекса Российской Федерации). При присоединении России к ВТО российский представитель заявил, что РФ «пересмотрит свою систему коллективного управления правами, чтобы отменить недоговорное управление правами» в течение пяти лет после вступления в силу четвертой части ГК, то есть с 01 января 2013 г. Как уже ранее указывалось, это заявление отражено в п. 1218 доклада рабочей группы по присоединению России к ВТО.

В подавляющей большинстве дел²⁰ в связи с коллективным управлением авторскими и смежными правами арбитражные суды в своих решениях указывают, что соглашения пакета ВТО не могут быть применимы без издания внутригосударственного акта по причине того, что не являются самоисполнимыми договорами. Только в одном деле арбитражный суд принял решение отказать в иске (дело А56–1753/2013, решение от 23 мая 2013 г.²¹), заявленном такой организацией, указав при этом, что «истец не представил доказательства сохранения его полномочий с учетом ратификации Протокола о присоединении России к Соглашению о создании ВТО». При этом суд сослался на факт нарушения Россией своих обязательств по п. 1218 доклада рабочей группы, а также на положения национального законодательства (ст. 7 ГК РФ) о приоритете норм международных договоров над противоречащими им нормами внутреннего права. Указанное решение было отменено апелляционным судом и не обжаловалось в кассационном порядке.

По всей видимости, судебная практика рассмотрения споров с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами, вряд ли изменится в ближайшее время. Думается, что и фактически революционное определение Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу А53–29016/2013²², послужившее основанием для вынесения Конституционным Судом РФ определения от 6 ноября 2014 г., вряд ли повлияет на ситуацию. Хотя именно в данном судебном акте вразрез с существующей практикой суд сделал два относительно новых вывода. Во-первых, суд посчитал доклад Рабочей группы (весь доклад — прим. авт.) частью Протокола о присоединении, а во-вторых, указал, что «положение международного договора (видимо, Протокола о присоединении — прим. авт.) по своей правовой природе не требует принятия соответствующего правового акта для осуществления положений договора в части недоговорного управления (то есть указанное положение относится к самоисполнимым нормам в виде прекращения применения соответствующих положений п. 3 ст. 1244 Гражданского кодекса Российской Федерации)»²³.

Отсутствие возможных изменений в практике рассмотрения споров, связанных с коллективным управлением авторскими правами, не может быть не связано и с позицией сейчас уже упраздненного Высшего Арбитражного Суда, выражен-

ной в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении споров с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами»²⁴ от 18 июля 2014 г. № 51²⁵, в котором в целях обеспечения единообразных подходов по-прежнему в качестве надлежащих истцов по искам в защиту авторских и смежных прав названы организации по управлению правами на коллективной основе. К сожалению, оценки обязательств РФ по п. 1218 Доклада Рабочей группы и анализа значительного количества арбитражных дел в связи с ним, а равно разъяснений вышестоящей судебной инстанции на эту тему в постановлении нет.

В делах, связанных с применением санитарных и фитосанитарных мер, а также в делах, в которых рассматривались вопросы определения таможенной стоимости товаров и ставок ввозных таможенных пошлин, арбитражные суды смело применяли положения соглашений ВТО со ссылкой на п. 4 ст. 15 Конституции, Протокол о присоединении и т. п. В первом случае было применено Соглашение о санитарных и фитосанитарных мерах, а во втором — Соглашение по применению статьи VII Генерального Соглашения по тарифам и торговле 1994 г. Оба соглашения, напомним, являются приложением к Марракешскому соглашению (Приложение 1А).

В рамках дела № А51–27378/2012²⁶ заявитель обжаловал решение Россельхознадзора, которым отказано в выдаче ветеринарного сертификата ввиду отсутствия соответствующей аттестации иностранного судна, на котором ввезена рыболовная продукция. Заявитель мотивировал, что аттестация для иностранных судов российским законодательством не предусмотрена. Суд первой инстанции требование удовлетворил, суд апелляционной инстанции решение отменил, применяя соглашение пакета ВТО.

Суд указал, со ссылкой на п. 4 ст. 15 Конституции РФ, что согласно Протоколу о присоединении России к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации, вступившему в силу 22 августа 2012 г., с даты ратификации Российской Федерацией Протокола о присоединении, включающего Соглашение ВТО и другие обязательства, принятые Российской Федерацией как часть условий присоединения к ВТО, они становятся неотъемлемой частью правовой системы Российской Федерации. Таким образом, требования международных соглашений для России носят обязательный характер.

Согласно п. 3 ст. 2 Соглашения ВТО по применению санитарных и фитосанитарных мер (далее — Соглашение СФС) Российская Федерация, как и остальные члены ВТО, должна обеспечить, чтобы ее санитарные меры не служили средством произвольной или неоправданной дискриминации между членами, в которых преобладают идентичные или схожие условия, включая их собственную территорию и территорию других членов. Санитарные меры не применяются таким способом, который являлся бы скрытым ограничением торговли.

Кроме того, применение ветеринарно-санитарных мер только к российским судам или только к иностранным судам может привести к прямому нарушению требований, установленных Соглашением СФС, а также может быть расценено как скрытое ограничение международной торговли, дающее преимущество иностранным хозяйствующим субъектам.

Ни кассационная, ни надзорная инстанции доводы коллег из апелляционной инстанции не поддержали.

20 Дела А40–162950/2013, А40–27069/2014, А41–24588/2012, А56–26541/2013, А56–1755/2013 и др. Карточки дел доступны на: <http://kad.arbitr.ru/>.

21 Дело А56–1753/2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/c7ebef39-f644-466a-8c1a-b41c1b256ed2/A56-1753-2013_20130523_Reshenie.pdf.

22 Дело А53–29016/2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/075537c9-44e0-41e1-9ab5-287d999a1f8d/A53-29016-2013_20140602_Opredelenie.pdf.

23 Текст постановления см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/99e4cedd-1bba-4bbe-bc65-3a451e19740a/A53-30388-2012_20131018_Postanovlenie%20apelljacji.pdf.

24 Текст см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.arbitr.ru/_upimg/68FAA84BE034F6EE5C67064DC42BC832_tot.pdf.

25 Постановление размещено на сайте ВАС РФ www.arbitr.ru 04.08.2014.

26 Текст постановления апелляционной инстанции см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/f0529e55-3245-4d13-81b0-fa25762ae7a2/A51-27378-2012_20130423_Postanovlenie%20apelljacji.pdf.

При рассмотрении дела А40–118221/2013²⁷, в котором заявитель обжаловал решения Московской таможни по определению таможенной стоимости, Арбитражный суд г. Москвы в решении при аргументации своих выводов использует не только акты Таможенного союза, но и положения Соглашения по применению ст. VII Генерального Соглашения по тарифам и торговле 1994 г. (Приложение 1А к Марракешскому соглашению) — «в ст. 15 указано, что идентичные и однородные товары включают «товары того же класса или вида», которые относятся к группе или ряду товаров, производимых определенной отраслью или сектором промышленности».

В деле А43–17771/2013²⁸ суд рассмотрел вопрос о признании незаконным решения таможенного органа о взимании ввозной таможенной пошлины в размере, не соответствующем обязательствам РФ, определенным в Протоколе о присоединении к Соглашению об учреждении ВТО, и обязал таможенный орган вернуть излишне уплаченную таможенную пошлину.

Таким образом, в данном случае вопрос о самоисполнимости соглашений ВТО решается в пользу положений данных договоров.

И наконец, самое интересное дело, в котором суды (причем, различных инстанций в рамках одного дела) применяли соглашения ВТО, но делали абсолютно противоположные выводы из содержащихся в них положений. Это так называемое дело об определении цен на апатитовый концентрат²⁹.

Истец обратился с иском об урегулировании разногласий, возникших при заключении договора поставки апатитового концентрата. Основное разногласие — условие о цене на апатитовый концентрат. Истец рассчитывал на более низкие цены, чем рыночные/мировые. Позиция истца: ответчики составляют одну группу лиц, занимают доминирующее положение на рынке по производству апатитового концентрата. Приобретение данного сырья возможно только у ответчиков. Заключение договора для ответчиков обязательно (п. 5 ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»). Позиция ответчиков: условия истца по определению цены товара нарушат положения ВТО. Маркетинговая политика ОАО «Апатит» утверждена Федеральной антимонопольной службой РФ («ФАС РФ») и соответствует Рекомендациям ФАС РФ по обеспечению недискриминационного доступа по приобретению концентрата (письмо № ИА/37325-пр/12). Рекомендации ФАС РФ: цена определяется на основании согласованной сторонами договора методики или по формулам ФАС при отсутствии согласия.

Противоречит ли предлагаемая ФАС РФ и ответчиками методика определения цены на апатитовый концентрат обязательствам России в рамках ВТО?

Суд первой инстанции указал, что следование рекомендациям ФАС РФ приведет к нарушению ст. III ГАТТ, высокая цена не может применяться, т. к. это ведет к неправомерной защите внутреннего производства и причиняет ущерб странам — участникам ВТО и ст. XVI ГАТТ, так как высокая цена нарушает запрет субсидирования, оказываясь скрытым субсидированием. Фактически речь идет о государственном регулировании цен, что запрещено правилами ВТО.

«Предлагая установить в рекомендациях на государственном уровне правила определения цены, ФАС РФ «вторгается

в область ограничений и запретов для участников ВТО». Рекомендации ФАС РФ будут противоречить обязательствам России в рамках ВТО (ст. ст. III, XVI ГАТТ): государственное регулирование цен на апатитовый концентрат».

Постановлением Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 19 сентября 2013 г. решение суда первой инстанции изменено, в том числе в части статьи о цене апатита; поддержана редакция статьи о более высокой цене, предложенная ответчиком ОАО «Апатит» (соответствует Рекомендациям ФАС РФ). Суд указал, что применение меньшей цены приведет к более благоприятному положению внутренних потребителей, что противоречит правилам ВТО.

Обе инстанции применили нормы ВТО, но пришли к противоположным выводам. Вышестоящие суды поддержали. Причем, ВАС РФ вообще вопрос применения норм ВТО не рассматривал, а кассационная инстанция ограничилась общей фразой о том, что применение предложенной истцом цены будет противоречить правилам ВТО, устанавливающим для стран-участниц равные условия доступа к товарам.

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что российские арбитражные суды оказались в очень непростой и неопределенной с правовой точки зрения ситуации, когда уже спустя несколько месяцев после вступления РФ в ВТО (дело ВАС РФ по обращению Яна Топола) они были вынуждены самостоятельно определять, подлежат ли применению положения соглашений ВТО при рассмотрении судебных дел. Затем, при рассмотрении споров, связанных с коллективным управлением авторскими правами, суды, за редким исключением, восприняли концепцию «самоисполнимых» договоров и исключили соглашения ВТО, включая положения Доклада рабочей группы, из источников, подлежащих применению, при разрешении дел. Однако остались и такие, которые не испытывали никаких сомнений при применении положений отдельных соглашений ВТО (таможенная стоимость и фитосанитарные меры).

Таким образом, на настоящий момент большинство споров так или иначе рассмотрено с нарушением либо неправильным применением норм международного права. Практика единообразного применения положений соглашений ВТО арбитражными судами отсутствует. Крайняя сложность и объемность норм, подлежащих применению, и отсутствие у российских судей опыта и знаний в области применения международного права только осложняют ситуацию.

Правовая неопределенность в данном вопросе во многом может быть устранена путем принятия Верховным Судом РФ специального разъяснения по вопросам применения соглашений пакета ВТО. В данном разъяснении необходимо определить круг соглашений ВТО, возможных к применению арбитражными судами, указать, какие из этих соглашений не могут быть отнесены к «самоисполнимым» (либо таких вообще нет), дать оценку правовой природе Доклада Рабочей группы по присоединению России к ВТО и в случае необходимости установить пределы применения положений Доклада российскими арбитражными судами.

Пристатейный библиографический список

1. Исполинов А. Вопросы прямого применения права ВТО в правовом порядке Российской Федерации // Законодательство. — 2014. — № 2.
2. Исполинов А. Применение норм ВТО национальными судами: теория и практика // Государство и право. — 2014. — № 9.
3. Щеголев С. И. Применение права Всемирной Торговой Организации судами участников ВТО: международный и зарубежный опыт // Закон. — 2013. — № 5.

27 См. решение: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/1f267fef-dc03-4b73-af60-2a5e010011d6/A40-118221-2013_20140529_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf

28 См. решение: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/5e180d97-d50c-4f2d-9a95-887369bc96e2/A43-17771-2013_20131119_Reshenie.pdf

29 Дело А40–22353/2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/Card/a41aec0-9f2a-4db3-b683-1f7424733487>.

Манин С. Н.
КОНЦЕПЦИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ТРУДАХ АКАДЕМИКА Г. С. САПАРГАЛИЕВА

В статье раскрывается колоссальная работа академика Г. С. Сапаргалиева по разработке концепции демократического государства. Процесс становления демократии в Республике Казахстан имеет два взаимосвязанных этапа, выделенных Г. С. Сапаргалиевым. В первом выделяет процесс становления, который начинается с первых государственно-правовых документов. Во втором этапе он выделяет процесс функционирования всех демократических институтов. Ученым выработаны основные концептуальные аспекты построения демократического государства.

Ключевые слова: демократия, концепция демократического государства.

Manin S. N.
CONCEPT OF A DEMOCRATIC STATE IN WORKS
BY ACADEMICIAN G. S. SAPARGALIEV

The article reveals the tremendous work of academician G. S. Sapargaliev to develop the concept of a democratic state. The process of establishing democracy in the Republic of Kazakhstan has two interrelated phases — allocated by G. S. Sapargaliev. The first is marked by the process of formation, which begins with the first state-legal documents. In the second stage, he highlights the process of functioning of all democratic institutions. The scientist developed the basic conceptual aspects of building a democratic state.

Keywords: democracy, the concept of a democratic state.

Манин С. Н.

В период становления суверенного государства Республики Казахстан Г. С. Сапаргалиев разрабатывал проблемы ее государственного строительства. Актуальность работ академика Г. С. Сапаргалиева определялась политической и правовой обстановкой в республике. После распада СССР в декабре 1991 г. Казахстан стал самостоятельным государством, объявил о своей политической независимости. 16 декабря 1991 года Верховный Совет Республики Казахстан принял Конституционный закон «О государственной независимости Республики Казахстан»¹, который провозгласил государственную независимость. В нем говорилось, что Республика Казахстан, как независимое государство, обладает всей полнотой власти на своей территории, самостоятельно определяет и проводит свою внутреннюю и внешнюю политику.

В процессе образования государства возник вопрос о выяснении его социальной сущности. Республика Казахстан как государство отказывалось от социалистических, недемократических методов, руководство обществом отходило от социалистического выбора и от тоталитарного политического режима. Возникла насущная потребность создания другого государства, основанного на новых социальных принципах. В стране возникла непростая ситуация. Став независимой республикой, она жила еще почти два года по Конституции Казахской ССР, в которой высшим органам государственной власти признавался Верховный Совет. В Советском государстве был провозглашен принцип верховенства Верховного Совета, соответственно этим полномочиями он был наделен в Казахской ССР.

На самом деле, он не был подлинным парламентом. Одной из причин этого утверждения считается неприятие принципа разделения властей на ветви. Сам Верховный Совет Казахской ССР был подчинен Верховному Совету СССР, не был самостоятельным государственным органом. К тому же он не признавался постоянно действующим законодательным органом. В государственной власти отсутствовало разделение ветвей власти, хотя было формально провозглашено, отсутствовала система сдержек и противовесов, так как Верховный Совет

являлся органом, стоящим над исполнительной и судебной властью. Непостоянно действующий Верховный Совет Республики Казахстан не мог стать парламентом. Парламентская республика в Казахстане не состоялась. Необходимо было теоретически обосновывать форму правления в стране.

Многие из насущных проблем становления конституционного строительства в Республике Казахстан были разработаны академиком Г. С. Сапаргалиевым. Участвуя в подготовке проекта конституции 1993 г., он ставил вопрос об определении, «в какой стране будем жить»?²

Необходимость новой конституции, утверждал Г. С. Сапаргалиев, вызвана коренными изменениями в экономической, политической, духовной жизни. Действующий Основной Закон не отвечал требованиям, которые предъявляют к нему быстро изменяющиеся общества. Уже принят Закон «Об учреждении поста Президента КазССР»³, разграничены полномочия между законодательной и исполнительной ветвями власти, преобразованы экономические основы общества: законами «О частной собственности», «О земле», «Об аренде», «О кооперации», «О приватизации». Верховный Совет Республики не успевает вносить изменения. «К тому же в основе действующей Конституции лежит концепция „развитого социализма“, какого, как теперь известно, в реальной жизни не существует»⁴.

Г. С. Сапаргалиев заключает, что нужна новая конституция, основанная на совершенно других целях, теоретических положениях, отвечающих задачам построения общества, способного подняться до уровня передовых стран, обеспечивающего нормальные условия жизни своим гражданам.

Наше бывшее государство, советское, основывалось на всевластии советов. Единственным источником и носителем власти снизу вверх и обратно были, советы, но это было формально, на самом деле фактически власть принадлежала КПСС.

1 Конституционный Закон Республики Казахстан «О государственной независимости Республики Казахстан» от 16 декабря 1991 года № 1007-XII. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000798#pos=1;-280&sel_link=1000001088

2 Становление конституционного строя Республики Казахстан: 1990–1996 гг.: сб. статей. / Г. Сапаргалиев. — Алматы: Жеті жарғы, 1997. — С.25

3 Закон Казахской ССР «Об учреждении поста Президента КазССР» от 24 апреля 1990 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z900001000_info

4 Становление конституционного строя Республики Казахстан: 1990–1996 гг.: сб. статей. — С. 25.

По существу все государственные органы ни за что не отвечали, а КПСС тоже не несла ответственности, так как не являлась государственной организацией. Г. С. Сапаргалиев твердо уверен, что этот порочный круг привел нас к осознанию: «дальше так продолжаться не может»⁵.

Для того, чтобы создать концепцию новой конституции, нужно разобраться в ключевых теоретических проблемах конституционного законодательства и ответить на главный вопрос: «Конституцию какого государства, общества нужно создавать?». Для этого нужно определить и четко обозначить исторический период, в котором сейчас развивается республика. Социалистическая система разрушилась, и в названии Республики Казахстан официально убрали слово «социалистическая». В настоящее время господствующей в мире является система капиталистических отношений, в Республике Казахстан узаконили частную собственность, и мы должны признать, утверждает Г. С. Сапаргалиев, что «...мы находимся на самом начальном этапе перехода к капитализму»⁶.

Мы пытались обмануть, обойти закономерные ступени развития человеческого общества, в частности в период перестройки, но избежать законов развития общества не удалось. Хотелось бы верить, как утверждает Г. С. Сапаргалиев, что на процесс становления политических и правовых систем «...нового образца будут оказывать влияние гуманистические, демократические, интернационалистические идеи, взгляды, которых мы придерживались ранее, хотя они не реализовывались, и которые признаны международным прогрессивным сообществом»⁷.

Отказавшись от социалистической сущности государства, Республика Казахстан отказалась от принципов тоталитарного политического режима: от всеобщей идеологизации общества, формального провозглашения прав и свобод, а реального их отсутствия, признания лишь одной правящей партии, существования строгой цензуры, жесткой централизации власти, жесткого контроля всех сфер общества, ставя вопрос, каким должно быть государство переходного периода.

Остро назрел вопрос об утверждении нового политического режима. Изучая теоретические разработки мыслителей прошлого и обобщая опыт деятельности политических режимов развитых государств Запада, Г. С. Сапаргалиев утверждал, что государство переходного периода Республику Казахстан «... можно назвать „демократическим“, вернее, демократизирующимся государством, поскольку принимаются законы, позволяющие формировать демократические институты, разрушающие административно-командную систему»⁸.

Процесс формирования демократического государства в Республике Казахстан был долгим и упорным. Теоретические разработки принципов и признаков демократического государства были сформулированы академиком Г. С. Сапаргалиевым.

«Современная демократия характеризуется следующими чертами: участием большинства людей в управлении, уважением и гарантией основных прав и свобод личности, ответственностью Правительства перед Парламентом, подчинению букве законов всех, возможностью иметь оппозицию»⁹.

Здесь указываются общие контуры демократического государства, впоследствии они получают в его трудах дальнейшую конкретизацию.

В общеведческой литературе выделяются основные признаки демократии:

1. Признание народа источником власти в суверенном государстве. Это выражается в том, что народу принадлежит учредительная, конституционная власть в государстве, что он выбирает своих представителей и может периодически их сме-

нять. В ряде стран народ также имеет право непосредственно участвовать в разработке и принятии законов путем народных инициатив и референдумов.

2. Равноправие граждан. Демократия как минимум предполагает равенства избирательных прав граждан.

3. Выборность основных органов власти.

4. Подчинение меньшинства большинству при принятии решений и их выполнений.

Любые демократические государства строят свой механизм политического управления на базе этих фундаментальных позиций. Современные демократические государства основываются еще на ценностях либерализма, принципы демократии они дополняют принципами прав человека, их приоритета над правами государства, ограничения власти большинства над меньшинством, уважения прав меньшинства, права иметь свое мнение и отстаивать его, верховенства закона.

Г. С. Сапаргалиев, анализируя Конституцию Республики Казахстан 1995 года, подчеркивает, что она является правовой основой демократии в республике¹⁰, и отмечает, что процесс становления демократии в Республике Казахстан имеет два взаимосвязанных этапа.

1. Первый — этот процесс становления, начался с первых государственно-правовых документов: Декларации «О государственном суверенитете КазССР»¹¹, Закона «О государственной независимости». Завершился этот этап принятием Конституции Республики Казахстан от 28 января 1993 года¹². Но этот процесс продолжался. Утверждение национального и народного суверенитета является проявлением демократизма государства. Народный суверенитет выражается в возможности распоряжаться своей судьбой, самоопределяться в государственной, экономической и духовной сфере.

2. Второй этап — процесс функционирования всех демократических институтов. Началом его явилось принятие президентского Указа, имеющего силу конституционного закона, «О референдуме». Проведение двух референдумов в течении одного года, думается, убедительно доказывает, что начинает функционировать важнейший институт демократии — волеизъявление народа — конституирует Г. С. Сапаргалиев¹³.

Властные органы, и в первую очередь Президент, решились на проведение референдума, что является доказательством реального признания народа как источника государственной власти.

Этот основополагающий принцип деятельности государства — решение наиболее важных вопросов государственной жизни демократическими методами — стал конституционным. Сюда относятся проведение референдумов, процедура голосования в Парламенте.

Г. С. Сапаргалиев особенно обращает внимание, что именно народ принял Конституцию Республики Казахстан 1995 года¹⁴. «В ней в каждой статье, в каждой норме выражена воля народа. Она не просто Основной Закон государства, это высший нормативный акт — договор между народом и государством о том, какие они имеют права и обязанности. Государство и его органы получают от народа полномочия и действуют от имени народа и в интересах народа»¹⁵.

10 Там же. — С. 137.

11 Декларация «О государственном суверенитете КазССР». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.elimai.kz/deklaraciya-osuverenitete.html>

12 Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010212

13 Становление конституционного строя Республики Казахстан: 1990–1996 гг.: сб. статей. — С. 140.

14 Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029

15 Становление конституционного строя Республики Казахстан: 1990–1996 гг.: сб. статей. — С. 140.

5 Там же. — С. 27.

6 Там же. — С. 34.

7 Там же. — С. 35.

8 Там же. — С. 37.

9 Там же. — С. 37–38.

Демократизм государства выражается в возможности граждан, их объединений оказывать влияние на содержание управленческих решений государственных органов и процессов их реализации для защиты своих интересов. Это проявляется в установлении институтов представительной и непредставительной демократии. Цель их в том, чтобы обеспечить участие граждан в формировании государственных органов, в определении политики государства и в ее реализации.

Анализируя такой признак демократии, как выборность основных органов власти, Г. С. Сапаргалиев отмечает, что казахстанская система выгодно отличается от избирательных систем многих других демократических стран.

В частности, это касается субъектов, имеющих право выдвигать кандидатов в Президенты, в депутаты Мажилиса. Во многих демократических государствах только политические партии участвуют в формировании представительных органах государства, «...у нас же всем республиканским и местным общественным объединениям предоставлено право выдвигать соответственно в депутаты Мажилиса и Маслихатов. Думается, что это расширяет демократическую основу формирования представительных органов»¹⁶.

Выборность главы государства, депутатов Парламента, местных представительных органов — это тоже основополагающий принцип демократии.

Характеризуя демократические черты государства Республики Казахстан, Г. С. Сапаргалиев отмечает, что оно допускает политический плюрализм, народ осуществляет государственную власть на основе политического и идеологического многообразия. Конституция гарантирует политическим партиям, общественным объединениям, движениям равные правовые возможности для участия в государственной жизни, не устанавливает государственные идеологии.

Согласно Конституции человеку должны предоставляться свобода слова, печати, право свободно высказывать свои взгляды, свобода совести и вероисповедования¹⁷.

Государство должно ориентировать законодательство на человека, на удовлетворение его жизненных интересов и потребностей, создавать социальную защиту от безработицы, следить за социальным обеспечением, за установлением социальной справедливости¹⁸.

Демократический характер государства Республики Казахстан проявился и при формировании законодательного органа — власти Парламента, который по структуре является двухпалатным (Сенат и Мажилис). «При двухпалатном Парламенте, — утверждает Г. С. Сапаргалиев — расширяется демократическая основа для законотворческого процесса. Законы, принимаемые Мажилисом, будут как бы перепроверяться Сенатом, который должен не просто одобрять принятые Мажилисом законопроекты, а рассматривать их глубоко и по существу»¹⁹.

Поскольку Сенат состоит из представителей административно — территориальных единиц и Президента, законы будут рассматриваться с позиции не только общих государственных, но и местных интересов. У Сената есть возможность возвращения законов, что должно повысить ответственность депутатов Мажилиса за некачественную работу. «Ведь демократия означает не только свободу действий и деятельность, но и реальную юридическую ответственность»²⁰.

Поэтому в Конституции предусмотрено, что за некачественную работу и разногласие между Мажилисом и Сенатом, в случае политического кризиса, Президент может распустить Парламент (ст. 63).

При подготовке конституций 1993 и 1995 годов Г. С. Сапаргалиев доказывал, что нужно выделить такой основополагающий принцип демократии, что народ является единственным источником государственной власти и носителем суверенитета. Поэтому он обладает учредительной властью. Именно посредством Конституции народ учредил государство, определил формы его правления и устройства, основы социально-экономического строя, статуса человека и гражданина. Ученый отмечал, что в Декларации «О государственном суверенитете», в Законе «О государственной независимости» «определена социальная основа государства — народ Казахстана как совокупность всех людей, проживающих в республике и признанных ее гражданами»²¹. В другом месте отмечает, что именно «народ Казахстана является единственным носителем государственного суверенитета и источником государственной власти...»²².

Конституция Республики Казахстан, отмечал Г. С. Сапаргалиев, в области прав человека в полной мере должна исходить из общепризнанных норм международного права, полностью отвергать «какую бы то ни было дискриминацию по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических убеждений, национального и социального происхождения»²³.

Демократия выступает в настоящее время скорее как привлекательный идеал, а не как характеристика реальных демократических государств. Уже понятие „демократия“ содержит в себе противоречия. Ведь в полном смысле слова, оно обозначает народовластие, самоуправление народа, что отрицает наличие политического органа государства. Поэтому подлинное народовластие несовместимо с существованием государства и демократии, как его разновидности. На деле же демократия нигде и никогда не существовала без государства.

Подводя итоги, нужно отметить колоссальную работу академика Г. С. Сапаргалиева по разработке концепции демократического государства.

1. Раскрывая социальную сущность строящегося суверенного государства Республики Казахстан, он указал, что к моменту принятия Конституции 1995 г. в обществе сложились и находятся на стадии функционирования демократические институты: институт волеизъявления народа. Реферendumом на основе добровольного и свободного волеизъявления граждан, прямого, всеобщего и равного участия при тайном голосовании, гласности народ принял Конституцию, что является доказательством реального признания народа источником государственной власти, его обладания учредительной властью. Народ определил форму и устройство государства, статус человека, гражданина, права человека.

2. В государстве функционирует Парламент по разработанному им демократическим принципам в форме двух Палат (Сената и Мажилиса). Для обоснования такой формы Парламента Г. С. Сапаргалиеву пришлось изучить опыт функционирования Парламента во многих западноевропейских демократических государствах.

3. На демократических началах функционирует государственная власть, на основе принципа разделения властей и системы сдержек и противовесов — законодательная, исполнительная и судебная. Академик обогатил конкретным содержанием концепцию разделения властей, разработал основания для выделения ветвей власти в самостоятельные.

4. Он обосновал ключевую характеристику демократии — политическое равенство всех граждан перед законом.

5. В своих разработках по демократическому государству академик требовал закрепить в Конституции широкие гражданские права и свободы и обеспечить гарантию их реализации в соответствии с требованиями международного права, утвердить народный и национальный суверенитет.

16 Там же. — С. 141.

17 Там же. — С. 110–111.

18 Там же. — С. 110–111.

19 Там же. — С. 142.

20 Там же. — С. 142.

21 Там же. — С. 101.

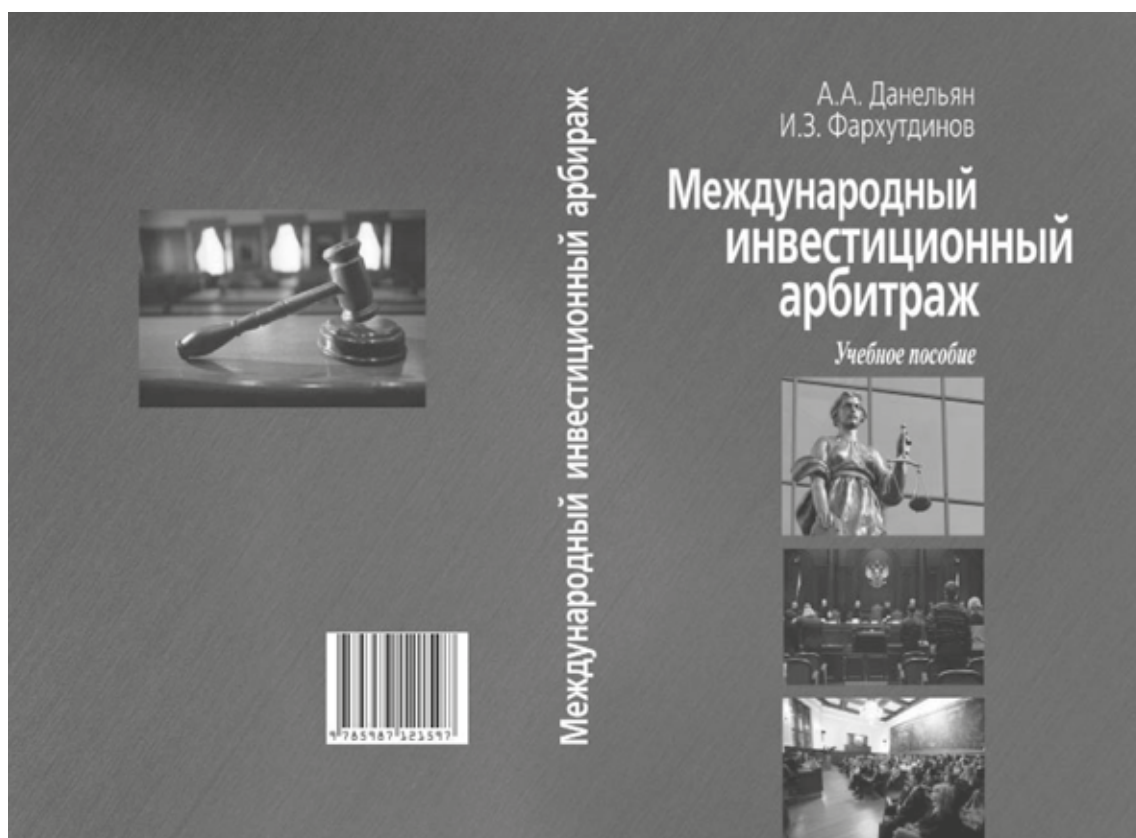
22 Там же. — С. 108.

23 Там же. — С. 121.

6. Ученый разработал нормы представительной и прямой демократии. Изучая опыт развитых демократических государств, он пришел к выводу, что нужно расширить демократическую базу при выборах в государственные органы власти. Во многих странах в их выборе участвуют только политические партии, он же обосновал необходимость расширить демократическую основу формирования представительных органов — предоставить право выдвигать всем республиканским и местным общественным объединениям кандидатов в депутаты Мажилиса (нижней Палаты Парламента) и Маслихата (местные органы власти).

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010212
2. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029
3. Декларация «О государственном суверенитете КазССР». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.elimai.kz/deklaraciya-o-suverenitete.html>
4. Конституционный Закон Республики Казахстан «О государственной независимости Республики Казахстан» от 16 декабря 1991 года № 1007-ХІІ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000798#pos=1;-280&sel_link=1000001088
5. Закон Казахской ССР «Об учреждении поста Президента КазССР» от 24 апреля 1990 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z900001000_info
6. Становление конституционного строя Республики Казахстан: 1990–1996 гг.: сб. статей. / Г. Сапаргалиев. — Алматы: Жеті жарғы, 1997. — 168 с.

Рахматулаев А. А.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Статья посвящена рассмотрению вопроса об уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями по законодательству Республики Казахстан. Автором дается сравнительный анализ уголовного законодательства Казахстана и России по данному вопросу.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, злоупотребление полномочиями, коммерческая или иная организация, лицо, выполняющее управленческие функции, извлечение выгоды, вред другим лицам или организациям, интересы общества или государства.

Rakhmatulayev A. A.

CRIMINAL LIABILITY FOR ABUSE OF POWER UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article considers the issue of criminal liability for abuse of power under the legislation of the Republic of Kazakhstan. The author carries out a comparative analysis of the criminal legislation of Kazakhstan and Russia on this issue.

Keywords: crime, criminal liability, abuse of power, business or other organization, the person performing managerial functions, making profit, damage to other persons or organizations, the interests of society or the state.

Рахматулаев А. А.

С 1 января 2015 г. в Республике Казахстан вступил в силу новый Уголовный кодекс (УК РК), принятый парламентом республики 3 июля 2014 г. В данной статье будут рассмотрены вопросы уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями в коммерческой или иной организации по законодательству Республики Казахстан.

По ранее действовавшему Уголовному кодексу Республики Казахстан, принятому 16 июля 1997 г., состав такого преступления, как злоупотребление полномочиями, предусматривался ст. 228 главы 8 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». В новом Уголовном кодексе данное преступление предусмотрено ст. 250 главы 9 «Уголовные правонарушения против интересов службы в коммерческих и иных организациях».

По данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, количество преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд по ст. 228 Уголовного кодекса Республики Казахстан (злоупотребление полномочиями), составило: за 2013 г. — 49 дел, 2012 г. — 56, 2011 г. — 166, 2010 г. — 232, 2009 г. — 288¹.

Из данных правовой статистики можно сделать вывод о снижении количества совершаемых в Казахстане преступлений по ст. 228 Уголовного кодекса Республики Казахстан (злоупотребление полномочиями).

В новом УК РК в главе 9 «Уголовные правонарушения против интересов службы в коммерческих и иных организациях» состав преступления «злоупотребление полномочиями» регулируется ст. 250, которая устанавливает, что использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц или организаций либо нанесения вреда другим лицам или организациям, если это повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, — наказывается штрафом в размере до четырех тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же раз-

мере, либо ограничением свободы на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок, с конфискацией имущества или без таковой, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Ранее в ст. 228 УК РК 1997 г. данное преступление наказывалось штрафом в размере от пятисот до восьмисот месячных расчетных показателей, либо привлечением к общественным работам на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо ограничением свободы на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок. Как видно, в новом УК РК уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями усилена применением к виновным конфискации имущества, а также лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет. При этом необходимо учитывать, что согласно ст. 467 УК РК правила ст. 48 «Конфискация имущества» вводятся в действие с 1 января 2018 г.

На наш взгляд, важное разъяснение было дано в примечании к ст. 228 УК РК о том, что выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации в статьях настоящего Кодекса признается лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления либо организацией, доля государства в которой составляет более пятидесяти процентов.

Нам представляется важным дать определение коммерческой и иной (некоммерческой) организации. Согласно ст. 34 Гражданского кодекса Республики Казахстан (ГК РК) юридическим лицом может быть организация, преследующая извлечение дохода в качестве основной цели своей деятельности (коммерческая организация) либо не имеющая извлечение дохода в качестве такой цели и не распределяющая полученный чистый доход между участниками (некоммерческая организация).

Юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, может быть создано только в форме государственного предприятия, хозяйственного товарищества, акционерного общества, производственного кооператива.

1 Официальный сайт Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/PopageGroup/Services/Pravstat>

Юридическое лицо, являющееся некоммерческой организацией, может быть создано в форме учреждения, общественного объединения, акционерного общества, потребительского кооператива, фонда, религиозного объединения и в иной форме, предусмотренной законодательными актами. Некоммерческая организация может заниматься предпринимательской деятельностью лишь постольку, поскольку это соответствует ее уставным целям.

Важное положение установлено в ст. 35 ГК РК о том, что коммерческие организации, за исключением государственных предприятий, могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых, не запрещенных законодательными актами или учредительными документами видов деятельности.

В российской юридической литературе В. В. Домникова справедливо поднимает вопрос о разграничении преступлений и гражданских правонарушений в сфере корпоративных отношений. По ее мнению, отрасль корпоративного законодательства является сравнительно новой, гражданско-правовое регулирование недостаточно разработано, а уголовно-правовые нормы, направленные на защиту корпоративных отношений и введенные несколько лет назад, только начали применяться и нуждаются в определенных корректировках. Вопрос взаимодействия уголовного и гражданского права представляет интерес еще и потому, что проблемы в сфере корпоративных отношений нельзя объяснить давностью принятия правовых норм и изменением фактической обстановки: изменения как уголовного, так и гражданского законодательства в анализируемой области принимаются в наши дни и, безусловно, должны учитывать текущую ситуацию².

Понятие корпоративных отношений в гражданском праве дается А. Л. Маковским: «Это достаточно четко обособившаяся группа интенсивно развивающихся отношений по созданию юридических лиц корпоративного типа, участие в них и связанным с таким участием обязательствам»³.

Другой российский ученый Д. В. Ломакин выделяет два вида корпоративных правоотношений. Корпоративные правоотношения в узком смысле (правоотношения участия) представляют собой сложное внутриорганизационное общественное отношение имущественного характера, возникающее между юридическими лицами, основанными на началах участия (членства), корпорациями и их участниками в момент приобретения последними прав участия, опосредующих процесс их участия в деятельности корпорации. Корпоративные отношения в широком смысле (производные корпоративные отношения) — все остальные правоотношения, которые также связаны с участием в деятельности корпорации, но возникающие на основании сложного юридического состава, одним из элементов которого являются правоотношения участия. Например, отношения между предпринимательской корпорацией и ее участником по поводу выплаты последней части прибыли от деятельности корпорации, решение о распределении которой было принято общим собранием участников корпорации, а также отношения по реализации преимущественного права приобретения акций, продаваемых третьим лицам, которым согласно п. 3 ст. 7 Федерального закона «Об акционерных обществах» обладают акционеры закрытого акционерного общества⁴.

Н. Ф. Кузнецова также обращала внимание на то, что необходимость учитывать, «где проходит грань между составами преступления и УК, с одной стороны, и гражданскими деликтами, и гражданским законодательством — с другой, — основной вопрос при квалификации преступлений, граничащих с деликтами»⁵. К таким пограничным случаям она относила, в частности, размежевание криминального и гражданско-правового банкротства; мошенничества, граничащего с недействительными сделками; преступления и деликты в виде присвоения бесхозяйственных вещей, находок и беспризорных животных; разграничительную квалификацию дарения и взятничества. Чаще всего проблема определения границ между преступлением и гражданско-правовым деликтом возникает в рамках корпоративного права⁶.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо учитывать взаимодействие уголовного и гражданского права в сфере бурно развивающихся корпоративных отношений в экономиках государств СНГ.

Рассматривая такой состав преступления, как злоупотребление полномочиями, прежде всего следует выделить его признаки. В новых экономических условиях под признаки злоупотребления полномочиями подпадают следующие действия: продажа товаров подставными фирмами по заниженным ценам; нарушение политики ценообразования; попустительство совершению преступления. В акционерных обществах могут иметь место следующие злоупотребления: совершение лицом, выполняющим управленческие функции, действий, входящих в компетенцию иных коллегиальных органов, превышение норм оплаты труда, неверный подсчет голосов в процессе голосования, сокрытие бухгалтерской документации от акционеров, противодействие решениям собрания акционеров, задержка выплаты дивидендов, неверное распределение прибыли между участниками предпринимательской деятельности; представление собранию акционеров дискредитирующих сведений о лицах, входящих в состав руководящих органов, умышленное нарушение правил ведения реестра акционеров, проведение собрания акционеров без необходимого кворума, составление подложных протоколов собраний акционеров⁷.

В примечании к ст. 228 УК РК 1997 г. отмечалось, что выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации признается лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления либо организацией, доля государства в которой составляет более пятидесяти процентов.

Интересно, что в новом УК РК 2014 г. подобное примечание к ст. 250 «Злоупотребление полномочиями» отсутствует. Однако, на наш взгляд, устанавливая ответственность за злоупотребление полномочиями, уголовный закон разделяет всех лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях, на две категории: осуществляющих организационно-распорядительные полномочия и выполняющих административно-хозяйственные обязанности. Хозяйственная практика деятельности коммерческих организаций показывает, что аппарат управления в таких организациях создается в целях управления и распоряжения имуществом, находящимся на балансе организации, контроля за движением товарно-материальных ценностей. Имущество предприятия доверяется лицам, которые непосредственно задействованы в производственном

2 Домникова В. В. Взаимодействие уголовного права с иными отраслями российского права // Вестник Московского университета. Серия право. — 2012. — № 4. — С. 124.

3 Маковский А. Л. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступ. статья А. Л. Маковского. — М., 2009. — С. 25.

4 Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. — М., 2008. — С. 123–124.

5 Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. — М., 2007. — С. 223.

6 Там же. — С. 223–225.

7 Сарницкий С. Н. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями в коммерческих организациях. Дисс. на соиск. ученой степени канд. юрид. наук. — Краснодар, 2004. — С. 9.

процессе либо в процессе оказания услуг. Вследствие этого весь процесс управления сводится к двум видам деятельности: управление имуществом и управление персоналом, в руках которого находится это имущество. По справедливому мнению казахстанского ученого Б. И. Ахметова, под организационно-распорядительными обязанностями понимается управление коллективом организации, участком работы, прием на работу или увольнение с нее, т.е. функции по организации и управлению деятельности организации. К административно-хозяйственным обязанностям относится управление имуществом организации как движимым, так и недвижимым⁸.

По данному вопросу есть официальная юридическая позиция, которая дается в двух постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации: от 9 июля 2013 г. № 24 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁹ и от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»¹⁰.

В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 установлено: судам следует отграничивать преступные действия должностных лиц от деяний других лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, ответственность которых за злоупотребление своими полномочиями установлена ст. 201 УК РФ. Субъектами указанного преступления являются лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, основной целью деятельности которых является извлечение прибыли, а также в некоммерческой организации, которая не является государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, государственной корпорацией.

К лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, относятся лица, выполняющие функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях (например, директор, генеральный директор, член правления акционерного общества, председатель производственного или потребительского кооператива, руководитель общественного объединения, религиозной организации).

В тех случаях, когда указанные лица используют свои полномочия вопреки законным интересам коммерческой или иной организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, они подлежат ответственности по ст. 201 УК РФ, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества и государства.

Важное разъяснение дается в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19: если в результате злоупотребления полномочиями лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, причинен вред интересам исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, уголовное преследование осуществляется по заявлению руководителя данной организации или с его согласия (ст. 23 УПК РФ). В случае причинения вреда интересам других организаций (например, некоммерческой организации, государственно-

му или муниципальному предприятию), а также интересам граждан, общества или государства, уголовное преследование за злоупотребление полномочиями в коммерческой или иной организации осуществляется на общих основаниях (п. 3 примечаний к ст. 201 УК РФ).

Когда в результате злоупотребления полномочиями руководителем коммерческой или иной организации вред причинен исключительно этой организации, уголовное преследование руководителя осуществляется по заявлению или с согласия органа управления организации, в компетенцию которого входит избрание или назначение руководителя, а также с согласия члена органа управления организации или лиц, имеющих право принимать решения, определяющие деятельность юридического лица.

На наш взгляд, злоупотребление полномочиями необходимо отличать от похожих составов преступлений. К примеру, злоупотребление полномочиями имеет ряд общих признаков с составом мошенничества, совершенного лицом с использованием своего служебного положения (п. 3 ч. 2 ст. 190 УК РК). Основное отличие данных преступных посягательств заключается в способе совершения преступления. Главным признаком мошенничества является совершение субъектом манипуляций (совокупности операций), направленных на изъятие имущества у потерпевшего. Служебное положение, система прав, возможностей и привилегий выступают в качестве средств совершения преступления и по существу являются необходимым реквизитом мошеннического трюка. Типичным примером мошенничества, совершенного с использованием служебного положения, является предложение должностного лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой организации, оказать оплачиваемую услугу без цели ее выполнения. Как правило, потерпевшими в таких случаях являются частные лица, не участвующие в процессах распределения или извлечения прибыли.

Злоупотребление полномочиями имеет определенное сходство со ст. 237 УК РК «Неправомерные действия при реабилитации и банкротстве». Указанная статья определяет целую группу злоупотреблений, которые могут быть допущены руководителем или собственником организации-должника в условиях банкротства. Главным признаком разграничения рассматриваемых составов преступлений являются время и обстановка совершения преступления. Неправомерные действия при банкротстве совершаются либо в процессе, либо в преддверии банкротства (в период, когда предприятие было официально признано неплатежеспособным либо имелись очевидные признаки банкротства).

Злоупотребление полномочиями следует отличать от состава, предусмотренного ст. 238 УК РК «Преднамеренное банкротство». Сходство данных составов заключается в том, что в обоих случаях речь идет о снижении эффективности деятельности организаций, действия управляющего подрывают платежеспособность предприятия и, таким образом, совершаются вопреки интересам службы, отличие данных преступлений заключается в различном характере действий виновного и наступающих в результате их совершения последствий. Злоупотребление не всегда ведет к созданию либо увеличению неплатежеспособности (банкротству). При злоупотреблении полномочиями лицом одновременно может приниматься меры, направленные на удовлетворение интересов кредиторов, и поэтому банкротство не всегда является следствием совершаемых в организации злоупотреблений.

Злоупотребление служебными полномочиями следует отграничивать от преступных монополистических действий и ограничения конкуренции, предусмотренных ст. 221 УК РК «Монополистическая деятельность». Монополистические действия и ограничение конкуренции следует считать разновидностью злоупотребления. В ходе хозяйственно-экономической деятельности, в процессе извлечения прибыли коммерческие организации могут причинять имущественный вред иным

8 Уголовное право Республики Казахстан. Особенная часть: Учебник / Под ред. И. И. Рогова и С. М. Рахметова. Автор главы Б. И. Ахметов. — Алматы, 2003. — С. 462.

9 Российская газета. — 2013. — 17 июля.

10 Российская газета. — 2009. — 30 октября.

хозяйствующим субъектам на правомерных и законных основаниях (например, причинение убытков смежным отраслевым предприятиям посредством осуществления допустимых форм конкурентной борьбы). В этом случае уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями исключается.

Хотелось бы отметить, что понятие «злоупотребление полномочиями» в науке уголовного права является весьма спорным. Данный вопрос исследовался учеными-юристами еще в советский период. Споры ведутся относительно определения допустимых объемов толкования данного термина. Одна группа авторов рассматривала термин «злоупотребления полномочиями» в широком смысле. Под признаки злоупотребления полномочиями подпадают, по их мнению, как «совершение действий в рамках компетенции должностного лица, так и использование возможностей, вытекающих из авторитета, из связи с другими должностными лицами»¹¹.

Сторонники другой точки зрения говорили о необходимости ограничительного толкования термина «злоупотребление полномочиями». По их мнению, злоупотребление имеет место только в случаях, если субъектом совершаются действия, которые входят в строго очерченный круг служебных обязанностей должностного лица, перечень полномочий при этом определяется конкретными нормативно-правовыми актами, регламентирующими деятельность организации¹².

В советский период по данному вопросу принималось постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге». В п. 10 данного постановления указывалось: «Суды должны учитывать, что в соответствии с законом, должностным злоупотреблением могут быть признаны такие действия должностного лица, которые вытекают из его служебных полномочий и были связаны с осуществлением прав и обязанностей, которыми это лицо наделено в силу занимаемой должности».

Таким образом, в процессе привлечения к уголовной ответственности за злоупотребления служебными полномочиями в процессуальном документе должны быть четко указаны те нормативные правовые акты, положения которых были нарушены виновным. На наш взгляд, само понятие «полномочия» означает круг конкретных прав и обязанностей субъекта, и расширительное толкование словосочетания «злоупотребление полномочиями» создает почву для произвола правоохранительных органов.

В российской юридической литературе были высказаны разные точки зрения в отношении родового объекта злоупотребления полномочиями в коммерческой и иной организации. В частности, Ю. А. Кравец под родовым объектом преступлений, объединенных главой 23 УК РФ, понимает «нормальное (регламентированное законом) функционирование коммерческих и некоммерческих организаций в соответствии с целями и предметом их деятельности, предусмотренными в учредительных документах»¹³. Аналогичного мнения придерживается и А. Э. Жалинский, определяя родовым объектом область управленческой деятельности в коммерческих и иных негосударственных организациях, осуществляющих различные

виды деятельности, разрешенные либо запрещенные законом¹⁴. А. В. Бриллиантов, в качестве родового объекта данного преступления, указывает нормальную деятельность коммерческих или иных организаций, их управленческого аппарата¹⁵.

Следует согласиться с мнением П. С. Яни, который считает родовым объектом преступлений главы 23 УК РФ «сферу общественных отношений, связанных с реализацией работниками всех юридических лиц, за исключениями, установленными примечанием к статье 201 УК РФ, имеющихся у них особых возможностей, прямо вытекающих из их служебного положения»¹⁶.

Аналогичной точки зрения придерживается и В. С. Комиссаров, который полагает, что «поместив главу в раздел VIII УК РФ, предусматривающий ответственность за преступление в сфере экономики, законодатель предусмотрел в качестве родового объекта этих преступлений сферу экономических общественных отношений. Однако на самом деле данные преступления посягают не на всю сферу экономических отношений, а только на ту ее часть, которая сопряжена с управленческой деятельностью коммерческих и иных организаций»¹⁷.

Весьма противоречивое мнение относительно объекта рассматриваемых преступлений высказано С. В. Изосимовым. Он полагает, что у группы преступлений, объединенных в главе 23 УК РФ, нет единого объекта. Поэтому не должно быть в Уголовном кодексе самостоятельной главы, предусматривающей ответственность за данные преступления. Последние могут как посягать на права и законные интересы граждан и организаций, так и причинять вред другим охраняемым законом интересам общества и государства¹⁸.

Нам представляется заслуживающей внимания позиция А. И. Рарога, который считает, что как и все деяния, предусмотренные разделом VIII УК, рассматриваемые преступления в конечном счете посягают на общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование экономики России как единого народнохозяйственного комплекса, которые составляют родовый объект этих преступлений. Группа же общественных отношений, обеспечивающих нормальную работу коммерческих и иных организаций как субъектов экономической и иной предпринимательской деятельности, образуют групповой (видовой) объект преступлений, предусмотренных главой 23 УК. Дополнительным объектом рассматриваемой группы преступлений выступают интересы других коммерческих и некоммерческих организаций, граждан, общества или государства, интересы которых ущемляются в результате незаконных действий представителей данной коммерческой (или иной) организации¹⁹.

Объективная сторона данного преступления характеризуется действием (бездействием) служащего соответствующей организации, которое выражается в использовании управленческих (служебных) полномочий вопреки законным интересам этой организации, в нарушение задач, вытекающих из законодательства и учредительных документов организации.

14 Комментарий к УК РФ. — М.: ИНФРА-НОРМА, 1997. — С. 563.

15 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А. В. Бриллиантова. — М.: Проспект, 2010. — С. 436.

16 Яни П. С. Причинение вреда деянием. О квалификации экономических и служебных преступлений. Российская юстиция. — 1997. — № 1. — С. 48.

17 Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. Автор главы — Комиссаров В. С. — М., 2007. — С. 299.

18 Изосимов С. В. Преступления, совершаемые управленческим персоналом коммерческих и иных организаций. — Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003. — С. 128.

19 Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник / М. П. Журавлев [др.] / Под ред. А. И. Рарога. Автор главы А. И. Рарог. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2014. — С. 521.

11 Здравомыслов Б. В. Должностные преступления: понятие и квалификация. — М., 1975. — С. 63; Сахаров А. Б. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. — Киев, 1970. — С. 48.

12 Пионтовский А. А., Меньшагин В. Д., Чеквадзе В. М. Курс советского уголовного права. Особенная часть. — Т. 2. — М., 1959. — С. 148–150; Владимиров В. А., Кириченко В. Ф. Должностные преступления. — М., 1965. — С. 6; Лысов М. Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. — Казань, 1972. — С. 112.

13 Кравец Ю. А. Ответственность за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Российская юстиция. — 1997. — № 7. — С. 23–24.

Т. Б. Басова правильно отмечает, что субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется умышленной формой вины. Данное преступление предусматривает в качестве обязательного признака субъективной стороны извлечение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесение вреда другим лицам. Выгоды и преимущества, извлекаемые субъектом, должны противоречить законным интересам организации. По характеру выгоды могут носить как материальный (например, корысть), так и нематериальный характер (например, упрочение служебных позиций в организации, обретение служебного влияния и т. п.). Преимущество может выражаться в привилегии, прерогативе виновного в сравнении с коллегами и быть связано как с финансовым состоянием организации, так и с ее авторитетом, деловой репутацией.

Нанесение вреда другим лицам в качестве цели преступления сводится к причинению запрещенного законом ущерба как физическим, так и юридическим лицам и выражается в материальных и моральных утратах (сокращение объема продаж, отказ в кредитовании, подрыв делового имиджа и т. п.)²⁰.

В заключении статьи хотелось бы согласиться с выводами И. В. Александрова о том, что создание эффективной системы противодействия преступлениям, совершаемым сегодня в сфере экономики, требует формирования адекватной и продуманной уголовно-правовой политики в этой области.

Однако даже ведущие мировые эксперты свидетельствуют о крайне низкой защищенности экономических процессов в России. Так, из Всемирного обзора экономических преступлений, которое было проведено компанией «Прайс Вотерхаус Куперс», следует, что от экономических преступлений в России пострадало прямо или косвенно около 70% компаний. Это значительно превышает такой же показатель в странах Центральной и Восточной Европы. В России наибольшую опасность вызывают растущая криминализация хозяйственной жизни и особенно новые виды преступлений, совершаемых в сфере экономики.

На низкую эффективность действующей системы противодействия экономической преступности во многом оказывает влияние несовершенство нынешнего законодательства и сложившейся системы выявления, расследования, судебного разбирательства уголовных дел данной категории, а также проблемы в доказывании криминалистических аспектов, касающихся факта преступления, совершаемого в сфере экономики, и отдельных его обстоятельств²¹.

Пристатейный библиографический список

1. Александров И. В. Современные проблемы криминалистики: теория и практика. Вестник Московского университета. Серия право. — 2014. — № 4.
2. Владимиров В. А., Кириченко В. Ф. Должностные преступления. — М., 1965.
3. Домникова В. В. Взаимодействие уголовного права с иными отраслями российского права. Вестник Московского университета. Серия право. — 2012. — № 4.
4. Здравомыслов Б. В. Должностные преступления: понятие и квалификация. — М., 1975.
5. Изосимов С. В. Преступления, совершаемые управленческим персоналом коммерческих и иных организаций. — Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А. В. Бриллиантова. — М.: Проспект, 2010.
7. Комментарий у УК РФ. — М., ИНФОРМ-НОРМА, 1997.
8. Кравец Ю. А. Ответственность за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях // Российская юстиция. — 1997. — № 7.
9. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. — М., 2007.
10. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. — М., 2008.
11. Лысов М. Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. — Казань, 1972.
12. Маковский А. Л. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступ. Статья А. Л. Маковского. — М., 2009.
13. Официальный сайт Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/PopageGroup/Services/Pravstat>
14. Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д., Чхеквадзе В. М. Курс советского уголовного права. Особенная часть. — Т. 2. — М., 1959.
15. Российская газета. — 2009. — 30 октября.
16. Российская газета. — 2013. — 17 июля.
17. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. — М., 2007.
18. Сарницкий С. Н. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями в коммерческих организациях. Дисс. на соиск. ученой степени канд. юрид. наук. — Краснодар, 2004.
19. Сахаров А. Б. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. — Киев, 1970.
20. Уголовное право Армении и России. Общая и Особенная части / Отв. ред. С. С. Аветисян, А. И. Чучаев. Автор главы Т. Б. Басова. — М.: КОНТРАКТ, 2014. — С. 523.
21. Уголовное право Республики Казахстан. Особенная часть: Учебник / Под ред. И. И. Рогова и С. М. Рахметова. — Алматы, 2003.
22. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М. П. Журавлев [др.] / Под ред. А. И. Рарога. 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2014.
23. Яни П. С. Причинение вреда деянием. О квалификации экономических и служебных преступлений // Российская юстиция. — 1997. — № 1.

20 Уголовное право Армении и России. Общая и Особенная части / Отв. ред. С. С. Аветисян, А. И. Чучаев. Автор главы Т. Б. Басова. — М.: КОНТРАКТ, 2014. — С. 523.

21 Александров И. В. Современные проблемы криминалистики: теория и практика. Вестник Московского университета. Серия право. — 2014. — № 4. — С. 34–35.

Нематов А. Р., Гоибова М. А.
РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В РАЗВИТИИ
И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье констатируется наличие в Республике Таджикистан конституционного права человека, независимо от его места занятости в народнохозяйственной сфере, создавать добровольные объединения в форме профессиональных союзов для представления и защиты его интересов. Анализируется их роль в развитии социального законодательства, осуществляемого в соответствии с общепризнанными международными документами. На основе научных мнений, адаптируемого законодательства и примеров из реализуемой практики рассматриваются положительные аспекты их применения и влияния на совершенствование государственной социальной политики.

Ключевые слова: профессиональный союз, социальное законодательство, Федерация независимых профсоюзов.

Nematov A. R., Goibova M. A.
THE ROLE OF THE TRADE UNIONS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN
IN THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF SOCIAL LEGISLATION

The article states the existence of constitutional right of man in the Republic of Tajikistan, regardless of his place of employment in the sphere of national economic, to create voluntary associations in the form of trade unions to represent and protect his interests. Their role in the development of social lawmaking, implemented in accordance with generally accepted international instruments are analyzed. On the basis of scientific opinions, adaptable legislation and examples from implemented practices the positive aspects of their application and impact on the improvement of the state social policy are considered.

Keywords: trade union, social legislation, the Federation of Independent Trade Unions.

С получением политической независимости Республика Таджикистан стала полноправным членом международного сообщества, развивающимся как правовое, демократическое, светское государство, осуществляющим свою жизнедеятельность с опорой на фундаментальные положения действующей Конституции Республики Таджикистан.

В соответствии со ст. 28 Основного закона страны ее граждане имеют право объединяться, участвовать в создании политических партий, в том числе имеющих демократический, религиозный и атеистический характер, а также в организации профессиональных союзов, добровольно входить и выходить из них¹.

Тем самым она закрепляет право человека, работающего в различных сферах народного хозяйства, создавать профессиональные союзы для представления и защиты своих интересов. Это реализуемое право на объединение стало одним из важнейших показателей цивилизованной направленности жизнедеятельности общества², правовое поле которого регулируется Законом Республики Таджикистан «О профессиональных союзах», гарантирующим, упорядочивающим их отношения с органами государственной власти, работодателями, другими общественными объединениями, физическими и юридическими лицами.

Профессиональный союз — это добровольная общественная организация, объединяющая граждан, связанных общими интересами в производственной и непроизводственной сферах деятельности для защиты трудовых, социально-экономических

и других прав и интересов своих членов³.

Право на объединение в профессиональные союзы включает в себя:

- право работников без какого-либо разрешения государственных органов и бюрократических формальностей создавать по своему выбору профсоюзы и присоединяться к ним;
- право образовывать профсоюзные федерации и конфедерации;
- право членов профсоюзов избирать своих представителей, участвовать во внутривыборной жизни;
- право свободно осуществлять профсоюзную деятельность⁴.

Представителями работников в организации являются лица, избранные трудящимися ее органов в соответствии с действующим законодательством страны. Представительство интересов работников в трудовых отношениях и защиту их интересов могут осуществлять профессиональные союзы и их выборные органы в организации, иные избираемые работниками органы. Права профессиональных союзов и их выборных органов во взаимоотношениях с государственными и хозяйственными органами, работодателями определяются законодательством Республики Таджикистан, соглашениями и коллективными договорами⁵.

Нематов А. Р.

Гоибова М. А.

1 Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 г. и 22 июня 2003 г. (на таджикском, русском и английском языках). — Душанбе, 2003. — С.12.

2 Васильев М. В. Право на объединение как фундаментальное право человека и формы реализации защитной функции профсоюзов по трудовому кодексу РФ: Дис. ...канд. юрид. наук. — Казань, 2006. — С. 12.

3 См.: ст. 2 Закона Республики Таджикистан от 2 августа 2011 г. № 757 «О профессиональных союзах». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/2011/>.

4 Профсоюзы как субъекты трудового права [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bankreferatov.ru/referats/C325729F00717F7B43257B0B000A4811>.

5 См.: ст. 17 Трудового кодекса Республики Таджикистан от 15 мая 1997 г. № 417 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. — 1997. — № 9. — Ст. 112,113; 1998. — № 23–24. — Ст. 340; 1999. — № 5. — Ст. 69; 2002. — № 4. — Ч. 1, ст. 185; 2004. — № 5. — Ст.

Важной гарантией деятельности профсоюзов служит их независимость от органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, работодателей, политических и общественных объединений, поскольку они неподконтрольны и неподотчетны этим субъектам.

Исходя из вышеизложенного, законодательство Республики Таджикистан о профессиональных союзах основывается на Конституции Республики Таджикистан и состоит из Закона Республики Таджикистан «О профессиональных союзах», ряда нормативно-правовых актов, а также соответствующих международных документов, признанных Республикой Таджикистан.

В 1868 г. был создан Британский конгресс тред-юнионов, объединивший разрозненные профсоюзы⁶. Под давлением рабочего движения впервые профсоюзы были признаны английским законом о профсоюзах от 29 июня 1871 г., который дал определение профсоюзов и разделил их на зарегистрированные (законные) и незарегистрированные (незаконные). Зарегистрированные профсоюзы получили по данному действующему до настоящего времени закону некоторые права (право собственности, право иметь льготы по налогам и др.).

Законодательное закрепление права на объединение в профессиональные союзы — это условие наделяния и организационно-правовая форма осуществления всех принадлежащих профсоюзам прав в различных отраслях права в целях удовлетворения интересов трудящихся в различных сферах общественной жизни. В этом смысле право на объединение в профессиональные союзы является базовой юридической конструкцией межотраслевого института правового положения профсоюзов и соотносится с правом на участие в управлении предприятиями как однопорядковое понятие трудового права, а с правом представительства — как общее и особенное. Право представительства в этой связи рассматривается как условие наделяния и организационно-правовая форма осуществления прав профсоюзов по вопросам производства, труда, культуры и быта, т.е. как базовая юридическая конструкция института трудового права — профессионального союза. Право на объединение в профессиональные союзы является элементом их правового статуса, равно как рабочих и служащих. Структура права на объединение в профессиональные союзы как соответствующего элемента образуется из: права на вступление в профсоюзы, права на образование профсоюзных организаций, права на участие в управлении предприятиями через профсоюзы, права на защиту прав и законных интересов рабочих и служащих профсоюзами, права на пользование преимуществами члена профсоюза⁷.

Профсоюзы Таджикистана образованы в 1926 г. Федерация профсоюзов Таджикистана создана в 1991 г. как правопреемник Совета профсоюзов Республики Таджикистан. Профсоюзы республики объединяют в своих рядах более 800 тыс. человек. Они представляют 19 отраслевых республиканских профсоюзов, 3 областных совета (Федерация профсоюзов Сугдской области, Хатлонский областной совет профсоюзов, Горно-Бадахшанский областной совет профсоюзов) и 1 городской совет (Кулябский городской совет профсоюзов), 28 отраслевых обкомов, 27 горкомов и 157 райкомов профсоюзов. Более 10 тыс. первичных профсоюзных организаций защищают социально-экономические и правовые интересы людей труда. Устав Федерации профсоюзов Таджикистана был принят на XV съезде профсоюзов Таджикистана в 1991 г., а на XVI, XVII и XVIII съез-

дах в него внесены частичные изменения. Профессиональные союзы, объединенные в Федерацию независимых профсоюзов Таджикистана, определили следующие основные направления своей работы:

- способствовать стабилизации экономики путем активной поддержки предприятий, организаций и хозяйств, независимо от форм собственности;
- совершенствовать практику заключения и контроля за выполнением коллективных договоров и соглашений;
- реально обеспечивать права трудящихся на труд, постоянно контролируя исполнение Закона Республики Таджикистан «О занятости населения»;
- вносить в Правительство Республики предложения о разработке государственной программы по созданию новых рабочих мест, переобучению и трудоустройству граждан;
- не допускать систематических задержек выплаты заработной платы, пенсий, пособий, предусмотрев при этом компенсацию потерь в случае их несвоевременной выплаты;
- оказывать содействие в адресной социальной помощи малообеспеченным и наиболее уязвимым слоям населения;
- активно участвовать в процессах разгосударствления и приватизации государственной собственности, защиты интересов трудовых коллективов;
- разрешать трудовые споры и конфликты в духе социального партнерства.

Следует подчеркнуть, что профсоюзы Таджикистана являются авторитетной общественной организацией, с мнением которой считаете Правительство Республики при решении вопросов социально-экономического значения.

По инициативе их Федерации в 2005 г. был опубликован перечень конвенций Международной организации труда, ратифицированных Республикой Таджикистан.

Будучи, по выражению Президента страны, в состоянии социального партнерства как одного из средств обеспечения социальной стабильности и социально-трудовых гарантий в обществе, Правительством Республики 2 декабря 2005 г. было подписано постановление «О Генеральном соглашении между Правительством Республики Таджикистан, объединениями работодателей и Федерацией профсоюзов Таджикистана на 2006–2008 гг.»⁸.

На этой основе заключены соответствующие отраслевые и региональные соглашения, коллективные договоры в трудовых коллективах, ратифицированы 44 конвенции и 20 рекомендаций Международной организации труда. Ежегодно Федерация независимых профсоюзов Таджикистана (ФНПТ) информирует Правительство, Министерство труда, миграции и занятости населения, Министерство здравоохранения и социальной защиты населения и Международную организацию труда о проделанной работе по их применению, в т.ч. при разработке нормативно-правовых актов.

Федерация независимых профсоюзов Таджикистана является полноправным членом — организацией Всемирной конфедерации профсоюзов, поддерживает тесные отношения с центрами профсоюзов стран СНГ, контакты с Международной конфедерацией профсоюзов и дружественные связи с Всекитайской федерацией профсоюзов и профсоюзами Турции. Широкие международные связи имеют также и отраслевые профсоюзы республики. Совместно с Международной организацией труда проводится большая работа по решению проблем трудовой миграции⁹.

Возможность через законодательные и нормативные акты добиться установления правовых норм и социальных гарантий, действенным образом защищающих наемного работника, не должна быть упущена профсоюзами. Формы участия в законодательном процессе с учетом международного и собствен-

337; 2006. — № 3. — Ст. 152; № 4. — Ст. 195; 2009. — № 5. — Ст. 320; 2010. — № 7. — Ст. 545; ст. 549; 2011. — № 3. — Ст. 151; № 12. — Ст. 842; Закон РТ от 01.08.2012 г. № 880, ЗРТ от 22.07.2013 г. № 981.

6 История профсоюзного движения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nash-profsouz.ru/content/istoriya-profsoyuznogo-dvizheniya>.

7 Байков А. М. Право рабочих и служащих на объединение в профессиональные союзы: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1984. — С.13.

8 Централизованный банк правовой информации. Адлия. Версия 6.00.

9 Федерация независимых профсоюзов Таджикистана [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vkp.ru/34/39/55/65.html>.

ного опыта, конкретной ситуации и имеющихся возможностей каждым профсоюзным органом выбираются самостоятельно. Однако в любом случае профсоюзы могут настаивать на включение своих представителей в рабочие группы по разработке законопроектов или готовить по ним экспертные заключения, либо разрабатывать альтернативные варианты.

Одним из путей достижения цели учета предложений профсоюзов по рассматриваемым законопроектам может быть формирование общественного мнения в средствах массовой информации, а также представление аргументированной информации отдельным депутатам и парламенту в целом. По предложению Федерации независимых профсоюзов Таджикистана были приняты:

— Закон Республики Таджикистан «Об охране труда в Республике Таджикистан» (24 декабря 1991 г.);

— Закон Республики Таджикистан «О профессиональных союзах, правах и гарантиях их деятельности» (12 марта 1992 г.;

— Закон Республики Таджикистан «О социальном партнерстве, соглашениях и коллективных договорах» (25 ноября 1992 г.) и др.¹⁰

Конституционное право профсоюзов участвовать в управлении государственными и общественными делами включает в себя следующие основные элементы:

— право участвовать в нормотворческой деятельности государства;

— право участвовать в применении законодательства;

— право осуществлять общественный контроль и государственный надзор за соблюдением законодательства при принятии и применении правовых норм хозяйственными органами.

В реальной жизни все три элемента находятся в тесном взаимодействии. При представительстве профсоюзов перед государственными органами одни вопросы решаются с учетом обусловленного совещательным правом их мнения, другие — по согласованию или совместно с ними.

Право на представительство и защиту реализуется наделением общественных объединений и их органов возможностью представлять и защищать права и интересы членов профсоюза по вопросам индивидуальных и коллективных споров; вносить предложения по совершенствованию действующих и готовящихся к внедрению социально-трудовых, нормативно-правовых актов; согласовывать с работодателями системы оплаты труда, формы материального поощрения, размеры тарифных ставок и окладов, нормы труда; посещать организации и рабочие места для осуществления проверок соблюдения безопасности условий труда; защищать право работников свободно распоряжаться своей способностью к труду, выбирать род деятельности и профессию, осуществлять работниками права на вознаграждение за труд без какой-либо дискриминации.

Работодатель, создав проект локального трудового нормативно-правового акта, направляет его выборному профсоюзному органу, который в течение пяти дней должен выразить свое письменное мнение по данному документу. Если такое мнение оказывается отрицательным или содержащим предложения по его изменению, то работодатель вправе в течение

трех дней предложить профсоюзному органу прийти к соглашению путем совместных консультаций. При недостижении согласия работодатель принимает локальный акт в собственной редакции.

Не подлежит сомнению, что роль профсоюзов в развитии и осуществлении социального законодательства будет тем значительнее, чем эффективнее, успешнее они смогут осуществлять свое главное предназначение — защиту трудовых и социально-экономических интересов работников, особенно в условиях социальной напряженности.

В настоящее время во многих, даже развитых странах мира, наблюдается тенденция к урезанию социальных завоеваний, происходит ревизия всей сложившейся социальной практики. Связано это, в первую очередь, с глубинными демографическими, миграционными, структурно-экономическими и иными процессами глобального масштаба, которые не обошли стороной и Республику Таджикистан.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, от профсоюзов требуется серьезная переоценка не только форм и методов своей деятельности, но и самой идеологии, приемлемой для традиционного индустриального общества в соответствии со стадией его развития.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 г. и 22 июня 2003 г. (на таджикском, русском и английском языках). — Душанбе, 2003.
2. Закон Республики Таджикистан от 2 августа 2011 года, № 757 «О профессиональных союзах» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/2011/>.
3. Трудовой кодекс Республики Таджикистан от 15 мая 1997 года, № 417 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. — 1997. — № 9. — Ст. 112,113; 1998. — № 23. — 24. — Ст. 340; 1999. — № 5. — Ст. 69; 2002. — № 4. — часть 1. — Ст. 185; 2004. — № 5. — Ст. 337; 2006. — № 3. — Ст. 152; № 4. — Ст. 195; 2009. — № 5. — Ст. 320; 2010. — № 7. — Ст. 545; Ст. 549; 2011 г., № 3. — Ст. 151; № 12. — Ст. 842; Закон РТ от 01.08.2012 г., № 880, ЗРТ от 22.07.2013 г. № 981.
4. Байков А. М. Право рабочих и служащих на объединение в профессиональные союзы: Дис. ...канд. юрид. наук. — М., 1984.
5. Васильев М. В. Право на объединение как фундаментальное право человека и формы реализации защитной функции профсоюзов по трудовому кодексу РФ: Дис. ...канд. юрид. наук. — Казань, 2006.
6. История профсоюзного движения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nash-profsouz.ru/content/istoriya-profsoyuznogo-dvizheniya>.
7. Профсоюзы как субъекты трудового права [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bankreferatov.ru/referats/C325729F00717F7B43257B0B000A4811>.
8. Федерация независимых профсоюзов Таджикистана [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vkp.ru/34/39/55/65.html>

¹⁰ Там же.

Мажд Хаддад **ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА** **(НА ПРИМЕРЕ БАНКА) В СИРИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ¹**

В статье говорится об определении банка и его организационно-правовой форме, с учетом того, что он имеет статус юридического лица. Также в статье говорится о правовом основании ответственности банка, считающегося согласно сирийским законам коммерческой структурой в его взаимоотношении с другими структурами, а также акционерным обществом, будь то частным или государственным. Также статья рассматривает виды ответственности банка: договорную ответственность, если истец связан по договору с банком, и ответственность за халатность, если истец является чужим по отношению к банку, а также ответственность на основе концепции рисков и ответственность, возникшую при принятии видимого за реальность.

Рассматриваются также условия освобождения от ответственности и случаи, в которых банк несет ответственность за своих подчиненных.

Ключевые слова: ответственность банка, акционерного общества, юридическое лицо, договорная ответственность банка, ответственность банка за халатность, ответственность при принятии видимого за реальность, освобождение от ответственности.

Мажд Хаддад

Majd Haddad **THE RESPONSIBILITY OF THE COMPANY (BY THE EXAMPLE OF A BANK) IN THE SYRIAN LEGISLATION**

The article examines the bank's definition and how the bank can be considered a joint-stock company, taking into account that it has a status of a legal entity. Also the article discusses the legal basis for the responsibility of the bank, as Syrian law considers the bank as a merchant in its relationship with others, and also considers that the bank is a joint-stock company, whether it is private or public. It also examines the types of responsibility of the bank: contractual responsibility if the defendant is linked to the bank by a contract, and tort if the defendant is a third party towards the bank, and liability based on the idea of the professional risk conception, or liability based on taking of something apparent as a truth. Also the article examines the conditions of the exemption from liability, and cases in which the bank is responsible for its employees.

Keywords: bank's definition, the responsibility of the bank, bank as a merchant in his relationship with others, contractual responsibility of the bank, tort liability, the responsibility of the bank based on the professional risk conception, liability based on taking of something apparent as a truth, exemption from liability, the responsibility of the employees.

Не существует законодательства, дающего четкое определение банка, даже в странах, имеющих древнюю банковскую историю. Английские законодатели ограничиваются упоминанием критерия, являющегося минимумом для определения основных черт института, называющегося банком. Они утверждают, что в компетенцию банка входят следующие действия:

1. Прием денежных средств от клиентов в качестве депозита, получение чеков для выплаты клиентам и депонирование денежных средств на их счета.

2. Выплаты по чекам и распоряжениям клиентов на их счета.

3. Открытие текущих счетов в банковских реестрах.

К этим функциям могут добавляться и другие действия, что является необходимым минимумом. В противном случае данный институт не является банком в прямом смысле этого слова.

Во Франции деятельность банков регулируется Законом 1940 г., в который в 1984 г. были внесены поправки в соответствии с Общим Законом. Толкователи Закона, ссылаясь на некоторые положения и другие обстоятельства, считают главной задачей банка прием денежных депозитов у граждан. Они утверждают, что эта функция отличает банк от других финансовых институтов, осуществляющих свою деятельность при помощи собственных денежных средств, а не за счет вкладов граждан. Именно это различие, по мнению толкователей, объясняет строгий государственный контроль над деятельностью банков.

В Египте также не существует определения термина «банк», хотя в Законе № 20 1975 г. о ЦБ Египта и банковском аппарате приведена классификация банков и указаны полномочия

коммерческих банков², специализированных некоммерческих банков³, инвестиционных и деловых банков. Вместе с тем границы между этими видами банков не являются четкими, и при определении вида того или иного банка обычно исходят из его основной деятельности. Такое частичное совпадение полномочий существует в большинстве стран мира и является вполне естественным фактом.

В Сирии Закон о торговле № 33, принятый в 2007 г., содержит перечень правил, регулирующих банковскую деятельность. Эти правила изложены в соответствующих положениях шестого раздела Закона (глава 1, статьи 194–245). При этом в Законе не содержится конкретного определения термина «банк». Определения этого термина нет в Законе № 28, принятом в 2001 г. (Закон о частных и смешанных банках), в Законе № 35, принятом в 2005 г. (Закон об исламских банках), в поправках к этим двум законам, изложенных в Законе № 3, принятом в 2010 г., и в других законах, регулирующих процедуру создания государственных банков. Юристы, подготовившие Закон о торговле Сирии, дали четкое определение термина «банк», сочетающее в себе условия, необходимые для создания банка, и законодательный характер института банка. Муса Метри определяет банк как «юридическое лицо, имеющее статус коммерческого, которому Совет по вопросу денежно-кредит-

1 См: Мажд Хаддад. Определение понятия «ответственность» // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12. – С. 95 – 98.

2 Гафилда и Стоффле. — Глава 51. — С. 86. — определение термина «банк» во французском законодательстве.

3 Под понятием «коммерческий банк» имеется в виду банк, который в обычном порядке принимает вклады (депозиты), выплачиваемые по требованию клиента или вклады (депозиты), размещенные на определенный срок, а также осуществляет внутреннее и внешнее финансирование (ст. 15 Закона о банках Франции, 1976 г.).

ной политики выдает лицензию на осуществление банковских операций».

Все банки обладают статусом юридического лица в соответствии с законами о создании банков во всех странах с длинной банковской историей, независимо от того, является ли банк государственным или частным. В Сирии также все банки обладают статусом юридического лица.

Что касается частных банков, создание которых предусмотрено Законом № 28, принятым в 2001 г., и поправками в данный Закон, то в ст. 1 Закона говорится о том, что «можно создавать банки в форме акционерных обществ». Банки должны быть своего рода финансовыми компаниями. В параграфе 8 ст. 56 Законодательного Указа № 29, изданного в 2011 г., регулирующего порядок создания всех видов и форм компаний в виде обществ с ограниченной ответственностью (ООО), запрещено осуществление банковской, страховой и сберегательной деятельности. Это означает, что все банки должны иметь форму акционерных обществ (АО). Первый параграф ст. 13 Законодательного Указа № 29 2011 г. гласит о том, что «все компании, о которых идет речь в законодательном указе, кроме совместных предприятий (СП), получают статус юридического лица с момента своего создания».

Отсюда следует, что все действующие в Сирии банки имеют статус юридического лица, положение о которых регулируется ст. 55 Гражданского кодекса Сирии. Волю юридического лица выражает его юридический представитель в соответствии с положениями, содержащимися в параграфе 3 ст. 55 Гражданского кодекса Сирии, о чем упомянуто в ст. 148 законодательного указа № 29, изданного в 2011 г. В разделе статьи под заголовком «представительство компании» говорится следующее:

1. «Председателем правления компании является ее президент, представляющий компанию в отношениях с другими органами. Его подпись тождественна подписи всего правления в отношениях компании с другими органами, если Уставом компании не предусмотрено иное.

2. Правление определяет размер компенсаций исполнительным директорам и главному исполнительному директору.

3. Исполнительный директор или главный исполнительный директор не могут занимать должность директора или служащего в другой компании.

4. В отличие от любого текста действующего закона, никто из членов правления не может занимать должность исполнительного директора или главного исполнительного директора, или любую оплачиваемую и компенсируемую должность в головном закрытом акционерном обществе.

Несмотря на то, что головному закрытому акционерному обществу законодатель отделил отдельный раздел с соответствующими нормами в Законе о компаниях, они (законодатели) сочли необходимым упомянуть банки (как закрытые акционерные общества) в принятом в Египте Законе о банках, который регулирует их деятельность в соответствии с Законом о торговле в общем смысле этого слова.

Юридическая основа ответственности банков

Все законы о создании государственных банков в Сирии упоминают банки в качестве коммерческого института в отношениях с другими органами. Что касается частных банков, создание которых регулируется Законом № 28, принятым в 2001 г., и поправками в этот закон, то ст. 1 этого закона разрешает создание банков в форме сирийских частных закрытых акционерных обществ или в форме сирийских акционерных обществ с участием государственного экономического сектора.

Исходя из этого, все частные банки или банки смешанного сектора в Сирии должны создаваться в форме АО. Статья 87 законодательного указа № 29, изданного в 2011 г., регулирующая создание всех видов и форм компаний (Закон о компаниях), гласит следующее: «Закрытые акционерные общества, независимо от вида их деятельности, являются коммерческими компаниями, действующими в соответствии с Законом о тор-

говле». Следовательно, все банки в Сирии являются по своей форме коммерческими институтами. С практической точки зрения в абзаце «д» ст. 6 Закона о торговле № 33 2007 г. говорится о том, что «по своей сути они выполняют коммерческие действия, такие как операции по обмену валюты, свопы и другие операции государственных и частных банков».

Таким образом, государственные банки в Сирии стали заниматься коммерческими операциями как с точки зрения их функции, связанной с формой их создания, так и с практической точки зрения, касающейся их повседневной деятельности.

Виды ответственности банка

Несмотря на то, что банк несет ответственность за каждую банковскую операцию, и то, что ответственность банка регулируется соответствующими положениями и правилами, все банки руководствуются в своей деятельности сводом общих правил, определяющих их ответственность. В этом смысле не существует никакой разницы между частным и государственным банками, за исключением вида собственности их капитала, создания их административного органа и организации его работы. Что же касается отношения банков с другими органами, то этот вопрос регулируется одними и теми же положениями, которые определяют частную банковскую деятельность, а также обязательства банков и их ответственность перед другими органами за выполнение этих обязательств.

Ответственность банка может быть гражданской, и в этом случае она может быть договорной ответственностью, ответственностью за халатность или базирующейся на тезисе о рисках профессии, или ответственностью за применение защиты в очевидно противоречащей истине ситуации.

а) договорная ответственность банка: ответственность является договорной, если банк с истцом, которому причинен ущерб (независимо от того, является ли последний клиентом или нет), связывает договор, а действие является поводом для появления вопросов в случае нарушения обусловленного обязательства, содержащегося в договоре прямо или косвенно, или на него распространяется банковское правило, независимо от того, было ли это нарушение совершено самим банком, т.е. его юридическим представителем, или выразителем его воли как юридического лица, или сотрудником банка, или лицом, к которому за помощью обратился банк в выполнении своих обязательств, или сотрудником, работающим в подчинении этого лица.

б) ответственность банка за халатность: ответственность банка за халатность наступает в случае, если истец, которому нанесен ущерб, является другим лицом по отношению к банку, а ошибка банка произошла вследствие нарушения им общего обязательства, налагаемого на него законом в его общем для всех смысле. То же самое касается и ответственности за ошибки его клиентов — в этом случае она является косвенной ответственностью за халатность.

в) ответственность на основе концепции рисков: ответственность банка может наступить и в том случае, если он (банк) не совершал ошибок, и можно применить концепцию рисков профессии к причиняющему ущерб случаю, как это сделал Кассационный суд Египта в случае с выплатой по чеку, подпись на котором была подделана. Тогда не была доказана ни ошибка клиента — владельца чека в подделке его подписи, ни вина банка в том, что подделка не была обнаружена. Суд отметил, не снимая ответственности с банка, что последний несет ответственность за выплату, независимо от того, насколько «совершенной» была подделка, и именно это является одним из рисков профессиональных рисков в сфере банковской деятельности. Эти риски, каким бы тяжелым ни было их бремя, ни в коей мере не сопоставимы с преимуществами банков,

закрывающимся в укреплении доверия к банкам и создании атмосферы уверенности для клиентов банков⁴.

Ответственность банка также наступает, когда речь идет об очевидной, противоречащей истине ситуации, установленной банком, когда чек подписывает не его владелец, а другой человек, что создает впечатление, будто это истина. Кассационный суд Египта одобрил эту концепцию как общее правило, подлежащее применению впервые, не ссылаясь на специальное примечание в тексте Закона, где определены и показаны условия его применения. Суд отметил, что «следствием действий истинного владельца является то, что доказательства якобы «очевидного» факта порождают ощущение его соответствия истине. Эту ситуацию можно сравнить с действиями служащего, продолжающего осуществлять свои рабочие функции после выхода на пенсию»⁵.

Кроме этого, Кассационный суд Египта рассмотрел вопрос об «очевидной» доверенности, отметив, что «условием для того, чтобы считать очевидным доверителем лицо, замещающее получившего полномочия, является то, что внешний вид, созданный последним, является ошибочным, а также то, что другое лицо, которое вступает в отношения с доверенным лицом, совершает ошибку или халатность в поиске истины»⁶.

Примером этого может служить управляющий, обладающий широкими полномочиями, на которые могут быть наложены ограничения. Однако эти ограничения не могут служить основанием для принесения протеста в отношении другого лица, который не знает об этих ограничениях.

Необходимо отметить, что действия председателя правления банка характеризуются как действия самого юридического лица и являются действиями не сотрудника банка, а самого банка. Вместе с тем практически нельзя ограничиться подписью управляющего или управляющих в ведении дел банка. Поэтому эти лица предоставляют соответствующие полномочия на выполнение некоторых действий связанных с их компетенцией ряду сотрудников банка определенного уровня. В этом случае их подпись будет считаться подписью самого банка, а не его сотрудника. То же самое касается и полномочий на подпись с печатью банка в определенных случаях, когда речь идет о праве на подпись от руки). Эти полномочия могут быть непрямыми, однако они воспринимаются другими лицами, исходя из характера и уровня должности подписанта, и его подпись считается истинной, как подпись лица, обладающего соответствующими полномочиями.

Когда ответственность банка является договорной (в случае наличия доказательств о нарушении им договорных обязательств), эта ответственность отражена в договоре. В этом случае нет необходимости определять лицо, виновное в нарушении. Обычно суду для вынесения решения об ответственности достаточно в качестве причины ошибки назвать плохую работу банка, нарушение его устава, а также привести доказательства того, что обязательства банка выполнялись неправильно⁷.

В большинстве случаев у банка есть филиалы, расположенные в различных районах близко к клиентам, как внутри страны, так и за ее пределами. У банка могут быть свои корреспонденты. Это независимые от банка учреждения. Банк взаимодействует с ними. Банки-корреспонденты расположены, в частности, в районах, где нет филиалов банков. Разница между банком-корреспондентом и филиалом заключается

в том, что филиал является частью основного банка и не имеет самостоятельного юридического лица, хотя с управленческой точки зрения он обладает определенной независимостью, в отличие от банка-корреспондента, который является полностью независимым учреждением.

Что касается филиалов банка, то они являются подразделениями или частью банка, но не являются независимыми от него в соответствии с законодательством. Управляющий филиалом банка подчиняется банку и является служащим, подчиненным банку с точки зрения своих полномочий, что позволяет ему представлять банк во всем, что касается его деятельности.

Один из результатов того, что филиал является частью головного банка, не является самостоятельным лицом, не имеет юридической самостоятельности, заключается в следующем: если клиент открывает счет в банке, то этот счет является одним счетом. Если же существует договоренность о том, что он может снимать деньги во всех филиалах банка, это не является дроблением счета или разделением его в соответствии с количеством филиалов, в которых можно снимать деньги. Другой результат заключается в том, что обязательства, вытекающие из действий управляющего филиалом, являются обязательными для самого банка. Представитель головного банка является ответчиком в суде по этим обязательствам в соответствии с положениями ст. 83 Закона о порядке ведения судебного процесса, в которой говорится следующее:

1. Иски на действующие компании и общества, в т. ч. на находящиеся в стадии ликвидации, а также на учреждения, рассматриваются судом округа, на территории которого расположен головной центр управления вышеупомянутыми институтами, независимо от того, подан ли иск на компанию, общество, учреждение, на одного из компаньонов или членов, или одним компаньоном или членом на другого;

2. Можно подать иск в суд, в округе которого расположен филиал компании, общества или учреждения, по вопросам, касающимся этого филиала.

Что касается исков, которые подают банки с целью защиты своих прав, то они должны касаться характера договора и юридических отношений, связывающих банки с ответчиком. Если договор является смешанным и носит коммерческий характер по отношению к банку и гражданский характер по отношению к клиенту, а иск связан с личным правом, то иск рассматривается в порядке, определенном ст. 81 в соответствии с местной юрисдикцией. Речь идет о суде, расположенном в районе проживания ответчика. Правила этого суда являются дополняющими правилами, на основании которых можно урегулировать споры. Если же этот иск сопряжен с просьбой об аресте имущества ответчика, и в т. ч. его недвижимости, иск необходимо подавать по месту расположения одного из объектов недвижимости ответчика, подлежащего аресту во исполнение положений ст. 82 Закона о порядке ведения судебного процесса с поправками, принятыми в соответствии с Законом № 1 2010 г., в которых правила местной юрисдикции в части, касающейся исков по недвижимости, становятся общепринятыми.

Если же право, по поводу которого банк подает иск, имеет коммерческий характер для клиента, то в этом случае применяются положения ст. 89 Закона о порядке ведения судебного процесса, где говорится следующее: «Рассмотрение коммерческих вопросов входит в юрисдикцию суда ответчика или суда, в округе которого было заключено соглашение и получен товар, или в суде, в округе которого необходимо произвести оплату».

Банки, предъявляющие своим клиентам иск о банкротстве, должны учитывать следующие условия:

1. Наличие статуса коммерсанта у ответчика;
2. Прекращение коммерсантом выплаты своего коммерческого долга или долгов при отсутствии спора по вопросу о причине его (их) появления считается прекращением выплат, если

4 Кассационный суд Египта. — 11 января 1966 г. — Раздел 17. — С. 94, а также (аналогичный пример) там же, 19 января 1967 г. — Раздел 18. — С. 1967.

5 Кассационный суд Египта. — 30 ноября 1971 г. — Раздел 22. — С. 959.

6 Кассационный суд Египта. — 21 января 1971 г. — Раздел 22. — С. 100; тот же источник, 22 февраля 1975 г. — Раздел 26. — С. 1462.

7 Гавелла, Цовли, а также Апелляционный суд Парижа, 27 октября 1941 г. // Юридическая неделя. — 1942. — 181420, комментарий Генри Капрьяка. — С. 326, 416.

коммерсант, стремясь укрепить доверие к своей платежеспособности, использует явно незаконные средства, такие снятие с хранения ценных бумаг. Об этом говорится в ст. 443 Закона о торговле № 33 2007 г. Иски такого рода входят в юрисдикцию суда округа, в котором работает ответчик, что рассматривается авторами Закона о торговле⁸ как общее правило. Далее все споры, возникающие в результате банкротства, рассматриваются в порядке, определенном в положениях ст. 86 Закона о порядке ведения судебного процесса. Это делает суд, который объявляет о банкротстве с целью сохранения единой процедуры банкротства, а также для того, чтобы воспрепятствовать утрате кредиторами своих прав.

Что касается корреспондентов банка (это обычно банки или другие лица, к помощи которых прибегает банк для осуществления некоторых операций), то им поручено выполнять то, что от них требуется, причем в большинстве случаев у них нет прямой связи с клиентом. Банк вступает с корреспондентом в договорные отношения по поручению клиента, и между банком и корреспондентом возникает прямая связь. Как правило, корреспондент является уполномоченным учреждением головного банка, подрядчиком или учреждением, связанным с банком соглашением на неопределенный срок, и в отношении него действуют соответствующие правила, дополняемые банковскими традициями. Существует деликатный момент, связанный с ответственностью банка в случае, если по вине корреспондента произошла ошибка. Кто в данном случае несет ответственность — банк или клиент, в отношении которого допущена ошибка и который отвечает за последствия в случае, если не существует доказательств совершения банком ошибки?

Преобладающее среди юристов мнение заключается в том, что сторона, выбравшая себе корреспондента, несет ответственность за свою ошибку. Поэтому если банк выбрал себе корреспондента, то именно он обязан нести ответственность за ошибки, совершаемые корреспондентом. Если же клиент сам выбрал банк — корреспондент, не учитывая мнения головного банка, то ответственность в этом случае несет только клиент.

Банк освобождается от ответственности в случае, если он докажет, что причина ущерба заключается в его уважении (соблюдении) открытых и конфиденциальных условий договора, или в том, что его действия согласуются с законными банковскими правилами, действующими в отношении клиента, или в том, что существует внешняя причина этого, или в том, что в договоре существует некое юридически действующее условие, освобождающее его от ответственности за ущерб, который необходимо возместить.

Существуют общие правила, касающиеся условий освобождения банка от ответственности. Здесь необходимо обратить внимание на следующие моменты:

1. Условие существует только в случае, если банком доказано, что оно принято клиентом.

2. Условие не является законным, если оно лишает банк существенного обязательства по договору, освобождая его от ответственности за хранение в договоре о депозите на ценные бумаги или в договоре об аренде банковской ячейки.

3. Необходимо рассмотреть масштаб условия. Условие, освобождающее от ответственности за ошибки служащих банка, не распространяется на ошибки самого банка, т.е. его представителей, выражающих его волю.

4. Нельзя освобождать от ответственности (от абсолютной до общей) за халатность.

Не следует забывать, что освобождение от ответственности является исключением из правила и не толкуется расширительно. Кроме этого, договор может быть договором подчинения, ре-

гулируемым специальными текстами, касающимися толкования и обременительных условий договоров подчинения.

Большинство случаев ответственности банка связано с действиями его служащих.⁹ В основном эти действия регулируются общими правилами, касающимися ответственности. В этом вопросе могут возникать две сложных проблемы, первая из которых касается определения умысла в действиях служащего, а вторая — связана с определением вопроса, произошла ли ошибка, приписываемая служащему, во время исполнения им своих обязанностей или в связи с этим.

Суд допускает расширительное толкование определения ответственности банка, защищая тем самым интересы граждан, которые руководствуются «очевидной» ситуацией. В соответствии с принципом расширительного толкования мы видим, что это смягчает ответственность банка в том случае, если не возникает вопроса о защите вышеуказанных прав. Суд снимает ответственность с банка, если доказано, что клиент не руководствуется «очевидной» ситуацией и что клиент, вступая в деловые отношения со служащим банка, взаимодействовал лично с ним не как со служащим самого банка. Исходя из этого предположения суд рассматривает различные доводы, среди которых то обстоятельство, что служащий, которому клиент передавал ценные бумаги для совершения той или иной операции, не находился в месте, предназначенном для клиентов и, следовательно, в его компетенцию не входило совершение подобных действий, а также то, что клиент полностью представляет себе его обычные функции, или то обстоятельство, что служащий получил от клиента денежные суммы или вознаграждения за ту или иную операцию зная, что банком не принято осуществлять эту операцию. Или то, что между клиентом и служащим существуют личные отношения, или то обстоятельство, что операция была совершена вне банка, что может служить доказательством того, что клиент обращался именно к служащему, а не к самому банку, коль скоро установлено, что банк не практикует направление своих служащих за пределы банка для совершения той или иной операции.

Необходимо доказать, что целью обращения клиента лично к служащему было обращение к банку. Если это не доказано, клиент несет ответственность за совершенные действия.

Таким образом, суд возлагает на банк ответственность за действия его служащих, выполняющих свои обязанности и действия, которые выходят за пределы этих обязанностей, или неочевидные действия, наносящие ущерб клиентам.

Нет никакой пользы в том, что банк предостерегает своих клиентов о последствиях обращений к служащим. Эти предостережения не снимают с банка ответственности за то, в каких отношениях находятся клиенты и служащие, когда клиенты доверяют агентам и служащим банка, поручая им совершить ту или иную операцию. Гражданам бывает трудно брать на себя обязательство осторожно относиться к совершению операций, исходя из необходимости предположения о доверии граждан к служащим банка. В суде утверждают, что вместо этого предостережения банку следует более внимательно относиться к подбору своего персонала и не отказываться от результатов их деятельности, которую они начинают на должности служащего банка, а также то, что банк не должен заранее сообщать о компетенции каждого служащего пока им (банком) не будет доказано, что клиенту действительно известна компетенция служащего, к которому он обращается.

Исходя из этого, банк должен отвечать за действия своих служащих в следующих случаях:

8 Др. Эдуард Ид Положения о банкротстве и банковском дефолте. — Издание юридической и литературной библиотеки Зейн. — С. 73.

9 Корнборст «Гражданская ответственность банков за действия их служащих» // Французский журнал «Банк». — 1974. — С. 6.

1. Если действие, наносящее ущерб, совершается служащим во время исполнения им своих обязанностей или в связи с ними.

2. Если действие совершено за пределами обязанностей служащего, но клиент не знал о том, что служащий превысил свои полномочия.

3. Ответственность банка наступает в случае, если служащий злоупотребил своими обязанностями, в то время как клиент не знал об этом.

4. Если служащий действует в своих личных интересах, но клиент не имеет целью обратиться к нему исходя из этого, а обращается к банку в силу определенных условий.

5. Банк не должен сообщать гражданам о полномочиях того или иного служащего, коль скоро граждане не имеют реальной информации о распределении полномочий между служащими банка.

6. С банка не снимает ответственности то обстоятельство, что полномочия управляющих определены уставом банка,

в то время как управляющий действует в рамках обычных полномочий, принятых для аналогичных банков в установленном порядке в соответствии с концепцией «очевидного» действия.

Пристатейный библиографический список

1. Мажд Хаддад. Определение понятия «ответственность» // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12. – С. 95 – 98.
2. Жавилда, Стофлей — подробное определение банка во французском законе. — Том 51.
3. Гражданская ответственность для банков // Французский журнал «Банк». — 1947.
4. Др. Махмуд Наджиб Хосни Разъяснения ливанского закона о банках. — 1 глава. — 1 часть.
5. Сирийский закон о банках № 28. — 2001.
6. Разъяснения сирийского закона о банках // Журнал «Юристы в Сирии». — 4 издание. — 2006.

Софронова Т. В.
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ
В СФЕРЕ ИНВАЛИДНОСТИ ПО УКАЗАМ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Проводится анализ государственно-правового регулирования отношений в сфере инвалидности в России в эпоху правления Петра I. По мнению автора, с именем Петра I связан первый опыт организации государственного призрения и формирования русского имперского законодательства в сфере инвалидности.

Ключевые слова: инвалид, государственное призрение, госпитали, приюты, налоги.

Sofronova T. V.
STATE AND LEGAL REGULATION OF THE RELATIONSHIPS
IN INVALIDITY SPHERE ACCORDING TO DECREES OF PETER THE GREAT

The analyses of state and legal regulation of the relationships in invalidity sphere in Russia during the reign of Peter the First is carried out. In the author's opinion, the first experience of the state charity creation and Russian Imperial legal system formation in the invalidity sphere is connected with the name of Peter the Great.

Keywords: invalid, state charity, hospitals, shelters, taxes.

Софронова Т. В.

Государственно-правовое регулирование отношений в сфере инвалидности начинает складываться в период преобразований Петра I и проходит длительный исторический промежуток времени — с XVIII по вторую половину XIX вв. Итогом государственной деятельности Петра I стали около трех с половиной тысяч указов, уставов и регламентов, среди которых имелись многочисленные предписания по организации государственного призрения, искоренению церковно-монастырской и частной милостыни, борьбе с нищенством и бродяжничеством. Монарх, стремящийся переkreпить весь уклад российской общественной жизни на европейский манер, не мог не оставить без внимания и управление делами в сфере инвалидности. Петр I, знакомясь с жизнью европейских стран, осознавал необходимость организации государственного призрения инвалидов.

«В период средневековья именно церковь была хранителем древней традиции права, универсального для всех народов. На протяжении всего указанного периода церковные правоведы стремились создать систему норм, отвечающую идеям христианского поведения»¹. Так, осваивая западноевропейские идеи в различных областях жизни общества, указом от 8 июня 1701 г. «Об определении в домовые святейшего Патриарха богадельни нищих, больных и престарелых» Петр I провозглашает об открытии при приходских церквях богаделен и помещении в них нищих, больных и престарелых, которые «не могут ходить для сбирания милостыни». При десяти человек больных в богадельне полагалось по одному человеку здоровому, «который бы за теми больными ходил и всякое им вспоможение чинил». Для лечения больных приказывалось «учинить особых лекарей и давать тем лекарям кормовые деньги и покупать лекарства из Патриаршей домовой казны»².

Однако, стремясь к улучшению способов государственной благотворительности, монарх не выделяет достаточное количество средств на эту деятельность из государственной казны, возлагая эту роль, прежде всего, на церковь и монастыри. Указом от 30 декабря 1701 г. он потребовал, «что будет в монастырях в остатке от хлеба и денег, из того давать на пропитание нищих, в богадельни»³. В церквях существовали «венчальные сборы», доход от которых также направлялся на благотвори-

тельные нужды. До 1714 г. по этим сборам предполагалось «с первобрачных по двенадцати копеек, с полторобрачных по осмнадцати копеек, со второбрачных по двадцати пяти копеек, с трехбрачных по тридцати копеек». После указа от 3 июня 1714 г. произошло их увеличение вдвое. Запрещалась вольная продажа восковых свечей, а исключительное право их продажи предоставлялось церкви⁴. Для урегулирования вопроса по продаже церковных свеч при Берг-коллегии учреждались свечные заводы. Однако реализация этого проекта вызывала затруднения, о чем указывали церковные служители отдельных губерний, таких как Астраханская, Черниговская и др.⁵

После разделения России на губернии на них возлагается организационная, финансовая и законодательная ответственность в деле общественного призрения. Появляются первые указы о деятельности губерний в деле призрения, где им велено устраивать «гошпитали», в том числе и для увечных. Указ от 31 января 1712 г. «Об учреждении во всех губерниях гошпиталей» предполагал повсеместное открытие приютов и госпиталей для немощных и калек⁶. Последующие указы конкретизировали, на какие средства должны содержаться престарелые и увечные люди: средства на хлеб и одежду брались с обывателей сел и деревень, к которым они были приписаны⁷.

Ссылаясь на практику европейских государств, в которых светские убежища, приюты и госпитали финансировались из средств государственного и городского бюджета, специального налога и добровольных пожертвований, царь решил применить этот метод и в России.

На содержание госпиталей Петр I вводит налог, по которому: «На содержание гошпиталей и довольствие больных, у всяких чинов людей, как воинских, так и духовных и статских и прочих... вычитать на каждый год от каждого рубля по копейке»⁸. Указом от 29 июля 1723 г. устанавливались правила сбора добродетельных подаяний по храмам во время богослужения в два кошелька: в один на церковь, а в другой на госпитали. Виновность в похищении добродетельных подаяний расценивалась как святотатство и предполагала соответству-

1 Романовская В. Б., Суконкин Д. В. Влияние канонического права на договорное право средневековой Англии. // История государства и права. — 2013. — № 13. — С. 26.

2 ПСЗ I. — Т. IV. — № 1856.

3 ПСЗ I. — Т. IV. — № 1886.

4 ПСЗ I. — Т. V. — № 2821.

5 Описание документов хранящихся в архиве Святейшего Синода. — Т. I. — С. 120–121.

6 ПСЗ I. — Т. IV. — № 2477.

7 ПСЗ I. — Т. V. — № 4623.

8 ПСЗ I. — Т. VI. — № 3867.

ющие наказания⁹. Штрафные деньги с раскольников также употреблялись на призрение нищих и убогих¹⁰.

Обязанности по организации государственного призрения Петр I возложил на Главный Магистрат. В нем Петр I определяет роль полиции в деле общественного призрения, как одного из субъектов социальной защиты инвалидов. Регламент или Устав Главного Магистра от 16 января 1721 г., по сути, лег в основу русского имперского законодательства о юридическом положении «сирых, убогих, больных и увечных». В нем Петр I определяет роль полиции в деле общественного призрения, как одного из субъектов социальной защиты инвалидов, повелевая «добрую полицию учредить», через местные магистраты «заводить смирительные дома, больницы и школы», как это устроено в иностранных государствах, создать больницы для призрения не только в крупных, но и в небольших городах¹¹. В Регламенте указаны основные институты призрения, в том числе: «гошпитали» для призрения сирых, больных, увечных, убогих, «престарелых людей обоего пола»; «сиротские дома» — для убогих и оставшихся без родителей детей, где бы их воспитывали и содержали; «другие дома от разных болезней бедных лечат». Надлежало данные дома построить в каждой губернии за счет земских отчислений¹². Первые шаги законодательной регламентации в области защиты прав и интересов детей, в том числе и детей с ограниченными возможностями, прослеживаются в «Стоглаве» 1551 г. и выходят на государственно-правовой уровень при осуществлении реформ Петром I¹³.

Святейшему Синоду также предписывалось устраивать «гошпитали по регламенту»¹⁴. Однако денег, поступающих на содержание госпиталей, не хватало, и поэтому Синод 11 июня 1724 г. предписал содержать призреваемых за счет Монастырского приказа¹⁵.

Регламентируя жизнь монастырей, Петр I предусматривал не только материальный, но и организационный контроль над деятельностью церкви, определяя новые направления церкви в деле общественного призрения — строительство при церквях богаделен и лазаретов, где предписано было собирать «здравия весьма лишенных, кормиться собою немощных...». «Регламент, или Устав Духовной коллегии» от 25 января 1721 г. обязал обители содержать за свой счет и под своим кровом фиксированное число «отставных солдат и всяких убогих, не могущих работать; монахи должны им служить, в женских монастырях велено воспитывать подкидышей или сирот»¹⁶.

Вследствие необходимости устройства в городах богаделен для призрения увечных и престарелых был направлен Сенатский указ от 25 октября 1723 г., предписывающий «слепых, дряхлых, увечных и престарелых, которые ни в чем работать не могут, ни стеречь, а кормятся миром, а чьи они были, не помнят; тех отдавать в богадельни»¹⁷. Инструкция Главному Магистрату 1724 г. предписывала содержать нуждающихся за счет городских обществ, а прием обывателей ограничивать лицами местного проживания. Это делалось вследствие много-

численности нуждающихся призреваемых и контроля за средствами по их содержанию¹⁸.

Государство постепенно начинало осознавать необходимость переписи «больных, сирых и убогих». Так, указами от 23 октября 1723 г. и 3 июня 1724 г. приказывалось губернаторам, воеводам и управителям переписать во всех городах больных, увечных, нищих и сирот, как обретающихся в госпиталях и богадельнях, так и всех других, которые по болезни или увечью пропитать себя не могут. При этом расписывался порядок производства переписи: указы должны были посылаться в города запечатанными, а распечатываться в один день везде публично, под опасением за преждевременное распечатывание «жесточкого штрафа»¹⁹.

Во время переписи власть столкнулась с явлением, при котором слепые, увечные, престарелые «объявляют, что живут по богадельням, но кормятся миром» и «чьи они были, не помнят». Для решения этого вопроса Сенат, ссылаясь на указы 1712 г. и 1718 г., предписал престарелых и убогих отдавать в богадельни и госпитали, малолетних передавать в частные руки «в вечное владение». С помещиков, отпустивших своих людей, устанавливался штраф в 40 рублей с каждого человека, а за отпущенных стариков вменялось брать в рекруты годных крестьян. Нищих и обездоленных людей, живших в городах, «а чьи они и отколь...не помнят», записывали в подушный оклад того места, где они проживают²⁰.

Из сказанного следует, что Сенат зачастую перекалывал заботы о призрении инвалидов, престарелых из крепостных крестьян на помещиков. Такой подход к призрению инвалидов из крепостных крестьян прослеживается вплоть до отмены крепостного права.

В связи с тем, что в период петровского царствования проводились непрерывные и кровопролитные войны, требовалось постоянное пополнение численности армии. Исходя из этого, Петр I осуществляет перепрофилирование существующих богаделен, отдав часть из них военным инвалидам²¹. Содержание таких богаделен для «увечных воинов» царь также возложил на монастыри и богадельни с выдачей военным инвалидам пожизненного содержания по гарнизонным окладам²².

Последующими указами предписывалось назначение содержания всем отставным офицерам и солдатам²³, а использование монастырей для призрения военнослужащих повелевалось лишь в тех случаях, когда отставной воин не имел своего дома²⁴. Предполагалось, что призреваемые военные могли принять постриг. Для того чтобы закрепить вакансии монахов за отставными и увечными военными, указом от 28 января 1723 г. «О переписи в монастырях монахов, о непострижении их вновь и об определении на убылые места отставных солдат» Петр I запретил постригать в монахи из других сословий. Хлебное и денежное довольствие для отставных военных производилось из монастырских доходов, которые назначались на содержание монахов²⁵.

Особого внимания заслуживают реформы Петра I, направленные на искоренение нищенства. Очевидно, что данные реформы также отражают отдельные вопросы государственно-правового регулирования в сфере инвалидности, так как среди нищенствующего населения большую часть составляли

9 ПСЗ I. — Т. VII. — № 4277.

10 ПСЗ I. — Т. V. — № 2821, ПСЗ I. — Т. VI. — № 3962.

11 ПСЗ I. — Т. VI. — № 3708.

12 Там же.

13 Шамрин М. Ю. Административно-правовое регулирование защиты прав детей в России: организационно-исторический аспект // Евразийский юридический журнал № 2 (57) 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4040&Itemid=604. Дата обращения: 20.11.2014.

14 ПСЗ I. — Т. VII. — № 4450.

15 Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — Т. IV. — № 1313.

16 ПСЗ I. — Т. VI. — № 3718.

17 ПСЗ I. — Т. VII. — № 4335.

18 ПСЗ I. — Т. VII. — № 4624.

19 ПСЗ I. — Т. VII. — № 4335, № 4522.

20 ПСЗ I. — Т. VII. — № 4335.

21 ПСЗ I. — Т. IV. — № 2249.

22 ПСЗ I. — Т. V. — № 3409.

23 Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — Т. I. — № 92, Т. II. — № 357.

24 ПСЗ I. — Т. VI. — № 3920; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. — Т. II. — № 738.

25 ПСЗ I. — Т. VII. — № 4151.

«калеки и убогие». Указами № 1424 от 30 ноября 1691 г., № 2470 от 21 января 1712 г. запрещалось подавать милостыню и предлагалось забирать гулящих людей и рассылать их по месту жительства²⁶. Именные указы № 3172 от 25 февраля 1718 г.; № 3212 от 20 июня 1718 г., № 3213 от 20 июня 1718 г., № 3676 от 16 ноября 1720 г. требовали всех нищих, дерзнувших показаться в Москве или Санкт-Петербурге, арестовывать и бить батогами, задержанных же вторично — направлять на каторжные работы. Указы 1719 и 1721 гг. предписывали задержанных без разбора объявлять государственными крепостными и рассылать по полотняным заводам, обеспечивающим нужды военного флота. За подаяние нищему взыскивался штраф — пять рублей за каждую милостыню. Штрафные деньги следовало направлять на содержание столичных госпиталей.

Таким образом, осознавая вред безразборчивой милостыни, поддерживающей лишь «здравых ленивцев», Петр I пытается минимизировать нищенство, определяет необходимость конфискации подаяний и раздел этих подаяний между государством и поимщиком, а лиц, жертвующих личные средства на подаяния, указом предлагается наказывать.

Петр I осознавал необходимость развития государственной системы помощи и поддержки и по отношению к «засорным» детям, которых рекомендовалось помещать в приюты, кроме того, «старым», «увечным», вдовам и «бесприютным недорослям» предполагалось предоставление помещения, пища и одежда в госпиталях и монастырях, либо давались «кормовые деньги». Намечалась система помощи детям, оставшимся без попечения родителей, а также детям с различными отклонениями в развитии²⁷. Отметим, что до Петра I такие определенные способы призрения со стороны государства раньше не формулировались и последовательно не применялись²⁸.

Важной вехой в системе законодательного регулирования правоотношений в сфере инвалидности явились указы, впервые определившие критерии оценки психического состояния испытуемого. 6 апреля 1722 г. был принят Указ «О свидетельствовании дураков в Сенате»²⁹, который впервые законодательно определил порядок освидетельствования психически нездоровых лиц, относящихся к дворянскому сословию. Его появление было вызвано государственной необходимостью в борьбе с уклонением дворян от службы, так как родители молодых людей, боясь их отправки на учебу за рубеж, начали повсеместно ссылаться на их «слабоумие». Освидетельствование в Сенате «дураков» означало фактически установление недееспособности лиц, имеющих психические нарушения. В обоснование этих мер отмечалось, что «дураки» не только не годятся «ни в какую науку и службу», но и «подданных бьют и мучат», «беспутно расточают имущество» и даже «смертные убийства чинят». Указ оговаривал также необходимость наблюдения за имуществом данной категории граждан со стороны семьи. Впервые ставится вопрос о запрещении таким лицам вступать в брак. Кроме того, всех «увечных, слепых и дряхлых, и дураков», находящихся при расположении полков, повелевалось переписывать и «в расположение полков положить», установив над ними «особый» контроль³⁰. Законом запрещалось также посылать «сумасбродных и в уме помешанных» в монастыри³¹. В дополнение к Указу 1722 г. 6 декабря 1723 г. был издан указ, по которому не только устанавливалась фор-

ма и способ освидетельствования, но и были даны критерии оценки психического состояния, при котором определялась способность лица давать разумные ответы на поставленные вопросы «как бы можно умному человеку ответ в том учинить»³². Процедура установления состояния психического здоровья явилась прообразом будущего освидетельствования психически больных, продолжающегося на протяжении всего времени существования царской России.

Таким образом, первый опыт организации государственного призрения был связан с указами Петра Великого. В общественной практике складывается государственный подход к проблемам инвалидности, оформляется достаточно разветвленная государственно-правовая система социальной защиты, включающая в себя новые государственные институты помощи и поддержки, государственные превентивные и защитные меры по отношению к различным незащищенным слоям населения, происходит усиление законодательной базы, регулирующей отношения в сфере инвалидности. Строительство богоугодных заведений в России становится одним из элементов европеизации Руси. Однако отсутствие широкой сети государственных учреждений, осуществляющих помощь лицам с физическими и психическими недостатками, недостаточность средств, выделяемых государством на эти нужды, не давали в полной мере обеспечить реализацию поставленных задач в сфере оказания помощи лицам с ограниченными возможностями.

Пристатейный библиографический список

1. Максимов Е. К. истории государственного призрения в России // Трудовая помощь. — 1901. — № 1.
2. Описание документов хранящихся в архиве Святейшего Синода. — Т. I.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое 1649–1825 гг. под ред. М. М. Сперанского. — Т. IV, V, VI, VII // изд-во: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. — СПб., 1830.
4. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — Т. I. — № 92–1721 г. — СПб.: в Синодальной типографии, 1869.
5. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. — Т. II. — № 357, 738–1722 г. — СПб.: в Синодальной типографии, 1872.
6. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. — Т. IV. — № 1313–1724–1725 г. — СПб.: в Синодальной типографии, 1876.
7. Романовская В. Б., Сукокин Д. В. Влияние канонического права на договорное право средневековой Англии. // История государства и права. — 2013. — № 13.
8. Российское законодательство X–XX вв. — Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. / Под ред. О. И. Чистякова. — М.: Юрид. лит-ра, 1986.
9. Шамрин М. Ю. Административно-правовое регулирование защиты прав детей в России: организационно-исторический аспект // Евразийский юридический журнал № 2 (57) 2013. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4040&Itemid=604 (дата обращения: 20.11.2014).

26 ПСЗ I. — Т. III. — № 1424; ПСЗ I. — Т. IV. — № 2470.

27 ПСЗ I. Т. VII. — № 4335.

28 Трудовая помощь. — 1901. — № 1. — с.35.

29 ПСЗ I. — Т. VI. — № 3949.

30 ПСЗ I. — Т. VI. — № 4068.

31 ПСЗ I. — Т. VII. — № 4296.

32 ПСЗ I. — Т. VII. — № 4385.

Габдрахманов Ф. В.
ПОСЛЕДСТВИЯ СУДИМОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АМНИСТИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА)

В статье анализируются последствия судимости, закрепленные в законодательных актах дореволюционной России и отмененные Временным правительством в марте 1917 г.

Ключевые слова: уголовное право, судимость, снятие судимости, общеправовые последствия судимости, Уголовное уложение, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

Gabdrakhmanov F. V.
CONSEQUENCES OF CRIMINAL RECORD IN THE REGULATORY ACTS
OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA
(ADAPTED FROM THE AMNESTY DECLARED BY PROVISIONAL GOVERNMENT)

The article analyzes the consequences of a criminal record provided in the legislation of pre-revolutionary Russia and abolished by the Provisional Government in March 1917.

Keywords: criminal law, criminal record, cancellation of criminal record, clearing of criminal record, general legal consequences of criminal record, Criminal Statute, Penal Code of criminal and curative penalties.

Габдрахманов Ф. В.

Вопрос о судимости и ее последствиях в уголовном праве дореволюционной России¹ является одним из белых пятен истории. В законодательных актах и научных исследованиях этого периода судимость упоминается очень редко². Повышенный интерес к теме судимости обусловлен не только существующими пробелами, но и необходимостью определения ее места в структуре правоограничений (праволишений), степени влияния на политические, сословные, имущественные, семейные и иные права осужденного и членов его семьи, формирование государственных и общественных институтов царской России.

Современные исследования увязывают последствия судимости со ст. 35 Уголовного уложения, согласно которой для ранее судимых лиц предусматривался запрет на проживание в определенных местностях, ограничивалось право на выбор места жительства в столице, губернских городах и др.³

В качестве правового ключа в раскрытии содержания последствий судимости в дореволюционном праве России мы использовали мартовскую амнистию 1917 г. Научная и практическая ценность этой амнистии в том, что впервые было дано официальное толкование понятия «последствия судимости». Так, в целях единообразного применения постановления Временного правительства от 17 марта 1917 г. об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления, Министерство юстиции разъяснило старшим председателям и прокурорам судебных палат, председателям и прокурорам окружных судов,

что под выражением «освободить от всех последствий судимости» следует понимать восстановление во всех правах, лишение которых вытекало из «ст. 22–28, 43, 461, 50, 66, 67 Улож. Наказ. и ст. 26–30 Угол. Улож.»⁴.

П. И. Люблинский, основываясь на материалах указанной амнистии, отнес к последствиям судимости полицейский надзор и воспрещение свободного избрания места жительства, ограничения в роде деятельности, принятие во внимание прежней судимости для определения рецидива и др.⁵ А. А. Иванов отметил, что приговоренные к незначительным срокам лишения свободы освобождались полностью с погашением всех последствий судимости (т.е. без прежней обязательной ссылки и полицейского надзора)⁶.

Анализ Циркулярного распоряжения Министерства юстиции показывает, что содержание «последствий судимости» охватывало значительный круг правоограничений. Последствия судимости увязывались с осуждением (присуждением) к определенному виду наказания (смертной казни, каторге, ссылке на поселение и др.), соединенных с лишением прав состояния (ст. 25–28 Угол. улож., ст. 17 Улож. о наказ.).

Лишение прав состояния влекло потерю почетных титулов, чинов, орденов и других знаков отличия, почетных званий и пенсий, удаление от государственных, церковных, сословных, земских, городских и общественных должностей, отобрание принадлежащих осужденному грамот, дипломов, патентов и аттестатов (ст. 23 Улож. о наказ., ст. 28 Угол. улож.).

Для дворян оно состояло в потере дворянства потомственного или личного; для священнослужителей, монашествующих и вообще лиц духовного звания — духовного сана и звания. Все они ли-

1 В рамках данной статьи проанализированы Уголовное уложение 1903 г. (сокр. Угол. улож.) и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных изд. 1885 г. (сокр. Улож. о наказ.).

2 См. Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. — Т. 1 (выпуск первый). — СПб., 1863. — С. 419 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/2271/read#page425> (дата обращения: 18.01.2015); Российское законодательство X–XX веков. Судебная реформа. — Т. 8. Устав уголовного судопроизводства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/sud_ustav/ustav_ug_sud.htm (дата обращения: 28.11.2014).

3 Курс уголовного права. Общая часть. — Т. 2: Учение о наказании: Учеб. для вузов / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. — М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999. — С. 279; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. А. Ашин, А. П. Войтович, Б. В. Волженкин и др.; под ред. А. И. Чучаева. — М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009; Самылина И. Н. Судимость // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2010. — № 2. — С. 10–13 и др.

4 Циркулярное распоряжение Минюста от 14 апреля 1917 г. № 13421 // Журнал Министерства юстиции. — 1917. — № 4. — С. 39–40 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/56713/read#page42> (дата обращения: 22.01.2015). В этом распоряжении указаны сокращенные названия и в статье анализируются Уголовное уложение 1903 г. (Угол. улож.) и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных изд. 1885 г. (Улож. о наказ.).

5 Люблинский П. И. Мартовская амнистия // Журнал Министерства юстиции. — 1917. — № 4. — С. 9. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/56713/read#page57> (дата обращения: 19.12.2014).

6 Иванов А. А. Правовая политика Временного правительства в сфере борьбы с преступностью: иллюзии и реальность // История государства и права. — 2009. — № 6. — СПС КонсультантПлюс.

шались прав и преимуществ, которые предоставляло нахождение в указанных должностях. Такие же последствия с потерей доброго имени наступали для почетных граждан, купцов и людей других состояний (ст. 25 Угол. улож.). Некоторые ограничения в виде лишения прав наступали и для членов их семей. Так, купеческого свидетельства лишались и включенные в него члены купеческого семейства (ст. 22 Улож. о наказ.). Г. Г. Евангулов отмечал, что лица, лишенные прав состояния, подвергались срочному ограничению государственной правоспособности⁷.

Присуждение к смертной казни, каторге или ссылке на поселение влекло за собой утрату осужденным прав по имуществу, прав на наследование по закону в отношении наследства, открывающегося после вступления приговора в законную силу и др. Кроме этого, присуждение к каторге или ссылке на поселение влекло за собою прекращение супружеских прав, родительской власти над детьми, родившимися до вступления приговора в законную силу (ст. 25, 26 Улож. о наказ., ст. 29 Угол. улож.).

Согласно ст. 27 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных потеря семейственных прав состояла:

1) в прекращении прав супружеских, за исключением случаев, когда жена осужденного или муж осужденной добровольно последовали за своими супругами в место их ссылки;

2) в прекращении власти родительской над детьми, прижитыми до осуждения, если дети осужденного не последовали за ним в место его ссылки или впоследствии его оставили;

3) в прекращении всех прочих прав, основанных на связях родства или свойства (ст. 28 Улож. о наказ.).

Вследствие потери прав собственности все прежнее имущество осужденного на каторжную работу или к ссылке на поселение со дня обращения приговора к исполнению поступало к его законным наследникам, точно так же, как поступило бы вследствие естественной его смерти. К ним также по праву представления поступало и всякое имущество, которое могло бы достаться виновному по наследству после его осуждения (ст. 27, 28 Улож. о наказ.).

Подробные правила относительно семейственных и имущественных прав осужденных к ссылке в поселение регулировались гражданскими и другими законами, например, уставом о ссыльных.

Присужденные к тюремному заключению дворяне, лица духовного звания и почетные граждане подвергались лишению прав состояния, если ими были совершены корыстные или бесчестные преступные деяния, перечисленные в части первой ст. 27 Уголовного уложения. В этот перечень вошли несколько статей, за совершение которых назначалось заключение в исправительном доме⁸. В случае осуждения к заключению в тюрьме состоящие в запасе нижние чины, состоящие на льготе и в запасном разряде казаки лишались унтер-офицерского и других соответствующих унтер-офицерскому званий (ч. 2 ст. 27 Уголовного уложения).

Приговоренный к каторге, ссылке на поселение, заключению в исправительном доме, а также соединенному с лишением прав состояния заключению в тюрьме утрачивал право:

1) участвовать в постановлениях и выборах сословных собраний и быть избираемым или избирателем в земских, городских или общественных собраниях;

2) состоять на государственной, сословной, земской, городской или общественной службе;

3) состоять на службе в армии или во флоте;

7 Евангулов Г. Г. Уголовное уложение (Высочайше утвержденное 22.03.1903): Текст закона с очерком основных положений и существенных отличий его от действующего законодательства с алфавитным предметным указателем. — СПб., 1903. — С. 29 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/18301/read#page29> (дата обращения: 9.01.2015).

8 Уголовное уложение. Краткое изложение главных положений его в сопоставлении с действующим правом / Составитель А. К. фон-Резон. — СПб., 1903. — С. 62.

4) занимать церковные должности;

5) выбирать промысловые свидетельства на торговые предприятия первых двух, а на промышленные — первых пяти разрядов, равно как и на соответствующие им пароходные предприятия, а также на предприятия по производству золотого или платинового промысла;

6) быть опекуном или попечителем;

7) быть начальствующим, воспитателем или учителем в общественном или частном учебном заведении, а также пользоваться правами домашнего учителя;

8) быть третейским судьей, а равно членом конкурсного управления или администрации, присяжным попечителем, присяжным заседателем, присяжным поверенным или поверенным по делам, находящимся в государственных, сословных, земских, городских или общественных установлениях;

9) быть свидетелем при договорах или актах, требующих свидетельской скрепы (ст. 30 Уголовного уложения, ст. 43 Уложения о наказаниях).

Таким образом, все последствия судимости, закрепленные в Уголовном уложении и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, в зависимости от сфер воздействия можно классифицировать на ограничивающие политические, гражданские, социальные, сословные, семейственные права человека.

Пристатейный библиографический список

1. Евангулов Г. Г. Уголовное уложение (Высочайше утвержденное 22.03.1903): Текст закона с очерком основных положений и существенных отличий его от действующего законодательства с алфавитным предметным указателем. — СПб., 1903 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/18301/read#page29> (дата обращения: 9.01.2015).
2. Иванов А. А. Правовая политика Временного правительства в сфере борьбы с преступностью: иллюзии и реальность // История государства и права. — 2009. — № 6. — СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18.12.2014).
3. Курс уголовного права. Общая часть. — Том 2: Учение о наказании. Учебник для вузов / Под ред. доктора юридических наук, профессора Н. Ф. Кузнецовой и кандидата юридических наук, доцента И. М. Тяжковой. — М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999.; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. А. Ашин, А. П. Войтович, Б. В. Волженкин и др. / Под ред. А. И. Чучаева. — М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009.; Самылина И. Н. Судимость // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2010. — № 2.
4. Люблинский П. И. Мартовская амнистия // Журнал Министерства Юстиции. — 1917. — № 4. — С. 9. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/56713/read#page57> (дата обращения: 19.12.2014).
5. Российское законодательство X–XX веков. Судебная реформа. — Том 8. Устав уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/sud_ustav/ustav_ug_sud.htm (дата обращения: 28.11.2014).
6. Уголовное уложение. Краткое изложение главных положений его в сопоставлении с действующим правом / Составитель А. К. фон-Резон. — СПб., 1903.
7. Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. — Т. 1 (выпуск первый). — СПб, 1863. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/2271/read#page425> (дата обращения: 18.01.2015).
8. Циркулярное распоряжение Минюста от 14 апреля 1917 г. № 13421 // Журнал Министерства юстиции. — 1917. — № 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/56713/read#page42> (дата обращения: 22.01.2015).

Азнагулова Г. М.

РАЗВИТИЕ ИДЕИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ XVI–XX ВВ.

В статье рассматривается развитие учения о гражданском обществе в западной политико-правовой мысли XVI–XX вв. во взаимосвязи с теорией естественного права и общественного договора, а также в рамках марксистского подхода к обществу и государству. Этот период характеризуется разложением феодализма, зарождением и развитием капиталистических общественных отношений, появлением политически организуемых классов; возникновением системы республиканско-демократических институтов и разделения властей; принятием конституций, декларирующих основные права человека и гражданина; построением социальных отношений в формах взаимопризнания индивидов как равноправных субъектов.

На основе анализа автором показано, что в указанный период в трудах философов, политиков и правоведов рассматривались проблемы соотношения «личность-общество-государство», обеспечения прав и свобод граждан во всех сферах общественной жизни, защиты их интересов, построения демократического государства с верховенством закона, что привело к построению развитого гражданского общества. Понятие «гражданское общество» как правовая категория вошло в научный оборот и отечественных ученых-юристов. В работе обсуждаются подходы к определению гражданского общества.

Ключевые слова: юриспруденция, политико-правовая мысль, гражданское общество, правовое государство, общественный договор, разделение властей, права человека и гражданина, естественное право, демократия, частная собственность, равенство, гражданская свобода, правовой порядок.

Азнагулова Г. М.

Aznagulova G. M.

DEVELOPMENT OF THE IDEA OF CIVIL SOCIETY IN THE WESTERN POLITICAL AND LEGAL THOUGHT IN XVI–XX CENTURIES

The paper discusses the development of civil society doctrine in the Western political and legal thought of XVI–XX centuries in conjunction with the theory of natural law and social contract as well as the Marxist approach to society and state. This period is characterized by the disintegration of feudalism, the birth and development of capitalist social relations, the emergence of politically organizing classes; the occurrence of republican-democratic institutions and separation of powers; the adoption of constitutions declaring basic human and civil rights; the construction of social relations in forms of mutual recognizing of individuals as equal subjects.

On the basis of the analysis the author shows that during this period in their writings philosophers, politicians and jurists considered problems of the «individual-society-state» correlation, of ensuring civil rights and freedoms in all spheres of public life, protection of their interests, democratic state building with the rule of law, which led to the construction of the advanced civil society. The notion of civil society as a legal category was included in the turnover of domestic legal scholars. The paper discusses approaches to the definition of civil society.

Keywords: jurisprudence, political and legal thought, civil society, law-governed state, social contract, separation of powers, human and civil rights, natural law, democracy, private ownership, equality, civil freedom, legal order.

Идеи гражданского общества, зародившиеся в Древней Греции и Римской империи, получили дальнейшее развитие в трудах средневековых мыслителей.

Важный этап развития учения о гражданском обществе, когда происходит обоснование основополагающих его положений, охватывает XVI–XVIII вв. В этот период в ходе ранних буржуазных революций на место прежних сословий приходят политически организуемые классы; возникает система республиканско-демократических институтов и разделения властей; появляются конституции, декларирующие основные права человека и гражданина; социальные отношения строятся в формах взаимопризнания индивидов как равноправных «юридических лиц». Эти положения стали основой политико-правовых концепций той эпохи.

В этот период теория гражданского общества разрабатывалась Томасом Гоббсом, Джоном Локком, Шарлем Монтескье, Жаном-Жаком Руссо, Иммануилом Кантом, Георгом Гегелем и другими мыслителями на основе идеи естественного права и общественного договора.

Значительное влияние на развитие учения о гражданском обществе оказали идеи английского философа Томаса Гоббса (1588–1679), изложенные в его трудах «Левиафан» и «О государстве», посвященных проблемам образования и устройства государства, правам власти и обязанностям граждан. Т. Гоббс рассматривает государство как человеческое установление,

общественный договор между людьми, добровольно ограничивающими свою свободу и передающими часть прав государственной власти, на которую возлагаются функции охраны мира и благочестия. Он всячески превозносит роль государства, признаваемого абсолютным сувереном, не связывающим свою деятельность с социальными и правовыми нормами, т.е. выступающим обособленно от гражданского общества. В то же время абсолютную полноту власти суверен приобретает благодаря действиям самого общества. Последнее подчеркивает противоречивый дуалистический характер гражданского общества в учении Т. Гоббса.

Английский философ Джон Локк (1632–1704) разрабатывал идею «первоначального общественного договора», который представлялся как соглашение-законодательство, посредством которого естественные индивиды (т.е. люди, выходящие из «состояния природы» и организующиеся в государство), с одной стороны, сами себя ограничивают в своих обоюдных посягательствах, а с другой — лимитируют возможные деспотические посягательства вновь образующегося государства. Гражданское общество по Локку есть сфера политического соединения, установленного между людьми, когда они выходят из «состояния природы» и объединяются в государство.

Поэтому государство по Дж. Локку возникает только тогда, когда в обществе возникает в этом потребность. Таким образом, государство не является вечным атрибутом обще-

ства. В основе процесса укрепления независимого индивида, по Дж. Локку, лежит частная собственность, которая и является основой гражданского общества. Он понимает политическую власть как право людей создавать законы для сохранения собственности, провозглашает, в отличие от Т. Гоббса, примат гражданского общества перед государством. Государство и политическая власть возникают на определенном этапе развития гражданского общества, когда у членов общества появляется в этом необходимость. Он подчеркивает главное свойство гражданского общества — принцип равенства всех членов гражданского общества перед законами гражданского общества. Дж. Локк считал, что «абсолютная монархия...несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления»¹.

Шарль Луи Монтескье (1689–1755) в своем знаменитом труде «О духе законов», отвергая учение Ф. Аквинского о божественном предопределении социальных явлений, рассматривает историю человечества как закономерный процесс, а гражданское общество — как результат исторического развития, как новую более высокую ступень человеческой истории после естественного состояния, семьи и героического времени, которое в дальнейшем преобразуется в государство для нейтрализации враждебных отношений между людьми. Ш. Монтескье различает в гражданском обществе гражданские и политические законы. Гражданские законы регламентируют отношения собственности и добровольных объединений граждан, т. е. принципы гражданского общества. Политические законы — это законы, регулирующие главным образом политические права и свободы этих же граждан. Под влиянием Дж. Локка Ш. Монтескье развивает учение о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную. В своем труде Ш. Монтескье показывает, что возникновение правовых институтов зависит от влияния географической среды и формы правления; наилучшей же формой он считает монархию, ограниченную конституцией. Важнейшей гарантией общества от произвола и деспотизма со стороны властей, как он полагает, является гражданское общество.

Особенную концепцию гражданского общества выдвинул Жан-Жак Руссо (1712–1778). Через общественный договор, считает он, человек переходит из естественного состояния в состояние гражданское. С этим новым состоянием человека он связывает три главных качества, создающих личность: право собственности; гражданскую свободу, ограниченную единством общей воли; свободу моральную, мешающую поступать не как раб, а как гражданин.

Согласно точке зрения Ж.-Ж. Руссо, появление частной собственности и, как следствие, имущественного неравенства граждан и возникновение государства порождает политическое неравенство граждан. Гражданское общество, по его мнению, это общество, преобразованное в государство с помощью общественного договора. Политический идеал Ж.-Ж. Руссо — это прямая демократия, в которой законы принимаются собранием всех граждан. Провозглашая народный суверенитет, Ж.-Ж. Руссо обосновывает право народа на свержение деспотической власти и восстановление равенства. На протяжении многих десятилетий идеи Ж.-Ж. Руссо оказывали прогрессивное влияние на демократизацию общественной жизни многих стран Европы.

Развитие теории общественного договора поставило вопрос о юридических границах вмешательства государства в жизнь подданных, вопрос о границах принуждения. Наиболее остро поставил и решал эту задачу немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804). Как и Ж.-Ж. Руссо, Кант развил идею верховной власти народа, в то же время в отличие от него придерживался принципа неограниченного суверенитета существующей верховной власти. Он впервые использует понятие «правовой

порядок» исходя из того, что гражданское состояние, рассматриваемое как правовое состояние, основывается на признании свободы каждого его члена, равенстве его по отношению к другим, самостоятельности каждого члена общества как гражданина. Тем самым Кант приходит к выводу о том, что для человечества величайшей проблемой, разрешить которую его вынуждает природа, является достижение всеобщего правового гражданского общества².

Кант дает философское обоснование идеи гражданского общества в следующих положениях: человек все обязан создавать собственными силами и должен отвечать за свои действия; конфликт человеческих интересов и необходимость их защиты являются причинами самосовершенствования людей; гражданская свобода, законодательно обеспеченная правом — это условие самосовершенствования людей.

Принципиально новыми и важными положениями обогащает понимание гражданского общества Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831), определяя гражданское общество как сферу действия частного интереса. Гражданское общество, по Г. В. Гегелю, выступает как совокупность индивидов, лишь путем труда создающих средства для удовлетворения своих потребностей. Основу гражданского общества он видит в частной собственности, общности интересов, всеобщем равенстве граждан и защищенности человека от случайностей. Особую роль, по мнению Г. В. Гегеля, в гражданском обществе играют противостоящие друг другу индивиды³.

В отличие от других мыслителей той эпохи, Г. В. Гегель рассматривает гражданское общество и государство как самостоятельные, но тесно связанные друг с другом институты. В государстве, считает он, представлена всеобщая воля граждан, а гражданское общество представляет собой сферу реализации особенных, частных интересов отдельных индивидов. Сфера государства — это правительственная власть, администрация, а сфера гражданского общества — полицейская и служебная власть. Он оправдывает то, что государство для поддержания законности вторгается в пределы гражданского общества или вмешивается в деятельность судебных органов. По Г. В. Гегелю, гражданское общество и государство могут существовать лишь на базе развитой структуры общества.

Огромные исторические заслуги Г. В. Гегеля в развитии диалектического подхода к вопросам государства и общества были по достоинству оценены основоположниками марксизма. Отмечая, что немецкая классическая философия нашла свое завершение в системе Гегеля, «великая заслуга которого состоит в том, что он впервые представил весь природный исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития. ...История человечества ...предстала как процесс развития самого человечества. Для нас безразлично, что Гегель не разрешил этой задачи. Его историческая заслуга состояла в том, что он поставил ее»⁴.

Новый этап в развитии учения о гражданском обществе связан с Карлом Марксом (1818–1883) и Фридрихом Энгельсом (1820–1895), которые писали, что «гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торгово-промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне в виде национальности и строиться в виде государства»⁵. К. Маркс рас-

1 Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: в 3 т. — Т. 3. — М., 1988. — С. 312.

2 Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. — Т. 1. — М., 1994. — С. 95.

3 Гегель Г. В. Сочинения. — Т. 7. — М. — Л., 1934. — С. 24.

4 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. — Т. 20. — М.: Госиздат. полит. лит-ры, 1961. — С. 23.

5 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 3. — С. 35.

сма­три­вал общество как «продукт взаимодействия людей»⁶ и относил к нему производительные силы и производственные отношения, общественно-политический строй, организацию семьи и классов, общественное сознание. Он писал: «Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и при этом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития со своеобразным отличительным характером»⁷. Таким образом, по Марксу, характер гражданского общества определяется уровнем развития производства, обмена и потребления. В то же время он подчеркивал, что само гражданское общество определяет характер политического строя, который являет собой официальное выражение гражданского общества.

Новое понимание и углубление понятия гражданского общества содержится в трудах Антонио Грамши (1891–1937), известного итальянского политического деятеля и теоретика-марксиста. Он утверждал, что развитие общества не может быть понято только исходя из экономических или политических либо идеологических точек зрения, а важным фактором этого развития является их взаимодействие. Под гражданским обществом он понимал сеть негосударственных организаций, классы, их группы и слои, не охваченные аппаратом государственной власти. Сюда он относил профессиональные, культурно-просветительские и благотворительные организации, а также общественно-политические объединения и группы. Гражданское общество, по Грамши, находится между экономическим и политическим обществами и тесно связано с экономическими структурами и с государством.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что идея гражданского общества, возникнув в античном мире, прошла долгий эволюционный путь, породив различные интерпретации и концепции. Эти идеи являлись отражением сложных переплетений общественных отношений своих эпох и отражали исторически сложный и противоречивый характер процесса становления гражданского общества. История развития человечества свидетельствует: «Становление гражданского общества зависит от степени развитости экономических и правовых отношений, реальности личной и экономической свободы индивидов, действенности механизма общественного контроля за государственно-властными структурами. Качества гражданского общества заложены в любой общественной системе, но могут иметь разную степень развития»⁸.

Можно сказать, что процесс полного становления гражданского общества не завершен ни в одной из существующих стран мира. Формирование гражданского общества является одним из важнейших факторов успешного проведения социально-экономических, политических и правовых реформ, построения правового государства в России. В отечественной юридиче-

ской науке гражданское общество как социальное явление, как правовая категория стали объектом исследования с конца 80-х годов, когда произошли существенные изменения в сфере экономических и политических отношений. Принятие 12 декабря 1993 г. Конституции РФ дало правовые гарантии формирования гражданского общества в стране. В Конституции РФ закреплены многообразие форм собственности, политический плюрализм, многопартийность, экономические, политические и личные права и свободы человека и гражданина.

Понятие гражданского общества многоаспектно, и подходы к его трактовке неодинаковы. В настоящее время различают два подхода⁹.

Первый подход основывается на противопоставлении гражданского общества и государства, и, следовательно, противопоставлении политических и неполитических отношений. Второй подход не исключает политические институты и отношения из сферы действия гражданского общества и рассматривает его как совокупность всех видов общественных отношений, включая и политические.

Исходя из рассмотренного комплекса существенных признаков гражданского общества, представляется возможным принять следующее определение гражданского общества.

Гражданское общество — это свободное демократическое правовое общество, ориентированное на конкретного человека, создающее атмосферу уважения к правовым традициям и законам, общегуманистическим идеалам, обеспечивающее свободу творческой и предпринимательской деятельности, создающее возможность достижения благополучия и реализации прав человека и гражданина, органично вырабатывающее механизмы ограничения и контроля за деятельностью государства¹⁰.

При­ста­тей­ный библиографический список

1. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. — Т. 7. Философия права. — М. — Л.: Соцэкгиз, 1934.
  2. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. — Т. 1. — М., 1994.
  3. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: в 3 т. — Т. 3. — М., 1988.
  4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3, 6, 20, 46. — М.: Госиздат. полит. лит-ры, 1961.
  5. Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник для бакалавров. — М.: Проспект, 2014.
  6. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов В. Д. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА — М, 2013.
-
- 6 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 46. — Ч.1. — С. 402.
  - 7 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 6. — С. 442.
  - 8 Теория государства и права: учебник / Отв. ред. В. Д. Перевалов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма; ИНФРА — М., 2013. — С. 362.
  - 9 Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник для бакалавров. — М.: Проспект, 2014. — С. 558.
  - 10 Теория государства и права / Учебник под ред. В. Д. Перевалова. — С. 359.

Остроумов С. В., Остроумов Н. В., Романовская В. Б. **ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ТЕЧЕНИЯ В АНГЛИИ XIX ВЕКА**

Статья посвящена изучению политико-правовых идей выдающихся английских мыслителей XIX века — Иеремии Бентама, Джона Стюарта Милля, Томаса Карлейля, Роберта Оуэна, писателей и политиков Грэнвилла Шэрпа, Уильяма Уилберфорса и их влиянию на общественную и экономическую жизнь Англии. Анализ их идей дается на фоне экономического состояния государства, достигшего в указанное время высочайшего уровня развития по сравнению с другими государствами континента. Авторы опираются на совокупность методов научного познания, включающих общенаучные и специальные методы, в том числе методы диалектического материализма и историзма, и выявляют взаимное влияние общественного бытия и политико-правовых идей на примере экономического и политического развития английского государства.

Ключевые слова: либерализм, свобода и собственность, индивидуализм, утилитаризм, гуманный консерватизм, принцип свободной торговли.

Ostroumov S. V., Ostroumov N. V., Romanovskaya V. B. **IDEOLOGICAL, POLITICAL AND LEGAL TRENDS** **IN ENGLAND IN THE 19TH CENTURY**

The article is devoted to the study of political and legal ideas of prominent English thinkers of the nineteenth century — Jeremiah Bentham, John Stuart Mill, Thomas Carlyle, Robert Owen, writers and politicians Granville Sharp, William Wilberforce and their influence on social and economic life of England. Analysis of their ideas is given on the background of the economic condition of the state reached in the specified time the highest level of development in comparison with other states of the continent. The authors rely on a set of methods of scientific knowledge, including general scientific and special methods, such as methods of dialectical materialism and historicism, and identify mutual influence of social life and the political and legal ideas on the example of the economic and political development of the English state.

Keywords: liberalism, liberty and property, individualism, utilitarianism, humane conservatism, the principle of free trade.

Интерес к политической и правовой истории Великобритании, как к первому правовому государству Европы, традиционен не только для английских ученых с необозримым количеством работ, но и для российской историко-правовой науки¹. Не пропадает он и в настоящее время. Нашими современниками написано немало количество трудов, в которых анализируется развитие парламентского законодательства, экономическая, финансовая политика, идеи, лежащие в основе тех или иных реформ, событий и общественных процессов².

В течение XVIII и начале XIX вв. Великобритания разными путями распространила свое влияние на все населенные континенты мира, кроме Европы. Великобритания контролировала часть канадской территории, богатый юг Африки, гвинейское и индийское побережья этого материка, целиком всю Австралию, новозеландские острова, а также сотни не столь крупных островов на необозримых водных просторах трех южных океанов. Среди них и остров Святой Елены, где закончил свою жизнь сдавшийся англичанам Наполеон. И это еще не все: имперский Китай признал «интересы» британских

купцов на своей территории и в качестве гарантии добро-го к ним отношения отдал остров Гонконг. Но главное то, что к середине XIX в. почти 4 млн кв. км. южной Азии с двумя сотнями миллионов трудолюбивого населения превратились в колонию «частной» предпринимательской английской Ост-Индской кампании. В XIX в. и позднее специалисты не без основания говорили, что золото Индии обеспечило бурный прогресс британской промышленности³, точнее, не столько золото, сколько труд 200 млн индийцев (в Великобритании тогда проживало всего около 20 млн человек).

Современники не без основания говорили, что солнце все 24 часа в сутки светило англичанам: колонистам в Австралии и Новой Зеландии, чиновникам и плантаторам в Индии, отважным землепроходцам (они же разведчики разных спецслужб) в Африке и Америке. На всех широтах к югу от тропика Рака развивались флаги британских кораблей — военных

Остроумов С. В.

Остроумов Н. В.

Романовская В. Б.

1 См., к примеру: Maitland F. W. The constitutional history of England. — Cambridge: Cambridge University Press, 1908; Виноградов П. Г. Господство права. — М., 1911; Green J. R. A Short History of the English People. — L., 1893; подробнее об этом: Минеева Т. Г., Романовская В. Б. Государственно-правовая история средневековой Англии в трудах английских историков XVIII — начала XXI века // Российский юридический журнал. — 2008. — № 3. — С. 126–133.

2 См.: Минеева Т. Г., Романовская В. Б. Английское государство позднего средневековья: правовые основы экономической и финансовой политики. Монография. — Н. Новгород, 2007; Левина М. И. Парламентское право Великобритании XVII — начала XIX вв. — М.: МГУ, Зерцало, 2000.

3 См.: Остроумов Н. В., Соловьев С. А., Фомичев М. Н. Правовые идеи утилитаризма в контексте экономической жизни Великобритании XIX века // Правовое поле современной экономики. — 2013. — № 11.

и торговых. Английский флот к середине XIX в. превышал со-единенные флотилии всех остальных приморских стран мира. Оплодотворенная колониальными грабежами экономика, наука, инженерная мысль британцев решала одну техническую задачу за другой — недостатка денег для внедрения «ноу-хау» в массовое производство не было. И дело не только в изобретательстве новых технологий, а в передовой организации труда, в переходе от ручного труда к машинному целых отраслей промышленности. Поэтому за первую половину XIX в. производство чугуна выросло с 680 тыс. тонн до 2280 тыс. тонн. По проекту английского инженера было развернуто конвертерное производство стали в объеме десятков тысяч тонн. За то же время почти удвоилось производство тканей — хлопчатобумажных и шерстяных. Надо заметить, что продукция шерстяного и суконного производства вышла на широкий внешний рынок еще тремя веками раньше. Уже тогда основой сукноделия стал капиталистический метод производства с наемными работниками⁴. Именно текстиль был основной статьей британского экспорта (до 70% в год). Как свидетельствуют современники, производительность труда в Англии выросла в несколько раз, в текстильном производстве — в 7 раз⁵. В 1825 г. в Англии была построена первая железная дорога. Вскоре началось активное строительство пароходов (по патенту американского инженера Фултона). Могут быть приведены и другие факты, но нас интересуют, прежде всего, политические процессы, происходившими тогда в островном королевстве⁶.

В Британии того времени политическая жизнь во многом определялась экономическим прогрессом, но не только. Интеллектуальное развитие британского общества в изучаемое время было впечатляющим и имело жесткое императивное влияние на динамику политических отношений. Происходит всплеск продуктивных идей о государстве и праве, экономике и политике, появление новых имен, которым суждено было изменить ход английской политической истории⁷. «Передовые люди того времени постепенно пришли к пониманию необходимости секуляризировать научный поиск, вывести его за рамки теологии. Выдающиеся ученые позднесредневековой Европы стремились к автономии богословия от науки, что не могло не способствовать быстрому развитию последней»⁸.

Англия конца XVIII — начала XIX вв. выдвинула ряд выдающихся экономистов-теоретиков. Среди них — Адам Смит⁹ и Давид Рикардо (1772–1823 гг.). Сформулированная ими трудовая теория создания и поддержания «народного богатства» господствовала на протяжении XIX в., провоцируя различные, порой антагонистические подходы к возможности обеспечения общественного прогресса. Оптимизм идеологов молодого пролетариата в лице социалиста Роберта Оуэна (1771–1858), а позднее Маркса и Энгельса сталкивался в водовороте разнохарактерных аргументов с пессимистическими построениями мальтузианцев¹⁰. Первые верили, что человеческая мысль, помноженная на человеческий труд, всеильна. Вторые пред-

рекали нищету, если не гибель, человеческих масс вследствие стихийного воспроизводства населения. Но властителем дум большинства британцев, относящимся к так называемому среднему классу, которому немалая толика «богатства» перепала и от грабежа колоний, и от интенсивного развития экспортного производства, являлся Иеремия Бентам (1748–1832). Еще задолго до тех лет, на которые приходится жизнь не менее известного экономиста, политолога и правоведа — Д. С. Милля, он написал свою великую и для XIX и для XX вв. книгу «Введение в принципы морали и законодательства» (1778 г.). Бентам объявил целью общественной деятельности «обеспечение наибольшего счастья для наибольшего числа людей». Это счастье не коллективное, не «братское», не совокупное каких-то групп людей, а сугубо личное, индивидуальное счастье творческого индивида. Свобода и собственность — два принципа, без которых процветающее общество не может существовать. Они неразрывно связаны друг с другом: свобода, чтобы приобрести собственность, и распоряжаться ею по своей индивидуальной воле. По мнению писателя, собственность — то, что отличает человека от «не человека», так как только она дает возможность жить свободно по своей воле. Иначе говоря, свобода индивида пропорциональна величине его кошелька. Чтобы принцип «свобода и собственность» действовал, индивиды, обладающие собственностью, должны быть избавлены в максимальной степени от опеки (регламентации, контроля и т. п.) со стороны государства. Кальвинистский принцип индивидуальной удачи по божественному предопределению Бентам сочетает с локковско-американским принципом приоритета прав человека как личности над волей государственных институтов и учреждений. Дабы обеспечить права человека-собственника, Бентам предлагал ввести в Великобритании всеобщее избирательное право, отменить палату лордов, а вместе с ней привилегии могущественной британской аристократии. В равных по числу людей и равноценных по «человеческому» составу округах проводить ежегодные выборы в единственную народную, народно-представительную палату парламента, который становился, таким образом, реальным демократическим органом. Цензовое ограничение у Бентама было единственным — наличие собственности или иных имущественных (квазисобственных) прав. Последнее, цензовое, предложение Бентама, наверное, разрушает демократический пафос его учения. Если к этому добавить, что Бентам против ограничения рабочего дня, против установления минимума зарплаты, за стихийное рыночное регулирование отношения труда и капитала, то определение Бентама как самого «буржуйского» из всех «буржуйских» писателей своего времени вряд ли встретит серьезный отпор у современных исследователей истории политических и правовых учений.

Бентама и бентамовцев часто величали в их время и позднее радикальными буржуазными идеологами. Их связывали с быстро либерализирующейся вигтской политической партией (дескать, они представители «либерального вигства» — the liberal wiggery) Но рядом с буржуазными крайними были и другие крайние радикалы, которые стояли за ограничение собственности в пользу трудящихся, выступали в защиту интересов трудовых слоев. Среди них и уже упоминавшийся Роберт Оуэн, и талантливый журналист Уильям Коббет (1762–1835). Последний являлся издателем одного из самых популярных тогда журналов «Еженедельный политический регистратор» (издавался с 1800 по 1825 г.). В этом журнале Коббет критиковал либеральных радикалов, в т. ч. и бентамовской масти, за их фальшь, за обман простых людей Англии¹¹.

Были писатели и деятели, занимавшие или пытавшиеся занять какие-то иные, условно говоря, промежуточные пози-

4 Green A. The Town Life in the Fifteenth century. II. — L., 1894. — P. 878; Lipson E. A. Short History of Wool and its Manufacture. — L., 1953. — P. 63, 73 etc.

5 Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии. 1815–1917 гг. — М., 1959. — С. 72, 84 и др.

6 См.: Остроумов Н. В. Политико-правовые идеи Джона Стюарта Милля о представительной демократии: Дис. ...канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2002.

7 См.: Кондратьева А., Романовская В. Б., Федюшкина А. И. Идеи о праве в работах европейских мыслителей начала Нового времени // Юридическая наука: история и современность. — 2013. — № 11.

8 Романовская Л. Р., Романовская В. Б. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2014. — № 4. — С. 173.

9 Основной труд Адама Смита — «Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations» — увидел свет в 1776 г.

10 Последователи учения Мальтуса.

11 Никитина И. А. В. Коббет в борьбе против политической реакции и крупного землевладения // Ученые записки Московского госпединститута им. ак. Потемкина. — Т. XIV. — М., 1951; см. также: Cole G. D. H. Life of Cobbet. — L., 1927.

ции, между правыми и левыми радикалами. Таковы идеологи антирабовладельческого движения (Anti-Slavery Movement) Грэнвилл Шэри, Уильям Уилберфорс (1759–1832). Опираясь на смитовскую теорию нерентабельности рабского труда, они активно выступали против работорговли и, естественно, рабского труда во всех его видах. Несомненно, как в большинстве других серьезных дел, не только хозяйственный интерес, но и человеческий гуманизм религиозного или философского происхождения подтолкнул этих людей на трудную и благородную стезю. Чтобы наша мысль о религиозном влиянии не показалась случайной, обратим внимание на то, что именно одна из «индепендентских» церквей (или сект), которые зовутся квакеры, явилась первым инициатором антирабской кампании. Биографы обычно замечают, что Уилберфорс также являлся приверженцем «евангельской секты»¹².

Нельзя пройти и мимо такого выдающегося мыслителя, как Томас Карлейль (1795–1881). Знаменитая «История французской революции» Карлейля, увидевшая свет в 1837 г., была неоднократно переиздана на многих европейских языках, в том числе и на русском, и произвела на общественное мнение большинства стран Европы глубокое впечатление. Нелишне заметить, что активное участие в подготовке этой книги своими материалами и технической помощью принимал Джон Стюарт Милль. Карлейль — несомненный противник революционных действий вообще, и французских радикалов-якобинцев, в особенности. Однако необходимо с особенной силой подчеркнуть — Карлейль выступал не за жесткий, а за гуманный консерватизм. Как и Джон Стюарт Милль, он за уважение к простым людям Британии, и, естественно, за активный поиск средств для облегчения их трудной жизни¹³.

В целом, политико-идейный спектр взглядов и оценок в английском обществе XIX в. был чрезвычайно широк и, самое главное, активно влиял на общественное мнение. Поэтому практики политической работы не могли не анализировать эти идеи и многое из них почерпнули для решения практических задач в конкретных условиях того времени.

Следует с удовлетворением признать, что экономические интересы буржуазии, столь ярко поданные бентамовской школой, не всегда затеняли гуманитарную составляющую её идеологии, содержащуюся во взглядах Милля, Карлейля и других гуманистов того времени. Под их воздействием в 1819 г. парламент ограничил применение детского труда в промышленности: до 9 лет ребенок вообще не мог работать, даже на текстильной мануфактуре, а подростки с 9 до 16 лет могли трудиться не более 12 часов. К середине XIX в. рабочие Англии завоевали самый короткий рабочий день в мире — 10 часов. Seriously обсуждался вопрос об импорте хлеба на Британские острова. Здесь интересы сельских производителей и городских потребителей, среди которых фабричных (заводских) рабочих было большинство, далеко не совпадали. Надо отметить, что либералы, в том числе и Милль, требовали свободной торговли хлебом, без какой-либо государственной регламентации, надеясь благодаря этому снизить хлебные цены в городах. Почти 30-летняя борьба закончилась тем, что очередное либеральное правительство Англии в 1846 г. полностью отменило все ограничения на хлебный ввоз в страну, что привело к снижению розничной цены на хлеб в промышленных городах северо-запада страны в два раза. В 1849 г. Великобритания стала первой страной в мире, открывшей свои порты для свободной торговли любимыми товарами, откуда бы они ни прибыли. Это тоже благотворно повлияло на потребительский рынок. «Принцип свободной торговли (free-trade) стал основным принципом

внешней политики Великобритании и оставался таковым вплоть до начала Первой мировой войны. И политики, и бизнесмены островного королевства верили, что в свободной конкурентной борьбе они раздавят любые национально ориентированные хозяйственные кампании»¹⁴.

Промышленность Англии нуждалась в рабочих руках. Отсюда ухудшение положения той части бедноты, которая пыталась кормиться в основанных в давние времена (в XVI–XVII вв.) «рабочих домах». В рабочих домах было запрещено оплачивать труд деньгами, сохранялись только бесплатные обеды и ночлег, дабы таким образом вынудить людей наняться на работу на фабрики и мануфактуры.

Таким образом, история богатейшей и преуспевающей во всех отношениях страны XIX в. иллюстрирует влияние общественного бытия на идейно-политические и правовые течения, господствовавшие в государстве, которые, в свою очередь, сами оказывали серьезное влияние на внутреннюю и внешнюю политику правительства Великобритании.

Пристатейный библиографический список

1. Виноградов П. Г. Господство права. — М., 1911.
2. Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии. 1815–1917 гг. — М., 1959.
3. Зотов С. А. Томас Карлейль: консерватор или либерал // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. Межвузовский сборник научных трудов. — Арзамас, 2001.
4. Кондратьева А., Романовская В. Б., Федюшкина А. И. Идеи о праве в работах европейских мыслителей начала Нового времени // Юридическая наука: история и современность. — 2013. — № 11.
5. Левина М. И. Парламентское право Великобритании XVII — начала XIX вв. — М.: МГУ, Зерцало, 2000.
6. Минеева Т. Г., Романовская В. Б. Государственно-правовая история средневековой Англии в трудах английских историков XVIII — начала XXI века // Российский юридический журнал. — 2008. — № 3.
7. Минеева Т. Г., Романовская В. Б. Английское государство позднего средневековья: правовые основы экономической и финансовой политики: Монография. — Н. Новгород, 2007.
8. Никитина И. А. В. Коббет в борьбе против политической реакции и крупного землевладения // Ученые записки Московского госпединститута им. ак. Потемкина. — Т. XIV. — М., 1951.
9. Остроумов Н. В., Соловьев С. А., Фомичев М. Н. Правовые идеи утилитаризма в контексте экономической жизни Великобритании XIX века // Правовое поле современной экономики. — 2013. — № 11.
10. Остроумов Н. В. Политико-правовые идеи Джона Стюарта Милля о представительной демократии: Дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2002.
11. Остроумов С. В. Формирование конституционной доктрины американских федералистов: Дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2002.
12. Романовская Л. Р., Романовская В. Б. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2014. — № 4.
13. Green J. R. A Short History of the English People. — L., 1893.
14. Green A. The Town Life in the Fifteenth century. II. — L., 1894.
15. Lipson E. A. Short History of wool and its Manufacture. — L., 1953.
16. Maitland F. W. The constitutional history of England. — Cambridge: Cambridge University Press, 1908.

14 См.: Остроумов Н. В. Указ соч.

12 См.: Остроумов С. В. Формирование конституционной доктрины американских федералистов: Дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2002.

13 Зотов С. А. Томас Карлейль: консерватор или либерал // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. Межвузовский сборник научных трудов. — Арзамас, 2001. — С. 197–200.

Курзенин Э. Б.

РОЛЬ ПРОФЕССОРОВ ПРАВА В РАЗВИТИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ В ЕВРОПЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В настоящей статье автором анализируется влияние трудов профессоров права на становление европейской политико-правовой традиции начала Нового времени. Особый акцент автором делается на становлении идей о государственном управлении в политико-правовой мысли Германии.

Ключевые слова: европейская политико-правовая мысль, Новое время, государственное управление в Германии, профессор права, юридическое образование.

Kurzenin E. B.

THE ROLE OF LAW PROFESSORS IN THE DEVELOPMENT OF POLITICAL AND LEGAL THOUGHT IN MODERN EUROPE

In this paper the author analyzes the impact of the works of law professors on the formation of the European political and legal traditions of early modern times. Particular emphasis is placed on the establishment of the ideas of state governance in the political and legal thought of Germany.

Keywords: European political and legal thought, Modern age, public administration in Germany, professor of law, legal education.

Курзенин Э. Б.

Российским исследователям хорошо известны имена выдающихся европейских мыслителей — Жана Бодена, Гуго Гроция, Томаса Гоббса. О них написано немало трудов, в том числе и диссертационных исследований. Образно говоря, они были первой линией творческой элиты европейского общества Нового времени и внесли неоценимый вклад в развитие политико-правовой мысли того периода. Не менее важно знать, кто составлял вторую линию интеллектуальной элиты Европы XVII в. Такие люди были во всех странах, и многие их труды читались и оценивались порой с не меньшим почтением, чем книги Бодэна, Гроция и Гоббса. Интересно обнаружить, что второй эшелон интеллектуалов Европы активно боролся с их «революционизирующими» идеями, отстаивая старый привычный «*treuga Dei*» («мир Божий»). И это не удивительно, ведь средневековая Европа насквозь была пропитана теологическими построениями христианских философов и нормами канонического права римской католической церкви¹.

Специалистам известно сочинение голландского профессора Клавдия Салмазия под названием «Королевская защита», в котором утверждается божественный источник власти короля и полностью отрицается право подданных корректировать действия монарха. Характерна для этого идейного течения и работа Роберта Филмора «Патриархия, или естественная власть короля», где король изображается потомком Адама, и подданные монарха объявляются его детьми. Авторитетными были в Европе писания архиепископа Боссюэ (XVII в.). Отталкиваясь от некоторых идей Жана Бодэна, он предлагал французам по отношению к монарху культивировать «сверхсознательное» религиозное чувство, своего рода «религию второго величества». Наиболее ярким боссюистом Германии был Мартин Шукий (Schooskii), защитивший в 1659 г. в Гронингене диссертацию под названием *Dissertatio Singularis de Majestate* (Диссертация единственная о власти). Заметим, что с легкой руки гронингенского ученого понятие «майestat» стало общеупотребительным в политическом лексиконе. Его любил и Петр Великий, нередко величавшийся этим словом. К активным защитникам традиционной позиции божественности монархической власти исследователи относят еще ряд политологов XVII в., в частности Рейн-

кинса и Горна². Вероятно, это течение мысли следует связать с католицизмом в его откровенно-воинствующей форме. Однако большинство политических писателей или тех, кто в какой-то форме соединял политологию и юриспруденцию, стремились действовать тоньше, учитывая новые авторитеты в тех областях знания, которые они избрали своей профессией.

Эти писатели создали свою школу — протестантскую не только по формальным конфессиональным признакам, но и по существу тех проблем, которые они стремились решить. Иногда этих писателей называют, и не без основания, теоретиками княжеского абсолютизма. Определенную «заданность» их писаниям придавал знаменитый принцип Аутсбургского религиозного мира (1555 г.): «*cujus regio — ejus religio*», т. е. «чья власть, того и вера», которым религиозно-конфессиональные вопросы ставились в зависимость от политики территориальных властителей. Тем самым торжествовало в известной степени то теоретическое положение, о котором писал еще Никколо Макиавелли: религия становилась служанкой государства, конфессия — функцией политики.

Германская³ политико-юридическая мысль в силу особых условий стала наиболее активной и плодотворной в Европе. Часто в научной литературе обсуждаются вопросы об истоках современного федеративного устройства Германии и «особом пути» государственно-политического развития этой страны. При этом в зарубежной литературе подчеркивается, что Германия вошла в «западный мир» лишь после наполеоновских войн. Впрочем, такой подход отнюдь не означает негативной оценки Священной Римской империи и ее отношений с германскими территориальными княжествами. Напротив, отмечаются три ее наиболее характерные черты: во-первых, традиционный, наднациональный характер имперской монархии; во-вторых, высокая значимость суверенных малых государств; в-третьих, активное участие всех основных конфессий (т. е. католицизма, лютеранства и кальвинизма) в общественной жизни. Как раз эти обстоятельства плюс экономическая необходимость способствовали, несмотря на религиозные войны (прежде всего Тридцатилетнюю войну),

1 Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. И. Некрасова, 2014. — Т. 20. — № 4. — С. 172–174.

2 Спекторский Е. В. Очерки по философии общественных наук. — Т. I. — Варшава, 1907. — С. 33–34.

3 Говоря о Германии, мы имеем в виду не только те территории, которые образуют сейчас ФРГ, но и смежные страны, преимущественно на севере — Голландию, Данию, Швецию и др. Другими словами — весь протестантский говорящий на германских наречиях мир Центральной Европы.

большей религиозной и национальной терпимости в Германии XVI–XVIII вв., особенно после Вестфальского мира, чем в других странах Западной Европы.

Именно после заключения Вестфальского мира 1648 г. территориальные князья могли создавать союзы без учета мнения императорской власти с иностранными государствами, что значительно укрепило их суверенитет, а зависимость от императора сделала номинальной. В результате в Германии появилось множество альянсов и группировок, постоянно враждовавших или заключавших союзы между собой, прежде всего на Западе и Юго-западе, где находилось множество маленьких государств.

Сложившаяся в Европе система государств функционировала по принципу «равновесия сил», не позволявшему какому-либо одному государству диктовать свои законы другому, но не исключавшему территориальные приобретения и приращения⁴. В этих условиях в Германии достаточно четко обозначились новые тенденции в политической мысли. На первый план выходило духовное осмысление актуальных социальных и политических проблем, что не в последнюю очередь зависело от общественно-политического положения создателей новых государственно-правовых идей. Вследствие социально-политических перемен происходила смена акцентов со служения общественному благу, характерного для ренессансного типа мышления, к государственной службе. Распад духовного и религиозного единства Европы, открытие Нового Света, подъем раннего капитализма, формирование наций, социальные волнения низов и стабилизация территориальных властей — все это сопровождало подъем государств нового времени⁵.

Вопросы государственного строительства в германских землях были настолько важны, что на рубеже XVI–XVII вв. в университетах стало преподаваться как самостоятельная дисциплина государственное право вслед за церковным, частным и ленным правом. Появились учебники под стандартным названием «Государственное право Римско-Германской империи».

Одновременно начал формироваться слой высокообразованных юристов, которые были не только профессорами университетов, но и советниками князей, и исполняли различные дипломатические поручения. Причины этого явления известный немецкий историк права М. Штолляйс видит в следующем: а) политическая деятельность освобождалась от религиозных пут; б) средневековое ленное государство преобразовывалось в современное централизованное государство; в) происходил кризис представлений западного мира о единстве Церкви и Империи, и выдвигались на первый план соперничающие между собой династические, а в перспективе — национальные отдельные государства; г) в религиозных конфликтах и стремлениях к суверенитету больших территорий усиливался кризис имперской конституции между 1555 и 1648 годами⁶.

Именно юристы создавали многочисленные теории, довольно похожие друг на друга и приспособленные к германской действительности. В этих произведениях заметно стремление создать принципы абсолютистского проявления, согласую-

щегося, по крайней мере, в теории с интересами подданных земельных князей.

Существует мнение, что наиболее значительные абсолютистские политические идеи были разработаны и осмыслены не в классической абсолютистской стране, т.е. Франции, и не в Италии, откуда они, собственно, происходили, а в Центральной Европе. Большинство европейских университетов находилось в Священной Римской империи, и эти университеты играли ключевую роль в формировании германских территориальных государств. Как и в период Высокого Средневековья⁷, университетские профессора были создателями системы управления, особенно в правовых органах. Профессора составляли влиятельную группу так называемой территориальной буржуазии, которая уже в середине XVI в. начала отделяться от городской торгово-промышленной буржуазии. С одной стороны, они конкурировали с земельной аристократией за влияние в княжеской администрации, с другой стороны, они утвердили определенные отношения с городской буржуазией. Профессора как бы впитали в себя богатый социальный опыт феодальных управленческих структур и в то же время буржуазный прагматический подход к жизни⁸.

Такое переплетение стало основой формирования нового социально-политического порядка, характерного для правителя территориального государства, образ которого уже отличался от совершенного гуманистического государя. Главными теперь были практические нужды княжеской земли — государства, т.е. господствовать стал «жизненный», конкретно актуальный эмпиризм, а не теоретические абстракции.

Пристатейный библиографический список

1. Романовская В. Б., Романовская Л. Р. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. И. Некрасова. — 2014. — Т. 20. — № 4.
2. Романовская В. Б. Период Высокого средневековья в Европе — век инноваций в юридическом образовании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013.
3. Спекторский Е. В. Очерки по философии общественных наук. — Т. I. — Варшава, 1907.
4. Aretin K. O., von. Das Reich. Friedensgarantie und Europäische Gleichgewicht. 1648–1806. — Stuttgart, 1968.
5. Brady T. Some Peculiarities of German Histories in Early Modern Germany / Ed. A. Fix and S. Karant-Nunn. — Kirksville, 1992.
6. Kunisch J. Hausgesetzgebung und Machtesystem Zur Einbeziehung hausvertraglicher Erbfolgeregelungen in die Staatenpolitik... — Der dynastische Fürstenstaat. Zur Bedeutung von Sukzessionsordnungen für die Entstehung des frühmodernen Staates / Hrsg. von H. Neuhaus und J. Kunisch. — Berlin (west), 1982.
7. Stolleis M. Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. — Band 1. — München, 1986.
8. Stolleis M. Reichspublizistik-Politik-Naturrecht im 17 und 18 Jh. — Staatsdenker im 17 und 18. Jahrhunderte Herausgegeben von M. Stolleis. — Frankfurt am Main, 1987.
9. Weber W. Prudentia Gubernatoria. Studien zur Herrschaftslehre in der deutschen politischen Wissenschaft des 17. Jahrhunderts. — Tübingen, 1992.
10. Weber W. «What a Good Ruler Should not do»: Theoretical limits of Royal Power in European Theories of Absolutism 1500–1700 // The sixteenth Century Journal. — 1995. — № 4.
7. Романовская В. Б. Период Высокого средневековья в Европе — век инноваций в юридическом образовании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013. — 33–2. — С. 174–176.
8. Weber W. «What a Good Ruler Should not do»: Theoretical limits of Royal Power in European Theories of Absolutism 1500–1700 // The sixteenth Century Journal. — 1995. — № 4. — P. 818, 914 etc.

Нагиев Г. Г.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ АЛЬ-ФАРАБИ

В наше время, в условиях попытки построения глобального мира с правовыми ценностями, весьма актуальны воззрения античных и средневековых философов, их учение о политике, о политическом лидерстве, о свободе, счастье, о справедливости, равенстве.

В этом плане многие политико-правовые идеи известного мыслителя, представителя восточного аристотелизма аль-Фараби (873–950) актуальны, своевременны и принципиально важны и сегодня. В данной статье рассмотрены некоторые аспекты политико-правового учения в воззрениях аль-Фараби.

Ключевые слова: аль-Фараби, политико-правовое учение, государство, правовое государство, добродетельное общество, справедливость, свобода, политическая философия.

Nagiev G. G.

ON SOME ASPECTS OF LEGAL AND POLITICAL VIEWS OF AL-FARABI

Nowadays, under the conditions of attempts to build the global world with legal values, the views of ancient and medieval philosophers, their doctrine of politics and political leadership, freedom, happiness, about justice, equality are still highly relevant.

In this regard, many political and legal ideas of famous thinker, representative of eastern Aristotelianism al-Farabi (873–950) are relevant, timely and imperative today. This article discusses some aspects of the political and legal doctrines in the views of al-Farabi.

Keywords: al-Farabi, the political-legal doctrine, the state, rule of law, virtuous society, justice, political philosophy.

Нагиев Г. Г.

Идеи добродетельного человеческого общества, правового государства, свободной личности с политическими и гражданскими правами, идеалы справедливого правления на основе закона и посредством закона занимают особое место в политико-правовом учении Абу Насра аль-Фараби.

Абу Наср аль-Фараби является одним из известнейших мыслителей Восточного ренессанса, основоположником аристотелизма на Среднем и Ближнем Востоке, одним из величайших представителей мировой истории общественно-политической и политико-правовой мысли.

Аль-Фараби (на латинском как Alpharabius) впервые сформулировал основные положения и принципы политической философии, разработал четко продуманную общеполитическую систему, его считают родоначальником восточной рационалистической философии, духовным наставником многочисленных мыслителей на Среднем и Ближнем Востоке (Ибн Сина, Ибн Рушд, аль-Хорезми, аль-Фергани, Ибн Туфайл, аль-Бируни, Ибн Баджа, Низами Гянджави, Рудаки, Фирдоуси, Руми, аль-Кинди и др.)

Аль-Фараби родился в Васите, недалеко от города Фараба исторического Туркестана, который был известен как крупный экономический, торговый и культурный центр на границе между Арабским халифатом и владениями кочевых тюркских племен. Он выходец из привилегированных слоев тюрков, о чем свидетельствует слово «тархан» (владелец) в составе его полного имени: Абу-Наср Мухаммад Ибн-Мухаммад Ибн Тархан Ибн-Узлаг аль-Фараби ат-Турки¹.

В эпоху, в которую жил и творил аль-Фараби, завершилось формирование новых социально-экономических и политических отношений на всем средневековом Востоке. Появились подходящие социально-политические и экономические условия для развития и расцвета материальной и духовной культуры, науки, быстрого роста и укрепления городов, где некоторые мыслители создали свои школы, стали пропагандировать свои собственные общественно-политические и правовые идеи. Особое значение для развития научной мысли имело образование в Багдаде в 20 г. IX в. по приказу халифа ал-Мамуна академии — «Дома мудрости» («Байт-ул-

хикмат»), в которой большое внимание уделялось изучению философии, истории, права, медицины и естествознания².

В таких благополучных условиях значительного развития достигли не только литература, поэзия, но и идеи политической свободы, правового равенства людей, формирования справедливого государства с добродетельным государственным деятелем — правителем.

Обучение в Багдадском «Доме мудрости» и принятие приглашения халебского правителя Сайф ад-Даула Али Хамдани (943–967), покровителя передовых людей наук и искусств своего времени, сыграли огромную роль в формировании политико-правовой концепции аль-Фараби.

Изучение наследия древнегреческих философов, особенно Платона, Аристотеля, Галена, Эвклида, Птолемея и др., перевод и комментирование сочинений этих философов и пропаганда их учений стали для аль-Фараби необходимой базой для создания оригинальных работ по различным вопросам философии, в частности, философии политики и права.

Политико-правовые взгляды аль-Фараби формировались в обстановке идейного конфликта между традиционными языческими верованиями тюркских племен и монотеистической Исламской религией — официальной идеологией всего Арабского халифата. Наиболее распространенным верованием среди тюркских племен того времени было манихейство, унаследовавшее от более древней, зороастрийской религии дуалистическую концепцию мира. Согласно ей все сущее — это проявление извечной борьбы двух противоречивых, но равноправных начал: Добра и Зла, Света и Тьмы.

Однако оставаясь сыном своей эпохи, аль-Фараби защищает ислам и его церковные догматы, пытается найти ответы на вопросы, связанные с происхождением, сущностью и формами государственного правления.

«Второй Учитель» (после Аристотеля) положил начало восточному утопическому воззрению на правовое государство, идеального лидера, свободного жителя — гражданина, взаимоотношение личности и государства.

В известных социально-политических трактатах («Трактат о взглядах жителей добродетельного города», «Книга о достижении счастья», «Указание путей счастья», «Гражданская политика», «Книга о войне и мирной жизни», «Книга изуче-

1 Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. — Алма-Ата: Наука, 1973. — С. 10.

2 Там же.

ния общества», «О добродетельных нравах») аль-Фараби рассматривает принципы и нормы политических объединений, человеческих сообществ, идеальных городов и государств, проблемы высших форм общения людей и народов. В этих произведениях отражено представление аль-Фараби о проблемах совершенного государственного устройства, добродетельного правителя, высоконравственного гражданина, места и роли закона в правильных организациях общественных структур, взаимоотношениях между жителями-членами государства.

Великий философ спроектировал государство, где «благо и счастье», «максимальное (совершенное) благо» обеспечивается благодаря добродетельности граждан этого государства, членов общества. Счастье достигается человеком именно в правовом (добродетельном) государстве, которое по своей форме правления должно быть независимым, суверенным, но в то же время верховным по отношению к подданным³.

Идеалы аль-Фараби о правовом государстве, вернее, о некоторых аспектах этой сложной и многогранной политической системы можно наблюдать в построенных ими принципах классификации городов (государств) и человеческих сообществ. На основе таких этических категорий, как добро и зло, по видам истинных и ложных благ, аль-Фараби делил города на добродетельные (идеальные) и противоположные им невежественные⁴. В добродетельных городах-государствах общественная жизнь построена на высших принципах нравственности людей, которые, поддерживая друг друга, достигают истинного счастья. В таких государствах все слои населения связаны взаимной поддержкой, справедливыми отношениями. В «Гражданской науке» (наука об искусстве управления) аль-Фараби раскрывается суть истинного и ложного счастья, даются рекомендации по применению законов, рассказывается о видах искусства управления⁵, способах организации добродетельного действия и поведения, объясняются авторитетные действия, благодаря которым упрочиваются добродетельные деяния, благие поступки. Аль-Фараби считал, что добродетельные нормы и нравственные поступки, ведущие к истинному благу, осуществляются посредством определенной политической (государственной) организации, глава которой осуществляет меры по их сохранению⁶. «...Точно так же и глава данного города должен существовать в первую очередь, чтобы служить затем причиной существования городского объединения и его членов, причиной возникновения в них тех свойств, которые имеют своим источником волю, так что если приходит в расстройство один из членов городского объединения, то именно глава города обеспечивает устранение этого расстройства»⁷.

Совершенное человеческое объединение аль-Фараби показано как своеобразная модель Вселенной, космоса, где торжествует гармония, порядок, слаженность, согласованность и соразмерность.

Невежественный город не знает истинного блага, гонится за наслаждениями, богатством, стяжательством. Жители этого города не стремятся к счастью, которое оценивается аль-Фараби, как высшее интеллектуальное совершенство. Аль-Фараби более подробно описывает невежественный город, он выделяет этот город среди других недобродетельных городов.

Этот город имеет множественные виды: город нужд — где стремятся удовлетворить только насущные требования выживания; город обмена — где достижение богатства есть самоцель; город низости — где царствует гедонизм; город честолюбия — где все стремятся к власти; город сластолюбия — где главенствует полная распущенность; безнравственный город — его жители знают истинные ценности, но не стремятся к ним; переменчивый город — был Добродетельным, потом отвернулся; заблудший город — его жители сбились с правильного пути, надеются то, «что счастье будет после этой жизни»⁸.

Для совершения добродетельных действий, благородных поступков необходим определенный порядок в обществе (в городе) и совместное усилие. Государство является орудием, организовано устанавливающим правила поведения, нравственные нормы, мобилизующим своих жителей для достижения совершенного счастья.

Аль-Фараби рисовал общество будущего как совершенное и справедливое, в котором воцарятся свобода, всеобщее равенство, взаимное уважение: полное благополучие — к чему стремится современное человечество.

Главной доминантой совершенного общества являются духовное здоровье, моральное совершенство граждан, что является основой экономического и политического благополучия государств.

В идеальной политической системе аль-Фараби видит согласованность и слаженность — совершенный порядок. «У каждой группы, у любого поколения, у населения всякой местности [свои] природы, иные, чем у других», «всем людям не обязательно придерживаться одного и того же установления; у каждой группы — свои установления, необязательные для других», — утверждает аль-Фараби⁹. Разнообразие, разнообразность, самостоятельность и независимость — характерные особенности Вселенной и ее составляющих, у аль-Фараби являются главными чертами идеального государства (общества) и самого человека.

Согласно аль-Фараби, добродетельное государство (город) немыслимо без свободы и равноправия, справедливости и взаимопонимания. Части (жители) города объединяются и взаимодействуют с целью защиты и продолжения совершенного и благого счастья, жители таких государств свободны в выборе.

Главной функцией правового государства является уберечь своих граждан от всяких угроз, не допускать произвол властей, тем самым гарантируя независимость и неприкосновенность частной жизни. Рассматривая аспекты отношений государства с индивидами, аль-Фараби считает, что благодаря твердому государственному управлению достигается всеобщее счастье, создаются условия для формирования и существования сообществ свободных людей. Государство устанавливает правила поведения и нормы, справедливые отношения между людьми, занимается их просвещением и воспитанием в духе равноправия и взаимного уважения, должно мобилизовать своих граждан для достижения совершенного счастья.

Преимущественный интерес для аль-Фараби представляет устройство общества с целью достижения максимального совершенства его граждан, роль и функции главы государства (города) в идеальном обществе. Соответствующие взгляды высказаны им во многих трактатах, в том числе в двух крупных сочинениях — «Трактате о взглядах жителей добродетельного города» и «Гражданской политике».

Политическим лидером — правителем добродетельного (идеального) города, согласно аль-Фараби, должен быть фи-

3 Хайруллаев М. М. Мировоззрение Фараби и его значение в истории философии. — Ташкент, 1967. — С. 199.

4 История восточной философии. — М.: ИФРАН. — 1998. — С. 60, 75.

5 Гусейнов А. А. История этических учений. — М.: Гардарики, 2003. — С. 304.

6 Джихад Т. Политические воззрения Фараби. — Ташкент, 1974. — С. 46.

7 Аль-Фараби. О главном члене городского объединения // Абу ал-Хасан ал-Ашари. О чем говорили люди ислама и в чем разошлись творившие молитву / Перевод с арабского А. В. Смирнова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/step/01/3.html> (дата обращения: 28.10.2014).

8 Аль-Фараби. О городах, противоположных добродетельному городу // Аль-Фараби. Философские трактаты. / Пер. Б. Я. Ошеревич, А. С. Иванов, Ильяс Омар Мохаммед, А. В. Сагадеев. — Алма-Ата.: Наука, 1972. — С. 376.

9 Orhan Hülagü. Farabi ve İbn Haldun'da devlet düşüncesi, Kırkambar Yayınları, İstanbul. — Nisan, 1999. — 114 sayfa (на турецком языке).

лософ, способный познать начала, управляющие природой и обществом, и передать эти знания населению в образно-символической, т.е. религиозной форме. Правитель — главный член городского объединения — должен обладать исключительным совершенством, пророческим даром, выполнять функцию «сердца» в механизме сложного общественного организма. Ему должны быть присущи определенные нравственные и гражданские достоинства. Глава государства «... должен соблюдать гордость в том, что порицается людьми, быть благовоспитанным, легко подчиняться добру и справедливости, обладать большим благоразумием. Кроме этого, он должен быть воспитан по законам и обычаям, соответствующим его природному предрасположению, должен обладать правильным убеждением во взглядах религии, в которой он вырос...»¹⁰.

В иерархической социальной организации общества аль-Фараби верхнюю ступень занимает единоличный глава города, который владеет высшим из всех искусств — управлением. Оно поистине принадлежит только тому, кто достиг ступени актуального разума и, как подчеркивает, сумел соединиться с действенным разумом, управляющим подлунным миром¹¹. Глава города должен превосходить всех остальных граждан по своим способностям и добродетельности.

Главой добродетельного города может быть человек, во-первых, по своей природе готовый управлять, а во-вторых, обладающий волей к реализации заложенных в нем способностей — «управление выпадает на долю того, кто предрасположен к нему от природы»¹².

Человек, обладающий искусством управления, никем другим не управляется, он «достиг совершенства и стал разумом и понятием в действии»¹³. Такой человек должен обладать высшей степенью совершенства и находиться на вершине счастья. Именно такому человеку, именуемому имамом (араб. — «находящийся впереди, предводитель»), и подобает быть главой добродетельного города.

Имам как глава добродетельного города (государства) устанавливает для всех единые истинные законы. Добродетельность города и его жителей в решающей степени зависит от этого акта первоначального установления, которое даруется в откровении свыше. Вот почему «первый» (т.е. устанавливающий законы) имам должен обладать пророческим даром, в отличие от «последующих», эти законы поддерживающих и применяющих¹⁴.

Аль-Фараби перечисляет двенадцать врожденных качеств, которыми должен обладать первый имам: здоровье, понятливость, память, проницательность, ясная речь, любовь к познанию, воздержанность в еде и удовольствиях, любовь к правде и ненависть ко лжи, благородство души, презрение к мирскому, справедливость, решительность. Совершенный глава может устанавливать законы, а сменяющие его главы города, если они менее совершенны, но способны поддерживать установленные порядки, должны следовать ему¹⁵.

Поскольку совмещение этих качеств в одном лице — вещь крайне трудная, он дает укороченный список из шести качеств,

достаточных для поддержания порядка в государстве (городе): быть мудрым, быть знающим и хранящим в памяти законы, проявлять изобретательность, обладать проницательностью и догадливостью, уметь словом своим направлять к исполнению законов, обладать телесной силой.

У правителя на первом месте должны оказаться его качества как воспитателя¹⁶. Правитель должен заниматься просвещением жителей города — обучением и воспитанием всех с целью достижения каждым счастья — «цели существования человека»¹⁷. Такое счастье обеспечивается в совершенном государстве, его правителем, который обладает всеми добродетелями. Политические деятели делают жителей городов хорошими, приучая их делать добро¹⁸.

В трактате «О главном члене городского объединения» великий философ-гуманист писал: «Во главе добродетельного города не может стоять любой, какой случится, человек, так как управление зависит от двух вещей: во-первых, от того, чтобы человек по своей природе был готов к управлению, во-вторых, от положения и способностей, имеющих своим источником волю»¹⁹.

Данный подход аль-Фараби близок современной концепции лидерства «теории черт», согласно которой природа лидерства объясняется особыми врожденными качествами личностей. «Управление выпадает на долю того, кто предрасположен к нему от природы. Не всякое искусство может быть средством управления; напротив, большинство искусств — это искусства, которыми служат в городе, равно как большинство природных способностей являются способностями к служению», — пишет он²⁰.

В отличие от Платона, считает, что правителем может быть любой, обладающий указанными качествами, не только представители имущих слоев. В добродетельном городе «правитель является правителем благодаря профессии и способности пользоваться (этим) искусством, независимо от того, властвует он над людьми или нет, богат он или беден». Рассуждая о способностях правителя, аль-Фараби пишет, что ему (правителю) через посредство деятельного разума открывается Аллах, благодаря чему он становится мудрецом, философом, затем пророком, прорицателем будущего и истолкователем текущих частных событий. «...Он должен вместе с тем обладать способностью хорошо, образно передавать словами все, что он знает; он должен уметь наилучшим образом направлять людей к счастью и к тем действиям, посредством которых оно достигается...»²¹.

Справедливость как главная ценность и один из основных критерий становления правового государства рассматривается аль-Фараби как общая норма в совершенных человеческих объединениях. Аль-Фараби определяет справедливость как равенство в возможностях и распределении. Равное распре-

10 Аль-Фараби. Социально-этнические трактаты. — Алма-Ата: Наука, 1973. — С. 46; Таукелев А. Н., Сапаргалиев Г. С. Государственно-правовые взгляды аль-Фараби. — Алма-Ата: Наука, 1973; Алма-Ата: Наука, 1975. — С. 75–77.

11 Смирнов А. В. Трактат о взглядах жителей добродетельного города // Энциклопедический словарь «Этика». — М.: Гардарики. — С. 497–498.

12 Аль-Фараби. Добродетельный город // Философские трактаты / Пер. Б. Я. Ошеревич, А. С. Иванов, Ильяс Омар Мохаммед, А. В. Сагадеев. — Наука, 1972. — С. 363.

13 Там же.

14 Гусейнов А. А. История этических учений. — М.: Гардарики, 2003. — С. 303–304.

15 Там же.

16 Трактат о взглядах жителей добродетельного города [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feelosophy.h1.ru/html/gorod.htm> (дата обращения: 10.11.2014).

17 Иванов В. Г. История этики средних веков. — СПб.: Лань, — 2002; Orhan Hülagü. Farabi ve İbn Haldun'da devlet düşüncesi, Kırkambar Yayınları, İstanbul. — Nisan, 1999. — 114 sayfa.

18 Аль-Фараби. Социально-этнические трактаты. — Алма-Ата: Наука, 1972. — С. 345.

19 Игнатенко А. А. В поисках счастья: Обществ. — полит. воззрения арабо-ислам. философов средневековья / А. А. Игнатенко. — М.: Мысль, 1989; Аль-Фараби. Философские трактаты. — Алма-Ата: Наука, 1972. — С. 311–312.

20 The Muslim World, Ed., Willem A. Bijlefeld, Volume LX. — № 3. — July–1970. — P. 218–225.

21 Ал-Ашари. О чем говорили люди ислама и в чем разошлись творившие молитву / Перевод с арабского А. В. Смирнова // Восточная философия (хрестоматия) / Мусульманская философия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/step/01/3.html> (дата обращения: 28.10.2014).

деление общих благ (богатства, благополучия, почести и т. д.) среди всех жителей и сохранение этих благ осуществляется именно с помощью этого благородного инструмента — справедливости.

Человек и человеческое счастье аль-Фараби ставит выше всех, даже религиозных предписаний и требований. В связи с тем, что человеком руководит его свободная воля (желание) и свободный выбор, он может реализовать свою мечту — достичь счастья только в государстве (обществе), где торжествует порядок-закон.

Закон — «номос (намус)» у аль-Фараби гарантирует «благо и счастье», «максимальное благо», которые являются следствием добродетельности людей.

Обладея добродетельностью, люди исключают саму потребность в законе — намусе: «Когда люди добры и добродетельны, то они совершенно не нуждаются в законах, будучи очень счастливыми. Нуждается же в законах тот, чей нрав не прям и не хорош».

У аль-Фараби добродетельный город — идеальное общество, общественной жизни которого свойственны принципы высокой нравственности, «призван обеспечить благоприятные условия для свободного выбора, который позволит людям стать счастливыми»²².

Обращение к политико-правовому учению аль-Фараби позволяет сделать вывод о том, что его политические взгляды и правовые идеи приобретают большую актуальность в условиях создания правового государства и гражданского общества, утверждения принципов согласия и консенсуса в обществе. В этом плане политические взгляды и идеи аль-Фараби могут стать ценным источником при политическом воспитании подрастающего поколения. Все стороны политико-правовой концепции аль-Фараби в данной статье отразить, естественно, невозможно. Однако хочется отметить его большой вклад в развитие мировой истории общественно-политической мысли и культуры, необходимость изучения богатого наследия великого философа-мыслителя с целью освоения культурного наследия прошлого как важнейшего звена борьбы за социальный прогресс и гуманизм.

Пристатейный библиографический список

1. Абу ал-Хасан ал-Ашари. Мусульманская философия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/step/01/3.html>
2. Аль-Фараби. Историко-философские трактаты. — Алма-Ата.: Наука, 1985.
3. Аль-Фараби. О главном члене городского объединения // Абу ал-Хасан ал-Ашари. О чем говорили люди ислама и в чем разошлись творившие молитву / Перевод с арабского А. В. Смирнова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/step/01/3.html>.
4. Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. — Алма-Ата: Наука, 1973.
5. Аль-Фараби. Философские трактаты / Пер. Б. Я. Ошеревич, А. С. Иванов, Ильяс Омар Мохаммед, А. В. Сагадеев. — Алма-Ата: Наука, 1972.
6. Гусейнов А. А. История этических учений. — М.: Гардарики, 2003.
7. Джихад Т. Политические воззрения Фараби. — Ташкент, 1974.
8. Иванов В. Г. История этики средних веков. — СПб.: Лань, 2002.
9. Игнатенко А. А. В поисках счастья. Общественно-политические воззрения арабо-исламских философов Средневековья. — М.: Мысль, 1989.
10. Касымжанов А. Х. Абу-Нарс Аль-Фараби. — М., 1982.
11. Конюхов Л. Ф. Аль-Фараби и современный мир: Обзор и комментарии трактатов по философским воззрениям Аль-Фараби // Л. Ф. Конюхов; 2-е изд., доп. — Усть-Каменогорск: Би., 2003.
12. Смирнов А. В. Трактат о взглядах жителей добродетельного города // Энциклопедический словарь «Этика». — М.: Гардарики, 2001 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://smirnov.iph.ras.ru/win/publicn/eth/ara_d.htm.
13. Таукелев А. Н., Сапаргалиев Г. С. Государственно-правовые взгляды аль-Фараби. — Алма-Ата: Наука, 1975.
14. Фролов И. Т. Введение в философию // Часть II. — Глава IV. Арабо-мусульманская философия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://philosophy.mipt.ru/textbooks/frolovintro/chapter2_4.html.
15. Хайруллаев М. М. Мировоззрение Фараби и его значение в истории философии. — Ташкент: ФАН, 1967.
16. Хайруллаев М. М. Абу Наср ал-Фараби (873–950). — М., 1982.
17. Orhan Hülagü. Farabi ve İbn Haldun'da Devlet Düşüncesi, Kırkambar Yay. — İstanbul, 1999.
18. The Muslim World. / Ed. By Willem A. Bijlefeld. — Volume LX. — № 3, July 1970.
19. Fakhry M. Al-Farabi, Founder of islamic neoplatonism: his life, works, and influence. — Oxford: Oneworld Publications, 2002.

²² Фролов И. Т. Введение в философию // Часть II. Глава IV. Арабо-мусульманская философия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://philosophy.mipt.ru/textbooks/frolovintro/chapter2_4.html (дата обращения: 08.09.2014); Аль-Фараби. Философские трактаты. — Алма-Ата.: Наука, 1972. — С. 303.

Безносова Я. В.

ИСТОЧНИКИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

В настоящей статье представлен обзор источников нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии, начиная с характеристики священных книг древних арийцев — Вед. Отдельное внимание уделяется критериям отличия дхармасутр и дхармашастр, а также приводятся различные точки зрения на характер содержания последних.

Ключевые слова: Древняя Индия, Веды, дхарма, дхармасутры, дхармашастры, Артхашастра.

Beznoсова Ya. V.

THE SOURCES OF STATUTORY REGULATION OF SOCIAL RELATIONS IN ANCIENT INDIA

The article is devoted to the review of the statutory regulation sources of social relations in Ancient India, starting with the characteristics of the most ancient sacred books of the Aryans — Vedas. Special attention is paid to the distinction criteria of dharmaśāstras from dharmaśāstras, and the various points of view on the nature of the content of dharmaśāstras.

Keywords: Ancient India, Vedas, dharma, dharmaśāstras, dharmaśāstras, Arthaśāstra.

Безносова Я. В.

Начальным этапом любого исторического, в том числе историко-правового изыскания должен выступать всесторонний анализ, или, как принято говорить у источниковедов, «критика» источника. Выделяют внешнюю и внутреннюю критику источника. Задачами внешней критики являются определение автора (или авторов) текста, места и времени его создания, а также степени сохранности текста, тогда как внутренняя критика включает в себя изучение содержания источника, в том числе и его интерпретацию. Задачи внешней и внутренней критики тесно связаны между собой, так как служат общей цели — исчерпывающему исследованию, оценке содержания и значения источника.

Всестороннее и глубокое изучение источников нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии необходимо начать с обращения к памятникам ведической литературы. Являясь всеобъемлющим источником знаний об универсальных законах Вселенной, Вед — священные книги древних арийцев — включают в себя предписания, ритуалы, молитвы и многое другое. Считается, что у Вед нет автора, эти знания передавались святыми мудрецами далекого прошлого и были записаны приблизительно в пятом тысячелетии до н.э.¹

Литература каждой Веды — Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа — делится на четыре группы: самхиты, (самхита — «собрание»), то есть собрание гимнов, заклинаний, формул; брахманы (брахмана — «объяснение Брахмана») — книги, написанные для брахманов, и другие объяснения к самхитам; араньяки (араньяка — «лесная книга»), в основном содержащие правила поведения для отшельников; упанишады, то есть разного рода поучения, передаваемые от учителя к ученику и составляющие философскую часть Вед. Самхиты, брахманы, араньяки и упанишады составляют шрути («услышанное») и, согласно установившейся традиции, занимают первое место в перечне источников регулирования общественных отношений в Древней Индии.

Однако в самих Ведах трудно найти то, что можно отнести к нормам юридического содержания. Такие нормы закреплены в другой древнеиндийской литературе — смрити («запомненное»), то есть передаваемая по памяти традиция, восходящая к отдельным авторитетам. Смрити — ритуальные, научные,

правовые трактаты, возникшие на основе брахман, комментирующие Вед.

Теоретически, если текст смрити расходился с ведическим текстом, он не мог действовать в качестве источника регулирования общественных отношений, ибо Вед — источник всех знаний. Там, где имеются расхождения между ведическим текстом и смрити, преимущество признается за Ведой. Но поскольку в самих Ведах нормы правового характера отсутствуют, брахманская ортодоксия исходила из фикции, что часть смрити основана на забытых или потерянных шрути, и практически смрити никогда не могут толковаться как противоречащие Ведам².

Исторически первыми из литературы смрити появились дхармасутры. На основе старейших дхармасутр — Гаутамы, Баудхаяны, Апастамбы, Васиштхи и других — возникла обширная этико-религиозная литература — дхармашастры (Манусмрити, Яджнавалкьясмрити, Нарадасмрити, Брихаспатисмрити и другие сборники).³

В современной научной литературе термин «дхармашастра» употребляется в двух значениях. В широком значении дхармашастры — это любые тексты, посвященные рассмотрению дхармы⁴, — дхармасутры и собственно дхармашастры. В узком значении дхармашастры — это тексты, период составления которых варьируется от второй половины I тысячелетия до н.э. до первой половины I тысячелетия н.э. и составленные, как правило, в стихах.

Проводя различие между дхармасутрами и дхармашастрами, французский ученый-правовед Р. Ленга выделял три критерия.

1 Романовская В. Б. Возрождение ведических знаний об обществе в современном мире // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2014. — № 1 (33). — С. 99.

2 Крашенинникова Н. А. Источники древнеиндийского права и их развитие в средневековой Индии // Правоведение. — 1980. — № 1. — С. 76.

3 См.: Безносова Я. В. О соотношении понятий «дхарма» и «право» в древнеиндийской традиции дхармашастр // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 9. — С. 145–148; Безносова Я. В., Романовская В. Б., Романовская Л. Р., Федюшкина А. И. Нетрадиционные религии в России и их роль в межконфессиональном диалоге (историко-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 10. — С. 95–98; Бондаренко Г. В. Правовые ценности в системе ценностных ориентаций личности // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 7. — С. 209–211.

4 Термин «дхарма» (dharma) не содержит аналогов в понятийном аппарате европейца, а потому толкуется многозначно: «правило поведения», «религиозный долг», «добродетель» и др.

Во-первых, форма изложения. Тогда как дхармасутры либо целиком состоят из прозаических сутр⁵ (например, дхармасутра Гаутамы), либо перемежаются отдельными стихами (большинство дхармасутр), дхармашастры изложены исключительно в стихах литературным размером «шлока». Как указывает отечественный историк и санскритолог Н. А. Корнеева, жанр сутры сформировался в поздневедийских брахманских школах в практике обучения и передачи знания от учителя-гуру ученикам: «Именно этим и объясняется форма и стилистика сутры — краткость и неразвернутость предназначенных для запоминания правил, что, очевидно, компенсировалось устными пояснениями учителя»⁶.

Кроме того, Р. Ленга указывает и на то, что язык дхармашастр менее архаичен и более приближен к классическому санскриту, прост и ясен для понимания⁷.

Во-вторых, предметный критерий. Тематика дхармасутр и дхармашастр чрезвычайно разнообразна, часть тем является для них общей, например, предписания для различных стадий жизни — ашрам (ученик, домохозяин, отшельник, аскет), домашние обряды и социальные нормы (отношения между младшими и старшими, учеником и учителем, женой и мужем, сыном и отцом) и т. д. Несмотря на сходство материала дхармасутр и дхармашастр, последние все же являются по своему содержанию более универсальными, а значительный их объем представлен правовыми предписаниями.

И, наконец, в-третьих, дхармасутры создавались и передавались в рамках определенных ведийских школ, некоторые из них входят в состав объемных ритуальных сборников — кальпасутр. Созданные в соответствующих ритуальных школах, сутры обычно приписывались их легендарным основателям, среди которых встречаются и родоначальники знаменитых брахманских родов, например, Баудхаяна, Апастамба и др. В дхармашастрах же связь с ведийскими школами отсутствует, вместо имен основателей школ в их заглавиях появляются имена персонажей преимущественно эпической традиции — Ману, Яджнавалкы, Нарады и др. Соответственно, тексты теперь предназначаются не узкой, ограниченной рамками конкретной школы аудитории, а значительно более широкому кругу обучающихся. Это приводит к увеличению количества рассматриваемых тем, а также к использованию более легкой для запоминания метрической формы. Интенсивно развивающаяся в конце I тысячелетия до н. э. письменная культура, в свою очередь, создает условия для изменения техники передачи знания. Внешне сохраняя устный характер, новая система обучения опирается тем не менее на письменный текст, охватывающий весь объем передаваемого знания и используемый как учителем, так и самими учениками. Следствием этого оказывается расширение текстов, пространственность изложения, стремление к ясности и исчерпывающему характеру описания⁸.

В настоящее время существует несколько точек зрения на характер содержания дхармашастр. Одни ученые рассматривают в качестве их предмета «право», «закон» и расценивают указанные сборники как правовые своды, нормы которых должны были применяться при разрешении дел судами до-

британской Индии (П. Н. Сен, Н. Сен-Гупта, П. В. Кане)⁹. Позицию указанных ученых разделяет, в частности, и известный специалист в области индусского права Н. А. Крашенинникова, которая считает, что «предписания дхармашастр носили обязательный, правовой характер», «скорее всего эти дхармашастры создавались не в старых ведических школах, а в специальных брахманских школах, занимающихся исключительно проблемами дхармы. Религия, оставаясь мощным фактором идеологического и психологического воздействия, призванно внушать уважение к праву, уступала в таких школах место формированию юридических норм»¹⁰.

Другие ученые, напротив, полагали, что составители шастр — шастрины, вовсе не имели в виду создание правовых текстов; в центре их внимания была разрабатывавшаяся веками система воззрений, которая содержала детальные предписания на все случаи жизни, т. е. этическая модель. Предписаниям древних мудрецов не придавалось обязательной силы, и сформулированы они были как пожелания, а не как законы. Иными словами, речь идет о различных для разных социальных групп и ашрам (стадий жизни) традиционных правилах поведения, выполнение которых приносит религиозную заслугу, нарушение же, наоборот, ведет к религиозной и социальной деградации в этом и потустороннем мирах. Право же представлено здесь не само по себе, а в числе и в качестве правил добродетельного поведения кшатрия-царя, то есть как предмет этики в понимании дхармашастр. Составители дхармашастр, по сути, имели дело не с религией и правом в чистом виде, а с религией и правом как важными компонентами этики (Д. Деррет, Р. Ленга, А. М. Самозванцев)¹¹.

Немецкий ученый И. Я. Мейер так же считал, что дхармашастры по своей сущности менее всего являлись правовыми сочинениями, но связывал их появление с первобытным суеверием и страхом перед осквернением, а потому предполагал, что дхармашастры скорее выступали колдовскими книгами. Что касается права, то, по мнению ученого, оно должно было сложиться не в ведийских школах и не в дхармасутрах; истоки его нужно искать в обычаях народа (но не брахманского сословия) и в практике судопроизводства царского двора. Основной тезис ученого сводился к тому, что дхармашастры демонстрируют не развитие права, а постепенное включение светского права в тексты ритуально-магического содержания¹².

Традиционно тексты дхармашастр тематически делятся на три раздела: религиозные ритуалы (Āchāra), искупления (Prāyaścitta) и вопросы судопроизводства (Vyavahāra). Подобная структура характерна, в частности, для дхармашастр Ману и Яджнавалкы. Однако в начале I тысячелетия н. э. наметилась тенденция к тематическому обособлению отдельных аспектов дхармы, наступил период специализации дхармической литературы¹³. Ярким проявлением указанной тенденции явилось создание дхармашастры Нарады (Nārada-smṛti), посвященных вопросам судопроизводства (Vyavahāra)¹⁴. В связи с тем, что указанная дхармашастра не имеет традиционных для сборников подобного рода глав о религиозных ритуалах (Āchāra) и искуплениях (Prāyaścitta), в научной литературе была поставлена

5 Сутра (букв. «нить») — это максимально лаконичная фраза, представляющая собой короткое изречение, правило, формулировку и т. п., а также текст, составленный из последовательности таких фраз, которые, раскрывая суть какой-либо дисциплины, предназначены для заучивания наизусть и часто почти непонятны без комментария.

6 Корнеева Н. А. Вишну-смрити / Пер. с санскр., предисл., коммент. и прил. Н. А. Корнеевой. — М.: Вост. лит., 2007. — С. 15.

7 Lingat R. The classical law of India. University of California Press. — London, 1973. — P. 73.

8 Ibid. — P. 74.

9 Самозванцев А. М. Правовой текст дхармашастры. — М.: Наука, 1991. — С. 5–6.

10 Крашенинникова Н. А. Источники древнеиндийского права и их развитие в средневековой Индии // Правоведение. — 1980. — № 1. — С. 77.

11 Дхармашастра Нарады / пер. с санскрита и комментарий А. А. Вигасина и А. М. Самозванцева. Вступ. ст. А. А. Вигасина. — М.: Восточная литература, 1998. — С. 15.

12 Вигасин А. А., Самозванцев А. М. «Артхашастра»: проблемы социальной структуры и права. — М.: Наука, 1984. — С. 14–15.

13 Там же. — С. 42.

14 Безносова Я. В. Законы Нарады как источник процессуального права Древней Индии // История государства и права. — 2014. — № 5. — С. 9.

под сомнение степень сохранности памятника. На этот счет известный отечественный санскритолог и специалист по истории Древней Индии А. А. Вигасин приводит две полярные позиции зарубежных ученых. Так, индийский ученый Говинда Дас считал, что дхармашастра Нарады является лишь «обломком» обширной дхармашастры, в которой рассматривались все вопросы дхармы. Не соглашаясь с ним, П. В. Кане обращает внимание на то, что, во-первых, комментаторы IX–XI вв. (т.е. самые ранние) не ссылаются на Нараду, рассуждая о предметах иных, нежели судопроизводство, и, во-вторых, замечает, что автор неслучайно рассказывает об ученичестве в главе о работниках, а о браке — в разделе о семейных отношениях. Очевидно, он был вынужден к этому, так как шастра не содержала специальной главы об ученичестве и о свадебных церемониях. Следовательно, дхармашастра Нарады является отнюдь не «обломком», а целиком сохранившимся текстом¹⁵. Кроме того, А. А. Вигасин отмечает, что «Нарада-смрити» сосуществовала с дхармашастрами, вовсе не занимавшимися специально ни политикой, ни правом (например, «Парашара-смрити»), ее воспринимали как сочинение, более детально освещающее один из специальных вопросов дхармы. Иными словами, «речь идет не об «обособлении права», а о процессе тематического дробления дхармической литературы»¹⁶.

Составители дхармашастр среди источников нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии называют обычай: «Веду, смрити, одобренный обычай и то, что согласуется с доброй совестью, мудрые провозгласили прямым доказательством дхармы»¹⁷, — гласит дхармашастра Ману. Однако обычай приобретает роль социального регулятора при наличии ряда условий, закрепленных дхармашастрами: он должен быть древним, рассматриваться «добродетельными, почитаемыми людьми» как обязательный, сознательно соблюдаться ими, быть строго определенным и не противоречить морали или общественной пользе. Из Васиштхи и Яджнавалкьи, а также ряда комментариев можно вывести общее правило, что смрити превосходят по значению обычай.

По замечанию Н. А. Крашенинниковой, «как бы широко ни толковались предписания дхармашастр, дополняемые признанными обычаями, то обстоятельство, что они не затрагивали многих важных вопросов права, с неизбежностью приводило к допущению судебсого усмотрения при решении конкретных дел на основании «принципов справедливости»¹⁸. Возможность обращения к «принципам справедливости» подтверждается и предписаниями дхармашастр. Так, Яджнавалкья устанавливает, что в случае несогласованности положений смрити необходимо следовать той, «которая соответствует справедливости в понимании старших» (Дхармашастра Яджнавалкьи, III. 21)¹⁹.

В иерархии источников нормативного регулирования общественных отношений в Древней Индии особое место отводилось Артхашастре — трактату об искусстве политики и управления государством. Основное содержание Артхашастры — рассмотрение дхармы царя, где основу составляет понятие выгоды, пользы (артхи). И религиозная мораль, и справедливость отходят на второй план, когда речь идет об «артхе».

Основываясь на тщательном изучении артхашастр и комментариев к дхармашастрам, А. А. Вигасин убедительно до-

казывает, что дхармашастры на определенном этапе своего развития активно заимствовали, перерабатывали и переосмыслили материалы артхашастр²⁰. Сами же дхармашастры признают артхашастру в качестве источника регулирования общественных отношений. В дхармашастре Нарады царю предписывается «вести судебную тяжбу к исходу умело, со вниманием, прилагая усилия к тому, чтобы это не противоречило установлению дхармашастры и артхашастры» (Дхармашастра Нарады, I. 31)²¹. Вместе с тем здесь подчеркивается приоритет первых перед последними: «Если же возникнет противоречие между дхармашастрой и артхашастрой, то, отвергнув сказанное в артхашастре, пусть соблюдает то, что предписано в дхармашастре» (Дхармашастра Нарады, I. 33.)²².

Таким образом, в Древней Индии существовала разветвленная система религиозно-нравственных и нормативных предписаний, регулирующих все сферы жизни общества. При этом значительное влияние на развитие системы нормативного регулирования оказывала религиозная, философская и другая ведическая литература, причем влияние это было столь велико, что многие правовые явления и в современной Индии не могут быть поняты и объяснены без его учета.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко Г.В. Правовые ценности в системе ценностных ориентаций личности // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 7. — С. 209–211.
2. Безносова Я. В. Законы Нарады как источник процессуального права Древней Индии // История государства и права. — 2014. — № 5.
3. Безносова Я. В. О соотношении понятий «дхарма» и «право» в древнеиндийской традиции дхармашастр // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 9. — С. 145–148.
4. Безносова Я. В., Романовская В. Б., Романовская Л. Р., Федюшкина А. И. Нетрадиционные религии в России и их роль в межконфессиональном диалоге (историко-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 10. — С. 95–98.
5. Вигасин А. А., Самозванцев А. М. «Артхашастра»: проблемы социальной структуры и права. — М.: Наука, 1984.
6. Законы Ману / Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. М.: Наука, 1992. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html>. (дата обращения: 10.12.2013).
7. Дхармашастра Нарады / Пер. с санскрита и комментарий А. А. Вигасина и А. М. Самозванцева. Вступ. ст. А. А. Вигасина. — М.: Восточная литература, 1998.
8. Корнеева Н. А. Вишну-смрити / Пер. с санскр., предисл., коммент. и прил. Н. А. Корнеевой. — М.: Вост. лит., 2007.
9. Крашенинникова Н. А. Источники древнеиндийского права и их развитие в средневековой Индии // Правоведение. — 1980. — № 1.
10. Романовская В. Б. Возрождение ведических знаний об обществе в современном мире // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2014. — № 1 (33).
11. Самозванцев А. М. Книга мудреца Яджнавалкьи. — М.: Восточная литература, 1994.
12. Самозванцев А. М. Правовой текст дхармашастры. — М.: Наука, 1991.
13. Lingat R. The classical law of India. University of California Press. London. 1973.

20 Вигасин А. А., Самозванцев А. М. Указ. соч. — С.25.

21 Дхармашастра Нарады. — С. 60.

22 Там же.

Айвазян В. Н.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И БАЗОВЫЙ СИСТЕМНЫЙ КОНФЛИКТ СТРУКТУРНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье предлагается новый методологический подход по изучению права. В частности, оно рассматривается автором как система, которая состоит из трех составляющих: генезис, проявление и операционное применение. Вышеупомянутые три составляющие права как науки автор рассматривает как единое целое и целостную систему. И это считает основной задачей перед методологическим комплексом правоведения как науки. По мнению автора, проблему можно решить с помощью применения системотехнического комплекса Конституционализма. Он выделяет Конституционализм как систему правообразования государственности, ставящую перед собой задачу правового закрепления государственности как системы, с соответствующим механизмом легитимного правообразования.

Отсутствие этой целостности автор рассматривает как Базовый Системный Конфликт. С помощью методологического агрегата «системный конфликт» автор в статье описывает отклонения нормы в процессе конституционно-правового регулирования.

Ключевые слова: конституционализм, базовый системный конфликт, конституционно-правовое регулирование, сущность права, системная целостность, методологический арсенал, правообразование, государствообразование, конфликтология, коалиционное право.

Айвазян В. Н.

Ayvazyan V. N.

CONSTITUTIONAL AND BASIC SYSTEMIC CONFLICT OF STRUCTURAL INTEGRITY OF CONSTITUTIONAL-LEGAL REGULATION

The article addresses a new methodological approach to the study of law. Particularly, the author views it as a system made up of three components: genesis, development and operational application.

The abovementioned three components of law, as a science, are regarded by the author as a whole and holistic system, considering it as the main task of the methodological complex of the science of law.

According to the author, the problem may be solved through the application of systemic and technical complex of Constitutionalism. He underlines Constitutionalism as a system of law formation of state, which sets the task of legal formulation of the statehood as a system with a relevant mechanism of legitimate law formation.

The author regards the lack of this integrity as a Basic Systemic Conflict. The author describes the deviations from the norm in the process of constitutional and legal regulation by means of this «Systemic conflict» methodological instrument.

Keywords: constitutionalism, basic systemic conflict, constitutional and legal regulation, essence of law, systemic integrity, methodological tools, law formation, state formation, conflictology, coalition law.

Правоведение — это комплексная наука, которая изучает сущностные свойства права, государства и управления, а конкретнее — изучает генезис, проявление и операционное применение права и описывает все правовые явления (определяя четко и однозначно объекты исследования, как право, государство, управление, Система Правового Регулирования и т. д.). Применение аккумулированных знаний в результате исследований дает возможность разрабатывать любую систему правового регулирования и применять ее на операционном уровне, для обеспечения и осуществления управления совокупным общественным процессом. Следовательно, очевидно, что вышеупомянутые три составляющие права как науки, а именно: генезис, проявление и операционное применение — должны рассматриваться как единое целое и целостная система. И это основная задача перед методологическим комплексом правоведения как науки. Нерешенность этой задачи из-за недостаточности научного знания и исследовательского инструментария, а еще хуже, при отсутствии ее постановки вообще — порождает то, что правоведение переносится из пространства академического научного познания на основе фундаментальной теоретической базы в плоскость всего лишь доктринальной логической системы, доктрины которой определяются больше политической конъюнктурой и журналистической аналитикой, имеющей природу, в основном, интерпретации, в рамках текущих событий и эксцессов. Укореняется тезис внутреннего мышления, даже в академических научных кругах, что правоведение зависит от политики и является ее следствием, тогда как должно быть наоборот. Этот посыл воспринимается как данность, и не только нарушает ткань гражданской компетент-

ности (которая находится в процессе становления, как на уровне академического научного контингента, политического корпуса принятия решений, так и всех других слоев общества), но и трансформирует статус правоведения, как инструмент текущей политики, или, в лучшем случае, «околопредметную» научную дисциплину. На наш взгляд, именно этот аспект является основным вызовом современности, определяющим комплекс вопросов:

1. Каким должно быть правовое обустройство мира?
2. Как должно проходить правообразование глобализации?
3. Как сформировать фундаментальный теоретический базис международного права и сформировать его как полноценный Институт Права с однозначными решениями многоуровневого правового регулирования с синхронизацией наднационального и национального государствообразования, вывести его из доктринального состояния, формируя сам предмет международного права и само правовое пространство, в котором получают свое правовое закрепление и легитимность как сама организация ООН со своим уставом, так и все государства — члены ООН со своими правовыми системами?
4. Как должно происходить государствообразование независимых суверенных государств?

Вот какие задачи стоят непосредственно перед правоведением как наукой, которая должна дать однозначные ответы на все эти вопросы и пути их решения. Очевидно, что нельзя будет это сделать, если правоведение будет выступать в ином качестве, в котором, как правило, задача адекватного научного методологического инструментария может отсутствовать вовсе, и вообще, правовое пространство трансформируется в «коали-

ционное право» — «согласительное право», с допустимостью субъективного определения сущности права лишь избранными членами коалиции, с автоматической правовой номинацией своей «исключительности».

В этой связи выделяется конституционализм, как система правообразования государственности, ставящая перед собой задачу правового закрепления государственности как системы, с соответствующим механизмом легитимного правообразования.

Отсутствие этой целостности мы рассматриваем как Базовый Системный Конфликт.

Целостность этого возможно обеспечить только системным подходом к изучению права, соответственно, рассматривая правоведение как целостную систему. Но как часто это бывает, исходя из практических задач необходимости наличия системы права (как, например, вновь провозглашенное независимое государство не может не иметь правовой системы), в основном внимание фокусируется на операционном применении права, игнорируя генезис и проявление последнего, с учетом того факта, что операционное применение — это лишь следствие генезиса и проявления права. Если не обеспечивается системная целостность науки права (в частности, игнорируется генезис и проявление права и изучается только операционное применение), она не может выступать как научная дисциплина, вследствие чего как в сфере науки, так и в сфере практического применения права возникает концептуально-определенческий беспредел без всякой ответственности, в результате образуется аналитический хаос. Как следствие, становится невозможным обеспечить реализацию системы управления, так как его авторы отклоняются от научного системного подхода, следовательно, и от логики.

Для выявления неуконформности системы права и нарушения ее целостности мы в качестве методологического инструмента применяем концептуальный агрегат «системный конфликт».

Не перестаем повторять, перед правоведением как наукой стоит задача обеспечить комплексную целостность структуры права как науки на всех этапах изучения — от генезиса, формализации и прикладного применения знаний и в процессе разработки, внедрения и операционного запуска системы правового регулирования совокупного общественного процесса уже на правоприменительном уровне.

Любая система правового регулирования, сформированная в условиях концептуально-определенческого беспредела и аналитического хаоса, как правило, должна считаться нелегитимной, с точки зрения сущности права, а также сущности управления и адекватного предназначения. Сущность права в функциональном своем предназначении — это обеспечение законности управления посредством определения четких критериев легитимности. Если нет научного подхода, то наступает ситуация, в которой становится дозволяемой замена определений, понятий и категорий в строгом научном формате на интуитивные ассоциации субъективного характера (как правило, непрофессионального характера, вследствие ограниченного уровня знаний, опыта и образованности субъектов в сфере права и нормотворчества, особенно в случаях принятия решений в рамках законодательной ветви власти). А также вытекающая из этого совокупности выводов, качество которых определяется опять-таки не в рамках научной дисциплины мышления, а субъективными критериями, зачастую бытового мышления, в итоге приводящих к аналитическому беспределу (например, вариации восприятия и интерпретации таких понятий, как демократия или конституционализм, приводят к формированию принципа суверенной демократии (европейская, американская, русская, арабская, азиатская, армянская демократия), в условиях отсутствия стандартного определения демократии международного права, так же как и недопустимой является «субъективная норматизация конституционализма вне научной дисциплины»).

При этом любая текущая власть применяет принцип самопровозглашения собственной легитимности с интерпретацией таких категорий, как правовая управленческая адекватность в проекции субъективного восприятия их функционального предназначения правового регулирования. Тогда как управление должно обеспечить совокупный общественный процесс функциональным адекватным его протеканием в рамках создания совокупного общественного продукта (это не только внутренний валовой продукт, валовой национальный продукт, а в первую очередь, нематериальные ресурсы, направленные на укрепление системы ценностей и обеспечение идентичности общества). В противном случае появляется синдром революционного анахронизма, когда каждая текущая власть может упразднить, ликвидировать старую систему правового регулирования и провозглашать новое правовое регулирование, как единственное, легитимное и законное, иницируя, по сути, вулканический процесс неупорядоченных выбросов сиюминутной легитимности и общественных сотрясаний (например, события в Украине). Наверно, назрела необходимость, наряду с зарождением таких наук, как конфликтология, формировать отдельную научную дисциплину — теория революции (например, упразднение конституции СССР, парад конституций без научного осознания и ответственного понимания принципов конституционализма и правообразования новой государственности, арабская весна, украинские события и т.д.).

С этой точки зрения перед наукой правоведения стоит задача недопущения и предотвращения концептуальной неоднозначности, вседозволенности, научного правового беспредела, в итоге приводящих к аналитическому хаосу, с целью обеспечения последовательного развития систем правового регулирования на основе фундаментальных знаний легитимного правообразования. Поэтому актуальность проблемы однозначного определения сущности конституционализма крайне важна.

По сути, если условно представить государственность, в плане системы правового регулирования, в виде поезда, то в роли локомотива, однозначно, выступает сущность права, далее в качестве первого вагона — формализованная концепция правового оформления совокупного общественного процесса, второго вагона — система правового регулирования, третьего вагона — законодательные и прочие ведомственные акты и т.д. Нарушение научной целостности приводит к тому, что каждая новая цепочка вагонов начинается с третьего, и нужно строить не только новый локомотив, первый, второй, третий вагоны, но и организовать движение задом наперед. Здесь получается, что локомотив не буксирует, а толкает состав сзади вперед без поля зрения. Очевидно, мы имеем дело с конфликтом не простого характера, а системного, приводящим к нарушению целостности правовой системы как таковой, заменяя ее противостоительной мутационной моделью. Рецидивы мутации правовой системы имеют системную природу происхождения и, соответственно, являются следствием Системного Конфликта и не могут быть исправлены или ликвидированы даже методологическим арсеналом позитивного права.

С этой точки зрения правоведение можно представить как науку об исключении конфликтов в системе правоотношений общества, Конституция же призвана не допустить Базовый Системный Конфликт — движение поезда задом наперед.

И в этом контексте уже зарождается научная дисциплина «правовая конфликтология» (на наш взгляд, бытующий в настоящее время термин «юридическая конфликтология» более узкий, в плане рассмотрения конфликтов лишь в юриспруденции, тогда как необходимо изучать конфликты права на сущностном уровне), которая должна выделять в первую очередь именно системные конфликты как первичный объект исследования.

А причинно-следственная цепочка конфликтов также имеет системный характер и, соответственно, предотвращение конфликта должно начинаться с аналитически-концептуального уровня описания самого права, его сущности, проявления

и системы правового регулирования. Системный конфликт этого уровня инициирует причинно-следственную цепочку конфликтов функционального и операционного уровня соответственно, нерешение таких конфликтов порождает деформацию правовой системы и нарушает управленческий процесс государственной жизнедеятельности на соответствующем уровне. Происходит очевидная эрозия системы права (регулирование правоотношений совокупного общественного процесса) и права вообще.

Естественно, если на пути следования поезда обнаруживается неисправность полотна или препятствия, то все это водитель локомотива не может видеть, поскольку он движется не спереди, а толкает весь состав. При этом формируется синдром, что высшая власть не видит, что творится на самом деле на пути маршрута поезда. А задачу эту можно решить только системным образом, а именно: восстановить естественный ход движения поезда (система движения, когда локомотив толкает состав, является неправильным мутационным поездом).

В этом ключе можно, наверно, и в критическом режиме провести классификацию правовых систем и систем правового регулирования по мутационной шкале, определяемых по факту наличия системных конфликтов и степени отклонения от легитимной логики права, таким образом предотвращая «рождение антиправовых систем права», спекулируя на принципе «право на суверенитет» с рецидивом нерегулируемого правового противостояния большинства и меньшинства (право суверенитета не означает право определения сущности права в ненаучной дисциплине).

Таким образом, для систем конституционно-правового регулирования критичным и обязательным является обеспечение комплексной целостности проявления права, правообразования и операционного правоприменения, иначе говоря, планомерное движение локомотива впереди поезда с четким упорядочиванием последовательности вагонов в намеченном направлении и по установленному маршруту. В этом случае нормотворчество конституционно-правового регулирования и простой системы правового регулирования без принципов конституционализма различаются основательно. При этом необходимо отметить, что при наличии некомпетентности научного и практического понимания конституционализма к конституционно-правовому регулированию применяется обычное нормотворчество системы правового регулирования (без конституции), превращая конституцию в обычный технический правовой документ. В этом смысле перед конституционно-правовым регулированием стоит задача исключения системных конфликтов, как на уровне генезиса сущности права с последующей системой правообразования и формирования в итоге системы правового регулирования, так и на функционально-операционном уровне его правоприменения на практике. Центральной задачей является внедрение конституционализма в международное право, правовой базис которого, к сожалению, основывается на доктринальной системе, в плане правообразования допускающей, по сути, нахождение уже правоприменительной системы (ООН, Совбез ООН, ОБСЕ) в пространстве «коалиционного права».

Конституционализм не имеет однозначную технологию правообразования системы правового регулирования, особенно в случае двухуровневого конституционно-правового регулирования, где стоит задача синхронизации конституционно-правового регулирования национального уровня и конституционно-правового регулирования наднационального уровня федеративного или союзного государствообразования.

С учетом процесса интеграции в рамках Евразийского экономического союза можно выделить конфликт двухуровневого конституционно-правового регулирования, касательно определений в преамбулах конституций РФ и Татарстана. При всем том, именно с точки зрения концептуальной ответственности в плане модели государственности РФ и исключения Базо-

вого Системного Конфликта, на все предложения изменить преамбулу к Конституции РФ, заменив выражение «многонациональный народ» на «русский народ и присоединившиеся к нему», Президент Путин ответил категорическим отказом, с аргументацией непопустительности деления всех россиян «на первый и второй сорт».

В то же время в преамбуле к Конституции Республики Татарстан народы разделены: «Настоящая Конституция выражает волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа», при наличии требования Конституционного Суда Российской Федерации изменить преамбулу к Конституции Татарстана. Требование изменить статьи Конституции Республики Татарстан, в которых говорится о суверенитете и гражданстве, выдвинул Валерий Зорькин еще в 2009 г. «Суверенитетом может обладать исключительно сама федерация, а по отношению к ее субъектам данное понятие теряет смысл», — говорилось в письме. Тогда по этому поводу спикер Государственного совета Республики Татарстан Фарид Мухаметшин заявил, что термин «суверенитет» еще предстоит осмыслить и провести научные исследования по его семантике¹. До настоящего времени это изменение не произошло. Множественные примеры аналогичного порядка имеются также в ЕС и в других странах.

Безусловно, конституционализм, выступая как ведущий принцип правообразования, на сегодняшний день требует, чтобы конституционное право (как теоретическая основа, реализующая конституционализм) перешло на качественно новый уровень состоятельности разработки систем конституционно-правового регулирования, технологии и нормотворчества, целенаправленного внедрения и запуска целостной правовой системы, в рамках государствообразования, в условиях ускоренных темпов глобализации. Безусловно, ключевым является методологический арсенал конституционного права и, скорее всего, для этого потребуются зарождение и развитие новых научных направлений (как, например, правовая конфликтология) и расширение диапазона имеющейся теории государства и права, с проведением комплексного методологического аудита, особенно по части теории демократии, выделяя при этом Системный Конфликт суверенитет демократии, правообразования и государствообразования с дифференциацией типологии государств, с точки зрения статуса образования, на его основе системного проявления цивилизации.

В этой связи необходимо особенно отметить выступления В. В. Путина в Мюнхене, Краснодаре и в Валдайском клубе, в которых в максимально ответственной постановке он проводит причинно-следственный анализ генеза всех злободневных проблем текущей современности на системной основе, по сути обозначая необходимость предотвращения Базового Системного Конфликта, с целью предотвращения правового хаоса. Также показательный пример стремления прийти к адекватной логике полноценного Конституционализма и построения государственности на его основе².

Именно в зависимости от осознания, понимания государствами Базового Системного Конфликта генерировалось циклическая последовательность взлетов и падений в процессе исторического синтеза цивилизации. Взлеты — как

1 В Татарстане против разделения народов в Конституции РФ, но «за» — в своей. Информационное агентство «АМИТЕЛ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.amic.ru/news/178419/> (дата обращения: 24.12.2014)

2 См. Валдайская речь В. В. Путина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=AqLQUrfeqcs> (дата обращения: 24.12.2014); Краснодарская речь В. В. Путина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=XxzH7JF6N_o (дата обращения: 24.12.2014); Мюнхенская речь В. В. Путина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=ZkS2xwhYvkM> (дата обращения: 24.12.2014).

следствие понимания природы, предотвращения и ликвидации, при наличии Базового Системного Конфликта. Тогда как падения — разрушения государств-цивилизаций происходили вследствие игнорирования постоянной ответственности исключения Базового Системного Конфликта (в результате неадекватной самоуверенности, как правило, основанной на статусе доминантности, в свою очередь, основанной на имеющейся силе или на самообмане, что достигнутое равновесие в динамично изменяющихся условиях, в процессе развития общества, имеет природу самоформирования «по рыночным законам»). Каждое падение сопровождалось потерей самоидентичности (потеря состоятельности осознанного понимания своей идентичности, с нарастающей потерей идентификации общества по смыслу своего бытия и ценностной системы). С точки зрения конституционно-правового регулирования это означало, что государство-цивилизация могло состояться и развиваться благодаря состоятельности самоидентификации общества в виде формализованной модели государственного устройства, обеспечивающего систему ценностей, вытекающих из основных принципов смысла бытия общества. Это генеральная задача любой ответственной государственности (особенно претендующей быть основой образующей или уже существующей цивилизации) сохранения целостности цепочки Смысл бытия — Система ценностей — Благополучие общества. Задача Конституции — дать правовое закрепление целостности этой цепочки и норматизация государствообразования. Пока конституционализм в таком качестве, понимании и правообразующем функциональном применении имел место, цивилизация зарождалась, формировалась, развивалась и приобретала свой мощный потенциал на основе созидания. Как только нарушался принцип конституционализма в таком понимании и автоматически упразднялась конституционно-правовая пространственность (писаная или неписаная) государства, происходила эрозия системы ценностей, деформация принципов смысла бытия, вследствие чего происходила реструктуризация и, в конечном итоге, мутация государства, с утратой его первоначальной сущности.

С этой точки зрения можно сказать, что цивилизация не может существовать без конституционализма, который автоматически присутствовал в государствах, где сущность права и сама правовая система исходили из базового принципа «ЮС натурализма» восходить самым ответственным образом к вопросам Конституции гармонии мироздания (шумеры, Греция, Рим, Персия и т.д.). Без этого принципа вовлечение в состав цивилизации будет искусственным, а привлечение насильственным. Цивилизация — это, в первую очередь, такая система ценностей, которая отображает конституцию гармонии человека, к которому и будут осознанно стремиться государства, народы и нации с уверенностью в том, что их идентичность не будет упразднена, а наоборот, будет расширена и обогащена. При этом с точки зрения сущности права нельзя Цивилизацию отождествлять с понятием «Империя», которая выступает лишь правовой организационной формой.

В своей Краснодарской речи В. В. Путин достаточно емко констатировал, что «попытки влиять на мировоззрение целых народов, стремление подчинить их своей воле, навязать свою систему ценностей и понятий — это абсолютная реальность, также, как борьба за минеральные ресурсы, с которой сталкиваются многие страны, в том числе и наша страна»³. В каком правовом пространстве происходит эта борьба, которая может перерасти в войну? Это цивилизованное правовое пространство, основанное на принципе Конституционализма, или это «коалиционное право» с исключительным статусом правоуста-

новления его участников, или это вообще борьба без правил, в условиях правового хаоса?

В результате возникает ситуация, в которой формирование мировой гегемонии США может квалифицироваться как прецедент неписаной мировой конституции, в котором институт правовой ответственности государства вообще не имеет правового закрепления, а проявляется в чувственных рефлексах мирового сообщества, и это обстоятельство, полагаем, должно приниматься как данность. Думаем, что именно этот аспект и имел в виду известный американский политархитектор Збигнев Бжезинский, который в своей книге «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» еще в 1994 г. написал: «Мощь Америки и движущие силы ее общественного развития во взаимодействии могли бы способствовать постепенному созданию мирного сообщества, основанного на совместных интересах. При неправильном же использовании и столкновении друг с другом эти начала способны ввергнуть мир в состояние хаоса, а Америку превратить в осажденную крепость»⁴.

Это ключевые системные конфликты конституционного характера, и их нельзя оставлять в подвешенном состоянии. В итоге определяется не просто наднациональный уровень, но проявление конституционализма в рамках конституции цивилизации, по сути, формируя уже трехуровневую Систему Конституционного Регулирования (Конституция Цивилизации, Конституция ведущего Государства, Конституции отдельных государств и народов).

И это уже на порядок более сложный технологический уровень реализации конституционализма. Поэтому особенно ценным должен быть исторический опыт многонациональных Государств, как положительный, так и отрицательный.

В этом плане В. В. Путин вполне справедливо отметил, что «именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности государственного устройства России. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве»⁵.

Из этого формируется целый свод сложных фундаментальных вопросов, которые без методологической состоятельности правоведения не будут системным образом упорядочены в своей постановке, исследовании и практическом решении:

1. Какой должна быть система правообразования цивилизации?
2. Какое государство несет функцию образования и кристаллизации цивилизации, какие его обязанности и права? Сколько цивилизаций присутствует на текущий момент в США, России, ЕС, Китае?
3. Как они взаимодействуют в условиях глобализации?
4. Возможно ли прийти к единой мировой цивилизации, по сути и выступающей как предмет правового закрепления Международного Права?
  - а) если да, то какова модель единой мировой цивилизации?
  - б) это новая модель с новым определением человеческих ценностей, соответственно, с новой конституцией, или это синтез уже исторически существующих цивилизационных моделей, обеспечивающих преемственность многообразия системы ценностей в одном целостном единстве?
  - с) в какой правовой пространственности и с какой правовой организационной формой?
5. Возможно ли рассматривать все это вне конституционализма?

3 См. Краснодарская речь В. В. Путина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=XxzH7JF6N_o (дата обращения: 24.12.2014).

4 См.: Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2005. — С. 5.

5 Валдайская речь В. В. Путина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=AqLQUrfecqs> (дата обращения: 24.12.2014).

Это только часть фундаментальных вопросов и задач, стоящих перед правом, конституционализмом, на основе которых должны быть выработаны практические рекомендации, позволяющие исключить не только Базовый Системный Конфликт, но и другие системные конфликты, присутствующие в многоплановом и многообразном процессе глобализации. Эффективные решения этих глобальных задач однозначно не по силам отдельным исследователям и даже научным учреждениям. Они требуют научного синтеза и консолидации мировой академической мысли и сопряженных с проблемой других наук. Одновременно находим, что для решения вопроса возникла жизненная необходимость проявления доброй воли мировых держав. Последние должны признать исключительную и однозначную роль фундаментальных принципов конституционализма, а также объективную природу общечеловеческих ценностей.

Пристатейный библиографический список

1. Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство: Пер. с англ. — М.: Международные отношения, 2005.
2. В Татарстане против разделения народов в Конституции РФ, но «за» — в своей. Информационное агентство «АМИТЕЛ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.amic.ru/news/178419/>.
3. Валдайская речь В. В. Путина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=AqLQUrfeqcs> (дата обращения: 24.12.2014).
4. Краснодарская речь В. В. Путина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=XxzH7JF6N_o (дата обращения: 24.12.2014).
5. Мюнхенская речь В. В. Путина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=ZkS2xwhYvkM> (дата обращения: 24.12.2014).

Монография посвящена исследованию теоретических и практических проблем реализации норм водного и земельного права в условиях рыночных отношений в Республике Казахстан. В работе даны понятия и раскрыты содержания механизма реализации норм водного и земельного права и их составных элементов; выявлены особенности водного процесса и дана классификация процессуальных форм реализации норм водного права; изучены вопросы правоприменения как особой формы реализации норм водного права и предложены пути повышения его эффективности; изложены проблемы международного сотрудничества в области охраны и использования водных ресурсов, его роли и места в механизме реализации норм водного права, исследованы историко-политические вопросы развития земельных правоотношений в Республике Казахстан. Авторами рассмотрены широкий круг правовых норм, институтов водного и земельного права, выявлены их взаимодействие с другими отраслями права. Раскрыты такие темы, как водно-земельные правоотношения, управление водным процессом, различные виды его целевого использования, аренда земельных участков и арендная плата за землю.

Монография

Сауле Сулейменова
Сулейменова Сауле Жусупбековна, доктор юридических наук, профессор КазНУ им. Аль-Фараби. Автор совместно с Шолпан Саймовой опубликовали ряд научных работ и статей в области водного и земельного права Республики Казахстан в отечественных и зарубежных изданиях.

Сауле Сулейменова
Шолпан Саймова

**Водно-земельные
правоотношения
Республики Казахстан**

Монография

Сулейменова, Саймова

978-3-659-26372-9

Кича М. В.

ОБЫЧАЙ В ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ, АФРИКАНСКОЙ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПОДГРУПП РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

В статье раскрываются механизмы влияния обычного права Франции, Германии, Испании и Португалии на местное обычное право их колоний. Особое внимание уделяется анализу последствий данного влияния для современных государств Латинской Америки, Африки и Азии, входящих в романо-германскую правовую семью.

Ключевые слова: форма права, обычай, обычное право, правовая система, романо-германская правовая семья.

Kicha M. V.

CUSTOM IN THE LEGAL SYSTEMS OF LATIN AMERICAN, AFRICAN AND FAR EASTERN SUBGROUPS OF ROMANO-GERMANIC LEGAL FAMILY

The article describes the mechanisms of influence of customary law in France, Germany, Spain and Portugal on the local customary law of their colonies. Particular attention is paid to the analysis of the consequences of the impact of the modern states of Latin America, Africa and Asia, members of the Roman-Germanic legal family.

Keywords: form of law, custom, customary law, legal system, Romano-Germanic legal family.

Кича М. В.

Тематика данной статьи довольно актуальна и интересна. Исследование влияния романо-германского обычая на местное обычное право целого ряда современных независимых государств (многие из которых являлись колониями Франции, Германии, Испании и Португалии либо подверглись вестернизации) позволяет объяснить специфику законодательства и правоприменительной практики данных государств, изучить юридическую природу признаваемых в них форм и источников права, наконец, собрать и проанализировать богатый материал компаративистского характера. Начиная рассмотрение правовых систем латиноамериканской, африканской и дальневосточной подгрупп романо-германской правовой семьи, следует принять во внимание следующие немаловажные моменты.

Во-первых, зарубежных исследователей всегда интересовала эффективность правового регулирования, вопрос же о наименовании самих регуляторов представлялся им второстепенным. Действительно, в западной научной литературе, в отличие от отечественной, практически отсутствуют жаркие дискуссии о соотношении понятий «источник права» и «форма права», их иерархии и юридической природе. Напротив, вопросы, связанные с исследованием нормативно-правовых актов, юридической доктрины, обычаев, договоров нормативного содержания и т. д., обсуждаются весьма подробно и подкрепляются теоретическими рассуждениями и практическими доказательствами. При этом в зарубежной юридической доктрине практически отсутствует описание и понимание источника права в формальном, материальном и идеологическом смысле.

Кроме того, нельзя забывать, что в большинстве иностранных юридических вузов нет такой учебной дисциплины, как теория государства и права, следовательно, их профессорско-преподавательский состав и студенты занимаются не теоретико-правовой проблематикой, а выработкой конкретных юридических навыков, в особенности касающихся процессуального права и участия в судебных заседаниях.

Во-вторых, следует помнить, что западные ученые-юристы накопили колоссальный практический материал, касающийся различных способов социального (в т. ч. правового) регулирования. Немалую роль здесь сыграли исследования, проводимые на территориях колониальных владений Великобритании, Франции, Германии и других европейских государств. Собранный здесь богатейший материал имел зачастую антропологический и этнографический характер, но ученые из метрополии также создавали работы, посвященные изучению монономом, обычного и религиозного права, а также писаного права колоний.

В-третьих, перед исследователями стояла конкретная практическая задача: на основе собранного и обработанного материала создать систему административно-хозяйственного управления колониями, в т. ч. новое колониальное право, которое, с одной стороны, отвечало бы интересам метрополии, а с другой — было бы понятно местному населению, вызывало бы у него уважение и соблюдалось бы им. Данная задача оказалась довольно трудной, причем не только из-за национальных и культурных различий, политических и экономических факторов и т. д., но и потому, что общественные отношения местных жителей в некоторых регионах (особенно в Тропической Африке) находились буквально на первобытном уровне. Позже, с распадом колониальных империй и обретением колониями независимости, данное законодательство показало свою жизнеспособность: нынешние суверенные государства Африки, Азии, Южной Америки и Океании не стали его изменять и пользуются им по настоящее время.

В-четвертых, практически все государства, входящие сейчас в латиноамериканскую, дальневосточную и африканскую подгруппу романо-германской правовой семьи, в свое время были колониями Франции, Германии, Испании, Португалии либо иных государств романо-германского права или, подобно Японии и Турции, подверглись вестернизации по политическим, военным и другим причинам.

Начнем с африканской подгруппы романо-германской правовой семьи. На данный момент в ней насчитывается три правовых системы — Алжира, Мали и Кот-д'Ивуар. При этом обычай как форма романо-германского права присутствует во всех трех из них и активно взаимодействует с местным обычным правом. Так, в праве Алжира большинство отраслей законодательства (особенно уголовное, гражданское, земельное, судебное право) основаны на французской правовой традиции и на французском обычном праве, а вопросы личного статуса (брак, семья, наследование) регулируются мусульманским правом, в т. ч. адатами.

До 1830 г. в Алжире применялось только мусульманское право. Французское законодательство было наложено на существовавшую правовую систему, в одних вопросах заменив мусульманское право, а в других действуя параллельно с ним как персональное право европейцев. Уже в 1834 г. в Алжире были приняты Гражданский и Торговый кодексы по французскому образцу. После получения Алжиром независимости в 1962 г. французское право, за некоторыми изъятиями, осталось в силе. Специальным законом от 31 декабря 1962 г. была

предусмотрена возможность использования в Республике законодательства колониального периода, за исключением актов, противоречивших суверенитету алжирского народа и имевших колониальный и дискриминационный характер. В некоторых гражданско-правовых вопросах сохранялся дуализм французского и мусульманского права, что создавало большие проблемы для правоприменения.

В 1960–1970 гг. в Алжире проведена большая работа по принятию национального законодательства, постепенно заменившего старые французские кодексы. В 1966 г. приняты новые УК, УПК и ГПК, в 1975 г. — новый ГК и новая редакция УК. С июля 1975 г. в Алжире официально запрещено применение колониальных законов. Новое алжирское законодательство по-прежнему основывалось на французских кодексах. В области семьи, брака и других вопросах личного статуса прочные позиции сохранились за мусульманским правом. В 1984 г. был принят Кодекс о семье, основанный на исламских принципах¹.

Аналогичная ситуация складывается в Мали и Кот-д'Ивуар, где все современные отрасли законодательства, начиная с конституционного, основаны на французском праве (в т.ч. французском обычном праве). В то же время население, особенно за пределами городов, продолжает широко применять местное обычное право. Нормы последнего были также инкорпорированы в ряд кодексов и законов, в т.ч. Семейный кодекс Мали 1962 г., Гражданский кодекс Кот-д'Ивуар 1970 г. и др.

Таким образом, в африканской подгруппе романо-германской правовой семьи и бывших африканских колониях европейских государств обычай как форма романо-германского права и местное обычное право регулируют общественные отношения в различных отраслях права. При этом обычай как форма романо-германского права применяется в публичном праве, а местное обычное право — в частном праве.

Переходя к рассмотрению обычного права в латиноамериканской подгруппе романо-германской правовой семьи, следует помнить, что данная подгруппа имеет ряд особенностей, обусловленных ее историческим развитием. Так, в 1537 г. на испанскую Америку было распространено законодательство Кастилии — крупнейшей исторической области Испании. Оно состояло из множества сборников, многие из которых восходили к римскому праву и законодательству вестготов. Наиболее известными из них являются: «Фуэро хузго» (Fuero Juzgo) VII в., «Фуэро реаль» (Fuero Real) 1225 г., «Семь партид» (Libro de las leyes Las Siete partidas) 1263 г., законы Торо (Leyes de Toro) 1505 г. и др.

В 1567 г. было закончено составление девятитомного собрания законов «Новый свод» (Nueva Recopilacion). С изданием «Нового свода» все не вошедшее в него законодательство отменялось. Однако такие сборники, как «Фуэро реаль» и «Семь партид», могли применяться в качестве дополнительных источников. На практике же «Партиды» по-прежнему играли основную роль в правовом регулировании. Также существовало специальное законодательство для колоний, издававшееся и в самих колониях, и в метрополии (королевские седулы, статуты, ордонансы, конституции, приказы, декреты, рескрипты и т.д.). В 1680 г. была проведена официальная систематизация колониального права, результатом которой стал «Свод законов королевств Индий» (Recopilacion de las leyes do los Reynos de las Indias). Наконец, в колониях, как и в Испании, суды часто выносили решения, ссылаясь непосредственно на доктрины римского и канонического права, которые также составляли часть правовой системы наряду с законодательством.

В латиноамериканской подгруппе романо-германской правовой семьи следует особо выделить правовую систему Бразилии, которая долгое время являлась единственной в Латинской Америке колонией Португалии. В колониальный период

в Бразилии применялись сборники португальского обычного права и сборники законов португальских королей — Ордонансы королей Альфонсов III и IV (Ordnaoes Alfonsinas) конца XIV — начала XV в., Ордонансы Филиппа 1603 г. (Ordnaoes Filipinas), которые заимствовали ряд положений из римского и канонического права.

Естественно, наибольшую роль в формировании бразильского права сыграла юридическая культура Португалии, основанная на традициях римского права. Помимо того, уголовное право Бразилии испытало влияние французского и итальянского законодательства, а гражданское было кодифицировано под воздействием Германского Гражданского уложения. Португальское наследие проявилось и в отношении к обычаю как форме права. В правовой системе Бразилии роль обычая ограничена, он не считается самостоятельной формой права, является лишь дополнением к закону.

Подобное восприятие обычая характерно для большинства латиноамериканских государств. В Уругвае, Венесуэле, Аргентине, Чили и др. обычай используется в качестве субсидиарной формы права в случаях, специально оговоренных законом. Этому есть свое объяснение: в государствах Латинской Америки, переживших вторжение испанских и португальских колонизаторов, ввоз чернокожих рабов и уничтожение коренного населения, местные обычаи просто не сохранились. Имея главной формой права делегированное законодательство (т.е. подзаконные нормативно-правовые акты, акты органов исполнительной власти), правовым системам вышеназванных государств в принципе не удалось сохранить обычай как форму права — испанские и португальские обычаи записывались и превращались в нормы законов, а местное обычное право было фактически стерто с лица земли, зачастую — вкупе с коренным населением. Помимо того, обычное право, применявшееся инками, ацтеками, майя и прочими индейскими племенами, не отвечало требованиям колонизаторов и потому являлось крайне неэффективным в правовом регулировании. Наконец, многочисленные диктаторские режимы, в течение десятилетий существовавшие в государствах Латинской Америки (именно благодаря чему она и получила название «заповедника диктаторских режимов»), никоим образом не способствовали рецепции и развитию обычного права. Напротив, в условиях диктатуры применение обычного права сводилось на нет, и правовое регулирование осуществлялось исключительно с помощью актов органов исполнительной власти.

Переходя к дальневосточной подгруппе романо-германской правовой семьи, мы рассмотрим правовые системы Японии и Республики Корея (Южной Кореи).

Японское обычное право имеет богатую историю. К древним японским обычаям относились такие наиболее распространенные табу, как: запрет нарушать половозрастное разделение функций между мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми; запрет на обман членов коллектива; запрет на убийства члена коллектива; запрет нанесения телесных повреждений общинникам; запрет кровосмешения и зоофилии; запрет колдовства, направленного против членов общинного коллектива.

Соблюдение данных норм обычного права обеспечивалось всей общиной, особых органов принуждения и органов защиты данных правил в ранний период развития японского общества не существовало. За нарушение обычно-правовых норм следовало наказание, которое имело разные формы — моральное порицание, телесные наказания, изгнание из общины, смерть.

Долгое время обычаи являлись единственной формой древнеяпонского права и представляли собой правила поведения, сложившиеся в жизни людей в течение длительного времени в силу повторяемости, которые были признаны государством в качестве общеобязательных и обеспечивались силой государственного принуждения. Исследователи древнеяпонского права сталкиваются с проблемой того, что обычаи функционировали в устной форме, следовательно, они нигде не были записаны, и, казалось бы, мы ничего не можем знать об их со-

1 См. подробнее: Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. — 3-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А. Я. Сухарев. — М.: Норма, 2003. — С. 34–37.

держании. Однако нарративные источники древнего периода зафиксировали правоприменительную практику и обычаи гражданского оборота. Они дают ученым материал, на основе которого можно выявить обычное право древней Японии².

Исторически возникло четыре вида обычаев:

1) обычаи из жизни (практики) предков;
2) обычаи из практики жрецов. К обычаям из жизни предков и обычаям из практики жрецов относятся обычаи, которые были зафиксированы в норито. Норито — это молитва или ее текст в религии синто, именно они составляют наиболее древний пласт в круте свидетельств об архаической культуре Японии;

3) обычаи из жизни (практики) ныне живущих людей («обычная практика»). Таковыми являются многочисленные сельскохозяйственные, семейно-брачные, земельные, наследственные обычаи, а также обычаи в сфере торговли и оказания услуг, например, обычаи, регулирующий правила найма услуг по охране и содержанию лошадей;

4) обычаи из практики должностных лиц — обычаи в сфере государственного управления, налогообложения, уголовного права и процесса.

В настоящее время обычай не является формой уголовного права Японии. Надо сказать, что в Японии (как и во всей конфуцианской Азии) господствует крайне негативное отношение к праву. Право здесь понимается исключительно как уголовное (для наказания преступников) и международное (для общения с «варварами», т. е. с иностранцами). Основным социальным регулятором являются так называемые гири — морально-этические нормы, а также предписания и модели поведения в той или иной ситуации. С помощью гири определяются статусы и полномочия членов общества, отношения в семье и корпорации, механизмы оказания услуг и возврата долга и многое другое. По сути, гири представляют собой обычное право современной Японии, главной функцией применения которого является примирение сторон и не доведение конфликта до стадии судебного разбирательства. При этом обычай как форма романо-германского права в правовой системе Японии, в общем, не существует — немногочисленные нормы романо-германского обычного права были включены в текст нормативно-правовых актов.

В правовой системе Южной Кореи наблюдается схожая ситуация. «Современная правовая система Республики Корея входит в романо-германскую правовую семью, имея также значительные заимствования из американского права. При этом правосознание и правовая культура корейцев по-прежнему в значительной степени основываются на общих для народов Восточной Азии конфуцианских традициях: коллективизм, патернализм, приоритет этических норм над юридическими, обязанностей над правами, предпочтение неформальных примирительных процедур судебному разбирательству и т. д.» — справедливо замечает В. Я. Сухарев³. Действительно, на протяжении нескольких веков Корея находилась под влиянием китайской (конфуцианской) государственно-правовой культуры. Следовательно, сугубо правовые предписания ограничивались в основном уголовными нормами, основная же масса общественных отношений регулировалась морально-этическими нормами, обычаями и традициями.

Рецепция романо-германского права в Корею произошла через введение японского законодательства в период реформ конца XIX в. и японского колониального господства в 1910–1945 гг. Тем не менее в период японской оккупации корейское обычное право сохраняло роль главной формы семейного и наследствен-

ного права. После обретения Кореей независимости все японские нормативно-правовые акты были заменены корейскими. В частности, были приняты собственные Уголовный кодекс (1953), Уголовно-процессуальный кодекс (1954), Гражданский кодекс (1958), Гражданский процессуальный кодекс (1960) и Торговый кодекс (1962), а также ряд других кодексов, при разработке которых законодатель подчеркнуто старался отойти от прежнего японского законодательства. Однако в наиболее важных отраслях и институтах южнокорейское право сохранило основные принципы романо-германского права в том виде, в котором они были заимствованы через японское законодательство. В результате деятельности американской военной администрации в 1945–1948 гг. правовая система Кореи заимствовала многие элементы права США, особенно в сфере административного, торгового, трудового, уголовно-процессуального права.

В настоящее время основной формой права в Республике Корея является нормативно-правовой акт. Обычай (причем как форма романо-германского права) признается вспомогательной формой права для некоторых отраслей (преимущественно для гражданского, торгового, трудового права), при этом он не должен противоречить законодательству.

Единственной отраслью южнокорейского права, где местный обычай является основной формой права, является семейное право Республики Корея. От романо-германского семейного права его отличает само понятие семьи. Она включает всех лиц с общими предками, объединенных родовой фамилией. Соответственно, браки между однофамильцами запрещены. Замужняя женщина всегда сохраняет свою девичью фамилию. Согласно обычному корейскому праву, брак заключается путем проведения особой церемонии. Однако гражданское законодательство предусматривает, что брак становится юридически действительным с момента его регистрации. Фактические браки могут быть «узаконены» по решению Семейного суда в Сеуле.

Таким образом, в правовых системах, входящих в дальневосточную подгруппу романо-германской правовой семьи, обычай как форма романо-германского права применяется — и весьма ограниченно — в публичном праве. В частноправовой же сфере предпочтение отдается местному обычному праву, причем зачастую целью его использования является примирение сторон. Таким образом, в дальневосточной подгруппе романо-германской правовой семьи наибольшее внимание уделяется именно медиативной сущности обычая как формы права.

Итак, мы делаем следующие выводы о соотношении обычая как формы романо-германского права с местными обычаями бывших колоний Португалии, Испании, Франции и Германии в рамках латиноамериканской, африканской и дальневосточной подгруппы романо-германской правовой семьи:

1) в африканской подгруппе обычай как форма романо-германского права применяется в сфере публичного права, а местное обычное право — в сфере частного права;

2) в латиноамериканской подгруппе обычай как форма романо-германского права используется в качестве субсидиарной формы права и в случаях, специально оговоренных законом, местное же обычное право уничтожено;

3) в правовых системах, входящих в дальневосточную подгруппу, обычай как форма романо-германского права применяется только в публичном праве, в частноправовой же сфере используется местное обычное право.

Пристатейный библиографический список

2 См. подробнее: Суровень Д. А. Возникновение права и источники права древней Японии // Проблемы курса истории государства и права. — Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2004. — С. 198–226.
3 Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. — 3-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А. Я. Сухарев. — М.: Норма, 2003. — С. 399.

1. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник. — 3-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А. Я. Сухарев. — М.: Норма, 2003.
2. Суровень Д. А. Возникновение права и источники права древней Японии // Проблемы курса истории государства и права. — Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2004.

Деменишин А. В.

РОЛЬ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА

В статье рассматриваются вопросы роли и места обязательности в обеспечении права. Автор рассматривает обязательность как необходимое условие, при котором обеспечиваются права и свободы граждан на различных стадиях правового регулирования, указывает на проблемы, возникающие в исследуемой сфере.

Ключевые слова: обязательность, обеспечение права, правовое регулирование, реализация права, правоприменение.

Demenishin A. V.

ROLE OF OBLIGATION IN LAW ENSURING

The article investigates the question on the role and position of obligatory in law ensuring. The author examines the obligatory as important condition for providing human rights in different phases of legal regulation, indicates to some problems in research area.

Keywords: obligatory, legal regulation, law providing, law practice.

Деменишин А. В.

Обеспечение права представляет собой сложную, многоаспектную проблему. Право обеспечивается не только негативными (государственное принуждение), но и позитивными юридическими средствами, в числе которых традиционно выделяются правовые поощрения, организующая правомерное поведение деятельность органов государства, правовое обучение и воспитание и т. п.

В юридической науке обеспечение права рассматривается в широком и узком смысле.

В широком значении обеспечение права — это совокупность (система) общих условий и специально-юридических средств (гарантий), благоприятствующих наиболее полному и эффективному осуществлению прав и свобод личности. В узком значении обеспечение права — это система специально-юридических средств (гарантий), благоприятствующих наиболее полному и эффективному осуществлению прав и свобод личности¹.

Одной из гарантий, обеспечивающих максимально полную реализацию правовых установлений, выступает государственная обязательность, которая, соответственно, имеет для права немаловажное, если не сказать, решающее значение. Во-первых, потому, что государство формулирует нормы, принимает решения, исполнение которых предписывается любым субъектам правовой жизни, тем самым гарантируется правовая определенность, предсказуемость поведения субъектов правоотношений. Во-вторых, государство через обязательность выражает свое отношение к каким-либо явлениям правовой жизни как социально необходимым, требуемым для поддержания законности и правопорядка в обществе.

При этом следует учитывать, что обязательность выражает себя как одна из самых важных гарантий обеспечения права, через которую возможно постижение понятия права. Она проявляет себя многообразно и активно на всех этапах правового регулирования, от правотворчества до непосредственной реализации права.

На стадии правотворчества обязательность обеспечивает реализацию основных функций государства через принятие (издание) нормативно-правовых актов, в то время как субъект правотворчества в пределах его компетенции издает письменный официальный документ, направленный на установление, изменение, разъяснение, введение в действие, прекращение или приостановление действия правовых норм, в которых содержатся обязательные предписания постоянного или вре-

менного характера, распространяющиеся на неопределенный круг лиц и рассчитанные на многократное применение.

Обязательность предписаний имеет важнейшее значения в условиях признания человека, его прав и свобод высшей ценностью. По мнению С. С. Алексеева, именно через обязательные нормы законов право предстает перед человеком². В. Н. Хропанюк верно отмечал, что «степень юридической силы нормативно-правовых актов может быть различна, но степень обязательности содержащихся в них норм абсолютно одинакова для всех тех, к кому относятся их предписания. Это принципиальное положение составляет основу функционирования правового государства»³.

Следует отметить, что главнейшей задачей такой стадии правового регулирования, как правотворчество, является возведение государственной воли в закон, но заключается она не просто в том, чтобы сгенерировать определенное правило для человеческого общежития, санкционированное государством, а в том, чтобы такое правило стало обязательным для общества, причем не только формально, декларативно, но и субъективно, чтобы для субъекта правоотношений оно рассматривалась как осознанная, объективная необходимость.

Обратимся к примерам. Один из них связан с нормами об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Так, Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» определяет, что обязательное страхование ответственности обеспечивает реализацию прав потерпевших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу.

В ст. 4 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» закрепляется требование обязательности государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, тем самым обеспечивается реализация гарантированного Конституцией РФ права собственности.

Из приведенных примеров отчетливо видна та важнейшая роль, которую играет обязательность для обеспечения конкретных субъективных прав на стадии правотворчества.

2 См.: Алексеев С. С. Право: азбука — теория философия: опыт комплексного исследования. — М.: «Статут», 1999. — С. 36.

3 См.: Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учебное пособие для высших учебных заведений / Под ред. профессора В. Г. Стрекозова. — М.: Дабахов, Ткачев, Димов, 1995. — С. 384.

1 Шафиров В. М. Обеспечение права: человекоцентристский подход. — Красноярск, 2005. — С. 116.

Обязательность выступает в качестве специальной юридической гарантии, благодаря которой субъектам правоотношений возможно просчитать на нормативном уровне те правовые последствия, которые возникают при наступлении определенных юридических фактов.

Не менее важное значение отводится обязательности на стадии правоприменения. В связи с этим И. Я. Дюрягин называет ее «важнейшим свойством правоприменительных актов, выражающим их юридическую силу»⁴.

В ряде случаев обязательность актов применения права является гарантией, обеспечивающей претворение правовой нормы, закрепленной в источнике права, в жизнь. Так, в соответствии со ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», закреплен принцип обязательности судебных постановлений. Обеспечение обязательности судебного акта позволяет всесторонне реализовать право гражданина на судебную защиту, которое закреплено в ст. 46 Конституции России в конкретном юридическом деле.

В силу ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» законные требования судебного пристава-исполнителя обязательны для всех государственных органов, органов местного самоуправления, граждан и организаций и подлежат неукоснительному выполнению на всей территории Российской Федерации.

Кроме того, все чаще представляется возможным говорить о возрастающей роли обязательности при непосредственной реализации права. О такой обязательности можно говорить как о внутренней обязательности, осознанном самопринуждении.

Например, согласно правовой позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлениях от 01 марта 2011 г. № 14503/10 и от 17 сентября 2013 г. № 5793/13, системное толкование норм статей 1484 и 1486 ГК РФ позволяет сделать вывод об обязанности правообладателя использовать зарегистрированный товарный знак как условия сохранения права на него. Обязательность использования права на товарный знак призвана обеспечивать реальное функционирование товарных знаков в гражданском обороте.

Таким образом, обязательность использования права как одна из форм реализации права позволяет сохранить его содержание, сущность, не допускает утраты внутреннего смысла субъективного права.

Об обязательности как гарантии обеспечения права на стадии его непосредственной реализации также можно вести речь, например, с позиции общепризнанного правового принципа «*facta sunt servanda*».

Так, исполнение условий договора является обязательным для сторон, при этом, в первую очередь, эта обязательность связана не с внешними принудительными средствами, деятельностью специальных уполномоченных государственных органов, а с презумпцией добросовестности участников правоотношений, их правовой активностью и направленностью

их правомерного поведения на беспрепятственное, максимально эффективное и полное обладание каким-либо правовым благом, основанное на саморегуляции общественных отношений.⁵

Обязательность исполнения сторонами сделки своих обязательств является неременным условием стабильности гражданского оборота, без которого любая правовая активность просто бы исключалась. Так, если бы в момент заключения сделки стороны субъективно не оценивали, что взаимно обязательно исполнят взятые друг перед другом обязательства, ни о какой правомерной деятельности не представлялось бы возможным вести речь, равно как о законности и правопорядке.

Вышеизложенное позволяет заключить, что в указанном методологическом срезе под обязательностью понимается свойство (требование) права, правовых явлений, обусловленное общезначимыми правовыми интересами, основанное на верховенстве прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности, обеспеченное обществом и государством, в том числе, при помощи позитивных обеспечительных средств (организующая деятельность государства, правовое образование, правовое воспитание, правовое поощрение), гарантирующее максимальную реализацию правовых потребностей и выражающее необходимость действовать правомерно (совершить определенные правомерные действия, воздержаться от совершения каких-либо действий) в соответствии с требованиями, предписаниями, установленными нормативно-регулятивными средствами (нормы права и нормативные обобщения), формально закрепленными в источниках права и принятыми субъектами правоотношений в качестве стандарта необходимого поведения с целью достижения правовой определенности, законности и правопорядка.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Право: азбука — теория философия: опыт комплексного исследования. — М.: «Статут», 1999.
  2. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. — Свердловск, 1973.
  3. Панченко В. Ю. О структурах правового взаимодействия // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 7. — С. 114–121; Панченко В. Ю. Правоотношение и правовое взаимодействие: аспекты соотношения // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 4. — С. 85–93.
  4. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учебное пособие для высших учебных заведений / Под ред. профессора В. Г. Стрекозова. — М.: Дабахов, Ткачев, Димов, 1995.
  5. Шафиров В. М. Обеспечение права: человекоцентристский подход. — Красноярск, 2005.
- 5 См.: Панченко В. Ю. О структурах правового взаимодействия // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 7. — С. 114–121; Панченко В. Ю. Правоотношение и правовое взаимодействие: аспекты соотношения // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 4. — С. 85–93.

4 См.: Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. — Свердловск, 1973. — С. 14.

Клячин В. М.¹

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ КАК ОБЪЕКТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ КАТАСТРОФ

Статья посвящена рассмотрению общей методологической ситуации по исследованию вопросов классификации гражданских объектов атомной энергетики как объектов антитеррористической и противокриминальной защищенности силами правоохранительных органов в условиях радиационных катастроф.

Ключевые слова: объекты атомной энергетики, радиационные катастрофы, правоохранительные органы, категорирование промышленных объектов.

Klyachin V. M.

NUCLEAR ENERGY AS OBJECTS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY IN CONDITIONS OF DISASTER

The article is devoted to the review of the methodological study situation of classification of civil nuclear power facilities as objects of anti-terrorist and anti-criminal protection by the forces of law enforcement in case of radiological accidents.

Keywords: nuclear energy, radiation accident, law enforcement, the categorization of industrial facilities.

В целях определения системы защищенности объектов атомной энергетики от совершения правонарушений, направленных в сферу радиационных аварий и катастроф, необходимо раскрытие содержания данных объектов как объектов обеспечения защищенности правоохранительными органами.

Указом Президента Российской Федерации от 11 февраля 2006 г. № 90 «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне» вводится понятие «объекты ядерного комплекса», под которыми понимаются: сооружения с ядерными реакторами, в том числе атомные станции, суда и другие плавсредства, космические и летательные аппараты, другие транспортные и транспортные средства или сооружения с промышленными, экспериментальными и исследовательскими ядерными реакторами, критическими и подкритическими ядерными стеллами; сооружения, полигоны, установки и устройства с ядерными зарядами; другие содержащие ядерные материалы сооружения, установки для производства, использования, переработки, транспортирования ядерного топлива и ядерных материалов².

Построение надежной системы обеспечения безопасности данных объектов ядерного комплекса требует проведения их

категорирования на федеральном уровне³. Проведение классификации объектов атомной энергетики является важным и для организации деятельности правоохранительных органов, обеспечивающих безопасность ядерного комплекса. При этом классификация должна носить конкретный, наиболее полный и всесторонний характер, позволяющий на необходимом уровне построить работу их подразделений в условиях радиационных аварий и катастроф.

Для категорирования объектов атомной энергетики применительно к условиям аварий и катастроф прежде всего следует опираться на общепринятые подходы категорирования потенциально опасных объектов⁴. Здесь используются установленные для данной сферы критерии и два основополагающих определения:

– чрезвычайная ситуация — обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей;

– потенциально опасный объект — объект, на котором используют, производят, перерабатывают, хранят или транспортируют радиоактивные, пожаровзрывоопасные, опасные химические и биологические вещества, создающие реальную угрозу возникновения источника чрезвычайной ситуации (ГОСТ Р 22.0.02–94).

Классы опасности потенциально опасного объекта устанавливаются по результатам прогнозирования возможных чрезвычайных ситуаций.

При этом следует учитывать те обстоятельства, что, с одной стороны, это режимные объекты, и режимные требования, распространяющиеся на многие объекты атомной энергетики, вносят свою корректировку в определение подходов к соответствующей методике категорирования и организации работ по обеспечению их защищенности, соответственно.

1 Редакция приносит свои извинения автору за неточность, допущенную в редакции фразы «невиновное причинение вреда», напечатанную как «невиновное причинение вреда» в заголовке статьи на стр. 169 «Евразийского юридического журнала» (№ 4 (71) 2014 г.), а также в строке 1 аннотации, третьей снизу строке второго абзаца, в первой строке третьего абзаца – в первой колонке текста на стр. 169; в предпоследней строке третьего абзаца и третьей строке четвертого абзаца – в первой колонке текста на стр. 171.

2 См.: Указ Президента Российской Федерации от 11 февраля 2006 г. № 90 «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне» // СЗ РФ. — 2006. — № 8. — Ст. 892; Постановление Правительства Российской Федерации от 7 марта 1995 г. № 238 «Перечень предприятий и организаций, в состав которых входят особо радиационно-опасные и ядерно-опасные производства и объекты, осуществляющие разработку, производство, эксплуатацию, хранение, транспортировку, утилизацию ядерного оружия, компонентов ядерного оружия, радиационно-опасных материалов и изделий» // СЗ РФ. — 1995. — № 11. — Ст. 996. — № 43. — Ст. 4101; 1996. — № 32. — Ст. 3934; 2000. — № 15. — Ст. 1598; 2001. — № 41. — Ст. 3962. — разд. 4 Приказа Минатома России от 10.10.2001 г. № 550 «Об утверждении Положения об общих требованиях к системам физической защиты ядерно-опасных объектов Минатома России» // СПС Гарант, 2014.

3 Термин «категорирование» стал использоваться особенно часто в последние годы. Ранее значительно чаще использовался его синоним — «классификация». При этом именно относительно классификации были разработаны общенаучные правила ее проведения.

4 Приказ МЧС России от 28.02.2003 № 105 «Требования по предупреждению чрезвычайных ситуаций на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения» // РГ. — № 71. — 12.04.2003 г. (зарегистрирован Минюстом России 20 марта 2003 г., регистрационный № 4291).

В то же время, с другой стороны, — для условий аварий и катастроф ст. 6 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» № 68-ФЗ от 21 ноября 1994 г. регламентируется, что «информация в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а также о деятельности органов государственной власти... в этой области является гласной и открытой, если иное не предусмотрено законом»⁵.

В третьих, при категорировании объектов атомной энергетики в условиях катастроф важен учет самой сущности, вкладываемой в определение радиационной катастрофы:

Радиационная катастрофа — это необратимое скачкообразное разрушение ядерного объекта, происходящее в условиях неопределенности, с высвобождением радиоактивного материала, сопровождающееся радиационным выбросом свыше допустимой нормы и крупномасштабным заражением окружающей среды⁶.

В соответствии с данным определением к радиационным катастрофам следует относить события, оцененные по международной шкале событий на АЭС (INES — англ., International Nuclear Event Scale) по уровню не ниже 5⁷.

Таким образом, в нашем случае подлежат рассмотрению только гражданские объекты атомной энергетики, на которых возможны аварии, сопровождающиеся радиационным выбросом свыше допустимой нормы и крупномасштабным заражением окружающей среды⁸ с тяжелыми последствиями для здоровья населения и окружающей среды. При этом происходит как минимум серьезное повреждение активной зоны и физических барьеров установки, содержащей радиоактивные вещества, и требуется осуществление полномасштабных плановых мероприятий по восстановлению объекта. В этой связи из нашего рассмотрения выпадают все объекты, аварии на которых могут приобрести только местный (муниципальный) или локальный масштаб.

Указанные обстоятельства должны быть учтены при категорировании объектов атомной энергетики как объектов обеспечения безопасности силами правоохранительных органов в условиях радиационных аварий и катастроф.

При этом должен быть учтен опыт проведения классификации радиационно и ядерно-опасных объектов другими заинтересованными министерствами и ведомствами.

5 См. также: Ст. 36 Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии»; Конвенция о помощи в случаях ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации (Вена, 26 сентября 1986 г.) // Охрана окружающей среды. Международные правовые акты: Справочник. — СПб., 1994. — С. 25–31; Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии (Вена, 26 сентября 1986 года) // Охрана окружающей среды. Международные правовые акты: Справочник. — СПб., 1994. — С. 17–24; Соглашение между Правительством РФ и Австрийской Республики об оперативном оповещении об ядерной аварии и об обмене информацией о ядерных установках: Международный договор от 2.09.88 // Сборник международных договоров СССР. — М., 1993. — Вып. XLVI. — Ст. 467; Соглашение между Правительством СССР и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии об оперативном оповещении о ядерной аварии и обмене информацией о ядерных установках: Международный договор от 10.04.90 // Сборник международных договоров СССР. — М., 1993. — Вып. XLVI. — Ст. 4675 и др.

6 Клячин В. М. Характер правоохранительной деятельности в зоне радиационной катастрофы // Закон и право. — № 6. — 2014. — С. 118.

7 Вопилин Е. Г. О международной ядерной шкале событий на АЭС. — М.: Атомная энергия. — 1991. — Т. 71. — Вып. 1; Владимиров А. В., Измалков В. И., Измалков А. В. Оценка риска управления техногенной безопасностью: Монография. — М.: ФИД «Деловой экспресс», 2002 и др.

8 Клячин В. М. Характер правоохранительной деятельности в зоне радиационной катастрофы // Закон и право. — № 6. — 2014. — С. 118.

Так, классификация радиационно опасных объектов, разработанная на основе нормативных предписаний Ростехнадзора России⁹ для практической работы правоохранительных органов, носит самый общий характер и не позволяет конкретизировать их работу по локализации и при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Классифицируя радиационно и ядерно-опасные объекты по принадлежности к основным ведомствам, в ведении которых находятся основные объекты, — Минобороны России и Госкорпорации «Росатом» — можно выделить:

— в системе Минобороны России: атомные подводные лодки, урановые и плутониевые города, комплекс ядерных вооружений, объекты морского топлива¹⁰;

— в системе Госкорпорации «Росатом»¹¹: атомные электрические станции; транспортные и транспортабельные средства или сооружения с промышленными, исследовательскими и экспериментальными реакторами; научно-исследовательские центры (институты) и промышленные предприятия по созданию, производству эксплуатации и утилизации: ядерных энергетических установок военного и гражданского назначения, ядерного топлива, объекты хранения ядерных материалов, предприятия по добыче и переработке урана.

Данная классификация позволяет выделить стратегические направления правоохранительной деятельности по защите рассматриваемых объектов от угроз национальной безопасности, которые представляют радиационные аварии и катастрофы на данных объектах, определить принципы организации исследуемых работ и наметить конкретных исполнителей¹². Вместе с тем приведенная классификация жестко привязана к ведомственному принципу принадлежности объектов. Это вносит разобщенность в организацию общегосударственных мероприятий по обеспечению ядерной и радиационной безопасности, затрудняет выработку методологии построения системы обеспечения безопасности конкретного объекта, к примеру, конкретным оперативным подразделением конкретного правоохранительного органа.

Очень важным является определение основных классифицирующих признаков. В нашем случае категории потенциальной опасности объектов должны устанавливаться в зависимости от значимости (важности) объектов для обеспечения интересов общества и государства и с учетом развития негативных последствий противоправных действий по пессимистическому сценарию.

Следует учитывать, что на сегодняшний день различные министерства, ведомства и организации, разрабатывавшие методики категорирования, заложили разные аспекты описания объектов при определении категорий. Так, например, в Минобороны России в основу категорирования объектов закладывается их значимость в обеспечении боеготовности сил или военного потенциала страны. В других министерствах и ведомствах, связанных с ядерными объектами, в основу категорирования объектов закладывается вид ядерного материала,

9 См.: Разд. 3 Постановления Ростехнадзора от 27.12.2007 г. № 7 «Об утверждении и введении в действие федеральных норм и правил в области использования атомной энергии «Требования к системам физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов».

10 Защита ядерных оружейных материалов России — Национальный исследовательский совет США / Пер. с англ., 1997. — С. 22–23.

11 См.: Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» (с изм. на 2 июля 2013 г.) // ЗАО «Кодекс», 2014; // www.rosatom.ru/aboutcorporation; Атом без грифа «секретно»: точки зрения. — Берлин-Москва: «Н&P Druck», 1992. — С. 31–38.

12 См. также: Долгин Н. Н. К вопросу о системе критериев, обеспечивающих категорирование опасных объектов // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. — Вып. 2. — Т. 3. — 2013. — С. 584.

его количество на объекте и последствия для окружающей среды от несанкционированных действий на объекте.

В Госкорпорации «Росатом» в соответствии с Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 26 апреля 2010 г. № 40 «Об утверждении СП 2.6.1.2612–10 «Основные санитарные правила обеспечения радиационной безопасности (ОСПОРБ-99/2010)»¹³ классификация объектов атомной энергетики осуществляется по потенциальной радиационной опасности. Устанавливается четыре категории объектов:

– к I категории относятся радиационные объекты, при аварии на которых возможно их радиационное воздействие на население и могут потребоваться меры по его защите;

– во II категории объектов радиационное воздействие при аварии ограничивается территорией санитарно-защитной зоны;

– к III категории относятся объекты, радиационное воздействие при аварии которых ограничивается территорией объекта;

– к IV категории относятся объекты, радиационное воздействие от которых при аварии ограничивается помещениями, где проводятся работы с источниками излучения.

Применительно к организации правоохранительной деятельности в условиях радиационных катастроф учет угроз радиоактивного воздействия на сотрудников правоохранительных органов является, несомненно, важным критерием обеспечения их жизнедеятельности. Вместе с тем необходимость выполнения задач обеспечения законности и правопорядка, несмотря на условия радиационных катастроф, при категорировании рассматриваемых объектов требует также учет противодействия угрозам террористического и криминального характера.

В соответствии с Приказом Минатома России от 10 октября 2001 г. № 550 «Об утверждении Положения об общих требованиях к системам физической защиты ядерно-опасных объектов Минатома России» в основу категорирования ядерно-опасных объектов взят «...порядок распределения ядерно-опасных объектов по типам и категориям с целью дифференциации требований к системам физической защиты». Ядерно-опасные объекты классифицируются в этом случае с учетом технологических и других особенностей использования, производства, переработки, хранения ядерных материалов и эксплуатации ядерных установок. Осуществляется также категорирование предметов физической защиты на каждом ядерно-опасном объекте. При этом в качестве критерия категорирования рассматриваются: категория и значимость ядерного материала, степень секретности предмета физической защиты, категория последствий несанкционированных действий.

Учет категорирования по методике МЧС России предполагает в качестве основного классифицирующего признака радиационно и ядерно-опасных объектов, атомной энергетики, в частности, использовать результаты прогнозирования возможных чрезвычайных ситуаций: по степени потенциальной опасности, в зависимости от масштабов возникающих чрезвычайных ситуаций: федеральных и/или трансграничных, региональных, территориальных, местных и локальных. Вместе с тем принятый в МЧС России подход к классификации объектов не позволяет охватить всю полноту вопросов, к примеру, связанных с борьбой с правонарушениями в условиях радиационных аварий и катастроф.

Органами безопасности в соответствии со статьями 12, 13 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» при категорировании многочисленных и многообразных объектов атомной энергетики во главу угла могут ставиться критерии:

- степени государственной важности объекта;
- наличия сведений, составляющих государственную тайну;
- степени уязвимости от: совершения ДТА на объекте, организованной преступности, средств технической разведки и др.

Характер решения задач обеспечения безопасности объектов атомной энергетики, особенно когда это касается антитеррористической защищенности объектов в условиях аварий и катастроф, требует отказа от ведомственного нормотворчества и выработки единого государственного подхода к установлению категорий объектов. Так, в 2002 г. были разработаны и утверждены приказом Минобрнауки России от 25 мая 2002 г. № 145 Методические рекомендации по категорированию объектов науки, промышленности, энергетики и жизнеобеспечения по степени их потенциальной опасности и диверсионно-террористической уязвимости. В 2006 г. Минпромэнерго разработан руководящий документ «Типовые требования по антитеррористической защищенности объектов промышленности и энергетики РФ». Несмотря на то, что Методики явились значительным шагом в решении общегосударственных задач категорирования потенциально опасных объектов, на практике их положения явились явно недостаточными, особенно для реализации дифференцированного подхода к построению соответствующих систем физической защиты¹⁴. Решению задач категорирования потенциально опасных объектов также посвящены положения Приказа Минпромторга России от 3 марта 2009 г. № 94 «Об утверждении Рекомендаций по антитеррористической защищенности объектов промышленности»¹⁵.

Классификация объектов атомной энергетики как объектов обеспечения защищенности правоохранительными органами должна основываться на современных научно обоснованных подходах. Категорирование должно осуществляться интегрированно, на основе общих принципов обеспечения безопасности объектов атомной энергетики, независимо от организационно-правовых форм и форм собственности этих объектов.

При категорировании должен быть учтен весь комплекс угроз объектам (опасные метеорологические явления, нарушения технологических процессов, некавалифицированные действия персонала, опасность совершения диверсионно-террористических актов и др.), а также предпосылки, усугубляющие возникновение угроз (активизация деятельности организованной преступности и террористических групп; появление новых способов и методов совершения террористических актов, новых разновидностей технологического терроризма (информационного, кибернетического, радиационного, психологического); моральное и физическое старение основных материально-технических фондов и др.).

Реализация указанных угроз может приводить к нарушению на длительные сроки нормального функционирования целых регионов, к созданию атмосферы страха и паники, к большому человеческим жертвам и ущербам, нарушению среды обитания человека.

При категорировании исследуемых объектов следует учитывать и воздействие системы поражающих факторов (радиационное облучение, радиоактивное заражение местности, взрывные волны и ударные воздействия, пожары, различные механические разрушения, электромагнитное воздействие). Каждый из указанных поражающих факторов (их сочетание)

13 См.: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 26.04.2010 № 40 (ред. от 16.09.2013) «Об утверждении СП 2.6.1.2612–10 «Основные санитарные правила обеспечения радиационной безопасности (ОСПОРБ-99/2010)» (вместе с «СП 2.6.1.2612–10. ОСПОРБ-99/2010. Санитарные правила и нормативы...») (Зарегистрировано в Минюсте России 11.08.2010 № 18115) // СПС Консультант Плюс.

14 Бояринцев А., Ничиков А. Категорирование объектов: некоторые итоги и задачи предстоящего времени // Безопасность, достоверность, информация. — 2007. — № 4 (73).

15 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: grazdanskaja-ob.baby-host.ru/metodika.htm.

может определяться и характеризоваться количественными показателями на различных стадиях развития радиационных аварий и катастроф.

Категорирование объектов атомной энергетики как объектов обеспечения безопасности правоохранными органами должно осуществляться по принципам упорядочивания их места по потенциальным потерям от несанкционированных действий на них нарушителей¹⁶. На основании этого должны разрабатываться и утверждаться количественные и качественные требования к обеспечению их безопасности, с учетом категории объекта, типа и принадлежности к конкретному ведомству.

При определении системы и функций защиты объектов в условиях аварий и катастроф силами правоохранительных органов от противоправных действий нарушителей всех типов следует учитывать следующие факторы:

- потенциальные потери от противоправных действий нарушителей могут быть настолько велики, что последствия будут сказываться на жизнедеятельности государства, а то и целого региона в течение нескольких лет или десятилетий. Эти потери могут во многом превосходить стоимость самого объекта;

- борьба с нарушителями не может быть успешной без реализации общегосударственных мер защиты, что в значительной степени зависит от правильного распределения функций между силовыми ведомствами государства, а также Госкорпорации «Росатом».

В качестве субъектов защиты следует рассматривать прежде всего:

- Министерство внутренних дел с входящими в него внутренними войсками и вневедомственной охраной;

- Федеральную службу безопасности;

- Министерство обороны;

- ОАО «Концерн Росэнергоатом»;

- сами объекты атомной энергетики с их системой физической защиты (инженерно-техническими средствами, силами охраны и службой безопасности)¹⁷.

Таким образом, результаты анализа современных методик категорирования потенциально опасных техногенных объектов дают основания полагать, что при категорировании объектов атомной энергетики, как объектов обеспечения защищенности в кризисных условиях катастроф силами правоохранительных органов, необходимо опираться на основные положения, изложенные в методических разработках МЧС¹⁸, Минобрнауки России¹⁹ и Госкорпорации «Росатом»²⁰.

Для организации деятельности системы правоохранительных органов в рассматриваемых кризисных условиях наиболее приемлемыми следует считать разработки ФГУ НИЦ «Охрана» МВД России. Данные методики могут быть распространены

и на категорирование объектов Госкорпорации «Росатом» как объектов антитеррористической и противокриминальной защиты²¹.

Подход при категорировании исследуемых объектов по данным методикам должен, в первую очередь, определять вид предполагаемого ущерба. Для этого целесообразно использовать качественные критерии: государственно-политический, социальный, финансово-экономический и экологический, а затем размеры (масштабы) предполагаемого ущерба, то есть использовать количественные оценки.

При определении качественных классифицирующих признаков объектов атомной энергетики внимание исследователя должно быть направлено на то, что процентное соотношение каждого фактора может быть различным не только для различных радиационно и ядерно-опасных объектов, но и для объектов одного типа. К примеру, радиационная авария на АЭС большой мощности, расположенной в густонаселенных районах, с развитой промышленностью и социальной инфраструктурой, в геополитически важном районе, будет иметь гораздо большие возможные последствия, нежели на АЭС в отдаленных малонаселенных районах²². Необходим учет совокупного фактора, учитывающего все составляющие возможных потерь.

Следует указать, что в зависимости от меняющейся оперативной обстановки влияние одного и того же фактора может быть различным. К примеру, при обострении международной напряженности на первые позиции выдвигается военный фактор, а при активизации деятельности террористических и экстремистских сил — социальный и политический и т. д.

Современная обстановка характеризуется возросшими угрозами террористического характера, представляющими основную угрозу национальной безопасности²³. В связи с этим для нашего случая данный фактор следует учитывать как один из основополагающих.

В этой связи категорирование необходимо осуществлять с учетом требований по противодиверсионной, антитеррористической и противокриминальной защищенности объектов, обеспечивающей минимально необходимые и достаточные уровни безопасности объектов в соответствии с их категориями потенциальной опасности, с учетом критериев оценки возможного ущерба интересам личности, общества и государства, который может быть нанесен преступными действиями в случае невыполнения требований к системе защиты объекта.

Дальнейший этап категорирования объектов атомной энергетики как объекта обеспечения защищенности правоохранительными органами проводится специально создаваемыми федеральной и территориальными межведомственными комиссиями.

В состав федеральной межведомственной комиссии входят представители МВД, МЧС, ФСБ, Минэкономразвития, Минфина, госкорпорации «Росатом», ФС по экологическому, технологическому и атомному надзору. В состав территориальных межведомственных комиссий входят представители территориальных и иных подразделений вышеуказанных ведомств, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и территориальных антитеррористических комиссий.

16 Распоряжение Минатома России от 10 мая 2001 г. № 167-Р «О введении в действие методических рекомендаций по проведению анализа уязвимости ядерно-опасных объектов» // СЗ РФ. — 1995. — № 7. — Ст. 595.

17 Бояринцев А. В., Бражник А. Н., Зуев А. Г. Проблемы антитерроризма: Категорирование и анализ уязвимости объектов — СПб.: ЗАО «НПП «ИСТА-Системс», 2006. — С. 26.

18 См., напр.: Приказ МЧС России от 28.02.03 № 105 «Об утверждении требований по предупреждению чрезвычайных ситуаций на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения» // РГ. — 2003. — 12 апр.

19 См.: Методические рекомендации по категорированию объектов науки, промышленности, энергетики и жизнеобеспечения по степени их потенциальной опасности и диверсионно-террористической уязвимости. Утверждены приказом Минпомнауки России от 25 мая 2002 г. № 145 (по поручению Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2002 г. № ХВ-П4-06095). — М., 2002.

20 См.: Положение об общих требованиях к системам физической защиты ядерно-опасных объектов Минатома России. Утверждены приказом Минатома от 10.10.2001 г. № 550. — М.: Минатом, 2002.

21 Зайцев А. Категорирование объектов // Алгоритм безопасности. — № 6. — 2006. — С. 7–9.

22 См., напр.: Исаев И. А. Методика распределения заданного ресурса ядерных средств поражения по городам и объектам экономики // Сборник рефератов депонирования рукописей. Серия Б. Вып. 54. — М.: ЦВНИ МО РФ, 2001. — С. 47–56; Исаев И. А. Методика определения коэффициентов санитарных и безвозвратных потерь населения при различных степенях поражения города по ударной волне ядерного взрыва // Там же. — С. 82–94.

23 См.: Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах противодействия терроризму» // СЗ РФ. — 2006. — № 8. — Ст. 897.

Каждое ведомство правоохранительных органов формирует списки объектов, подлежащих категорированию, и направляет их в территориальные межведомственные комиссии.

Территориальная межведомственная комиссия составляет отчет, содержащий основные результаты работ по категорированию²⁴, и дает экспертную оценку фактического состояния объектов.

Федеральная межведомственная комиссия по результатам анализа и оценки сведений, поступивших из территориальных межведомственных комиссий, формирует Перечень объектов, подлежащих обязательной защите силами правоохранительных органов в условиях техногенных катастроф²⁵, который в установленном порядке представляется для утверждения в Правительство Российской Федерации.

Порядок категорирования ядерных объектов международной или федеральной значимости устанавливается Правительством Российской Федерации.

Итогом работы по категорированию объектов ядерного комплекса как объектов обеспечения защищенности силами и средствами соответствующего правоохранительного органа является составление общеведомственной классификации. При разработке классификационных групп объектов должны учитываться цели, задачи, функции, принципы деятельности правоохранительных органов, формы и методы их работы, привлекаемые силы и средства и т.п.

При разработке классификации объектов атомной энергетики как объектов обеспечения защищенности правоохранительными органами учитывается, что:

1) критерий наибольшей диверсионной, террористической и криминальной уязвимости является следствием наибольшего риска возникновения чрезвычайных ситуаций;

2) масштабы возможных разрушений и последствий находятся в соответствии с факторами радиационного воздействия,

Объекты следует классифицировать следующим образом:

1. атомные станции;

2. промышленные предприятия по переработке ядерных материалов (обогащение, химико-металлургическое и гидрометаллургическое производство), комплексы по переработке отработавшего ядерного топлива;

3. хранилища ядерных материалов и изделий на их основе, ядерных установок, в том числе подлежащих утилизации;

4. ядерные установки: исследовательские ядерные установки, суда (ледоколы, лихтеровозы, надводные корабли) с ядерными энергетическими установками, промышленные реакторы, комплексы для проведения научно-исследовательских работ и опытно-конструкторских работ с ядерными материалами.

Это позволяет разработать систему своевременных мер правоохранительной деятельности в условиях аварий и катастроф на данных объектах. Их реализация повысит устойчивость объектов от воздействия внутренних и внешних угроз в обычных условиях, а в случае возникновения чрезвычайных ситуаций должна уменьшить вероятные последствия и содействовать успешной организации ликвидационных работ.

Каждая из вышеуказанных классификационных групп имеет свою специфику. Процедура классификации данных объектов атомной энергетики должна предусматривать дальнейшую классификацию внутри отдельной группы. С другой стороны, применение различных дифференцированных подходов и, как следствие, — разработка и применение различных принципов категорирования, как показывает практика, приводит к услож-

нению систем взаимодействия, нерациональному использованию сил и средств правоохранительных органов, необоснованному дублированию их работы и т.п. Особенно это сказывается на эффективности организации деятельности в экстремальных условиях радиационных аварий и катастроф.

Результаты классификации объектов позволяют наметить основные очертания структуры, определить внутреннее содержание правоохранительной деятельности в условиях радиационных аварий и катастроф, разработать основные принципы, методы работы, нормы снабжения подразделений органов, оперативно обеспечивающих объекты и участки повышенной радиационной опасности, и оперативно-следственных групп и бригад средствами индивидуальной защиты, средствами индивидуальной медицинской защиты, средствами дозиметрического и радиометрического контроля и др.

Вместе с тем, в связи со сложностью как самого прогноза возможных радиационных аварий и катастроф, так и их последствий, большим разнообразием и сложностью самих объектов атомной энергетики, предложенные подходы к классификации не позволяют полностью решить проблему выработки общей методики построения системы борьбы с преступностью и правонарушениями в условиях данных чрезвычайных ситуаций. Здесь автор должен признать, что исследования по построению в той или иной мере отвечающей предъявляемым требованиям, исчерпывающей модели классификации объектов атомной энергетики выходят за пределы рассматриваемой работы. В то же время они заслуживают должного внимания со стороны ученых и практиков, занимающихся научными исследованиями проблем ядерной и радиационной безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Бояринцев А. В., Бражник А. Н., Зуев А. Г. Проблемы антитерроризма: Категорирование и анализ уязвимости объектов. — СПб.: ЗАО «НПП «ИСТА-Системс», 2006.
2. Бояринцев А. В., Зуев А. Г., Ничиков А. В. Проблемы антитерроризма: угрозы и модели нарушителей. — СПб.: ЗАО «НПП «ИСТА Системс», 2008.
3. Бояринцев А. В., Ничиков А. В. Категорирование объектов: некоторые итоги и задачи предстоящего времени // Безопасность, достоверность, информация. — 2007. — № 4 (73).
4. Владимиров А. В., Измалков В. И., Измалков А. В. Оценка риска управления техногенной безопасностью: Монография. — М.: ФИД «Деловой экспресс», 2002.
5. Вопилин Е. Г. О международной ядерной шкале событий на АЭС. — М.: Атомная энергия, 1991. — Т. 71. — Вып. 1.
6. Долгин Н. Н. К вопросу о системе критериев, обеспечивающих категорирование опасных объектов // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. — 2013. — Вып. 2. — Т. 3.
7. Зайцев А. Категорирование объектов // Алгоритм безопасности. — 2006. — № 6.
8. Исаев И. А. Методика распределения заданного ресурса ядерных средств поражения по городам и объектам экономики: Сборник рефератов депонирования рукописей. — Серия Б. — Вып. 54. — М.: ЦВНИ МО РФ, 2001.
9. Клячин В. М. Характер правоохранительной деятельности в зоне радиационной катастрофы // Закон и право. — 2014. — № 6.
10. Сильнов А. Ф., Пехтерев О. П. Категорирование объектов топливно-энергетического комплекса в целях их антитеррористической и противодиверсионной защиты / Материалы Всероссийского совещания (29–30 марта 2005 г., г. Омск). — С. 51–59.

25 В том числе — объектов атомной энергетики.

Кротов А. В.

ПРАВО НА НЕТРАДИЦИОННЫЕ СЕКСУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИНСТИТУТА ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В статье освещаются вопросы правового регулирования традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, дискриминации в зависимости от сексуальной ориентации человека, пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, нарушения права на информацию и частную жизнь. Анализируются актуальные постановления Конституционного и Верховного Суда РФ в части регулирования права на частную жизнь, постановления Европейского суда по правам человека, правовое регулирование нетрадиционных сексуальных отношений в Германии и Франции, тенденции развития российского законодательства.

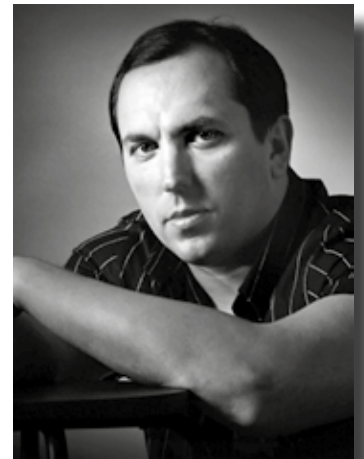
Ключевые слова: права человека, сексуальные отношения, дискриминация, пропаганда.

Krotov A. V.

THE RIGHT TO NON-TRADITIONAL SEXUAL RELATIONS AS AN INTEGRAL PART OF THE INSTITUTE OF THE RIGHT TO PRIVACY. LEGAL REGULATION IN RUSSIA AND ABROAD

The article highlights the issues of legal regulation of traditional and non-traditional sexual relations, discrimination based on sexual orientation, propaganda of nontraditional sexual relations, violations of the right to information and privacy. Current judgements of Constitutional and Supreme Court of the Russian Federation regarding the regulation of the right to privacy, the judgments of the European Court of Human Rights, the legal regulation of non-traditional sexual relations in Germany and France, and development trends of the Russian legislation are analyzed.

Keywords: human rights, sexual relations, discrimination, propaganda.

Кротов А. В.

Жизнь человека в современном обществе отличается повышенной динамичностью и многогранностью.

Каждый человек ежедневно решает задачи, которые ставит перед ним жизнь, участвует в физических и психических процессах, посредством которых реализует свое отношение к окружающему его миру, другим людям¹.

Но какова бы индивидуальна ни была жизнь каждой личности, как бы ни влияли на нее исторические, экономические и прочие факторы, в жизни каждого человека присутствуют такие явления, как семья, любовь, секс.

При этом любовь, секс и семья создают прочный симбиоз, где разделение этих процессов практически невозможно.

Именно наличие в жизни людей любви и секса является основной причиной создания семьи и, как следствия, наличия новой, созданной людьми формы частной жизни.

В этом симбиозе сексуальные отношения являются неотъемлемой частью частной жизни человека, одной из составляющих семьи (под семьей понимается частная жизнь двух партнеров, образованная как симбиоз частной жизни индивидуализированных субъектов).

Создание же семьи предопределено психикой человека, в семье человек во многом удовлетворяет свои бытовые, психологические, физиологические и личностные потребности².

Создать семью невозможно без использования прав, входящих в институт права на частную жизнь, которые позволяют на начальном этапе путем развития отношений (в том числе путем распространения информации о сексуальных предпочтениях и прочего) найти партнера и далее создать с этим партнером определенную обособленность от общества, которая всегда существует в семье, достигнув таким образом цели частной жизни, выражающейся в конечном обособлении от социума.

Конституционные нормы, предполагающие гарантированность равенства прав и свобод независимо от пола, убеждений и иных обстоятельств, равенство прав и свобод мужчин и женщин, право на неприкосновенность частной жизни и защиту семьи в современном российском обществе не стали, к сожалению, преградой для дискриминации человека в зависимости от его сексуальной ориентации.

В 2013 г. в РФ впервые федеральным нормативно-правовым актом был закреплен ущербный статус нетрадиционных сексуальных отношений, указано на их социальную неравноценность, что, соответственно, влечет за собой нарушение принципа равенства прав и свобод человека, вторжение в частную жизнь, дискриминацию при пользовании правами и свободами.

Принятию указанного Федерального закона предшествовал ряд судебных постановлений, нормативно-правовых актов субъектов РФ, регулирующих пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений.

В 2010 г. Конституционный Суд РФ рассмотрел вопрос о конституционности ст. 4 Закона Рязанской области от 3 апреля 2006 г. № 41-ОЗ «О защите нравственности детей в Рязанской области», согласно которой публичные действия, направленные на пропаганду гомосексуализма (мужеложства и лесбиянства), не допускаются, и ст. 3.10 Закона Рязанской области от 4 декабря 2008 г. № 182-ОЗ «Об административных правонарушениях», согласно которой публичные действия, направленные на пропаганду гомосексуализма (мужеложства и лесбиянства) среди несовершеннолетних влекут административную ответственность в виде штрафа³.

1 Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / Рубинштейн С. Л. — СПб.: Издательство «Питер», 2000. — С. 219.

2 Козлов Н. И. Психологос — энциклопедия практической психологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.psychologos.ru/articles/view/pochemu_i_zachem_lyudi_sozdayut_semyu — С. 78.

3 Определение Конституционного Суда РФ от 19.01.2010 № 151-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алексева Николая Александровича, Баева Николая Викторовича и Федотовой Ирины Борисовны на нарушение их конституционных прав ст. 4 Закона Рязанской области «О защите нравственности детей в Рязанской области» и ст. 3.10 Закона Рязанской области «Об административных правонарушениях»» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=143278>

Конституционный Суд, определив пропаганду как деятельность по целенаправленному и бесконтрольному распространению информации, способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе сформировать искаженные представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных брачных отношений среди лиц, лишенных в силу возраста возможности самостоятельно критически оценить такую информацию, вынес решение, что запрет такой пропаганды не может рассматриваться как нарушающий конституционные права граждан.

При этом такой запрет, по факту ограничивающий ст. 29 Конституции РФ, оправдывается п. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 38 Конституции РФ.

С мнением Конституционного Суда России согласился Верховный Суд в определении от 15 августа 2012 г.⁴

После вынесения вышеуказанных судебных постановлений и был принят Федеральный закон № 135-ФЗ «О внесении изменений в ст. 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» от 29 июня 2013 г., в соответствии с которым органы государственной власти обязаны принимать меры по защите ребенка от информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения (ст. 14), при этом под ребенком понимается лицо, не достигшее возраста 18 лет (ст. 1 ФЗ № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»).

Под пропагандой предлагается понимать «распространение информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям (ст. 6.12)»⁵.

Анализ содержания перечисленных судебных постановлений и положений федерального закона позволяет сделать следующие выводы:

1. Традиционные и нетрадиционные сексуальные отношения в РФ не равноценны;
2. Нетрадиционные сексуальные отношения порицаются обществом.

С двумя вышеперечисленными пунктами все достаточно ясно, явно устанавливается дискриминация по признакам пола, сексуальных убеждений, равноправия мужчины и женщины.

Причем такая дискриминация реализуется также путем вторжения в частную жизнь человека.

То есть первично нарушение права на уважение частной жизни лица, и далее, при обладании информацией о частной жизни лица, происходит ограничение его прав в виде дискриминации по признакам пола, сексуальных предпочтений и пр.

4 Определение Верховного Суда РФ от 15.08.2012 N№ 1-АПГ12-11 Об оставлении без изменения решения Архангельского областного суда от 22.05.2012, которым отказано в удовлетворении заявления о признании недействующими отдельных положений областного Закона Архангельской области от 15 декабря 2009 г. № 113-9-ОЗ «Об отдельных мерах по защите нравственности и здоровья детей в Архангельской области» и областного Закона Архангельской области «Об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=232940>

5 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2014) // Российская газета. — № 256. — 13.12.2001.

3. Непосредственно запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений предполагает под собой отдельный ряд нарушений прав и свобод человека.

Положения Федерального закона № 135-ФЗ в большей степени дублируют Постановление Конституционного Суда РФ относительно запрета пропаганды равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений (брачных отношений), однако предлагают более широкую трактовку понятия пропаганды.

Наиболее существенно в данном случае нарушаются информационные права, установленные п. 4 ст. 29 Конституции РФ, путем установления запрета на распространение информации.

Такой запрет оправдывается положениями п. 3 ст. 55 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Соответственно, распространение информации, учитывающая содержание Конституции РФ, ограничено в целях защиты нравственности, здоровья и прав несовершеннолетних.

Однако в данном случае ограничением подвергнуты не только информационные права, указанные в п. 4 ст. 29 Конституции РФ.

Запрет введен на распространение информации, направленной на формирование определенных установок, фактически — мнения несовершеннолетнего.

Путем такого запрета должно создаться определенное убеждение, мнение, мысли о негативности нетрадиционных сексуальных отношений, индивид лишен в данном случае права выбора, оно навязано ему извне, чем нарушаются пункты 1, 3 ст. 29 Конституции РФ.

Термин «навязывание», употребляемый в ФЗ № 135-ФЗ от 29 июня 2013 г., вообще является не юридическим, «навязать» — значит принудить, заставить (Толковый словарь Ожегова).

Соответственно, один из видов пропаганды — это принуждение информацией?

Любая правовая норма имеет в себе ценность в ее практической реализации с учетом интересов общества, при сбалансированном влиянии на систему прав и свобод человека, таком влиянии, где ее применение не вызовет неоправданного ограничения прав и свобод индивидуума.

Забота о нравственности и духовном развитии несовершеннолетних — нужное и очень важное дело в любом обществе, однако не является ли истерия в отношении запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений непропорциональными мерами в данном случае?

Трактовка положений ФЗ № 135-ФЗ от 29 июня 2013 г. позволяет запретить распространение любой информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, причем не только распространение, но и ее передачу.

Понятие пропаганды при этом в ФЗ № 135-ФЗ от 29 июня 2013 г. подразумевает под собой при квалификации распространения информации в качестве деликта не результаты такого распространения, а лишь его потенциальные возможности.

То есть не важен конечный результат, сформировала ли информация у несовершеннолетнего нетрадиционные сексуальные установки, или же послужила формированию у него мнения о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, важна ее направленность при распространении, то есть та цель, которую ставил перед собой субъект, распространивший информацию.

Более того, если субъект передал, а не распространил информацию, и этим вызвал у субъекта (несовершеннолетнего), принимающего информацию, интерес к нетрадиционным

сексуальным отношениям, то в данном случае в его действиях также будет присутствовать состав административного правонарушения.

Таким образом, под запрет поставлены любые публичные обсуждения темы нетрадиционных отношений, так как в любом споре существуют как минимум два противоположных мнения, и отсутствует гарантия того, что информация о равноценности нетрадиционных сексуальных отношений не будет получена несовершеннолетним и не повлечет формирования у него определенного мнения по дискутируемому вопросу.

Относится введенный запрет также и к ст. 31 Конституции РФ, где установлено право на собрание, митинги, демонстрации, шествия.

Нельзя, например, провести шествие, выражая мнение о равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, и не нарушить при этом закон, так как такое шествие в любом случае влечет за собой публичное распространение информации, которая может повлечь создание определенного мнения у несовершеннолетнего, что запрещено.

Не следует забывать, что право на частную жизнь реализуется не только путем создания определенного обособления, но также и путем развития отношений, причем эти действия не исключают, а дополняют друг друга⁶.

Невозможно создать уединение в соответствии с предпочтениями определенного субъекта, не развивая отношения, как путем создания контактов с новыми людьми, так и путем ограничения контактов, что в совокупности составляет развитие отношений.

Введенные федеральным законом ограничения, подкрепленные рядом национальных судебных решений, обосновываются, в том числе, положениями норм международного права, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Однако такое обоснование в большинстве своем является лишь трактовкой международных нормативно-правовых актов в определенных субъективных интересах, действуя в угоду политическим целям.

Как совершенно верно заметил К. Н. Коротеев, «Конституционный Суд РФ использует Конвенцию (о защите прав человека и основных свобод) для обоснования ограничений прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ, двумя основными способами: он толкует конституционные права таким образом, что ими не гарантируется больше прав, чем Конвенцией, и пытается со ссылкой на Конвенцию обосновать не обосновываемое практикой Европейского суда.

Использование Конституционным Судом РФ ссылок на Европейскую конвенцию принимает наиболее спорные формы, когда он цитирует многочисленные решения старбургских судей с целью обоснования таких ограничений прав и свобод, которые не могли бы быть обоснованы по смыслу Конвенции»⁷.

В этой связи необходимо обратить внимание на положения Федерального конституционного закона от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»»⁸.

Внесенные указанным Федеральным законом изменения в ст. 101 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ установили следующее: «Суд при рассмотрении дела в любой инстанции, придя к выводу о несоответствии Конституции Российской Федерации закона, подлежащего применению им в указанном деле, обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности данного закона. Суд при пересмотре в случаях, установленных процессуальным законодательством, дела в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав и свобод человека решения, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого закона».

Соответственно, Конституционный Суд, действуя по запросу соответствующего суда, может сделать вывод о конституционности спорного закона, несмотря на решение Европейского суда по правам человека о нарушении проверяемым законом прав и свобод человека, что фактически нивелирует положения статей 15, 17 Конституции РФ в отношении действия на территории России норм международного права и положений международных договоров.

Закономерным развитием указанного Федерального закона стало принятие Постановления Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П⁹, в котором Конституционный Суд дискретные полномочия в части проверки соответствия положений внутригосударственных законов по отношению к Конституции РФ оставил целиком за собой, проверка же материалов конкретного дела положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод закреплена за Европейским судом по правам человека.

Учитывая содержание принятых в последнее время Постановлений Конституционного суда РФ, внесенные изменения в ряд федеральных законов, достаточно фантастичным выглядит тезис о том, что «...права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией Российской Федерации, — это, по существу, те же права и свободы, которые признаны Конвенцией о защите прав человека и основных свобод».

При этом такая идентичность следует и из разных понятий основных прав и свобод (в том числе права на частную жизнь), из разной судебной практики, более того, даже содержание компетенции Европейского суда по правам человека фактически в настоящее время отличается.

Несмотря на такую «идентичность», суды общей юрисдикции в случае расхождения мнений Конституционного Суда и Европейского суда по правам человека не должны самостоятельно применять положения решений Европейского суда, они обращаются в Конституционный Суд РФ, который и выносит окончательное решение по этому вопросу. О каком же верховенстве международного права в России можно говорить?

Пропаганда по своему содержанию — это в любом случае высказывание определенного мнения, распространение или передача информации, то есть реализация конституционных прав, закрепленных ст. 29 Конституции РФ.

нинградского окружного военного суда» Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>

9 Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 ст. 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>

6 Кротов А. В. Институт права на частную жизнь в Конституции России. Понятие и содержание: Монография. — Барнаул: Изд-во «Сизиф». — С. 47.

7 Кротеев К. Н. Место Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в аргументации решений Конституционного Суда РФ: от переезда в Санкт-Петербург до дела Константина Маркина // Сравнительное конституционное обозрение. — 2013. — № 4. — С. 68.

8 Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ле-

Следует не запрещать пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, а разъяснять причины и последствия нетрадиционных сексуальных отношений, предоставив самому субъекту, принимающему информацию, возможность сделать выбор и сформировать окончательное мнение.

Поощрение запрета на распространение информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, убеждение общества в их ущербности с помощью законодательных актов приводит к росту гомофобии в России.

При этом гомофобия в настоящее время рассматривается в одном ряду с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и сексизмом, эти явления не только не поощряются в мире, во многих странах за такие действия предусмотрена уголовная ответственность (Резолюция Европарламента «Гомофобия в Европе»)¹⁰.

Особую тревогу вызывает отрицание в российском обществе того, что у людей нетрадиционной сексуальной ориентации также существуют права и свободы, которые нивелируются на фоне возросшей гомофобии.

Российское общество забыло о том, что запрет на распространение информации о нетрадиционных сексуальных отношениях среди несовершеннолетних не влечет за собой отсутствия гомосексуалистов и лесбиянок среди молодого поколения, не упраздняет их проблемы.

Европейское общество имеет диаметрально противоположное отношение к нетрадиционным сексуальным отношениям по сравнению с воззрениями российских законодателей.

Не случайно Министерство здравоохранения Германии провело рекламную кампанию под лозунгом «Любовь заслуживает уважения».

Регулирование нетрадиционных сексуальных отношений в Европе осуществляет специальная группа прав, позволяющая лицам нетрадиционной сексуальной ориентации осуществлять полноценную жизнь, пользуясь всем спектром общепризнанных мировых прав и свобод.

При этом такая группа прав требует более внимательного изучения.

В Германии вопрос оформления отношений лицами нетрадиционной сексуальной ориентации регулируется законом «О зарегистрированном партнерстве» от 2001 г.¹¹, рядом судебных решений, подзаконными актами.

Федеральный Конституционный суд Германии в решении от 19 февраля 2013 г. постановил, что «семья (право на семью) также защищает фундаментальное право однополых партнеров и их детей, при условии, что такая семья носит постоянный характер и является частью общества»¹².

Закон о зарегистрированном партнерстве от 2001 г. предоставил лицам нетрадиционной сексуальной ориентации возможность юридически оформлять свои отношения путем заключения пожизненного партнерства. Партнеры признаются родственниками, они обязаны заботиться друг о друге, как морально, так и материально, а также проживать совместно, они имеют право на общую фамилию.

Если лицо состоит в пожизненном партнерстве, то это является запретом на заключение брака, отказом в правах на имущество, содержание, наследование, партнеры уравниваются с супругами, а сделка, совершенная одним из партнеров в общих интересах, порождает права и обязанности и для другого супруга. В то же время ряд ограничений предусмотрен в связи с возможностью партнеров усыновить детей.

Отношения в Германии к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации в полной мере характеризуются словами пресс-секретаря правительства Ш. Зайберта: «Мы живем в стране, где никто не должен бояться признать свою сексуальную ориентацию только из-за страха нетерпимости»¹³.

Сходное гражданское партнерство существует также и во Франции.

В соответствии с определением, данным законом от 1999 г., «гражданское партнерство является соглашением, заключенным двумя совершеннолетними физическими лицами разного или одного и того же пола с целью устройства совместной жизни»¹⁴.

Законом урегулирован порядок заключения такого партнерства с обязательной регистрацией в канцелярии суда по месту жительства одной из сторон. Лица, заключающие договор о гражданском партнерстве, должны оказывать друг другу моральную и материальную помощь, характер и размер которых определяются договором. Закреплена солидарная ответственность по обязательствам перед третьими лицами по семейным долгам и пр. Также установлена возможность в одностороннем порядке расторгнуть заключенное соглашение, внести изменения в его условия.

К сожалению, в Российской Федерации с учетом современных правовых и политических реалий ожидать принятия аналогичного законодательства, предоставляющего возможность создание гражданского партнерства, не приходится.

Учитывая содержание международных нормативно-правовых актов, практику международных судов, следует сделать вывод о том, что каждый человек имеет право не только не скрывать информацию о его частной жизни (включая нетрадиционную сексуальную ориентацию), но и распространять такую информацию, в том числе в виде пропаганды, что является в том числе одной из форм реализации права на частную жизнь.

Допуская отрицательную реакцию современного российского общества на законодательное закрепление равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, нецелесообразно настаивать на такой формулировке национального закона, однако в целях недопущения дискриминации, соблюдения права на уважение частной жизни, необходимо исключить из российского законодательства утверждения о неравноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, отменив также запрет на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений.

Осуществление защиты несовершеннолетних от информации, которая может повлиять на их физическое или психическое здоровье (негативной информации), возможно совершенно иными способами.

При этом нравственное и духовное развитие ребенка, внимание на которое обратил Конституционный Суд РФ в определении от 19 января 2010 № 151-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алексева Николая Александровича, Баева Николая Викторовича и Федотовой Ирины Борисовны на нарушение их конституционных прав статьей 4 Закона Рязанской области «О защите нравственности детей в Рязанской области» и статьей 3.10 Закона Рязанской области «Об административных правонарушениях»», должно регулироваться государством в наименьшей степени.

Нравственное и духовное развитие ребенка относится более к компетенции семейного регулирования, в некоторой степени общества, но не государства, с его специфическими методами реализации государственной власти.

10 European Parliament resolution on homophobia in Europe [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+20060118+ITEMS+DOC+XML+V0//EN&language=DE#docta9>

11 «Gesetz über eingetragene Lebenspartnerschaft. Vom 16/02/2001. BGBl. I S. 266» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.juris.de

12 BVerfG, 1 BvL 1/11 vom 19.2.2013// [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.juris.de

13 Kann man in Deutschland zu seiner Sexualität stehen? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hundertdreieusiebzig.de/2014/01/kann-man-in-deutschland-zu-seiner-sexualitaet-stehen/#respond>

14 Pact civil de solidarite (PACS). Mode d'emploi № 99-944.1511/1999 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hes-france.org/>

Для достижения цели защиты ребенка от негативной информации, которая может нанести вред его физическому или психическому здоровью, необходимо установить обязанность органов государственной власти и родителей ребенка по защите несовершеннолетнего от получения информации, которая может нанести ему вред.

Акцент необходимо сделать не на запрете передачи/распространения информации, а на контроле ее получения несовершеннолетним, что является более сбалансированным способом с учетом существующей системы прав и свобод человека.

Под пропагандой (при определении наличия состава правонарушения) необходимо в таком случае понимать действия по умышленному распространению информации, способной нанести вред физическому или психическому здоровью несовершеннолетнего.

В свою очередь, ответственность возможно установить как за невыполнение обязанности по защите ребенка от негативной информации, так и, при необходимости, за пропаганду негативной информации несовершеннолетним, однако ответственность за такую пропаганду не может быть применена к лицу, распространившему информацию, если такое лицо приняло меры в целях недопущения получения информации несовершеннолетними (например, заявило до начала распространения информации о ее характере).

В любом случае ответственность должна наступать именно за негативную информацию, которая может нанести вред физическому или психическому здоровью несовершеннолетнему, а не за пропаганду информации, которая характеризует частную жизнь человека, в том числе в сексуальной сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2014) // Российская газета. — № 256. — 13.12.2001.
2. Козлов Н. И. Психологос — энциклопедия практической психологии // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.psychologos.ru/articles/view/rochemu_i_zachem_lyudi_sozdayut_semyu
3. Кротеев К. Н. Место Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в аргументации решений Конституционного Суда РФ: от переезда в Санкт-Петербург до дела Константина Маркина // Сравнительное конституционное обозрение. — 2013. — № 4.
4. Кротов А. В. Институт права на частную жизнь в Конституции России. Понятие и содержание / А. В. Кротов. Монография. — Барнаул: Изд-во «Сизиф», 2012.
5. Определение Верховного Суда РФ от 15.08.2012 № 1-АПГ12-11 Об оставлении без изменения решения Архангельского областного суда от 22.05.2012, которым отказано в удовлетворении заявления о признании недействующими отдельных положений

областного Закона Архангельской области от 15 декабря 2009 г. № 113-9-ОЗ «Об отдельных мерах по защите нравственности и здоровья детей в Архангельской области» и областного Закона Архангельской области «Об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=232940>

6. Определение Конституционного Суда РФ от 19.01.2010 № 151-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алексева Николая Александровича, Баева Николая Викторовича и Федотовой Ирины Борисовны на нарушение их конституционных прав ст. 4 Закона Рязанской области «О защите нравственности детей в Рязанской области» и ст. 3.10 Закона Рязанской области «Об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=143278>
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2013 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда». Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 ст. 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / Рубинштейн С. Л. — СПб.: Издательство «Питер», 2000.
10. BVerfG, 1 BvL 1/11 vom 19.2.2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.juris.de
11. European Parliament resolution on homophobia in Europe [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+20060118+ITEMS+DOC+XML+V0//EN&language=DE#sdocta9>.
12. Kann man in Deutschland zu seiner Sexualität stehen? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hundertdreiundsiebzig.de/2014/01/kann-man-in-deutschland-zu-seiner-sexualitaet-stehen/#respond>
13. Pact civil de solidarite (PACS). Mode d'emploi № 99-944.1511/1999 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hes-france.org/>.

Посулихина Н. С.

ВИДЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены различные подходы в классификации административных процедур в целом, а также представлена концепция дифференциации административных процедур лицензирования медицинской деятельности. Опираясь на зарубежный опыт, установлена необходимость введения на территории Российской Федерации процедуры лицензирования профессиональной деятельности врачей.

Ключевые слова: административные процедуры, процедуры лицензирования медицинской деятельности, процедура лицензирования профессиональной деятельности врачей.

Posulikhina N. S.

THE TYPES OF ADMINISTRATIVE PROCEDURES FOR MEDICAL ACTIVITY LICENSING

The article discusses the different approaches to the classification of administrative procedures in general and concept of differentiation of administrative procedures of medical activity licensing. There is necessity of the introduction of the licensing procedure of doctors' professional activity in the Russian Federation.

Keywords: the administrative procedures, the procedures of licensing medical activity, the procedure of professional activity of doctors.

Посулихина Н. С.

Институт лицензирования является одним из наиболее динамично развивающихся институтов административного права. С одной стороны, общепризнана необходимость сокращения административного вмешательства в предпринимательскую деятельность. С другой стороны, как подчеркивал один из классиков политической экономики Адам Смит, только государство в интересах нации может ограничить алчность монополистов, авантюризм банкиров и эгоизм торговцев. При этом лицензирование является одним из основных инструментов государственного регулирования предпринимательской деятельности, традиционно используемых с целью охраны общезначимых интересов, в том числе в сфере здравоохранения. Рассматривая вопрос о процедурах лицензирования медицинской деятельности, целесообразно обратиться к общетеоретическим вопросам административного права и процесса, а именно к различным подходам в классификации административных процедур в целом. По аналогии с множественностью мнений по вопросу формулировки наиболее точного определения административной процедуры, в правовой литературе отмечается большое количество позиций по поводу классификации административных процедур как одного из видов юридических процедур.

Например, Ю. А. Тихомиров и Э. В. Талапина предлагают выделять следующие административные процедуры:

- 1) организационные (распорядок работы, распределение обязанностей, регламент взаимоотношений);
- 2) принятие решений (правовых актов, устных решений);
- 3) использование информации (документооборот, информационное обслуживание);
- 4) решение функциональных задач (экономических, финансовых);
- 5) совершение юридических действий (лицензирование);
- 6) проведение координации;
- 7) осуществление контроля;
- 8) деятельность в рамках целевых программ;
- 9) рассмотрение обращений граждан;
- 10) рассмотрение предложений общественных объединений;
- 11) разрешение разногласий и споров;
- 12) действия в экстремальных ситуациях (техногенная катастрофа, чрезвычайное положение);
- 13) порядок реорганизации и упразднения организаций;
- 14) международные и смешанные процедуры¹.

1 См.: Тихомиров Ю. А., Талапина Э. В. Административные процедуры и право // Журнал российского права. — 2002. — № 4. — С. 6.

Х. Соле считает целесообразным дифференцировать административные процедуры в зависимости от функций. Таким образом, выделяются инструментальные и неинструментальные административные процедуры. К инструментальным относятся те процедуры, которые направлены на рассмотрение конкретного административного дела, по результатам которого принимается справедливое решение независимым должностным лицом. К неинструментальным, напротив, приравниваются процедуры, не связанные напрямую с принятием окончательного решения по делу².

С. З. Женеть в одном из своих научных трудов отмечает, что административные процедуры могут носить самостоятельный характер (например, такие процедуры, как досмотр, проверка документов) и быть элементами административных производств (например, по делам об административных правонарушениях)³.

Следует отметить, что, несмотря на наличие целого ряда классификаций административных процедур в общетеоретическом контексте, критерии классификации административных процедур лицензирования в сфере медицинской деятельности в настоящее время отсутствуют. В связи с этим для разработки комплексной концепции дифференциации административных процедур лицензирования медицинской деятельности целесообразно исследовать существующие классификации правовых процедур лицензирования в целом.

Например, А. Б. Багандов в качестве правовых процедур лицензионного производства предлагает выделить общие стадии процесса выдачи лицензий и факультативную стадию, среди которых следующие:

- 1) общие стадии:
  - возбуждение лицензионного производства;
  - принятие решения о выдаче лицензии;
  - переоформление документа, подтверждающего наличие лицензии;
  - осуществление надзора;
  - применение принуждения за несоблюдение лицензионных требований, в частности, аннулирование лицензии;
- 2) факультативная стадия:

2 Ponce Sole. Good Administration and administrative procedures. — Vol. 12. — P. 2–3.

3 См.: Женеть С. З. Административный процесс и административные процедуры в условиях административной реформы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. — М., 2009. — С. 10.

Таблица № 1. Алгоритм лицензирования медицинской организации.

Первый этап Подготовительный	Получение статуса и регистрация юридического лица Подготовка материально – технической базы, рабочих мест Разработка и корректировка документов, регламентирующих деятельность медицинской организации
Второй этап Получение ведомственных заключений	Получение заключения Роспотребнадзора
Третий этап Предоставление документов в лицензирующий орган	– заявление – нотариально заверенные копии учредительных документов (для соискателей лицензии) – копии документов об образовании и повышении квалификации медицинских работников – предоставление документов, подтверждающих наличие у соискателя лицензии (лицензиата) необходимого оборудования для осуществления лицензируемого вида деятельности (например, балансовая справка) и др.
Четвертый этап Получение лицензии	Экспертиза документов Экспертиза медицинской организации

– проведение независимой экспертизы при обжаловании в административном порядке соискателем лицензии отказа лицензирующего органа в выдаче лицензии⁴.

В США имеют место два вида процедур лицензирования:

1) в роли лицензиата выступает организация-работодатель с целью получения разрешений на определенный вид деятельности для своих сотрудников;

2) сотрудники самостоятельно выступают в роли лицензиатов с целью получения разрешения на определенный вид деятельности (к данной категории, в частности, относятся медицинские работники)⁵.

Рассматривая общий алгоритм процедуры лицензирования на примере лицензирования медицинской деятельности в Российской Федерации (см. таблицу № 1), целесообразно определить виды указанных процедур.

По мнению автора, все виды административных процедур лицензирования медицинской деятельности можно классифицировать по нескольким основаниям.

По субъекту, уполномоченному принимать решения о выдаче разрешительной документации в процессе лицензирования медицинской деятельности:

– процедура проведения экспертизы соответствия санитарным правилам зданий, строений, сооружений, помещений, оборудования и иного имущества, которые соискатель лицензии (лицензиат) предполагает использовать для осуществления медицинской деятельности, центрами гигиены и эпидемиологии в субъектах РФ и их филиалами;

– процедура выдачи санитарно-эпидемиологического заключения Роспотребнадзором РФ (его территориальными управлениями и отделами);

– процедура принятия правоустанавливающих, правоизменяющих и правопрекращающих решений Министерством здравоохранения РФ и ее субъектов по вопросам лицензирования медицинской деятельности.

По итоговому результату той или иной процедуры лицензирования медицинской деятельности:

– процедура, в результате которой соискатель лицензии (лицензиат) получает акт освидетельствования зданий, строений, сооружений, помещений, оборудования и иного имущества, которые соискатель лицензии (лицензиат) предполагает использовать для осуществления медицинской деятельности;

– процедура, по итогам которой заинтересованный субъект получает санитарно-эпидемиологическое заключение о соответствии зданий, строений, сооружений, помещений, оборудования и иного имущества, которые соискатель лицензии (лицензиат) предполагает использовать для осуществления медицинской деятельности, санитарным правилам и нормам;

– процедуры, в результате которых соискатель лицензии (лицензиат) получает: лицензию на осуществление медицинской деятельности (отказ в ее предоставлении); дубликат лицензии на осуществление медицинской деятельности; уведомление о решении лицензирующего органа о прекращении медицинской деятельности; сведения из реестра лицензий; документально оформленные результаты контрольно-надзорных мероприятий в связи с осуществлением медицинской деятельности. К вышеуказанным документам относятся следующие акты контроля:

– в случае выявления нарушений лицензионных требований (условий): акт плановой (внеплановой) проверки юридического лица, индивидуального предпринимателя на предмет соответствия лицензиата лицензионным требованиям (условиям); предписание об устранении выявленных нарушений; протокол об административном правонарушении;

– в случае отсутствия нарушений лицензионных требований (условий): акт плановой (внеплановой) проверки юридического лица, индивидуального предпринимателя на предмет соответствия лицензиата лицензионным требованиям (условиям).

Ведущую роль в процессе лицензирования медицинской деятельности играет Министерство здравоохранения РФ и ее субъекты, так как указанный орган исполнительной власти принимает окончательное решение по вопросу предоставления либо отказа в предоставлении лицензии на осуществление медицинской деятельности. В связи с чем целесообразно отдельным блоком выделить следующие виды административных процедур:

– рассмотрение заявления и документов, принятие решения о предоставлении (или об отказе в предоставлении) лицензии на осуществление медицинской деятельности;

– переоформление документов, подтверждающих наличие лицензии на осуществление медицинской деятельности;

4 См.: Багандов А. Б. Административно-правовое регулирование лицензионных отношений в российской Федерации: теоретико-правовые основы, современное состояние, перспективы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. – Ростов н/Д, 2007. – С. 14–15.

5 Lickson C The Legal Guide For Small Business – Florence, Kentucky: Crisp Learning, 1994. – P. 5.

- предоставление дубликата лицензии на осуществление медицинской деятельности;
- продление срока действия лицензии;
- контроль за соблюдением лицензиатами лицензионных требований и условий при осуществлении медицинской деятельности;
- обращение в суд с заявлением о приостановлении деятельности лицензиата за нарушение лицензионных требований и условий, об аннулировании лицензии на осуществление медицинской деятельности;
- ведение реестра лицензий на осуществление медицинской деятельности и предоставление заинтересованным лицам сведений из реестра и иной информации о лицензировании.

Также, используя расширительный подход к толкованию понятия процедуры лицензирования медицинской деятельности, можно выделить следующие виды административных процедур:

1) для соискателя лицензии:

- процедура получения лицензии, которая, в свою очередь, делится на подвиды. Среди них процедура заполнения заявления о выдаче лицензии, процедура подготовки документов к заявлению, процедура предоставления документов в лицензирующий орган;
- процедура проверки лицензирующим органом соответствия соискателя лицензии лицензионным требованиям: процедура документальной проверки и процедура внеплановой выездной проверки;
- процедура принятия решения о предоставлении лицензии либо отказе в предоставлении лицензии: процедура предоставления лицензии и процедура отказа в предоставлении лицензии;

2) для лицензиата:

- процедура переоформления лицензии;
- процедура получения дубликата лицензии и копии лицензии.

Рассмотрим некоторые виды административных процедур лицензирования медицинской деятельности более детально.

Процедура заполнения заявления о выдаче лицензии

Если лицензирующим органом является орган исполнительной власти субъекта РФ, то применяется форма заявления, утвержденная или рекомендованная им. Как правило, соответствующая информация имеется на официальном сайте органа исполнительной власти субъекта. В случае, если лицензирующим органом является территориальный орган Росздравнадзора, заполняется форма заявления о предоставлении лицензии, утвержденная Приказом Росздравнадзора от 05.05.2014 № 3166⁶.

Процедура подготовки документов к заявлению

К заявлению о предоставлении лицензии должны прилагаться следующие документы:

- 1) копии учредительных документов юридического лица, засвидетельствованные в нотариальном порядке. Важно отметить, что нотариальное удостоверение требуется только для учредительных документов. Остальные документы удостоверяются печатью организации и подписью руководителя;
- 2) копия документа, подтверждающего уплату госпошлины за предоставление лицензии;

3) копии документов, подтверждающих наличие у соискателя на праве собственности или ином законном основании необходимых для выполнения заявленных работ (услуг) зданий, строений, сооружений и (или) помещений — если права на них не зарегистрированы в ЕГРП. В случае, когда такие права зарегистрированы, представляются сведения об этих объектах. Но в связи с тем, что в Положении о лицензировании медицинской деятельности⁷ не установлено, в какой форме должны быть представлены сведения о зданиях, строениях, сооружениях и (или) помещениях, необходимых для осуществления медицинской деятельности, при обращении в лицензирующий орган исполнительной власти субъекта РФ целесообразно уточнить это в лицензирующем органе. Например, в качестве подтверждения права может быть представлена:

- справка, в которой соискатель лицензии подтверждает наличие у него здания (помещения) на праве собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления) и приводит сведения об этом объекте (копия свидетельства о регистрации права собственности на недвижимое имущество либо копия свидетельства о регистрации права хозяйственного ведения или оперативного управления);
- выписка из ЕГРП.

Также важно отметить, что здания или помещения могут находиться у заявителя на ином праве (аренды, субаренды, безвозмездного пользования). В этом случае подтверждающими документами будут являться соответствующие договоры. Целесообразно указать тот факт, что государственной регистрации подлежит также договор аренды здания или сооружения, заключенный на срок не менее года. А если договор аренды заключен на неопределенный срок, то государственная регистрация не требуется⁸;

4) копии документов, подтверждающих наличие у соискателя на праве собственности или ином законном основании медицинских изделий (оборудования, аппаратов, приборов, инструментов), необходимых для выполнения заявленных работ (услуг). Чаще всего соответствующим документом, подтверждающим право собственности на медицинское оборудование, является балансовая справка;

5) сведения о наличии санитарно-эпидемиологического заключения о соответствии санитарным правилам зданий, строений, сооружений и (или) помещений, необходимых для выполнения заявленных работ (услуг);

6) сведения о государственной регистрации медицинских изделий (оборудования, аппаратов, приборов, инструментов), необходимых для выполнения заявленных работ (услуг);

7) копии документов, подтверждающих наличие у руководителя организации соответствующего профессионального образования, сертификатов, стажа работы по специальности;

8) копии документов, подтверждающих наличие у работников соискателя соответствующего профессионального образования и сертификата специалиста. Примечателен тот факт, что для сотрудников соискателя лицензии не требуется под-

6 См.: Приказ Росздравнадзора от 05.05.2014 № 3166 «Об утверждении форм документов, используемых Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения в процессе лицензирования медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)» // Российская газета. — 27.08.2014. — № 193.

7 См.: Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)» (вместе с «Положением о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)») // Собрание законодательства РФ. 23.04.2012. — № 17. — Ст. 1965.

8 См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16.02.2001 № 59 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // Вестник ВАС РФ. — 2001. — № 4.

тверждения опыта работы, что, по мнению автора, является недоработкой действующего лицензионного законодательства;

9) копии документов, подтверждающих наличие у работников соискателя, осуществляющих техническое обслуживание медицинских изделий, соответствующего профессионального образования и (или) квалификации, либо копия договора с организацией, имеющей лицензию на осуществление соответствующей деятельности;

10) опись прилагаемых документов.

Процедура представления документов в лицензирующий орган

В соответствии с Законом о лицензировании⁹ заявление о предоставлении лицензии и прилагаемые к нему документы представляются в лицензирующий орган непосредственно или направляются заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении. На практике, если документы непосредственно подаются представителем организации или индивидуального предпринимателя, лицензирующий орган требует от подающего их лица предъявления доверенности. То, что данное требование предъявляется, подтверждается тем, что доверенность на лицо, представляющее документы, упомянута в форме описи.

Представленные документы принимаются лицензирующим органом по описи, копия которой с отметкой о дате приема в этот же день вручается соискателю лицензии либо направляется ему заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении.

В случае, если заявление о предоставлении лицензии оформлено с нарушением установленных требований или прилагаемые к нему документы представлены не в полном объеме, лицензирующий орган в течение трех рабочих дней со дня приема заявления вручает соискателю уведомление о необходимости устранения в тридцатидневный срок выявленных нарушений (представления отсутствующих документов) или направляет его заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении.

После представления правильно оформленного заявления (недостающих документов) лицензирующий орган в течение трех рабочих дней принимает одно из следующих решений:

- о рассмотрении заявления и прилагаемых документов;
- о возврате заявления и прилагаемых документов с мотивированным обоснованием причин возврата — если повторно представленное заявление (документы) также не соответствуют установленным требованиям.

Если соискатель не представил правильно оформленное заявление (полный комплект документов) в тридцатидневный срок, ему возвращаются ранее поданные заявление и документы.

Процедура проверки лицензирующим органом соответствия лицензиата лицензионным требованиям и условиям

После получения заявления о предоставлении лицензии и прилагаемых к нему документов лицензирующий орган осуществляет проверку полноты и достоверности содержащихся в них сведений, в том числе проверку соответствия соискателя лицензии лицензионным требованиям. Лицензирующим органом проводятся:

- документальные проверки. Предметом документальной проверки являются содержащиеся в представленном заявлении и прилагаемых документах сведения в целях оценки их соответствия требованиям, предъявляемым к заявлению и документам, а также сведениям о соискателе, содержащим-

ся в ЕГРЮЛ, ЕГРИП и иных федеральных информационных ресурсах;

– внеплановые выездные проверки. Предметом внеплановой выездной проверки является состояние помещений, зданий, сооружений, технических средств, оборудования, иных объектов, которые предполагается использовать при осуществлении лицензируемого вида деятельности, и наличие необходимых для осуществления данной деятельности работников в целях оценки соответствия таких объектов и работников лицензионным требованиям. Все проверки осуществляются без согласования с органом прокуратуры.

Срок проведения каждой из проверок (документарной и выездной) не может превышать 20 рабочих дней. При этом общий срок проверок не может превышать 45 рабочих дней. Основанием для проведения проверки соискателя является предоставление им в лицензирующий орган заявления о выдаче лицензии. По результатам проверки должен составляться акт проверки в двух экземплярах.

Процедура принятия решения о предоставлении лицензии

Решение о предоставлении лицензии оформляется приказом (распоряжением) лицензирующего органа, одновременно оформляется сама лицензия. Приказ (распоряжение) и лицензия подписываются руководителем (заместителем руководителя) лицензирующего органа и регистрируются в реестре лицензий.

В течение трех рабочих дней после подписания и регистрации лицензии она вручается лицензиату или направляется ему заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении.

Организация или индивидуальный предприниматель, получившие лицензию, вправе осуществлять лицензируемую деятельность со следующего после принятия решения о предоставлении лицензии дня.

Процедура принятия решения об отказе в предоставлении лицензии

К основаниям для отказа в предоставлении лицензии относятся:

- наличие в представленных соискателем лицензии, заявления или прилагаемых к нему документах недостоверной или искаженной информации;
- установленное в ходе проверки несоответствие соискателя лицензионным требованиям.

Решение об отказе в предоставлении лицензии оформляется приказом (распоряжением) лицензирующего органа. При этом соискателю лицензии направляется заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении (или в течение трех рабочих дней с момента принятия решения вручается) уведомление об отказе в предоставлении лицензии. Данное уведомление должно содержать мотивированное обоснование причин отказа со ссылкой на конкретные положения нормативных правовых актов и иных документов, на основании которых принято решение об отказе. Если же причиной отказа является установленное в ходе проверки несоответствие соискателя лицензионным требованиям, в уведомлении должны быть приведены реквизиты акта проверки.

Процедура переоформления лицензии

Процедура принятия решения о переоформлении лицензии аналогична процедуре принятия решения о ее выдаче, в связи с чем автор считает целесообразным выделить отличительные особенности процедуры переоформления лицензии.

Необходимость переоформления лицензии возникает в следующих случаях:

- реорганизация юридического лица в форме преобразования. Также возможно переоформление лицензии при реорганизации в форме слияния, но только при условии, что

9 См.: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 09.05.2011. — № 19. — Ст. 2716.

у каждой организации, участвующей в слиянии, на дату государственной регистрации правопреемника имеется лицензия на соответствующий вид деятельности;

- изменение наименования юридического лица;
- изменение адреса места нахождения юридического лица;
- изменение адресов мест осуществления лицензируемого вида деятельности;
- изменение перечня видов работ (оказываемых услуг), составляющих лицензируемый вид деятельности.

К заявлению о переоформлении лицензии, в отличие от процедуры предоставления, не требуется подача копий учредительных документов юридического лица, засвидетельствованных в нотариальном порядке, что сокращает расходы лицензиата. Также среди документов к заявлению отсутствуют копии документов, подтверждающих наличие у руководителя организации соответствующего профессионального образования, сертификатов, стажа работы по специальности. Зато среди документов к заявлению на переоформление лицензии должен присутствовать оригинал имеющейся лицензии.

Общий срок проведения проверки соответствия лицензиата лицензионным требованиям и условиям сокращен по сравнению с первичной проверкой соискателя лицензии до 10 рабочих дней (30 — в случае проведения выездной проверки) со дня приема заявления и прилагаемых к нему документов.

Процедура получения дубликата лицензии

Получение дубликата лицензии возможно в случаях ее утраты или порчи. Для этого в лицензирующий орган необходимо представить:

- а) заявление о выдаче дубликата лицензии;
- б) документ, подтверждающий уплату госпошлины;
- в) испорченный бланк лицензии — в случае ее порчи.

Закон о лицензировании не предусматривает составления заявления о выдаче дубликата лицензии по какой-либо обязательной форме, следовательно, она может быть произвольной. В то же время в случае, если лицензирующим органом является территориальный орган Росздравнадзора, применяется форма заявления о предоставлении дубликата или копии лицензии, приведенная в Приказе Росздравнадзора от 05.05.2014 № 3166.

В данном заявлении приводятся:

- полное наименование юридического лица либо фамилия, имя и отчество индивидуального предпринимателя;
- адрес места нахождения юридического лица или места жительства индивидуального предпринимателя;
- государственный регистрационный номер записи о создании — для юридического лица, о государственной регистрации — для индивидуального предпринимателя;
- идентификационный номер налогоплательщика;
- номер и дата регистрации лицензии.

В заявлении следует отметить, какой документ запрашивается у лицензирующего органа — дубликат лицензии или ее копия. Заявление подписывается индивидуальным предпринимателем или уполномоченным представителем организации (индивидуального предпринимателя), указывается фамилия, имя и отчество подписавшего заявление лица и дата заполнения, на заявлении проставляется отпечаток печати (для индивидуального предпринимателя при ее наличии).

Порядок представления документов, необходимых для получения дубликата лицензии, не конкретизирован. По аналогии с процедурой представления заявления о выдаче лицензии можно предположить, что сделать это можно как обратившись непосредственно в лицензирующий орган, так и отправив документы заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении. При непосредственной подаче документов представителем организации или индивидуального предпринимателя ему следует иметь доверенность.

В течение трех рабочих дней со дня получения заявления лицензирующий орган оформляет дубликат лицензии. Он

оформляется на бланке лицензии с пометками «дубликат», и «оригинал лицензии признается недействующим». Дубликат вручается лицензиату или направляется ему заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении.

Процедура получения копии лицензии

Лицензиат имеет право на получение от лицензирующего органа заверенной копии лицензии. Для этого в лицензирующий орган необходимо представить соответствующее заявление.

Закон о лицензировании не предусматривает взимание госпошлины за выдачу копии лицензии, взимание же с соискателей и лицензиатов иной платы за осуществление лицензирования не допускается. Поэтому требовать от лицензиата платы за выдачу копии лицензии лицензирующий орган не вправе.

Порядок представления документов, необходимых для получения копии лицензии, в Законе о лицензировании также не конкретизирован. По аналогии с процедурой представления заявления о выдаче лицензии можно предположить, что сделать это можно как обратившись непосредственно в лицензирующий орган, так и отправив документы заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении. При непосредственной подаче документов представителем организации или индивидуального предпринимателя следует иметь доверенность.

В течение трех рабочих дней со дня получения заявления лицензирующий орган вручает лицензиату копию лицензии или направляет ее заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении.

Процедура обжалования действий лицензирующего органа

Если организации или индивидуальному предпринимателю было отказано в выдаче лицензии по основаниям, которые не установлены в Законе о лицензировании, или в случае если соискатель уверен в том, что все документы были оформлены верно и представлены в полном объеме и лицензионным требованиям они соответствуют, либо лицензия не была выдана в установленный срок, отказ (бездействие) лицензирующего органа можно обжаловать в судебном порядке.

Обращаться следует в арбитражный суд. Заявление при этом будет рассматриваться в порядке, предусмотренном главой 24 АПК РФ¹⁰. Обжаловать действие (бездействие) можно в течение 3 месяцев со дня, когда организации или индивидуальному предпринимателю стало известно о нарушении их прав и законных интересов.

Возможен и административный порядок обжалования, установленный в главе 2.1 Закона № 210-ФЗ¹¹. В указанном нормативном правовом акте приведен примерный перечень тех нарушений порядка предоставления государственных услуг, которые могут обжаловаться в досудебном (внесудебном) порядке. К ним относятся, в частности, нарушение срока предоставления государственной услуги, отказ в ее предоставлении по основаниям, не установленным нормативно-правовыми актами, требование у заявителя документов, не предусмотренных нормативно-правовыми актами, или отказ в приеме документов.

Общие требования к порядку подачи и рассмотрения жалобы установлены также соответствующим законом. Жалоба подается непосредственно в тот орган, который предоставляет государственную услугу, а в случае, если обжалуется решение руководителя этого органа, — в вышестоящий орган. При от-

10 См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 29.07.2002. — № 30. — Ст. 3012.

11 См.: Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 02.08.2010. — № 31. — Ст. 4179.

существовании вышестоящего органа данная жалоба рассматривается руководителем органа, предоставляющего государственную услугу. Правила подачи и рассмотрения жалоб утверждены Постановлением Правительства РФ от 16.08.2012 № 840¹².

Нарушение должностным лицом федерального органа исполнительной власти, органа исполнительной власти субъекта РФ порядка предоставления государственной услуги, повлекшее ее непредоставление либо предоставление с нарушением установленных сроков, влечет наложение на указанных лиц административного штрафа в размере от 3000 до 5000 рублей в соответствии с ч. 1 и ч. 1.1 ст. 5.63 КоАП РФ¹³, а требование ими в ходе предоставления государственной услуги от заявителя документов или платы, не предусмотренных законодательством, — административного штрафа от 5000 до 10 000 рублей в соответствии с ч. 2 ст. 5.63 КоАП РФ, если их действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Итак, рассмотрев основные виды процедур лицензирования медицинской деятельности на территории Российской Федерации, важно обратиться к зарубежному опыту развития законодательства в сфере лицензирования медицинской деятельности в целях совершенствования отечественной лицензионной системы в области здравоохранения.

На основании проведенного анализа существующих видов процедур лицензирования медицинской деятельности за рубежом, используя в первую очередь опыт США, целесообразно выделить следующую классификацию процедур лицензирования медицинской деятельности по субъектному составу:

1) процедура лицензирования медицинской деятельности физических лиц;

2) процедура лицензирования предпринимательской деятельности в сфере здравоохранения.

Важно отметить, что наличие одной из вышеуказанных процедур лицензирования медицинской деятельности вовсе не исключает возможность функционирования другой процедуры лицензирования. Например, обращаясь к опыту США, можно отметить факт одновременного функционирования в настоящее время двух видов административных процедур лицензирования медицинской деятельности. В связи с рядом особенностей исторического развития и становления рыночной экономики в США первоначально сформировался институт лицензирования профессиональной деятельности врачей. В ходе развития указанного института границы правового регулирования постепенно расширялись, и в настоящее время сформировался еще один институт лицензирования медицинской деятельности — процедура лицензирования предпринимательской деятельности в сфере здравоохранения.

Опираясь на зарубежный опыт, автор считает необходимым введение в Российской Федерации процедуры лицензирования профессиональной деятельности врачей. Данное усовершенствование общего механизма лицензирования медицинской деятельности, по мнению автора, позволит создать эффективный механизм распределения рисков оказания некачественной медицинской помощи и индивидуальной ответственности за недобросовестные действия медицинского работника.

12 См.: Постановление Правительства РФ от 16.08.2012 № 840 «О порядке подачи и рассмотрения жалоб на решения и действия (бездействия) федеральных органов исполнительной власти и их должностных лиц, федеральных государственных служащих, должностных лиц государственных внебюджетных фондов Российской Федерации» (вместе с «Правилами подачи и рассмотрения жалоб на решения и действия (бездействия) федеральных органов исполнительной власти и их должностных лиц, федеральных государственных служащих, должностных лиц государственных внебюджетных фондов Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. — 27.08.2012. — № 35. — Ст. 4829.

13 См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

Пристатейный библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 29.07.2002. — № 30. — Ст. 3012.
2. Багаднов А. Б. Административно-правовое регулирование лицензионных отношений в российской Федерации: теоретико-правовые основы, современное состояние, перспективы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. — Ростов н/Д, 2007.
3. Женеть С. З. Административный процесс и административные процедуры в условиях административной реформы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. — М., 2009.
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 16.02.2001 № 59 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // Вестник ВАС РФ. — 2001. — № 4.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
6. Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)» (вместе с «Положением о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)») // Собрание законодательства РФ. — 23.04.2012. — № 17. — Ст. 1965.
7. Постановление Правительства РФ от 16.08.2012 № 840 «О порядке подачи и рассмотрения жалоб на решения и действия (бездействия) федеральных органов исполнительной власти и их должностных лиц, федеральных государственных служащих, должностных лиц государственных внебюджетных фондов Российской Федерации» (вместе с «Правилами подачи и рассмотрения жалоб на решения и действия (бездействия) федеральных органов исполнительной власти и их должностных лиц, федеральных государственных служащих, должностных лиц государственных внебюджетных фондов Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. — 27.08.2012. — № 35. — Ст. 4829.
8. Приказ Росздравнадзора от 05.05.2014 № 3166 «Об утверждении форм документов, используемых Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения в процессе лицензирования медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)» // Российская газета. — 27.08.2014. — № 193.
9. Тихомиров Ю. А., Талапина Э. В. Административные процедуры и право // Журнал российского права. — 2002. — № 4.
10. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 09.05.2011. — № 19. — Ст. 2716.
11. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. — 02.08.2010. — № 31. — Ст. 4179.
12. Lickson C. The Legal Guide For Small Business — Florence, Kentucky: Crisp Learning, 1994. Ponce Sole. Good Administration and administrative procedures. — Vol. 12.

Давыдова И. А., Коробова И. Н.
ПРАВООТНОШЕНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ
ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ,
ИСПОЛНЯЮЩИХ НАКАЗАНИЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье осуществляется анализ правоотношений, складывающихся между осужденными и контролирующими субъектами при реализации ими функций по контролю за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, формулируются признаки, присущие данному виду правоотношений, а также рассматривается их состав.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные правоотношения, субъекты контрольно-надзорной деятельности, юридический механизм контроля, состав контрольных правоотношений.

Davydova I. A., Korobova I. N.
RELATIONS DURING THE IMPLEMENTATION OF CONTROL FOR INSTITUTIONS
AND BODIES, CARRYING OUT THE SENTENCE: SOME ASPECTS

In this paper the analysis of relations developing between convicts and controlling entities during the implementation of their control functions over the activities of penal agencies and bodies is carried out, some characteristics of this type of relations are formulated and their composition is considered.

Keywords: criminal-executive relationship, actors of control and supervisory activities, the legal mechanism of control, the composition of control relations.

В теории уголовно-исполнительного права дискуссионным является вопрос о характере и принадлежности правоотношений, составляющих форму деятельности субъектов контроля за исполнением наказаний.

Отсутствует единство мнений по вопросу о возможности признания прокуратуры, суда, членов общественных наблюдательных комиссий и других контролирурующих органов субъектами или участниками уголовно-исполнительных правоотношений в ситуациях, связанных с осуществлением ими контрольных функций.

Если рассматривать в качестве самостоятельного признака уголовно-исполнительных правоотношений наличие двух субъектов: администрации учреждений и органов, исполняющих наказания — с одной стороны и осужденного — с другой, то можно прийти к выводу о том, что правоотношения по осуществлению контроля за исполнением уголовных наказаний и надзора за соблюдением законов администрацией учреждений и органов, исполняющих наказания, уголовно-исполнительными не являются.

При этом следует различать осуществление контрольно-надзорной деятельности по инициативе самих контролирующих органов, когда они вступают в правоотношения с администрацией учреждений, исполняющих наказания, которые в данном случае будут административными, а также осуществление контроля по жалобам осужденных, которые в этой ситуации складываются на основании норм уголовно-исполнительного права, по поводу исполнения уголовных наказаний между осужденным с одной стороны, и контрольно-надзорным органом — с другой (например судом, прокуратурой и др.). В данном случае рассматриваемые правоотношения не являются в чистом виде ни административными, ни уголовно-исполнительными. На наш взгляд, с учетом наличия совокупности норм уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующих осуществление контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, можно выделить особый вид — контрольные уголовно-исполнительные правоотношения.

В теории контрольной деятельности государственного управления рассматривается такая категория, как «юридический механизм контроля», который включает в себя:

– наличие и практическое применение правовых норм, предусматривающих порядок организации и проведения

контроля за деятельностью органов государственного управления;

– наличие правовых форм реализации действий проверяющих по выявлению недостатков и нарушений, их причин, разработке и реализации мер по улучшению качества работы;

– возможность привлечения к ответственности лиц, виновных в недостатках и нарушениях.

При рассмотрении юридических аспектов контроля в рамках рассматриваемого механизма предлагается выделение самостоятельного вида контрольных правоотношений.

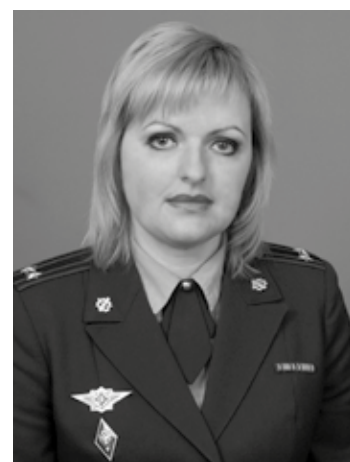
«Для различных субъектов контроля право предусматривает разные юридические механизмы контроля, которые отражают специфику их природы и задач. Приведение юридического механизма контроля в действие производится в порядке, устанавливаемом Конституцией СССР, конституциями союзных и автономных республик, нормами государственного, гражданского, трудового, административного, финансового и других отраслей права. Их соблюдение является важным условием результативности контроля, обеспечивает законность самой контрольной деятельности»¹.

Разработка теории контрольного правоотношения, анализ его характера и содержания позволяет полнее и глубже раскрыть роль права как организующего фактора, во многом определяющего результаты контрольной деятельности, дает возможность совершенствования юридического механизма контроля с учетом изменений правовой регламентации рассматриваемых видов контроля, накопленного опыта, а также изменений, происходящих в управленческой деятельности.

Е. В. Шорина под контрольными правоотношениями понимает общественные отношения, возникающие в связи с проведением контроля в различных сферах общественной деятельности и регулируемые нормами права, т.е. правовые отношения, в которые субъекты государственного и обще-

Давыдова И. А.

Коробова И. Н.

1 Шорина Е. В. Контроль за деятельностью органов государственного управления в СССР. — М.: Издательство «Наука» 1981. — С. 180.

ственного контроля вступают с государственными органами, общественными организациями, их должностными лицами, другими работниками, гражданами². В контрольном правоотношении, возникающем в сфере государственного управления, выделяют следующие элементы:

- взаимная связь между его участниками;
- права и обязанности субъекта и объекта контроля, ответственность за их нарушение;
- право одной стороны проверять законность и целесообразность управленческой деятельности, фактическое исполнение принятых решений и даваемых заданий и корреспондирующая обязанность другой — создавать нужные для этого условия, выполнять требования контролирующего органа.
- возможность проверяемого органа требовать реализации контроля, не выходящего за рамки полномочий, установленных для проверяющего органа или лица законодательством.
- система организационно-правовых гарантий реализации прав и обязанностей субъектов контрольных правоотношений.
- возможность принятия принудительных мер к выполнению указаний контрольных органов, наказания должностных лиц, виновных в выявленных недостатках и нарушениях,
- возможность обжалования незаконных действий и решений контрольных органов.

В рамках рассмотрения контрольных правоотношений в сфере государственного управления были сформулированы присущие им черты:

- множественность субъектов и объектов контроля;
- широкий круг возможных участников, юридические права и обязанности которых регулируются нормами не одной, а ряда отраслей права;
- различный объем взаимных прав и обязанностей участников контрольных правоотношений, видов ответственности за неправильное использование прав, невыполнение обязанностей с учетом особенностей конкретного субъекта контроля (органов государственной власти, общественных организаций и др.).

Указанные признаки можно выделить при анализе правоотношений по осуществлению контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

В уголовно-исполнительном законодательстве России предусмотрены различные субъекты контрольно-надзорной деятельности: федеральные органы государственной власти, суд, органы, осуществляющие ведомственный контроль, Генеральный прокурор Российской Федерации, подчиненные ему прокуроры, уполномоченные по правам человека, общественные наблюдательные комиссии, образованные в субъектах Российской Федерации, их члены (статьи 19–23 УИК РФ).

Соответственно, можно сделать вывод о наличии таких признаков контрольных правоотношений, как множественность субъектов, осуществляющих контрольную деятельность, а также правовая регламентация и закрепление прав и обязанностей контролируемых субъектов нормами различных отраслей права. Так, нормы, предусматривающие направления, формы, методы, а также предусматривающие конкретные права и обязанности контролируемых органов, содержатся в Конституции РФ, в Федеральном конституционном законе Российской Федерации «Об уполномоченном по правам человека в РФ», Уголовном, Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном кодексах Российской Федерации, а также законах «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», «О прокуратуре», «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» и др.

При этом следует отметить, что юридические последствия и организационно-правовые формы деятельности различных субъектов существенно различаются (например, юридические последствия судебного контроля и прокурорского надзора значительно серьезнее, чем иных видов контроля).

Определяя состав контрольных правоотношений, необходимо начинать с исследования субъектов этих правоотношений, выполняющих функцию генератора складывающихся специфических социальных связей по поводу реализации конкретных норм права и в целях установления соответствия деятельности подконтрольного субъекта (учреждения или органа, исполняющего наказания) требованиям законодательства.

Государственно-властное начало в контрольном правоотношении необходимо предполагает наличие обязательного, специального (лидирующего) субъекта, являющегося активным носителем функций контроля в отличие от другой стороны, которая испытывает контрольное воздействие первой³.

Соответственно, все перечисленные выше субъекты, осуществляющие в соответствии с законодательством Российской Федерации контроль за деятельностью учреждений и органов, будут являться специальным (лидирующим) субъектом контрольных правоотношений, являясь активным носителем контрольных функций по отношению к учреждениям и органам, исполняющим уголовные наказания, которые подвергаются контрольному воздействию суда.

В качестве объекта указанного вида контрольных правоотношений (на что они направлены) можно выделить обеспечение достижения целей наказания, поддержание законности при исполнении уголовных наказаний, деятельность персонала учреждений и органов, исполняющих наказания.

Вопрос о содержании контрольных правоотношений по мнению В. М. Горшенева и И. Б. Шахова представляет не только теоретический интерес, но имеет и большое практическое значение. От того, насколько точно и полно будет установлено содержание контрольных правоотношений и сам характер субъективных контрольных прав, обязанностей, полномочий и юридической ответственности, зависит эффект разбирательства юридического дела, а следовательно, и принятие справедливого, законного решения. В конечном счете это обеспечивает эффективность всего контрольного процесса⁴. Отмеченная особенность наиболее характерна для судебного контроля, осуществляемого в соответствии со ст. 20 УИК РФ при решении вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора в соответствии со статьями 397 (за исключением случаев, указанных в пп. 1 и 18) и 398 УИК РФ.

Рассматривая юридическое содержание контрольных правоотношений, следует выделить, с одной стороны, контрольные полномочия соответствующего лидирующего (контролирующего) субъекта процесса, а с другой — корреспондирующие им контрольные права, обязанности и ответственность заинтересованных (подконтрольных) субъектов процесса⁵.

При анализе контрольных полномочий различных органов можно выделить: 1) полномочия на совершение контроля по своей инициативе беспрепятственно, в любое время в пределах своей компетенции; 2) полномочия давать в случае необходимости соответствующим органам и должностным лицам указания обязательного характера по устранению вскрытых нарушений и их последствий; 3) полномочия по привлечению к ответственности виновных должностных лиц; 4) полномочия по выработке рекомендаций превентивного характера. Наличие разветвленной системы контроля за деятельностью учреж-

3 Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. — М.: Юридическая литература, 1987. — С. 120.

4 Там же. — С. 122.

5 Там же. — С. 123.

2 Там же. — С. 185.

дений и органов, исполняющих наказания, а также различного характера, объема и последствий его осуществления позволяет использовать подобную классификацию контрольных полномочий в указанной сфере⁶.

Юридическими фактами контрольных правоотношений чаще всего являются фактические составы (совокупность нескольких жизненных обстоятельств)⁷. Основные виды контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, связаны с анализом и принятием решений, которые сопряжены с использованием системы (совокупности) фактов.

Таким образом, с учетом изложенного выше, можно сделать вывод о наличии особого вида контрольных правоот-

- 6 См.: Давыдова И.А., Коробова И.Н. Некоторые проблемы института условно-досрочного освобождения, связанные с оценкой степени исправления осужденных // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — С. 183—186.
- 7 См.: Полищук Н. И. Теоретическая модель взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта: монография / Под ред. С. А. Комарова. — 2-е изд., доп. и перераб. — Юридический институт (Санкт-Петербург), 2008. — С. 330—333.

ношений, которые являются сопутствующими типичным уголовно-исполнительным правоотношениям, направленными на достижение целей и задач уголовно-исполнительного законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. См.: Давыдова И.А., Коробова И.Н. Некоторые проблемы института условно-досрочного освобождения, связанные с оценкой степени исправления осужденных // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — С. 183—186.
1. Шорина Е. В. Контроль за деятельностью органов государственного управления в СССР. — М.: Издательство «Наука», 1981.
2. Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. — М.: Юридическая литература, 1987.
3. Полищук Н. И. Теоретическая модель взаимосвязи нормы права, правоотношения и юридического факта: монография / Под ред. С. А. Комарова. — 2-е изд., доп. и перераб. — Юридический институт (Санкт-Петербург), 2008.

Иксанов Т. А., Руднева Ю. Р.

ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ В СИСТЕМЕ ВНУТРИКОРПОРАТИВНОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

В статье проведен анализ роли правового сопровождения на современном этапе развития внутрикорпоративного финансового контроля и систематизированы функции юридической службы в проведении тендерной и договорной работ.

Ключевые слова: внутрикорпоративный финансовый контроль, правовые риски, организация закупок, договорная работа.

Ixanov T. A., Rudneva Yu. R.

LEGAL SUPPORT IN THE SYSTEM OF INTERNAL CONTROLS

The article analyzes the role of legal support at the present stage of development of internal financial control and systematizes functions of legal services in the tender and contract work.

Keywords: internal financial control, legal risks, procurement, contract work.

Иксанов Т. А.

Внутрикорпоративный финансовый контроль (далее — ВФК) можно охарактеризовать с трех позиций:

- во-первых, это одна из функций управления финансами хозяйствующего субъекта;
- во-вторых, это инструмент постоянного наблюдения за объектом финансового контроля;
- в-третьих, это процесс, который руководство и персонал организации осуществляет с целью предотвращения и выявления финансовых нарушений.

ВФК может проводиться на трех уровнях:

- 1) контроль над движением и распределение финансовых потоков (расчеты с дебиторами и кредиторами, инвестиции и т.д.);
- 2) производственно-хозяйственный контроль, охватывающий весь производственный цикл: от материально-технического снабжения до реализации продукции;
- 3) контроль над организацией в целом.

Субъектами ВФК могут быть:

- аудиторская организация или индивидуальный аудитор, осуществляющие независимый внешний аудит;
- собственник — опосредованно — через комиссию по ревизии или аудиторскую службу;
- менеджмент организации, как правило, в лице службы ВФК, которая подчиняется аудиторской службе или исполнительному органу организации.

Зарубежными и отечественными авторами разработано множество классификаций ВФК: по методам, стадии проведения, периодичности, полноте охвата объекта и т.д. Все эти классификации носят общий характер и применимы к любому виду контроля, т.е. не учитывают специфики именно ВФК.

В ходе проведенного исследования были выявлены новые признаки классификации ВФК. Их использование позволяет более полно раскрыть его особенности:

- 1) по целевой ориентации ВФК: рискориентированный ВФК, осуществляемый на основе методики COSO, и традиционный — ВФК, целью которого является выполнение формальных требований к данным бухгалтерского учета,
- 2) по наличию законодательного закрепления обязанности организации по осуществлению ВФК:
  - формальный контроль — ВФК, проведение которого обязательно в соответствии с законодательством;
  - неформальный контроль — ВФК, организуемый хозяйствующим субъектом добровольно.

Организация и качество выполнения ВФК непосредственно влияют на:

- надежность и объективность информации, представленной в финансовой отчетности предприятия;
- эффективность совершаемых финансовых операций, включающую обоснованность понесенных затрат.

Таким образом, эффективность ВФК можно рассматривать как один из элементов снижения финансовых рисков, а его неэффективность — как рискообразующий фактор.

Система внутреннего контроля и управления рисками на предприятии включает следующие элементы: контрольная среда, постановка целей, выявление потенциальных событий, оценка рисков, реагирование на риск, средства контроля, информация и коммуникации, мониторинг. Если изначально в данной системе преобладала финансовая составляющая, то на современном этапе развития общества все большее значение начинает уделяться правовому сопровождению хозяйственных операций. В каждом из элементов можно выделить его роль (см. таблицу 1).

Опираясь на определение правового риска как вероятности наступления для компании неблагоприятных последствий вследствие совершения или несоблюдения юридически значимых действий, предлагаем классификацию правовых рисков по уровням источников права:

- риски, обусловленные пробелами или нарушениями принципов и норм международного права, а также волатильностью международного законодательства;
- риски, обусловленные несовершенством федерального законодательства или несоблюдением его норм;
- риски, обусловленные несовершенством российской системы судебного прецедента;
- риски, обусловленные несоблюдением условий договора;
- риски, обусловленные несовершенством законодательства субъектов РФ или несоблюдением его норм;
- риски, обусловленные несовершенством или несоблюдением норм актов органов местного самоуправления;
- риски, обусловленные несоблюдением правового обычая.

Приведенные группы рисков проранжированы по убыванию их значимости для транснациональных компаний.

В условиях реализуемой санкционной политики высший ранг присвоен рискам несоответствия/несоблюдения национального законодательства стран компаний-партнеров. Направленность санкций на российские шельфовые, в том числе и арктические проекты, предопределяет необходимость реа-

Руднева Ю. Р.

Таблица 1. Роль правового сопровождения в системе внутреннего контроля и управления рисками (СВК и УР)

Компоненты СВК и УР	Роль правового сопровождения
Контрольная среда	Контрольная среда является основой для эффективной СВК и УР, обеспечивающей поддержание дисциплины и порядка. Правовое сопровождение заключается в приведении в соответствие с международными и российскими нормами Кодекса деловой этики и Кодекса корпоративного поведения организации.
Постановка целей	Участие в организованном процессе выбора и формирования целей СВК и УР. Для того чтобы установленные цели были понятными, измеримыми и соответствовали миссии и приемлемому для организации уровню риска, а также установлению временных рамок и ответственности лиц за контроль их достижения.
Выявление потенциальных событий	Оценивать события, вызывающие наступление правовых рисков, и разрабатывать мероприятия по недопущению или снижению вероятности их реализации и уменьшению негативных последствий.
Оценка рисков	Проводить качественный анализ правовых рисков и их возможных последствий для выявления приоритетных направлений воздействия.
Реагирование на риск	Выбор стратегии управления правовыми рисками и конкретными мероприятиями по управлению риском.
Средства контроля	Регулярно пересматривать и обновлять методы и процедуры контроля в соответствии с изменениями в деятельности структурных подразделений или организации в целом, а также с требованиями законодательства. Осуществлять процедуры мониторинга изменения законодательных и нормативных требований.
Информация и коммуникации	Соблюдение условий конфиденциальности с клиентами, поставщиками.
Мониторинг	Осуществление непрерывного наблюдения за функционированием средств контроля и выполнением мероприятий по управлению правовыми рисками и их эффективностью со стороны работников организации в пределах компетенции.

лизации российскими нефтяными компаниями мер оперативного и превентивного характера.

Правовой контроль как инструмент риск-ориентированной системы ВФК опирается на два основных инструмента:

- внутренний нормативный акт как основа правового контроля организации закупок товаров, работ, услуг;
- юридическая экспертиза гражданско-правовых договоров.

Правовой основой закупа являются Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – 223-ФЗ), другие федеральные законы и иные нормативно-правовые акты РФ, а также принятый и утвержденный с учетом положений 223-ФЗ внутренний правовой акт, регламентирующий правила закупки, – Положение о закупке.

Правовому сопровождению в системе закупок отведена ключевая роль, исходя из установления основным принципом закупки информационной открытости, что, в частности, означает неукоснительное соблюдение требований законодательства Российской Федерации.

В целях реализации положений 223-ФЗ юристы должны выполнять следующие работы:

- разработка Положения о закупке и его экспертиза;
- разъяснение норм 223-ФЗ и Положения о закупке;
- экспертиза Положений в сфере закупок;
- заключение договоров (по результатам закупки, долгосрочных);
- экспертиза документации по закупке;
- оперативное реагирование на жалобы (защита интересов, корректировка Положения о закупке).

Анализ судебной практики показывает, что споры, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, в большинстве случаев являются следствием подписания неграмотно составленных договоров, либо договоров, разработанных самостоятельно на основе типовых форм без учета особенностей условия операции. Главная функция договорной работы на предприятии – обеспечение юридически и экономически стабильного, прозрачного и предсказуемого режима деятельности и развития компании с минимальными рисками.

В ходе анализа были выявлены недостатки договорной работы, которые вызывают гражданско-правовые и налоговые риски.

Факторами гражданско-правовых рисков, связанными с качеством договорной работы, являются:

- договоры с предметом, не поименованным в ГК РФ или в специальных законах;
- неполнота существенных условий договоров;
- нечеткое разграничение между обязывающими и управомочивающими положениями договоров;
- неясность в части порядка и условий исполнения обязательств;
- неясность последствий ненадлежащего исполнения обязательств;
- неопределенность условий отказа от договора и последствий;
- отсутствие порядка взаимных уведомлений;
- необдуманное заимствование иностранных конструкций;
- несоответствие формального предмета договора реальному.

К недостаткам договорной работы, в результате которых возникают налоговые риски и нерациональное налогообложение, можно отнести следующие:

- договоры, написанные на «экономическом языке» и с нечеткой формулировкой предмета;
- особые договорные формы с предметом, не поименованным в ГК РФ или в специальных законах (допустимые в силу принципа свободы договора), а также сделки с неоднозначным предметом;
- договоры со смешанным предметом;
- сделки, экономическая цель (смысл) которых не соответствует внешней форме;
- договоры с заведомо убыточным результатом;
- сделки или договорные конструкции, лишенные разумной деловой цели;
- фиктивные договоры и операции;
- недостатки документального оформления исполнения сделок.

Таким образом, особенности современного этапа развития внутрикорпоративного финансового контроля требуют повышения внимания к его правовой составляющей. А эффективная работа юристов в общей системе риск-менеджмента организации позволяет предотвратить или снизить негативные последствия не только правовых, но и финансовых проблем.

Казачковская Н. А., Гареева З. А.
СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
СТРАХОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

В статье анализируются этапы формирования системы государственного контроля за страховой деятельностью в России на разных этапах развития страхового дела. Рассмотрены нормативные документы, регламентирующие государственное регулирование страхового рынка России.

Ключевые слова: государственное регулирование, страховщик, страховой надзор, этапы страхового контроля.

Kazachkovskaya N. A., Gareeva Z. A.
THE FORMATION OF THE STATE SUPERVISION
OF INSURANCE ACTIVITIES IN RUSSIA

The article analyzes the stages of formation of the system of state supervision of insurance activities in Russia at different stages of development of insurance business. Regulatory documents governing state regulation of the insurance market of Russia are reviewed.

Keywords: state regulation, the insurer, the insurance control, stages of the insurance control.

Государственный контроль за страховой деятельностью осуществлялся уполномоченными на это органами. В России эту функцию в разное время выполняли различные организации.

Между государственным контролем и надзором существует много общего. И государственный контроль, и государственный надзор — это деятельность компетентных государственных органов, наделенных для достижения поставленных целей соответствующим кругом государственно-властных полномочий. В центре их внимания находятся вопросы соблюдения различными субъектами правоотношений требований действующего законодательства. Контроль и надзор имеют единые формы своего выражения: предварительную, текущую и последующую.

В то же время между контролем и надзором есть принципиальная разница по целям, юридическим технологиям¹.

Одним из первых вопросов об установлении государственного надзора за деятельностью страховых обществ поставил в 1887 г. министр Внутренних дел граф Дмитрий Андреевич Толстой. Императором Александром III 6 июня 1894 г. было утверждено Положение о надзоре за деятельностью страховых обществ и учреждений. Но уже с 1 июля 1894 г. надзор был поручен Страховому Комитету. За период с 1894 по 1902 г. государственным органом страхового надзора были разработаны подробные формы финансовой и статистической отчетности, проведена правовая экспертиза правил по страхованию жизни, установлены правила размещения и хранения денежных средств. Вскоре, в 1904 г., Страховой Комитет был упразднен и вместо него учреждено Особое Присутствие по делам страхования и противопожарных мер Совета по делам местного хозяйства.

Уже в Советском Союзе в 1921 г. при Народном комиссариате финансов было создано главное управление Госстраха. На него было возложено осуществление государственного стра-

хования в РСФСР и в других республиках. Функции Наркомфина в области государственного страхования ограничивались общим руководством. В губерниях были организованы конторы Госстраха, непосредственно подчиненные в административном и оперативном отношении главному правлению. Для работы с населением в городских и сельских местностях привлекались страховые агенты. В 1925 г. законодательно было закреплено, что «страхование во всех его видах является государственной монополией Союза ССР». Проведение налоговой реформы 1930–1931 гг. повлекло за собой необходимость изменения государственной страховой политики. Страховое дело пострадало от некомпетентности и агрессивно-негативного отношения к нему со стороны высших властей. Главными виновниками запущенности страхового дела в начале 30-х гг. были властные структуры, которые, игнорируя сопротивление специалистов страхового дела, проводили явно некомпетентную страховую политику. В 1933 г. система органов государственного страхования была вновь восстановлена. В 1948 г. было утверждено Положение о главном управлении государственного страхования СССР и его органах на местах (Госстрах СССР), которое заменило во многом устаревшее положение 1925 г.

Значительно изменены были организационные основы органов государственного страхования в 1958 г.: страховое дело передано в ведение министерств финансов союзных республик. Оперативная самостоятельность Госстраха в каждой союзной республике не нарушала единства страхового дела, так как

Казачковская Н. А.

Гареева З. А.

1 Бурлачка А. О. Понятие, сущность страхового надзора // Наука и образование. — 2014. — № 8.

Таблица 1. Этапы развития страхования

Признак	Периоды развития страхования		
	Дореволюционный	Послереволюционный	Новейшая история
Наличие конкуренции	Высокая	Отсутствует	Высокая
Потребность в страховании	Высокая	Отсутствует	Высокая
Степень развития страхового надзора	Создание и первые результаты деятельности	Отсутствие полноценного надзорного органа	Регулярные преобразования органов страхового надзора

Отличительные признаки страхового рынка в разные периоды как показатели степени развития страхового надзора

во всех республиках оно проводилось на основе единого законодательства, по единым правилам и инструкциям Министерства финансов СССР.

К числу организационных недостатков этого времени следует отнести дробление ранее единого страхового фонда на 15 неравных частей (по числу союзных республик) без налаживания системы перестрахования².

Демонополизация страхового дела началась в нашей стране только в 1988 г., с принятием Закона «О кооперации в СССР», в соответствии с которым кооперативам разрешалось проводить взаимное страхование. Однако узкое взаимное кооперативное страхование быстро стало перерастать в акционерное страхование. В настоящее время в России действует более двух тысяч акционерных страховых обществ, создана ассоциация страховых организаций, которая охватывает и государственные страховые фирмы³.

В июле 1992 г. был создан Государственный страховой надзор РФ (Госстрахнадзор), который в сентябре 1992 г. был преобразован в Федеральную инспекцию по надзору за страховой деятельностью (Росстрахнадзор). В 1993 г. в соответствии с вступившим в силу законом РФ «О страховании» Федеральная инспекция была переименована в Федеральную службу России по надзору за страховой деятельностью. В августе 1996 г. Федеральная служба как самостоятельная структура была ликвидирована, а ее функции переданы Департаменту страхового надзора, созданному в составе Минфина РФ.

Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» была образована Федеральная служба по финансовым рынкам (далее — ФСФР). В соответствии с данным Указом ей были переданы функции по контролю и надзору упраздненной Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг, функции по контролю и надзору в сфере финансовых рынков упраздненного Министерства труда и социального развития Российской Федерации и функции по контролю деятельности бирж упраздненного Министерства Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства, функции по контролю и надзору в сфере формирования и инвестирования средств пенсионных накоплений Министерства финансов Российской Федерации⁴. 4 марта 2011 г. к ФСФР России была присоединена Федеральная служба страхового надзора.

С 1 сентября 2013 г. полномочия ФСФР России по регулированию, контролю и надзору в сфере страховой деятельности переданы Банку России (Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ)⁵. Для обеспечения исполнения Банком России функций по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков с 1 сентября 2013 г. образована Служба Банка России по финансовым рынкам.

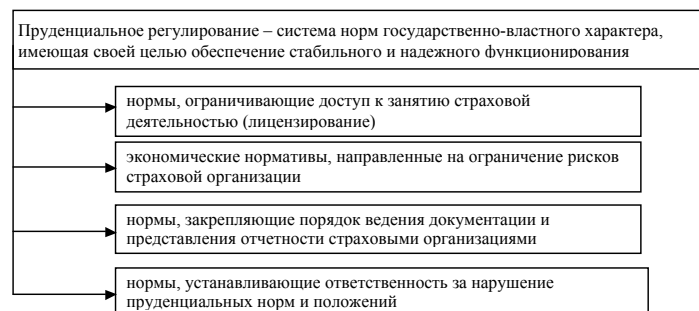
3 марта 2014 г. Служба Банка России по финансовым рынкам упразднена. В структуре ЦБ РФ создан Департамент страхового рынка. Таким образом, в 2014 г. завершился процесс по созданию в России мегарегулятора финансового рынка, одной из функций которого является надзор за страховым делом.

Проанализировав этапы развития страхования в различные периоды, были выделены отличительные признаки страхового рынка, в зависимости от которых можно говорить о необходимости существования страхового надзора и степени интенсивности его развития, которые представлены в таблице 1.

Следует отметить, что в соответствии со Стратегией развития финансового рынка Российской Федерации на период

до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 2043-р, в целях реаллизации задачи по совершенствованию правового регулирования на финансовом рынке необходимо повышение эффективности регулирования финансового рынка путем развития системы пруденциального надзора в отношении участников финансового рынка, который является признанным инструментом надзора за деятельностью как кредитных организаций, так и страховщиков во всем мире, унификации принципов и стандартов деятельности участников финансового рынка.

Пруденциальное регулирование страхового рынка должно осуществляться посредством определения и применения к субъектам страхового дела позиций, представленных на рисунке:

Пруденциальный страховой надзор предусматривает разработку показателей финансовой устойчивости страховой организации, системы риск-ориентирования и мониторинг деятельности страховых организаций посредством данных систем органом страхового надзора.

Важнейшим инструментом пруденциального регулирования являются экономические нормативы деятельности страховых организаций, правом установления которых должен быть наделен федеральный орган исполнительной власти в сфере финансового рынка.

Таким образом, в настоящее время система внешнего контроля нацелена на мониторинг исполнения определенных нормативов. В этом случае, возрастает роль системы внутреннего контроля страховых организаций, которые являются ответственными за формирование и достоверность контролируемых показателей.

Наличие в организации системы внутреннего контроля позволяет предотвратить различные нарушения, потенциальные ошибки и возможные потери, обеспечить законность и эффективность деятельности компании. С января 2014 г. вступили в силу поправки к Федеральному закону «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Они, в частности, обязывают страховые компании организовать систему внутреннего контроля и в течение трех месяцев отчитаться об этом. В рамках этого требования должны были быть внесены изменения в устав страховщиков и разработаны положения о системе внутреннего контроля. По нашему мнению, в настоящее время, можно говорить о новом подходе к организации системы контроля и надзора за страховой деятельностью в России.

Пристатейный библиографический список

1. Бурлачка А. О. Понятие, сущность страхового надзора // Наука и образование. — 2014. — № 8.
2. Ефимов С. Л., Акимов В. В., Борзых В. А. Страхование в России: вехи истории. — М.: Русское слово, 1997.
3. Журавин С. Г. Краткий курс истории страхования. — М.: Анкил, 2005.
4. Ефимов О. Н. Государственный надзор и регулирование страховой деятельности: опорный курс лекций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/23079>.
5. Моисеенко М. В. История страхового надзора России: 1894–2014 гг.: Сб. трудов XV Междунар. науч. — прак. конференции / Казанс. федер. ун-верс. — Казань, 2014. — С. 101–105.

2 Ефимов С. Л., Акимов В. В., Борзых В. А. Страхование в России: вехи истории. — М.: Русское слово, 1997.

3 Журавин С. Г. Краткий курс истории страхования. — М.: Анкил, 2005.

4 Ефимов, О. Н. Государственный надзор и регулирование страховой деятельности: опорный курс лекций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/23079>.

5 Моисеенко М. В. История страхового надзора России: 1894–2014 гг.: Сб. трудов XV Междунар. науч. — прак. конференции / Казанс. федер. ун-верс. — Казань, 2014. — С. 101–105.

Бабичев А. Г.

НАКАЗАНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗА УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА

В статье анализируются вопросы, касающиеся назначения наказания за убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ). Отражаются недостатки уголовно-правовых норм, применяемых при назначении наказания за убийство, совершенное в состоянии аффекта, предлагаются варианты оптимизации некоторых статей УК РФ.

Ключевые слова: убийство, состояние аффекта, наказание, привилегированный состав, дифференциация уголовной ответственности, справедливость, гуманность, особый порядок, досудебное соглашение, потерпевший, виновный, репрессивные меры.

Babichev A. G.

PUNISHMENT IN DOMESTIC CRIMINAL LAW FOR A MURDER COMMITTED IN THE HEAT OF PASSION

The article analyzes the issues related to sentencing for murder committed in the heat of passion (article 107 of the Criminal Code). The shortcomings of the criminal legal provisions applicable at sentencing for murder committed in the heat of passion are reflected, variants of optimization of some articles of the Criminal Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: murder, heat of passion, punishment, the preferred composition, differentiation of criminal liability, justice, humanity, special order, pre-judicial agreement, victim, guilty, repressive measures.

Бабичев А. Г.

Дифференциация уголовной ответственности за убийство, совершенное в состоянии аффекта, путем выделения этого вида в отдельный состав преступления со смягчающими ответственность обстоятельствами (ст. 107 УК РФ), а затем и путем выделения в нем квалифицированного вида данного убийства (ч. 2 ст. 107 УК РФ) предопределила законодательную индивидуализацию наказания за его совершение в санкциях указанных уголовно-правовых норм. Это обстоятельство объясняет особое значение правильной квалификации рассматриваемого вида убийства, что в правоприменительной практике фактически выглядит далеко не идеально.

Санкция ч. 1 ст. 107 УК РФ определяет наказание за основной вид «аффективного» наказания в виде исправительных работ на срок до двух лет, либо ограничение свободы на срок до трех лет, либо принудительные работы на срок до трех лет, либо лишение свободы на тот же срок. Судя по ч. 2 ст. 15 УК РФ, законодатель отнес данный вид «привилегированного» убийства к категории преступлений небольшой тяжести.

В санкции ч. 2 ст. 107 УК РФ указывается наказание в виде принудительных работ на срок до пяти лет, либо лишение свободы на тот же срок. Этот вид убийства, совершенного в состоянии аффекта, законодатель рассматривает как преступление средней тяжести (ч. 3 ст. 15 УК РФ).

Учитывая особую опасность любого умышленного противоправного посягательства на жизнь другого человека, наказание в виде исправительных работ, ограничения свободы и принудительных работ — в санкции ч. 1 ст. 107 УК РФ, а также наказание в виде принудительных работ — в санкции ч. 2 ст. 107 УК РФ как альтернатива лишению свободы, с учетом положения ч. 1 ст. 60 УК РФ, рекомендующей в первую очередь назначать менее строгие наказания, возникает сомнение относительно справедливости законодательной индивидуализации наказания за рассматриваемое преступление.

Сомнение вызывает вся конструкция ч. 1 ст. 60 УК РФ. В ней правильно на первое место при назначении наказания ставится принцип справедливости: «Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание...». Но затем этот принцип отступает на второй план, уступая место принципу гуманности, основным проявлением которого является принцип экономии репрессии, к тому же с предпочтением целесообразности, а не справедливости: «Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совер-

шенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания».

Иными словами, речь скорее идет здесь об эффективном, а значит, целесообразном, чем о заслуженном или справедливом наказании. Но ведь лицо наказывается за конкретное совершенное им преступление. Это совсем не значит, что наказание обращено только к прошлому. Скорее, оно обращено к будущему, поскольку должно воздействовать на его будущее поведение, призвать его сделать правильный вывод из совершенного им деяния и полученного им вознаграждения и преподать наглядный, но разумный урок другим осведомленным об этом гражданам. Такое влияние может оказать только заслуженное, то есть справедливое наказание. Справедливость — это основание всей уголовной политики и уголовного законодательства, прежде всего при решении вопросов уголовной ответственности и наказания. Поэтому законодатель был прав, указав в начале статьи об общих началах назначения наказания на то, что назначенное за совершенное преступление наказание должно быть справедливым, но затем следующим предложением нейтрализовал этот принципиальный посыл. Если убрать фундамент справедливости, которая должна лежать также в основе нравственных законов, то весь каркас здания уголовного законодательства и правоприменительной деятельности непременно разрушится. Эффективно только справедливое законодательство, в рамках которого назначается справедливое (заслуженное) наказание. Правоприменитель также должен действовать только по закону и по совести там, где закон молчит. Целесообразность должна быть дополнением принципиальной справедливости. Там, где целесообразность «перебегает дорогу» справедливости, нередко прячутся произвол, судебные ошибки, неверный прогноз будущего поведения или коррупционная составляющая. К тому же правосудие (правый, справедливый суд, заслуженное наказание и т. п.) не может быть несправедливым.

Следует также согласиться с Ю. А. Васильевым, по мнению которого «принципы распространяются на все нормы, регулирующие уголовно-правовые отношения, в том числе и связанные с назначением наказания, тогда как общие начала отражают лишь те из них, которые наиболее тесно связаны с процессом определения меры ответственности за совершение

конкретного преступления. Общие начала назначения наказания выражают принципы уголовного закона в узкоспециализированной части регулируемых отношений»¹.

При назначении наказания за убийство, совершенное в состоянии аффекта, необходимо, руководствуясь основополагающим принципом справедливости, вытекающими из него принципами дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания, связанными с этим «над-принципом» принципами законности, равенства граждан перед законом и вины, предусмотренными статьями 3–5 УК РФ, исходя из возможностей учитывать при этом интересы не только потерпевшего, но и виновного, а также интересы безопасности любого человека в обществе, быть не только справедливым, но и гуманным, по возможности экономным в применении репрессивных мер к виновным в рамках справедливой целесообразности, необходимо правильно и единообразно применять нормы, регламентирующие назначение уголовного наказания, а также постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»², дополненное постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г.³

Назначая наказание за убийство в состоянии «оправданного» аффекта, суд должен учитывать характер и общественную опасность этого вида преступлений, то, что оно относится к преступлениям небольшой (ч. 1 ст. 107 УК РФ — ч. 2 ст. 15 УК РФ) и средней тяжести (ч. 2 ст. 107 УК РФ — ч. 3 ст. 15 УК РФ), а в рамках санкций ч. 1 и ч. 2 ст. 107 УК РФ наказывать с учетом степени вины и степени общественной опасности лица и совершенного им деяния.

При рассмотрении уголовных дел этой категории следует также руководствоваться постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», которое требует от судов, наряду с установлением цели и способа совершения убийства, определять форму вины, выяснять мотив, послуживший субъективной причиной его совершения, исследовать иные обстоятельства, имеющие значение для правильной квалификации преступления и назначения осужденному справедливого и целесообразного наказания.

Наказание носит личный характер. Оно назначается только применительно к самому преступнику и ни в коем случае

не должно затрагивать интересы его близких, других людей или назначаться «в назидание» другим людям.

Суды первой апелляционной, кассационной и надзорной инстанций вправе переqualифицировать преступление с одной статьи на другую или на несколько других статей или частей статей уголовного закона, предусматривающих ответственность за менее тяжкое преступление, если при этом не ухудшается положение осужденного и не нарушается его право на защиту. При этом наказание, назначенное по совокупности преступлений, не может быть более строгим, чем максимальное наказание, предусмотренное санкцией статьи УК РФ, по которой было квалифицировано преступление в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении.

При особом порядке судебного разбирательства наказание не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 1 ст. 62 УК РФ, ст. 316 УПК РФ).

При наличии исключительных обстоятельств суд может назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено, а также применять иные правила смягчения наказания, предусмотренные Общей частью УК РФ (ст. 64 УК РФ).

«В случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктом «и» части первой статьи 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок и размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ», в данном случае ст. 107 УК РФ (ч. 2 ст. 62 УК РФ).

Анализ приговоров по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 107 УК РФ, показывает, что за совершение «аффективных» убийств нередко назначается лишение свободы и в 32% случаев с применением ст. 73 УК РФ, то есть условно.

Осуждая к лишению свободы, в том числе условно, суды игнорируют то обстоятельство, что это более строгий вид наказания, чем исправительные работы и ограничение свободы, также предусмотренные ст. 107 УК РФ, и тем самым нарушают требования ч. 1 ст. 60 и ч. 1 ст. 56 УК РФ.

Пристатейный библиографический список

- 1 Васильев Ю. А. Практика назначения наказания по делам об убийствах: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. — Омск, 2011. — С. 16.
- 2 Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2007. — № 4.
- 3 См.: Бабичев А. Г. Ответственность за убийство при некоторых смягчающих обстоятельствах на постсоветском пространстве // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 10. — С. 169 – 172.

1. Бабичев А. Г. Ответственность за убийство при некоторых смягчающих обстоятельствах на постсоветском пространстве // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 10. — С. 169 – 172.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2007. — № 4.
3. Васильев Ю. А. Практика назначения наказания по делам об убийствах: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — Омск, 2011.

Лядов Э. В.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА, К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

В статье рассматриваются вопросы применения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, предусмотренных ч. 1 ст. 88 УК РФ в отношении несовершеннолетних. Согласно указанной статье видами наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, применяемых к несовершеннолетним, являются: а) штраф; б) лишение права заниматься определенной деятельностью; в) обязательные работы; г) исправительные работы; д) ограничение свободы.

Ключевые слова: альтернативы лишению свободы, штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, наказания, не связанные с лишением свободы.

Lyadov E. V.

FEATURES OF THE APPLICATION OF PUNISHMENTS NOT CONNECTED WITH ISOLATION FROM SOCIETY TO MINORS

The article deals with the application of criminal sanctions, not connected with isolation from society, under Part 1 of Art. 88 of the Criminal Code in respect of minors. According to this article, types of punishments not connected with isolation from society applied to minors are: a) fines; b) deprivation of the right to engage in certain activities; c) compulsory works; d) community work; e) the restriction of freedom.

Keywords: alternatives to imprisonment, fine, denial of the right to engage in certain activities, community service, corrective labor, restriction of freedom, punishment not connected to imprisonment.

Лядов Э. В.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации располагает достаточно обширным перечнем наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, при этом ст. 88 УК РФ предусмотрены уголовные наказания, которые могут назначаться несовершеннолетним преступникам, объем которых составляет чуть менее 50% от всего предусмотренного ст. 44 УК РФ перечня видов наказаний. В систему уголовных наказаний для несовершеннолетних не вошли наказания, которые нецелесообразно назначать данной категории преступников в силу возрастных особенностей, социального, правового, фактического положения.

Уголовное наказание — важное средство борьбы с преступностью, в том числе с преступностью несовершеннолетних. Это можно утверждать, основываясь на сформулированных в уголовном законодательстве целях наказания. Часть 2 ст. 43 УК РФ гласит, что наказание, помимо такой цели, как восстановление социальной справедливости, применяется в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. При этом необходимо отметить, что эффективность применяемых мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних лиц напрямую зависит от последовательной реализации таких принципов, как дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и наказания.

Следует обозначить, что система уголовных наказаний представляет собой составную часть системы права в целом и уголовного права в частности. Как и наказание, она должна соответствовать определенным историческим и социальным условиям, отражать интересы того строя, в рамках которого эта система существует¹. Говоря в целом о существующей системе уголовных наказаний, можно обозначить, что в ней проявляется присущая современной уголовной политике российской государства гуманизация и либерализация в области применения наказаний.

Согласно ст. 88 УК РФ видами наказаний, не связанных с изоляцией от общества, применяемых к несовершеннолетним осужденным, являются:

- а) штраф;
- б) лишение права заниматься определенной деятельностью;
- в) обязательные работы;
- г) исправительные работы;
- д) ограничение свободы.

Назначая наказание несовершеннолетнему, суд должен учитывать, что определенные позитивные последствия его применения в то же время сопряжены с нежелательными его свойствами, такими как: отрыв осужденного от привычных для него условий жизни в обществе, разрыв имевшихся социально-полезных связей, отрыв или даже прекращение образовательного цикла, прекращение трудовой деятельности, занятий спортом, различными видами творчества и др. Но все это в первую очередь касается такого вида наказания, как лишение свободы, и поэтому суд должен назначать его несовершеннолетнему преступнику только в самом крайнем случае. На первое место должны выдвигаться уголовно-правовые меры, не связанные с изоляцией от общества, преимущественное применение к несовершеннолетним воспитательных мер воздействия, позволяющих исправлять подростков в условиях семьи, школы, трудового коллектива².

Об этом же говорится в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 № 1: «Судам при назначении наказания несовершеннолетнему наряду с обстоятельствами, предусмотренными статьями 6, 60 УК РФ, надлежит учитывать условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также обстоятельства, предусмотренные ст. 89 УК РФ, в том числе влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. Наказание несовершеннолетнему в виде лишения свободы суд вправе назначить только в случае признания невозможности его исправления без изоляции от общества, с приведением мотивов принятого решения»³.

1 Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. — Москва: Юрид. лит-ра, 1973. — С. 224.

2 Лядов Э. В. О применении к несовершеннолетним видов уголовного наказания, альтернативных лишению свободы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». — 2009. — № 2 (6). — С. 78.

3 О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации удельный вес несовершеннолетних осужденных по отношению ко всем осужденным имеет отрицательную динамику. Так, в 2003 г. он составил 12,5%, 2004–12,3; 2005–11,3; 2006–9,0; 2007–9,2; 2008–7,9; 2009–6,3; 2010–5,6; 2011–4,9; 2012–4,4; 2013–3,96%.

В системе наказаний, предусмотренных ст. 88 УК РФ, которые могут быть применены к несовершеннолетним, наказание в виде штрафа находится на первом месте. Штраф представляет собой наказание имущественного характера, поскольку затрагивает именно сферу имущественных интересов виновного. Минимальный размер штрафа, назначенный несовершеннолетним, не может быть ниже одной тысячи рублей либо размера заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период менее двух недель.

М. Д. Шаргородский отмечал, что «изменения в экономическом положении граждан, значительное улучшение материально положения подавляющего большинства трудящихся создало необходимость пересмотра отношения к этой мере наказания»⁴. Штрафы следует применять за многие неосторожные деяния и многие другие, менее значительные преступления⁵. Высказывания М. Д. Шаргородского не потеряли своей актуальности и в настоящее время.

Как правильно отмечает О. Н. Баженов, расширение судебной практики по назначению штрафа во многом способствует решению социально-экономических проблем в отдельных регионах⁶.

В целом можно отметить тенденцию на увеличение объема наказания в виде штрафа в санкциях Особенной части Уголовного кодекса, что свидетельствует о стремлении законодателя гуманизировать уголовную политику государства.

Значительное увеличение количества статей, санкции которых предусматривают штраф в качестве альтернативы в выборе вида наказания, произошло после внесения в УК РФ 1996 г. большого количества изменений Федеральным законом № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»⁷. В дальнейшем существенно скорректировали правовую регламентацию назначения штрафа изменения и дополнения, внесенные в Уголовный кодекс РФ Федеральными законами № 97-ФЗ от 04.05.2011⁸ и № 420-ФЗ от 07.12.2011⁹.

В настоящее время общее число статей, предусматривающих штраф, увеличилось в УК РФ практически до 3/4. Он включен сейчас в санкциях 232 статей (462 санкции),

или в 72,3% от общего количества статей Особенной части УК РФ¹⁰.

Говоря о практике применения штрафа к несовершеннолетним, можно отметить значительное, более чем в восемь раз, увеличение его назначения с 2004 г. Так, анализируя десятилетний период, можно увидеть следующую динамику удельного веса несовершеннолетних, осужденных к данному наказанию: 2003 г. — 0,7%; 2004–8,2; 2005–8,9; 2006–6,7; 2007–8,9; 2008–10,2; 2009–10,6; 2010–10,4; 2011–11,1; 2012–12,0; 2013–11,8%¹¹.

Необходимо сказать, что основная доля преступлений, совершаемых несовершеннолетними, носит имущественный характер. Исходя из этого, можно отметить, что, вероятно, назначение штрафа в качестве основного наказания приобретает особую значимость именно в отношении несовершеннолетних преступников, так как основной удельный вес преступлений¹², совершаемых ими, представлен в виде кражи чужого имущества, то есть преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, санкция которой прямо предусматривает штраф в качестве одного из основных наказаний.

Штраф может применяться в качестве основного и дополнительного наказания. Как основное наказание штраф может быть назначен, если он предусмотрен в санкции статьи Особенной части УК, а также при назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК). Как дополнительный вид наказания штраф может быть назначен только в случаях, когда это предусмотрено в санкции соответствующей статьи Особенной части Кодекса (ч. 4 ст. 46 УК).

В то же время следует сказать об особенностях применения данного наказания в отношении несовершеннолетних, поскольку он может назначаться несовершеннолетнему при наличии самостоятельного заработка либо имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых. В отношении несовершеннолетних в возрасте 14–16 лет назначение штрафа не имеет смысла, так как возможности заплатить его, как правило, ничтожны¹³. А что касается подростков от 16 до 18 лет, применение штрафа вполне реально. В настоящее время многие подростки подрабатывают: разносят газеты, распространяют флайеры, продают в коммерческих ларьках, подрабатывают на бензозаправках, занимаются предпринимательской деятельностью. Подростки же из обеспеченных семей уже обладают некоторым собственным имуществом. Но, несомненно, прежде чем применять данный вид наказания к несовершеннолетнему, суд должен убедиться в реальной возможности его уплаты. В данном контексте необходимо обратить внимание на положения закона, а именно ч. 2 ст. 88 УК РФ, устанавливающего возможность, по решению суда, взыскания штрафа, назначенного несовершеннолетнему осужденному, с его родителей или иных законных представителей с их согласия.

Данная позиция законодателя, на наш взгляд, является не совсем верной, поскольку при такой формулировке закона несовершеннолетние, родители которых обладают высоким материальным достатком, оказываются в значительно лучшем положении, чем те, семейный доход которых является невысоким, а порой на уровне прожиточного минимума. Помимо этого, думается, можно согласиться с мнением Ю. В. Голика,

несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 01 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 02 апреля 2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. — 2011. — № 4. — апрель.

4 Шаргородский М. Д. Избранные труды / Сост. и предисловие докт. юрид. наук, проф. Б. В. Волженкина. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. — С.389.

5 Там же. — С. 390.

6 Баженов О. Н. Наказание в виде штрафа: проблемы законодательного закрепления, назначения и исполнения: Автореф. ...канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 9.

7 О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 07 декабря 2011 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2003. — № 50. — Ст. 4848.

8 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федер. закон от 04 мая 2011 г. № 97-ФЗ (ред. от 04 июня 2014 г.) // Рос. газ. — 2011. — 06 мая.

9 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) // Парламентская газ. — 2011. — 16–22 дек.

10 Лядов Э. В. Уголовное наказание в виде штрафа в практике российских судов // Юридическая мысль: научно-практический журнал. — № 4 (84). — 2014. — Санкт-Петербург. — С. 119.

11 Лядов Э. В. Там же. — С. 121.

12 По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, удельный вес несовершеннолетних осужденных, совершивших кражу, в общем числе осужденных несовершеннолетних ежегодно составляет 44–49%.

13 Ибрагимов А. М. Проблемы назначения наказания несовершеннолетним: Дис. ...канд. юрид. наук. — Махачкала, 2000. — С. 88.

который отмечает, что в данном случае мы столкнулись с институтом гражданского права в уголовном праве¹⁴. Штраф является уголовным наказанием и, соответственно, должен нести определенный карательный заряд, но в существующем в настоящий момент воплощении по отношению к несовершеннолетним преступникам он является компенсационной мерой, а компенсационный характер имеет именно гражданско-правовая ответственность. Помимо этого, согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ «наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод» именно этого лица, а не какого-либо другого. Получается, что при реализации данной нормы уголовной ответственности подвергаются законные представители несовершеннолетнего, что является неприемлемым. Следствием такого подхода будет, соответственно, и очень низкая эффективность данного вида наказания.

Пункт «б» ч. 1 ст. 88 УК РФ предусматривает назначение несовершеннолетнему наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью. Согласно ч. 2 ст. 45 и ст. 47 УК РФ лишение права заниматься определенной деятельностью может назначаться в качестве основного либо дополнительного наказания. Оно состоит в запрещении заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью, например, лишении права на занятие предпринимательской деятельностью, права вождения автомобиля, права охоты и пр.

Законодатель не включил в ст. 88 УК РФ никаких рекомендаций, связанных с особенностями назначения несовершеннолетнему данного вида наказания и сроков, которые суд вправе определить при его выборе. Таким образом, можно сделать однозначный вывод, что данный срок будет таким же, как и для взрослых правонарушителей, то есть от 1 до 5 лет в качестве основного наказания, и от 6 месяцев до 3 лет в качестве дополнительного. Такой подход законодателя к данному виду наказания можно рассматривать как некоторое упущение, поскольку размеры и сроки видов наказаний, перечисленных в ст. 88 УК РФ, имеют предел почти в два раза ниже, чем для взрослых преступников.

Данный вид наказания является малоприменяемым. Об этом можно судить, основываясь на статистических данных ФСИН России. По данным Управления организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (далее — УОИНИО), число несовершеннолетних, осужденных к данному виду наказания, состоявших на учете уголовно-исполнительных инспекций (далее — УИИ), является незначительным. Так, в период с 2006 по 2012 гг. удельный вес таких осужденных в общем количестве несовершеннолетних осужденных, прошедших по учетам УИИ, составил 0,1% и только в 2013 г. немного увеличился и достиг 0,2%.

Пункт «в» ст. 88 УК РФ содержит такой вид уголовного наказания, как обязательные работы, которые могут назначаться несовершеннолетним.

Данный вид наказания не противоречит общепризнанным международным стандартам обращения с преступниками. Так, например, в Стандартных минимальных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), в пп. «i» п. 8 среди возможных санкций, которые могут предусматривать органы, выносящие приговоры, называется и постановление о выполнении общественно-полезных работ¹⁵.

В соответствии с ч. 1 ст. 49 УК РФ обязательные работы заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно-полезных работ. Вид обязательных работ и объекты, на которых они отбываются, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями.

Время, на которое может устанавливаться данный вид наказания, для несовершеннолетних ограничено пределами от сорока до ста шестидесяти часов. Причем ч. 3 ст. 88 акцентирует внимание на том, что обязательные работы заключаются в выполнении работ, посильных для несовершеннолетнего, и исполняются им в свободное от учебы или основной работы время. Продолжительность исполнения данного вида наказания лицами в возрасте до пятнадцати лет не может превышать двух часов в день, а лицами в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет — трех часов в день.

Обязательные работы могут заключаться, например, в благоустройстве населенного пункта, в котором проживает осужденный (посадка деревьев, уборка территории, покраска заборов и пр.). Обязательные работы, в определенной степени ограничивая свободу, являются наиболее щадящим способом воздействия на личность. Они могут выступать в отношении несовершеннолетних вполне эффективным наказанием.

По данным УОИНИО, число несовершеннолетних, осужденных к обязательным работам, состоявших на учете УИИ, ежегодно растет. Так, в 2006 г. удельный вес таких осужденных в общем количестве несовершеннолетних осужденных, прошедших по учетам УИИ, составил 5,5%, в 2007–9,5%, 2008–11,7, 2009–12,7, 2010–14,6, 2011–16,9, 2012–20,9, 2013–24,0%.

Следующим видом наказания, альтернативным лишению свободы, которое может быть применено к несовершеннолетнему по приговору суда, является наказание в виде исправительных работ. Исправительные работы, оказывая психологическое воздействие на осужденного, в то же время порождают для него последствия имущественного порядка, выражающиеся, в первую очередь, в уменьшении размера заработной платы осужденного.

По действующему УК РФ, после внесения изменений Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ¹⁶, исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его. Осужденный, имеющий основное место работы, отбывает исправительные работы по основному месту работы. Осужденный, не имеющий основного места работы, отбывает исправительные работы в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства осужденного.

Данный вид наказания может применяться в тех случаях, когда характер и степень опасности совершенного преступления и личность виновного свидетельствуют о том, что несовершеннолетний не нуждается в лишении свободы и его исправление может быть достигнуто в обычных условиях свободы и трудовой деятельности. Особенность его назначения в отношении несовершеннолетних заключается в правиле ч. 4 ст. 88 УК РФ, устанавливающим, что исправительные работы назначаются последним на срок не более одного года.

По данным УОИНИО, число несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам, состоявших на учете УИИ, находится примерно на одном уровне. Так, в 2006 г. удельный вес таких осужденных в общем количестве несовершеннолет-

14 Голик Ю. В. Коррупция непобедима? / Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики 27–28 мая 2008 г.: сб. материалов конф. — СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. — С. 54.

15 Организационно-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Сборник нормативно-правовых актов / Под ред. О. В. Филимонова. — М.: PRL, 2002. — С. 107–108.

16 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2011. — № 50. — Ст. 7362.

них осужденных, прошедших по учетам УИИ, составил 1,8%, в 2007–1,5%, 2008–1,7, 2009–1,5, 2010–1,2, 2011–0,9, 2012–1,8, 2013–1,4%.

Последним видом наказания, альтернативным лишению свободы, которое может быть применено к несовершеннолетнему по приговору суда, является наказание в виде ограничения свободы. В соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ обязательными ограничениями являются: запрет на изменение места жительства или пребывания без согласия УИИ и запрет на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования.

К дополнительным ограничениям относятся: а) не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток; б) не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования; в) не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях; г) не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия УИИ, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Особенность его назначения в отношении несовершеннолетних заключается в правиле, установленном ч. 5 ст. 88 УК РФ, устанавливающим, что ограничение свободы назначается только в виде основного наказания на срок от двух месяцев до двух лет.

По данным УОИНИО, число несовершеннолетних, осужденных к ограничению свободы, состоявших на учете УИИ, с момента его введения в действие в новой редакции ежегодно увеличивается. Так, в 2010 г. удельный вес таких осужденных в общем количестве несовершеннолетних осужденных, прошедших по учетам УИИ, составил 0,8%, в 2011–2,3%, 2012–3,6, 2013–4,8%.

В заключение отметим, что основной целью законодателя и правоприменителя должна быть не изоляция лица, совершившего преступление, и особенно несовершеннолетнего, а применение к нему соответствующего наказания для осознания последним противоправности содеянного и предупреждения с его стороны совершения нового преступления.

Пристатейный библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федер. закон от 04 мая 2011 г. № 97-ФЗ (ред. от 04 июня 2014 г.) // Российская газета. — 2011. — 06 мая.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) // Парламентская газ. — 2011. — 16–22 дек.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2011. — № 50. — Ст. 7362.
4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 07 декабря 2011 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2003. — № 50. — Ст. 4848.
5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 01 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 02 апреля 2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. — 2011. — № 4. — апрель.
6. Баженов О. Н. Наказание в виде штрафа: проблемы законодательного закрепления, назначения и исполнения: Автореф. ... канд. юрид. наук. — М., 2013.
7. Голик Ю. В. Коррупция непобедима? / Уголовная политика и уголовное законодательство: проблемы теории и практики 27–28 мая 2008 г.: Сб. материалов конф. — СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008.
8. Ибрагимова А. М. Проблемы назначения наказания несовершеннолетним: Дис. ... канд. юрид. наук. — Махачкала, 2000.
9. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. — М.: Юрид. лит-ра, 1973.
10. Лядов Э. В. О применении к несовершеннолетним видов уголовного наказания, альтернативных лишению свободы // Вестник Самарской гуманитарной академии. — Серия «Право». — 2009. — № 2 (6).
11. Лядов Э. В. Уголовное наказание в виде штрафа в практике российских судов // Юридическая мысль: научно-практический журнал. — 2014. — № 4 (84).
12. Организационно-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Сборник нормативно-правовых актов. / Под ред. О. В. Филимонова. — М.: PRI, 2002.
13. Шаргородский М. Д. Избранные труды / Сост. и предисловие докт. юрид. наук, проф. Б. В. Волженкина. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004.

Мамакина В. М.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КЛЕВЕТУ В ОТНОШЕНИИ СУДЬИ, ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ, ПРОКУРОРА, СЛЕДОВАТЕЛЯ, ЛИЦА, ПРОИЗВОДЯЩЕГО ДОЗНАНИЕ, СУДЕБНОГО ПРИСТАВА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Статья посвящена общей характеристике состава преступления, предусмотренного ст. 298.1 УК РФ сквозь призму законодательной техники и дифференциации ответственности. Проведенный уголовно-правовой анализ законодательства РФ и зарубежных стран позволил автору предложить внести ряд изменений, дифференцировать на законодательном уровне ответственность за клевету, содержащуюся в средствах массовой информации. Предлагается новая редакция статьи.

Ключевые слова: уголовное право, законодательная техника, дифференциация ответственности, клевета.

Мамакина В. М.

Mamakina V. M.

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF RESPONSIBILITY FOR SLANDER CONCERNING THE JUDGE, THE JUROR, THE PROSECUTOR, THE INVESTIGATOR, THE PERSON MAKING INQUIRY, THE BAILIFF BY THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES THROUGH A PRISM OF LEGISLATIVE TECHNIQUE AND DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY

Article is devoted to a general characteristic of corpus delicti of the Criminal Code of Russian Federation provided by Art. 298.1 through a prism of legislative equipment and differentiation of responsibility. The carried-out criminal and legal analysis of the legislation of the Russian Federation and foreign countries allowed the author to suggest to make a number of changes, and also to differentiate responsibility for the slander contained in mass media at the legislative level. New edition of article is offered.

Keywords: criminal law, legislative equipment, differentiation of responsibility, slander.

Общественная опасность данного деяния выражается в том, что клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, являющихся представителями различных ветвей власти — судебной, исполнительной, надзорной, контрольной — подрывает престиж и авторитет судебной власти и правоохранительных органов, мешает процедуре отправления правосудия или иной деятельности, обеспечивающей осуществление правосудия, унижает честь и достоинство суда, других участников судебного процесса.

Принято относить состав, предусмотренный ст. 298.1 УК РФ, к так называемым двубъектным составам преступлений. Поскольку речь идет о наличии как основного, так и дополнительного объекта, справедливо замечание Л. Л. Кругликова, Л. Д. Гаухмана, И. М. Тяжковой о двубъектности состава¹. Если при совершении конкретного преступления «вред причиняется не одному, а сразу нескольким видам общественных отношений, каждое из которых лежит в плоскости разных видовых и родовых объектов. В подобных случаях принято говорить о наличии ряда объектов преступления, иными словами, о многообъектных преступлениях»².

Таким образом, основным объектом преступления являются общественные отношения, гарантирующие авторитет органов власти и нормальное отправление правосудия или иной деятельности, обеспечивающей осуществление правосудия, в качестве дополнительного объекта — честь и достоинство участников судебного разбирательства. Данное деяние

может причинить вред независимости суда и процессуальной самостоятельности судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя и т. д.

Механизм преступного воздействия на объект посягательства, обладая определенными универсальными чертами, присущими всем без исключения преступным посягательствам, имеет свою неповторимую индивидуальность, которая зависит от характера, вида и содержания общественного отношения, выступающего объектом преступления.

Структура общественных отношений состоит из трех элементов:

- 1) участников общественных отношений — представителя власти и субъекта преступления;
- 2) тех предметов (благ), по поводу которых возникли и существуют общественные отношения — авторитет, нормальная работа органов, честь и достоинство представителя власти;
- 3) взаимосвязи между участниками (субъектами) и предметами (объектами) общественных отношений — в связи или при исполнении должностных обязанностей представителем власти³.

В рассматриваемых нами случаях если виновный свое преступное деяние направляет на взаимосвязь между участниками общественного отношения, то он тем самым видоизменяет содержание указанной взаимосвязи, подрывает авторитет судебной власти, нарушает нормальную работу определенного органа, вызывает отрицательное отношение окружающих к представителю власти, наполняя ее негативным смыслом.

В литературе не наблюдается единства мнений о способе изложения перечня потерпевших в названии и диспозиции анализируемой статьи. Так, Л. А. Спектор обобщает их по признакам выполняемых ими функций и относит к ним судей, иных лиц, участвующих в отпадении правосудия и судебном разбирательстве, а также лиц, занимающихся производством предварительного расследования и исполнением приговора

1 См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный) / Отв. ред. Л. Л. Кругликов. — М., 2005. — С. 419; Уголовное право. Особенная часть / Под ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. — С. 112–113; Курс уголовного права. Особенная часть. — Т. 3 / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. — С. 316.

2 См.: Кругликов Л. Л. Основные проблемы реформирования проблемы реформирования уголовно-правовых норм об экономических преступлениях и практики их применения на современном этапе развития России. — Ярославль, 2012. — С. 132.

3 См.: Там же. — С. 124.

и иного судебного акта⁴. И. В. Дворянсков, напротив, предлагает идти по пути конкретизации списка, выделяя судей, присяжных или арбитражных заседателей, прокурора, следователя, дознавателя, судебного пристава, сотрудника уголовно-исполнительной системы, иного лица, исполняющего их обязанности⁵.

Полагаем верным отметить применение законодателем такого приема законодательной техники, как «фикция», и согласиться с И. В. Дворянсковым, что в ч. 2 ст. 298.1 УК «использована несуществующая в уголовно-процессуальном праве терминология, в частности лицо, производящее дознание. Уголовно-процессуальное законодательство оперирует понятием «дознаватель»⁶. Предлагаем устранить указание на лиц, производящих дознание, из диспозиции ч. 2 ст. 298.1 УК. Согласно ст. 41 УПК РФ к лицам, производящим дознание, относятся только дознаватели.

Потерпевшими в результате совершения рассматриваемого преступления признаются судья, присяжные заседатели или иные лица, участвующие в отправлении правосудия, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, судебный пристав. Предлагаем провести унификацию дефиниции и убрать указание на «иное лицо, участвующее в отправлении правосудия» из диспозиции ч. 1 ст. 298.1 и ч. 2 ст. 297 УК РФ. К лицам, участвующим в осуществлении правосудия наряду с судьями, относятся только присяжные заседатели (ч. 2 ст. 30 УПК) и арбитражные заседатели (ч. 1, ч. 3 ст. 17, ст. 19 АПК).

По степени обобщенности материала перечень потерпевших по ст. 298.1 законодателем изложен казуистическим способом. В зависимости от использования элементов юридической нормы употреблена их бланкетная форма выражения.

УК Республики Казахстан в ст. 343 также предусматривает уголовную ответственность за клевету в отношении судьи, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя. В ч. 1 указывается на возможность привлечения к ответственности виновного за клевету в отношении судьи в связи с рассмотрением дел или материалов в суде. Части 2 и 3 сформулированы аналогично ч. 2 и 3 ст. 298.1 УК РФ. Статья 304 УК Республики Молдова определяет уголовную ответственность за клевету в отношении судьи, лица, осуществляющего уголовное преследование, либо лица, содействующего осуществлению правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в судебной инстанции, сопряженную с обвинением этих лиц в совершении тяжкого, особо тяжкого или чрезвычайно тяжкого преступления. УК Туркменистана предусматривает ответственность за клевету в отношении судьи, народного заседателя, прокурора, следователя или лица, производящего дознание (ст. 192).

В ряде государств содержится общее положение о клевете в отношении любого гражданина независимо от его статуса.

Так, УК Аргентины предусматривает ответственность за «совершение клеветы или ложного обвинения в преступлении...» (ст. 109), за опубликование или любым способом воспроизведение клеветы, совершенной другим лицом (ст. 113).

Сопоставительный анализ первоначальной редакции ст. 298.1 УК с последующими ее редакциями позволяет сделать вывод, что уровень дифференциации ответственности в ней — с помощью квалифицирующих признаков — не претерпел никаких изменений. Изменения коснулись лишь санкции указанной нормы. Принцип дифференциации ответственности и наказания реализован не в полной мере. Статья 298.1 УК РФ Федеральным законом № 420 от 07.12.2011 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации

и отдельные законодательные акты Российской Федерации» была признана утратившей силу. Деяние было декриминализовано и перемещено в Кодекс об административных правонарушениях. Однако современное состояние жизни государства указало на несвоевременность решения законодателя об исключении уголовной ответственности за указанное деяние и необходимость его восстановления. Федеральный закон № 141 от 28.07.2012 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» дополнил Уголовный кодекс РФ ст. 298.1 с наименованием, аналогичным ст. 298 УК РФ. Разница между отмененной ст. 298 УК РФ и нынешней ст. 298.1 — лишь в видах и размерах наказания (действующая редакция закона предусматривает только два вида наказания: штраф и обязательные работы, размер которых увеличен в несколько раз).

Обязательным признаком объективной стороны любого состава преступления является общественно опасное деяние. А такие признаки, как способ, место, средства и обстановка, отнесены к факультативным. Однако в рассматриваемом составе признаки, выступающие факультативными, вытекают из диспозиции статьи и, соответственно, признаются обязательными. Способ совершения оскорбления — это неприличная форма выражения. К средствам относятся, например, оскорбительные слова и выражения, унижающие честь и достоинство потерпевшего. Публичность характеризует признак обстановки и места. Время совершения преступления не имеет такого значения, как обстановка и место. Совершение оскорбления «при исполнении им своих должностных обязанностей» или «в связи с их исполнением» относится к признаку обстановки. Местом совершения преступления выступает, например, забор, площадь и т. д.

Отдельные зарубежные уголовные кодексы указывают факультативные признаки объективной стороны, признаваемые в данном случае обязательными в диспозиции статьи, т. е. место, обстановка, при которых могут быть сделаны соответствующие обвинения: на собраниях либо в общественных местах; в присутствии нескольких лиц в месте, не являющемся общественным, но доступном для определенного количества граждан, имеющих право собираться там и проводить дискуссии; в любом месте в присутствии оскорбленного лица и перед свидетелями. Далее законодатель закрепляет формы клеветы: «в письменной форме, типографской или нет, в форме картинок или эмблем, выставленных для продажи или для обозрения публики»; «в письменной форме, не имеющей публичного характера, однако адресованной или сообщенной многим лицам» (ст. 444 УК Бельгии). Также тюремному заключению подлежит лицо, сделавшее клеветническое заявление в орган власти либо направившее в письменном виде клеветнические обвинения лицу в отношении его подчиненного (ст. 445).

По УК Болгарии, в отличие от большинства стран, состав клеветы может признаваться как формальным, так и материальным, о чем свидетельствует следующая формулировка ст. 148 — «за клевету, повлекшую тяжкие последствия...».

Объективную сторону рассматриваемого деяния образует клевета в адрес указанных в диспозиции ст. 298.1 лиц: судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде либо в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава в связи с производством предварительного расследования или исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта.

При изложении законодателем анализируемой нормы использовано такое средство законодательной техники, как перечисление, т. е. расположение в определенном порядке в виде списка совокупности лиц, обстоятельств, действий или явлений в тексте закона. Перечисление применяется в целях упорядочения излагаемых положений закона для облегчения

4 Спектор Л. А. Судебная власть как объект уголовно-правовой охраны: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. — С. 16.

5 Дворянсков И. В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 21.

6 Там же. — С. 49.

его понимания. В данной статье в части первой использован примерный перечень, оформленный в виде сплошного текста, а во второй части — исчерпывающий перечень со строгим соподчинением составных частей, также оформленный в виде сплошного текста.

Важная роль при конструировании составов преступлений против чести и достоинства представителя власти отводится логическим средствам, правилам и приемам.

С точки зрения дифференциации ответственности ст. 298.1 УК предусматривает ответственность за два самостоятельных состава: клевету в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде (ч. 1) и клевету в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава в связи с производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта (ч. 2). Анализ санкций частей 1 и 2 ст. 298.1 свидетельствует о разнице в уровне защищенности представителей власти; так, штраф за совершение клеветы в отношении прокурора (до одного миллиона рублей) в два раза меньше, чем за аналогичное деяние в отношении судьи (до двух миллионов рублей). Полагаем, что использование подобной конструкции нормы права, вызванное стремлением законодателя к выделению особого статуса судьи по отношению к другим потерпевшим в ст. 298.1 УК, приводит к нарушению «логического блока» законодательной техники в части построения квалифицированных составов.

Считаем нецелесообразным соглашаться с мнением Н. А. Егоровой, что преобладающая дифференциация ответственности, предполагающая выделение в отдельный состав клеветы в зависимости от особенностей потерпевшего как субъекта процессуальных отношений, не оправдана, так как интересы правосудия едины на всех его этапах, «и ценность таких дополнительных объектов, как честь, достоинство и репутация лиц, названных в ч. 1 и ч. 2 ст. 298.1 УК, тоже не поддается градации»⁷. Поскольку прокуратура, являясь правоохранительным надзорным органом, не входит в судебную систему.

Дифференциация уголовной ответственности в Особенной части УК осуществляется законодателем посредством квалифицированных составов и соответствующих им более строгих санкций. Полагаем верным предложить поменять местами ч. 1 и ч. 2 ст. 298.1 УК.

Принятый 28 июля 2012 г. Федеральный закон № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» вновь криминализировал общий состав клеветы (ст. 129 в редакции ст. 128.1 УК РФ), добавив новые особо квалифицирующие признаки⁸. Так, по ст. 128.1 особо квалифицированные составы — клевета, совершенная с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 128.1); клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера (ч. 4 ст. 128.1); клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 5 ст. 128.1).

Возможно, это послужило поводом для отдельных ученых выступить с предложением о включении всего блока квалифицирующих признаков ст. 128.1 в ст. 298.1 УК. Например, И. В. Дворянсков полагает, что отсутствие таких квалифициру-

ющих признаков в ст. 298.1 УК «вряд ли справедливо. По сути, в зависимости от них меняется квалификация деяния, а значит и объект посягательства»⁹.

Излишней видится детализация законодателем информации, подпадающей под определение клеветы по ч. 5 ст. 298.1 УК. Отсутствие в научной литературе точного и полного определения сведений, образующих клевету, все же не должно приводить к неоправданному перебору элементов в создаваемых нормативных построениях. Считаем, что выделение указанного в ч. 5 способа совершения клеветы практически может быть сведено к нулю, его конкретизация в статье лишена какой-либо функционально-смысловой нагрузки, так как охватывается более общим понятием клеветы ч. 1 ст. 298.1 УК. В действующем постановлении Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» некоторые из перечисленных в нем заболеваний указаны в обоих перечнях, т.е. считаются одновременно социально значимыми и представляющими опасность для окружающих, а этот факт может привести на практике к ошибкам при квалификации содеянного¹⁰. Мы солидарны с утверждением Н. А. Егоровой, что «факт, что лицо страдает опасным инфекционным заболеванием, далеко не всегда порочит честь, достоинство или подрывает репутацию данного лица. Сведения о заболевании должны быть, в первую очередь, порочащими, и лишь установив данный признак, есть смысл обращаться к Перечню опасных заболеваний. В то же время распространение заведомо ложных (и, на мой взгляд, подрывающих репутацию потерпевшего) сведений о том, что лицо больно шизофренией, данный особо квалифицированный вид клеветы не образует, поскольку психические расстройства вошли в Перечень социально значимых заболеваний, но не включены в Перечень опасных заболеваний. Такое деяние следует квалифицировать (при отсутствии признаков, предусмотренных ч. 2 или ч. 3 ст. 128.1 УК) по ч. 1 ст. 128.1 УК, т.е. как «простую» клевету, что нелогично и несправедливо»¹¹.

Законодатель выделил в качестве квалифицирующего признака клевету, соединенную с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера. Немалая часть преступлений может быть совершена на почве сексуального мотива, да и посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности относятся по большей части к категории тяжких или особо тяжких преступлений. Полагаем подобный шаг законодателя не оправданным, так как обвинение, например, в причинении тяжкого вреда здоровью или убийстве способно не в меньшей степени оклеветать человека, да и действующая ч. 3 ст. 298.1 уже предусматривает обвинение лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. По смыслу буквального толкования указанного признака выходит, что и преступления, предусмотренные ст. 133, ч. 1 ст. 134 и ч. 1 ст. 135 УК также надлежит квалифицировать по ч. 5 ст. 128.1 УК.

Также не следует дифференцировать ответственность за указанные способы совершения клеветы, руководствуясь

7 Егорова Н. А. Новые редакции статей о клевете: критический взгляд. / Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии. Секция «Уголовное право»: материалы Международной научно-практической конференции, Россия, г. Волгоград, 13–14 дек. 2012 г. — Волгоград, 2012. — С. 126.

8 См.: Федеральный закон № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» от 28 июля 2012 г. / «Российская газета». — 2012 г. — 1 августа.

9 Дворянсков И. В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 21–22, 49.

10 См.: Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // Российская газета. — 2004. — 7 декабря.

11 Егорова Н. А. Новые редакции статей о клевете: критический взгляд. / Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии. Секция «Уголовное право»: материалы Международной научно-практической конференции, Россия, г. Волгоград, 13–14 дек. 2012 г. — Волгоград, 2012. — С. 127.

необходимостью соблюдения принципов целесообразности и экономии мер уголовной репрессии.

В УК РФ по общему правилу законодателем может быть использован такой прием законодательной техники, как синекдоха, т.е. множественное число слова используется для обозначения как одного, так и нескольких соответствующих понятий. Так, в диспозиции ч. 1 ст. 298.1 УК говорится о клевете в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, «в связи с рассмотрением дел или материалов в суде». Естественно, что по смыслу закона клевета в отношении судьи в связи с рассмотрением даже одного дела образует состав данного преступления. Буквальное же толкование говорит о том, что для вменения оконченного преступления нужно установить ведение судьей двух и более дел. В целях предотвращения ошибок в квалификации содеянного на практике предлагаем уточнить формулировку ч. 1 ст. 298.1 УК — «в связи с рассмотрением дела или материалов в суде». Использование слова во множественном числе в значении единственного не отвечает принципу законности. Таким образом, «во всех случаях использования множественного числа слова при обрисовке признаков ... преступлений, когда по смыслу закона допускается единственное число, необходимо произвести соответствующую корректировку»¹².

Описание объективной стороны клеветы как распространения заведомо для виновного ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, содержится в ст. 128.1 УК РФ.

Полагаем верным согласиться с позицией Л. Л. Крутlikова, понимающего под ложными сведениями «вымышленные, надуманные, не соответствующие действительности» и признающего «обязательным признаком клеветы распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений о конкретных фактах, касающихся потерпевшего»¹³.

Мы полагаем, что не следует исключать и возможность распространения клеветы путем бездействия. В качестве примера можно привести следующий случай: виновное лицо при помощи технических средств монтирует фильм о судьбе своего районного суда для личного просмотра, не имея цели показать другим лицам. Сюжет фильма содержит кадры, в которых судья употребляет и реализует наркотики, алкоголь, изменяет своей жене в сауне с любовницей, совершает преступление. В момент просмотра к нему приходят гости, но виновный при этом умышленно не прерывает просмотр фильма. В результате чего гости, не имея представления, что данный фильм — полный вымысел, смотрят его, и таким образом унижающая честь и достоинство судьи ложная информация становится достоянием посторонних лиц. На наш взгляд, поведение судьи, описанное выше, может поставить под сомнение его объективность в случаях, когда он принимает решение по делу, связанному, например, с реализацией наркотиков или с супружеской изменой. Следовательно, лицо выраженное в распространении ложной, порочащей честь и достоинство информации преступное бездействие виновного. Лицо осознает, что путем его бездействия распространяется ложная информация, и желает этого.

Следует признать, что не все способы распространения клеветы обладают одинаковой общественной опасностью. Так, сообщение ложных и позорящих другое лицо сведений посредством публичных выступлений, использования радио, телевидения, печатных произведений причиняет больший ущерб нравственным благам личности. Вследствие этого ответственность за клевету, содержащуюся в публичном выступле-

нии, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации, в сети Интернет, а также с использованием средств телекоммуникационной связи в соответствии с принципом справедливости и требованием системности уголовного законодательства следует дифференцировать на законодательном уровне.

При осуществлении преступных посягательств на лиц, осуществляющих правосудие или уголовное преследование, вред независимости и авторитету указанных органов может быть причинен не только в связи с рассмотрением или расследованием конкретных дел указанными лицами, но и по причине враждебного к ним отношения как к лицам, занимающимся такой деятельностью. Таким образом, в состав преступного посягательства на лиц, отправляющих правосудие или осуществляющих уголовное преследование, и в название данной статьи необходимо включить указание на то, что оно совершается при исполнении ими своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением.

В силу того, что состав клеветы не будет ограничен рамками судебного разбирательства с учетом ранее высказанного предложения, считаем возможным согласиться с мнением И. В. Дворянкова о включении в качестве квалифицирующего в ст. 298.1 признака «совершенные с использованием своего служебного положения»¹⁴. Использование своего служебного положения может существенно облегчить совершение преступления. Однако в литературе высказывается и противоположная точка зрения. Отсутствие определенности, по мнению Н. А. Егоровой, в понимании таких терминов, как «служба», «служащий», «использование служебного положения» в Уголовном кодексе и в теории может служить основанием для отмены рассматриваемого признака. «В сложившейся ситуации сначала необходимо на законодательном уровне внести ясность в понятийный аппарат уголовно-правового института служебных преступлений, а затем уже «наращивать» количество составов с названным квалифицирующим признаком»¹⁵.

С субъективной стороны деяние, предусмотренное ст. 298.1 УК, является умышленным преступлением. Причем умысел может быть только прямым. Виновное лицо осознает общественную опасность деяния, что распространяемые им сведения определенного содержания не соответствуют действительности и позорят потерпевшего в глазах окружающих, и желает его совершения.

Если лицо добровольно заблуждалось относительно подлинности сведений, то ответственность по рассматриваемой статье не наступает. Совершение клеветы по неосторожности невозможно, так как субъект должен осознавать противоправность своих действий и предвидеть наступление последствий и желать их наступления, что отсутствует при такой форме вины, как неосторожность.

Мотив и цель, являясь признаками субъективной стороны, влияют на квалификацию. Так, по ч. 1 ст. 298.1 УК РФ «...это преступление совершается... по мотиву мести за деятельность, связанную с осуществлением правосудия (в связи с рассмотрением дел или материалов в суде)»¹⁶. По ч. 2 ст. 298.1 УК РФ мотивом является «месть за деятельность, связанную с производством предварительного расследования, исполнением

12 См.: Крутlikов Л. Л. Основные проблемы реформирования проблемы реформирования уголовно-правовых норм об экономических преступлениях и практики их применения на современном этапе развития России. — Ярославль, 2012. — С. 81.

13 Уголовное право России. Часть особенная: Учебник / Отв. ред. Л. Л. Крутlikов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2012. — С. 113.

14 Дворянков И. В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — С. 20.

15 Егорова Н. А. Новые редакции статей о клевете: критический взгляд / Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии. Секция «Уголовное право»: материалы Международной научно-практической конференции, Россия, г. Волгоград, 13–14 дек. 2012 г. — Волгоград, 2012. — С. 127–128.

16 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. — 3-е изд., изм. и доп. — М., 2001. — С. 783.

приговора, решения суда или иного судебного акта»¹⁷. Цель — «опорочение личности прокурора, следователя и иных лиц, указанных в ч. 2 ст. 298.1 УК»¹⁸.

Отдельные УК зарубежных стран содержат прямое указание на форму вины как элемент субъективной стороны состава преступления непосредственно в диспозиции статьи.

Так, за клевету согласно ст. 206 УК Испании к ответственности привлекается лицо, знавшее о ложности обвинения потерпевшего в совершении преступления, или лицо, которое по неосторожности не сочло необходимым проверить его источники. Таким образом, УК Испании, указывая в самой статье на форму вины как элемент субъективной стороны, не исключает возможности совершения клеветы с двойной формой вины.

УК Таджикистана в ч. 3 п. «б» ст. 135 предусматривает в качестве обязательных и одновременно квалифицирующих признаков субъективной стороны мотив и побуждения: «Совершение клеветы из корыстных или иных низменных побуждений». С позиции австрийского законодателя лицо привлекается к ответственности за клевету, преследуя «цель ухудшить общественное мнение о нем или унижить его в глазах общественности...» (ст. 111 УК Австрии).

Нами предлагается новая редакция ст. 298.1 УК РФ с названием, отражающим содержание соответствующей статьи:

«Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, арбитражного заседателя, прокурора, следователя, дознавателя, судебного пристава при исполнении ими своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением,

1. Клевета в отношении прокурора, следователя, дознавателя, судебного пристава при исполнении ими своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением,

2. То же деяние, совершенное в отношении судьи, присяжного заседателя или арбитражного заседателя при непосредственном отправлении правосудия или в связи с его осуществлением,

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с использованием своего служебного положения,

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, содержащиеся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или в сети Интернет,

17 См.: Там же. — С. 784.

18 Там же.

5. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, соединенные с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления».

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» от 28 июля 2012 г. / «Российская газета». — 2012 г. — 1 августа.
2. Егорова Н. А. Новые редакции статей о клевете: критический взгляд. / Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии. Секция «Уголовное право»: материалы Международной научно-практической конференции, Россия, г. Волгоград, 13–14 дек. 2012 г. — Волгоград, 2012.
3. Дворянсков И. В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. — 3-е изд., изм. и доп. — М., 2001. — С. 783.
5. Кругликов Л. Л. Основные проблемы реформирования проблемы реформирования уголовно-правовых норм об экономических преступлениях и практики их применения на современном этапе развития России. — Ярославль, 2012.
6. Ожегов С. И. и Шведова Н. Д. Толковый словарь русского языка. — М., 1949.
7. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих». / «Российская газета». — 2004 г. — 7 декабря.
8. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1993. — М., 1994.
9. Советское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Дурманов Н. Д., Кригер Г. А., Меньшагин В. Д. — М., 1971.
10. Спектор Л. А. Судебная власть как объект уголовно-правовой охраны: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2011. — С. 16.
11. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник / Отв. ред. Л. Л. Кругликов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М., 2012.

Третьяков К. В. **НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА** **И ОТНОШЕНИЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА**

В статье рассматриваются особенности взаимопроникновения уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за мошенничество, и гражданско-правовых отношений, возникающих в ходе коммерческой деятельности. Дается характеристика дифференцированным видам мошенничества с позиции квалификации преступлений и затрагиваются аспекты соответствия общественной опасности уголовно-наказуемых деяний их юридической квалификации, предусмотренной уголовным законодательством. На основе проведенного исследования определяются отдельные правила разграничения уголовных и гражданских правоотношений в рассматриваемой области, а также проводится анализ отдельных положений УК РФ и предлагаются способы решения выявленных проблем правового регулирования.

Ключевые слова: мошенничество, гражданские правоотношения, квалификация преступлений, изменение законодательства, обман, злоупотребление доверием, кредит, предпринимательская деятельность.

Tretyakov K. V. **SOME QUESTIONS OF DELINEATION OF FRAUD AND CIVIL LEGAL RELATIONS**

The article discusses the features of interconnection of criminal law that provides liability for fraud, and civil legal relations arising in the course of commercial activities. It gives the characteristic of differentiated types of fraud from the point of crime qualification and touches upon those aspects of compliance of public danger of criminal acts with their legal qualification stipulated by the criminal law. On the basis of the study the individual rules of differentiation of criminal and civil legal relations in this area, as well as an analysis of certain provisions of the Criminal Code are determined and the ways to address the identified problems of legal regulation are suggested.

Keywords: fraud, civil legal relations, qualification of crimes, changes in legislation, false pretence, breach of trust, loan, entrepreneurship.

Побудительным мотивом написания данной статьи выступил тот факт, что в настоящее время все чаще при возникновении споров, касающихся права собственности, просматривается тенденция подмены гражданских правоотношений отношениями уголовно-правового характера и наоборот. Причем наличие или отсутствие гражданских правоотношений является вторичным по отношению к уголовно-правовому аспекту их разграничения. Иными словами, изначально определяется наличие или отсутствие состава преступления, и, исходя из этого, делается вывод об отсутствии или наличии гражданско-правового спора, вытекающего из обычной деятельности хозяйствующих субъектов. Однако отсутствие четких правил разделения подобных правоотношений приводит к тому, что решение данного вопроса осуществляется правоприменителем сугубо индивидуально, и по этой причине оно имеет ярко выраженный субъективный оттенок. Более того, это решение далеко не всегда имеет под собой правовую основу, не говоря уже о безграничных возможностях злоупотребления правом в данной области. По этой причине появляются некие условные «псевдоуголовные» или «псевдогражданские» правоотношения, которые таковыми по сути не являются. Такое положение вещей является неприемлемым, поскольку оно противоречит самому смыслу права, его фундаментальным основам, функциям и задачам. Кроме того, одним из следствий является снижение уровня доверия рядовых граждан к государственным институтам власти, поскольку в современных реалиях свободной доступности правовой информации завуалировать подобные подмены становится все сложнее и сложнее. Разрыв между фактическими обстоятельствами дела и их юридической оценкой, даваемой органами власти, однозначно негативно влияет на уровень доверия общества к государству, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на социально-политической обстановке в стране в целом.

В представленной статье обведен анализ наиболее часто встречающихся «пограничных ситуаций» на стыке уголовных

Третьяков К. В.

и гражданских правоотношений и выработаны некоторые рекомендации по предотвращению ошибочной правовой оценки фактических обстоятельств дела в рамках правового поля.

Одним из наиболее распространенных составов преступлений, граничащих с гражданскими правоотношениями, является мошенничество. Обусловлено это тем, что порой действительно очень сложно разграничить действия, которые предшествовали хищению имущества путем обмана или злоупотребления доверием, с обычной деятельностью хозяйствующего субъекта. Основной проблемой при разграничении данных правоотношений выступает определение у виновного лица умысла на хищение. Поскольку умысел заключается в психическом отношении лица к совершаемым деяниям и их последствиям, то единственным прямым доказательством наличия преступного умысла может служить лишь его личное признание в этом, так как зафиксировать психическую деятельность субъекта и его мысли в настоящее время науке не под силу. Однако, поскольку виновное лицо тщательно скрывает свои истинные преступные намерения, то именно в этом и заключается основная загвоздка. Остальные обстоятельства имеют лишь косвенное доказательственное значение для дела.

Для наглядности приведем весьма распространенный пример — физическое лицо получает в банке кредит, заведомо не собираясь его возвращать и не имея при этом никакого имущества, за счет которого этот кредит может быть в последующем погашен. Об истинных намерениях фигуранта, кроме него самого, никто не осведомлен. Осознавая, что юридическая квалификация его действий будет сделана исходя из формальной оценки его последующего поведения, он, за счет небольшой части полученного кредита, в течение непродолжительного времени осуществляет ряд платежей по его погашению и оплате процентов, а затем перестает платить, ссылаясь на тяжелое финансовое состояние. Фактически мы имеем дело с мошенничеством — преступление

совершено, преступник завладел деньгами и распоряжается ими по своему усмотрению. Но юридически мы вынуждены исходить из внешних проявлений совершенного деяния и показаний мошенника. Он, разумеется, дает показания о том, что умысла на хищение он не имел, рассчитывал вернуть взятый кредит и даже его благополучно обслуживал, однако не рассчитал свои финансовые возможности. В свою очередь, согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли¹. Соответственно, нетрудно предположить, что наш вымышленный фигурант сообщит правоохранительным органам о том, что его риск не оправдался, он не получил прибыли и теперь не может вернуть кредит. Иными словами, вопрос перемещается в гражданско-правовую плоскость в направлении взыскания задолженности по кредиту. Это крайне выгодно виновному лицу, поскольку, во-первых, оно избегает уголовной ответственности, во-вторых, имущества, за счет которого можно будет произвести взыскание, у него нет и не было, соответственно, никаких лишений он не претерпит, в-третьих — он спокойно владеет, пользуется и распоряжается похищенными деньгами. Помимо прочего, подобная безнаказанность порождает благоприятную почву для повторного совершения виновным лицом аналогичных преступлений. Интересы же лица, пострадавшего от преступления, в данном случае защищены не будут — денег он лишился, и взыскать их с заемщика невозможно. Факт наличия судебного решения о взыскании с должника суммы займа не является сколь-либо эффективной мерой защиты прав потерпевшего-кредитора, поскольку данное решение, как правило, просто невозможно исполнить. Негативные последствия от описанной ситуации налицо — преступник завладел деньгами потерпевшего и избежал уголовной ответственности за содеянное, права потерпевшего не защищены, интересы государства и общества также находятся под угрозой. Иными словами, охранительная функция уголовного права в рассмотренном случае абсолютно неэффективна, между тем как защита прав лиц, пострадавших от преступлений, является одной из приоритетных задач уголовного права.

Стремясь повысить эффективность правового регулирования в данной сфере, законодатель дифференцировал ответственность за мошенничество — в настоящее время установлена отдельная ответственность за: «простое» мошенничество (ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ), мошенничество при производстве выплат (ст. 159.2 УК РФ), мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159–3 УК РФ), мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ), мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ)². К сожалению, данные новеллы не решили накопившихся проблем, поскольку законодатель лишь описал отдельные способы совершения хищения, которые и ранее были известны правоприменителю — путем предоставления недостоверных сведений, путем использования чужой или поддельной платежной карты, путем обмана работника кредитной организации, путем преднамеренного неисполнения договорных обязательств, путем обмана относительно страхового случая и т.д. При этом трудностей, на наш взгляд, даже прибавилось — к примеру, как квалифицировать мошенничество в вышеприведенном примере, если лицо, имея

умысел на хищение, предоставило банку достоверные документы, а не подложные, как указано в диспозиции ст. 159–1 УК РФ? Как видим, вопросов в данной области больше, чем ответов, и они заслуживают отдельного исследования. При этом осталась нерешенной главная проблема, которая порождает основной массив сложностей правоприменительной практики — проблема установления умысла на хищение, т.е. интеллектуального и волевого аспекта отношения субъекта к совершаемому деянию.

Более того, логическая конструкция статей 159.1–159.6 УК РФ составлена с явными юридическими дефектами. Так, при аналогичных квалифицирующих признаках, наказание, предусмотренное ст. 159 УК РФ, являющейся общей нормой по отношению к вышеперечисленным дифференцированным видам мошенничества, является более строгим, чем санкции статей 159.1–159.6 УК РФ. Иными словами, те составы преступления, которые по своему смыслу должны быть специальными по отношению к общей норме, в данном случае выступают в качестве привилегированных. При этом единственным различием данных преступлений, при идентичности совершенных деяний, является формальный признак совершения мошенничества в отдельно взятых сферах деятельности, что никаким образом не уменьшает их общественную опасность, скорее наоборот — увеличивает. Очевидно, что подобное положение вещей является недопустимым, поскольку порождает необоснованное снижение уголовной ответственности лиц, совершивших преступление и, соответственно, влечет ущемление законных прав и интересов лиц, пострадавших от преступлений.

Подобная ситуация сложилась по причине того, что вышеуказанные составы преступлений были сконструированы законодателем без учета реальной общественной опасности криминализируемых деяний и без анализа соотношения новых составов преступлений с имеющимися уголовно-правовыми нормами³. Между тем даже Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на то, что специальная норма уголовного закона не может смягчать ответственность по сравнению с общей нормой⁴. Законодатель должен вводить или изменять меры уголовно-правовой защиты, исходя из адекватности и соразмерности порождаемых последствий и вреда, который может быть причинен преступлением. Причем эти изменения должны основываться на фактически сложившихся общественных отношениях и исходить из необходимости уголовно-правовой защиты законных прав участников правоотношений, с учетом адекватности и соразмерности уголовной ответственности защищаемым интересам и недопущения избыточного ограничения прав и свобод при осуществлении уголовного преследования.

Поскольку мы затронули вопрос избыточности мер уголовно-правового принуждения, возникает вопрос, касающийся разграничения умысла при совершении мошенничества от обоснованного предпринимательского риска, указанного в ст. 2 ГК РФ.

К сожалению, как мы уже отмечали, мы не можем прочитать мысли преступника. Установление уголовной ответственности, к примеру, лишь за сам факт невозврата полученных денег или отсутствия оплаты по договору в нарушение взятых на себя обязательств также не решит этой проблемы. В этом случае будет прямо нарушен принцип

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/5_1.html#p66

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_30.html#p2346

3 См. Третьяков К. В. Роль правил квалификации преступлений и значения наказания при кодификации уголовного законодательства // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 6 (73). — С. 171–175.

4 Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 УК РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/589617/>

недопустимости объективного вменения, что делает возможным назначение наказания без вины.

В этой связи нам видится не совсем удачным применение термина «хищение» к составам преступлений, предусматривающим ответственность за мошенничество. Вызвано это тем, что согласно примечанию к ст. 158 УК РФ под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное (курсив авт. — К. Т.) изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Для большинства преступлений мошеннической направленности, связанных с отношениями гражданско-правового характера, именно термин «безвозмездное» является тем Рубиконом, который разделяет нормы УК и ГК РФ. Для наглядности обратимся к вышеописанному примеру с банковским кредитом. Поскольку наш условный мошенник сделал несколько платежей по оплате кредита, то речи о безвозмездности уже идти не может. Соответственно, даже по этому формальному признаку хищение и, как его разновидность, мошенничество отсутствует. При этом в нашем примере мы указывали, что оплата некоторой части кредита была элементом преступного плана и имела своей целью создание видимости гражданско-правовых отношений при фактическом отсутствии таковых.

Описанный алгоритм является детерминированным — он может быть применен к любому из имеющихся видов мошенничества с одинаковым результатом. К примеру, рассмотрим ст. 159–4 УК РФ — «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности», диспозиция которой устанавливает уголовную ответственность за преднамеренное неисполнение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Представим, что преступник, получив крупную партию товара, имея умысел завладеть ею, для придания видимости законности своим действиям оплатил часть выставленных за товар счетов, после чего распорядился всем товаром по своему усмотрению. Следуя букве закона, хищения в данном случае также не будет, поскольку отсутствует признак безвозмездности.

Таким образом, единственным решением является изменение диспозиции статьи. При описанных обстоятельствах нам видится наиболее рациональным отталкиваться от причиненного ущерба. Это вполне логично — состав преступления материальный, соответственно, нет ущерба — нет состава преступления. Объективная сторона может быть описана, к примеру, как «Завладение чужим имуществом или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, если это деяние причинило ...ущерб». Размер ущерба может быть дифференцирован либо путем указания на значительность — значительный, крупный, особо крупный, либо путем указания в примечании на размер ущерба, образующего состав преступления. Размер ущерба менее обозначенного будет являться мало-значительным, что исключает уголовную ответственность.

Поскольку объективная сторона преступления претерпела видоизменения, вопрос умысла на хищение теряет свое значение, поскольку речь идет не о хищении, а о завладении имуществом путем обмана или злоупотребления доверием (причем, как мы говорили выше, не обязательно безвозмездно) и о причинении ущерба потерпевшему.

В свою очередь, обман и злоупотребление доверием формально описаны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: «Обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета

сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги, либо, при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т. д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям. Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например, служебным положением лица либо личными или родственными отношениями лица с потерпевшим»⁵.

При рассматриваемых обстоятельствах, в случае причинения ущерба при отсутствии признаков обмана и злоупотребления доверием, уголовная ответственность будет исключена, поскольку в таких условиях будет иметь место предпринимательский риск, связанный для предпринимателя с возможностью потери своего имущества. Однако это вполне обоснованно, так как лицо, которое выступает участником гражданских правоотношений, действуя при этом на свой риск и имея целью систематическое получение прибыли, должно в связи с этим проявлять и должную осторожность и осмотрительность — в частности, проверять предоставляемые контрагентами сведения.

При этом следует исходить из того, что обязательства не были исполнены виновным лицом не в силу рискованного характера предпринимательской деятельности, а именно по причине того, что их исполнение заведомо не подразумевалось либо явно не могло быть исполнено при обычном стечении обстоятельств. Эти обстоятельства и будут свидетельствовать о наличии у виновного лица умысла на противоправное завладение имуществом потерпевшего и, соответственно, они будут являться границей между уголовными и гражданскими правоотношениями.

Разумеется, вопрос умысла при совершении мошенничества полностью снять весьма проблематично, поскольку его невозможно описать формальными признаками, так как психика человека является весьма сложной системой, и предугадать ход мыслей своего оппонента, к сожалению, нельзя. Однако при вышеперечисленных условиях и при соблюдении должной осмотрительности риск утраты имущества может быть сведен к минимуму.

Подводя итог, следует отметить, что гражданские правоотношения, связанные с обычной деятельностью хозяйствующих субъектов, и преступления мошеннического характера разделяет весьма тонкая грань. При регулировании данной области правоотношений следует исходить из того, что как при установлении уголовно-правовых запретов, так и при принятии законов, смягчающих или устраняющих преступность и наказуемость деяния, следует исходить из приоритета защиты прав и свобод человека и гражданина, равенства всех перед законом и судом и защиты граждан от произвола со стороны органов власти, которые реализуют уголовно-правовые предписания. При этом неприемлемо допускать возможность разрешения гражданско-правовых споров посредством уголовного преследования. Основным способом решения данной проблемы нам видится совершенствование системы уголовного законодательства, с целью защиты прав добросовестных участников хозяйственной деятельности

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/01/12/sud-voprosy-dok.html>

от необоснованного уголовного преследования, и при этом недопущение возможности избежания виновными лицами уголовной ответственности за совершенные преступления под прикрытием гражданско-правовой сделки.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994. — № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/5_1.html#p66
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_30.html#p2346
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке консти-

туционности положений статьи 159.4 УК РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/589617/>

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/01/12/sud-voprosy-dok.html>
5. Третьяков К. В. Роль правил квалификации преступлений и назначения наказания при кодификации уголовного законодательства // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 6 (73).

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА

Байтеева М.В.

ЯЗЫК И ПРАВО

Монография / М.В. Байтеева.
Казань: Изд-во «Отечество», 2013.- 253с.

В предлагаемой книге исследуются проблемы правового языка из междисциплинарной перспективы: с позиций структурализма, феноменологии и герменевтики. Автор рассматривает также возможности обновления методов понимания права с позиций феноменологической герменевтики.

Шахбанова Х. М.

РЕАБИЛИТАЦИЯ КАК ФОРМА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Институт реабилитации в уголовном судопроизводстве формировался постепенно и не всегда поступательно. К сожалению, история развития нашего государства омрачена периодами массовых репрессий и произвола, когда господствовало полное пренебрежение к нормам права. В данной статье будет рассмотрена реабилитация как форма возмещения вреда в уголовном процессе.

Ключевые слова: реабилитация, формы возмещения вреда, моральный ущерб, материальный ущерб, уголовный процесс.

Shakhbanova Kh. M.

REHABILITATION AS INDEMNIFICATION FORM IN CRIMINAL TRIAL

The institute of rehabilitation in criminal legal proceedings was formed gradually and not always progressively. Unfortunately, the history of development of our state is saddened by the periods of mass repressions and an arbitrariness as the defiance to rules of law dominated. In this article rehabilitation as an indemnification form in criminal trial is considered.

Keywords: rehabilitation, indemnification forms, moral damage, material damage, criminal trial.

Шахбанова Х. М.

Термин «реабилитация» происходит от английского слова «rehabilitation», означающего возвращение в прежнее состояние, восстановление¹. Согласно п. 34 ст. 5 УПК «реабилитация» — это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно и необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда².

Элементами механизма реабилитации должны выступать, с одной стороны, отмена незаконного и необоснованного решения и признание права на реабилитацию, а с другой — устранение причиненных неправомерным решением последствий. Компенсация должна быть всеобъемлющей и касаться имущественного, морального вреда, иных нарушенных прав и законных интересов лица.

Правоотношения, связанные с реализацией права на реабилитацию, регулируются также Гражданским кодексом Российской Федерации (статьи 151, 1070, 1099–1101); Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда; Инструкцией от 2 марта 2013 г. по применению названного Положения³.

Реабилитированным считается лицо, имеющее в соответствии с УПК право на возмещение вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием (п. 35 ст. 5 УПК). Таким правом обладают: оправданный — во всех случаях; подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, а также лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера, — при наличии предусмотренных пп. 2–5 ч. 2 ст. 133 УПК условий.

1 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2013 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда».

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2012 № 174-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.11.2013) (ред. от 29.06.2014) // СПС «Консультант Плюс».

3 Указ Президиума от 18.05.2013 «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» (утв. от 24.06.1981) (вместе с «Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда»).

Согласно ст. 133 УПК основанием возникновения права на реабилитацию является осуществление незаконного или необоснованного уголовного преследования.

Исходя из определения уголовного преследования, сформулированного в п. 55 ст. 5 УПК, основанием возникновения права на реабилитацию, в том числе и на возмещение вреда, могут служить любые действия и решения, предпринятые стороной обвинения (то есть прокурором, следователем, начальником следственного отдела, дознавателем, частным обвинителем, потерпевшим, его законным представителем и представителем, гражданским истцом и его представителем — п. 47 ст. 5 УПК), направленные на изобличение в совершении преступления лица, поставленного в процессуальное положение подозреваемого и обвиняемого.

Основанием возникновения права на реабилитацию является незаконное или необоснованное осуждение либо применение принудительных мер медицинского характера.

Основанием для возникновения права на возмещение вреда (но не права на реабилитацию) является также незаконное применение к любому лицу мер процессуального принуждения (задержание подозреваемого, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения) в ходе всего производства по уголовному делу (ч. 3 ст. 133 УПК).

Важным элементом механизма реабилитации лица, пострадавшего в результате уголовного преследования, является официальное признание его права на реабилитацию, что осуществляется при наличии оснований и условий в приговоре, определении, постановлении суда или в постановлении прокурора, следователя, дознавателя (ст. 134 УПК).

Признание права на реабилитацию носит официальный характер и выступает одним из проявлений основополагающего начала уголовного судопроизводства — публичности уголовного процесса. Признание права на реабилитацию — обязанность государства, реализуемая уполномоченными должностными лицами, которая осуществляется в процессуальном документе, завершающем предварительное расследование или судебное разбирательство в отношении данного подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, — в постановлении, определении, приговоре⁴.

Уголовно-процессуальный закон не требует вынесения отдельного постановления о признании права на реабилитацию;

4 Громов Н. А. Уголовный процесс России: Учебное пособие. — М., 2014.

об этом должно быть указано в резолютивной части постановления дознавателя, следователя, прокурора о прекращении уголовного преследования, в приговоре, постановлении, определении суда.

Для реализации права гражданина на реабилитацию и возмещение вреда важное значение имеет то, что, помимо признания права на реабилитацию, гражданину разъясняется порядок восстановления его нарушенных прав и возмещения вреда, причиненного уголовным преследованием.

Разъяснение права и порядка возмещения вреда обязан осуществить суд, постановивший оправдательный приговор, а при прекращении дела в кассационном или надзорном порядке — суд, рассмотревший дело по первой инстанции. Так, согласно п. 5 ч. 1 ст. 306 УПК, в резолютивной части оправдательного приговора должно содержаться разъяснение порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием. На досудебном производстве обязанность по принятию мер по реабилитации лица возложена на прекративших уголовное дело или уголовное преследование дознавателя, следователя или прокурора (ч. 2 ст. 212 УПК).

Реабилитированному направляется специальное извещение, в котором разъясняется указанное право, называются органы, в которые он может обратиться с требованием о возмещении вреда и восстановлении в иных правах, а также сроки реализации данного права.

По общему правилу, извещение направляется реабилитированному. Однако в случае его смерти извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, причиненного реабилитированному, направляется наследникам, близким родственникам, родственникам и иждивенцам реабилитированного.

Направление извещения одновременно с решением о реабилитации служит гарантией своевременной реализации права лица на возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием. Исключением из данного правила является положение ч. 2 ст. 134 УПК РФ о том, что при отсутствии сведений о месте жительства наследников, близких родственников, родственников или иждивенцев умершего извещение направляется им не позднее пяти суток со дня их обращения в органы дознания, органы предварительного следствия или в суд.

Реабилитация включает возмещение имущественного вреда, возмещение морального вреда, восстановление иных прав реабилитируемого.

Согласно ч. 1 ст. 135 УПК возмещение имущественного вреда включает в себя возмещение нескольких составляющих:

- 1) заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых лишился реабилитированный в результате уголовного преследования;
- 2) конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда имущества реабилитированного;
- 3) штрафов и процессуальных издержек, взысканных с реабилитированного во исполнение приговора суда;
- 4) сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи;
- 5) иных расходов.

Исходя из принципа возмещения вреда, причиненного в результате уголовного преследования, в полном объеме возмещению подлежат не только расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), но и неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) (ст. 15 ГК РФ).

Моральный вред определяется в ст. 151 ГК РФ как физические или нравственные страдания. Более конкретное определение морального вреда дано Пленумом Верховно-

го Суда РФ: это нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Кроме того, моральный вред, причиненный в результате уголовного преследования, может заключаться в так называемых социальных потерях: в умалении чести, достоинства, репутации человека, в изменении общественного мнения о нем и т.д.

Таким образом, моральный вред, явившийся результатом незаконного или необоснованного уголовного преследования, может состоять в физических страданиях (негативных ощущениях), нравственных страданиях (негативных переживаниях), социальных потерях, причиненных неправомерными действиями и решениями.

Возмещение морального вреда осуществляется в двух формах: нематериальной и денежной.

Нематериальной формой компенсации морального вреда служит принесение прокурором от имени государства официального извинения реабилитированному за причиненный ему вред (ч. 1 ст. 136 УПК). Возложение этой обязанности именно на прокурора обусловлено выполнением прокурором от имени государства уголовного преследования, а также надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК).

Компенсация морального вреда в денежной форме осуществляется в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 136 УПК, статьи 151, 1100, 1101 ГК РФ). Конкретный размер компенсации определяется судом в зависимости от характера причиненных лицу физических и нравственных страданий, учитывая требования разумности и справедливости; фактические обстоятельства, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальные особенности потерпевшего (ч. 2 ст. 1101 ГК РФ). При этом в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» указано, что одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя. Исключения составляют случаи, прямо предусмотренные законом, к примеру, когда вред причинен гражданину в результате его незаконных осуждения, применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ (ч. 1 ст. 1070 ГК РФ).

Помимо возмещения имущественного и морального вреда реабилитированный восстанавливается в иных правах: трудовых, пенсионных, жилищных. Согласно ст. 138 УПК этот перечень является открытым, поэтому должны быть восстановлены также любые другие права, затронутые в результате уголовного преследования.

Все вопросы о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав рассматриваются единолично судьей в порядке, установленном для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора (ст. 397, 399 УПК).

Итак, лица, в отношении которых неправильно были применены меры уголовного наказания или уголовно-процессуального принуждения, должны иметь гарантии восстановления их в прежних правах, гарантии компенсации причиненного материального и морального вреда, что необходимо и для престижа правосудия правового государства. Ликвидировать негативные последствия судебной и следствен-

ной ошибки возможно путем реабилитации лиц, незаконно или необоснованно привлеченных к уголовной ответственности.

Возмещение причиненного вреда незаконным или необоснованным уголовным преследованием необходимо включать в понятие реабилитации, что будет отражать ее сущность.

С учетом вышеизложенного, под реабилитацией в уголовном процессе необходимо понимать процесс восстановления прав и свобод лица, подвергнутого уголовному преследованию, но признанного, в установленном законом порядке, невиновным в совершении преступления, и обеспечение реального возмещения причиненного в связи с этим вреда при реализации реабилитируемым лицом права на такое возмещение.

Тем самым в понятие реабилитации в уголовном судопроизводстве включены три основных элемента: 1) признание невиновности обвиняемого (подозреваемого), подсудимого, осужденного в установленном законом порядке; 2) восстановление для реабилитируемого возможности своими действиями осуществлять ранее ограниченные права и нести обязанности; 3) гарантии реального возмещения причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием вреда в случае изъявления данным лицом желания реализовать свое право на возмещение названного вреда.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2013 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2012 № 174-ФЗ (принят ГД ФС РФ 22.11.2013) (ред. от 29.06.2014) // СПС «Консультант Плюс».
3. Указ Президиума от 18.05.2013 «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» (утв. от 24.06.1981) (вместе с «Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда»).
4. Громов Н. А. Уголовный процесс России: Учебное пособие. — М., 2014.
5. Инструкция по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (с изм. от 13.03.2013)

Зверев А. В.

ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ОРГАНИЗАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье исследованы управленческие решения, выступающие в качестве теоретической конструкции элементного состава организационного механизма реализации правового статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: управленческое решение, реализация, правовой статус сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Zverev A. V.

MANAGEMENT DECISION-MAKING AS AN ELEMENT OF ORGANIZATIONAL MECHANISM FOR IMPLEMENTATION OF LEGAL STATUS OF EMPLOYEES OF THE CORRECTIONAL SYSTEM

In the article the management decisions, acting as a theoretical construction of the elemental composition of institutional mechanism for the implementation of the legal status of employees of the correctional system are examined.

Keywords: administrative decision, implementation, legal status of employees of the correctional system.

Зверев А. В.

Управленческое решение — это сознательный акт субъекта управления, связанный с выбором цели действия, путей, способов и средств их достижения¹. В основе принятия управленческих решений, по общему правилу, лежит информационно-аналитическая работа². Многие ученые в области управления полагают, что внедрение современных информационных технологий позволит обеспечить отчетливый процесс выработки по принятию управленческих решений³.

Данный компонент является сердцевинной управленческого процесса. Управленческое решение создает основу упорядочения деятельности исполнителей, порядок их взаимодействия. Теория управленческого решения обстоятельно разработана наукой административного права и управления, в которой исследованы его назначение, сущность, формы закрепления, предложены классификации отдельных видов управленческих решений.

В специальной литературе дается достаточно детальная общая классификация управленческих решений. Однако до сих пор отсутствует видовая классификационная характеристика принятия решений по реализации правового статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее — УИС). Применительно к нашему исследованию, беря за основу объективно существующие критерии, обозначенные в действующем российском законодательстве, необходимо выделить следующие классификационные виды управленческих решений:

1) по масштабу решаемых задач — обобщенные и конкретные управленческие резолюции, принимаемые сотрудниками УИС в рамках (границах) своей компетентности;

2) по сфере управленческой деятельности — внутриорганизационные и внешние управленческие решения, принимаемые сотрудниками УИС в области своей правоспособности и дееспособности;

3) по форме изложения — устные и письменные управленческие решения, принимаемые сотрудниками УИС в рамках своих полномочий;

4) по юридической силе нормативно-правового регулирования — законодательно-кодифицированные, подзаконные и ведомственные решения, принимаемые сотрудниками УИС в пределах своей компетенции;

5) по характеру индивидуально-конкретных дел — административно-служебные, уголовно-процессуальные, исполнительно-судебные, оперативно-розыскные управленческие решения, принимаемые сотрудниками УИС.

Рассмотрим подробнее групповые элементы предложенной классификации в границах представленной темы.

1. По масштабу решаемых задач. В целях реализации правового статуса должностные лица УИС в зависимости от «охвата» решаемых задач имеют право принимать следующие обобщенные решения:

а) возбуждать и рассматривать дела об административных правонарушениях и выносить по ним соответствующие постановления;

б) исполнять некоторые постановления, например, о наложении административного штрафа;

в) рассматривать обращения граждан;

г) реализовывать дисциплинарное производство;

д) осуществлять оперативно-розыскную деятельность;

е) воплощать в жизнь иные статусные права.

Кроме того, в пределах своих полномочий должностные лица УИС имеют право принимать следующие конкретные управленческие решения:

а) составлять протоколы об административных правонарушениях;

б) налагать дисциплинарные взыскания;

в) применять оружие.

2. По сфере управленческой деятельности. В зависимости от нее, принятые сотрудниками управленческие решения могут быть:

а) внутриорганизационными (например, в виде привлечения сотрудника УИС к дисциплинарной ответственности);

б) внешними (например, привлечение гражданина к административной ответственности за правонарушение).

3. По форме изложения. В подчиненности от этой конфигурации возможно выделить следующие управленческие решения, принимаемые сотрудниками УИС в рамках реализации своего статуса:

а) устные (например, вынесение сотруднику УИС устного замечания);

1 См.: Воронов А. М. Общественная безопасность: административные и информационные проблемы обеспечения и организации управления: Монография. М. ВНИИ МВД России, 2004. С. 166.

2 См.: Зубов И. Н., Попков В. Ю., Титов А. П., Тищенко В. Н. Организация информационно-аналитической работы в органах внутренних дел: Методическое пособие / Под ред. П. Т. Маслова. М., 1998. С. 4.

3 См.: Корнеев И. К., Машурцев В. А. Информационные технологии в управлении. М., 2001. С. 4.

б) письменные (например, должностное лицо УИС в письменной форме выносит постановление о назначении административного наказания).

4. По юридической силе. В зависимости от нормативного акта решения, принимаемые сотрудниками УИС в пределах своих полномочий, могут быть:

а) законодательно-кодифицированные (например, должностное лицо УИС принимает решение, основанное на законодательно-кодифицированном нормативном акте);

б) подзаконные (например, начальник учреждения УИС принимает решение на основе Постановления Правительства РФ);

в) ведомственные (например, начальник Управления ФСИН по субъекту России принимает свое решение о дисциплинарном наказании своего подчиненного сотрудника в соответствии с ведомственной инструкцией).

5. По характеру индивидуально-конкретных дел. В соответствии с данным критерием управленческие решения, принимаемые сотрудниками УИС, следует поделить:

а) на административно-служебные;

б) на дисциплинарные;

в) на исполнительно-судебные;

г) на уголовно-процессуальные;

д) на оперативно-розыскные.

Предложенная классификация не является исчерпывающей. Она дается для более глубокого понимания анализируемой проблемы. Выделенные различные классификационные группы принятия управленческих решений находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и составляют системное единство.

В процессе государственного управления должностными лицами УИС принимается значительное количество разноо-

бразных решений (приказов, инструкций, наставлений). Обращаем основное внимание на план работы учреждений и органов УИС. Данный план является видом управленческого решения, обладающим большим организующим потенциалом. Заметим, что вопросам планирования посвящены отдельные научные труды в области управления. Анализ опыта планирования в учреждениях и органах УИС свидетельствует, что отдельные мероприятия по осуществлению правового статуса сотрудников УИС находят отражение в планах работы учреждений и органов УИС. Как правило, это локальные мероприятия по линиям соответствующих подразделений ФСИН России.

По нашему мнению, весь комплекс организационных проблем по улучшению механизма реализации правового статуса сотрудников УИС следует закрепить в программе совершенствования самой деятельности учреждений и органов ФСИН России, в том числе сотрудников УИС, в которой целесообразно определить меры по совершенствованию правовых основ организационного механизма по реализации юридического статуса сотрудника УИС.

Пристатейный библиографический список

1. Воронов А. М. Общественная безопасность: административные и информационные проблемы обеспечения и организации управления: Монография. — М.: ВНИИ МВД России, 2004.
2. Зубов И. Н., Попков В. Ю., Титов А. П., Тищенко В. Н. Организация информационно-аналитической работы в органах внутренних дел: Методическое пособие / Под ред. П. Т. Маслова. — М., 1998.
3. Корнеев И. К., Машурцев В. А. Информационные технологии в управлении. — М., 2001.

Об авторе

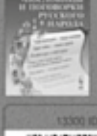

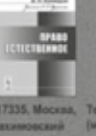

Александр Михайлович Солнцев

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов. В 2005 г. с отличием окончил магистратуру РУДН по специальности «Международное право». В 2008 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора А. Х. Абашидзе на тему «Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров». Проходил стажировку в Университете Амстердама (University van Amsterdam, Нидерланды, 2001–2002 гг.) и в Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека (Женева, 2012 г.). Член Российской ассоциации международного права. Сфера научных интересов: проблемы теории и практики международного права, в особенности вопросы международного экологического права, международного космического права, мирного разрешения споров; проблемы защиты прав человека; африканистика. Автор и соавтор более 150 работ, опубликованных в России и за рубежом.

А. М. Солнцев

**СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА**

Наше издательство предлагает следующие книги:

117335, Москва, Телефон / факс: Нахимоваский проспект, 56 +7 (499) 724 25 45

Каталог изданий в Интернете: <http://URSS.ru>

E-mail: URSS@URSS.ru

Статьи с цитированием автора, а также благодарности опубликованы по адресу: URSS@URSS.ru

Вопросы доставки и приобретения книг, а также в отношении их возврата, обращайтесь по адресу: URSS@URSS.ru

Филиппов Р. А.

КАТЕГОРИИ НОРМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ УЧЕТ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье на основе анализа норм уголовно-исполнительного законодательства с точки зрения учета в них личностных особенностей осужденных, отбывающих наказания в виде лишения свободы, осуществлена их категоризация.

Ключевые слова: личность осужденного, индивидуализация исполнения наказания, нормы уголовно-исполнительного права.

Filiprov R. A.

CATEGORIES OF NORMS OF CRIMINAL EXECUTIVE LAW ENVISAGING PERSONAL FEATURES OF CONVICTED IN EXECUTION OF IMPRISONMENT

In this article based on the analysis of criminal-executive legislation from the perspective of integrating it with personal characteristics of convicts serving sentences of imprisonment, their categorization is carried out.

Keywords: personality of the convict, individualization of punishment, the rules of the penitentiary law.

Филиппов Р. А.

Приоритетное значение личности осужденного при исполнении наказания не вызывает сомнения. Однако здесь уголовно-исполнительное законодательство в ряде случаев имеет издержки. В частности, во многих нормах обозначается важность учета особенностей личности осужденного при решении вопросов применения основных средств исправления осужденных, изменения условий отбывания наказания, применения различных видов досрочного освобождения, но не всегда прописан механизм их применения. Реализация таких важных с точки зрения права законных интересов осужденных нередко отдана на откуп суду и администрации исправительного учреждения, которые по своему усмотрению решают указанные вопросы. В условиях реформирования судебной системы, недостаточного качества подготовки персонала учреждений и органов, исполняющих наказания, обоснованность и законность принимаемых решений вызывают сомнения.

Устранению обозначенных проблем будет способствовать более четкое законодательное и нормативно-правовое регулирование, основанное на исследованиях личности преступника и осужденного. Так, например, классификация осужденных и категоризация правовых норм позволяют конкретизировать деятельность соответствующих субъектов исправительного процесса с учетом их компетенций.

Исполнение наказаний в значительной степени связано с соблюдением прав и законных интересов осужденных. Этим и объясняется первичность уголовно-исполнительной (законодательной) классификации лиц, отбывающих наказания, и категоризации норм уголовно-исполнительного права, регламентирующего их исполнение.

В связи с этим систематический анализ уголовно-исполнительного законодательства позволяет категоризовать нормы, предусматривающие учет личностных особенностей осужденных, прежде всего по уровню их общности: нормы Общей части Уголовно-исполнительного кодекса (далее — УИК) РФ и нормы Особенной части УИК РФ.

В свою очередь, в Общей части УИК РФ следует выделить нормы:

1) дифференцирующие и индивидуализирующие исполнение наказания и применение средств исправления осужденных (ст. 8, ч. 3 ст. 9, части 9, 10 ст. 16 УИК РФ);

2) исполнение наказаний с учетом статуса осужденных (ч. 3 ст. 10 УИК РФ);

3) дифференцирующие применение к осужденным мер медицинского характера (части 2, 3, 4 ст. 18 УИК РФ).

Особенная часть УИК РФ содержит следующие нормы, дифференцирующие исполнение наказаний в виде лишения свободы:

1) нормы, определяющие места отбывания лишения свободы (ст. 73 УИК РФ) и виды исправительных учреждений (части 2–9 ст. 74 УИК РФ);

2) нормы, определяющие изменение вида исправительного учреждения (ст. 78 УИК РФ);

3) нормы, устанавливающие раздельное содержание осужденных (статьи 80, 81 УИК РФ);

4) нормы, определяющие применение мер безопасности (ст. 86 УИК РФ);

5) нормы, определяющие условия отбывания наказания (статьи 87, 120, 122, 124, 125, 126, 128, 130, 132 УИК РФ);

6) нормы, регламентирующие материально-бытовое и медицинское обеспечение осужденных (статьи 99–101 УИК РФ);

7) нормы, регламентирующие привлечение осужденных к труду (статьи 103, 104, 107 УИК РФ);

8) нормы, регламентирующие профессиональное образование и профессиональное обучение (ст. 108 УИК РФ);

9) нормы, регламентирующие воспитательную работу с осужденными (ч. 4 ст. 109 УИК РФ);

10) нормы, регламентирующие получение общего образования осужденными (ст. 112 УИК РФ);

11) нормы, регламентирующие применение мер поощрения и взыскания (статьи 115–117 УИК РФ);

12) нормы, устанавливающие условия содержания осужденных в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа и одиночных камерах (ст. 118 УИК РФ).

Нормы Особенной части УИК РФ, учитывающие личностные особенности осужденных, можно категоризовать в зависимости от сферы правового регулирования (родовой объект правового регулирования):

– нормы, регламентирующие общие положения исполнения наказания в виде лишения свободы;

– нормы, регламентирующие условия и порядок исполнения наказания (режим);

– нормы, регламентирующие условия отбывания наказания;

– нормы, регламентирующие труд, профессиональное образование и профессиональное обучение осужденных;

– нормы, регламентирующие воспитательное воздействие на осужденных.

Нормы, учитывающие личностные особенности осужденных в конкретной сфере деятельности, можно отнести к непосредственным (объект правового регулирования — непосредственный).

Нормы, учитывающие личностные особенности осужденных, в свою очередь, можно классифицировать на нормы, учитывающие социально-демографические данные; уголовно-правовые признаки; криминологические и психологические качества; уголовно-исполнительные показатели; смешанные нормы — нормы, которые включают несколько указанных по-

казателей или в которых говорится о личности в целом, без разделения на квалификационные признаки.

Таким образом, приведенная категоризация норм уголовно-исполнительного права может быть положена в основу методики индивидуализации исполнения наказаний в виде лишения свободы на основе типовой оценки личности осужденного, а также формулирования дополнений норм Общей и Особенной частей Уголовно-исполнительного кодекса РФ, предусматривающей такую оценку как условие применения этих норм.

Сенатова Е. В.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАПРЕТОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье говорится о проблемах законодательного регулирования запретов и ограничений как элементов административно-правового статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы. Содержатся предложения по совершенствованию правовой регламентации в этой сфере.

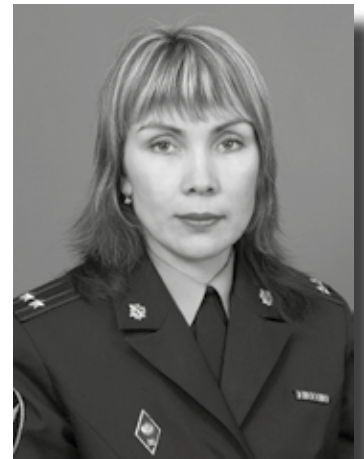
Ключевые слова: административно-правовой статус, запреты, ограничения, совместительство, сотрудник уголовно-исполнительной системы.

Senatova E. V.

ON IMPROVEMENT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF PROHIBITIONS AND RESTRICTIONS FOR PENAL SYSTEM EMPLOYEES

This article refers to the problems of legislative regulation of the prohibitions and restrictions as elements of the administrative and legal status of the penal system employees. The article contains proposals on improvement of the legal regulation in this area.

Keywords: administrative and legal status, prohibitions, restrictions, part-time job, an employee of the correctional system.

Сенатова Е. В.

Проводя реформу уголовно-исполнительной системы (далее — УИС), не стоит забывать о ключевом звене, которое будет претворять ее в жизнь, — сотрудниках УИС. Без их слаженной работы перемены могут пойти очень медленно, либо будет достигнут не ожидаемый, а мнимый результат. Проблемы в регулировании административно-правового статуса сотрудников УИС наряду с другими факторами не способствуют обеспечению эффективности их служебной деятельности.

На сегодняшний день административно-правовой статус органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, а также частично правовой статус их сотрудников закреплены в Законе Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Законом урегулированы вопросы применения сотрудниками УИС физической силы, специальных средств и оружия, а также вопросы, касающиеся правовой защиты и социальной поддержки работников УИС.

Однако следует отметить, что рассматриваемый закон регулирует далеко не все общественные отношения, существующие в сфере исполнения уголовных наказаний, а только ту их часть, которая отнесена к исполнению наказаний в виде лишения свободы, соответственно, устанавливает служебные права и обязанности сотрудников, непосредственно задействованных в этом виде деятельности. Служащие УИС, осуществляющие, например, управленческие функции, функции по исполнению уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, остаются за пределами действия названного нормативного акта¹.

На данный момент правовое регулирование порядка и условий прохождения государственной службы сотрудниками УИС, их статуса осуществляется в основном нормами, закрепленными в Положении о службе в органах внутренних дел². Это связано с тем, что до 1 сентября 1998 г. уголовно-исполнительная система находилась в ведении МВД России и, соответственно, прохождение в ней службы регламентировалось

законодательством, распространявшимся на сотрудников органов внутренних дел. Такая ситуация сохраняется до настоящего времени, поскольку самостоятельный нормативный правовой акт (речь идет о проекте Федерального закона РФ «О службе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы») до сих пор не принят³.

Данное Положение применяется в соответствии с Инструкцией о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел (далее — ОВД) Российской Федерации в учреждениях и органах УИС.

Положение о службе в ОВД регламентирует следующие вопросы: порядок приема на службу в органы и учреждения УИС, порядок присвоения специальных званий рядового и начальствующего состава органов и учреждений УИС, вопросы, касающиеся поддержания и укрепления служебной дисциплины в органах и учреждениях УИС, условия службы, прекращение службы и восстановление на службе в УИС.

Помимо перечисленных вопросов ст. 9 Положения о службе устанавливает ограничения для приема на службу и ее прохождения сотрудниками УИС. Так, гражданин Российской Федерации не может быть принят на службу, если он: 1) вступившим в силу решением суда признан недееспособным или ограниченно дееспособным; 2) имел или имеет судимость; 3) не подлежит уголовному преследованию за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, за исключением уголовных дел частного обвинения, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием; 4) не отвечает требованиям, предусмотренным для поступления на службу в УИС.

Сотрудникам, состоящим между собой в близком родстве или свойстве (родители, супруги, братья, сестры, сыновья, дочери, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей), не разрешается проходить службу в одном и том же органе, если их служба связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому.

Не заостряя внимание на упомянутых ограничениях, которые, на наш взгляд, достаточно четко сформулированы в законодательстве, отметим лишь, что на Украине, например, законодатель устанавливает такие же ограничения, касающиеся государственной службы близких родственников в непосредственной подконтрольности или подчиненности по от-

1 См.: Чорный В. Н., Сенатова Е. В. Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: опыт 20-летнего применения // Человек: преступление и наказание. — 2013. — № 4.

2 См.: Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: постановление ВС РФ от 23.12.1992 № 4202-1 в ред. от 25.11.2013 // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 2. — Ст. 70.

3 См.: Аллавердиева А. В. Проблемы социально-правовой защиты сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний // Уголовно-исполнительное право. — 2009. — № 1.

ношению друг к другу. Однако в Законе Украины от 7 апреля 2011 г. № 3206-VI «О принципах предотвращения и противодействия коррупции» приводится более широкое понятие близкого лица. Близкое лицо — это муж, жена, отец, мать, отчим, мачеха, сын, дочь, пасынок, падчерица, родной брат, родная сестра, дед, бабушка, прадед, прабабушка, внук, внучка, правнук, правнучка, усыновитель или усыновленный, опекун или попечитель, лицо, которое находится на попечении или под опекой, а также лица, которые совместно проживают, связаны общим бытом и имеют взаимные права и обязанности с субъектом, в том числе лица, совместно проживающие, но не состоящие в браке.

Таким образом, российские граждане, к коим теперь относятся и большинство жителей Крыма и Севастополя, имеют в этом плане больше возможностей по сравнению с гражданами Украины. Так, россияне, являющиеся дедом, бабушкой, прадедом, прабабушкой, внуком, внучкой, правнуком, правнучкой, усыновителем или усыновленным, опекуном или попечителем, лицом, которое находится на попечении или под опекой, а также лицами, которые совместно проживают, связаны общим бытом и имеют взаимные права и обязанности с субъектом, в том числе лицами, совместно проживающими, но не состоящими в браке, вправе по российскому законодательству поступить на государственную службу, даже если она будет связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому.

Помимо обозначенного, Положение о службе в ОВД гласит, что на сотрудника УИС распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и статьями 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». То есть фактически Положение отсылает нас уже к следующему нормативному акту.

Не останавливаясь на детальном освещении запретов для сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые касаются в основном действий, не допускающих злоупотреблений должностным положением и коррупционных проявлений, отметим лишь, что их общий перечень содержится в ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Таким образом, сотрудникам УИС опять приходится заимствовать нормы теперь уже из законодательства, регулирующего статус другого вида государственных служащих.

Стоит отметить, что все же ряд запретов содержится и в Положении о службе в ОВД. Так, ст. 10 Положения запрещает сотруднику УИС заниматься предпринимательской деятельностью, а также работать по совместительству на предприятиях, в учреждениях и организациях, независимо от форм собственности, не входящих в систему Минюста Российской Федерации, за исключением преподавательской, научной и иной творческой деятельности.

Данный запрет направлен на предупреждение и пресечение коррупции в УИС, однако, как показало исследование, он достаточно часто не работает, поскольку незначительное количество сотрудников УИС имеет способности и возможности заниматься творческой, научной и преподавательской деятельностью, в основном они имеют склонность к другим занятиям. К ним можно отнести работу охранниками, строителями, таксистами и т. п.

На наш взгляд, было бы вполне целесообразно использовать опыт Соединенных Штатов Америки и других стран и официально разрешить сотрудникам УИС заниматься иной оплачиваемой деятельностью, если такое совместительство не будет создавать ситуации, которую принято называть «конфликт интересов на государственной службе». В этом случае стоит также законодательно закрепить, что будет пониматься под конфликтом интересов на службе в УИС. За основу мож-

но взять положения Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», где приводится трактовка этого термина.

Режим совместительства сотрудников УИС нужно будет определить на законодательном уровне, более гибко и дифференцированно подойдя к данной проблеме. Причем установить единые критерии совместительства на службе УИС по всей территории Российской Федерации. Кстати, российские государственные гражданские служащие обладают правом заниматься иной оплачиваемой деятельностью, а служащие военной и правоохранительной службы этого лишены.

Согласимся с М. В. Костенниковым и А. В. Куракиным, что необходимо будет обдуманно подойти к вопросу, где сотрудники УИС могут осуществлять совместительство, не допустив возможности переплетения личных и служебных интересов (так, например, установить запрет на работу по совместительству у родственников осужденного); установить количество времени, которое следует выделять для совместительства, механизмы контроля за совместительством, предусмотреть сферы экономики, где совместительство невозможно вообще⁴.

Субъекты Российской Федерации, внося свою лепту, могли бы создавать специальные программы «Дополнительная работа для сотрудников уголовно-исполнительной системы», где закрепляли бы перечень учреждений, работ в регионе, где сотрудникам УИС готовы предоставить место для дополнительного дохода.

Таким образом, усовершенствовав механизм работы по совместительству в уголовно-исполнительной системе, сделав его более либеральным и прозрачным, нам удастся предупредить многие коррупционные проявления в ней, а также повысить уровень собственной безопасности ее сотрудников.

В заключение хотелось бы высказать чаянья всех сотрудников уголовно-исполнительной системы по скорейшему принятию собственного Федерального закона «О службе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы», который бы, помимо всего прочего, закрепил единые перечни прав, обязанностей, запретов и ограничений для сотрудников УИС. В таком случае последним не придется просматривать отсылки от одного акта к другому при ознакомлении со своим административно-правовым статусом.

Пристатейный библиографический список

1. Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: постановление ВС РФ от 23.12.1992 № 4202-1 в ред. от 25.11.2013 // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 2. — Ст. 70.
2. Аллахвердиева А. В. Проблемы социально-правовой защиты сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний // Уголовно-исполнительное право. — 2009. — № 1.
3. Костенников М. В., Куракин А. В. Административный запрет как средство противодействия коррупции в системе государственной службы: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция». — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010.
4. Чорный В. Н., Сенатова Е. В. Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: опыт 20-летнего применения // Человек: преступление и наказание. — 2013. — № 4.

4 См.: Костенников М. В., Куракин А. В. Административный запрет как средство противодействия коррупции в системе государственной службы: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция». — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010.

Игбаева Г. Р., Шакирова З. Р.
ДОСУДЕБНЫЕ НЕЮРИСДИКЦИОННЫЕ ПРОЦЕДУРЫ
УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ И МЕДИАЦИЯ

В статье проводится разграничение досудебных неюрисдикционных процедур урегулирования споров и медиации через анализ их признаков. Делается вывод, что медиация не может быть отнесена к обязательным досудебным процедурам.

Ключевые слова: споры, досудебное урегулирование, медиация, разрешение спора, суд, договор.

Igbaeva G. R., Shakirova Z. R.
PRE-TRIAL NON-JURISDICTIONAL SETTLEMENT
OF THE DISPUTES AND MEDIATION

The article distinguishes pre-trial non-jurisdictional dispute resolution procedures and mediation through the analysis of their characteristics. It is concluded that mediation cannot be attributed to the mandatory pre-trial procedures.

Keywords: suits, pre-trial settlement, mediation, dispute resolution, court, contract.

Сегодня в России происходит интенсивное движение в процессе интеграции процедуры медиации. Движение это не всегда и не во всем позитивное, но в любом случае ставит новые вопросы, требующие искать ответы под иным углом зрения¹.

Вступление в силу Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»² актуализировало сложный и интересный вопрос о разграничении медиации и досудебных неюрисдикционных процедур, решение которого имеет важное процессуальное значение и, соответственно, значение для защиты законных прав и интересов. Разумеется, он не затрагивает досудебных процедур, обязательных в силу указания закона, поскольку их перечень однозначно определен, главным образом в сфере транспорта и связи.

Трудности возникают при разграничении медиации и досудебных процедур, закрепляемых в договорах. Дело в том, что медиация сама является неюрисдикционной процедурой, которая может осуществляться в том числе и до обращения в суд. При этом организация медиации и досудебного порядка не сильно отличается. Ее содержание составляют взаимные действия управомоченной и обязанной сторон спорного правоотношения. Поэтому остается открытым вопрос о соотношении процедур медиации и досудебного урегулирования споров; непонятно, может ли урегулирование спора при содействии посредника выступать в качестве обязательной досудебной процедуры.

В современной юридической литературе довольно часто, иногда в разных значениях, используется термин «досудебный порядок урегулирования споров». Между тем он требует обстоятельного теоретического осмысления в связи с неясностью и многозначностью своего содержания. Большая работа проделана современным исследователем Р. Ю. Банниковым³, который осуществил комплексное исследование досудебного порядка урегулирования споров как одного из условий реализации права на предъявление иска в суд общей юрисдикции и арбитражный суд.

Так, некоторые авторы необоснованно расширяют данное понятие, мотивируя это тем, что словосочетание «досудебный

порядок» указывает лишь на период разрешения спора о праве — до суда. По данной логике, к досудебному урегулированию относятся любые меры, влекущие прекращение правового спора до обращения в суд.

Действующее законодательство позволяет выделить следующие признаки предварительного досудебного урегулирования споров.

1. Досудебное урегулирование споров представляет собой определенный порядок (процедуру).

В науке гражданского процессуального права общепризнанным является деление форм защиты субъективных прав и (или) законных интересов на неюрисдикционную и юрисдикционную.

Досудебное урегулирование споров представляет собой неюрисдикционную либо юрисдикционную форму защиты субъективных прав и (или) законных интересов и вследствие этого — определенную процедуру.

По сравнению с судебной процессуальной формой порядок деятельности несудебных юрисдикционных органов существенно упрощен. Однако это не является недостатком несудебных органов. За счет упрощения обеспечивается оперативность разрешения спора, полнее учитываются интересы и потребности спорящих сторон в каждом конкретном деле. В частности, этому принципу подчинена организация комиссий по трудовым спорам непосредственно на предприятиях.

Упрощение процедуры влечет за собой уменьшение процессуальных гарантий для сторон разбирательства. Применительно к несудебной юрисдикции уменьшение процессуальных гарантий имеет второстепенное значение, поскольку участники спорного материального правоотношения сохраняют право на обращение в суд.

2. Обязательность принятия мер к досудебному урегулированию спора.

Досудебный порядок урегулирования споров можно считать установленным только тогда, когда он в силу закона или договора является обязательным до предъявления иска в суд, и несоблюдение его влечет неблагоприятные для истца последствия: возвращение (пп. 1 п. 1 ст. 135 ГПК РФ) или оставление искового заявления без рассмотрения (абз. 2 ст. 222 ГПК РФ,

Игбаева Г. Р.

Шакирова З. Р.

1 Игбаева Г. Р. Перспективы внесудебных способов защиты в сфере обязательного страхования // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1 (68). — С. 151–153.

2 Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4162.

3 Банников Р. Ю. Досудебный порядок урегулирования споров / науч. ред. В. В. Ярков. — М.: Инфотропик Медиа, 2012. Серия «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». — Кн. 7.

п. 2 ст. 148 АПК РФ). Именно возможность наступления данных последствий играет ключевую роль.

Процессуальные нормы права предоставляют сторонам договора возможность согласовать условие о досудебном урегулировании споров и тем самым придать своим действиям по прекращению возможного спора процессуальный характер.

3. Досудебный порядок урегулирования споров представляет собой условие реализации (осуществления) права на предъявление иска в суд, т.е. фактический состав, имеющий процессуальное значение.

Досудебный порядок урегулирования споров относится к числу условий реализации (осуществления) права на иск. При его несоблюдении право на предъявление иска продолжает существовать, поэтому после исправления данного нарушения возможно вторичное обращение в суд с тождественным иском. Такой порядок не противоречит конституционному праву на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), поскольку после его соблюдения препятствия для обращения в суд будут устранены. Так, согласно п. 3 ст. 135, п. 2 ст. 223 ГПК РФ, п. 3 ст. 149 АПК РФ возвращение или оставление искового заявления без рассмотрения не препятствует повторному обращению в суд с иском к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям, если истцом будет устранено допущенное нарушение.

Закон о медиации позволяет выделять две «ипостаси» медиации: медиацию как альтернативный способ урегулирования споров и медиацию как досудебную процедуру. При этом элементы, их составляющие, обладают совершенно разными свойствами. Поэтому различия между двумя сущностями медиации будут настолько велики, что объединять их будет, пожалуй, лишь общее название. Это отчетливо видно из анализа признаков медиации и досудебного урегулирования споров.

Медиация представляет собой переговоры спорящих лиц с участием нейтрального посредника, проводимые на добровольной основе⁴. Поэтому лицо, невзирая на соглашение о медиации, может сразу обратиться в суд, который обязан в таком случае возбудить гражданское дело и рассмотреть спор по существу. При этом за нарушение указанного соглашения оно не понесет ответственности, для него не наступят негативные процессуальные последствия. Однако именно возможность возникновения этих последствий является важнейшим признаком досудебного урегулирования споров.

4 Игбаева Г. Р., Игбаева З. Р. Перспективы развития медиации в Республике Башкортостан: обзор круглого стола // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 2 (3). — С. 9–11.

Процессуальные последствия могут наступать только при наличии определенных обстоятельств — юридических фактов, имеющих процессуальное значение. При этом факт досудебной процедуры действует, как правило, на стадии возбуждения гражданского дела. Напротив, заключение соглашения о медиации может повлечь лишь отложение рассмотрения дела, которое применяется на стадии судебного разбирательства.

Для отложения рассмотрения дела одного только заключения соглашения о медиации недостаточно. Безоговорочно оно не порождает указанного процессуально-правового последствия. Для этого необходимо также наличие объективных предпосылок (например, неявка специалиста, эксперта и т.д.), общего волеизъявления лиц, участвующих в деле, т.е. согласие или заявление соответствующих ходатайств. Поэтому мы полагаем, что для признания медиации досудебной процедурой необходимо признать заключение соглашения о ней фактом, имеющим процессуальное значение на стадии возбуждения дела.

При этом пострадает один из основных принципов медиации — ее конфиденциальность. Суд в любом случае использует данные, свидетельствующие о поведении сторон в процессе медиации, при рассмотрении и разрешении спора по существу, а данные сведения являются конфиденциальными.

Исходя из изложенного, медиация может быть отнесена к досудебному урегулированию споров только при условии полного отказа от ее принципов: добровольности и конфиденциальности. Лишь в этом случае она сможет называться обязательной досудебной процедурой. При этом, однако, должно сохраняться возможность использования медиации и как альтернативного способа урегулирования споров. В настоящее же время медиация не может быть отнесена к обязательным досудебным процедурам.

Пристатейный библиографический список

1. Банников Р. Ю. Досудебный порядок урегулирования споров / Науч. ред. В. В. Ярков. — М.: Инфотропик Медиа, 2012. Серия «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». — Кн. 7.
2. Игбаева Г. Р. Перспективы внесудебных способов защиты в сфере обязательного страхования // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1 (68).
3. Игбаева Г. Р., Игбаева З. Р. Перспективы развития медиации в Республике Башкортостан: обзор круглого стола // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 2 (3).
4. Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4162.

Читайте

ЧЕШСКИЙ ЕЖЕГОДНИК
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Выпуск –2. Прага – 2011.

Выходит на английском языке

Инсур Фархутдинов

Иностраннный инвестор

и принимающее государство: необходим баланс интересов (с. 231–248),

а также и другие статьи по правовому режиму иностранных инвестиций.

Insur Zabirovich Farkhutdinov
Foreign Investor
and Host State:
Need for Balance
Interests

Key words:
globalization |
international law |
State sovereignty |
foreign investments
| host state |
liberalization | TNC |
Calvo clause | ICSID |
Most Favoured Nation
| National Treatment

Винникова И. В. СОВРЕМЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ БАНКОВСКОГО НАДЗОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию принципов банковского надзора, играющих ключевую роль в построении эффективной системы осуществления надзорных полномочий Банка России за исполнением кредитными организациями законодательства о банках и банковской деятельности. Рассматриваются классификации принципов банковского надзора, разработанные представителями финансового права, анализируются основные положения надзорной деятельности Банка России и предлагается нормативно закрепить специальноотраслевые принципы банковского надзора.

Ключевые слова: принципы, классификация, банковский надзор, Банк России.

Vinnikova I. V. MODERN BANKING SUPERVISION PRINCIPLES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the analysis of banking supervision principles playing a key role for the quality of banking supervisory powers of Bank of Russia that exercises regulation, control and supervision over the activities of credit financial institutions in compliance with federal laws. Besides that the author reveals different banking supervision principle classification developed by representatives of the financial law, examines the main supervisory activity provisions of the Bank of Russia and proposes to regulate legally special banking supervision principles.

Keywords: principles, classification, banking supervision, Bank of Russia.

Винникова И. В.

Понятие «принцип» (от латинского «principium») определяется как основоположение, исходная, руководящая идея, основное правило поведения, деятельности¹. С точки зрения логики принцип есть центральное понятие, лежащее в основании системы².

К исследованию принципов права в российской (советской) правовой науке обращались многие ученые, например, С. С. Алексеев, А. Ф. Шебанов, Е. А. Лукашева, Р. З. Лившиц, В. И. Никитинский, В. В. Лазарев, О. В. Смирнов, Л. С. Явич, Р. О. Халфина, В. А. Толстик, Е. В. Скурко и другие³.

Л. Г. Ефимова отмечает, что в современной науке «под принципами права принято понимать общеобязательные исходные нормативно-юридические положения, отличающиеся универсальностью, общей значимостью, определяющие содержание правового регулирования и выступающие критерием правомерности поведения и деятельности участников регулируемых правом отношений. С одной стороны, они выражают некие закономерности права, а с другой — представляют собой наиболее общие нормы, которые действуют

во всей сфере правового регулирования и распространяются на всех субъектов»⁴.

По мнению Р. З. Лившица, «принципы — как бы „сухой остаток“ богатейшей правовой материи, ее скелет, ее суть, освобожденная от конкретики и частных. Принципы играют роль ориентиров в формировании права»⁵.

Ю. А. Крохина указывает, что «дефиниций принципов права имеется около сорока, что со всей очевидностью ставит перед общей теорией права вопрос о необходимости систематизации всех признаков данного понятия»⁶.

Так, М. И. Байтин определяет принципы права как «исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права»⁷.

Е. А. Лукашева указывает, что «принципы права — это те объективно обусловленные начала, в соответствии с которыми оно развивается, которые лежат в основе системы законодательства. Это нормы наиболее общего содержания, которые фиксируют важнейшие направления и способы правовой регуляции социальной деятельности людей»⁸.

Конституционный суд РФ указал, что принципы «обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений [...] общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед ины-

1 Лехин И. В., Петров Ф. И. Краткий словарь иностранных слов. — М., 1950. — С. 315.

2 Рождественская Т. Э. Банковский надзор в Российской Федерации: теоретико-правовые основы: Монография. — М., 2012. — С. 16.

3 Общая теория социалистического права. — Вып. 1. Свердловск, 1963. — С. 151; Шебанов А. Ф. Советское социалистическое общенародное право. — М., 1963. — С. 48–50; Лукашева Е. А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. — 1970. — № 6. — С. 22–23; Лившиц Р. З., Никитинский В. И. Принципы советского трудового права // Советское государство и право. — 1974. — № 8. — С. 31; Лазарев В. В. Проблемы в праве и пути их устранения. — М., 1974. — С. 79; Смирнов О. В. Соотношение норм и принципов в советском праве // Советское государство и право. — 1977. — № 2. — С. 11; Явич Л. С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы). — М., 1978. — С. 11; Халфина Р. О. Что есть право. Понятие и определение // Советское государство и право. — 1984. — № 11. — С. 24; Халфина Р. О. Проблемы теории государства и права / Под ред. М. Н. Марченко. — М., 1999. — С. 457; Толстик В. А. Общеизвестные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. — 2000. — № 8. — С. 71; Скурко Е. В. Принципы права: монография. — М.: Ось-89, 2008.

4 Ефимова Л. Г. К вопросу о предмете, методе, системе и принципах банковского права // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». — 2012. — № 4. — С. 36.

5 Лившиц Р. З. Теория права: Учеб. для вузов. — М.: Бек, 1994. — С. 195.

6 Крохина Ю. А. Бюджетное право и российский федерализм / Под ред. проф. Н. И. Химичевой. — М.: Норма, 2001. — С. 29.

7 Байтин М. И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. — 2000. — № 3. — С. 4.

8 Лукашева Е. А. Общественное право — сущностный элемент правовой системы // Правовая система социализма: понятие, структура, социальные нормы. Кн. 1 / Под ред. А. М. Васильева. — М., 1986. — С. 73.

ми правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права»⁹.

Традиционно основанием классификации принципов права является их деление в соответствии с отраслевым дроблением права. Согласно данному критерию принципы подразделяются на: 1) общеправовые; 2) межотраслевые; 3) отраслевые; 4) принципы правовых институтов¹⁰.

Э. Д. Соколова, рассматривая принципы права, выделяет: 1) общеправовые; 2) отраслевые; 3) специальноотраслевые принципы¹¹.

Общеправовые принципы основываются на положениях Конституции РФ¹², находя свое закрепление в нормах всех отраслей права, включают в себя такие принципы, как законность, федерализм, плановость, гласность. В научной литературе выделяют следующие критерии общеправовых принципов: 1) объективность (существование общеправовых принципов не зависит от их признания и предположений о них); 2) общезначимость (проявляется в тех отношениях, которые не охватываются правовыми нормами); 3) общепризнанный интернациональный характер (универсальность правовых институтов и норм как воплощение справедливости, что обуславливает конвергенцию различных правовых систем); 4) максимальная степень общезначимости (применение к любой отрасли права); 5) одинаковая природа происхождения общих принципов права¹³.

Отраслевые принципы, в свою очередь, конкретизируют общеправовые принципы, отражая особенности предмета правового регулирования конкретной отрасли права. Они присущи всем или большинству правовых институтов соответствующих отраслей права. При этом в научной и учебной литературе по финансовому праву преимущественно рассматриваются специальноотраслевые принципы, которые закрепляют отраслевые исходные положения, отражая специфику правового регулирования отдельных правовых институтов отрасли права. Так, анализ показывает, что наибольшее количество работ в области финансового права посвящено исследованию принципов налогового права и бюджетного права¹⁴, а принципам банковского надзора такого пристального внимания в научной литературе не уделялось. На современном этапе развития российской юридической науки можно выделить только комплексные научные труды Т. Э. Рождественской и Л. Т. Казакбиевой¹⁵, посвященные рас-

смотрению правовых основ банковского надзора в Российской Федерации.

Л. Т. Казакбиева предлагает следующую классификацию принципов осуществления банковского надзора:

1) общеправовые принципы финансового права (законность; правовое равенство; признание норм и принципов международного права; обязательное рассмотрение жалоб и заявлений компетентными органами);

2) принципы финансово-контрольной деятельности (систематичность и регулярность; установление доверительных отношений между проверяющим и проверяемым субъектами; закрепление в федеральном законе понятия надзорной деятельности, видов надзора, периодичности и сроков проведения проверок, прав и обязанностей участников надзорного правоотношения; порядок оформления результатов надзора; адекватность (наличие у поднадзорных органов адекватных правонарушений мер реагирования, а также наличие критериев, позволяющих правильно (адекватно) выбрать необходимые из них));

3) специальные принципы (принципы банковского надзора) (разумное сочетание централизованных и децентрализованных начал; тайна надзора; подвергаемость наиболее частому и пристальному надзору кредитных организаций: а) у которых имеются финансовые затруднения, б) часто совершающих правонарушения; экономический анализ; консолидированный надзор за банками, имеющими филиалы; сочетание внешнего надзора и надзора, осуществляемого непосредственно на местах; взаимодействие и сотрудничество между территориальными учреждениями Банка России и аудиторскими организациями (индивидуальными аудиторами); надзор за всеми рисками, имеющими место в деятельности кредитных организаций; усиление надзора за достоверностью бухгалтерской и иной отчетности кредитных организаций, особого надзора за депозитными операциями банков)¹⁶.

Обозначенные автором принципы логичны, однако в целом небесспорны, например, принцип «демократическо-го централизма» при осуществлении банковского надзора. По мнению Л. Т. Казакбиевой, данный принцип можно трактовать как принцип разумного сочетания централизованных и децентрализованных начал в банковском регулировании (управлении), что означает их распределение в централизованной системе Банка России с вертикальной структурой управления и наличием территориальных учреждений, выполняющих функции по осуществлению не только банковского надзора, но и банковского регулирования и некоторые другие функций Банка России¹⁷. Однако согласно ст. 83 Закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» Центральный банк РФ представляет собой единую централизованную систему с вертикальной структурой управления, в которую входят в том числе и территориальные учреждения, которые не могут самостоятельно действовать и выполняют только вспомогательные функции, а окончательные решения принимаются в Центральном аппарате Банка России. Полномочия территориальных учреждений, в том числе в сфере регулирования, надзора и осуществления проверок деятельности кредитных организаций, закреплены в Положении Банка России № 46-П «О территориальных учреждениях Банка России»¹⁸, что позволяет судить о бесосновательности какой-либо децентрализации.

Т. Э. Рождественская выделяет следующие принципы банковского надзора:

16 Казакбиева Л. Т. Банковский надзор как финансово-правовая категория: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 70–80.

17 Там же. — С. 51.

18 Положение Банка России от 29 июля 1998 г. № 46-П «О территориальных учреждениях Банка России» (утв. Советом директоров Банка России (протокол № 15 от 10 апреля 1998 г.) (текст положения официально опубликован не был) // СПС Гарант.

9 См.: Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 1993. — № 2–3. — С. 56.

10 Курс лекций по теории государства и права / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — Саратов, 1995. — С. 67.

11 Соколова Э. Д. Система принципов финансового права // Финансовое право. — 2012. — № 8. — С. 7.

12 Конституция Российской Федерации (принята народным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — 4 августа. — № 31. — Ст. 4398.

13 Рождественская Т. Э. Банковский надзор в Российской Федерации: теоретико-правовые основы: Монография. — М., 2012. — С. 17.

14 См.: Болтинова О. В. Бюджетный процесс в Российской Федерации: теоретические основы и проблемы развития: Дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2008; Смирнов Д. А. Принципы российского налогового права: теоретические и практические аспекты формирования и реализации: Дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2011; Урубкова И. А. Принцип справедливости в налоговом праве (на примере налога на доходы физических лиц): Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011; Лопатникова Е. А. Реализация принципов налогового права: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012; др.

15 См.: Рождественская Т. Э. Теоретико-правовые основы банковского надзора в РФ: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2012. — С. 21–24. Казакбиева Л. Т. Банковский надзор как финансово-правовая категория: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004.

1) общие (основополагающие, универсальные), лежащие в основе функционирования банковского надзора в Российской Федерации и закрепленные в Конституции РФ (принцип социального государства, принцип соразмерности (пропорциональности), принцип равенства условий экономической деятельности для всех ее участников, принцип поддержки конкуренции, принцип свободного экономического протекновения);

2) специальные (законность, соразмерность, эффективность, независимость, объективность и компетентность, имплементация международно-признанных норм (стандартов) в сфере банковского надзора);

3) организационно-правовые (Основополагающие принципы эффективного банковского надзора (Core Principles for Effective Banking Supervision), сформулированные Базельским комитетом по банковскому надзору)¹⁹.

Принципы банковского надзора, разработанные Т. Э. Рождественской, обоснованы и обеспечивают взаимосвязь банковского надзора с другими видами финансового контроля и взаимодействие национальных органов банковского надзора с органами банковского надзора других государств.

На основополагающих принципах основывается сам институт банковского надзора. Интересно, что Т. Э. Рождественская относит принцип законности к специальным принципам банковского надзора. Однако полагаем, что данный принцип следует отнести к общеотраслевым принципам, поскольку он «пронизывает все структурные образования системы права, и как принцип права отражает закономерности взаимодействия особого регулятора общественных отношений (права) и законности (особого режима общественной жизни)»²⁰.

Данный принцип предполагает точное и единообразное соблюдение требований законов и иных нормативных правовых актов субъектами и объектами банковского надзора. Как отмечает Н. М. Предко, «законность — это основное, концептуальное положение деятельности органов публичной власти и их должностных лиц, проявляющееся в обязательности и верховенстве законов, недопустимости противопоставления законности и целесообразности»²¹.

В числе общеотраслевых принципов следует также, на наш взгляд, указать принцип гласности, конституционные основы которого закреплены в ч. 3 ст. 15 Конституции РФ, в соответствии с которой любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. В сфере банковского надзора данный принцип представляет собой открытость в деятельности органов банковского надзора и опубликование результатов такой деятельности.

Особую важность представляют специальные правовые принципы, поскольку институт банковского надзора основывается именно на них. К таким принципам банковского надзора, на наш взгляд, следует относить принцип независимости, принцип объективности, принцип системности, принцип ответственности, принцип обеспечения сохранения банковской тайны, принцип социальной направленности и принцип технологичности.

Как указывает Х. И. Мюллер, «цена плохого или неадекватного надзора в рыночной экономике чрезвычайно высока, следовательно, стоит направить значительные средства на эту деятельность, даже несмотря на то, что результат качествен-

ного надзора нельзя измерить количественно, и он поэтому не является наглядным»²².

Принцип независимости банковского надзора обусловлен недопустимостью прямого или косвенного давления или влияния на Банк России при осуществлении им властных полномочий или при принятии решений по вопросу, отнесенному к его компетенции. Именно принцип независимости позволяет Банку России эффективно реализовывать свои функции, в том числе банковский надзор за деятельностью кредитных организаций и банковских групп.

При этом под независимостью Банка России от органов государственной власти следует понимать также и независимость Банка России от банковского сообщества. Эта сторона независимости не менее важна, чем независимость, например, от органов исполнительной власти.

Принципы объективности и ответственности тесно взаимосвязаны. Под ними при осуществлении банковского надзора подразумевают неукоснительное соблюдение служащими Банка России, в частности, законодательства о банках и банковской деятельности, высокий профессиональный уровень контролеров и ответственность за принимаемые решения. Сотрудники органа надзора обязаны непредвзято, самостоятельно и объективно рассматривать любые вопросы и формировать свое профессиональное суждение. Это, прежде всего, означает, что служащие Банка России, в чью компетенцию входит осуществление надзора, должны иметь высокую квалификацию, владеть необходимым объемом профессиональных знаний и навыков и осознавать важность последствий надзорных решений не только для банковской системы в целом, но и для кредиторов и вкладчиков кредитных организаций.

Целью банковского надзора, как уже отмечалось, является поддержание стабильности банковской системы Российской Федерации, а для достижения данной цели необходимо избегать ситуаций, когда банкротство одного участника рынка вызывает цепную реакцию, и исходить из принципа системности.

Агрессивная политика ряда банков оказала негативное влияние на их устойчивость, что особенно остро проявилось в условиях кризиса и потребовало принятия Правительством Российской Федерации и Банком России экстренных мер по обеспечению системной стабильности банковского сектора, позволивших преодолеть кризисные явления и сохранить доверие населения и организаций к банковской системе.

Этим обусловлено интенсивное сотрудничество органов банковского надзора на национальном, а также на международном уровне. Порядок взаимодействия Банка России и Агентства по страхованию вкладов регулируется Законом «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации», Федеральным законом от 27 октября 2008 г. № 175-ФЗ «О дополнительных мерах для укрепления стабильности банковской системы в период до 31 декабря 2014 года»²³, а также Федеральным законом от 25 февраля 1999 г. № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций»²⁴.

Кроме того, в современных условиях взаимосвязанности деятельности кредитных организаций регулирование современных финансовых рынков, в том числе и банковского надзора, не может замыкаться в пределах национального законодательства, поскольку отсутствие эффективного банковского надзора может привести к кризису, способному вызвать так называемый «эффект домино» на международном уровне. Именно поэтому Банк России в целях поддержания

19 Рождественская Т. Э. Банковский надзор в Российской Федерации: теоретико-правовые основы: Монография. — М., 2012. — С. 18–34.

20 Овод А. В. Принцип законности в публичном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2005. — С. 10.

21 Предко Н. М. Счетная палата Российской Федерации в системе государственного финансового контроля (административно-правовые аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — С. 15.

22 Мюллер Х. И. О банковском надзоре в странах с рыночной ориентацией // Деньги и кредит. — 1990. — № 3. — С. 55. Мюллер Х. И. в 90-е годы возглавлял Базельский комитет по банковскому надзору.

23 Российская газета. — 2008. — 28 октября. — № 224.

24 Российская газета. — 1999. — 04 марта. — № 41–42.

стабильности и развития банковской системы, установления и развития связей в области банковского надзора осуществляется сотрудничество с органами банковского надзора других стран²⁵.

Принцип обеспечения сохранения банковской тайны предусматривает недопущение раскрытия информации, которая охраняется законом и становится доступной в рамках проводимых проверок. Раскрытие сведений, составляющих банковскую тайну, может привести к самым разным негативным последствиям, в том числе нарушению прав и интересов вкладчиков и кредиторов, проблемам в деятельности кредитной организации и в результате к дестабилизации банковской системы в целом.

Принцип технологичности подразумевает, что методики надзора должны быть глубоко проработаны, документально описаны, а результаты прозрачны и доступны. Для исключения механического подхода к надзору он должен сочетать в себе элементы мотивированного суждения. При этом любая информация, на основе которой подобное суждение высказывается, должна быть формализована. Это, с одной стороны, обеспечивает определенную защищенность самих органов надзора, с другой — институционализирует «надзорную» память, обеспечивая минимизацию надзорных ошибок и упущений. Основные методики (регламенты) проведения надзорных мероприятий должны быть доступны поднадзорным организациям и понятны с точки зрения как проводимых действий, так и логики надзорных органов. Представляется, что подобная практика формирует взаимное доверие и делает процесс надзора более конструктивным и полезным для поднадзорных организаций.

Результаты надзорных проверок должны быть доступны как для кредитных организаций, так и для любых заинтересованных лиц. Это особенно актуально при желании некоторых кредитных организаций скрыть проблемы в своей деятельности, но извлечь максимально возможную прибыль, не раскрывая объективной информации о своем состоянии кредиторам и вкладчикам.

25 См.: например, Меморандум о взаимопонимании между Центральным банком Российской Федерации (Банком России) и Агентством Республики Казахстан по регулированию и надзору финансового рынка и финансовых организаций в области банковского надзора; Меморандум о взаимопонимании между Центральным банком Российской Федерации (Банком России) и Национальным банком Сербии в области банковского надзора; Меморандум о взаимопонимании между Центральным банком Российской Федерации (Банком России) и Управлением финансового надзора Норвегии (УФНН); Меморандум о сотрудничестве между Центральным банком Российской Федерации (Банком России) и центральным банком Аргентинской республики и др.

Учитывая специфику надзорной деятельности Банка России, среди признаков банковского надзора можно выделить принцип социальной направленности банковского надзора. Данный принцип подразумевает, что при выборе и применении к кредитным организациям мер воздействия за допущенные нарушения Банк России, прежде всего, ставит цель поддержать стабильность и платежеспособность банка, выявить проблемы в банке и устранить их причины. Это, в свою очередь, способствует достижению социальной полезности банковского надзора: защите интересов кредиторов и вкладчиков, укреплению доверия к банковскому сектору, экономическому росту и др.

Указанный принцип проявляется в том, что, принимая решение о применении к кредитной организации мер воздействия за нарушения законодательства о банках и банковской деятельности, надзорный орган должен учитывать негативные последствия, которые повлечет принимаемая мера на финансовое положение кредитной организации, или, возможно, воздержаться от применения принудительных мер воздействия при наличии у кредитной организации отрицательного капитала²⁶.

Разработка принципов банковского надзора играет важную роль в процессе совершенствования банковского надзора. Более того, на наш взгляд, принципы банковского надзора следует легально закрепить в Федеральном законе от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

Пристатейный библиографический список

1. Быстрова Е. Ф. Правовые основы деятельности территориальных учреждений Центрального банка Российской Федерации в области банковского надзора: Дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2007.
2. Ефимова Л. Г. К вопросу о предмете, методе, системе и принципах банковского права // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». — 2012. — № 4.
3. Казакбиева Л. Г. Банковский надзор как финансово-правовая категория: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004.
4. Мюллер Х. И. О банковском надзоре в странах с рыночной ориентацией // Деньги и кредит. — 1990. — № 3.
5. Рождественская Т. Э. Банковский надзор в Российской Федерации: теоретико-правовые основы: Монография. — М., 2012.
6. Соколова Э. Д. Система принципов финансового права // Финансовое право. — 2012. — № 8.

26 См.: п. 1.17.8 Инструкции Банка России от 31 марта 1997 г. № 59 «О применении к кредитным организациям мер воздействия» // Вестник банка России. — 1997. — 5 апреля. — № 18.

Волков А. А., Зайцев А. Г.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА В ЦЕЛЯХ МИНИМИЗАЦИИ РИСКА ОППОРТУНИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ РЫНОЧНЫХ АГЕНТОВ

В статье представлена развернутая характеристика риска оппортунистического поведения рыночных агентов в контексте правового поля, формализующего неформальные институты регионального маркетинга. При этом рассматривается механизм его возникновения в структуре основных институтов воспроизводственного процесса и делается акцент на минимизацию его негативных последствий за счет правовой формализации интересов основных участников регионального рынка.

Ключевые слова: оппортунистическое поведение, институты маркетинга, правовое регулирование формальных институтов регионального маркетинга, согласования интересов рыночных агентов в рамках правового поля.

Volkov A. A., Zaitsev A. G.

INSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION IN THE SYSTEM OF REGIONAL MARKETING FOR THE PURPOSES OF MINIMIZING THE RISK OF MARKET AGENTS' OPPORTUNISTIC BEHAVIOR

The article is devoted to the problem of opportunistic behavior of market agents as risk factor in the legal context of formal and informal regional marketing's institutions. The mechanism of its occurrence in the structure of the main reproduction process' institutions is examined, the attention is focused on minimizing its negative effects by the legal formalization of the basic regional market entities' interests.

Keywords: opportunistic behavior, marketing institutions, legal regulation of the formal regional marketing's institutions, coordinating the interests of market agents within the legal framework.

В условиях современной экономики потребления воспроизводственный процесс начинает приобретать определенную специфику, выраженную, прежде всего, в ориентации на максимальное стимулирование спроса. В этой связи на первый план выходит распределительная стадия воспроизводственного процесса, которая не только сводится к обеспечению производства ресурсами, но и способствует эффективному распределению конечного продукта. В то же самое время имеют место перманентные стремления хозяйствующих субъектов к получению максимальной прибыли при условии минимизации издержек. В условиях существенного дефицита ресурсов подобное стремление к удовлетворению частнособственнических интересов приводит к возникновению риска снижения качества удовлетворения спроса. Решение проблемы обозначенного антагонизма, порождающего целый спектр макроэкономических рисков, возможно за счет формирования действенной институциональной среды, адекватной современным социально-экономическим реалиям.

Для разъяснения данного тезиса необходимо рассмотреть иерархическую структуру института маркетинга, позволяющего с формальной и неформальной стороны обеспечить минимизацию последствий рисков, сопровождающих поступление продукции на рынок. Среди основных институтов целесообразно выделить идеологические институты, институты организации рынков, институты территориальной политики и институты формирования потенциала региональных рынков. Каждый из них обладает специфическим механизмом соприкосновения и согласования экономических интересов, и, следовательно, выступает в качестве особой среды, порождающей риск оппортунистического поведения своих агентов.

Так, идеологические институты (в строго формальном смысле понимания данного термина) экономическими институтами (как неформальным и уж тем более формальными) не являются. Дело в том, что в рамках этой системы отношений нет линейного взаимоотношения между участниками, что ставит под сомнение возможность существования некоторых правил взаимодействия ее участников. Кроме того, сам факт равного паритета сторон просто невозможен — государство

всегда будет экономически превалировать над населением, несмотря ни на какие очевидные и абстрактные механизмы демократизации и социализации власти (данное утверждение однозначно применимо, как минимум, для стран с четкой инкорпорированностью государства и бизнеса, к числу которых относится и Россия). Однако задавая идеологические постулаты (через целенаправленное формирование информационных общественных благ, посредством образовательных механизмов, за счет использования специализированных медийных технологий и т. п.), государство формирует ментальную основу поведения населения на рынке, которая служит определяющим базисом возникновения и развития у потребителей определенных отношений к своим правам и обязанностям на рынке, возможностям их реализации, и создает когнитивную основу воплощения своих продуктовых ожиданий.

Учитывая факт того, что стейкхолдерами в данной системе отношений являются хозяйствующие субъекты, можно с уверенностью заявлять о том, что они однозначно заинтересованы в гармонизации этих идеологических постулатов со своими первичными экономическими интересами (максимизация прибыли и минимизация издержек), а следовательно, вынуждены также в некоторой степени придерживаться их сущности и наполненности. Все это триединство — государство, население и хозяйствующие субъекты — в своей совокупности образует особую надсистему, сущностная составляющая которой образует ядро территориального маркетинга. Последнее умозаключение и позволяет нам рассматривать идеологические институты как некоторую форму неформального институционального взаимодействия, задающую содержательные составляющие прочих, реально существующих и работающих, институтов.

Говоря о наполненности идеологических институтов, необходимо отметить, что каждая из соответствующих компонент имеет вид лозунга. На первый взгляд это может показаться

Волков А. А.

Зайцев А. Г.

некоторым «концептуальным дефектом» нашего рассуждения. Поэтому поясним, что с точки зрения когнитивной психологии это является абсолютно нормальным явлением — свойства человеческого разума требуют краткого и четкого образа (шаблона), наполненного определенным семиотическим смыслом, формирующим вектор его поведения, которое, в свою очередь, является основой его прямого взаимодействия с другими людьми (и прочими объектами реальности) в процессе принятия решений. В нашем случае таким прямым взаимодействием является система маркетинговых отношений, складывающихся между продавцом (хозяйствующим субъектом) и потребителем (населением), которая образует институт организации рынков. Данный экономический институт возникает из детерминант идеологического института и по своей сути является неформальным. Формализация данного института практически не реализуема в условия рынка, так как интересы продавца и интересы потребителя трудно сформулировать в рамках свода правил, потому что, во-первых, его создание требует огромных и зачастую нерациональных затрат информационных ресурсов, времени, капитальных вложений и подавления свободной динамики рыночной конъюнктуры и, во-вторых, исторические примеры попыток совершить подобную «регламентацию» (в частности, негативный опыт косвенного «государственного маркетинга» в СССР) заканчивались крайне плачевно для всей экономической системы и действовали разрушительно на воспроизводственный процесс.

Тем не менее, на наш взгляд, институт организации рынков является в своей организационной основе подвластным. Здесь мы имеем в виду факт того, что государство может в определенном смысле косвенно влиять на данный институт. Кроме того, будучи стейкхолдером института организации рынков, оно крайне заинтересовано в его успешном функционировании (как хозяйствующие субъекты, так и население в своем взаимодействии при достижении своих индивидуальных интересов гарантируют устойчивость экономического развития и лояльность экономических групп к правительству), поэтому создание им определенного институционального фона (но ни в коем случае не прямого воздействия) здесь просто необходимо. Содержательно этот фон должен быть направлен на создание цивилизованного (в экономическом понимании) института. Именно поэтому мы в своих рассуждениях обращаем особое внимание на уже ставшие классическими законы развития экономических институтов (сглаживание ограниченной рациональности в поведении предприятий и потребителей, паритетную минимизацию транзакционных издержек обеих сторон маркетингового взаимоотношения, гарантию соблюдения принципов общественного договора и развитие механизмов снижения асимметрии информации за счет эффективного коммуникативного взаимодействия), которые должны стать определенным социально-экономическим заказом, опосредованно обозначаемым государством.

Формализация института организации рынков происходит за счет становления на его базе другого института, определяемого нами как институт территориальной политики, в рамках которого государство, будучи принципалом, передает функции агента региональным органам власти. Это по своей прагматической сущности, во-первых, является гарантом перехода абстракции «левиафана» в конкретику «прокуратора», и тем самым создает релевантность государства в территориально-опосредованной системе маркетинговых отношений и, во-вторых, создает возможности прямого государственного воздействия на сглаживание антагонизма интересов предприятий и потребителей в разрезе регионального маркетинга. Сущности данного института на первый взгляд кажутся банальными: государство законодательно закрепляет правила функционирования институтов развития рынков и возлагает обязанности контроля за их соблюдением на региональные власти. Однако при рассмотрении института территориальной политики с позиции его стейкхолдеров, которыми одновре-

менно являются конкретные территориально-опосредованные хозяйствующие субъекты и население, оригинальность становится вполне очевидной. Так, маркетинговые принципы диктуют необходимость индикативного, а отнюдь не директивного, закона.

Разнообразие регионально-экономических и территориально-отраслевых спецификаций факторов, определяющих суть маркетинговых взаимоотношений между предприятиями и потребителями, практически невозможно декларировать с той точностью, которая заложена в правовую суть декрета. Эта правовая амбивалентность находит свое достаточно эффективное решение (и как показывает опыт древних цивилизаций, в частности Римской Империи, а также современная практика развитых стран), действенное уже не одно столетие. Сгладить вертикальный правовой провал института становится возможным за счет горизонтального экономического расширения — создания еще одного экономического института, суть которого заключается в прямом взаимодействии региональных органов власти с хозяйствующими субъектами.

Институт формирования потенциала регионального рынка, который имеется в виду в конце предыдущего абзаца, априори должен удовлетворять интересы населения — своего стейкхолдера первого порядка. Именно это и закладывалось нами в качестве предикаты данного института. Но не стоит забывать и о том, что стейкхолдером второго порядка для этого института является, в том числе и государство, интересы которого также должны опосредованно соблюдаться. В противном случае может возникнуть проблема неадекватного восприятия центральных властей населением и хозяйствующими субъектами, а следовательно, может возникнуть ситуация глубоко оппортунистического поведения данных участников рынка в рамках всех выше описанных институтов.

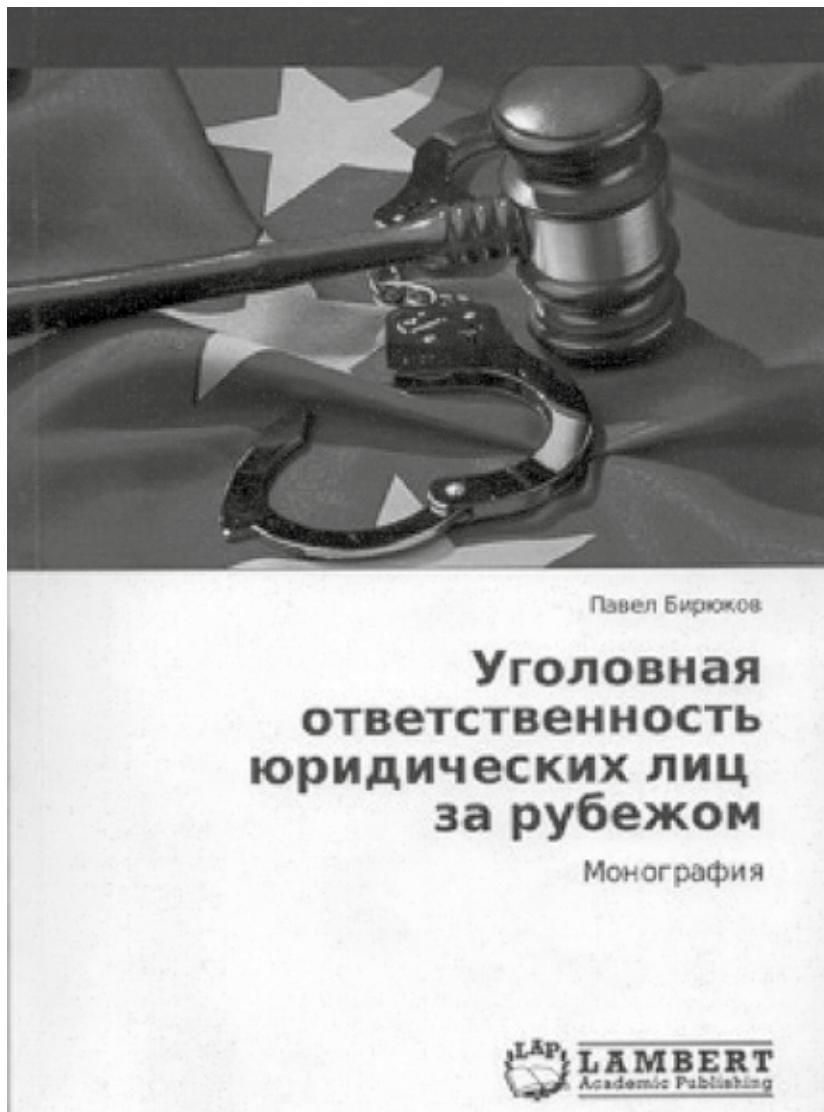
В этих условиях становление идеологического института станет просто нереализуемо в силу отсутствия авторитета государства у населения, что станет причиной развития потребительского поведения, далекого от рамок и шаблонов цивилизованных рыночных отношений. Вследствие чего институт развития рынков начнет стохастически спонтанное функционирование, характеризующееся явным перевесом паритета интересов в сторону хозяйствующих субъектов. Последние же начнут переход от формального отношения с региональными органами власти к неформальному, что однозначно усугубит положение населения в схеме регионального маркетингового взаимодействия. При этом каждый последующий оппортунистический шаг любого из частных институтов маркетинга будет способствовать ритмическому приращению прогрессии угасания общего института регионального маркетинга, что найдет свое логичное отражение в искажении отношений между участниками рынка, дегенерации спроса и снижении уровня побудительной активности потребителей на рынке.

Таким образом, очевидным фактом является то, что согласованность функционирования всех четырех институтов является гарантом эффективного проистечения воспроизводственного процесса, механистически опосредованного институционально-правовым регулированием маркетинга. Следовательно, задача по регулированию и регламентации степени этой согласованности является концептуально важной и значимой. При этом обеспечивать институциональную согласованность в рамках правового поля региона уместно как по горизонтали (население — хозяйствующие субъекты; органы региональной власти — государство), так и по вертикали (население — государство; хозяйствующие субъекта — органы региональной власти). Вывод о допустимости применения данного экономико-правового механизма воздействия мы делаем исходя из предикативного характера отдельных маркетинговых политик, реализуемых в процессе формирования каждого конкретного института, что позволяет в дальнейшем реализовать конкретное формализованное правовое регулирование регионального маркетинга в контексте оппортунистического поведения рыночных агентов.

При этом снижение вероятности возникновения избыточного оппортунистического поведения экономических субъектов возможно за счет обеспечения согласования неформальных институтов рынка в регламентированном порядке декларирования реальных, а не фантомных интересов посредством оптимального применения инструментов маркетинговых политик, которые в свою очередь должны учитывать региональную специфику маркетинговых отношений на конкретной территории. Именно это, а не исключительно прямой аутсорсинг неоклассических рыночных механизмов должно стать институциональной парадигмой экономического и правового регулирования отечественных региональных рынков.

Пристатейный библиографический список

1. Зайцев А. Г. Формирование эффективной системы регионального маркетинга на основе методологии институциональной теории. — Орел: Издательство ОГУ, 2010.
2. Попов Е. В. Модель эволюции институтов // ЭКО. — 2008. — № 9.
3. Чащин В. В., Рожкова М. В., Яворская О. В. Управление экономическим оппортунизмом: институциональные, технологические, маркетинговые аспекты // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. — 2013. — № 7-1.

Такмакова Е. В.

ФОРМИРОВАНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТАНДАРТИЗАЦИИ В РОССИИ

В статье раскрывается проблематика формирования нормативно-правовой базы государственной социальной стандартизации в России в целом и в отдельных регионах. Автором сделан вывод о том, что при разработке Федерального закона «О государственных минимальных социальных стандартах» следует утвердить принципы и методику расчета социальных стандартов и финансовых нормативов.

Ключевые слова: социальная стандартизация, государственные минимальные социальные стандарты.

Takmakova E. V.

FORMATION OF NORMATIVE AND LEGAL BASE FOR STATE SOCIAL STANDARDIZATION IN RUSSIA

The article deals with the problems of the formation of the state social standardization legal framework in Russia as a whole and in individual regions. The author concluded that the development of the Federal Law «On state minimum social standards» should adopt the principles and methodology for calculating the social and financial standards.

Keywords: social standardization, state minimum social standards.

Такмакова Е. В.

Нормативно-правовой базой государственной социальной стандартизации стала система законодательных актов, включающих в себя Конституцию РФ от 12 декабря 1993 г., федеральные законы и подзаконные акты. Для обеспечения реализации конституционных прав граждан в сфере социальных гарантий был принят целый ряд указов Президента РФ, законов РФ, подзаконных актов о государственных минимальных социальных стандартах.

Прямое отношение к социальной стандартизации имеет Закон РФ «Об основах бюджетных прав и прав по формированию и использованию внебюджетных фондов» (апрель 1993 г.). Этот закон ввел понятие минимальных социальных и финансовых норм и нормативов как единых или групповых удельных показателей минимально необходимой обеспеченности важнейшими жилищно-бытовыми, социально-культурными и другими услугами соответственно в натуральном и денежном выражении. Закон регламентировал отраслевой состав норм и нормативов, а базой расчета соответствующих минимальных бюджетов устанавливались фактические расходы по отраслям за отчетный год в расчете на натуральные единицы и с корректировкой на инфляцию. Этот закон надлежащим образом реализован не был.

Указ Президента РФ № 769 от 23 мая 1996 г. «Об организации подготовки государственных минимальных стандартов для обеспечения финансовых нормативов формирования бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов», по сути, вновь поставил задачу формирования государственных минимальных стандартов (далее — ГМСС). Указ предписывал до 1 сентября 1996 г. обеспечить подготовку научно обоснованной концепции формирования системы ГМСС и утвердить ее в установленном порядке и до 1 ноября того же года разработать на основе концепции и внести в Государственную Думу проект Федерального закона о ГМСС¹. В соответствии с Указом была принята Федеральная программа государственной поддержки местного самоуправления, которая была введена в действие распоряжением Правительства РФ № 1063-р от 3 июля 1996 г. Важной частью этого рас-

поряжения стали официально рекомендованные социальные нормы и нормативы².

В соответствии с данным Указом в 1997 г. Министерством экономики России совместно с другими министерствами и ведомствами был подготовлен первый вариант проекта Федерального закона «О государственных минимальных социальных стандартах». Но в Государственной Думе он не прошел установленного порядка обсуждения, так как в нем имелись противоречия множеству федеральных законов, несоответствие минимального уровня гарантированно представляемых социальных благ финансовым возможностям государства.

Бюджетно ориентированная разработка ГМСС существенно активизировалась в 1998–2000 гг. К этому времени была создана правовая база социальной стандартизации, сформирован блок федеральных законов: «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», «О государственных пенсиях в РСФСР», «О государственных пособиях гражданам, имеющих детей», «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» и др.

Острота задачи разработки системы ГМСС усилилась в связи с требованиями регионов о расчете трансфертов на основе социальных стандартов, что должно содействовать выравниванию удовлетворения потребностей россиян, проживающих в разных субъектах РФ. Министерство экономики РФ предполагало окончить разработку системы ГМСС в 1999 г., чтобы на ее базе полностью рассчитать трансферты регионам на 2000 г. Но данная задача не была решена.

В 2000 г. в Государственной Думе так и не был принят ни один из проектов Федерального закона «О государственных минимальных социальных стандартах», который должен был установить предметный круг ГМСС и ввести общую процедуру их разработки и утверждения.

Такого рода разработка социальных стандартов включает в себя: определение областей и сфер действия ГМСС; регламентацию спектра государственных услуг (согласно Общероссийского классификатора услуг населению) и меру возможности их предоставления (зависит от бюджетной обеспеченности); территориальную дифференциацию государственных услуг в зависимости от природно-климатических условий регионов,

1 Указ Президента РФ № 769 от 23 мая 1996 г. «Об организации подготовки государственных минимальных стандартов для обеспечения финансовых нормативов формирования бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов» //Российская газета. — 1996. — № 100. — 29 мая.

2 Распоряжение Правительства РФ № 1063 — р от 3 июля 1996 г. «О социальных нормативах и нормах» //СЗ РФ. — 1996. — № 29. — Ст. 3504.

уровня их социально-экономического развития и т. п.; механизмы и технологии предоставления государственных услуг.

Бюджетный кодекс РФ³, введенный в действие в 2000 г., установил, что расходы бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ определяются на основе минимальных государственных социальных стандартов, нормативов финансовых затрат на оказание государственных услуг и единых методологических основ расчета минимальной бюджетной обеспеченности⁴. В Бюджетном кодексе произошло окончательное законодательное закрепление «государственных минимальных социальных стандартов» как элемента бюджетного процесса. Так, в ст. 6 Бюджетного кодекса ГМСС отождествляются с государственными услугами, предоставляемыми на безвозвратной и безвозмездной основе.

По мере накопления массива социальных нормативов готовилась нормативно-методическая база их использования для организации межбюджетных отношений. В этой связи отмеченную Правительством РФ Концепцию реформирования межбюджетных отношений в РФ в 1999–2001 гг. Документ предполагал построение бюджетных нормативов для межбюджетного перераспределения доходов на трех основаниях: государственных минимальных социальных стандартах; социальных нормативах; прогнозируемых финансовых ресурсах консолидированного бюджета.

Лишь 18 июня 2002 г. в Государственную Думу был внесен законопроект группы депутатов № 209727-3 «О минимальных государственных стандартах», принятый в первом чтении 11 июня 2003 г.⁵ Дальнейшее движение законопроекта было заморожено.

С 2005 г. в соответствии с Федеральным законом № 122-ФЗ от 22.08.2004 «О внесении изменений в законодательные акты РФ и признании утратившими силу законодательных актов РФ в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“» на региональном уровне появилась возможность не использовать механизм единой тарифной сетки (ЕТС) (в большинстве региональных органов власти его продолжали применять). Согласно постановлению Правительства Российской Федерации № 605 от 22 сентября 2007 г. «О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных учреждений и гражданского персонала воинских частей, оплата труда которых осуществляется на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений» в период до конца 2008 г., занятые в бюджетном секторе работники были переведены на фактически отраслевые системы оплаты труда. Понятие социальных стандартов постепенно было выведено из Бюджетного кодекса.

За последние годы перечень законов и нормативных правовых актов, которые ссылаются на государственные социальные стандарты, увеличивается. Несмотря на отсутствие нормативно-правового акта, регламентирующего формирование системы ГМСС, ссылки на ГМСС встречаются в отдельных редакциях ряда основополагающих с точки зрения федерализма и социального партнерства нормативно-правовых актов РФ, что позволяет сделать вывод, что система ГМСС планировалась как эффективный регулятор социально-экономических процессов и отношений. К таким правовым документам относятся: Бюджетный Кодекс РФ; Федеральный закон «О финансовых основах местного самоуправления»; Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления».

В связи с перемещением центра тяжести в сфере законодательстве о социальной стандартизации с федерального уровня

на уровень субъектов Федерации, во многих ее регионах были разработаны и приняты областные законодательные акты о государственных минимальных социальных стандартах. Уже к началу 2000 г. примерно 30 регионов России имели собственные системы нормативов минимальной бюджетной обеспеченности, минимальных социальных стандартов, социальных норм и нормативов.

Уровень бюджетной обеспеченности субъектов РФ заметно дифференцируется. Высокая степень бюджетной обеспеченности дает основание регионам относительно самостоятельно решать конкретные задачи в социальной сфере. Такие регионы должны активно стимулировать работу по нормированию социальных расходов, обеспечивая развитие системы социальной стандартизации в целом по России. Субъекты Федерации с низкой бюджетной обеспеченностью вынуждены регулировать социальные расходы с помощью механизма бюджетного регулирования.

В состоянии региональной базы социальной стандартизации в динамике наблюдаются определенные изменения. В 2012 г. из проанализированных нами 83 субъектов Федерации в 73-х (по сравнению с 42 в 2004 г.) в той или иной степени затрагивались вопросы социальной стандартизации, то есть 88% регионов РФ вовлечены в сферу социальной стандартизации. В большинстве субъектов Федерации (83,5%) все вопросы в области стандартов не выходили за пределы социального обслуживания населения. Только в пяти субъектах РФ в 2012 г. (Республика Карелия, Республика Татарстан, Самарская область, Тульская область, Ямало-Ненецкий АО) социальная стандартизация рассматривалась в контексте, приближенном к проекту Федерального закона, то есть с 2004 г. ни в одном дополнительном регионе соответствующих нормативно-правовых актов принято не было и ситуация не изменилась⁶.

Итак, имеющиеся федеральные законы не решают социальных проблем в полном размере, а утвержденные ими социальные стандарты (величина прожиточного минимума, МРОТ, минимальный размер пенсий) не соответствуют нормальным условиям жизни населения. В связи с этим необходимо совершенствование нормативно-правовой базы социальной стандартизации. Первостепенной является доработка проекта Федерального закона «О государственных минимальных социальных стандартах», его принятие и приведение в соответствие с ним законов субъектов РФ. С принятием федерального закона о ГМСС будет необходимо привести региональные законы в соответствие с федеральным законодательством. При разработке Федерального закона «О государственных минимальных социальных стандартах» следует: устранить все противоречия федеральным законам; конкретизировать формирование системы социальной стандартизации с учетом специфики социальной сферы и ее отраслей; установить величину социальных стандартов и меру реального потенциала; определить количественные характеристики той доли социальных стандартов, выполнять которую обязаны федеральные, региональные и местные органы власти соответственно; утвердить принципы и методику расчета социальных стандартов и финансовых нормативов.

Пристатейный библиографический список

3 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ.
4 Там же. — Ст. 65.
5 Проект Федерального закона № 209727-3 «О минимальных государственных социальных стандартах» (подготовленный ко второму чтению в ГД) // СПС «Консультант Плюс».

1. Указ Президента РФ № 769 от 23 мая 1996 г. «Об организации подготовки государственных минимальных стандартов для обеспечения финансовых нормативов формирования бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов» // Российская газета. — 1996. — № 100. — 29 мая.
2. Такмакова Е. В. Анализ процессов социальной стандартизации в регионах России. // Интернет-журнал «Науковедение». — 2013. — № 3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/13evn313.pdf>.

6 Такмакова Е. В. Анализ процессов социальной стандартизации в регионах России. // Интернет-журнал «Науковедение». — 2013. — № 3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/13evn313.pdf>.

Тимофеев Е. А. LAW AND ECONOMICS КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Law and economics (в русском переводе «Право и экономика», «Экономика права» или «Экономический анализ права») представляет собой учение, которое в классическом виде сформировалась в 1950-е годы в Чикагском университете, а впоследствии выросло в одно из наиболее заметных и влиятельных направлений исследований в сфере общественных наук XX в. Вместе с тем в юридической литературе на русском языке существует тенденция игнорировать значимость данного подхода, либо отрицать его применимость в странах континентального права (романо-германской правовой традиции). Одной из возможных причин преваляирования подобного отношения к law and economics являются завышенные ожидания академической среды от исследований на стыке таких дисциплин, как право и экономика (хотя далеко не каждое исследование на стыке нескольких дисциплин должно иметь значение междисциплинарного или трансдисциплинарного знания). Необходимым предварительным условием для формирования адекватных ожиданий от результатов применения экономического анализа права является определение места law and economics в классификации междисциплинарных научных исследований. На наш взгляд, в целях наиболее эффективного использования исследовательского и творческого потенциала, заложенного в экономическом анализе права, следует рассматривать это направление как ветвь мультидисциплинарных исследований, не предъявляя к нему заведомо невыполнимых требования меж- (или транс-) дисциплинарности.

Ключевые слова: экономический анализ права, междисциплинарность, мультидисциплинарные исследования, философия науки.

Тимофеев Е. А.

Timofeev E. A. LAW AND ECONOMICS AS THE PERSPECTIVE MULTIDISCIPLINARY RESEARCH MOVEMENT

Law and economics is the approach which originally was born in Chicago University in the late 1950s, and after that became one of the most outstanding and influential movement among researches in social science in 20th century. At the same time, legal publications in Russian are tend to ignore the importance of law and economics approach, or to deny its application in countries of continental law (Romano-Germanic legal tradition). One of the likely reason of predominance of such attention to law and economics is overexpectations of academic environment concerning research at the intersection of such disciplines as jurisprudence and economy (although not every single research at the intersection of the disciplines must be interdisciplinary or transdisciplinary science). Necessary preliminary condition to form adequate expectation of applying law and economics approach and its results is determination of the place of law and economics in interdisciplinary research classification. In our point of view, to use the exploratory and creative potential of law and economics approach in a most efficient way we should look at this approach as a kind of multidisciplinary research, instead of lay impracticable interdisciplinary or transdisciplinary claims.

Keywords: law and economics, interdisciplinarity, multidisciplinary research, philosophy of science.

Понятие и типология междисциплинарных исследований

В современной науке все большую популярность набирает мнение о необходимости проведения междисциплинарных исследований для расширения исследовательских горизонтов путем использования прогрессивной методологии смежных областей знания. Юриспруденция в этом смысле не является исключением.

При рассмотрении исследований на стыке нескольких наук традиционно используются понятия «междисциплинарного взаимодействия» (с позиций онтологии науки, науковедения — отношения внутри науки как социального института) и «междисциплинарного исследования» (с позиций эпистемологии науки — выражает особенности познавательного процесса, взятого в контексте коммуникации субъектов, производящих и потребляющих знания). Междисциплинарное взаимодействие — это взаимодействие, которое варьирует от простого обмена идеями до взаимной интеграции целых концепций, методологии, процедур, эпистемологии, терминологии, данных организации исследовательской и образовательной деятельности в некоторой весьма широкой области¹. Междисциплинарные взаимодействия можно рассматривать с двух

позиций: вертикальные взаимодействия (между различными «этажами» в рамках одного научного направления) и горизонтальные взаимодействия (между различными научными направлениями)².

При междисциплинарном исследовании решаются две основные задачи: 1) методологический анализ существующей в некоторой дисциплине системы теоретического знания, выяснение исторических особенностей ее развития; 2) анализ методологических средств, с помощью которых определяется предмет изучения относительно объекта, развернутое теоретическое изображение которого вообще отсутствует.

С точки зрения системного подхода можно выделить следующие этапы междисциплинарного исследования объекта: 1) определение целей исследования и первичных ограничений набора исследовательских средств; 2) выделение объекта из среды и его отображение в виде относительно автономной целостности; 3) выявление главных направлений и системности связей; 4) выделение элементов и структурное описание объекта; 5) моделирование объекта и его описание в некотором наборе терминов и синтаксических структур, соотносенных с его специфическим содержанием.

1 Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. — М., 1980. — С. 20

2 Смирнов П. В. Пути интеграции науки / Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. — М., 1981. — С. 198.

Исходной точкой, основанием, необходимым для междисциплинарного взаимодействия (междисциплинарного исследования), является неопределенность в фундаментальном вопросе о том, относятся ли вообще имеющиеся научные сведения к предполагаемому объекту изучения. Зафиксировать такую ситуацию можно только в том случае, если указанная неопределенность формулируется как специальная проблема, т.е. исследователи должны до начала собственно исследовательской работы решить, что именно из имеющихся сведений должно быть выделено и объединено как некоторый исходный первичный набор сведений об объекте изучения. Такого рода неопределенность является отличительной характеристикой исходной стартовой ситуации междисциплинарного исследования³.

Типология междисциплинарных исследований дана Ж. Пиаже в его программной статье «Эпистемология междисциплинарных отношений» (1972 г.), в которой он вводит такие понятия, как мультидисциплинарность (одностороннее дополнение одной дисциплины другой), междисциплинарность (взаимодействие дисциплин) и трансдисциплинарность (построение интегральных структур)⁴.

Впоследствии И. Т. Касавин⁵, основываясь на типологии Ж. Пиаже, выделил:

– мультидисциплинарные системы знания (например, биофизика, физическая химия, геоботаника, социальная семиотика, общая теория социальной коммуникации и т.п.), характеризующиеся использованием некоторой дисциплинарной онтологии и методов для работы в другой дисциплине или их группе; четко сохраняющиеся междисциплинарные границы, различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин является условием успеха. Так, например, морфология пластов в геологии, с одной стороны, и региональное распределение флоры в палеоботанике, с другой, — предметы исследования независимых дисциплин, соединение которых позволяет уточнить эволюцию геологических отложений в рамках геоботаники;

– междисциплинарные системы знания (например, космические исследования, страноведение, науковедение, политология) — объединение дисциплин для создания новой онтологии и методов для работы с ее объектами. Данные системы знания характеризуются меньшей четкостью междисциплинарных границ. География, социология, экономика, гражданская история, языковедение, история культуры, политическая наука дополняют друг друга, к примеру, в рамках страноведения или исследования международных отношений;

– трансдисциплинарные системы знания (теория систем, теория самоорганизации, теория информации, теория катастроф и т.д.) — выдвигают претензии на абсолютную универсальность онтологии и методов, утративших дисциплинарную определенность. Системы отличает принципиальное игнорирование междисциплинарных границ. Естественно, эти теории возникли как обобщение некоторых дисциплинарных представлений в биологии, химии, математике. Однако затем они оторвались от своих истоков и стали развиваться на своей

собственной теоретической основе, проходящей проверку использованием в других областях знания.

Экономический анализ права в системе междисциплинарных исследований в юриспруденции

В юридической науке существуют примеры всех перечисленных типов междисциплинарных исследований: монодисциплинарные — изучение права «изнутри», из самого себя (юридическая догматика), мультидисциплинарные — изучение права с позиций иных научных дисциплин (например, философия права, социология права и т.д.), междисциплинарные — формирование ранее не существовавших отраслей знания в ходе взаимодействия научных дисциплин (например, юридическая психология⁶, юридическая лингвистика и т.д.), трансдисциплинарные — «гибридные» исследования, новые глобальные поля междисциплинарности с выраженным правовым компонентом (исследования городской среды, изучение преступности и т.д.). Так к какому же из перечисленных типов междисциплинарных исследований относится экономика права?

В самом общем виде экономический анализ права, или экономику права, можно определить как применение экономической теории и экономических методов исследования к изучению формирования, структуры права, правовых процедур, правового регулирования, а также правовых институтов⁷. В классическом виде экономика права возникла в США в конце 1950-х годов и получила признание в юридическом сообществе в 1970-е годы, во многом благодаря работам Ричарда Познера. На тот момент экономика права представляла собой нестандартное внедрение концепций и методов смежных наук в право, поскольку экономика права обращается к вопросам всего диапазона правового регулирования, включая во многом и нерыночное поведение⁸.

Ричард Познер в своей фундаментальной работе «Экономический анализ права» (1972 г.) сформулировал основные предпосылки и условия, на основе которых в дальнейшем строились исследования его последователей. Исходная точка его рассуждений заключается в том, что люди постоянно, даже при принятии нерыночных решений (например, выбирая скорость вождения автомобиля), стремятся максимизировать выгоду, учитывая при этом возможные издержки. Система права же устанавливает неявные цены, сопутствующие принятию того или иного решения. Следовательно, изменение такой системы цен влияет на количество поведения, которое индивид готов потратить. Наконец, общей целью всей системы общего права сторонники Чикагской школы видят достижение эффективности (по Парето или Калдору-Хигсу)⁹.

Исходя из сказанного, law and economics является скорее направлением мультидисциплинарных исследований, в рамках которого право изучается с позиций иной научной дисциплины — экономики (равно как право изучается с позиций философии в рамках философии права, или социологии в рамках социологии права). Следовательно, следуя принципам

3 Применительно к экономике права, на наш взгляд, исходные основания для начала междисциплинарного исследования, безусловно, существуют. Так, например, появление в экономике теории рационального выбора, постулирующей экономическую обусловленность поведения каждого индивида (рационального экономического агента), позволяет предположить наличие подобных закономерностей и в сфере юридически значимого поведения (с последующим использованием полученных выводов в процессе правового регулирования).

4 Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationships // *Interdisciplinarity. Problems of teaching and research in universities*. — P., 1972.

5 Касавин И. Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // *Вопросы философии*. — 2010.

6 В рамках таких исследований, например, ставится «задача обобщить факторы социальной реальности (которую можно назвать «правовой психологией личности и общества в целом»), имеющие отношение к административно-деликтному поведению, и показать их влияние на примере мелких хищений». — Назарова Н. Л., Романовская В. Б. Причины административных правонарушений: применительно к проблеме мелких хищений // *Вестник ННГУ. Серия: право*. — 2000. — № 1. — С. 153.

7 Rowley Ch. K. *Public Choice and the Economic Analysis of Law* // *Law and Economics*. — Boston, 1989. — P. 125.

8 Posner R. *The Economic Approach to Law* // *Texas Law Review*. — 1975. — № 53. — P. 759.

9 Подробнее об истории экономики права см. Тимофеев Е. А. Краткий исторический очерк по экономике права // *Правовое поле современной экономики*. — 2013. — № 11.

Ж. Пиаже, сохранение междисциплинарных границ, различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин, является условием успеха и залогом развития этой дисциплины.

В этой связи примечательно, что Мариус Голецки в своей статье «Экономика права как теория юриспруденции»¹⁰ настаивает на неправильности наименования дисциплины law and economics («право и экономика») в связи с его некорректностью, как не отражающего сути исследования, которое правильнее обозначить как economics of law («экономика права» или «экономический анализ права»).

Напротив, доктор юридических наук Т. Я. Хабриева в своей работе «Экономико-правовой анализ: методологический подход» скорее призывает к стиранию междисциплинарных границ, появлению новой общей онтологии и методов для работы с объектами. Автор указывает на то, что «экономико-правовой анализ»¹¹ пока еще не имеет четко разработанной методологической базы, а отраслевая дифференциация знаний не позволяет достичь эффективности управления общественными процессами¹², «отсутствуют крупные исследования по значительному числу общетеоретических и совместных прикладных проблем». И хотя автор соглашается, что «экономическая и правовая науки имеют свое видение общественных процессов, обладают самостоятельными научным инструментарием и языком научного общения», а также в качестве примера успешного применения к исследованию права методов других наук называет статистику и математику (в этом случае не призывая к созданию самостоятельных междисциплинарных единиц), тем не менее считает, что «экономическая наука должна дополнить методы экономического анализа методом нормативного анализа (нормативным методом), основанным на исследовании надлежащего порядка, установленного прежде всего действующим законодательством».

На наш взгляд, подобные рассуждения являются пагубными для популяризации и развития экономического анализа права в России. Из этих тезисов следует необходимость создания некоей «общей теории экономического анализа права», которой в действительности является сама экономическая теория (в силу чего данная исследовательская задача невыполнима). Кроме того, призыв к дополнению экономики методом нормативного анализа скорее является указанием на обязательность учета действующих нормативно-правовых актов при выдвижении прикладных экономических теорий, чем экономисты зачастую пренебрегают (например, не учитывают, что органы местного самоуправления не относятся по действующей Конституции РФ к органам государственной власти).

Таким образом, экономический анализ права является все же направлением мультидисциплинарных исследований, а law and economics — неким общим названием для цикла работ в этой сфере, но не междисциплинарным или, тем более, трансдисциплинарным знанием (обобщения здесь несут в себе опасность методологического редукционизма). Синтез общего метода, разработка единого «словаря» для таких самостоятельных дисциплин, как экономика и право, разработка новой онтологии требуют колоссальных интеллектуальных усилий, перспектива которых туманна, поскольку проведение комплексных исследований возможно и без этого. Для эффективного междисциплинарного взаимодействия не обязательно превращать экономиста в эксперта в области права, владею-

щего нормативным анализом, или наоборот. Знание и навыки юристов неопределимы при постановке исследовательских задач в правовом поле, ряд из них в современном мире требуют для решения применения экономических методов, которыми владеют экономисты. В той же степени экономистам для решения стоящих перед ними исследовательских задач требуются юристы для получения исходной информации и ограничений, которые необходимо учитывать при проведении исследования.

Признание мультидисциплинарного характера law and economics не только не влечет умаления значимости этого направления, но напротив, акцентирует перспективность его исследовательского горизонта при сохранении междисциплинарных границ. «Относительное преимущество, которое вносит экономическая теория в изучение правовых вопросов — это ее последовательная и убедительная концептуальная основа», «способность описывать измеряемую деятельность»¹³. В настоящее время одной из задач экономического анализа права является четкая демаркация своих границ¹⁴, в том числе и междисциплинарного характера.

Пристатейный библиографический список

1. Антонов М. В. О некоторых теоретических проблемах применения экономического анализа права в России // Право. Журнал ВШЭ. — 2011. — № 3.
2. Касавин И. Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. — 2010. — № 4.
3. Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. — М.: Наука, 1980.
4. Назарова Н. Л., Романовская В. Б. Причины административных правонарушений: применительно к проблеме мелких хищений // Вестник ННГУ. Серия: право. — 2000. — № 1.
5. Смирнов П. В. Пути интеграции науки // Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. — М., 1981.
6. Тимофеев Е. А. Краткий исторический очерк по экономике права // Правовое поле современной экономики. — 2013. — № 11.
7. Хабриева Т. Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. — 2010. — № 12.
8. Golecki M. Economics of law as a jurisprudential theory // German Working Papers in Law and Economics. — Vol. 2002. — Paper 13 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.econ.jku.at/members/Buchegger/files/Juristen/golecki_2002_law&econ.pdf (дата обращения: 19.01.2015)
9. Piaget J. The Epistemology of Interdisciplinary Relationships // Interdisciplinarity: Problems of Teaching and Research in Universities / eds L. Apostel, G. Berger, A. Briggs, G. Michaud. — Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1972.
10. Posner R. The Economic Approach to Law // Texas Law Review. — 1975. — № 53.
11. Rowley Ch. K. Public Choice and the Economic Analysis of Law // Law and Economics. — Boston, 1989.
12. Veljanovski C. The Economic Approach to Law: A Critical Introduction // British Journal of law and society. — 1980. — Vol. 7.
13. Veljanovski C. The Economic Approach to Law: A Critical Introduction // British Journal of law and society. 1980. vol. 7.
14. Антонов М. В. О некоторых теоретических проблемах применения экономического анализа права в России. // Право. Журнал ВШЭ. — 2011. — № 3.

10 Golecki M. Economics of law as a jurisprudential theory // German Working Papers in Law and Economics. — Vol. 2002. — Paper 13 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.econ.jku.at/members/Buchegger/files/Juristen/golecki_2002_law&econ.pdf (дата обращения: 19.01.2015).

11 Исходя из контекста, автор использует понятие «экономико-правовой анализ» в качестве синонима «law and economics».

12 Хабриева Т. Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. — 2010. — № 12.

Фирсова О. Н.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ УЧАСТИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ В КОЛЛЕКТИВНОМ ИНВЕСТИРОВАНИИ

В статье раскрываются направления инвестирования свободных финансовых ресурсов домохозяйств, выступающих в качестве частных инвесторов в рамках российского законодательства, в частности особое внимание уделяется коллективному инвестированию, представленному в наиболее распространенной форме — паевых инвестиционных фондов.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность домохозяйств, правовые основы коллективного инвестирования, паевые инвестиционные фонды.

Firsova O. N.

ECONOMIC PATTERNS OF PARTICIPATION OF HOUSEHOLDS IN COLLECTIVE INVESTMENT

The article reveals the direction of the investment of surplus financial resources of the households, acting as private investors in the framework of the Russian legislation, in particular, special attention is paid to collective investment presented in the most common form of mutual investment funds.

Keywords: investment activity of households, the legal framework of collective investment, mutual funds.

Фирсова О. Н.

В процессе принятия решения о сохранении части своих финансовых ресурсов с целью использования их в будущем домохозяйствами формируются фонды семейного богатства, в результате чего перед ними встает вопрос, в каких формах осуществлять хранение средств этих фондов. Российское законодательство обуславливает различные способы решения данного вопроса: можно хранить средства дома, можно воспользоваться услугами банковских структур, можно вложить их в недвижимое имущество или направить их на развитие собственного бизнеса, — одним словом, использовать накопленные средства в целях личного инвестирования. Выбор вида инвестирования свободных финансовых ресурсов домохозяйств зависит от законодательных предпосылок расширения предпринимательства в стране и состояния финансового рынка¹.

Инвестирование домохозяйства осуществляют:

- в средства производства для индивидуальной предпринимательской деятельности в рамках законодательства о предпринимательстве;
- в ценные бумаги с целью получения дивидендов по акциям или дохода по облигациям;
- в банковские депозиты (вклады) и сберегательные сертификаты;
- в валютные ресурсы.

Выбор формы инвестирования собственных свободных финансовых ресурсов домохозяйства в любом случае осуществляют на основе определенных условий и правил, регулируемых различными нормами инвестиционного законодательства, в первую очередь опираясь на ГК РФ. Именно он устанавливает основы для осуществления инвестирования, определяя правовое положение участников инвестирования, основания возникновения инвестиционных отношений ответственности и т.д.²

В настоящий момент времени в российской экономике наблюдается рост числа инвестиционных институтов и расширение их деятельности. Широкое распространение среди таких институтов получили и институты коллективного инвестирования.

Коллективное инвестирование позволяет домохозяйствам вступать в объединения инвесторов, вкладывающим свои денежные средства в институты коллективного инвестирования, доверяя их тем самым профессионалам. Профессионалы коллективного инвестирования при этом грамотно инвестируют средства домохозяйств в различные выгодные проекты, например, производство, строительство, недвижимость, ценные бумаги и др., приносящие долговременно хорошую и стабильную прибыль.

Коллективное инвестирование открывает перед домохозяйствами широкий спектр возможностей для вложения своих сбережений, при этом существенно определяя некоторые свои преимущества для домохозяйств:

- сбережениями домохозяйств управляют высококвалифицированные специалисты;
- домохозяйства могут инвестировать минимальную сумму, начиная от ста рублей;
- суммы, полученные в результате коллективных вкладов различных домохозяйств, за счет диверсификации вложений позволяют в значительной степени снижать риски инвестирования;
- домохозяйства, выступая в роли коллективных инвесторов, практически не участвуют в управлении инвестиционными процессами и им не требуется для этого специального образования;
- и наконец, традиционные финансовые институты из-за высокой цены, нежелания эмитентов и посредников сотрудничать с небольшими сделками бывают просто-напросто недоступны мелким инвесторам, которыми и являются в данном случае домохозяйства.

Сегодня среди домохозяйств, выступающих в качестве частных инвесторов, самым известным и наиболее востребованным инструментом коллективного инвестирования являются паевые инвестиционные фонды, под которыми понимается обособленный имущественный комплекс, состоящий из имущества, переданного в доверительное управление управляющей компании учредителем или учредителями доверительного управления с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления, и из имущества, полученного в процессе такого управления, доля в праве собственности на которое удостоверяется ценной бумагой, выдаваемой управляющей компанией³.

1 Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://base.garant.ru/12114699/1/#block_100 (дата обращения: 19.09.2014)

2 Гражданский кодекс Российской Федерации. Части 1, 2, 3 и 4. — М.: КноРус, 2014. — С. 608.

3 Федеральный закон от 29 ноября 2001 года № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://>

Таблица 1. Количество паевых инвестиционных фондов в России на 18.09.2014 г.⁴

Категория	Всего		
	Зарегистрировано	Формируются	Работают
Фонды акций	226	3	221
Фонды облигаций	81	0	81
Фонды смешанных инвестиций	144	1	142
Фонды денежного рынка	11	0	10
Индексные фонды	30	0	30
Фонды фондов	44	0	44
Фонды товарного рынка	9	0	9
Хедж-фонды	26	0	21
Ипотечные фонды	5	0	5
Фонды художественных ценностей	1	0	1
Фонды венчурных инвестиций	60	0	59
Фонды недвижимости	586	11	556
Фонды прямых инвестиций	99	0	74
Рентные фонды	87	0	78
Кредитные фонды	74	0	65
Всего:	1483	21	1396

Рынок паевых инвестиционных фондов в настоящее время активно развивается, чему поспособствовало развитие в последние годы законодательного регулирования, возросшее доверие со стороны домохозяйств, желающих надежно и прибыльно вложить свои сбережения. Количество управляющих компаний и работающих паевых инвестиционных фондов в последние годы увеличилось, результатом чего является, соответственно, и рост общей стоимости чистых активов фондов (таблица 1).

На данный момент времени число зарегистрированных паевых инвестиционных фондов составило 1483 фонда, из них действующих фондов — 1396. Стоимость чистых активов всех паевых инвестиционных фондов в марте 2014 г. составила 577,58 млрд руб.

Количество действующих управляющих компаний составило 411 компаний в марте 2014 г. Количество управляющих компаний, у которых есть ПИФы под управлением, достигло в марте 2014 г. 334 компаний, а количество управляющих ком-

паний, у которых нет паевых инвестиционных фондов под управлением, составило 77 компаний.

Изменение политической ситуации в стране или в мире в целом, национализация, падение цен на энергетические ресурсы или, например, проведение политики, ограничивающей приток инвестиций в отрасли экономики с особыми государственными интересами, — все это является основой появления политических и экономических рисков инвестирования в паевые инвестиционные фонды.

Однако инвестирование в паевой инвестиционный фонд сопряжено с целым рядом рисков для домохозяйств, являющихся инвесторами фондов. Все риски инвестирования в паевые фонды представляют собой совокупность общеэкономических и специфических видов рисков (рисунок 1).

Рыночный риск инвестирования в паевые фонды может быть обусловлен колебаниями курсов валют, процентных ставок, цен и финансовых инструментов.

Неисполнение принятых обязательств со стороны эмитентов ценных бумаг и контрагентов по сделкам порождает кредитный риск инвестирования. Большинство операционных рисков обусловлено несовершенством системы расчетов при совершении сделок с паями.

Несмотря на развитие законодательной сферы в области инвестирования, в настоящее время домохозяйствам, выступающим инвесторами, не всегда доступна полная информация о структуре активов, входящих в портфель фонда, что порождает появление риска информационной асимметрии.

Самый очевидный риск для домохозяйств — вероятность потерять свои сбережения, вложенные в паевые инвестиционные фонды. Поэтому, выбирая тип фонда для инвестирования своих сбережений, домохозяйствам следует в первую очередь определиться с основной целью: заработать дополнительные денежные средства при любых обстоятельствах, максимально защитить свои средства или же попытаться совместить оба эти желания.

Надежная управляющая компания обязательно должна иметь разработанный и утвержденный внутренний регламент инвестиционного процесса, в противном случае она подвергается внутреннему риску инвестирования в паевые инвестиционные фонды.

Развитие индустрии управления коллективных инвестиций домохозяйств должно сопровождаться возрастающим контролем над рисками, сопутствующими этой деятельности. Помимо

Рисунок 1. Риски инвестирования в ПИФы

base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=157068&req (дата обращения: 19.09.2014).

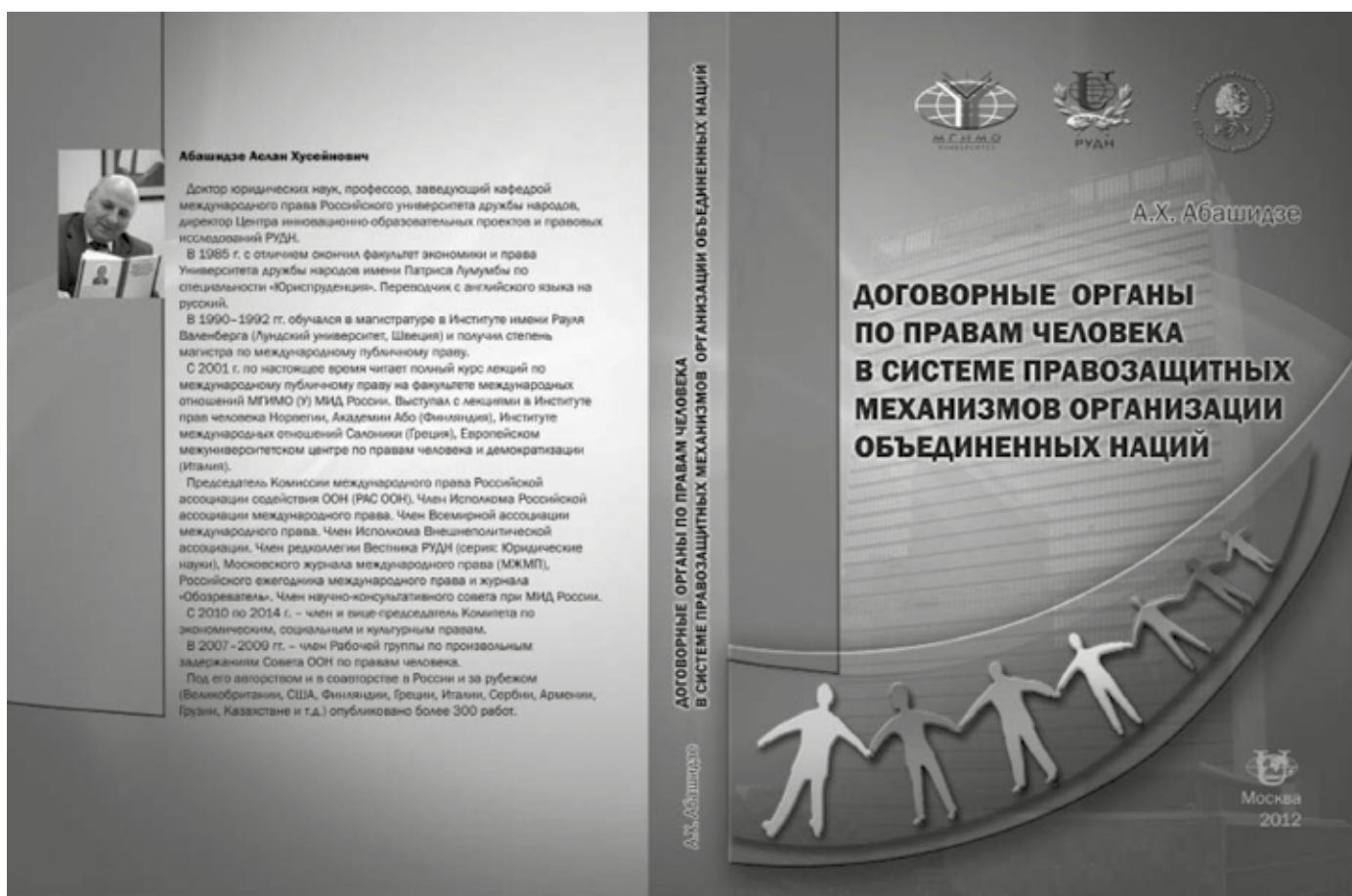
4 Национальная лига управляющих [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nlu.ru/stat-count_pifs.htm (дата обращения: 18.09.2014).

законодательных ограничений, должны происходить процессы по повышению профессиональной культуры домохозяйств в сфере коллективного инвестирования. Эта цель должна достигаться за счет реализации комплекса мер, а именно домохозяйства должны обладать высокими полномочиями с точки зрения влияния на принятие инвестиционных решений.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части 1, 2, 3 и 4. — М.: КноРус, 2014.
2. Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об инвестиционной деятельности
3. в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://base.garant.ru/12114699/1/#block_100 (дата обращения: 19.09.2014).
4. Федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=157068&req> (дата обращения: 19.09.2014).
5. Национальная лига управляющих [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nlu.ru/stat-count_pifs.htm (дата обращения: 18.09.2014).

Хайруллин В. А., Клявлиная Я. М. ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ РЫНОЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ В РОССИИ

После публикации трудов Адама Смита (1723 г.) и, в частности, ставшего наиболее известным произведением «Исследование о природе и причинах богатства народов» понятия «свободная конкуренция», «рыночные отношения», «принцип невмешательства государства в рыночные механизмы ценообразования» и т.д. становятся незыблемыми постулатами развития большинства экономических систем в мире, в том числе в России. В статье рассматривается вопрос, насколько современные реалии экономической системы России соответствуют правовому статусу демократического государства.

Ключевые слова: экономическая свобода, рыночный механизм, рейтинговое агентство, капитал.

Khayrullin V. A., Klyavlina Ya. M. ECONOMY AND LEGAL DEVELOPMENT OF MARKET MECHANISMS IN RUSSIA

After the publication of the works of Adam Smith (1723), and in particular one of his most famous works — «The Wealth of Nations», the concepts of free competition, market relations, the principle of non-interference of the state in market pricing mechanisms, and so on become inviolable precepts of most economies in the world, including in Russia. The article discusses how the modern realities of the economic system correspond to the legal status of Russian democracy.

Keywords: economic freedom, market mechanism, rating agency, capital.

Нельзя отрицать тот факт, что Адам Смит — гениальный экономист-исследователь, но все ли положения его теории являются бесспорными и эффективными в современных экономических условиях? Рассмотрим последовательно наиболее значимые постулаты из теории Адама Смита.

1. Постулат экономической свободы и свободной конкуренции, в частности: «...Без всякого вмешательства закона, частные интересы и стремления людей естественно заставляют их делать и распределять капитал любого общества среди различных занятий, существующих в нем, по возможности в точном соответствии с тем, что наиболее совпадает с интересами всего общества в целом. Между тем разного рода ограничения нарушают естественное и наиболее выгодное распределение капиталов»¹.

Таким образом, эффективный рыночный механизм, по Адаму Смиту, такой, при котором вмешательство государства минимально, а равновесие в экономической системе достигается путем создания условий свободной конкуренции. Причем в настоящее время данный постулат дошел до абсурда, к примеру, вмешательство государства в деятельность частных компаний зачастую рассматривается как нарушение принципов демократии и свободного рынка. Но что значит свободная конкуренция? По Адаму Смиту — это когда индивидуальные потребности ставятся выше общественных потребностей, при этом Адам Смит считал, что конкретный субъект экономических отношений должен преследовать исключительно свою личную выгоду, потому что в конечном счете это дает положительный эффект обществу в целом. Возникает вопрос, каким образом личные амбиции 10% населения РФ (имеющих 90% всего получаемого дохода)² и конкуренция между ними создадут положительный эффект, например, для 13,5%³ населения за чертой бедности? Проблема в том, что Адам Смит не учел тот факт, что рынок и экономика в целом — это отнюдь не самоорганизующиеся системы, которые всегда направлены на достижение положительного

эффекта. При этом личные амбиции одного индивида при свободной конкуренции отнюдь не служат общему благу, как считал Адам Смит. Исследования выдающегося математика и нобелевского лауреата по экономике Джона Нэша в области теории игр фактически опровергают концепцию Смита о свободной конкуренции и личном благе. Так, Джон Нэш доказал, что в некооперативных играх достичь равновесия и сделать систему устойчивой возможно только при разработке конкурентными сторонами взаимной стратегии, при которой все участники будут в выигрыше, то есть конкурентная борьба, основанная на индивидуальных амбициях, приведет в лучшем случае к положительному эффекту для одной стороны⁴ или потерям для всех участвующих сторон. К примеру, конкуренция таких компаний на рынке ипотечных облигаций, как Bank of America, JPMorgan Chase Bank, Citibank, AIG и т.д. привела в 2008–2009 гг. к совокупному убытку для всей мировой финансовой системы в размере 3,5 трлн долл. (по оценке МВФ)⁵, без учета количества людей, которые остались без жилья и средств к существованию. Вторым важным недостатком принципа свободной конкуренции заключается в определении «свободная», большинство крупных конгломератов предпочитают договориться между собой и поделить рынок, конкурентная борьба в этом случае носит исключительно декоративный характер, при этом остальные участники рынка, соответственно, будут иметь минимальные шансы на успех. Не учитывается тот факт, что изначально большинство субъектов экономических отношений находятся в неодинаковых экономических условиях. К примеру, большинство ключевых постов в финансовой системе США занимают бывшие работники все тех же Bank of America, JPMorgan Chase Bank, Citibank, AIG и т.д. (Генри Полсон, 74-й министр

Хайруллин В. А.

Клявлиная Я. М.

1 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2007.

2 Сайт Федеральной службы статистики. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/>

3 Там же.

4 При этом необходимо отметить, что суммарный эффект будет скорее всего отрицательным

5 Знаки — сайт новостей и аналитики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.f7x.ru/blog/mid/290>

финансов США, до вступления в должность министра финансов являлся председателем и главным исполнительным директором Goldman Sachs⁶, по аналогии с бывшим президентом РФ — Медведевым, бывшим топ-менеджером ОАО «Газпром»). В такой ситуации очевидна возможность лоббирования интересов отдельно взятой группы компаний, на уровне государства, бывшими сотрудниками. В конечном итоге свободная конкуренция, по Адаму Смигу, приводит к обогащению отдельно взятой группы людей, без учета интересов общества в целом. Большинство сторонников теории Адама Смита о свободных рынках, говоря о конкуренции и конкурентном преимуществе, ссылаются на так называемый принцип «невидимой руки рынка», проанализируем данный постулат.

2. Постулат «невидимая рука рынка» — «термин, ведущий свое происхождение от Адама Смита и означающий рыночный механизм саморегулирования экономики. Согласно утверждению А. Смита, в экономике свободного рынка отдельные индивиды, руководствуясь собственными интересами, направляются как бы невидимой рукой рынка, и их действия поневоле обеспечивают осуществление интересов других людей и общества в целом»⁷. Осознанно или неосознанно, А. Смит развитием данной концепции, фактически на многие годы вперед дал оправдание большинству злоупотреблений, неэффективных решений в экономической политике, несостоятельности финансовых концепций развития и т. д. То есть существует некий механизм, который регулирует рынок, обязательным условием является свободная конкуренция и отсутствие ограничения личных амбиций, но так как механизм «невидимый», то и ответственность за отрицательный результат никто не будет нести. Рассмотрим следующую ситуацию: «Французские банки согласятся на добровольное участие в оказании Греции финансовой помощи в виде реинвестирования получаемых при погашении облигаций страны средств в ее новые долговые обязательства (так называемый rollover), только если международные рейтинговые агентства⁸ не снизят рейтинги страны по существующим или будущим выпускам гособлигаций до дефолтного уровня, — сообщает агентство Bloomberg. — Рейтинговые агентства неоднократно заявляли, что участие частных кредиторов в оказании финансовой помощи Греции может быть расценено как дефолт, что сразу же будет означать, что греческие гособлигации больше не могут считаться обеспечением для получения кредитов в ЕЦБ». Далее: «Ведущие рейтинговые агентства мира одержали еще одну победу в суде, в очередной раз избежав ответственности за миллиарды долларов убытков, понесенных инвесторами во время финансового кризиса. Апелляционный суд второго судебного округа США (штаты Нью-Йорк, Вермонт и Коннектикут) постановил, что Moody's Corp., Standard & Poor's и Fitch Ratings нельзя привлечь к ответственности за рейтинги, присвоенные ипотечным ценным бумагам. По мнению судей апелляционного суда, рейтинговые агентства лишь высказывали мнение о надежности ценных бумаг, однако они не являлись официальными андеррайтерами, а право выражать мнение защищено первой поправкой к конституции США»⁹. То есть сложилась абсолютно абсурдная ситуация: на свободном рынке присутствуют три рейтинговых агентства, которые

выражают свое собственное мнение и фактически определяют судьбу целой страны, таким образом, финансовые отношения между странами ЕС в данном случае строятся не на рыночных отношениях, а на личном мнении рейтинговых агентств¹⁰. Но где в этом случае «невидимая рука рынка», по какой причине регулирующим механизмом рынка выступает некое частное мнение, и при этом за высказывание этого мнения никакой ответственности нет? Можно возразить, что рейтинговые агентства никакой выгоды для себя не имеют, это вполне возможно, но после публикации рейтингов доходность греческих облигаций достигла исторических максимумов, а это миллиарды долларов дохода для держателей облигаций, крупнейших банков ЕС. Далее пример: «В Европе новый герой: место Греции неожиданно заняла Португалия, которой все то же агентство Moody's срезало суверенный и банковский рейтинг сразу на 4 пункта до «мусорного» уровня, сохранив прогноз негативным — причем в качестве обоснования значилось «Лиссабон запросил помощи, значит, его дела плохи, поэтому надо наказывать». Такой подход возмутил чиновников ЕС, которые дали понять, что теперь уж точно стоит заняться созданием европейских рейтинговых служб в противовес «необъективным» американско-британским. Эффект был мгновенным: Moody's сразу заявило, что прогноз по рейтингу Португалии можно поднять до стабильного»¹¹. Нелогичность существующего механизма рыночных отношений зачастую превышает все пределы: «Московский арбитражный суд установил, что Макдональдс — это сеть не ресторанов, а магазинов, поэтому он может платить НДС по ставке 10% вместо общепитовских 18%: суд забыла разъяснить, почему тогда на продукции Макдональдс нет этикеток с указанием состава, срока хранения и прочих атрибутов магазинных товаров»¹². Это пример того, как на рынке не рыночным способом можно получить конкурентное преимущество, путем снижения налоговых издержек.

Данные примеры свидетельствуют лишь об одном — понятие свободной конкуренции абсолютно эфемерно, рыночные отношения определяют две составляющих: информация и капитал, никакой «невидимой руки рынка» не существовало и существовать не будет. Джон Нэш в своих работах прямо указывал на фактор информации как на основополагающий при установлении рыночных отношений, при этом рынком управляет капитал, который со временем накапливается в руках ограниченного числа субъектов экономических отношений, которые в свою очередь обладают максимальной полнотой информации. Причем накопление капитала в один момент происходит экспоненциально, то есть с ускорением, что в свою очередь предполагает снижение уровня доходов у оставшихся субъектов экономических отношений. Отсюда можно сделать вывод, что та рыночная модель построения экономической системы, принятая за основу в России, не оправдывает себя с точки зрения эффективности.

Пристатейный библиографический список

1. Брейли Р., Майерс С. Принципы корпоративных финансов: Пер. с англ. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 1997.
2. Сайт Федеральной службы статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/>
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2007.

10. Рейтинговые агентства неоднократно избегали судебного преследования (1998, 2000, 2002, 2009, 2010 гг.), ссылаясь на первую поправку конституции, то есть на свободу выражения собственного мнения.
11. Знаки — сайт новостей и аналитики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.f7x.ru/blog/mid/290>
12. Там же.

Шакирова Э. В.

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ДЕРИВАТИВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Создание и глобализация финансовых рынков, развитие финансовых инструментов изначально действительно преследовали положительную цель. Производители за счет размещения своих ценных бумаг могут пополнить оборотные средства дешевыми денежными средствами, портфельные инвесторы создают при этом необходимую ликвидность для финансовых рынков и т.д. Казалось бы, действительно эффективный и необходимый инструмент для развития экономики страны. Но в реальности все выглядит не так положительно. Правовое государственное регулирование в России рынка производных финансовых инструментов практически не осуществляется. В статье рассматриваются последствия отсутствия эффективного правового механизма регулирования рынка производных финансовых инструментов.

Ключевые слова: дериватив, производный финансовый инструмент, ценная бумага, экономико-правовое регулирование.

Shakirova E. V.

ECONOMIC-LEGAL REGULATION OF THE MARKET OF DERIVATIVES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Establishment and globalization of the financial markets, development of financial instruments at the time of the creation really pursued the positive aim. Producers due to placement of the securities can fill up current assets with cheap money, portfolio investors create thus necessary liquidity for the financial markets, etc. Really effective and necessary tool for development of national economy it would seem. But in reality everything looks not so positively. Legal state regulation in Russia of the market of derivative financial instruments is practically not carried out. In article consequences of lack of an effective legal mechanism of regulation of the market of derivative financial instruments are considered.

Keywords: derivative, derivative financial instrument, security, economic-legal regulation.

С 1996 г. в России действует Федеральный закон «О рынке ценных бумаг». Но с 2000 г. появилось настолько большое количество производных инструментов от непосредственно ценных бумаг, что созданное правовое поле содержательно не справляется с эффективным регулированием данных инструментов. С развитием финансовых рынков и институтов большинство участников рынка постепенно осознали, что можно получать сверхдоход, не создавая реальной материальной ценности. Путем последовательной перепродажи финансового инструмента можно получать доход фактически из ничего. Но так как ценные бумаги отдельного эмитента ограничены в количестве, то и доходы ограничены. Тогда, чтобы снять это ограничение, появляются производные финансовые инструменты (деривативы), прежде всего форвардные контракты¹ и их разновидности — фьючерсные и опционные контракты. В момент внедрения производных финансовых инструментов (1970–1980 гг.) преследовалась положительная цель, прежде всего, это хеджирование рисков производителя или потребителя продукции. Но буквально через несколько лет после начала торгов деривативами на биржевых площадках большинство участников финансовых рынков поняли, что спекулятивные операции с деривативами могут быть еще более прибыльными, чем с классическими финансовыми инструментами (сейчас около 97% операций с деривативами на всех биржевых площадках являются исключительно спекулятивными)². То есть экономический смысл, для реализации которого создавались данные финансовые инструменты, был утерян. Так появляются фьючерсные и опционные контракты на индексы бирж, на изменение погоды и т.д., которые в своей базовой составляющей вообще не представляют материальные активы. Объемы

торгов деривативами по всему миру увеличились в сотни раз (на момент написания статьи оборот только по одному фьючерсному контракту на индекс РТС составлял приблизительно 100 млрд руб. в день). Таким образом, возникает ситуация при которой громадные объемы денежных средств инвестируются не в реальные активы, а фактически в права (но не обязательства, так как операции спекулятивные). При этом не создается никакого материального прибавочного продукта, создается дополнительный сверхдоход, который направляется на потребление материальных благ, а не на их производство. Финансовую политику нашей страны ясно характеризует отрывок из выступления министра образования РФ А. А. Фурсенко в 2007 г.: «Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других»³. Развитие финансовых рынков действительно формирует квалифицированного потребителя, но как решить довольно острую проблему спада производства, если в экономической системе преобладающими являются доходы, полученные от спекуляций, а производственная активность снижается, и в конечном счете остается открытым вопрос, что в итоге общество будет потреблять, если ничего не производить. Основным доводом сторонников бесконтрольного развития финансовых рынков и институтов является следующий: развитие финансовых рынков приводит к увеличению рыночной стоимости эмитента, что увеличивает его инвестиционную привлекательность (стоимость акций растет, капитализация компаний также увеличивается). Но следует понимать, что если рыночная стоимость определяется спекулятивной составляющей, а не исходит из фундаментальной стоимости компании, рыночная стоимость актива в таком случае не является справедливой. Рассмотрим исторический пример — баррель

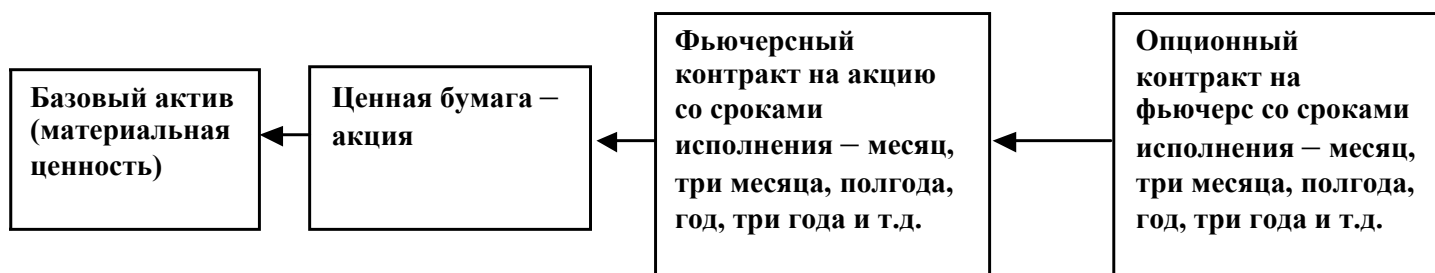
Шакирова Э. В.

1 Форвардный контракт — соглашение о покупке или продаже определенного актива в установленный момент времени в будущем по заранее оговоренной цене.

2 Информационно-аналитический портал рынка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fxmarket.in.ua/fjuchersy.html>

3 Литературная газета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/1154/>

Схема 1

нефти марки WTI в 2007 г. торговался на уровне 70 долларов, в 2008 г. стоимость барреля доходила до 145 долларов. Какими фундаментальными факторами был вызван двукратный рост котировок (более 100 процентов) менее чем за год? Очевидно, что потребление нефти за этот период экономика стран не увеличилось в два раза, и объем добычи также существенно не сократился⁴, но спекулятивные операции с фьючерсными контрактами на нефть разогнали искусственно стоимость базового актива, как итог рыночная стоимость базового актива не является справедливой. Проблема в том, что большинство сторонников рынка и рыночных отношений считают понятие справедливой стоимости и рыночной стоимости синонимами: если за то, что стоит фундаментально к примеру 100 рублей, на рынке готовы платить 200 рублей, значит, это справедливая стоимость. Это было бы верным, в случае если бы обязательства в виде деривативов являлись безусловными обязательствами и содержали в своей стоимости стоимость материального актива. Фактически же деривативы — это эфемерные права на ценную бумагу, которая в свою очередь предполагает наличие прав на материальный актив (см. схему 1).

Следует обратить внимание, что базовый актив один, а прав на него десятки (сроки исполнения деривативов могут достигать до 10–15 лет), то есть создается алогичная ситуация, когда фактически десятки держателей различных деривативов в равной степени имеют права на один и тот же актив. Если представить, что права по всем финансовым инструментам будут предъявлены к исполнению, все держатели подобных финансовых инструментов не смогут получить актив в собственности, следствием этого явится полное обесценивание подобных прав. В какой то момент долговых ценных бумаг, деривативов становится больше, чем может поглотить денежная масса, приходится осуществлять дополнительную эмиссию денежных средств, что в свою очередь обесценивает денежную единицу. Как итог, финансовая система, построенная по принципу постоянного потребления и перераспределения кредитных ресурсов, обречена по достижению критического порога на обвал. Единственный вариант устойчивости подобной финансовой системы — это постоянное увеличение производства материальных ценностей, но и в этой ситуации крах системы неизбежен, так как на каждый созданный актив более прогрессирующими темпами создается еще большее количество условных прав. Так на 2008 г. рынок CDF (кредитных дефолтных свопов) составлял в США порядка 62 трлн долларов, при этом данные деривативы не были обеспечены практически ничем, кроме обязательств финансовых групп, выпустивших их в оборот, что и привело к последовательному банкротству и национализации финансовых групп правительством США. Вот как комментирует известнейший инвестор Уоррен Баффет ситуацию с неограниченным выпуском производных финансовых инструментов: «Деривативы, не имеющие гарантии или обеспечения, оцениваются в зависимости от кредитоспособности контрагентов. Между тем до момента завершения контракта контрагенты учитывают прибыли и убытки — иногда в огромных суммах — в своих текущих балансах, хотя ни пени

не переходит из рук в руки. Пределы, в которых можно варьировать деривативы, ограничиваются лишь воображением человека или, как иногда кажется, безумцев»⁵. Отсюда политика Министерства финансов РФ на протяжении последних 10 лет кроме недоумения не вызывает других эмоций: «По итогам ноября 2009 года вложения в облигации министерства финансов США (US Treasuries) достигли максимальной отметки — \$128,1 млрд. Для сравнения по итогам октября 2008 года в казначейские обязательства США было вложено \$122,5 млрд»⁶. «По итогам января 2011 года вложения России в казначейские обязательства США (US Treasuries) составили \$139,3 млрд сократившись по сравнению с показателем декабря 2010 года на 7,74%, или на \$11,7 млрд. Об этом сообщает Минфин и Федеральная резервная система (ФРС) США. В группу основных покупателей US Treasuries Россия вошла в 2008 году, увеличив вложения в американские казначейские бумаги сразу в 3,5 раза — с \$32,6 млрд до \$116,4 млрд»⁷. По состоянию на июль 2011 г. государственный долг США составляет порядка 14,3 трлн долларов, что составляет 95% ВВП страны, при этом рост государственного долга США за последние 10 лет увеличился экспоненциально (см. рисунок 1)⁸.

Какая выгода от инвестирования в государственные обязательства страны, которая своей финансовой политикой спровоцировала мировой финансовый кризис в 2008–2009 гг. и в настоящее время фактически находится на пороге технического дефолта? Абсурдность ситуации заключается в рекордной покупке казначейских обязательств США в 2008 г., в то время как десятки тысяч людей остались без работы из-за сворачивания промышленного производства внутри страны.

Подобная финансовая политика приводит к крайне высокому уровню зависимости финансовой системы РФ от финансовой системы США, то есть если финансовая система США в большей степени замыкается на себе, то финансовая система РФ замыкается и в большей степени зависит от состояния финансовой системы США. Так, на протяжении последних 10 лет коэффициент бета⁹ российских фондовых площадок составляет порядка 2 к фондовым рынкам США, что является максимальным значением из всех действующих фондовых площадок в мире. К примеру, в разгар кризиса в США в 2008–2009 гг. капитализация рынков США упала примерно на 60%, в то время, как в России падение капитализации составило более 80%. Это свидетельство того, что финансовая система РФ не имеет самостоятельного значения в экономическом смысле, и за последние 10 лет не сформирован механизм развития финансовой системы за счет внутренних факторов.

5 Знаки — сайт новостей и аналитики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.f7x.ru/blog/mid/290>

6 Новостное агентство RusUSA.com [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rususa.com/news/news.asp-nid=51953>

7 Государственный интернет-канал «Россия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=436706>

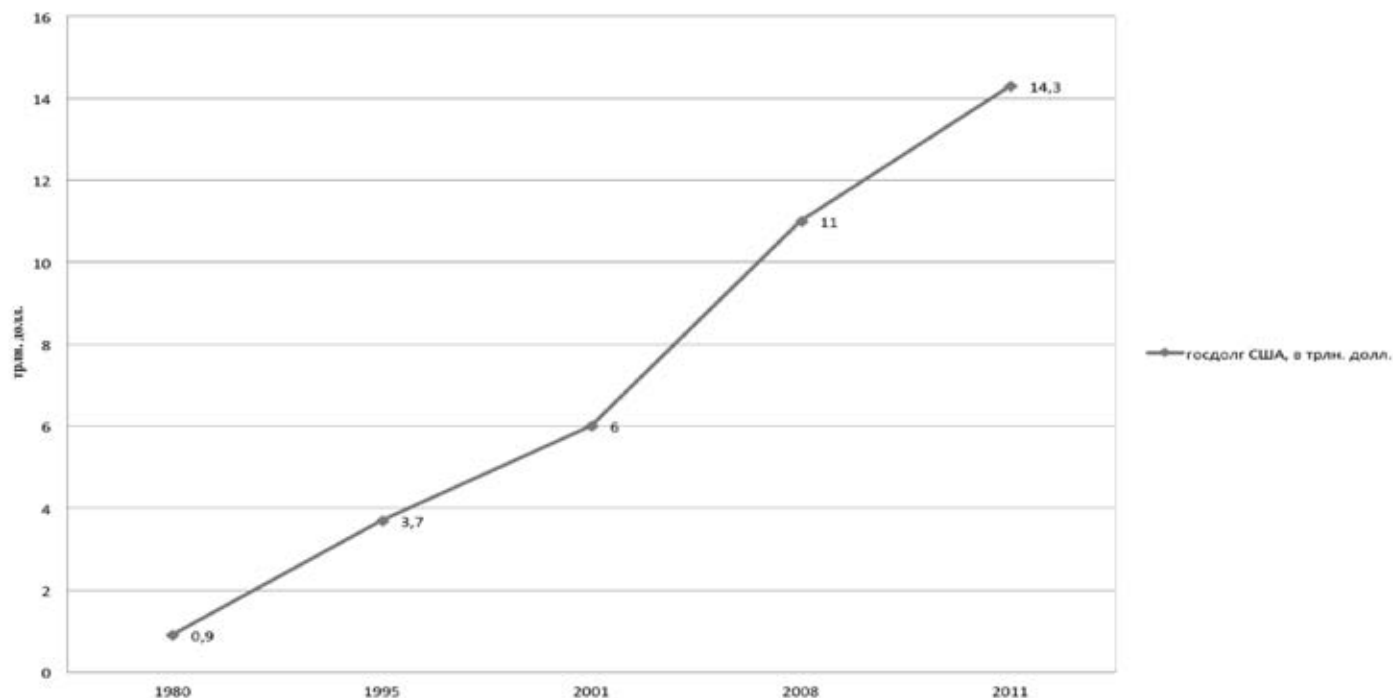
8 Информационно-аналитический портал рынка FOREX [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fxmarket.in.ua/fjuchersy.html>

9 Коэффициент бета (бета фактор) — мера риска, показывает изменение доходности одного актива за доходности другого, чем он выше, тем выше риск инвестирования.

4 24GOLD информационное агентство [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.24gold.com/english/home.aspx>

Рисунок 1. Государственный долг США по годам, в трлн долл.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (Редакция, действующая с 1 января 2015 г.)
2. 24GOLD информационное агентство [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.24hgold.com/english/home.aspx>
3. Академик экономический интернет словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/18606
4. Брейли Р., Майерс С. Принципы корпоративных финансов: пер. с англ. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 1997.
5. Бюллетень банковской статистики. Центральный банк Российской Федерации распространяет данные в представительстве Банка России в сети Интернет — раздел Специальный стандарт МВФ на распространение данных (ССРД) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.cbr.ru/data_standard/
6. Виленский П. Л., Лившиц В. Н., Смоляк С. А. Оценка эффективности инвестиционных проектов: Теория и практика: учеб. пособие. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Дело, 2004.
7. Государственный интернет-канал «Россия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=436706>
8. Знаки — сайт новостей и аналитики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.f7x.ru/blog/mid/290>
9. Индекс инфляции (индекс потребительских цен) в РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.garant.ru/doc/busref/spr_infl/
10. Индикаторы уровня жизни в РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lostempire.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=724&Itemid=9.
11. Информационно-аналитический портал рынка FOREX [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fxmarket.in.ua/fjjuchersy.html>
12. Капитализатор-бизнес каталог [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kapitalizator.com/tsb-rossyy-uzmenyl-svoy-stavku>
13. Конечные фактические потребительские расходы домохозяйств в РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/2003/02/06/last76297.shtml>
14. Литературная газета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lgz.ru/article/1154/>
15. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. Утверждены Минэкономки РФ, Минфином РФ, Госстроем РФ 21.06.1999 № ВК 477.
16. Новостное агентство RusUSA.com [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rususa.com/news/news.asp-nid-51953>
17. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi.htm
18. РТС фондовая биржа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rts.ru/>
19. Сайт инвестиционной компании «ITinvest» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.itinvest.ru/>
20. Сайт Федеральной службы статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/>
21. Словарь по экономике и финансам. Глоссарий.ру. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Экономика%20и%20финансы/Справедливость>
22. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2007.
23. Украинское новостное интернет издание Newz.in.ua [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://newzz.in.ua/economic/1148868503-ssha-budet-li-rastigosudarstvennyj-dolgi.html>

Вильданова В. Ф., Заглядина О. Н.

ПОДГОТОВКА БАКАЛАВРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ (НА ПРИМЕРЕ БГПУ ИМ. М. АКМУЛЛЫ)

В статье говорится о новых подходах в педагогическом образовании, применяемых в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы.

Ключевые слова: педагогическое образование, бакалавриат, магистратура, профиль, системно-деятельностный подход, компетентностный подход.

Vildanova V. F., Zaglyadina O. N.

BACHELORS TRAINING WITH MAJOR IN EDUCATION BASED ON NEW EDUCATIONAL STANDARDS AT BASHKIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY NAMED AFTER M. AKHMULLA

In the article it is said about new methods in pedagogical education, which are used at a Bashkir State Pedagogical University named after M. Akhmulla.

Keywords: pedagogical education, bachelor degree program, master degree program, profile, system and activity approach, competence-based approach.

Вильданова В. Ф.

Заглядина О. Н.

С 2003 г., подписав Болонскую декларацию, российские вузы стали постепенно переходить на европейскую двухуровневую систему подготовки профессионалов с высшим образованием — бакалавриат и магистратуру. С 2011 г. квалификации бакалавра и магистра стали основными для абитуриентов.

По сравнению со специалитетом, на который до недавнего времени были ориентированы все российские вузовские программы, международная двухуровневая система лучше соответствует запросам времени. Она дает возможность студенту менять свою образовательную траекторию во время обучения. Закончив бакалавриат в одном вузе и получив качественную профессиональную базу, студент может пойти в магистратуру по другой специальности даже в другом вузе. В связи с этим учебный процесс в вузах организован с использованием системы зачетных единиц (кредитов). Эта организация осуществляется по следующей схеме: 1) обеспечение свободы вуза в формировании основных образовательных программ (ООП); 2) введение более совершенной системы планирования и организации учебного процесса, увеличение доли самостоятельной работы студентов; 3) расширение возможности выбора направления или специальности подготовки, личное участие каждого студента в формировании своего индивидуального учебного плана; 4) введение системы зачетных единиц для трудозатрат студентов по каждой дисциплине; 5) менеджмент качества обучения на основе балльно-рейтинговой системы для оценки уровня овладения студентами учебных дисциплин; 6) вовлечение в учебный процесс академических консультантов, содействующих студентам в выборе образовательной траектории, в выборе изучаемых дисциплин и др.

Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 1136 разрешена подготовка бакалавров педагогического образования одновременно по двум профилям «с иным сроком обучения», т.е. 5 лет. В соответствии с приказом Министерства образования и науки РФ от 17 января 2011 г. № 46 на территории Российской Федерации утвержден и введен в действие федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 «Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр»)» (с изменениями от 31 мая 2011 г.)¹.

Модернизация в сфере профессионального педагогического образования должна ориентироваться на формирование способности выпускника вуза, в том числе педагогического, принимать решения в рамках обозначенных ФГОС ВПО видов и направлений деятельности и нести ответственность за сделанный выбор и осуществляемые действия. Бакалавру по направлению «педагогическое образование» должно быть присуще умение оценивать тенденции к изменению ситуации в школе и проектировать образ обновляющейся школы.

Так, в БГПУ им. М. Акмуллы реализуется подготовка по направлениям «Педагогическое образование» с совмещением двух профилей (срок обучения — 5 лет). В настоящее время по направлению подготовки «Педагогическое образование» профили определяют ООП подготовки к определенной профессиональной предметной области. В рамках формирования индивидуальной траектории обучения студенты второго курса пятилетнего бакалавриата, поступившие в 2015 г. на направление 050100.62 Педагогическое образование (всего 10 профилей) с открытым вторым профилем, с января 2017 г. будут иметь самостоятельную возможность выбора второго профиля подготовки (безопасность жизнедеятельности, биология, география и т.д. (всего 28 профилей)). Для этого будет организовано собрание этих студентов с руководством университета, где подробно будут рассматриваться порядок и процедуры выбора второго профиля, обсуждаться возникшие у студентов вопросы, проведена презентация вторых профилей руководителями 28 образовательных программ. На сайте университета создана отдельная страница, посвященная организации процедуры выбора второго профиля². Здесь размещены программы

1 Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования. Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 января 2011 г. № 46 «Об утверждении и введении в дей-

ствие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 «Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр»)» (с изменениями от 31 мая 2011 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fgosvpo.ru/>

2 Сайт Башкирского государственного педагогического университета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bspu.ru/node/33852>

вступительных испытаний по всем 28 предложенным вторым профилям, а также бланк заявления, который необходимо заполнить каждому студенту данного направления. Здесь же будет размещаться вся информация, необходимая для дальнейшей работы по данному вопросу.

Совмещение профилей призвано решить важные задачи, причем как для самих выпускников педагогического вуза, так и для государства. А именно: повысить востребованность выпускников на рынке труда, их профессиональную мобильность; укомплектовать высококвалифицированными кадрами образовательные учреждения, в том числе сельские; осуществить профессиональную подготовку учителей по тем предметам, по которым непродуктивно готовить в течение 4-х лет; обеспечить выпускникам полную занятость; подготовить за 5 лет одновременно с учителями и педагогов дополнительного образования; обеспечить преподавание отдельных предметов в дошкольном и начальном звене профильными специалистами-учителями.

Совмещение профилей позволит за счет использования новых технологий обучения высвободить время для практической подготовки будущих педагогов к работе в реальных условиях школы³. Стандарт 5-летнего бакалавра направлен целевым образом на подготовку выпускника для работы в системе среднего общего образования по двум школьным предметам или на разных ступенях общего образования (например: математика и обществознание, химия и информатика).

В связи с вышесказанным возникает вопрос о том, каким образом нужно совмещать профили. Естественно, что основаниями для совмещения профилей подготовки бакалавров являются: мониторинг перспективных потребностей регионов в педагогических кадрах, анализ ситуации на рынке труда и возможные прогнозы ее будущих изменений, учет актуальных задач развития системы образования.

В основе концепции совмещения профилей лежит признание содержательного равноправия совмещаемых профилей, которые не разделяются на основной и дополнительный. Отличия бакалавриата связаны с профессиональными компетенциями учителя двух предметов, в том числе с усилением его практической подготовки непосредственно в системе образования.

Таким образом, в основе концепции совмещения профилей лежат стандарты общего образования, а поэтому системно-деятельностный подход, который обеспечивает:

- формирование готовности к саморазвитию и непрерывному образованию будущих педагогов;
- проектирование и конструирование развивающей образовательной среды для обучающихся;
- активную учебно-познавательную деятельность обучающихся;
- построение образовательного процесса с учетом индивидуальных возрастных, психологических и физиологических особенностей обучающихся.

В основе стандартов высшего профессионального образования лежит компетентностный подход, который предусматривает ориентацию процесса профессиональной подготовки на получение конкретных результатов решения профессиональных педагогических задач. Построение профессиональной подготовки педагогических кадров должно быть направлено на ожидаемый результат — становление профессиональной компетентности учителя. Таким образом, содержание дисциплин, взаимодействие дисциплин учебного плана, последовательность их освоения должны обеспечивать формирование профессиональной компетентности учителя в соответствии с задачами модернизации современного педагогического образования России.

3 Методические рекомендации по совмещению педагогических специальностей высшего профессионального образования. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mpgu.ru/>

Поэтому при проектировании ООП бакалавров необходимо учитывать и основания системно-деятельностного подхода, включая в ООП соответствующие содержание и технологии. Компетенции, представленные в ФГОС ВПО, необходимо соотносить с личностными, метапредметными и предметными результатами освоения ООП.

Инициатива разработки федерального государственного образовательного стандарта принадлежала, как отмечает ректор МПГУ В. П. Матросов, Московскому педагогическому государственному университету, была поддержана Министерством образования и науки и нормативно закреплена постановлением Правительства Российской Федерации № 1136 от 30 декабря 2009 г. Таким образом, на государственном уровне поддержана инициатива, основанная на понимании необходимости и перспективности многопрофильной подготовки педагогов для современной школы. Традиционно (и справедливо) речь шла о важности такой подготовки для сельской малокомплектной школы. Но совмещение профилей актуально для системы общего образования в целом, поскольку позволяет за счет расширения спектра профессиональных компетенций педагогов гибко и с опережением решать новые задачи, обеспечить полную занятость педагогов, а значит, и их закрепление в системе образования⁴.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2009 № 732 «О внесении изменения в перечень федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, самостоятельно устанавливающих образовательные стандарты и требования для реализуемых ими образовательных программ высшего профессионального образования, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 9 сентября 2008 г. № 1332».
2. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 12.01.2010 № 4 «Об утверждении перечня направлений подготовки (специальностей) высшего профессионального образования».
3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 31.05.2011 № 1975 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования».
4. Приказ Минобрнауки России от 22 декабря 2009 г. № 788 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр»)».
5. Васильев Ю. С., Козлов В. Н., Черненко Л. В. Системно-аналитические принципы формирования профилей бакалавриата // *Фундаментальные исследования и инновации в национальных исследовательских университетах: материалы XIV Всероссийской конференции. Пленарные доклады.* — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010.
6. Максимов Н. И. Федеральный государственный образовательный стандарт и проблемы разработки рабочего учебного плана бакалавриата. — М.; Уфа: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009.
7. Матросов В. П. Подготовка учителя для обновленной российской школы: поиски, достижения, проблемы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mpgu.ru/>

4 Матросов В. П. Подготовка учителя для обновленной российской школы: поиски, достижения, проблемы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mpgu.ru/>

Альмухаметов А. А., Исхакова Г. И.

ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ РАБОТАЮЩИХ ГРАЖДАН

В статье анализируются изменения нормативно-правовой базы образовательного процесса по заочной форме обучения, актуализируются вопросы документального обеспечения образовательной деятельности.

Ключевые слова: право на образование, заочная форма обучения, дополнительный отпуск, реализация образовательных программ, сессия, справка-вызов, извещение, образование в течение всей жизни.

Almukhametov A. A., Iskhakova G. I.

CORRESPONDENCE EDUCATION: ENFORCEMENT OF THE RIGHT FOR EDUCATION OF WORKING CITIZENS

The article focuses on changes in rules and regulations of correspondence study educational process and documental support of educational activity.

Keywords: the right for education, correspondence education, extra leave, implementation of curriculum, session, letter-invitation, notice, lifelong learning.

В современном обществе система образования переживает нелегкие времена. Реформирование стало не разовым мероприятием, а стабильным трендом. Идеологическим основанием образовательной политики государства стала Национальная доктрина образования в Российской Федерации, одобренная Постановлением Правительства РФ от 4 октября 2000 г. На основании этого документа в стране проводится единая государственная политика в области образования. Основные ее цели и направления зафиксированы в Законе «Об образовании в Российской Федерации».

На современном этапе правовая политика должна соответствовать идеалам правового государства и развитого гражданского общества. Принцип приоритетности прав человека и потребности развития общества должны находиться в центре внимания.

Образовательная деятельность личности традиционно считалась подготовкой к трудовой деятельности, но в современном мире образовательная и трудовая деятельности развиваются параллельно. Увеличение студентов, обучающихся заочно, подтверждает, что образование рассматривается современным человеком как динамичный процесс создания ресурса для развития в будущем: профессиональное совершенствование, карьерный рост, смена поля профессиональной деятельности.

Общероссийская статистика свидетельствует, что рост количества студентов заочных факультетов и отделений есть ответ на изменение ситуации, как в экономике, так и в обществе в целом. Уже не достаточно одной специальности, чтобы быть уверенным в гарантированности рабочего места и заработка.

Заочная форма обучения в учебных заведениях нашей страны существует с 1938 г., когда было принято постановление Совнаркома СССР от 29 августа 1938 г. № 951 «О высшем заочном образовании»¹.

Факультет заочного обучения Уфимского государственного нефтяного технического университета был образован в 1960 г. За время существования факультета было выпущено более 8500 специалистов. В настоящее время на факультете обучаются около трех тысяч студентов, проживающих в различных регионах России и зарубежья. Факультет заочного обучения за годы работы накопил богатый опыт взаимодействия с работодателями различных форм собственности (от крупных нефтегазо-

Альмухаметов А. А.

Исхакова Г. И.

вых компаний до небольших частных, индивидуальных предпринимателей).

Практическая реализация права на образование в современном обществе имеет ряд трудностей. Рассмотрим самые очевидные.

Студент факультета заочного обучения — уже работающий человек, которому согласно Трудовому кодексу Российской Федерации (ст. 173 в редакции ФЗ от 2 июля 2013 г. № 185 ФЗ) работодатель предоставляет дополнительный отпуск с сохранением среднего заработка для:

- прохождения промежуточной аттестации;
- подготовки и защиты выпускной квалификационной работы и сдачи итоговых государственных экзаменов.

Без сохранения заработной платы:

- работникам, допущенным к вступительным испытаниям².

Рассмотрим процесс реализации данной статьи. Учебное заведение за месяц до начала сессии выдает обучающемуся справку-вызов для получения дополнительного отпуска. Форма справки-вызова утверждена Приказом Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2013 г. № 1368.

Как видим, законом декларируются гарантии получения отпуска для учебных целей. Но в реальной практике проблемы начинаются с самых первых дней учебного года первого курса. Обучение на факультете заочного обучения начинается с установочной сессии студентов первого курса. На установочной сессии студенты первого курса получают студенческий билет, зачетную книжку, знакомятся с графиком учебного процесса, с системой организации учебной деятельности, получают комплект учебно-методической литературы.

Но в утвержденной форме справки-вызова нет понятия установочная сессия, как нет его и в Трудовом кодексе РФ, на основании которого эта справка-вызов была разработана. Установочная сессия по графику учебного процесса укладывается в одну календарную неделю. Для работающего человека

1 Высшая школа: Сборник основных положений постановлений, приказов и инструкций / Под ред. Е. И. Войленко. — Ч. 1. — М.: Высшая школа, 1965.

2 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. Статья 173 «Гарантии и компенсации работникам, совмещающим работу с получением образования».

отсутствие на рабочем месте без документального подтверждения — фактически прогул. Какой документ может подтвердить присутствие обучающегося на сессии? В нашем вузе студенту на руки выдается справка о том, что он является студентом, и календарный график учебного процесса. Как будут трактоваться эти документы бухгалтерией работодателя — этот вопрос уже не в нашей компетенции. Многие крупные компании рекомендуют обучающимся брать на это время дополнительный отпуск без сохранения заработной платы или ежегодный отпуск. Как видим, гарантия права и реализация права на образование расходятся. Установочная сессия первого курса является необходимой составной частью учебного процесса, но отсутствует как понятие в утвержденной форме справки. По нашему мнению, документы должны быть приближены к реальной практике, и при разработке таких важных, касающихся прав большого количества людей, документов следует идти от практики, а не от формальных заявлений. Как исправить ситуацию? Кто будет формулировать и решать проблему?

Следующей, не менее сложной проблемой, является выдача справки-вызова для прохождения промежуточной аттестации.

Учебное заведение справку-вызов для прохождения промежуточной аттестации на лабораторно-экзаменационной сессии высылает студенту за месяц до начала сессии при условии, что у студента нет задолженностей. Академическая задолженность, к сожалению, есть у многих студентов. Возникает задолженность не только по вине студента, который не был готов к экзамену или зачету, но и по вине работодателя, который вызывает обучающегося из учебного отпуска или вообще не дает возможность прибыть на сессию. Студент, имеющий задолженность, не вправе получить справку-вызов. Таким студентам до декабря 2013 г. выдавалось извещение о сроках прохождения промежуточной аттестации, что давало обучающемуся возможность получить дополнительный отпуск за свой счет. Но теперь вуз не вправе выдавать такой документ. Заявленные в Трудовом кодексе гарантии не работают. Многие из студентов приезжают на сессию во время очередного отпуска, график которого на многих предприятиях составляется на год вперед. Работодатели не всегда идут навстречу своим работникам в определении даты, что приводит к порочному кругу: на сессию не отпустили, появилась задолженность, справка-вызов не выдается, на следующую сессию опять не отпустили.

Отдельные положения ст. 173 Трудового кодекса РФ не выполняются работодателями и гарантии существуют лишь на бумаге. Перечислим лишь некоторые: дополнительный отпуск для прохождения вступительных испытаний, оплата проезда к месту обучения, сокращенная рабочая неделя

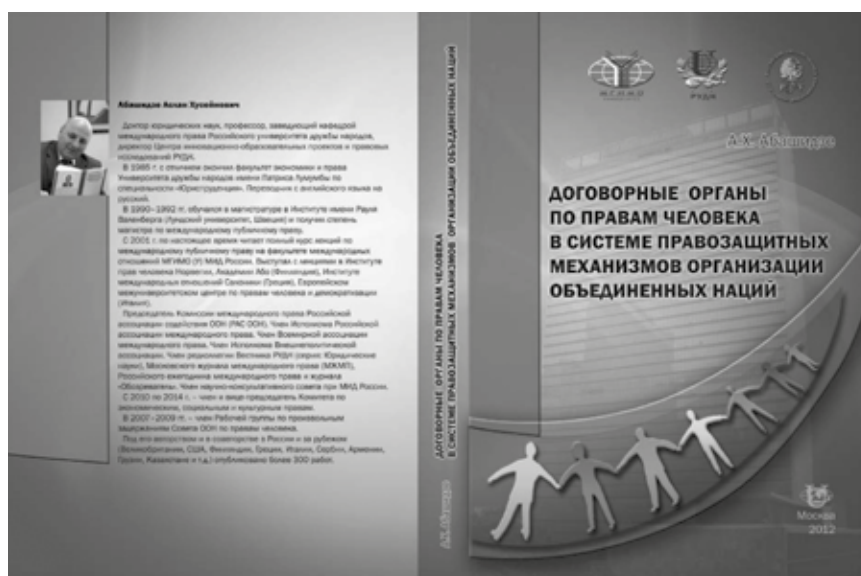
на период перед началом итоговой аттестации. В нашей практике единичны случаи оплаты проезда до места учебы, заявленные четыре месяца для подготовки и защиты выпускной квалификационной работы редко предоставляются, порой на защиту диплома студенту с трудом удается прибыть. Почему закон и кодекс далеки от реальной жизни? Изменение нормативно-правовой базы должны происходить в результате совместной работы всех заинтересованных сторон, но юристы не знают реалий организации учебного процесса, работники вузов не обладают достаточным уровнем юридических знаний, потому не могут формулировать проблемы на языке юристов. В учебных заведениях один юрисконсульт решает множество проблем, на предприятиях юристов, компетентных в области образования, единицы. Изменения в регулировании образовательной деятельности происходят постоянно, документооборот усложняется, требования становятся жестче. Сам обучающийся отстаивать свои права и не пытается: рабочее место ему дороже, чем заявленные права, он с напряжением сил самостоятельно будет преодолевать трудности, чем надеяться на помощь государства.

Реализация п. 1 (8) ст. 3 Закона РФ «Об образовании» «обеспечение права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности...» по Трудовому кодексу вообще маловероятна: все гарантии, которые предоставляются на предприятиях, относятся только к работникам, получающим первое высшее образование. Вопрос регламентации получения второго высшего образования требует отдельного рассмотрения и развития нормативно-правовой базы. В данный момент только сам обучающийся своими силами и за свой счет решает все возникающие проблемы. Рост темпов развития технологической базы производственных процессов потребует специалистов с новыми компетенциями. Система профессионального образования адекватно ответить на вызов времени сможет только при условии анализа существующих проблем и перспективных тенденций.

Проблемы, возникающие в вопросах обеспечения нормативной базы, должны быть в центре внимания руководителей и юристов учебных заведений.

Пристатейный библиографический список

1. Высшая школа: Сборник основных положений постановлений, приказов и инструкций // Под ред. Е. И. Войленко. — Ч. 1. — М.: Высшая школа, 1965.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ.
3. Приказ Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2013 г. № 1368.

Теплякова А. В.

РОЛЬ ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ-НЕЮРИСТОВ В ОХРАНЕ ИХ ПРАВ И СВОБОД

Статья посвящена правовому образованию студентов неюридических специальностей при изучении курса «Правоведение». В современном мире образование является одним из важнейших факторов, обеспечивающих экономический рост, социальную стабильность и развитие институтов гражданского общества и правового государства. Правовое образование является одним из приоритетных направлений развития образования в России. Автором проанализированы действующий образовательный стандарт 3-го поколения по дисциплине «Правоведение» и рабочие программы, выявлены проблемы в содержании и реализации вышеуказанных стандартов и программ. Автор считает, что программа данного курса должна включать в себя две части: общее представление о государстве и праве и некоторые аспекты практической реализации и защиты прав граждан. При этом второму аспекту необходимо уделять большее внимание, так как с правовыми ситуациями студент сталкивается постоянно, а значит, должен знать, как защитить свои права в случае их нарушения, в какой орган обратиться, в какие сроки и на что он может рассчитывать в случае обращения. Однако не следует рассматривать в качестве цели такой программы подготовку специалистов-универсалов в юридической сфере: студенты – совершеннолетние граждане страны, и правовые знания пригодятся им в повседневной жизни. Также необходимо ввести правовое образование в профессиональной сфере для того, чтобы студент мог углубить свои знания именно в этой области. Автор считает, что правоведение должно быть включено в качестве обязательного предмета в вузах на всех специальностях.

Ключевые слова: правовое образование, преподавание правоведения, реализация прав, охрана прав, защита прав.

Теплякова А. В.

Тeplyakova A. V.

THE ROLE OF LEGAL EDUCATION OF NON-LAW STUDENTS IN THE PROTECTION OF THEIR RIGHTS AND FREEDOMS

The paper deals with legal education of students of non-legal specialties within the «Law studies» course. These days, education is one of the most important factors to ensure economic growth, social stability and the development of civil society and legal state. Legal education is one of the highest priorities for the education in Russia. The author analyzes the current educational standard of the 3rd generation in discipline «Law studies» and the working programs, identifies problems in the content and implementation of these standards and programs. The author believes that the program of this course should include two parts: an overview of the state and law and some aspects of practical realization and protection of citizens' rights. We need to pay more attention to the second aspect, because students face the legal situations constantly, and they should know how to protect their rights when they are violated and to which authority such claim has to be addressed and also at what time and which treatment a student can expect from them in the case. But the aim of this program is not to prepare a specialist in the legal field, because the students are adult citizens and legal knowledge will be useful to them in everyday life. We also need the legal education in the professional field for the students to deepen their knowledge in this area. The author believes that «Law studies» should be included as a compulsory subject in every university.

Keywords: law education, law teaching, exercise of rights, protection of rights, defense of rights.

Правовое образование — это систематический, целенаправленный и организованный процесс формирования и развития системы знаний, навыков и умений. Данный вид образования можно рассматривать и с точки зрения деятельностного подхода, т.е. как деятельность по передаче нравственных правовых идеалов и ценностей для формирования активного правомерного поведения.

Значимость правового образования заключается в том, что если лицо не будет знать свои права, то оно вряд ли будет соблюдать права других лиц. В рамках данного аспекта возникает два вопроса: о чем рассказывать и кому об этом рассказывать?

В литературе отмечено, что правовое образование должно происходить поэтапно. Школьникам правовые знания и навыки должны предоставляться в зависимости от возрастных особенностей и тех правовых ролей, которые ими выполняются. В процессе такой деятельности школьнику прививается уважение к своим правам и правам других, к Конституции, к сотрудникам публичных органов, формируется представление о собственных правах и обязанностях, а также правах и обязанностях других людей¹.

Однако правовое образование должно быть продолжено и в высших учебных заведениях, и не только для тех, кто обучается по специальности «Юриспруденция». При проведении правового образования также важно правильно расставить акценты и привить именно те навыки, которые были бы полезны в жизни. Разберем это на примере программ по курсу «Правоведение», которые представлены на портале Российского образования².

В качестве задач курса «Правоведение» обозначены выработка умения понимать законы и другие нормативные правовые акты; обеспечивать соблюдение законодательства, принимать решения и совершать иные юридические действия в точном соответствии с законом; анализировать законодательство и практику его применения, ориентироваться в специальной литературе.

Теперь обратимся к одной из программ по правоведению для направления «Философия» в Гуманитарном институте Сибирского Федерального университета:

Цель преподавания правоведения — приобщение студентов к современной правовой культуре, формирование у учащихся позитивного отношения к праву как социальной реальности,

1 См.: Шафилов В. М. Обеспечение права человекоцентристский подход: монография. — Красноярск, 2005. — С. 179.

2 Федеральный портал: российское образование [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.edu.ru>.

выработанной человеческой цивилизацией и наполненной идеями гуманизма, добра и справедливости.

Для достижения указанных целей должны быть решены задачи формирования у студентов следующих компетенций:

- владение культурой мышления, способность в письменной и устной речи правильно оформить результаты мыслительной деятельности;
- стремление к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства;
- способность научно анализировать социально-значимые проблемы и процессы, умение использовать основные положения и методы гуманитарных, социальных и экономических наук в различных видах профессиональной и социальной деятельности;
- воспитание толерантного отношения к расовым, национальным и религиозным различиям людей;
- способность использовать знание прав и обязанностей человека и гражданина, ответственное отношение к делу, своему гражданскому и профессиональному долгу;
- способность использовать нормативно-правовые документы в своей деятельности.

Сопоставив задачи двух приведенных программ, следует отметить, что первые четыре из них по направлению «Философия» общесоциальны, а следовательно, данные компетенции должны быть уже сформированы на этапах до посещения занятий по правоведению.

Обобщая вышеуказанную информацию, мы приходим к выводу о том, что в федеральных образовательных стандартах 2-го поколения, на основе которых были сформулированы данные программы, целью является формирование у студентов общего представления о государстве и праве. Однако объема этих знаний для жизни в современном государстве явно недостаточно. Компетентностный подход, который в настоящее время применяется в образовании, направлен на формирование у студентов способности и готовности использовать усвоенные базовые знания, универсальные умения и способы деятельности в реальной жизни для практических задач как сейчас, так и в будущем³. Очевидно, что практическому блоку в вышеуказанных программах уделено мало внимания.

Представляется необходимым отметить то, что правовое образование для неюристов должно отличаться от того образования, которое получают студенты юридических факультетов. Нельзя на занятиях по правоведению в качестве задачи определять формирование такого объема знаний, при котором студенты самостоятельно смогут ориентироваться во всем массиве законодательства без помощи юристов, ведь это равносильно самолечению. Все вышеуказанные знания и навыки важны, но нельзя ими ограничиваться⁴.

Необходимо научить тому, что нужно делать, чтобы максимально обезопасить себя от ситуаций нарушения прав. Например, многие граждане, давая деньги в долг, отказываются составить расписку, рассчитывая на порядочность друзей. Однако в случаях недобросовестности заемщиков в суде факт передачи денег без расписки доказать практически невозможно. Та же история возникает при продаже машины по генеральной доверенности. И таких ситуаций, при которых в момент возникновения тех или иных отношений важно фиксировать все в письменном виде, множество.

Кроме того, студенты — это совершеннолетние граждане страны, которые обладают полной дееспособностью, а значит,

самостоятельно несут ответственность за свои действия. Важность увидеть ситуацию угрозы нарушения права пригодится им и в трудовых отношениях, и в отношениях по охране и защите своих прав как потребителя. Например, согласно Трудовому кодексу РФ, обжаловать незаконное увольнение можно только в течение месяца после увольнения, а в спорах о защите прав потребителя всегда важно фиксировать дату и факт обращения к продавцу с той или иной претензией. Именно навыки действия в реальных ситуациях, которые не всегда получают нормативное закрепление, должны получить студенты на занятиях по правоведению, следовательно, студент, который, согласно стандарту, должен быть способен только использовать нормативно-правовые документы, в своей деятельности будет иметь недостаточное количество знаний для реальной жизни.

В литературе в связи с этим уже упоминалась необходимость обучения именно существующему праву, причем как материальному, так и процессуальному. Отмечается, что для грамотного разрешения любой житейской проблемы необходимо совокупное применение норм многих отраслей права (уголовного, административного, гражданского, трудового, семейного, об образовании, а также процессуальных)⁵.

Частично вышеуказанные проблемы решает 3-е поколение образовательных стандартов, которое добавляет новые компетенции.

Общепрофессиональные компетенции (ОПК):

1. Способность понимать и анализировать мировоззренческие, социально и лично значимые философские проблемы (ОК-3).
2. Знание своих прав и обязанностей, ответственное отношение к делу (ОК-10).
3. Умение использовать нормативные правовые документы в своей деятельности (ОК-21).
4. Способность научно анализировать социально-значимые проблемы и процессы, умение использовать основные положения и методы гуманитарных, социальных и экономических наук в различных видах профессиональной и социальной деятельности (ОК-17).

Специальные профессиональные компетенции (СПК):

1. Умение реализовывать знания в области государства и права в практических сферах деятельности.
2. Знание и умение проведения деятельности по составлению юридических документов.

Стоит отметить, что реализация прав невозможна без знаний о способах защиты прав в случае их нарушения и знаний о том, как не допустить нарушения прав. Однако сфера обеспечения прав человека не получила должного раскрытия в образовательных стандартах 3-го поколения.

Кроме того, федеральные образовательные стандарты в случае отсутствия соответствующего курса в будущем не дают преподавателю возможности при желании углубить знания студентов в рамках их профессиональной деятельности. Например, философам было бы полезно посвятить несколько лекций философии права, а педагогам отдельно рассказать об особенностях труда педагогов.

В качестве решения этой проблемы автором предлагается проведение занятий по правовому образованию в профессиональной сфере после прохождения общего курса правоведения⁶. Думается, что данный курс должен быть еще более практико-ориентированным, где будут освещаться вопросы

3 См.: Ишкильдина Г. Р. Правовая компетентность личности в период модернизации современного российского общества // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 10 (53). — С. 126.

4 См. об этом: Панченко В. Ю. Правовое образование и юридическая самопомощь // Правовые проблемы укрепления российской государственности / Под ред. М. М. Журавлева, А. М. Барнашова, С. С. Кузнецова. — Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2012. — Ч. 53. — С. 54–55.

5 См. об этом: Мухамет-Ирекле А. Правовое образование есть формирование граждан (новое в преподавании правоведения и обществознания) // Евразийский юридический журнал. — 2009. — № 1 (8). — С. 4–11.

6 См. об этом: Еругина М. В., Власова М. В., Сазанова Г. Ю., Долгова Е. М., Абызова Н. В. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по дисциплине «Правоведение»: Перспективы внедрения в медицинских

особенностей законодательства в различных сферах, специфических опасностей, с которыми у студентов существует вероятность столкнуться в их профессиональной сфере в будущем.

Также стандарт не предусматривает какой-либо дифференциации в программах по правоведению для бакалавров и для магистров. Очевидно, что в магистратуре необходимо преподавать по-другому, так как базовые знания в сфере правоведения уже имеются. Однако в стандарте ответа на вопрос, как это делать, пока нет.

Еще больше вопросов возникает после прочтения так называемого образовательного стандарта 3+, в котором для многих специальностей правоведение закреплено в качестве факультативной дисциплины. Данное положение означает, что для некоторых студентов возможность получить правовые знания на занятиях по правоведению может просто отсутствовать.

Таким образом, целью преподавания дисциплины «Правоведение» должно стать, прежде всего, получение студентами знаний о действующем праве, о реальных способах охраны и защиты своих прав и законных интересов. Имея необходимые правовые знания, студент сам сможет понять, в какой ситуации он прав, в какой его пытаются обмануть, и когда его права нарушаются. Важным является приобретение способности самостоятельного определения, в какой момент необходимо обратиться к юристу и какие документы предоставить. Студент будет иметь представление о том, какой объем прав он имеет, как обязан действовать в различных ситуациях.

вузах // Саратовский научный медицинский журнал. — 2012. — № 8. — С. 164–165.

Действующие в настоящее время стандарты преподавания правоведения нуждаются в пересмотре. Правоведение должно быть включено в качестве обязательного предмета в вузах на всех специальностях. Сама же программа наряду с базовыми представлениями о государстве и праве должна включать блок, посвященный практической реализации, охране и защите прав и свобод гражданина.

Пристатейный библиографический список

1. Еругина М. В., Власова М. В., Сазанова Г. Ю., Долгова Е. М., Абызова Н. В. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по дисциплине «Правоведение»: Перспективы внедрения в медицинских вузах // Саратовский научный медицинский журнал. — 2012. — № 8.
2. Ишкильдина Г. Р. Правовая компетентность личности в период модернизации современного российского общества // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 10 (53).
3. Мухамет-Ирекля А. Правовое образование есть формирование граждан (новое в преподавании правоведения и обществознания) // Евразийский юридический журнал. — 2009. — № 1 (8).
4. Панченко В. Ю. Правовое образование и юридическая самопомощь // Правовые проблемы укрепления российской государственности/ Под ред. М. М. Журавлева, А. М. Барнашова, С. С. Кузнецова. — Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2012. — Ч. 53.
5. Шафиров В. М. Обеспечение права человекоцентристский подход: монография. — Красноярск, 2005.

Хачатрян О. А.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К КАЧЕСТВУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ПЕРСОНАЛА СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье раскрывается проблема формирования требований к качеству человеческого капитала персонала сферы образования в контексте основных задач современной образовательной системы Российской Федерации. Особое внимание уделяется нормативно-правовому аспекту регулирования его базовых компонентов.

Ключевые слова: качество человеческого капитала, уровень здоровья, нравственность, творческий компонент, уровень активности и организованности, образование и профессионализм педагогического персонала.

Khachatryan O. A.

BASIC REQUIREMENTS FOR THE HUMAN CAPITAL QUALITY OF EDUCATIONAL STAFF IN MODERN RUSSIA

The article reveals the problem of the formation of requirements to the human capital quality of educational staff in the context of the main tasks of the modern educational system of the Russian Federation. Special attention is given to legal aspects of the regulation of its underlying components.

Keywords: human capital, health ethics, creative component, the level of activity and organization, education and professionalism of the teaching staff.

Хачатрян О. А.

Качество человеческого капитала персонала сферы образования — это степень соответствия совокупности его компонентов требованиям, позволяющим реализовать целенаправленный процесс воспитания и обучения, осуществляемого в интересах человека, семьи, общества и государства, направленного на формирование человеческого капитала, удовлетворяющего потребности и интересы экономических субъектов. К основным его компонентам следует отнести: здоровье, нравственность, творчество, активность и организованность, образование и профессионализм.

Одной из задач современной образовательной системы является воспитание «здоровой нации». Так, в приказе Министерства науки и образования Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 2106 «Об утверждении федеральных требований к образовательным учреждениям в части охраны здоровья обучающихся, воспитанников» прописано следующее: «Образовательное учреждение создает условия, гарантирующие охрану и укрепление здоровья обучающихся, воспитанников»¹.

С одной стороны, лица, заинтересованные в качестве человеческого капитала (обучаемые и их родители, работодатели и государство), желают иметь здоровый персонал сферы образования, а с другой — обучающий персонал и обучаемые должны научиться беречь и охранять свое здоровье.

Согласно Приложению 2 «Перечень работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования) работников» Приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации «Об утверждении перечней вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования), и Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда», работники образовательных организаций всех типов и видов подлежат

обязательному медицинскому осмотру один раз в год². Основная цель данного законодательного регламентирования заключается в исключении случаев физических заболеваний персонала образовательного учреждения и охране здоровья обучаемых и воспитанников, а также предупреждении возникновения и распространения заболеваний. Также в Приказе Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»», который вступает в силу с 1 января 2015 г., в пункте 3.1 отмечено, что: «К педагогической деятельности не допускаются лица: <...> имеющие заболевания, предусмотренные установленным перечнем»³.

Необходимость нормативно-правового регулирования данного компонента человеческого капитала обусловлена тем, что работник, имеющий физические заболевания, обладает пониженной работоспособностью, что затрудняет как сам процесс формирования качественного человеческого капитала, так и создает риск заражения обучаемых, что влечет за собой в будущем снижение качества человеческого капитала последних.

Во-вторых, это требования к формированию высокого уровня здоровья самих обучаемых, его сохранению и улучшению, т.е. формированию «здоровой нации». Состояние здоровья сегодняшних учеников и студентов является важным фактором, определяющим его качество у будущих поколений. Следовательно, одной из задач педагогов является формирование у воспитанников и обучаемых ответственности за свое здоровье и здоровье окружающих, что возможно только при наличии высокой культуры здоровья самих педагогов.

1 Приказ Министерства науки и образования Российской Федерации от 28.12. 2010 года № 2106 «Об утверждении федеральных требований к образовательным учреждениям в части охраны здоровья обучающихся, воспитанников» // Российская газета. — 2011. — 16 февраля. — № 5408. — С. 21.

2 Приложение № 2 к приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 апреля 2011 г. № 302н // Российская газета. — 2012. — 4 апреля. — С. 28.

3 Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70435556/#ixzz3PRVEfhPS> (дата обращения: 30.01.2015)

Кроме здоровья важное значение имеет и такой компонент, как нравственность. В Приказе Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»», который вступает в силу с 1 января 2015 г., четко прописано, что лица, имеющие судимость и признаки недееспособными, не могут заниматься педагогической деятельностью⁴. Кроме того, необходимо умение педагога контролировать свои эмоции, поведение, высокий уровень ответственности, так как именно он влияет на формирование нравственного и морального облика обучаемого. Отсутствие данных качеств у будущего работника может привести к росту преступности в обществе, нарушению трудовой дисциплины, недобросовестному поведению, конфликтам на предприятии. Все это может наносить существенный вред экономическому положению индивида и домохозяйств, предприятий и общества в целом.

Не менее важными являются и требования к творческому компоненту человеческого капитала персонала сферы образования. Обучение не должно сводиться к усвоению установленных и готовых правил, норм, законов и определений, а заинтересовать обучаемых в «добывании» этих знаний через систему творческих заданий.

Само по себе наличие творческих идей не способствует повышению качества обучения, эти идеи должны быть реализованы, воплощены в учебном процессе, стать известными в научном мире. Для этого персоналу сферы образования необходим высокий уровень активности и организованности, которые позволяют организовать урочную и внеурочную работу, познавательную деятельность обучаемых, а также определяют умение управлять коллективом. Это, безусловно, отразится и на умении управлять и организовывать у обучаемых, сделает их более активными и самостоятельными, что позволит решить в будущем ряд экономических проблем. Так, занимаясь активным поиском работы, они смогут занять более выгодные вакансии, чем их «коллеги» с низким уровнем этого компонента, следовательно, повысят качество своей жизни. Наличие данного компонента позволяет организовать свой бизнес, что влечет за собой создание новых рабочих мест и организацию трудовой деятельности людей, повышая благосостояние как отдельного индивида, так и других членов общества и ведет к экономическому росту.

Особое значение уделяется такому компоненту, как образование самих педагогов, так как при его отсутствии невозможно сформировать знания, умения и навыки у обучаемых. Согласно приказу Минздравсоцразвития «Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих», к персоналу сферы общего образования предъявляются требования наличия высшего профессионального образования или среднего профессионального образования по направлению подготовки «Образование и педагогика» или в области, соответствующей преподаваемому предмету без предъявления требований⁵. Кроме того, раз-

работанный профессиональный стандарт педагога содержит ту же норму к уровню образования для учителей начального и среднего общего образования⁶.

Требования к уровню образования работников профессионального образования определены соответствующим разделом вышеупомянутого приказа и предполагают наличие у профессорско-преподавательского состава высшего профессионального образования и послевузовского профессионального образования (аспирантура, докторантура, адъюнктура)⁷.

Помимо требований к уровню образования, вышеупомянутый нормативно-правовой акт включает и требование к уровню квалификации данной категории работников, которая в свою очередь определяет качество такого компонента человеческого капитала, как профессионализм. Так, согласно разделу «Квалификационные характеристики должностей работников образования» для старшего педагога в системе общего образования необходим стаж работы не менее 2 лет⁸. В отношении профессионального образования профессионализм также определяется занимаемой должностью, для замещения которой необходимы наличие стажа, ученой степени и звания⁹. Кроме того, все лица заинтересованы в качестве человеческого капитала, стремясь к достижению высоких результатов в процессе обучения, что возможно только в том случае, если педагог обладает высоким уровнем педагогического мастерства и, конечно, высоким уровнем знаний по самому предмету.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ Министерства науки и образования Российской Федерации от 28.12.2010 г. № 2106 «Об утверждении федеральных требований к образовательным учреждениям в части охраны здоровья обучающихся, воспитанников» // Российская газета. — 2011. — 16 февраля. — № 5408.
2. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 № 761 «Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих» раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования». <http://base.garant.ru/199499/> (дата обращения: 30.01.2015).
3. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 11.01.2011 № 1 «Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих» раздел «Квалификационные характеристики руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070898/> (дата обращения: 30.01.2015)
4. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18.10.2013 г. № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70435556/#ixzz3PRVEfhPS> (дата обращения: 30.01.2015)
5. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 № 761 «Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих», раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/199499/> (дата обращения: 30.01.2015)
6. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18.10.2013 г. № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70435556/#ixzz3PRVEfhPS> (дата обращения: 30.01.2015)
7. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 11.01.2011 № 1 «Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих» раздел «Квалификационные характеристики руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070898/> (дата обращения: 30.01.2015)
8. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 № 761 «Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих» раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/199499/> (дата обращения: 30.01.2015)
9. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 11.01.2011 № 1 «Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих» раздел «Квалификационные характеристики руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070898/> (дата обращения: 30.01.2015)

**Бондаренко В. Н.
О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЕТАФИЗИКИ
И ПРАВА (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)¹**

В статье исследуются по преимуществу содержательно-логические формы взаимодействия философской метафизики и права, к которым относятся, прежде всего, вопрос, проблема, концепция и теория, рассматриваются особенности их взаимосвязи в современной философии и правоведении.

Ключевые слова: философская метафизика, право, формы взаимодействия философской метафизики и права.

**Bondarenko V. N.
ON THE INTERACTION OF PHILOSOPHICAL METAPHYSICS
AND LAW (ARTICLE ONE)**

The article deals mainly with substantive-logical forms of interaction of philosophical metaphysics and law, which include, above all, a question, problem, concept and theory; considers the features of their relationships in contemporary philosophy and jurisprudence.

Keywords: philosophical metaphysics, law, forms of interaction of philosophical metaphysics and law.

Бондаренко В. Н.

Существуют многовековые формы взаимодействия философии и права, которые демонстрируют себя в границах разных направлений. Одним из таких направлений является взаимосвязь философской метафизики и права.

В нашу эпоху среди философов и правоведов наблюдается разное отношение к метафизике: безразличное, негативное и позитивное. Прослеживаются неоднозначные подходы к постижению взаимодействия метафизики и права, в которых имеются в виду как собственно философские, так и нефилософские аспекты отмеченного взаимодействия. В этой связи целесообразно вести речь о необходимости разграничения философской метафизики и иных форм метафизики в понимании взаимосвязи философии и права.

Известно, что многие философы и правоведы определяют метафизику, как правило, в качестве первой философии или истинного философствования, отрицая тем самым (осознанно или неосознанно) право иных ее форм на собственное бытие и взаимодействие с правоведением. Среди нефилософских форм метафизики следует выделить художественно-образную, мифологическую, религиозную, мистическую и научную (в том числе правоведческую).

Вместе с тем следует сказать, что, как и они, философская метафизика является конкретным историческим продуктом, определенным историческим процессом, а поэтому целесообразно вести речь об исторических стадиях ее становления и развития. Среди них можно выделить классическую философскую метафизику; неклассическую философскую метафизику; постнеклассическую или современную философскую метафизику. Разумеется, что это выделение схематично и в значительной мере условно. Но оно, тем не менее, будет способствовать более глубокому осмыслению, оцениванию и преобразованию философской метафизики, взаимопониманию и взаимодействию разных философских и правоведческих направлений и школ, известных мировоззрений.

Рассмотрение темы взаимодействия философской метафизики и права предполагает, прежде всего, попытку найти

ответ на вопрос: «Что такое философская метафизика?». Такой ответ обуславливает решение конкретных задач: во-первых, осуществления перехода от понятия к идее философской метафизики; во-вторых, истолкования, оценивания и преобразования классической, неклассической и современной философской метафизики; в-третьих, осмысления, переживания и конструирования перспектив взаимодействия философской и иных форм метафизики (в том числе и научно-правоведческой) в духе становления цельной метафизики.

Философское и научно-правоведческое постижение философской метафизики означает, в первую очередь, предварительное обозначение вектора такого постижения. Им является движение, как перспективное прогрессивное развитие, от понятия к идее метафизики. Моменты этого развития демонстрируют себя в качестве взаимосвязанных тенденций взаимодействия линейной и нелинейной логики.

Процесс обозначения вышеназванного вектора вызывает потребность в исследовании трех основных аспектов: 1. Правомерно ли говорить в современной философии и в правоведении о конце метафизики в контексте определения исходных принципов постижения философской и научно-правоведческой метафизики? 2. Как соотносятся между собой метафизика бытия, метафизика смысла и метафизика ценности? 3. Что означает идея философской метафизики? К рассмотрению данных аспектов целесообразно далее перейти.

Временный мир, несущий в себе начало и конец, постоянно ставит перед философами и правоведами вопросы о границах различных процессов, в том числе проявляющихся в философии и правоведении. Одним из таких вопросов является проблема израсходованности метафизикой своих возможностей, своего потенциала развития. Она занимает важное место в современных философских и правоведческих дискуссиях. Но является ли данная проблема только современной? Не возникали ли подобные ситуации в предшествующем развитии философии и права?

Следует отметить, что в свое время критиковали в довольно резкой форме старую метафизику И. Кант и Г. Гегель. Но они говорили и о необходимости создания новой метафизики? Отвергая метафизику, противопоставляя ей материалистическую диалектику, К. Маркс, и Ф. Энгельс в то же время в своих трудах

1 О мировоззренческой, теоретико-методологической и онтологической взаимосвязи философии и права см.: Бондаренко В. Н. О мировоззренческой детерминации права // Евразийский юридический журнал. – 2013. -- №12(67). – С. 178–180; Он же. Принципы философского постижения права // Евразийский юридический журнал. – 2014. -- № 2(69). – С. 175–176; Он же. Онтологические пределы права (постановка проблемы) // Евразийский юридический журнал. – 2014. -- №10(77). – С. 206–207.

2 См.: Кант И. Трактаты и письма. — М.: Издательство «Наука», 1980. — С. 316, 340, 515; Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. — Т. 1. Наука логики. — М.: «Мысль», 1975. — С. 120, 199, 210–213, 244.

Рис. 1

утверждали ее положения, например, когда писали об универсальных, всеобщих законах развития природы, общества и мышления, о вечном движении материи и вечных формах ее бытия³. Называя Ф. Ницше «последним метафизиком», стремясь преодолеть метафизику вообще, М. Хайдеггер фактически в своей философии обосновывал новый вариант метафизического понимания мира и человека⁴. Можно привести и иные примеры из истории философии, в которых прослеживаются критика и неприятие метафизики другими известными философами и вместе с тем их новый возврат к метафизической проблематике.

Поэтому можно сказать, что проблема «конца метафизики» в определенном смысле является не только современной, но и традиционной. Она становится актуальной на переломных этапах развития философии, истинного философствования, имея на каждом из них свои особенности. Это означает, что необходимо исследовать специфику проявления проблемы «конца метафизики» в современных условиях.

В наши дни в философии и других мировоззрениях, в праве как науке произошли важнейшие перемены, свидетельствующие о возникновении различных тенденций осмысления, оценивания и преобразования природного, социального и духовного бытия, что сказывается и на отношении к вышеуказанной проблеме.

Первая из таких перемен — появление принципиально неоднозначных ценностных позиций и ориентаций, среди которых следует, прежде всего, отметить следующие: имманентную (посюстороннюю); трансцендентную (потустороннюю); имманентно-трансцендентную (посюсторонне-потустороннюю). При этом каждая из этих позиций и ориентаций прослеживается в определенных формах, имеющих свои специфические черты и нуждающихся в специальном понимании.

Вторая из рассматриваемых перемен — разные способы постижения природного, социального и духовного бытия, которые можно разделить по разным основаниям: онтологическим (материалистические, идеалистические и нейтральные философские тенденции); гносеологическим (гносеологический оптимизм; скептицизм; агностицизм); познавательного-ценностным (сенсуализм; рационализм; интуитивизм); мировоззренческим (художественно-образная философия; мифологическая философия; религиозная философия; мистическая философия; научная философия).

Третья из этих перемен — неоднозначные принципы и методы изменения природного, социального и духовного бытия: эволюционные; революционные; эволюционно-революционные.

Четвертая из данных перемен — формирование и развитие отличающихся друг от друга логик осмысления, оценивания и преобразования названных выше форм бытия. К таким логическим конструкциям можно отнести: линейную логику; нелинейную логику; линейно-нелинейную логику.

С учетом рассмотренных перемен можно уточнить изучение вопроса: «Правомерно ли говорить в современной философии и правоведении о конце метафизики?». А тем самым

можно отметить основные логические (взаимосвязанные) звенья процесса первоначального ответа на данный вопрос, который следует представить, прежде всего, в виде схемы (рис. 1).

Конечно, эта логическая схема нуждается в предварительном пояснении. Вопрос, будучи определенным итогом вопрошания, представляет собой первое логическое звено, которое обусловлено мотивами автора, его приобщением к конкретной философской и правоведческой традиции, культурно-социальным контекстом, в границах чего он находится. Но в вопросе все это — мотивы, принадлежность к конкретной философской и правоведческой традиции, к культурно-социальной исторической среде — пребывает в состоянии слияния, неразрывности, естественной (непосредственной) целостности. Подобная специфика вопроса прослеживается и в том, что в нем знание и незнание смыкаются, не разграничиваются между собой. Относительно к изучаемой теме можно сказать: неясно, что известно, а что неизвестно по интересующему автора вопросу о конце метафизики в философии и в праве как науке. Но нужно отметить, что поставленный вопрос переживается им в качестве значимого философского и правоведческого вопроса. Другими словами, вопрошание о конце метафизики в философии и праве означает,

прежде всего, выбор исходной ценностной позиции и ориентации, которые заключают (несут в себе) определенное оценивание этого вопроса в контексте сходных и противостоящих философских и правоведческих вопросов. Такое оценивание явно или неявно имеется в виду.

Проблема, являясь последующим результатом вопрошания, выступает в качестве второго логического звена, которое обусловлено не только логикой раскрытия вопроса, ответа на него, всеми теми же факторами, которые определяли вопрос, но и нелинейными связями, оказывающими влияние на исследователя (воздействие со стороны философского и правоведческого сообщества, различных философских и правовых традиций, иных мотивов переживания культурно-социальных особенностей). В проблеме есть демаркация знания и незнания. Применительно к проблеме конца метафизики в философии и праве как науке можно утверждать, что имеются противоположные тенденции, являющиеся как некоторым проявлением такого конца, так и подтверждающие то, что метафизике присущи резервы для последующего ее развития. Но не понятно, какие из этих тенденций преобладают в современной философии и в правоведении, что обуславливает необходимость перехода к третьему логическому звену — к гипотезе (к гипотезам).

В современной философии и праве вряд ли можно поддержать мысль И. Ньютона о том, что не нужно измышлять гипотезы, то есть знания-предположения, знания-догадки. Возникновение и применение разных гипотез обусловлено наличием у исследователя (в философии и правоведении) различных ценностных позиций и ориентаций; противоречивостью его первичных онтологических оснований; стремлением исследователя к агностицизму или скептицизму; наличием в его главном мировоззрении моментов других типов и форм мировоззрения; потребностью исследователя учесть все многообразие принципов и методов преобразования природного, социального и духовного бытия.

Вот почему исследование вопроса и проблемы о конце метафизики в философии и праве приводит к необходимости создания нескольких рабочих гипотез. К основным из них можно

3 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. — М.: Политиздат, 1981. — С. 141, 144, 145.

4 Хайдеггер М. Основные понятия метафизики (Перевод и примечания А. В. Ахутина и В. В. Бибихина) // Вопросы философии. — 1989. — № 9. — С. 116–157.

отнести: 1) наличный отрицательный материал о метафизике позволяет вести речь о ее действительном конце в современной философии и правоведении, но тем самым можно согласиться с постмодернистской заменой метафизики иронией; 2) имеющаяся положительная информация о возрождении и дальнейшем развитии метафизики в современную эпоху свидетельствует о том, что никакого ее конца в философии и праве не наблюдается; 3) сопоставление отрицательных и положительных тенденций, демонстрирующих место и роль метафизики в современной философии и в правоведении, говорит о том, что можно вести речь о распаде и своеобразном конце ее неклассической формы и о возникновении и развитии постнеклассического (современной) метафизики. По всей видимости, из этих трех гипотез более конструктивной и перспективной является последняя, включающая в себя первую и вторую гипотезы в качестве снятых моментов. Впрочем, эта гипотеза не отрицает и того, что на предыдущих этапах развития метафизики проявлялись разные формы взаимосвязи существующих в тех условиях видов метафизики, в которых каждая ведущая форма несла в себе преодоленные компоненты предыдущей (предыдущих) и потенциальные моменты последующей (последующих) форм. В то же время третья гипотеза означает и то, что на всех этапах развития метафизики прослеживались и проявляются, в качестве параллельных, кроме главной формы, и неосновные формы ее бытия. Это видно в развитии не только философии, но и права как науки.

В наши дни философы и правоведы по-разному трактуют понятие «концепция». Одни по существу отождествляют концепцию и теорию, другие связывают это понятие с проблемой смысла (концепта). Поэтому нужно определить понятие «концепция» в контексте данной статьи, в которой оно рассматривается в качестве стратегического замысла, первичной теоретико-методологической модели, теории в-себе. Однако в таком случае снятым моментом в концепции исследования является ведущая, основная рабочая гипотеза. Применительно к изучаемой теме концепцию познания можно представить в нескольких взаимосвязанных аспектах, в которых осуществляется процесс перехода от понятия к идее философской метафизики, а тем самым определяется процесс взаимодействия последней с правом.

Такой переход осуществляется уже в постановке вопроса и проблемы о конце метафизики в философии и в правоведении, в выработке первичных гипотез и в выборе из них основной. Об этом речь шла выше. Но все это — только лишь первый, низший уровень в структуре концепции. Второй ее уровень проявляется в положении о том, что философское понимание исторических этапов возникновения и развития философской метафизики и ее применения в праве обуславливает разграничение и соотнесение таких ее форм, как метафизика бытия, метафизика смысла и метафизика ценности. Однако эти демаркация и сопоставление, которые будут реализованы в дальнейшем, станут и дальнейшим расширением и углублением вопроса и проблемы о конце метафизики в философии и правоведении, что касается и главной рабочей гипотезы.

Третий уровень определения концепции исследования взаимодействия философской метафизики и права включает в себя и демонстрирует собой идею цельной метафизики в-себе, для-себя и для-другого. Такая идея в-себе предполагает то, что любая известная форма философской метафизики является неразвитой, потенциальной цельной метафизикой (метафизикой бытия, метафизикой смысла, метафизикой ценности), что не всегда осознается в плане ее использования в правоведении. В то же время эта идея для-себя выступает как некая целостность постнеклассической (современной) философской метафизики. Указанная идея для-другого означает то, что современная философская метафизика демонстрирует себя в качестве одной из форм в развитии собственно цельной метафизики, другими формами которой является художе-

ственно-образная, мифологическая, религиозная, мистическая и научная метафизика.

Концептуальное осмысление философской метафизики, прежде всего ее возможного конца в философии и праве, логически ведет к теоретическому исследованию данной темы. Но следует пояснить, что имеется в виду под таким исследованием. Многие современные российские философы и правоведы рассматривают теорию как высшее логическое звено в развитии философии и права. С подобным суждением трудно согласиться. Вероятно, лучше определить теорию в качестве переходного логического звена между концепцией и парадигмой, между концепцией и синтагмой. Это ее срединное положение обуславливает наличие у теории сложной структуры, которой присущ ряд взаимосвязанных уровней.

Среди данных уровней можно выделить: исходную методологическую базу (допущения, постулаты, аксиомы, методологические принципы, методы, применяемые законы, идеализированные объекты и модели); первичный эмпирический базис (научные и философские факты); логику теории (язык и основные понятия, совокупность допустимых правил доказательства и вывода, классификация, типология, систематизация имеющейся информации); главный массив теоретического знания (совокупность выведенных из теории утверждений). Следует отметить, что теория отличается от концепции более высокой степенью обоснования и доказательства.

Исходя из всего сказанного о теории, можно предварительно обозначить параметры ее применения в процессе понимания взаимодействия философской метафизики и права. Постигание пределов места и роли метафизики в современной философии и правоведении означает использование и учет конкретных аксиом и постулатов.

Иными словами, в исходной методологической основе нужно сформулировать ряд аксиоматических утверждений: суждение о доминировании в постнеклассической философской метафизике и в правоведении имманентно-трансцендентной (посюсторонне-потусторонней) ценностной позиции и ориентации; определение в качестве первичного онтологического основания в познании философской метафизики и ее взаимодействия с современным правом нейтральных философских тенденций; выбор скептицизма как наиболее конструктивной гносеологической позиции в ответе на вопрос: «Что такое философская метафизика и каковы границы ее применения в правоведении?»; трактовка интуитивизма в качестве естественного и оптимального познавательно-ценностного основания использования философской метафизики как в философии, так и в праве; постулат о том, что среди мировоззренческих оснований изучения философской метафизики и ее применения в правоведении продуктивными следует считать аксиомы различных типов философии: художественно-образной, мифологической, религиозной, мистической и научной; преобразование современной метафизики в философии и в праве предполагает применение эволюционно-революционных принципов и методов в таком преобразовании в них; понимание взаимодействия философской метафизики и правоведения целесообразно осуществлять на основе линейно-нелинейной логики.

В первичном эмпирическом базисе теоретического постижения темы надо выделить те главные факты, которые связаны с зарождением и развитием философской метафизики и ее использованием в философии и праве Древнего Востока («Книга перемен», «Упанишад», даосизм, конфуцианство, буддизм и т.д.); в античной философии (досократовский период, классическая античная философия, эллинистическая и римская философия); в средневековой философии (западная, арабская и российская философия); в философии эпохи Возрождения (гуманистическая, натуралистическая и мистическая философия); в философии Нового времени (сенсуализм, рационализм и интуитивизм); в современной западной философии (марксизм и неомарксизм, классический позитивизм, эмпириокри-

тицизм, неопозитивизм, аналитическая философия, постпозитивизм, структурализм; философия жизни, интуитивизм, феноменология, экзистенциализм, прагматизм, религиозная философия, мистическая философия, персонализм, психоаналитическая философия, философская антропология и аксиология, постструктурализм и постмодернизм); в отечественной философии (дореволюционная, марксистская и современная философия); в восточной философии (с эпохи Средневековья до наших дней); в африканской философии; в латиноамериканской философии.

Логика теоретического понимания философской метафизики и ее взаимодействия с правоведением предполагает выделение ряда аспектов: применение языка и терминологии различных типов философского мировоззрения и разновидностей права; использование правил и доказательств, свойственных линейно-нелинейной логике; разработка классификации, типологии и систематизации на основе линейно-нелинейной логики.

К главному массиву теоретического знания, полученного в результате постижения философской метафизики и ее взаимодействия с правоведением, можно отнести следующие суждения: 1) в истории развития философской метафизики и ее взаимодействия с правом отчетливо проявляются такие стадии, как: классическая философская метафизика и классическое право, неклассическая философская метафизика и неклассическое право, современная (постнеклассическая) философская метафизика и современное (постнеклассическое) право; 2) в пределах этих этапов целесообразно выявить различные классификации видов их развития; 3) разновидности философской метафизики и правоведения, формы их взаимодействия развиваются на базе принципов объективности, субъективности и intersubjectивности; 4) во взаимосвязи данных принципов прослеживаются общие и отличительные признаки метафизики бытия, метафизики логоса, метафизики ценности и метафизики цельности, что проявляется по-разному в правоведческих

направлениях и школах; 5) кроме философской метафизики, нужно вести речь о художественно-образной, мифологической, религиозной, мистической и научной метафизике; 6) в современную эпоху развития философии и права есть возможность охарактеризовать ведущие тенденции и перспективы возникновения цельной метафизики, а тем самым исследовать их взаимодействие с правом.

В итоге можно отметить, что если в рассмотрении вопроса, проблемы, гипотезы, концепции и теории в качестве логических звеньев рассмотрения обозначенной темы господствует линейная логика, то в изучении парадигмы и синтагмы она преодолевается в линейно-нелинейной логике. Однако об этом, как и об иных аспектах осмысления взаимодействия философской метафизики и права, будет идти речь во второй статье автора.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко В. Н. О мировоззренческой детерминации права // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 12 (67).
2. Бондаренко В. Н. Принципы философского постижения права // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 2 (69).
3. Бондаренко В. Н. Онтологические пределы права // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 10 (77).
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. — Т. 1. Наука логики. — М.: «Мысль», 1975.
5. Кант И. Тракаты и письма. — М.: Издательство «Наука», 1980.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3-х т. — Т. 3. — М.: Политиздат, 1981.
7. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики (Перевод и примечания А. В. Ахутина и В. В. Бибикина) // Вопросы философии. — 1989. — № 9.

Бугера В. Е., Кадырова Г. Ф.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

В статье излагается концепция двух типов человеческой личности — индивидуальной и коллективной. Намечаются направления исследования тех социальных условий, при которых эти типы формируются и сменяют друг друга.

Ключевые слова: коллектив, коллективная личность, индивидуальная личность, интерес, классовое общество, бесклассовое общество, отношения коллективного управления, отношения авторитарного управления, отношения индивидуального управления, отношения коллективной собственности, отношения авторитарной собственности, отношения индивидуальной собственности, первобытные люди, цивилизация, религия, мифология, власть, правовые нормы.

Bugera V. E., Kadyrova G. F.

INDIVIDUAL AND COLLECTIVE TYPOLOGY OF PERSONALITY: ETHICO-PHILOSOPHICAL AND LEGAL ISSUES

The article describes the concept of two types of the human person — individual and collective. Research directions of the social conditions under which these types are formed and change each other are outlined.

Keywords: collective, collective personality, individual personality, interest, class society, classless society, relations of collective management, relations of authoritarian management, relations of individual management, relations of collective property, relations of authoritarian property, relations of individual property, primitive people, civilization, religion, mythology, power, legal norms.

Мы, люди классового общества, привыкли к тому, что личность — это обязательно отдельный человек, индивид. Нам это кажется само собой разумеющимся. Однако первобытное общество дает нам примеры того, что единой личностью может быть и группа людей. Каждое первобытное племя было единой коллективной личностью с единым характером (а не просто с одинаковыми характерами соплеменников), едиными (а не просто одинаковыми) установками и целями.

Чем более первобытное, более коллективное племя из известных нам мы берем, тем в большей степени это утверждение верно для него. Между прочим, одним из проявлений этого личностного единства (т.е. того, что каждый член племени не ощущал и не проявлял практически отдельности своих интересов, стремлений и целей от интересов, стремлений и целей каждого своего соплеменника) была высокая эффективность обычного для первобытных общин принципа принятия решений: решение принято не тогда, когда за него проголосовало большинство, но только тогда, когда с ним согласились все. Практика же людей цивилизованного общества свидетельствует, что если группа состоит из индивидуальных личностей, то этот принцип неэффективен, постоянно дает сбои даже тогда, когда эти личности очень солидарны и дружелюбны по отношению друг к другу. В эпоху раннепервобытной общины род, как и позднее племя, управлялся на основе принципов первобытнообщинной демократии. Его высшим органом было собрание всех взрослых сородичей, сообща решавших основные вопросы хозяйственной, общественной и идеологической жизни. При этом, естественно, особенным авторитетом пользовались зрелые, умудренные опытом люди, из среды которых выбирались главари — наиболее влиятельные женщины и мужчины. Хотя их власть основывалась только на личном авторитете, уважении, которое питали сородичи к их выдающимся качествам, опытности, знаниям, она была вполне реальной властью.

Первобытные люди ощущали себя физически едиными со своими соплеменниками, воспринимали свою общину буквально как единое тело. Остатки этого восприятия сохраняются не только во всех фазах перехода от первобытного общества к классовому, но даже у раннецивилизованных

Бугера В. Е.

Кадырова Г. Ф.

народов: «В самых примитивных обществах имеется только одна связь, соединяющая безусловно и без исключения: принадлежность к одному племени (родство — Kinship). Члены рода солидарно выступают один за другого, Kin (род, семья) представляет собой группу лиц, жизнь которых таким образом связана в физическое единство, что их можно рассматривать как части одного живого существа. В случае убийства кого-нибудь из Kin'a не говорят: пролита кровь того или другого, а — наша кровь пролита. Древнееврейская фраза, в которой выражается племенное родство, гласит: ты — моя нога и мое мясо. Состоять в родстве означает, следовательно, иметь часть в общей субстанции»¹.

Осознание первобытными людьми себя как частей (причем равноправных) единого тела — общины, племени — так отражалось на общении между соплеменниками и с иноплеменниками, что, например, европейские исследователи, общавшиеся с бушменами до 40-х гг. XIX в., не могли понять: есть ли у бушменов какие-то личные имена, или таковых вовсе нет².

Не так уж трудно понять, почему первобытные люди не были индивидуальными личностями. Индивидуальная личность формируется (и, по мере формирования, осознает себя как таковая), дистанцируясь — в той или иной степени — от окружающих людей в процессе общения с ними. Разумеется, без общения с окружающими никакая личность (ни коллективная, ни индивидуальная) формироваться не может; однако и без того, чтобы хотя бы в какой-то мере отстраниться от окружающих, индивидуальная личность сформироваться не может (общение между членами группы, имеющее место с детских лет и не переплетающееся с дистанцированием членов группы друг от друга, дает в итоге единую коллективную личность, которой и оказывается вся эта группа, взятая

1 Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии // Фрейд З. Тотем и табу: Сборник. — М., 1998. — С. 157

2 Вейнинггер О. Пол и характер. — Ростов-на-Дону, 1998. — С. 290, 560.

в целом). А от чего живым существам свойственно отстраняться? — От того, что причиняет боль. В отличие от отношений коллективного управления, сводящих (тем более, чем больше их доля в системе общественных отношений) причиняемую людьми друг другу (а следовательно, и самим себе) душевную боль до минимума, до случайного исключения, отношения индивидуального и авторитарного управления бьют людей друг о друга (а следовательно, и внутренне раскалывают каждого человека) с необходимостью, как правило — и тем чаще и сильнее, чем больше их доля в системе общественных отношений. Поэтому люди оказались вынуждены дистанцироваться друг от друга (и, следовательно, становиться индивидуальными личностями) лишь по мере того, как доля отношений индивидуального и авторитарного управления (ну и, конечно же, их зародышей — отношений индивидуальной и авторитарной собственности) в системе общественных отношений стала увеличиваться — то есть по мере перехода от первобытного к классовому обществу.

Чем более общество становилось классовым, отчужденным, чем меньше в нем оставалось первобытного коллективизма — тем более индивиду грозила участь игрушки в руках других индивидов, и тем более возрастала потребность каждого индивида в том, чтобы стать более или менее сильной личностью (и тем самым уменьшить риск превращения его в говорящее орудие — или, если такое превращение все-таки совершится, на худой конец уменьшить степень своего порабощения). Индивидуальная личность — это оружие для борьбы с другими членами того же общества; и именно как таковое она является способом существования отчужденного человека. В коллективистском обществе, члены которого не отчуждены друг от друга (а следовательно, и от самих себя) и которое в целом является единым оружием по борьбе с угрозами, исходящими из окружающего мира, — в бесклассовом обществе никому просто не нужно быть личностью: если человек человеку (в первобытном микрообществе — соплеменник соплеменнику) на деле не волк, а друг, товарищ и брат, не заключающий в себе потенциальной угрозы, — тогда зачем проводить дистанцию между собой и другими, зачем отделять себя от со-общинников как одну личность от других личностей? В обществе, где нет деления на «мое» и «твое», а есть только «наше», неоткуда взяться делению на «я» и «ты» — есть только «мы»³.

Процесс становления индивидуальной личности идет с некоторым отставанием от процесса вытеснения первобытных общественных отношений отношениями классового общества (что, кстати, лишней раз доказывает ту истину, что именно общественные отношения определяют психику людей, а не наоборот)⁴. Люди далеко не сразу начинают ощущать и понимать, что прежние друзья, товарищи и братья объективно становятся волками друг другу; и вот мы видим, что даже на довольно поздних стадиях перехода от первобытного общества к классовому люди еще сохраняют те психологические качества, которые сформировались у них еще тогда, когда каждая община была единой коллективной личностью. Что это за качества? А те самые доверчивость, простодушие, наивность, незащитность перед подлостью и коварством со стороны члена одного с тобою общества, по поводу которых людям классового общества свойственно одновременно и умиляться, и издеваться. Чаще все-таки издеваться: один из примеров такого рода издевательств — анекдоты о чукчах, столь популярные в современной России.

В отличие от тех, кто полагает, что индивидуальная личность существовала и в первобытной общине, Эрих Фромм впал

в другую, столь же ошибочную крайность: ссылаясь на работы Якоба Буркхардта как на источник своих познаний по культуре европейского средневековья, он заявил, что «средневековое общество не лишало индивидуума свободы уже потому, что «индивидуума» как такового еще не существовало...понятия индивидуальной личности просто не существовало»⁵.

Если бы Фромм не доверился исключительно Буркхардту, а обратился бы еще и к прекрасной книге Жюль Мишле «Ведьма» (в этой книге поэтичность изложения и глубокий психологизм слиты воедино на прочной основе весьма материалистического понимания истории, вообще свойственного лучшим французским историкам первой половины XIX в. и, как известно, явившегося одной из предпосылок марксизма), то он бы понял, что и в Средние века существовала индивидуальная личность — причем не только у феодалов и бюргеров, но и у забитых общинных крестьян. Облик и внутренние противоречия этой крестьянской личности замечательно описал Мишле, глубоко прочувствовавший ее страхи, страдания и отчаянные порывы... Конечно же, в доиндустриальных классовых обществах личность уже была индивидуальной. Да и как же иначе: крестьянская община и цех ремесленников даже на самых ранних стадиях развития цивилизации уже были противоположностью первобытной общине — авторитарные отношения внутри них уже заметно преобладали (хотя и коллективных еще, конечно же, оставалось немало); а наличие резко обособленных друг от друга (и, кстати, весьма авторитарных внутри себя) семей говорит нам о том, что и отношений индивидуальной собственности и индивидуального управления внутри такой общины или цеха уже было многократно больше, чем в единой большой семье — первобытной общине. В доиндустриальных классовых обществах отношения авторитарного и индивидуального управления преобладали повсюду — так же, как и при капитализме и неоазиатском строе; следовательно, и все личности были такого типа, который соответствует этим двум типам отношений управления, — индивидуальными. Или, иначе говоря, каждый разумный индивид старше 4–5 лет был индивидуальной личностью. Другое дело, что эти личности были, в большинстве своем, еще не настолько индивидуальными — то есть не настолько обособленными и одинокими, — как личность в современном большом городе. Однако и здесь есть значительное исключение: большие города Римской империи эпохи упадка (начиная, разумеется, с самого Рима) породили, как массовый тип, такого же почти абсолютного одиночку в толпе, как и тот, что населяет современные мегаполисы. Кто не верит — пусть почитает сатиры Ювенала...

Чем более первобытным является племя, с мифологией которого мы имеем дело, тем реже мы встречаем в его мифологии таких духов или богов, которые являются индивидуальными личностями со своим индивидуальным характером. Напротив, тем большее место занимает в такой мифологии вера либо в тотемы, олицетворяющие единство всего племени и сами не обладающие индивидуальностью (до такой степени, что первобытные люди не отличают, например, «оленья вообще» как тотем племени от каждого отдельного оленя), либо в невидимые безличные магические силы (вроде той, в которую верят полинезийцы, называющие ее «манна»), либо в коллективы духов, выступающие исключительно как единые коллективные личности с единым коллективным характером (остатком таких верований у славян являются русалки, почти всегда выступающие «в компании» и крайне редко проявляющие свою индивидуальность. Единственное более-менее регулярно повторяющееся исключение из этого правила — фигура царицы русалок, очевидно позднего происхождения, привнесенная в мифы о русалках классовым обществом). Отсюда можно сделать вывод, что в мифологии «классических» первобытных племен, ни в коей мере не начавших перехода

3 Бугера В. Е., Гиндуллин Н. Ф. Концепция неоазиатского способа производства в СССР: правовые и экономические аспекты // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 5 (72). — С. 180–183.

4 Бугера В. Е., Гиндуллин Н. Ф., Кадырова Г. Ф. Что такое отношение собственности, и почему этот вопрос...// Вестник ВЭГУ. — 2013. — № 4 (66). — июль-август. — С. 11–16.

5 Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя. — Минск, 2000. — С. 64.

к цивилизации, вера в богов, являющихся индивидуальными личностями, отсутствовала напрочь⁶.

С помощью того же самого метода — сравнения мифологий более первобытных (менее основанных на разделении труда, более коллективистских) племен с мифологиями менее первобытных племен — мы легко убедимся, что в мифологии «классических» первобытных племен отсутствовала иерархия духов и коллективов духов. Первобытные люди рассматривали коллективы духов, тотемы соседних племен и безличные магические силы как более или менее сильных соседей — но совсем не как своих господ, начальников, и не как господ и начальников друг друга. Мифологические образы отношений господства и подчинения стали возникать только в процессе перехода от первобытности к цивилизации. Отсюда становится понятным, почему магия первобытных людей не носила характера поклонения сверхъестественным существам. Первобытные люди дарили им свои жертвы, прося у духов и магических сил помощи, — но если помощь так и не оказывалась, они могли и наказать своих непослушных соседей тем или иным образом. Подобное отношение к духам и божествам — правда, исключительно к низшим — сохранилось и в ряде цивилизованных религий, причем иногда даже в отнюдь не самых примитивных цивилизациях и вовсе не в качестве лишь терпимых церквями «простонародных суеверий».

В первобытности имелись строгие системы норм, регулировавшие взаимоотношения между людьми и до определенной степени стимулировавшие те или иные их поступки.

Нормативные предписания пронизывали все аспекты жизни людей: во взаимоотношениях внутри семьи и общины, между родственниками и свойственниками, соплеменниками и чужаками, представителями разных поколений и разных ритуальных групп и пр., повсюду действовали не-

писанные правила, основанные на традиции, идущей от предков.

Вся организация власти была проникнута началами первобытной демократии. Каждый взрослый член племени имел возможность свободно высказать свое мнение как в родовом, так и в племенном совете. Старейшины и военные вожди занимали свои должности лишь по праву избрания и до тех пор, пока их действия отвечали интересам соплеменников.

Пристатейный библиографический список

1. Архив Троцкого. — Т. 1. / Редактор-составитель Ю. Фельштинский. — М., 1990.
2. Бутера В. Сущность человека. — М., 2005.
3. Бутера В. Е., Гиндуллин Н. Ф., Кадырова Г. Ф. Что такое отношение собственности и почему этот вопрос имеет существенное значение для развития методологии исследования // Вестник ВЭГУ. — 2013. — № 4 (66). — июль-август.
4. Бутера В. Е., Кадырова Г. Ф. К вопросу о классовой природе СССР // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 4 (71).
5. Бутера В. Е., Гиндуллин Н. Ф. Концепция неоазиатского способа производства в СССР: правовые и экономические аспекты // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 5 (72).
6. Вейнинггер О. Пол и характер. — Ростов-на-Дону, 1998.
7. Мишле Ж. Ведьма // Мишле Ж. Ведьма. Женщина. — М., 1997.
8. Трунов Д. Введение в феноменологию самопознания. — Пермь, 2008.
9. Уиннингтон А. Рабы Прохладных гор. — М., 1960.
10. Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии // Фрейд Тотем и табу: Сборник. — М., 1998.
11. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя. — Минск, 2000.

6 Бутера В. Е., Кадырова Г. Ф. К вопросу о классовой природе СССР // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 4 (71). — С. 175–177.

Неганов Ф. М., Хазиев З. А.

ОБОСНОВАНИЕ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье на основе анализа фундаментальных философских воззрений Гегеля на устройство и сущность бытия, а также о месте в нем человека рассматривается роль и значение государства. Система Гегеля является не только глубоко спекулятивной и на первый взгляд удаленной от реальности, но и имеющей строго определенную социально-политическую направленность, выраженную в нормативной структуре права и нравственности идеального государства. Проблема свободы и человеческой индивидуальности получает у Гегеля своё разрешение путем правового подчинения и нравственного долженствования личности в рамках построения системы абсолютного идеализма.

Ключевые слова: государство, право, нравственность, онтология, антропология, необходимость, рациональное, иррациональное, истина, свобода.

Neganov F. V., Haziev Z. A.

JUSTIFICATION OF LAW AND MORALITY IN HEGEL'S PHILOSOPHY: ONTOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS

In the article on the basis of the analysis of the fundamental philosophy of Hegel on the structure and essence of being and of human's place in it, the role and importance of the state is examined. The system of Hegel is not only deeply speculative and seemingly remote from reality, but has a well defined socio-political orientation expressed in the normative structure of law and morality of an ideal state. The problem of freedom and human individuality gets resolved by Hegel through legal subordination and moral obligation of the individual in the construction of the system of absolute idealism.

Keywords: state, law, morality, ontology, anthropology, necessity, rational, irrational, truth, freedom.

Созданной философской системой Гегель на уровне теории предвосхитил общество, в котором господство над индивидом надличностной правовой системы станет практической реальностью. Здесь имеется в виду грядущее европейское буржуазное общество, которое превратится в единый индустриально-производственный организм, в одну единую «фабрику», в которой люди будут обречены стать носителями частичных функций. Гегелевский человек, как звено в вечном движении всеобщего духа, оказался прототипом абстрактно-одностороннего человека — рабочей силы, придатка организационно-технической машины производства и всего общества. Рационализм Гегеля, раздавивший индивидуальность человека, предвосхитил холодный экономический рационализм индустриального хозяйства в эпоху первоначального накопления общественного богатства в исполнении молодого капитала¹.

Вместе с тем нельзя упрекнуть немецкого философа, несмотря на абсолютный характер его идеализма, в схоластичности. Им создана практическая философия, которая дает конкретные рекомендации для реализации его фундаментальных онтологических идей. В данной статье мы покажем, как им была обоснована и какой должна была бы быть правовая и нравственная система истинного (с его точки зрения) государства.

Согласно убеждению Гегеля, индивидуальность есть олицетворение конечного, которое должно быть преодолено. Индивидуальность вообще есть нечто случайное, но как снятая и сохраняющаяся в этой «снятости», она совершенно необходима для гегелевского духа (для его Абсолютной идеи, существующей в мире природы). Более того, в строгом смысле слова, индивидуальность есть одна из форм, которая творится духом, но творится не для того, чтобы она получила самостоятельность, а для того, чтобы, получая свободу, найти форму собственного преодоления.

Но Гегель категорически против того, чтобы применять насилие в отношении человека. Человек необходим духу, так как только через него дух может подняться до своего само-осозна-

ния². То есть человек должен осознавать собственную сущность не как индивидуальность, а как дух. А учитывая, что дух это «целокупность», единый и единственный принцип, предполагающий мир в качестве «упорядоченной в себе системы, где у всего есть свое место», то и человек должен осознавать себя частицей, моментом этой системы. Чтобы это произошло, человек должен обладать необходимой свободой. Но так как он есть творение духа, а дух сам по себе свободен, и в положительной, и в отрицательной возможности, то значит и человек получает свободу в тех же противоположных ипостасях. Испытав свободу в обеих возможностях, человек должен сам принять сторону свободы утвердительных действий духа, что означает быть в подлинной, истинной свободе.

Итак, наличие в духе произвола делает его источником фантазий и случайных действий. В этом дух проявляет себя как индивидуальность, самость; он обладает свободой делать все, что угодно. Но это является совершенно необходимым для самого духа, так как только с помощью этих сторон, которыми дух наделяет человека (а равно и себя как творимую конечную форму мира существования), он способен вернуться к самому себе из эмпирического, абстрактно-одностороннего материального мира. Иными словами, эти возможности нужны для человека, а если так, то, следовательно, реальный человек ими обладает по своей (духовной) природе.

Таким образом, сущность человека в философской системе Гегеля определяется как единство иррационального и рационального. Иррациональное необходимо в качестве средства осознания человеком более высокой рациональной стороны своей природы, то есть для осознания первенства духа. Но это не значит, что нужно момент иррациональности вообще из духа исключить, не брать его в расчет, забыть о нем. Без это-

Неганов Ф. М.

Хазиев З. А.

1 См.: Лунгина Д. А. Учение о культуре у Канта и Гегеля // Вопросы философии. — 2010. — № 1. — С.153-165.

2 См.: Чепурин К. В. Анализ сознания в «Берлинской» феноменологии Г. В. Ф. Гегеля // Вопросы философии. — 2009. — № 10. — С. 134-139.

го иррационального момента сущность человека в гегелевской, как и в любой другой, рационалистической философии, будет понята не в достаточной полноте, а значит и не в истине.

Наконец, позитивная значимость иррациональности оценивается самим Гегелем в недвусмысленности, когда он в ней видит не нечто негативное, а не более и не менее как источник и знак разумности. Читаем об этом в малой «Науке логики»: «И здесь (имеется в виду частная наука геометрия, изучающая законы в пределах рассудочного) так же, как и в других областях, получается превратная терминология: то, что мы называем рациональным, принадлежит на самом деле области рассудка, а то, что мы называем иррациональным, есть скорее начало и след разумности»³.

Вместе с тем результатом этого осознания человеком себя в качестве духа является элиминация, редукция человеческой индивидуальности. Для человека важна не его собственная индивидуальность, каждый человек должен стремиться стать «истинным», разумным, а не индивидуально-неповторимым. Гегель в связи с этим отмечает: «Каждый для самого себя, исходя из собственной субъективности и вины, должен быть тем, чем он должен быть; но то, чем он, таким образом, будет для себя, не может быть чем-то случайным, не может быть его произволом, но должно быть чем-то истинным»⁴. А истина в определении Гегеля и есть сам дух в его развитии, в его единстве, тождестве с предметом. Индивидуальность, неповторимость реального человека проистекают от случайности, поэтому она должна быть преодолена, устранена. Чем, например, больше индивидуальности, самобытности выражено художником в своем произведении, тем хуже его автор. «Чем хуже художник, тем отчетливее мы видим его самого, его обособленность и произвол. Если в рассмотрении произвола остановиться на том, что человек может хотеть того или иного, то это, правда, есть его свобода; однако, если твердо помнить, что содержание дано, то человек определяется им и именно в этом аспекте уже не свободен», — пишет Гегель в своей «Философии права»⁵. Чем более индивидуален человек, тем он менее истинен. «Разумное — это дорога, по которой ходит каждый, на которой никто не выделяется», — определяет Гегель жизненные ориентиры человека⁶.

Человек вообще не властен над собой, решает Гегель, он не принадлежит самому себе. Ему отказывается даже в праве на самоубийство. Человек есть нечто обязанное, подчиненное, долженствующее⁷. Поэтому ему предстоит непростая борьба с собственной индивидуальностью, с собственным субъективизмом. Как это ни странно, но собственную покорность духу ему еще нужно завоевать в трудной борьбе. Это борьба с собственным невежеством в деле обретения должного образования⁸. Только образованный человек может чувствовать себя свободным от вожделий и эгоистических страстей. Однако этому освобождению предшествует «тяжелый труд, направленный на преодоление голый субъективности поведения, непосредственности вожделия, а также субъективной суетности чувства и произвола желаний»⁹. И далее Гегель добавляет, что именно с «образованием субъективная воля сама обретает в себе объективность, в которой она, со своей стороны, только достойна и способна быть действительностью идеи. Вместе с тем эта форма всеобщности, до которой особенность поднимается посредством труда и образования, составляет объяснение того, что особенность становится истинным для-себя-бытием единичности»¹⁰.

Итак, личностная воля человека должна подняться до осознания своего назначения, находящегося вне его самого. Свобода человека растворяется в необходимости духа, которого еще надо познать, совершив прежде тяжелый труд получения образования. Человек должен смириться с участью быть исчезающим моментом бесконечного движения единого истинно-всеобщего. Но это не означает, что теряет смысл какая-либо деятельная активность человека. Гегель отвергает известное стоическое решение проблемы, которое предполагает уравнивание себя (своего Я) в самом себе. Этот стоический акт Гегель рассматривает как формальное тождество человека с самим собой, как абстрактное примирение, как самоподавление. Стоическое самоудовлетворение Гегель приравнивает к бегству из мира путем добровольного обречения себя на бездеятельность. Человек, по мнению Гегеля, несмотря на свою обреченность быть абстрактным звеном движения всеобщего, не должен оставаться пассивным, так как именно от его свободных, сознательных и добровольных действий зависит возвращение духа в свой исток. Иного пути у духа нет, а значит, не может быть иного пути и у человека. Примирение человека с фактом необходимости отрицания и преодоления («снятия») своей личностной индивидуальности есть необходимый акт возвращения духа в свое отцовское лоно. И это примирение уже «положено» в человеке самим духом в момент творения им человека. Человеку нужно только осознать «положенное» как необходимое, единственно-истинное и возможное свое назначение, то есть стать «истинным» человеком, соответствовать своему «понятию», тому, что находится в каждом предмете, в каждом явлении, в каждом человеке. Но чтобы добраться до своего «понятия» (= духа), недостаточно науки.

Средствами науки невозможно достичь полноты и цельности духа. Науки имеют дело с конечным: с причинами, с взаимодействием, с законами, с видами конечного, то есть с односторонне-абстрактным. Это не значит, что лучше вообще не заниматься науками, просто их все время нужно исправлять в соответствии с «понятием», с духом. Если истинная деятельность человека не может опираться на законы природы, так как они не выражают требования духа, то, значит, у духа имеются свои собственные законы. И эти законы должны быть представлены на уровне особенного и единичного, то есть мирского. Законы духа в мирском представлены нравственностью и государственным правом. Эти законы права и нравственности составляют содержание свободы. Истинная свобода есть право.

Таким образом, если человек хочет быть истинно свободным, то он должен отказаться от своей субъективной индивидуальности, а подчинить себя всеобщему содержанию, то есть духу, правовым законам и нравственности. Понятно, что Гегель имеет в виду именно религиозно-христианское право. Собственно, правовое и нравственное — это для человека не нечто внешнее, а сторона его собственной сущности. Однако человек обладает свободой вообще (то есть как утвердительно-положительной, так и негативно-отрицательной), а значит — и свободой воли, и потому правовые и нравственные законы имеют своим назначением быть обязывающей, связывающей силой в отношении человеческой свободы и воли вообще. Но «обязанность есть ограничение не свободы, а лишь ее абстракции, т.е. несвободы: она есть достижение сущности, обретение утвердительной свободы», — заявляет Гегель в «Философии права»¹¹. Таким образом, подлинная, истинная свобода для человека есть его обязанность, которая должна быть реально обоснована мирской организационной системой, которой и выступает государство. Нельзя просто говорить о понятии свободы, свобода должна быть предметно подкреплена, представлена. «Государство и есть не что иное, как организация понятия свободы», — разъясняет Гегель¹².

Таким образом, государство и его правовая система есть мирская организация духа, а значит и свободы, в которой реализуется растворение человеческой индивидуальности. «Индивид обладает

3 Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. — Т. 1. — М., 1977. — С. 415–416.

4 Гегель Г. В. Ф. Философия религии. — Т. 2. — М., 1977. — С. 292.

5 Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М., 1990. — С. 81.

6 Там же.

7 Там же. — С. 127.

8 См.: Кожев А. Гегель, Маркс и христианство // Вопросы философии. — 2010. — № 10. — С. 128–143.

9 Гегель Г. В. Ф. Философия права. — С. 232–233.

10 Там же.

11 Там же. — С. 203.

12 Там же. — С. 289.

объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства», — решает Гегель¹³. И в 258 параграфе «Философии права» он определяет: «Государство как действительность субстанциальной воли, которой оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном самосознании, есть в себе и для себя разумное. Это субстанциальное единство есть абсолютная неподвижная самоцель, в которой свобода достигает своего высшего права, и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая обязанность состоит в том, чтобы быть членами государства»¹⁴.

Если говорить о родстве гегелевской философской онтологии с космологией Платона, то оно заключается в том, что в основании бытия они кладут правовую и нравственную необходимость, адекватно открытую только для теоретического разума. Отличие же заключается в том, что Гегель попытался ее усилить мощью «науки логики». Платон, как дитя своего времени, предпочитал обращаться за обоснованием к древнемифическим сюжетам. Однако между Платоном и Гегелем лежит колоссальный период развития человеческой культуры, в которой постепенно главенствующую роль начинало играть естествознание. Даже религиозно окрашенное Средневековье не могло удержать надвигающуюся рационализацию всех сфер жизни общества, и прежде всего, производства. Роль и значение логики, которая получила свой блестящий толчок в философской деятельности Аристотеля, в этих условиях невероятно возрастала. Преимущества и авторитет последней и попытался использовать Гегель при построении своего правового надличностного панлогизма. Это была очередная попытка отождествления вещей разной природы: нравственно-правовой нормы и объективного закона. Абсолютная идея, дух, нравственность, право и государство объединены у Гегеля в единую сущность. Неслучайно Гегель использует для этого диалектику как проверенное и наиболее эффективное для этих целей средство. Если рационализм чужд бытийной иррациональности, то панлогизм доводит это отчуждение до максимально возможной степени. Гегель ведет в отношении иррациональности систематическую и уничтожающую критику. Данная критика на уровне бытийной субстанции выражена в отношении Гегеля к брахманизму — древнеиндийскому религиозно-философскому учению. Брахман, как безличный, духовный абсолют, лишен, по мнению Гегеля, главного — определенности в своей конституирующей чувственный мир деятельности. Его иррелевантность в отношении творимой реальности не может быть той основой, которая должна была четко предписывать нормы и правила для человеческой жизни. А именно к этому и стремится Гегель. Недаром он поправляет предшествующую философскую традицию, которая утверждает о первоначале как просто о Едином, не намекая тем самым на его определенную, строго однозначную нравственно-правовую направленность. Гегель предлагает говорить о Едином субъекте, то есть о Едином, суть которого составляет направленность в сторону единого бытия, единой системы, где для любой вещи предназначено свое строго определенное логикой место, где объединяется вечность и время, бесконечное и конечное¹⁵. Если мы оцениваем философскую систему Гегеля как логический рационализм, требующий своей реализации в земном мире через соблюдение нравственных и правовых норм государства, то его онтологическое первоначало должно быть символом строгой определенности. Однако иррациональный характер реальной жизни заставляет Гегеля допускать в отношении духа иные характеристики.

А именно допускается, что дух способен творить произвол, в чем несомненно просматривается его иррациональный

характер; более того, дух даже способен творить зло, которое получает свое оправдание только потому, что оно исходит от самого духа; наконец, дух может проявлять себя как источник случайности, а случайность, как известно, имеет своей природой либо произвол субъекта, либо хаос безличного объекта, однако и то, и другое, согласно нашему определению, есть признак бытийной иррациональности. Здесь следует только добавить, что преимущественное положение рационалистичности в философии Гегеля проявляется в этом случае в том, что даже здесь над духом ставится ограничение, якобы устанавливаемое самим духом, то есть его рациональной стороной, которая отождествляется с нормами нравственности и права. Иными словами, все дозволено духу, но в пределах конкретных норм, в конечном итоге установленных самим Гегелем, который пытался отразить и закрепить социально-политические и культурные интересы господствующего феодально-монархического государства.

Как известно, однозначная определенность Абсолютной идеи в материально-чувственном мире должна реализоваться в логически завершенной системе. В ней человек должен занять свое строго определенное функциональное место. Это место устанавливается духом, который адекватно открывается сознанию человека через его способность к теоретической рефлексии. «Наука логики» — единственно верное средство для этого. Гегель не заставляет человека принимать его философские выводы, но считает, что у него нет иного пути, как подчиниться этим выводам, в случае, если он обратится к опыту теоретической рефлексии.

Таким образом, индивидуальность, расцениваемая нами как самостоятельность в мышлении и принятии той или иной жизненной позиции, отвергается Гегелем категорично. Самостоятелен только дух, Единый субъект, все остальное же «надломлено» своей ущербностью, то есть конечностью, частичностью, абстрактностью. Такой ущербностью и является, согласно Гегелю, человеческая индивидуальность. Никакого индивидуального самовыражения быть не должно, так как это есть не что иное, как зло. И наоборот — все, что от духа, все, что для духа и во имя духа, имеет оправдание и есть подлинное добро. Отрицание иррациональности закономерно приводит Гегеля к отрицанию в человеке права на индивидуальность. Последняя не нужна, так как сущность бытия предстает в духе, а для восхождения к нему достаточно теоретического мышления.

Таким образом, признание индивидуальности прямо предполагает признание иррациональной стороны бытия, но не в качестве второстепенного момента, а в качестве самостоятельного аспекта. Но Гегель оригинален своей системой тем, что индивидуальность человека растворяется не в абстрактном Благе, а в конкретных нравственно-правовых нормах государства. Но, несмотря на это, мы находим у Гегеля «проблески» того понимания, что рациональное каким-то скрытым образом связано с областью иррационального, что именно в последней находится «начало и след разумности», а не в рассудочной сфере формальной логичности (что все же не является характерной чертой его философии в целом).

Пристатейный библиографический список

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия религии. — Т. 1–2. — М.: Мысль, 1977.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики// Энциклопедия философских наук. — Т. 1. — М.: Мысль, 1977.
4. Кожев А. Гегель, Маркс и христианство// Вопросы философии. — 2010. — № 10.
5. Коротких В. И. Гегелевская концепция рефлексии как формы диалектико-спекулятивного метода // Вопросы философии. — 2013. — № 5.
6. Лунгина Д. А. Учение о культуре у Канта и Гегеля// Вопросы философии. — 2010. — № 1. Чепурин К. В. Анализ сознания в «Берлинской» феноменологии Г. В. Ф. Гегеля // Вопросы философии. — 2009. — № 10.

13 Там же. — С. 279.

14 Там же.

15 См.: Коротких В. И. Гегелевская концепция рефлексии как формы диалектико-спекулятивного метода // Вопросы философии. — 2013. — № 5. — С. 127–140.

Хайруллина Н. Г.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОЦЕНКИ И МНЕНИЯ ТЮМЕНЦЕВ

В статье анализируются результаты мониторингового исследования, проводимого в Тюменской области два раза в год. Одной из задач мониторинга является анализ развития институтов гражданского общества. На основании полученных данных автор высказывает предположение, что рост позитивных мнений и настроений тюменцев будет происходить по мере улучшения экономического положения и приближения сферы политических отношений и реальной политики к реальным интересам граждан.

Ключевые слова: гражданское общество, политика, выборы, партии, региональные органы власти.

Khairullina N. G.

DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY: ESTIMATES AND OPINIONS OF TYUMEN CITIZENS

The article analyzes the results of the monitoring study conducted in the Tyumen region twice a year. One of the tasks of monitoring is to analyze the development of civil society institutions. Based on these data the author suggests that the increase in positive opinions and moods of Tyumen citizens will occur with the improvement of economic situation and approaching the sphere of political relations and real politics to the real interests of citizens.

Keywords: civil society, politics, elections, parties, regional authorities.

Хайруллина Н. Г.

Согласно Конституции Российской Федерации «Российская Федерация — Россия есть демократическое правовое федеративное государство с республиканской формой правления»¹. Исследования автора последних лет показывают, что в России все шире и яснее проявляются признаки гражданского общества². Через заданные индикаторы социологического мониторинга проследим динамику развития гражданского демократического общества.

Оценка развития институтов гражданского общества на мировоззренческом уровне фиксируется через агрегированные показатели:

- отношение к политике;
- участие в выборах;
- доверие населения к государственным структурам власти и гражданским общественным организациям.

Необходимо, прежде всего, определить, интересуются ли политикой жители Тюменской области. Опрос общественного мнения в Тюменской области во втором полугодии 2013 г. зафиксировал снижение числа респондентов, «интересующихся политикой», на уровне 46,1%. Это можно объяснить, в первую очередь, событиями, происходящими в политической жизни общества. С конца прошлого года не прекращаются, а, наоборот, набирают обороты события в Египте, Сирии, коррупционные скандалы, связанные с российскими политиками, продолжающиеся разоблачения американского агента и др. «Совершенно» или «скорее» не интересной во втором полугодии 2013 г. политика была для каждого четвертого тюменца (25,2%). Для сравнения, в первом полугодии 2013 г. таких было 21,7% респондентов; их доля за полгода возросла на 3,5%. Число тех, кто интересуется политикой «от случая к случаю», выросло на 3,9% по сравнению с первым полугодием 2013 г. и составило 28,9%. (табл. 1).

1 Конституция Российской Федерации. — М., 1993. — 86 с.

2 Хайруллина Н. Г. Тюменская область: общество, экономика и этнокультурное развитие // Под ред. В. К. Левашова, Н. Г. Хайруллиной. — Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2005. — 778 с. Хайруллина Н. Г. Роль социологических технологий в деятельности органов власти, образования и бизнеса // Хайруллина Н. Г., Шербаков Г. А. // Известия высших учебных заведений Социология. Экономика. Политика. — 2008. — № 4. — С. 44–46; Гайсина Л. М. Содержание труда и мотивация персонала в компаниях нефтегазового комплекса // Известия высших учебных заведений Социология. Экономика. Политика. — Тюмень: Издательство ТюмГНГУ, 2014. — № 4 (43). — С. 68–71.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, насколько они интересуются политикой, в процентах к общему числу опрошенных

Политикой	1 пол. 2013 г.	2 пол. 2013 г.
Безусловно, интересуюсь	21,9	19,8
Скорее интересуюсь	29,4	26,3
Трудно сказать, зависит от ситуации	25,0	28,9
Скорее не интересуюсь	14,4	17,6
Совершенно не интересуюсь	7,3	7,6

Политическая активность тюменцев зависит от социально-демографических особенностей. Анализ ответов участников опроса в зависимости от социально-демографических характеристик позволил выявить аналогичные тенденции.

1. Как мы и предполагали, мужчины несколько чаще интересуются политикой, чем женщины (53,8 и 50,1% соответственно). Каждая пятая женщина (20,2%) призналась, что совершенно не интересуется политикой, среди мужчин таких несколько меньше — 18,2%.

2. Чем старше участники опроса, тем чаще они проявляют интерес к политике. Если в возрастной категории от 18 до 29 лет около половины участников опроса (48,5%) интересуются политикой, то в возрастной категории 40–49 лет — это каждый второй (51,2%), а в возрастной категории 50–59 лет таких уже 64,1%.

3. Тип поселения, где проживают опрошенные, также влияет на их отношение к политике. Политикой чаще интересуются жители городов, реже — районных центров и сельских поселений.

4. Национальная принадлежность респондентов влияет на их отношение к политике неоднозначно. С одной стороны, мы считали, что коренные жители должны проявлять большую политическую активность, а мигранты из Средней Азии и Кавказа — меньшую, но анализ ответов выявил противоположную картину.

Три четверти тюменцев (78,0%) высказали удовлетворение политикой, которую проводят органы власти Тюменской области. В шесть раз меньшее число участников анкетного опроса придерживаются противоположного мнения (12,5%). Каждый десятый (10,6%) респондент затруднился ответить на данный вопрос (табл. 2).

Таблица 2. Оценки респондентов о чертах и качествах, присутствующих или отсутствующих у представителей власти в Тюменской области, проценты к общему числу ответивших

Качества	Присутствуют		Отсутствуют		Затрудняюсь ответить	
	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.	1 пол.	2 пол.
Деловитость, компетентность	54,8	56,1	16,3	12,1	28,8	26,8
Патриотизм, чувство долга	35,0	34,2	27,8	28,3	37,2	32,3
Ответственность, надежность	34,5	28,5	27,6	30,3	37,9	35,3
Культура, образованность	46,7	51,1	20,6	15,0	32,6	28,0
Творчество, способность к инновациям	31,8	43,0	28,5	19,2	39,7	32,2
Неподкупность	17,6	12,7	41,6	45,0	40,8	36,2
Отзывчивость, внимательное отношение к людям	27,1	23,3	34,3	33,3	38,6	36,7
Высокие деловые качества, компетентность	40,8	42,2	19,7	15,3	39,5	36,3
Способность использовать зарубежный опыт	34,7	40,4	23,4	13,4	41,9	35,7
Способность опереться на национальные традиции	32,0	35,6	25,2	20,5	42,8	36,9
Открытость	29,3	21,6	31,7	32,8	38,9	38,9

Соотношение числа позитивно и негативно настроенных людей по отношению к власти во втором полугодии 2013 г. оказалось практически одинаковым (19,3 и 23,6% соответственно). Каждый четвертый участник опроса заявил, что отношение людей к власти не изменилось; каждый пятый испытал затруднение при ответе на данный вопрос.

Ответы на вопрос, какие черты и качества из приведенного ниже списка присутствуют, а какие отсутствуют у представителей власти в Тюменской области, представлены в табл. 2. По мнению участников анкетного опроса, представители органов власти Тюменской области чаще за последние шесть месяцев стали использовать зарубежный опыт, проявлять творчество и способность к инновациям, но реже проявлять ответственность, надежность и высокие деловые качества и компетентность. Следует отметить, что уменьшилось число участников опроса, которые не смогли оценить предложенные черты и качества у представителей власти в Тюменской области путем ответа на вопрос.

Вторым показателем является участие граждан в выборах. Почти каждый второй житель Тюменской области (45,6%), как

показали результаты анкетного опроса, всегда принимает участие в выборах. При этом каждый четвертый (25,1%) признался, что принимает участие в выборах время от времени. Около пятой части опрошенных практически не принимают участия или не ходят на голосование (8,5 и 11,3% соответственно). В ходе исследования респонденты указывали свои политические предпочтения на примере выборов в Государственную Думу РФ в декабре 2011 г. (табл. 3). Каждый четвертый участник анкетного опроса (26,2%) признался, что «голосовать вообще не ходил» или «не помнит свой выбор». При этом 41,5% опрошенных ответили, что голосовали за партию «Единая Россия» (в первом полугодии 2013 г. доля признавшихся в голосовании за единососсов составила 37,9%); 12,3% — за ЛДПР (при 12,8% в первом полугодии 2013 г.); 6,3% за КПРФ и 6,9% за «Справедливую Россию».

Социологический анализ показал, что население Тюменской области понимает, в каком направлении развиваются политические процессы в России. Большинство лидеров регионов, аппарат властных структур консолидируется с партией «Единая Россия», которую возглавляет президент страны. Престиж других партий в области крайне низок, и они не могут выступать в качестве дей-

Таблица 3. Ответы респондентов на вопрос о партии, за которую они голосовали на выборах депутатов Государственной Думы РФ в декабре 2011 г., в процентах к общему числу опрошенных

Название партии	Выборы в ГД РФ в декабре 2011 г.	
	1 пол. 2013 г.	2 пол. 2013 г.
Всероссийская политическая партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ» (Дмитрий Медведев)	37,9	41,5
«Либерально-демократическая партия России» (Владимир Жириновский)	12,8	12,3
«Коммунистическая партия Российской Федерации» (Геннадий Зюганов)	7,2	6,3
Политическая партия «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» (Сергей Миронов)	8,7	6,9
Партия «ЯБЛОКО» (Григорий Явлинский)	2,4	1,9
«Демократическая партия России» в 2007 г. / Всероссийская политическая партия «ПРАВОЕ ДЕЛО» в 2011 г. (Андрей Богданов)	1,1	0,6
«ПАТРИОТЫ РОССИИ» (Геннадий Семигин)	3,5	1,0
Испортил (-а) бюллетень (против всех)	2,0	2,9
Не ходил (-а) голосовать	18,6	19,3
Не помню	5,8	7,3
Общий итог	100,0	100,00

Таблица 4. Распределение ответов респондентов о наличии опыта общественной деятельности в каких-либо общественных объединениях или некоммерческих организациях по реализации гражданских инициатив, в процентах к общему числу опрошенных

Опыт	1 пол. 2013	2 пол. 2013
Имею	19,3	22,8
Не имею	63,7	62,0
Затрудняюсь ответить или нет ответа	17,1	15,3

ствительного социального института в развитии гражданского общества.

Как было отмечено выше, одним из индикаторов, характеризующим развитие гражданского общества, является выявление оценки населением Тюменской области деятельности органов власти по созданию благоприятных условий для реализации гражданских инициатив и участия общественных объединений и некоммерческих организаций граждан в развитии гражданского общества региона.

Первый вопрос данного блока анкеты позволил выяснить у респондентов, имеют ли они опыт общественной деятельности в каких-либо общественных объединениях или некоммерческих организациях по реализации гражданских инициатив. Анализ ответов показал, что только один из пяти опрошенных (22,8%) когда-либо участвовал в деятельности гражданских институтов (в первом полугодии 2013 г. этот показатель был 19,3%). Одновременно 62,0% участников анкетного опроса в первом полугодии 2013 г. признались, что не обладают опытом общественной деятельности (в первом полугодии 2013 г. этот показатель был 63,7%) (табл. 4).

Рассмотрим проявление активной гражданской позиции, выражающейся в личном участии в деятельности общественных объединений или некоммерческих организаций мужчин и женщин. По данным опроса, женщины чаще бывают заняты общественной деятельностью в общественных объединениях или некоммерческих организациях, чем мужчины (54,5 и 45,8% соответственно). Личный опыт такой деятельности в общественных объединениях или некоммерческих организациях имеет каждый пятый респондент с неполным средним образованием, неоконченным высшим и получивший высшее образование.

Отметим, что сфера деятельности оказывает влияние на наличие личного опыта общественной деятельности. Треть опрошенных домохозяйек, четверть опрошенных военнослужащих и сотрудников полиции, студентов и учащихся заявили, что имеют опыт личной работы в общественных объединениях или некоммерческих организациях. Одновременно три четверти неквалифицированных рабочих, две трети руководящих работников, служащих без квалификации, служащих средней и высшей квалификации признались в обратном (не имеют).

Семейное положение респондентов также оказывает влияние на наличие личного опыта деятельности в общественных объединениях или некоммерческих организациях. Согласно данным опроса, чаще о наличии личного опыта признаются респонденты, состоящие в разводе.

Самооценка материального положения, как мы и предполагали, также оказывает влияние на наличие личного опыта деятельности в общественных объединениях или некоммерческих организациях. Четверть респондентов (25,2%), оценивших свое материальное положение как «едва сводящие концы с концами», указали на наличие опыта. Для сравнения, среди тех, кто оценил свое материальное положение как «имеющие возможность приобретать вещи длительного пользования» таких уже 18,1%. Одновременно выявлено, что более трети опрошенных, указавших на улучшение своего материально-

Таблица 5. Оценки респондентов эффективности деятельности органов власти по созданию благоприятных условий для реализации гражданских инициатив и участия общественных объединений и некоммерческих организаций граждан в развитии региона, в процентах к общему числу опрошенных

Оценка эффективности	1 пол. 2013	2 пол. 2013
Оценена неэффективной	7,8	4,8
Пожалуй, не эффективная	19,7	17,7
Пожалуй, эффективная	34,2	34,5
Оценена эффективной	12,4	7,5
Затрудняюсь ответить или нет ответа	25,9	35,6

го положения за последний год, отметили наличие личного опыта деятельности в общественных объединениях или некоммерческих организациях.

Другим демографическим показателем, который оказывает влияние на наличие опыта, является возраст респондентов. Представители молодого поколения чаще указывают наличие личного опыта деятельности в общественных объединениях или некоммерческих организациях, чем представители других возрастных групп. Если в возрасте от 18 до 29 лет около четверти опрошенных (22,8%) указали наличие такого опыта, то в возрасте 30–39 — уже четверть опрошенных (20,9%), а в возрастной категории 60 лет и старше таких только 7,0%.

Анализ ответов на данный вопрос в зависимости от полученного образования респондентов показал, что доля участников общественных движений и организаций выше среди работников высшей профессиональной квалификации, руководителей, неработающих пенсионеров, студентов и учащихся. Среди жителей городов Тобольск и Тюмень традиционно выше доля лиц, имеющих опыт общественной деятельности в каких-либо общественных объединениях или некоммерческих организациях по реализации гражданских инициатив.

Доля участников опроса, считающих деятельность органов государственной власти по содействию развитию гражданского общества в Тюменской области «пожалуй» или «определенно» эффективной, по сравнению с первым полугодием 2013 г., снизилась и составила 46,6 и 42,0% соответственно. Сомневающимися в эффективности деятельности органов государственной власти в указанной сфере в первом полугодии 2013 г. было 27,5%, и во втором полугодии 2013 г. их количество снизилось до 22,5% (табл. 5).

Как показывают данные мониторинга, в исследуемый период радикальных положительных перемен во мнениях жителей Тюменской области о процессах формирования гражданского общества не произошло, но тенденции к позитивным изменениям заметны. Есть все основания полагать, что рост позитивных мнений и настроений будет происходить по мере улучшения экономического положения и приближения сферы политических отношений и реальной политики к реальным интересам граждан.

Приставительный библиографический список

1. Гайсина Л.М. Содержание труда и мотивация персонала в компаниях нефтегазового комплекса // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. - Тюмень: Издательство ТюмГНГУ, 2014. - № 4 (43). - С. 68-71.
2. Конституция Российской Федерации. — М., 1993.
3. Хайруллина Н. Г. Тюменская общество: наука и общество (социально-экономическое и этнокультурное развитие) / Под ред. В. К. Левашова, Н. Г. Хайруллиной. — Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2005.
4. Хайруллина Н. Г. Роль социологических технологий в деятельности органов власти, образования и бизнеса /Хайруллина Н. Г., Щербак Г. А. //Известия высших учебных заведений Социология. Экономика. Политика. — 2008. — № 4.

Авхадеев В. Р.

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ КУПРЯШКИНА Ю. В., СИВАКОВА Д. О.
АРКТИКА И ПРАВО В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ
ПОСОБИЕ. – М.: ДИЭМЭЙДЖИ ПРИНТ, 2014. – 316 С.**

Рецензия посвящена одному из новейших научных исследований, проведенных в сфере современного правового режима Арктики. Авторы данного исследования, руководствуясь весьма значительными научными и практическими материалами, проанализировали современные проблемы правового регулирования деятельности человека в Арктике, которые до сравнительно недавнего времени не были достаточно образом изучены. Авторами был проведен сравнительный анализ российского и зарубежного опыта правового регулирования. В научно-практическом пособии, подготовленном Ю. В. Купряшкиным и Д. О. Сиваковым, были выявлены современные тенденции правового регулирования разных видов деятельности в условиях северной полярной области, а также обозначены дальнейшие перспективы его развития. В исследовании также представлен анализ существующих проблем в сфере эволюции правового режима Арктики. Авторами последовательно проанализированы современное состояние и перспективы развития правового регулирования арктической деятельности, раскрыты проблемы освоения, использования и охраны территорий Арктики. Отдельно рассмотрены проблемы государственного управления в Арктике, а также вопросы внешней и внутренней арктической политики России. Кроме того, Ю. В. Купряшкиным и Д. О. Сиваковым представлены весьма интересные приложения, являющиеся существенно важным дополнением к основной теме научно-практического исследования. Научное исследование, проведенное авторами, выполнено на высоком теоретическом и практическом уровне и, соответственно, может быть внедрено как в сферу научных исследований, так и в практическую деятельность.

Ключевые слова: правовое регулирование, Арктика, арктическая деятельность, арктическая политика, правовой режим Арктики, Арктическая зона, защита окружающей среды Арктики, полярный сектор, континентальный шельф, исключительная экономическая зона.

Avkhadeev V. R.

**BOOK REVIEW: KUPRYASHKIN YU. V., SIVAKOV D. O. ARCTIC AND LAW IN QUESTIONS
AND ANSWERS: SCIENTIFIC AND PRACTICAL MANUAL. – M.: DMG PRINT, 2014. – 316 P.**

The review is devoted to one of the latest scientific publication in the sphere of the modern regulation of regime of the Arctic. The authors of this research, guided by very significant scientific and practical materials, analyzed current problems of legal regulation of human activities in the Arctic, which until relatively recently, have not been sufficiently researched. The authors carried out a comparative analysis of Russian and foreign experience of legal regulation. In the scientific-practical edition published by Yu. V. Kupryashkin and D. O. Sivakov current regulatory trends of different human activities in the northern polar region were identified with indication of further prospects for their development. The authors also presented an analysis of the existing problems in the evolution of the legal regime of the Arctic. The authors analyzes the current state and prospects for the development of legal regulation of Arctic activities, and the problems of development, use and protection of the territories of the Arctic. The problems of governance in the Arctic and the issues of foreign and domestic Arctic policy of Russia were specifically addressed. In addition, Yu. V. Kupryashkin and D. O. Sivakov presented very interesting appendices that are an essential supplement to the main subject of a scientific-practical edition. The research was performed by the authors at a high theoretical and practical level, and therefore, can be implemented both in the sphere of research and practice.

Keywords: legal regulation, Arctic, Arctic activities, Arctic policy, the legal regime of the Arctic, the Arctic area, the protection of the Arctic environment, polar sector, the continental shelf, the exclusive economic zone.

Издание авторами научно-практического пособия обусловлено вызовом времени: Арктика является сосредоточением колоссальных запасов природных ресурсов. Соответственно, эффективность деятельности, связанной с разработкой природных ресурсов, и минимизация вреда, причиненного в результате данного вида деятельности, всецело зависят от качества правового регулирования и справедливого правоприменения.

Для подготовки к изданию данного научно-практического пособия авторами проанализирован весьма значительный объем разнообразных источников правовой информации, а также литературы естественно-научного цикла. Среди данных источников присутствуют монографии, пособия, комментарии законодательства, официальные периодические издания, предназначенные для опубликования, а также научная и учебно-практическая литература, научные статьи, материалы научно-практических конференций, семинаров и прочих научных мероприятий, касавшихся по своей тематике в той или иной степени проблем правового регулирования промышленной деятельности в Арктике. Также были использованы источники права других приарктических государств, научных сим-

Авхадеев В. Р.

позиумов, круглых столов, других общественных форумов, ведомственные публикации. Особого внимания заслуживает составленный авторами данного научно-практического пособия глоссарий, в котором они представили ключевые понятия и термины, имеющие отношение к арктической деятельности, а также имена знаменитых исследователей Арктики.

Первая глава рецензируемого научно-практического пособия посвящена оценкам современного состояния и перспективам развития правовых основ арктической деятельности. Но при этом важно заметить, что данная глава начинается с раскрытия вопроса о значении Арктики для мировой экономики. При раскрытии данного вопроса авторами приводится информация о наличии полезных ископаемых в недрах Арктики в количественном и процентном соотношениях (с. 6–7). Начало раскрытия главы первой научно-практического пособия авторами было избрано тактически верно, так как именно исходя из проблематики установления государствами контроля над арктическими ресурсами и их распределения, прежде всего, и будет предопределено направление развития правового режима Арктического региона.

Далее, на с. 21, авторы анализируют различные уровни правового регулирования, выделяя, главным образом, междуна-родно-правовой уровень и уровень внутригосударственно-го правового регулирования. На с. 23 научно-практического пособия авторы отмечают, что «согласно Конвенции ООН на Арктическую зону распространяются режимы внутренних морских вод, территориального моря, исключительной экономической зоны, континентального шельфа, открытого моря»¹. Более верным вариантом изложения соответствующей фразы была бы замена формулировки «согласно Конвенции» словами «исходя из положений Конвенции». Данная позиция связана с тем, что в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция 1982 г.) отсутствует непосредственное закрепление правового режима Арктики либо Северного Ледовитого океана. Статья 234 Конвенции 1982 г. «Покрытые льдом районы» закрепляет право прибрежных государств на принятие законодательных мер недискриминационного характера, направленных на защиту окружающей природной среды покрытых льдом районов, при этом не выделяя отдельно Арктику либо Северный Ледовитый океан. Правовые режимы морских пространств распространяются на акваторию Северного Ледовитого океана на общих основаниях, исходя из положений Конвенции 1982 г., в рамках которой регулируется правовой режим различных морских пространств, включая, соответственно, и арктические.

Говоря об уровнях правового регулирования режима Арктики, авторы не обратили внимания на муниципально-правовой уровень регулирования общественных отношений. А его значимость в Арктической зоне весьма велика, так как соблюдение норм международного и внутригосударственного права в отдаленных от центра районах арктических государств зависит непосредственно от соблюдения правовых гарантий их реализации на местном (муниципальном) уровне.

Во второй главе авторы анализируют проблемы освоения, использования и охраны северных арктических территорий. Наиболее верным вариантом названия данной главы было бы использование вместо фразы «северных арктических территорий» иной формулировки: «арктических пространств», так как в рамках Арктического региона сосредоточены не только сухопутные, но и водные пространства, которые, по своей природе, являются не территорией, а акваторией. Речь идет о морских пространствах Северного Ледовитого океана. Представляется важным обратить внимание на то обстоятельство, что значительная часть запасов природных ресурсов Арктики сконцентрирована именно в недрах ее континентального шельфа. Статистические данные по размерам арктических пространств и запасам полезных ископаемых авторы приводят на с. 122–123 научно-практического пособия.

Третья глава научно-практического пособия посвящена проблемам государственного управления в Арктике и внутренней политике России. В рамках данной главы уделено внимание современному состоянию и перспективам развития государственной политики Российской Федерации в Арктике. Проанализированы специфические особенности управления Арктической зоной Российской Федерации, а также полномочия отдельных органов государственной власти. В частности, полномочия министерств: экономического развития, промышленности и торговли, регионального развития, природных ресурсов и экологии. Особенно интересным представляется раскрытие вопроса 34 (с. 95–101), посвященного недавно созданному Министерству Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. Также высокой оценки заслуживает исторический анализ системы государственного управления в России. При этом представляется желательным дополнение главы третьей новейшим материалом, посвященным вопросам развития

Арктической зоны Российской Федерации до 2020 года — постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»». Данное постановление Правительства Российской Федерации интегрировало в себе установки Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, а также Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года.

Информацию о деятельности различных государственных органов Российской Федерации можно дополнить нормативным материалом об участии Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Пограничной службы ФСБ России в регулировании правового режима отдельных частей Арктической зоны Российской Федерации. В частности, речь идет о регулировании пограничного режима в отдельных частях субъектов Российской Федерации, находящихся в Российской Арктике. В качестве примера нормативно-правового акта, регулирующего данный вопрос, можно привести Приказ ФСБ России от 14 апреля 2006 г. № 155 (в редакции от 23 января 2013 г.) «О пределах пограничной зоны на территории Чукотского автономного округа». В соответствии с п. 3 Приказа контроль за его исполнением был возложен на Пограничную службу ФСБ России².

Четвертая глава научно-практического пособия представляет собой аналитическое исследование внешней арктической политики Российской Федерации. В рамках данной главы авторы анализируют геополитические особенности Арктического региона и возникающие в связи с ними тенденции сотрудничества и соперничества. Авторами данного научного издания в рамках отдельного вопроса кратко обозначены основные противоречия и территориальные споры между странами Арктики. Вместе с тем представляется желательным в данном научно-практическом пособии более подробно проанализировать правовые проблемы, связанные с реализацией положений российско-норвежского договора 2010 г.³ и советско-американского соглашения 1990 г.⁴.

Отдельного внимания также заслуживает глоссарий, введенный авторами научно-практического пособия, в котором представлены и раскрыты наиболее важные фактологические сведения о терминах, используемых в данном издании, юридических и физических лицах, представляющих важное значение для деятельности, связанной с освоением Арктики. Но при этом важно заметить, что в глоссарии отсутствуют сведения об Арктическом и Антарктическом научно-исследовательском институте (далее — АА НИИ), в рамках которого главным образом сосредоточены научные исследования Арктики. Несмотря на то, что на страницах своего научно-практического пособия авторы характеризуют деятельность АА НИИ (с. 13, 161, 201), представляется целесообразным представить о нем информацию в концентрированном виде в рамках глоссария.

Помимо основного содержания научно-практического пособия авторами также представлены весьма интересные приложения, содержащие по своей сути справочный, статистический, картографический и нормативно-правовой материал. Содержание справочного и статистического материала, главным образом, посвящено вопросам промышленной разработ-

1 Купряшкин Ю. В., Сиваков Д. О. Арктика и право в вопросах и ответах. Научно-практическое пособие. — М.: Изд-во «ДиЭмЭйДжи принт», 2014. — С. 23.

2 О пределах пограничной зоны на территории Чукотского автономного округа: приказ ФСБ России от 14.04.2006 № 155 (ред. от 23.01.2013) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2006. — № 21.
3 Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане от 15 сентября 2010 г.
4 Соглашение между СССР и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств от 1 июня 1990 г.

ки и освоения полезных ископаемых в Арктическом регионе. Значительным дополнением данной категории научной информации было бы опубликование материалов, посвященных запасам живых морских ресурсов (рыбных и иных морепродуктов) в Северном Ледовитом океане, так как добыча данной категории природных ресурсов является не менее значимой для экономики Российской Федерации и других арктических государств, чем освоение минеральных ресурсов. Нормативно-правовой материал было бы целесообразно дополнить постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»».

Но при этом важно заметить, что данные источники носят исключительно рекомендательный характер, что никоим образом не снижает значимость представленного научно-практического исследования.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить высокий научный и теоретический уровень проведенного Юрием Витальевичем Купряшкиным и Дмитрием Олеговичем Сиваковым научно-практического исследования. Идеи, заложенные Ю. В. Купряшкиным и Д. О. Сиваковым в основу данного научно-практического издания, развиваются в четырех измерениях: природа, хозяйство, право и политика. Представленное авторами научно-практическое пособие является весьма интересным и значимым изданием, которое может быть рекомендовано научным и педагогическим работникам, занимающимся вопросами правового режима Арктики, а также практическим работникам, деятельность которых связана с Арктическим регионом.

Научно-практическое пособие «Арктика и право в вопросах и ответах» может быть успешно использовано в научной деятельности при подготовке научно-исследовательских работ, посвященных проблемам развития международно-правового и национально-правового режима Арктики, а также при исследовании отдельных аспектов арктической деятельности — геополитических и хозяйственно-экономических.

Научно-практическое исследование Д. О. Сивакова, посвященное правовому регулированию деятельности человека в Арктике, может быть использовано в учебном процессе при преподавании обязательных дисциплин: «Экологическое право», «Международное право» (по программе подготовки бакалавров «Юриспруденция») и «Международное морское право», «Международное экологическое право» (по программе подготовки магистров «Международное публичное право»). Непосредственно на базе данной книги может быть разработана отдельная магистерская программа, а сама она может быть использована в качестве основной учебной литературы по таким учебным дисциплинам, как: «Правовое регулирование хозяйственной и иной деятельности в Арктике» либо «Правовой режим Арктики». Более того, на базе данного науч-

но-практического пособия могут быть разработаны программы повышения квалификации по вопросам правового регулирования деятельности в Арктике для специалистов, работающих в Арктической зоне Российской Федерации.

Таким образом, научно-практическое пособие «Арктика и право в вопросах и ответах», подготовленное Дмитрием Олеговичем Сиваковым и Юрием Витальевичем Купряшкиным, вносит весьма существенный вклад в современное развитие правового режима Арктического региона, а также в образовательный процесс и пропаганду правовых знаний по данному направлению.

По состоянию на 31 декабря 2013 г. в «Антологию интерэкоправа»⁵ включено 14 работ Д. О. Сивакова и пять изданий, в которых ученый выступил в качестве рецензента, руководителя авторского коллектива, ответственного за издание.

Пристатейный библиографический список

1. Антология интерэкоправа: учебное пособие, тематический каталог, ссылки на скачивание полных текстов, источниковедческие обзоры, интервью и статьи / Под ред. Е. А. Высторбца; [предисл. В. И. Данилова-Данильяна, к читателям А. Д. Буриана, пролог Р. М. Валеева]. — 2-е изд. — М. — Уфа: МИРМП ОС, Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, 2014 // Московская инициатива в развитие международного права окружающей среды [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://miel.d.narod.ru/index/anthology_of_interecolaw/0-10 (дата обращения: 10.08.2014).
  2. Боголюбов С. А. Правотворчество в сфере экологии: Монография. — М.: ИЗиСП, Эксмо, 2010.
  3. Институты экологического права: Монография / Боголюбов С. А., Галиновская Е. А., Жариков Ю. Г. и др.; отв. ред. С. А. Боголюбов. — М.: ИЗиСП, Эксмо, 2010.
  4. Купряшкин Ю. В., Сиваков Д. О. Арктика в вопросах и ответах: научно-практическое пособие. — М.: Изд-во «ДиЭмЭйДжи принт», 2014.
  5. Международное право: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Безбородов, Ю. С. и др.]; отв. ред. Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
  6. Международное экологическое право: учебник / Т. Г. Авдеева, А. И. Алиев, Р. Р. Амирова и др.; отв. ред. Р. М. Валеев. — М.: Статут, 2012.
- 5 Антология интерэкоправа: учебное пособие, тематический каталог, ссылки на скачивание полных текстов, источниковедческие обзоры, интервью и статьи / Под ред. Е. А. Высторбца; [предисл. В. И. Данилова-Данильяна, к читателям А. Д. Буриана, пролог Р. М. Валеева]. — 2-е изд. — М. — Уфа: МИРМП ОС, Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, 2014.

Читайте

**ЧЕШСКИЙ ЕЖЕГОДНИК
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Выпуск –2. Прага – 2011.

Выходит на английском языке

Инсур Фархутдинов

Иностраный инвестор

**и принимающее государство: необходим баланс интересов (с. 231–248),
а также и другие статьи по правовому режиму иностранных инвестиций.**

Insur Zabirovich Farkhutdinov

**Foreign Investor
and Host State:
Need for Balance
Interests**

Key words:
globalization |
international law |
State sovereignty |
foreign investments
| host state |
liberalization | TNC |
Calvo clause | ICSID |
Most Favoured Nation
| National Treatment

Салиева Р.Н., Фаткудинов З.М.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ П. Г. ЛАХНО «ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ»

М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2014. — 480С.

(СЕРИЯ «ЭНЕРГЕТИКА И ПРАВО»)

Рецензируется монография, посвященная вопросам становления и развития энергетического права Российской Федерации.

Ключевые слова: энергия, энергетика, энергетические ресурсы, энергетическое право, энергетическое законодательство, энергетическое право как научная специальность и учебная дисциплина, принципы энергетического права.

Salieva R.N., Fatkitdinov Z. M.

REVIEW OF P. G. LAKHNO'S MONOGRAPH «ENERGY LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION: FORMATION AND DEVELOPMENT»

M.: EDITION OF MOSCOW UNIVERSITY, 2014. - 480

P. (SERIES «ENERGY AND THE RIGHT»)

Reviewed monograph is devoted to the formation and development of energy law of the Russian Federation.

Keywords: energy, energy resources, energy law, energy law as an academic profession and academic discipline, principles of energy law.

В августе 2014 г. в издательстве Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова вышла в свет монография П. Г. Лахно «Энергетическое право Российской Федерации: становление и развитие». В монографии рассмотрены основные вопросы становления и развития энергетического права Российской Федерации, проведен анализ проблем формирования энергетического законодательства, обоснованы предложения, направленные на решение задач совершенствования правового регулирования в топливно-энергетическом комплексе России и нетопливной, возобновляемой энергетике.

Монография П. Г. Лахно несомненно является актуальной и своевременной. Россия занимает одно из ведущих мест в мировой системе оборота энергоресурсов, активно участвует в мировой торговле ими и в международном сотрудничестве в этой сфере¹. Исходя из значения топливно-энергетических ресурсов для экономики страны, важно обеспечить комплексную и системную правовую основу, способствующую эффективному правовому регулированию отношений в энергетической сфере.

В современной России приобретают особую актуальность вопросы организации и претворения в жизнь эффективной системы правового регулирования в энергетической сфере.

Во введении автором изложена общая концепция работы. Обозначены наиболее актуальные вопросы, требующие законодательного решения.

В первой главе «Теоретические и методологические основы правового регулирования отношений в сфере энергетики» автором рассмотрены теоретические положения энергетического права, в частности, дана характеристика такой сложной категории, как энергия, раскрываются отдельные аспекты энергии как объекта гражданских, предпринимательских и иных отношений, предпринята попытка определить место энергии в системе объектов гражданских прав и обязанностей, также дана правовая квалификация мощности. В целях характеристики энергии как объекта правоотношений автор избрал путь выявления особенностей энергии как физического феномена, объекта конституционных, гражданских, предпринимательских, налоговых и иных прав (с. 118–120 монографии).

1 См.: Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 г.» // Собрание законодательства РФ. — 30.11.2009. — № 48. — Ст. 5836.

Автор подчеркивает, что выделенные особенности определяются специфическими физическими свойствами энергии и, в свою очередь, влияют, подчас решающим образом, на юридические характеристики энергии вообще, либо в некоторых случаях на характеристики конкретно тепловой или электрической энергии.

Представляется, что в целях установления единого подхода в правовом регулировании энергетических отношений целесообразно было бы рассматривать как объект правового регулирования энергетические ресурсы.

Энергетические ресурсы определяются как все доступные для промышленного и бытового использования источники энергии: механической, гидравлической, тепловой, химической, электрической, ядерной, ветровой, солнечной². В словаре «Правовой режим минеральных ресурсов» уточняется, что к энергетическим материалам и продуктам относятся те природные ресурсы, которые включены в Приложение ЕМ Договора к Энергетической хартии, где наряду с другими (руды и концентраты урановые или горные, уголь каменный и др.) называются газ природный, нефть и нефтепродукты³. В ст. 1.2. Закона РФ «О недрах» энергетические и иные ресурсы называются объектами права собственности на недра и ресурсы недр. В Законе РФ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержится понятие «энергетический ресурс»⁴. Согласно ст. 2 названного

2 Термины и понятия отечественного недропользования (словарь-справочник) / А. И. Кривцов, Б. И. Беневольский, В. М. Минаков, И. В. Морозов / Под ред. Б. А. Яцкевича. М. ЗАО «Геоинформмарк», 2000. — С. 150.

3 Правовой режим минеральных ресурсов. Словарь/ Под ред. А. А. Арбатова, В. Ж. Аренса, А. Н. Вылегжанина, Л. А. Тропко. — М.: ООО «Геоинформцент», 2002. — С. 259.

4 Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ (ред. от 25.12.2012, с изм. от 05.04.2013) «Об энергосбережении и о повышении энер-

Салиева Р.Н.

Фаткудинов З.М.

закона энергетический ресурс — носитель энергии, энергия которого используется или может быть использована при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, а также вид энергии (атомная, тепловая, электрическая, электромагнитная энергия или другой вид энергии). Данное определение охватывает все виды энергии: и первичные источники энергии, и виды энергии, полученные в результате использования первичных источников.

На наш взгляд, в целях установления эффективного правового регулирования в сфере использования энергетических ресурсов необходимо определить понятие «энергетические ресурсы».

В целях повышения эффективности правового регулирования, видимо, целесообразно было бы определить основные понятия: «невозобновляемые энергетические ресурсы», «первичные энергетические ресурсы». В Проекте Федерального закона № 104515–6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (редакция, принятая ГД ФС РФ в I чтении 15 марта 2013 г.) предлагается дополнить понятие «первичный энергетический ресурс», под которым понимается природный ресурс, используемый в качестве топлива (нефть, газ, уголь и т.д.), атомная энергия, энергия, полученная с использованием возобновляемых источников энергии»⁵. Полагаем, что при определении понятия «первичный энергетический ресурс» целесообразно учесть содержащиеся в действующем законодательстве понятия «природные ресурсы»⁶, «невозобновляемые ресурсы»⁷. В связи с этим можно определить первичный энергетический ресурс как часть природных ресурсов, используемых при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии. Целесообразно исходить из того, что энергетические ресурсы представлены возобновляемыми и невозобновляемыми энергетическими ресурсами; примерный перечень возобновляемых энергетических ресурсов содержится в ст. 3 Закона РФ «Об электроэнергетике»; а к невозобновляемым энергетическим ресурсам относятся нефть, газ, уголь, торф, сланцы и другие первичные источники энергии.

Во второй главе «Энергетика — материальная база предпринимательской деятельности, система, преобразующая природный потенциал в энергию: правовые аспекты» изложены общие вопросы об энергетике как одной из основных сфер экономики и предпринимательской деятельности в ней. Автором дана общая характеристика энергетики, в том числе раскрыты: понятие и содержание энергетики, средства преобразования природного потенциала, заложенного в первичных энергетических ресурсах в энергию, энергетическая безопасность, а также вопросы организационно-правового становления энергетической сферы России, в том числе определение

понятия и содержания топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и федеральных энергетических систем (ФЭС). В этой главе также определены понятие и особенности предпринимательской деятельности в энергетической сфере.

В работе отмечается, что в классическом понимании к энергетике относят технологии производства, передачи, распределения, использования и потребления электрической и тепловой энергии. В широком смысле под энергетикой понимают все отрасли ТЭК, то есть угольную, газовую, нефтяную и перерабатывающую эти виды топлива промышленность, том числе, нефте- и газохимию. Еще более широкое толкование энергетики встречается, когда к первым двум направлениям добавляют транспорт — магистральные нефте- и газопроводы. Пристального внимания заслуживают отношения, связанные с использованием возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Обособленно стоит ядерная энергетика. Энергосбережение и повышение энергетической эффективности, бесспорно, являются важнейшими составляющими понятия энергетики (с. 35–36).

Можно согласиться с основными положениями об энергетике, но, на наш взгляд, целесообразно было бы рассматривать предпринимательские отношения в топливно-энергетическом комплексе в целом как в экономической системе. Такой подход позволил бы охватить все аспекты предпринимательской деятельности в энергетической сфере, в том числе отношения поиска, разведки и добычи первичных энергетических ресурсов, их переработку, а также экологические и ресурсосберегающие аспекты, а не только безопасность в энергетических отношениях.

В третьей главе «Энергетическое право в системе права России» рассматривается энергетическое право как комплексная отрасль права в системе права России, предлагаются принципы энергетического права. Важным аспектом является учет в российском законодательстве сложившихся международных принципов правового регулирования отношений в сфере использования первичных источников энергии. В силу сложившихся экономических связей в сфере использования энергоресурсов, на наш взгляд, необходимы гармонизация, унификация, координация законодательств стран — участниц ЕврАзЭС, Содружества Независимых Государств, их сближение с нормами международного права. Основой гармонизации и унификации законодательства могут быть общие принципы государственного регулирования отношений в сфере использования первичных энергоресурсов, сформулированные в рамках международных подходов правового регулирования. В частности, обеспечение рационального пользования недрами при разработке месторождений полезных ископаемых, безопасность освоения ресурсов, защита окружающей среды являются также основополагающими принципами, особенно в современных условиях стремления государств к устойчивому развитию.

По мнению автора, часть национального права, объектом которого является национальная энергосистема, называется энергетическим правом.

Энергетика, как важнейшая инфраструктурная часть экономики, и существующие в рамках данной сферы общественные отношения, в том числе и главным образом по поводу поиска, разведки, добычи, транспортировки, хранения, переработки и использования первичных источников энергии, выработки, передачи, распределения использования и потребления энергии, как раз и представляют собой ту основу, на которую накладываются регулирующие их нормы энергетического права. Существенное место в них занимают нормы, предусматривающие разработку и реализацию мер, направленных на снижение негативного и вредного воздействия энергетики на окружающую природную среду. Важнейшим направлением энергетической политики конца XX в. становятся проблемы повышения энергетической эффективности и энергосбережения.

гетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2013) // Собрание законодательства РФ. — 30.11.2009. — № 48. — Ст. 5711.

5 СПС Консультант Плюс.

6 Так, согласно ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 25.06.2012, с изм. от 05.03.2013) «Об охране окружающей среды», природные ресурсы — компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность.

7 ГОСТ Р 52104–2003. Национальный стандарт Российской Федерации. Ресурсосбережение. Термины и определения» (утв. Постановлением Госстандарта РФ от 03.07.2003 № 235-ст) (ред. от 30.11.2010) // СПС Консультант Плюс.

В четвертой главе автором характеризуется энергетическое законодательство Российской Федерации: рассматриваются понятие, содержание и особенности энергетического законодательства, излагаются место и роль Энергетической стратегии и других программных документов в системе регулирования отношений в сфере энергетики и раскрывается их правовое значение. Также автором в этой главе сформулированы предложения по совершенствованию энергетического законодательства, предложен Энергетический кодекс РФ, дана характеристика состояния научных исследований и преподавания энергетического права в России и в других странах⁸.

К примеру, первая программа по энергетическому праву в нашей стране была разработана на кафедре предпринимательского права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова⁹. Здесь же создан Научно-образовательный центр (НОЦ) «Энергетика и право». В этом же университете создан межфакультетский Научно-образовательный центр «Поисков, разведки и разработки месторождений углеводородов» — «Нефтегазовый центр МГУ». В МГИМО (У) МИД РФ на протяжении многих лет функционирует Международный институт энергетической политики и дипломатии. В Институте разработана и успешно реализуется магистерская программа «Правовое регулирование международного энергетического сотрудничества». В Российском государственном университете нефти и газа им. И. М. Губкина функционирует Институт горного и энергетического права. Во многих юридических высших учебных заведениях создаются магистерские программы энерго-правового направления.

Ученые-юристы, изучающие энергетическое право, и преподаватели вузов, в программы которых энергетическое право включено в качестве самостоятельного предмета в расписание (учебный план), должны ориентироваться как в общеправовых (общая теория права) вопросах, так и в вопросах регулирования традиционных отраслей права, включающих в предмет своего регулирования энергетические отношения. Об этом убедительно и просто сказал ректор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), в котором, кстати, впервые в российских юридических вузах созданы Институт энергетического права и кафедра энергети-

ческого права, профессор В. В. Блажеев: «Энергетическое право представляет собой комплексное собирательное правовое понятие, включающее группы разноотраслевых правоотношений, возникающих в сфере энергетики. Тем самым в юридическом образовании речь идет о комплексном разноотраслевом подходе к изучению сложных правоотношений, возникающих в энергетическом комплексе... Обязательную часть учебного плана образуют дисциплины, составляющие фундаментальную основу подготовки юристов. Поэтому фундаментальная составляющая остается неизменной. Это не узкий специалист в области энергетического права, а юрист, имеющий солидную базу подготовки, который достаточно мобильный и при необходимости может заниматься другими направлениями в юриспруденции»¹⁰ (с. 39–40). Это напрямую перекликается со словами Президента РФ В. В. Путина, высказанными на заседании Совета при Президенте по науке и образованию 8 декабря 2014 г.: «Важнейшим направлением деятельности академических институтов должны стать междисциплинарные исследования, базисные возможности для этого созданы»¹¹.

Представляется, что это относится не только к академической науке, в том числе и правовой, но и к науке вузовской, и к преподаванию правовых учебных дисциплин.

Проводя четкие грани между такими разносущностными явлениями, как наука (научно-исследовательская деятельность) и учебная дисциплина (вузовская образовательная деятельность), следует, конечно, ни на мгновение не забывать и строжайшим образом учитывать их тесную связь, их взаимовлияние. Если надлежащим образом построенная учебная дисциплина невозможна без твердой опоры на соответствующую науку, то наука, в свою очередь, мало чего стоит, коль скоро не транслирует добытое ею знание обучающимся в доступных им формах; коль скоро она на доступном языке постоянно не информирует общество о своих успехах, трудностях и т. д. Особенно остро важность развития, упрочения всесторонних связей науки (познавательной-исследовательской деятельности) и образования (т. е. деятельности обучающей, дидактической) подчеркивается насущной потребностью нахождения адекватных ответов на становящиеся все более напряженными запросы XXI в.¹²

В современных университетах нет и не должно быть непреодолимой пропасти между научным поиском и лекционными курсами, а следовательно, и между научной и вузовской дисциплинами. Напротив, студенческая аудитория наиболее восприимчива к авторским курсам в том случае, когда автор — ученый, имеющий свою позицию и внесший в науку свою лепту. О том, что вузовское образование без развития науки нежизнеспособно, говорил на X съезде Российского союза ректоров ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова академик РАН В. А. Садовничий.

Энергетическое право воспринимается как комплексная интегрированная из разных традиционных отраслей права совокупность правовых норм, посвященных регулированию энергетических отношений. Взаимосвязь и взаимообусловленность энергетического права с вопросами экономики, экологическими проблемами, а также сильное влияние техники, технологической среды — важнейшие особенности энергетического

8 Roggenkamp M. M., Ronne A. *Energy Law in Europe (National, EU and International Law and Institutions)*. — Oxford: Oxford University Press, 2001; *Energy Law and Policy for the 21 Century*. The Energy Law Group. James E. Hickey, Jr., Suedeen G. Kelly, Marla E. Mansfield, Joseph P. Tomain, Donald N. Zillman. Rocky Mountain Mineral Law Foundation. — Denver, Colorado, 2000; Weaver J. L. *Unitization of Oil and Gas Fields in Texas. A Study of Legislative, Administrative, and Judicial Policies*. — New York: RFF Press. Resources for the Future, 1986, 2011; Smith E. E., Dzienkowski J. S., Anderson O. L., Lowe J. S., Kramer B. M., Weaver J. L. *International Petroleum Transactions*. Third Edition. — Rocky Mountain Mineral Law Foundation, 2010; Lowe J. S. *Oil and Gas Law*, — Thomson West, 2009; Tomain J. P., Cudahy R. D. *Energy law in a nutshell*. 2nd ed. West Publishing, 2011; Hemingway Richard W. *The Law of Oil and Gas*. — 3rd ed. — Hornbook series West Publishing co st. paul, minn, 1993; Mineral Law Institute. Rocky Mountain Mineral Law Foundation Westminster. — Rocky Mountain, Colorado, 2009; О правовых научных юридических исследованиях в Республике Казахстан см.: Сулейменов М. К. Нефтяное законодательство Республики Казахстан // Нефтегаз, Энергетика, Законодательство. — Вып. 3. — 2003–2004. — С. 151–168; Правовой энергетический портрет Республики Казахстан // Специальный выпуск журнала «Энергетическое право». — 2007. — № 2; Правовой энергетический портрет Украины // Энергетическое право. — 2008. — № 2; Правовой энергетический портрет Таджикистана // Энергетическое право. — 2009. — № 2; вышли в свет аналогичные номера журналов, посвященные Азербайджану, Германии, Норвегии, США.

9 См.: Лахно П. Г. Энергетическое право и политика в XXI веке. Программа спецкурса. Нефть, газ и право. — 2001. — № 1.

10 Блажеев В. В. О формировании энергетического права как составной части высшего юридического образования // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Правовое регулирование в сфере электроэнергетики и теплоснабжения». — М., 2013. — С. 7.

11 Заседание Совета по науке и образованию [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/47196/>

12 Выступление Л. С. Мамута на «Круглом столе»: Обсуждение книги «Философия права» (Курс лекций. Учебное пособие: В 2 т. / Отв. ред. М. Н. Марченко. — М., 2011) // Государство и право. — 2011. — № 11. — С. 17.

права. Так, вследствие этого, регулирование осуществляется и публично-правовыми, и частноправовыми методами. Диалектическое взаимодействие названных методов является неотъемлемой чертой энергетического права. Как подчеркивает В. Ф. Яковлев, «...энергетическое право — это что, публичное право? Или это частное право? Да и то, и другое. Поэтому говорить, что здесь сформировалась какая-то единая правовая отрасль, можно, но лишь в определенном смысле, как комплексная отрасль»¹³.

В обоснование своих выводов автор монографии П. Г. Лахно ссылается и на зарубежных авторов, в частности, на одного из авторитетнейших представителей энергетического права Германии и Европейского союза, научного руководителя Masters Program European and International Energy Law Технического университета Берлина (TU Berlin), профессора Ф. Ю. Зеккера, который пишет, что энергетическое право состоит из «чересполосицы» публичного и частного права¹⁴.

В целом автором представлена система энергетического права, раскрыто содержание основополагающих документов.

Со своей стороны отметим, что энергетическое право включено Приказом Минобрнауки РФ в Номенклатуру специальностей научных работников в области юриспруденции — 12.00.07. Корпоративное право; энергетическое право¹⁵.

Исходя из программных документов, можно дополнить, что к мерам и механизмам реализации государственной энергетической политики в Энергетической стратегии отнесены, в частности, повышение государственного участия в освоении новых территорий и акваторий, увеличение государственного финансирования геолого-разведочных работ; совершенствование лицензионной политики, устранение избыточных административных барьеров при проведении геолого-разведочных работ, внедрение принципов сквозного управления месторождениями топливно-энергетических ресурсов на всех стадиях — от поисковых работ до завершения разработки и ликвидации месторождения¹⁶.

Очевидно, что выполнению перечисленных мероприятий должно способствовать дальнейшее развитие российского энергетического законодательства.

Следует отметить, что на сегодняшний день теоретические и практические проблемы, связанные с правовым регулированием отношений в топливно-энергетическом комплексе, недостаточно изучены, пока не сложилась система законодательного обеспечения в сфере использования первичных источников энергии¹⁷. Как видим из вышеприведенных примеров не сложилось терминологическое единство в понимании первичных энергетических ресурсов. До сих пор остаются недостаточно урегулированными специфические отношения в сфере проектирования, строительства, консервации и ликвидации сооружений, связанных с использованием недрами и именуемых в специальной литературе «горным имуществом». Отдельного изучения требуют вопросы землепользования при осуществле-

нии хозяйственной деятельности недропользователями, обеспечения технического регулирования, промышленной и экологической безопасности, налогового регулирования и т. д.

Топливо-энергетический комплекс, во многом в силу объективных причин, остается одним из крупных в промышленности загрязнителей окружающей природной среды. На его долю приходится около 48% выбросов вредных веществ в атмосферу и 27% сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, свыше 30% твердых отходов и 70% общего объема парниковых газов. Поэтому в структуре энергетического законодательства важное значение имеют нормы экологического законодательства и нормы, направленные на обеспечение рационального использования энергетических ресурсов. Целесообразно в целом провести систематизацию нормативных правовых актов, направленных на обеспечение экологической и промышленной безопасности в топливно-энергетическом комплексе, и сформировать систематизированный сборник таких нормативных правовых актов. В определенной мере систематизация законодательства должна способствовать более эффективному решению организационных вопросов по соблюдению соответствующих требований ведения работ на опасных производственных объектах и организации производственного контроля, выполнению мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду.

В целях реализации основных положений Энергетической стратегии со стороны государства, конечно, необходимо обеспечить системное и комплексное правовое регулирование.

В заключении автор формулирует общие выводы по результатам проведенного исследования, дает оценку перспектив дальнейшего развития энергетического законодательства.

В целом рецензируемая монография П. Г. Лахно «Энергетическое право Российской Федерации: становление и развитие» имеет важное значение для целей формирования теоретических представлений об энергетическом праве Российской Федерации в механизме правового регулирования общественных отношений и, безусловно, представляет собой научную и практическую ценность для юристов-практиков, научных работников, аспирантов, преподавателей юридических вузов и студентов, а также для всех интересующихся вопросами правового регулирования энергии во всем обширном значении этого слова.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ (ред. от 25.12.2012, с изм. от 05.04.2013) «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2013) // Собрание законодательства РФ. 30.11.2009. — № 48. — Ст. 5711.
  2. Приказ Минобрнауки РФ от 10 января 2012 г. № 5 «О внесении изменений в Номенклатуру специальностей научных работников, утвержденную Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2012. — № 15.
  3. Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 30.11.2009. — № 48. — Ст. 5836.
  4. ГОСТ Р 52104–2003. Национальный стандарт Российской Федерации. Ресурсосбережение. Термины и определения (утв. Постановлением Госстандарта РФ от 03.07.2003 № 235-ст) (ред. от 30.11.2010) // СПС Консультант Плюс
  5. Блажеев В. В. О формировании энергетического права как составной части высшего юридического образования // Сборник материалов международной научно-практи-
- 13 Яковлев В. Ф. Правовое регулирование топливно-энергетического комплекса в России // Энергетика и право / Под ред. П. Г. Лахно. — Вып. 2. — 2009. — С. 10.
- 14 Зеккер Ф. Ю. Руководящие идеи и источники энергетического хозяйственного права // Энергетика и право / Под ред. П. Г. Лахно. — М., 2008. — С. 234.
- 15 Приказ Минобрнауки РФ от 10 января 2012 г. № 5 «О внесении изменений в Номенклатуру специальностей научных работников, утвержденную Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2012. — № 15.
- 16 Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. — 30.11.2009. — № 48. — Ст. 5836.
- 17 Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования. — М.: Статут, 2012.

- ческой конференции «Правовое регулирование в сфере электроэнергетики и теплоснабжения». — М., 2013.
6. Выступление Л. С. Мамута на «Круглом столе»: Обсуждение книги «Философия права» (Курс лекций. Учебное пособие: В 2 т. / Отв. ред. М. Н. Марченко. — М., 2011 // Государство и право. — 2011. — № 11.
  7. Зеккер Ф. Ю. Руководящие идеи и источники энергетического хозяйственного права // Энергетика и право / Под ред. П. Г. Лахно. — М., 2008.
  8. Лахно П. Г. Энергетическое право и политика в XXI веке. Программа спецкурса. Нефть, газ и право. — 2001. — № 1.
  9. Лахно П. Г. Энергетическое право Российской Федерации: становление и развитие. — М.: Издательство Московского университета, 2014. (Серия «Энергетика и право»).
  10. Правовой режим минеральных ресурсов. Словарь / Под ред. А. А. Арбатова, В. Ж. Аренса, А. Н. Вылегжанина, Л. А. Тропко. — М.: ООО «Геоинформцент», 2002.
  11. Термины и понятия отечественного недропользования (словарь-справочник) / А. И. Кривцов, Б. И. Беневоольский, В. М. Минаков, И. В. Морозов / Под ред. Б. А. Яцкевича». — М.: ЗАО «Геоинформмарк», 2000.
  12. Яковлев В. Ф. Правовое регулирование топливно-энергетического комплекса в России // Энергетика и право / Под ред. П. Г. Лахно. Вып. 2. — 2009.
  13. Яковлев В. Ф. Правовое государство: вопросы формирования. — М.: Статут, 2012.

БОНДАРЕНКО ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ

доктор философских наук, профессор. Опубликовал более восьмидесяти научно-философских произведений, а также девятнадцать поэтических сборников. Печатался в республиканской прессе, в литературно-художественных журналах и альманахах: «От Невы до Ангары» (Санкт-Петербург, 2003); «От Невы до Камчатки» (Санкт-Петербург, 2004); «Русское слово» (Санкт-Петербург, 2003 – 2013); «Невский альманах. КП» (Санкт-Петербург, 2010); «Сфинкс. Выпуск XX» (Санкт-Петербург, 2010); «Рог Борей» (Санкт-Петербург, 2010; 2012). Публиковался в антологии современной петербургской поэзии «Поэтический форум» (Санкт-Петербург, 2012. – Т. 2). В стихах, поэмах и поэтических сказках В.Н. Бондаренко главное внимание уделяется переживанию и осмыслению красоты природной, социальной и космической, положению и роли человека в современном мире, его взаимодействию с Богом, соотношению рационализма и иррационализма в поэтической и философской мысли.

ВИКТОР БОНДАРЕНКО

МАТЬ ВСЕХ ЖЕНЩИН

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1–132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 10 pt шрифт Palatino Linotype через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора 10 pt полужирным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Palatino Linotype 10 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Palatino Linotype через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (< в угловых скобках >), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Palatino Linotype 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG) или TIFF.
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

АВХАДЕЕВ Владислав Рамилевич — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела международного публичного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

АЗНАГУЛОВА Гузель Мухаметовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства Института права Башкирского государственного университета

АЙВАЗЯН Вардан Норикович — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права юридического факультета Ереванского государственного университета

АЛЬМУХАМЕТОВ Азат Ахатович — кандидат технических наук, декан Факультета заочного обучения Уфимского государственного нефтяного технического университета.

БАБИЧЕВ Арсений Георгиевич — кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета.

БЕЗНОСОВА Яна Викторовна — аспирантка кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

БИРДЖОМАНДИ Хасан — аспирант кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

БИКМАМЕТОВА Регина Расимовна — аспирант кафедры международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

БИСУЛТАНОВ Асланбек Камаудиевич — аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

БОКЛАН Дарья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Всероссийской Академии внешней торговли.

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

БУТЕРА Владислав Евгеньевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ВИЛЬДАНОВА Венера Фидарисовна — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики и статистики Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

ВИННИКОВА Ирина Владимировна — аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

ВОЛКОВ Алексей Алексеевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета.

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадатович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Марийского государственного университета.

ГАРЕЕВА Земфира Анисовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ГИЛАЗЕВА Диана Рашитовна — аспирант кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета.

ГОИБОВА Мехрангез Амонудоевна — аспирант Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан им. А. М. Баховаддинова.

ГУСЕЙНОВ Октай Рамазанович — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

ДАВЫДОВА Ирина Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

ДЕМЕНИШИН Андрей Витальевич — аспирант кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского Федерального Университета.

ЖУДРО Иван Сергеевич — Заслуженный юрист Российской Федерации, член Научно-экспертного совета Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации.

ЗАГЛЯДИНА Ольга Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики и статистики Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

ЗАЙЦЕВ Алексей Геннадиевич — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета.

ЗВЕРЕВ Андрей Владимирович — старший преподаватель кафедры административного и финансового права Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

ИВАНОВ Эдуард Александрович — доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, заместитель декана факультета права, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ИГБАЕВА Гузель Римовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России.

ИКСАНОВ Тимур Альбертович — Руководитель группы контроля контрактования и соблюдения процедур ООО «РН-УфаНИПИнефть».

ИСХАКОВА Гузель Ильдусовна — кандидат философских наук, заместитель декана Факультета заочного обучения Уфимского государственного нефтяного технического университета.

КАДЫРОВА Гузель Фанильевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии Уфимского Государственного Нефтяного Технического Университета, г. Уфа.

КАДЫШЕВА Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

КАЗАЧКОВСКАЯ Надежда Александровна — магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета.

КИЧА Мария Вячеславовна — преподаватель кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия.

КЛЁМИН Андрей Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Института экономики управления и права.

КЛЯВЛИНА Яна Марсовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета.

КЛЯЧИН Вячеслав Матвеевич — кандидат технических наук, доцент Обнинского филиала Российского нового университета (НОУ ВПО РосНОУ Обнинский филиал).

КОРОБОВА Ирина Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

КРОТОВ Андрей Владиславович — кандидат юридических наук, докторант Южного Федерального университета.

КУРЗЕНИН Эдуард Борисович — кандидат юридических наук, доцент института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

КУХТИН Геннадий Витальевич — первый заместитель председателя Международного общественного движения «Российская служба мира», ветеран государственной службы.

ЛУКЪЯНЕНКО Владимир Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Ульяновского филиала Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова.

ЛЯДОВ Эдуард Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

МАЖД Хаддад — юрист, магистр в области банковского права и управления финансовыми рынками университета Дамаска, аспирант Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

МАМАКИНА Владислава Михайловна — соискатель Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, ассистент кафедры Уголовного права и криминологии Юридического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова.

МАНИН Сергей Николаевич — преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета, стажер кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов на соискании ученой степени кандидата юридических наук.

МАРТЫНЕНКО Евгений Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

НАГИЕВ Гаджирагим Гаджикерим оглы — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина.

НЕГАНОВ Фаниль Мидхатович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Уфимского государственного авиационного технического университета.

НЕМАТОВ Акмал Рауфджанович — доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан им. А. М. Баховаддинова.

ОСТРОУМОВ Николай Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

ОСТРОУМОВ Сергей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

ПОСУЛИХИНА Наталья Семеновна — аспирант кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

РАХМАТУЛАЕВ Аблимит Абдурашитович — соискатель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина.

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

РУДНЕВА Юлия Ринатовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета.

САЛИЕВА Роза Наильевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая лабораторией правовых проблем недропользования и экологии Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан.

СЕНАТОВА Екатерина Васильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

СОФРОНОВА Татьяна Валерьевна — аспирант кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, юрисконсульт муниципального казенного учреждения «Управление по организации работы объектов мелкорозничной сети города Нижнего Новгорода».

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета.

ТЕПЛЯКОВА Анна Владимировна — старший преподаватель кафедры теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета.

ТИМОФЕЕВ Евгений Александрович — Начальник юридического отдела ООО «Торговая Компания «КОММАШ-ГРАЗ»».

ТРЕТЬЯКОВ Константин Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета.

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович — доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права (сектор международно-правовых исследований) Российской академии наук, главный редактор «Евразийского юридического журнала».

ФАТКУДИНОВ Зефар Максимович — доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан.

ФИЛИППОВ Роман Андреевич — капитан внутренней службы, преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

ФИРСОВА Ольга Николаевна — доцент кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета.

ХАЗИЕВ Зия Анварович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уфимского государственного авиационного технического университета.

ХАЙРУЛЛИН Виталий Агзамович — старший преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ХАЙРУЛЛИНА Нурсафа Гафуровна — доктор социологических наук, профессор кафедры социальных наук Тюменского государственного нефтегазового университета.

ХАЧАТРИАН Олеся Александровна — старший преподаватель кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета.

ХУСАИНОВА Мария Викторовна — аспирант кафедры теории и истории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

ШАКИРОВ Ильгам Явитович — аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета.

ШАКИРОВА Зульфия Римовна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института Министерства внутренних дел России.

ШАКИРОВА Эльвира Венеровна — кандидат политических наук, доцент кафедры «Нефтегазовое дело» Иркутского государственного технического университета.

ШАХБАНОВА Хадиджат Магомедовна — старший преподаватель кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ШУВАНОВ Станислав Александрович — председатель Международного общественного движения «Российская служба мира», ветеран дипломатической службы.

ALMUHAMETOV Azat Ahatovich — Dr (candidate) of Technical sciences, Dean of the Faculty of Distance Learning of the Ufa State Petroleum Technical University.

AYVAZYAN Vardan Norikovich — Dr (candidate) of Law, associate professor of Constitutional Law sub-faculty of the Law Institute of the Yerevan State University.

AVKHADEYEV Vladislav Ramilevich — Dr (Candidate) of Law, associate professor, senior researcher of the International Public Law branch within the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

AZNAGULOVA Guzel Muhametovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Bashkir State University.

BABICHEV Arseniy Georgievich — Dr (candidate) of Law, doctoral student of Criminal Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University.

BEZNOSOVA Yana Viktorovna — postgraduate student of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University.

BIARJOMANDI Hasan — postgraduate student of International Law sub-faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

BIKMAMETOVA Regina Rasimovna — postgraduate student of International Law sub-faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University.

BISULTANOV Aslanbek Kamaudievich — postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

BOKLAN Daria Sergeevna — Dr (candidate) of Law, associate professor of International Law sub-faculty of Russian Academy for Foreign Trade.

BONDARENKO Victor Nikolaevich — Dr of Philosophy, professor of Philosophy, Sociology and Political science sub-faculty of the M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University.

BUGERA Vladislav Evgenjevich — Dr of Philosophy, professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University.

DAVYDOVA Irina Alexandrovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Penal Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

DEMENISHIN Andrey Vitalievich — postgraduate student of Theory of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University.

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich — Dr of Law, leading researcher of the Institute of State and Law (sector of international legal studies) of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the «Eurasian Law Journal».

FATKHUDINOV Zefer Maksimovich — Dr of Law, professor, senior researcher of the Institute of Ecological Problems and Subsoil Use of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

FILIPPOV Roman Andreevich — the captain of internal service, lecturer of Penal Law sub-faculty of the Law faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

FIRSOVA Olga Nikolaevna — associate professor of Applied Economic Disciplines sub-faculty of the Orel State University.

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich — Dr (candidate) of Law, associate professor of Criminal Law and Process sub-faculty of the Mari State University.

GAREEVA Zemfira Anisovna — Dr (candidate) of Economical sciences, associate professor of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

GILYAZEVA Diana Rashitovna — postgraduate student of the International and European Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University.

GOIBOVA Mehrangez Amonulloevna — postgraduate student of the A. M. Bahovaddinov Institute of the Philosophy, Politology and Law under the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

HUSEYNOV Oktay Ramazanovich — Dr (candidate) of Law, associate professor of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

IGBAEVA Guzel Rimovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Civil disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

ISKHAKOVA Guzel Ildusovna — Dr (candidate) of philosophical sciences, Deputy Dean of the Faculty of distance learning of the Ufa State Petroleum Technical University.

IVANOV Eduard Alexandrovich — Dr of Law, professor of International Law sub-faculty, Deputy Dean of the Faculty of Law of the National Research University «Higher School of Economics».

IXANOV Timur Albertovich — The head of the Contracting and compliance procedures monitoring group of the «RN-UfaNIPIneft LLC».

KADYROVA Guzel Fanilevna — Dr (candidate) of sociological sciences, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

KADYSHEVA Olga Vladimirovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of International Law sub-faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University.

KAZACHKOVSKAYA Nadezda Alexandrovna — graduate student of the Ufa State Petroleum Technical University.

KHACHATRYAN Olesya Aleksandrovna — senior lecturer of Applied Economic Disciplines sub-faculty of the Orel State University.

KHAIRULLINA Nursafa Gafurovna — Dr (Candidate) of Sociological sciences, professor of Social Sciences sub-faculty of the Tyumen State Oil and Gas University.

KHAYRULLIN Vitaliy Agzamovich — senior lecturer of Economics and Management of Oil and Gas Industry Enterprise sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

KHAZIEV Ziya Anavarovich — Dr (candidate) of Philosophical sciences, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Aviation Technical University.

KHUSAINOVA Marija Viktorovna — postgraduate student of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir state University.

KICHA Marija Vyacheslavovna – lecturer of Theory and History of Law and State of the Rostov branch of the Russian University of Justice.

KLEMEN Andrey Vladimirovich – Dr of Law, professor, Head of International and European Law sub-faculty of the Institute of Economics Management and Law.

KLYACHIN Vyacheslav Matveevich – Dr (candidate) of engineering, associate professor of Obninsk branch of Russian New University.

KLYAVLINA Yana Marsovna – Dr (Candidate) of Economical sciences, associate professor of Economics and Management of Oil and Gas Industry Enterprise sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

KOROBOVA Irina Nikolaevna – Dr (candidate) of Law, associate professor of Penal Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

KROTOV Andrey Vladimirovich – Dr (Candidate) of Law, doctoral student of the Southern Federal University.

KUKHTIN Gennady Vitalevich – First Deputy Chairman of the International Public Movement «Russian Peace Service», a veteran of the civil service.

KURZENIN Eduard Borisovich – Dr (candidate) of Law, associate professor of Institute of Business Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation.

LUKYANENKO Vladimir Evgenjevich – Dr of Law, professor of State and Legal Disciplines of the Ulyanovsk branch of the Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation, professor of Civil Law and Process sub-faculty of the Law faculty of the I. N. Ulyanov Ulyanovsk state pedagogical University.

LYADOV Eduard Vladimirovich – Dr (candidate) of Law, associate professor, professor of Penal Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

MAJD Haddad – lawyer, master in Banking Law and governance of financial markets, Damascus University, postgraduate student of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

MAMAKINA Vladislava Mihailovna – competitor of the P. G. Demidov Yaroslavl State University, assistant of Criminal Law and Criminology sub-faculty of the Law faculty of the I. N. Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University.

MANIN Sergey Nikolaevich – lecturer of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Kazakh Humanitarian Law Innovative University, intern of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia on competition of a scientific degree of candidate of Law.

MARTYNENKO Evgeniy Vladimirovich – Dr (candidate) of Law, associate professor of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

NAGIEV Gadziragim Gadzikerim ogly – Dr (candidate) of Historical sciences, associate professor of Philosophy and the Social Sciences and Humanities sub-faculty of the K. I. Skryabin Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology.

NEGANOV Fanil Midhatovich – Dr of Philosophical sciences, professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Aviation Technical University.

NEMATOV Akmal Raufdganovich – Dr of Law, associate professor, Head of Theoretical Problems of Contemporary State and Law sub-faculty of the A. M. Bahovaddinov Institute of the Philosophy, Politology and Law under the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

OSTROUMOV Nikolay Vladimirovich – Dr (candidate) of Law, associate professor of Civil Law and Process sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University.

OSTROUMOV Sergey Vladimirovich – Dr (candidate) of Law, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University.

POSULIKHINA Natalia Semenovna – postgraduate student of Administrative Law and Process sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

RAKHMATULAYEV Ablimit Abdurashitovich – competitor of Criminal Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna – Dr of Law, professor, Head of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University.

RUDNEVA Yulija Rinatovna – Dr (candidate) of Law, associate professor of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

SALIEVA Roza Nailjevna – Dr of law, professor, Head of the laboratory for legal problems of regulating relations in the sphere of subsoil use and ecology of the Institute of Ecological Problems and Subsoil Use of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

SENATOVA Yekaterina Vasiljevna – Dr (Candidate) of Law, associate professor of Administrative and Financial Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

SHAKHBANOVA Khadzhat Magomedovna – senior lecturer of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

SHAKIROV Ilgam Yavitovich – postgraduate student of the Kazan (Privolzhie) Federal University.

SHAKIROVA Elvira Venerovna – Dr (candidate) of Political Sciences, associate professor of «Oil and gas business» Irkutsk state technical University.

SHAKIROVA Zulfiya Rimovna – Dr (candidate) of Law, senior lecturer of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

SHUVANOV Stanislav Alexandrovich – President of the International Social Movement «Russian Peace Service», a veteran of the diplomatic service.

SOFRONOVA Tatjana Valerjevna – postgraduate student of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University, counsel of municipal state institution «Management of organization of work of small retail network of the city of Nizhniy Novgorod».

TAKMAKOVA Elena Valerjevna – Dr (Candidate) of Economical Sciences, associate professor of Applied Economic Disciplines sub-faculty of the Orel State University.

TEPLYAKOVA Anna Vladimirovna – senior lecturer of Theory of State and Law sub-faculty of the Faculty of Law of the Siberian Federal University.

TIMOFEEV Evgeniy Alexandrovich — Head of Legal Department of Trading Company «KOMMASH-GRAZ» LLC.

TRETYAKOV Konstantin Viktorovich — Dr (Candidate) of Law, associate professor of Humanitarian and Social-Economic Disciplines sub-faculty of the Syzran branch of Samara State University of Economics.

VILDANOVA Venera Fidarisovna — Dr (Candidate) of physico-mathematical sciences, associate professor of mathematics and statistics sub-faculty of the M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University.

VINNIKOVA Irina Vladimirovna — postgraduate student of Financial Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

VOLKOV Alexey Alexeevich — Dr (Candidate) of Economical Sciences, associate professor of Applied Economic Disciplines sub-faculty of the Orel State University.

ZAGLYADINA Olga Nikolaevna — Dr (Candidate) of pedagogical sciences, associate professor of Mathematics and Statistics sub-faculty of the M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University.

ZAITSEV Alexey Gennadjevich — Dr (Candidate) of Economical Sciences, associate professor, Head of Management and Marketing sub-faculty of the Orel State University.

ZHUDRO Ivan Sergeyeovich — Honored Lawyer of the Russian Federation, member of the expert council of the Marine Board of the Government of the Russian Federation.

ZVEREV Andrey Vladimirovich — senior lecturer of Administrative and Financial Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

МЕЖДУНАРОДНОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО

*Под редакцией
профессора Г.П. Жукова,
профессора А.Х. Абашидзе*

Москва
Российский университет
дружбы народов
2014